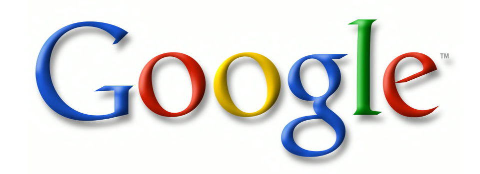

Tikhonravov, N. S.

ЛѢТОПИСИ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

И

ДРЕВНОСТИ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

НИКОЛАЕМЪ ТИХОНРАВОВЫМЪ.

ТОМЪ I.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГРАЧЕВА И КОМП.

1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, апрѣля 20 дня 1859 года.

Ценсоръ *А. Драшусовъ*

I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

РУССКАЯ ПОЭЗІЯ XI И НАЧАЛА XII ВѢКА.

Критическая разработка драгоцѣнныхъ памятниковъ нашей поэзіи, рукописныхъ и изустныхъ, безъ сомнѣнія пополнитъ со временемъ существенный пробѣлъ въ исторіи древне-русской словесности, которую доселѣ ограничивали почти одною прозою. Даже то немногое, чѣмъ наука воспользовалась для исторіи русской поэзіи, требуетъ осмотрительной повѣрки и болѣе обстоятельнаго изслѣдованія. Молодость и незрѣлость историческаго изученія нашей древней поэзіи лучше всего доказывается тѣмъ, что, не смотря на множество разныхъ изслѣдованій и замѣчаній о «Словѣ о полку игоревѣ», до сихъ поръ исторія литературы не воспользовалась, какъ слѣдуетъ, точными указаніями этого знаменитаго памятника для исторіи русской поэзіи XI и начала XII вѣка.

Историко-филологическое изученіе поэтическихъ преданій въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ и позднѣйшихъ хроникахъ, конечно, дастъ не мало матеріаловъ для опредѣленія русскаго эпоса XI вѣка; но мнѣ кажется, что, въ настоящее время, пока еще не приведенъ въ исполненіе и даже не предпринятъ этотъ многосложный трудъ, требующій разнообразныхъ сравнительныхъ изысканій, всего легче подойти къ поэзіи этого отдаленнаго вѣка по яснымъ, драгоцѣннымъ для исторіи нашей литературы, свидѣтельствамъ «Слова о полку игоревѣ.»

Безъименный авторъ этого произведенія не только замѣча-

тельный поэтъ, но и добросовѣстный историкъ, правдивость котораго вполнѣ доказана издателями его «Слова» на сличеніи историческихъ подробностей, имъ сообщенныхъ, съ свидѣтельствами лѣтописи. На этомъ основаніи мы имѣемъ право, даже мы обязаны вѣрить въ историческую истину того, что говоритъ намъ этотъ во всѣхъ отношеніяхъ достовѣрный авторъ о древнѣйшей русской поэзіи, *о старыхъ словесахъ и замышленіи Бояна*.

Правда, что изучавшіе «Слово о полку игоревѣ» давно уже обратили вниманіе на этотъ важный предметъ, составляющій существенную часть всего произведенія; но до сихъ поръ никто еще не рѣшился извлечь изъ «Слова», какъ изъ свидѣтельства позднѣйшаго, все то, что принадлежитъ въ исторіи нашей поэзіи къ древнѣйшей эпохѣ, и изъ этого древнѣйшаго никто не рѣшился составить самостоятельное цѣлое, независимое отъ позднѣйшаго содержанія, обработаннаго безъименнымъ авторомъ. Недостатокъ строгой историко-филологической критики, доведенной до такихъ блистательныхъ результатовъ братьями Гриммами въ разработкѣ народной поэзіи, былъ главною тому причиною, не смотря на попытки нѣкоторыхъ нашихъ ученыхъ объяснить себѣ значеніе Бояна въ «Словѣ о полку игоревѣ».

Рѣшеніе этого вопроса, кажется, не далеко двинулось впередъ съ 1846 года, когда г. Шевыревъ во 2-мъ выпускѣ своей «Исторіи русской словесности» помѣстилъ лекцію о «Словѣ о полку игоревѣ».

Отдавая полную справедливость почтенному автору въ объясненіи исторической части «Слова», не можемъ признать столько же удовлетворительнымъ то, что говоритъ онъ о части собственно поэтической. Миѳологія, на которой зиждется весь древнѣйшій періодъ народной поэзіи, и слѣды которой такъ явственны въ «Словѣ», вовсе не объяснена нашимъ историкомъ, и не приведена въ органическую связь съ поэтическимъ міромъ старыхъ словесъ и замышленій Бояна. Вслѣдствіе того наша древняя историческая поэзія представилась оторванною отъ ея героической и миѳической основы, между тѣмъ какъ самое «Слово» почти на каждой страницѣ напоминаетъ о живой, родственной связи съ этою древнѣйшею осно-

вою. По той же причинѣ нарушена органическая связь между содержаніемъ и художественною формою, которая своими эпическими выраженіями не только составляетъ внѣшнее украшеніе рѣчи, но и по преимуществу мелкими подробностями восполняетъ и завершаетъ поэтическое представленіе, воспроизводимое содержаніемъ. Изучавшимъ изслѣдованія Я. Гримма вполнѣ понятно, сколько глубины мысли и вѣрованья, сколько жизненности народнаго быта заключается иногда въ краткомъ сравненіи, даже въ одномъ эпитетѣ, которымъ народный пѣвецъ опредѣляетъ предметъ рѣчи. Въ нашей литературѣ нѣтъ ни одного памятника, къ которому можно бы было съ такою пользою примѣнить эту плодотворную гриммовскую методу, какъ наше драгоцѣнное «Слово».

Впрочемъ, оставивъ общія разсужденія, обратимся къ поэзіи Бояна. Начнемъ съ того, на чемъ остановилась исторія русской литературы. Г. Шевыревъ говоритъ слѣдующее: «Все, что̀ вѣрнаго можно извлечь о Боянѣ, заключается въ томъ, что это былъ пѣвецъ русскій, жившій во второй половинѣ XI столѣтія или въ началѣ XII, что онъ прекрасно сознавалъ свое поэтическое назначеніе, что онъ былъ пѣвцомъ независимымъ, добровольно пѣлъ пѣсни въ честь князей, не подвергая своего вдохновенія произволу жребія, что онъ слагалъ эти пѣсни устно, а не предавалъ ихъ письму, сочинялъ смѣлыя припѣвки на князей и не любилъ пѣвца Олега Святославича.» (стр. 283.)

Въ этой характеристикѣ останавливаютъ на себѣ вниманіе двѣ подробности: первая, что Боянъ не подвергалъ своего вдохновенія произволу жребія, и вторая, что онъ не любилъ пѣвца Олега Святославича. Разборъ этихъ подробностей, какъ увидимъ, въ высшей степени важенъ для опредѣленія нашей поэзіи конца XI или начала XII вѣка.

Первую обстоятельно объясняетъ г. Шевыревъ въ слѣдующихъ словахъ: «Въ другомъ мѣстѣ говорится, что онъ (т. е. Боянъ) помнилъ рѣчь первыхъ временъ усобицы; что *тогда былъ обычай пускать десять соколовъ на стадо лебедей: чей долеталъ прежде, тому и пѣсню прежде пѣли*. Но видно, что *это былъ обычай пѣвцовъ, предшествовавшихъ Бояну*, потому что онъ самъ уже не пускалъ десяти соколовъ

на стадо лебедей, *не по жребію пѣлъ*, а возлагалъ вѣщіе персты на струны, и онѣ сами рокотали славу князьямъ. Ясно по смыслу «Слова», что этотъ обычай пускать соколовъ на лебедей и такимъ жеребьемъ рѣшать, въ чью славу должна быть пѣта первая пѣсня, относится къ первымъ временамъ междоусобій. Боянъ его помнилъ; но ему уже не слѣдовалъ, а самъ по волѣ своей воспѣвалъ князей, кого хотѣлъ» (стр. 282). Вотъ изъ самаго «Слова» въ подлинникѣ то мѣсто, изъ котораго извлечена эта странная характеристика и Бояна, и какихъ-то другихъ пѣвцовъ: «*помняшеть* бо речь първыхъ временъ усобіцѣ; тогда *пущашеть* 10 соколовь на стадо лебедей, который дотечаше, та преди пѣсь пояше, старому Ярослову, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы Касожьскыми, красному Романови Святъславличю. Боянъ же, братіе, не 10 соколовь на стадо лебедѣй пущаше, нъ своя вѣщіа пръсты на живыя струны въскладаше; они же сами княземъ славу рокотаху.» Изъ подлинника ясно, что *не было обычая пѣвцовъ, предшествовавшихъ Бояну, пускать десять соколовъ на стадо лебедей*, но что именно *самъ Боянъ пускалъ* этихъ соколовъ. Два глагола преходящаго времени *помняшеть* и *пущашеть* очевидно относятся къ одному и тому же подлежащему, къ Бояну. А эти соколы не что иное, какъ вѣщіе персты Бояна, о которыхъ и говорится далѣе. Потому то число соколовъ и равняется числу пальцевъ. Все это мѣсто есть не что иное, какъ распространенное отрицательное уподобленіе, столь обыкновенное въ русской народной поэзіи. Итакъ, не было у насъ страннаго обычая жеребьемъ соколовъ рѣшать, кого воспѣвать, не было стихотворныхъ турнировъ, состязанія въ піитической наукѣ, и не кто другой, а тотъ же Боянъ воспѣвалъ Ярослава, Мстислава и Романа.

Еще страннѣе другая подробность. Г. Шевыревъ такъ объясняетъ ее: «Еще сказано о Боянѣ, что *онъ ходилъ на святославова пѣснотворца* стараго времени, ярославова и ольгова, и сказалъ слово *противъ него*. Видно, что *онъ былъ противникомъ* этого пѣснотворца, и авторъ «Слова» ему сочувствуетъ: это понятно, потому что пѣвецъ славилъ олегово время, которое возбуждало негодованіе въ авторѣ, какъ время разгара самыхъ страшныхъ междоусобій.» (стр. 262.)

Это обвиненіе нашихъ поэтовъ XI вѣка въ какихъ-то политико-литературныхъ распряхъ, болѣе приличныхъ нашему журнальному вѣку, извлечено изъ слѣдующаго мѣста, самаго темнаго во всемъ «Словѣ,» такъ что г. Максимовичъ, какъ говоритъ самъ г. Шевыревъ въ примѣч. 26-мъ, даже выкинулъ его изъ своего изданія: «рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣстворца стараго времени Ярославля Ольгова Коганя хоти: тяжко ти головы, кромѣ плечю; зло ти тѣлу, кромѣ головы.» Откуда же видно, чтобъ *Боянъ былъ противникомъ святославова пѣвца?* Въ этомъ темномъ мѣстѣ нѣтъ на то ни малѣйшаго намека. Мы даже думаетъ, что мнѣніе г. Шевырева есть не что иное, какъ неудачное, противное исторической критикѣ перенесеніе современныхъ намъ понятій о журнальныхъ антипатіяхъ въ отдаленные вѣка нашей древней простодушной Руси. Итакъ, на основаніи необъяснимой, вѣроятно ошибочной фразы, лучше удержимся отъ клеветы на доброе старое время. Одно только, кажется, можно извлечь изъ этого темнаго мѣста, что подъ пѣснотворцемъ святославовымъ разумѣется тотъ же Боянъ *)

Возстановляя литературныя права Бояна и очищая память о немъ отъ странныхъ догадокъ, мы вовсе не думаемъ поэтическую дѣятельность XI вѣка и начала XII ограничить одною его личностью. Такой знаменитый пѣвецъ, какъ Боянъ, безъ сомнѣнія, могъ процвѣтать только въ такое время, обильное поэтическимъ творчествомъ, когда народныя сказанія были широко распространены въ устахъ народныхъ пѣвцовъ. Но какъ мы привыкли приписывать Киршѣ Данилову многія народныя пѣсни, конечно, не имъ сложенныя; такъ и для автора «Слова о полку игоревѣ» знаменитое имя Бояна покрывало собою цѣлую толпу неизвѣстныхъ пѣвцовъ.

Предлагаемый здѣсь любителямъ русской старины краткій опытъ о поэзіи Бояновой, можетъ-быть, со временемъ полнѣе опредѣлится въ своемъ объемѣ и содержаніи. Можетъ-быть, кое что въ моемъ опытѣ не выдержитъ строгой крити-

---

*) Особенно пріятно засвидѣтельствовать мнѣ, что того же мнѣнія о пѣснотворцѣ святославовомъ держится и г. Максимовичъ, отъ котораго я имѣлъ честь это слышать лично.

ки, но во всякомъ случаѣ нельзя отказать исторіи русской литературы въ настоятельной потребности воспользоваться «Словомъ о полку игоревѣ» для возсозданія полной характеристики нашей поэзіи XI и начала XII вѣка.

Важнѣйшій фактъ, извлекаемый изъ «Слова о п. и.» для исторіи русской поэзіи XI вѣка, есть тотъ, что поэзія эта, вышедши изъ своихъ первобытныхъ миѳическихъ основъ, явственно носитъ на себѣ характеръ уже *историческій*. Русскій эпосъ XI вѣка уже эпосъ историческій. Въ поэтическихъ интересахъ вдохновенныхъ пѣвцовъ, герои-полубоги со всею своею чудесною, миѳическою обстановкою, уступили мѣсто лицамъ историческимъ, именно князьямъ русскимъ съ ихъ усобицами. Боянъ помнилъ уже усобицы первыхъ временъ: «помняшеть бо рѣчь първыхъ временъ усобицѣ»; и воспѣвалъ стараго Ярослава, храбраго Мстислава, краснаго Романа, Олега Святославича и Святослава Ярославича, а также и особенно — Всеслава полоцкаго.

Это главныя историческія лица, воспѣтыя знаменитымъ русскимъ поэтомъ XI вѣка. Хронологіею этихъ князей опредѣляется и эпоха пѣвца.

Мстиславъ + 1033.
Ярославъ + 1054.
Святославъ + 1076.
Романъ + 1079.
Всеславъ + 1101.
Олегъ + 1115.

Боянъ былъ *пѣснотворецъ святославовъ*, и воспѣвалъ подвиги сыновей святославовыхъ, Романа и Олега, князей тмутороканскихъ. Романа онъ называлъ *Краснымъ*, а Олега не Святославичемъ, а *Гориславичемъ*. «Тогда при Олзѣ Гориславличи — такъ онъ говорилъ — сѣяшется и растяшеть усобицами; погибашеть жизнь Даждь-Божа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомъ скратишась.» Еще припѣв-

кою говорилъ Боянъ то же, вѣроятно, объ Олегѣ: «тяжко ти головы, кромѣ плечю: зло ти тѣлу, кромѣ головы.»

Кромѣ этихъ двухъ тмутороканскихъ князей, онъ воспѣвалъ еще третьяго, знаменитаго Мстислава, «иже зарѣза Редедю предъ пълкы Касожьскыми.» Итакъ, по свидѣтельству «Слова», именно этотъ знаменитый подвигъ Мстислава, между другими, былъ воспѣтъ нашимъ пѣвцомъ. По Нестору: «бѣ бо великъ и силенъ Редедя,» то есть великанъ, какими обыкновенно представляются въ народномъ эпосѣ страшные враги.

Связь Бояна съ князьями тмутороканскими и черниговскими, вѣроятно, заслуживаетъ нѣкотораго вниманія.

Прежде нежели будемъ продолжать о собственно исторической поэзіи Бояна, почитаемъ необходимымъ предварительно опредѣлить отношеніе нашего историческаго эпоса XI вѣка къ древнѣйшему эпосу миѳологическому: потому что, не смотря на желаніе пѣвца ограничиться историческими данными, не могъ онъ по самому существу народной поэзіи отрѣшить свою фантазію отъ миѳическихъ представленій.

Всѣ миѳическіе намеки въ «Словѣ о п. и.», безъ всякаго сомнѣнія, относятся къ древнѣйшимъ народнымъ преданіямъ, *къ старымъ словесамъ*, представителемъ которыхъ для нашего автора былъ Боянъ съ своими замышленіями. Авторъ «Слова» не могъ выдумать миѳологическихъ представленій, потому что такія вещи не выдумываются отдѣльнымъ лицомъ; къ тому же, какъ христіанинъ, онъ не могъ бы съ полнымъ сознаніемъ сложить эти представленія въ свою собственную фразу. Нѣтъ, эти миѳическіе намеки, очевидно, отдѣльныя выраженія, потерявшія уже свой полный смыслъ, миѳологическіе архаизмы, заимствованные авторомъ изъ старыхъ словесъ, изъ замышленія Боянова.

Самые очевидные миѳологическіе слѣды *старыхъ словесъ* мы видимъ въ бѣглыхъ намекахъ на языческія божества. А именно:

1) «Се вѣтри, *Стрибожи* внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами» — эту фразу авторъ «Слова» уже примѣнилъ къ полкамъ игоревымъ: стрибоговы внуки вѣютъ стрѣлами *на полки игоревы*.

2) При Олегѣ Гориславичѣ «погибашеть жизнь *Даждь-Божа* внука.» Такимъ образомъ при имени князя, воспѣтаго Бояномъ, встрѣчается и миѳическій намекъ, безъ сомнѣнія, этому же пѣвцу принадлежащій.

3) «Въстала обида въ силахъ *Дажь-Божа* внука. Вступилъ *) дѣвою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крылы на синѣмъ море у Дону плещучи, убуди жирня времена.» Здѣсь три намека равно указываютъ на замышленіе прежнихъ временъ: о Дажьбогѣ, Троянѣ и Дѣвѣ съ лебедиными крыльями, на синемъ морѣ.

4) Всеславъ полоцкій «великому *Хръсови* влъкомъ путь прерыскаше.» Въ послѣдствіи мы увидимъ ясное свидѣтельство «Слова о полку иг.», что именно Боянъ воспѣвалъ Всеслава: и вотъ вмѣстѣ съ замышленіемъ Бояна еще намекъ на бога Хорса. Сверхъ того самъ Всеславъ при этомъ намекѣ является оборотнемъ-волкомъ или волкодлакомъ. Сверхъ того имя Всеслава сопостановлено съ другимъ лицомъ замышленія боянова, съ Трояномъ: «на седьмомъ вѣцѣ *Трояни* връже *Всеславъ* жребій о дѣвицю себѣ любу».

5) Наконецъ самъ Боянъ называется внукомъ бога *Велеса* или *Волоса:* «вѣщей Бояне, *Велесовь внуче!*» Такъ обращается къ знаменитому пѣвцу авторъ «Слова», безъ сомнѣнія, пользуясь стариннымъ обычнымъ выраженіемъ.

Изъ приведенныхъ мѣстъ явствуетъ, что миѳическія и героическія основы русской поэзіи еще были свѣжи въ памяти Бояна, когда онъ предавался замышленію эпоса, уже историческаго. Какъ стихіи и явленія природы, такъ и самъ человѣкъ, по старымъ словесамъ, разумѣлся происходящимъ отъ языческихъ боговъ. Вѣтры — внуки Стрибога, вѣщій пѣвецъ —внукъ Велеса; подъ внукомъ Дажь-бога обыкновенно разумѣютъ Русь или русскихъ вообще. но судя по опредѣлительности эпическихъ формъ слѣдовало бы ожидать не мужескій родъ *внукъ*, а женскій *внука*, еслибы разумѣлась *Русь*, или же множ. число *внуци*, еслибы разумѣлись *русскіе*.

*) Читай: *вступила*. Въ рукописи, вѣроятно, было подъ титломъ, то-есть: *вступи* съ *л* надъ строкою.

Гораздо вѣроятнѣе подъ дажь-божимъ внукомъ разумѣть князя вообще и въ особенности какого-либо извѣстнаго русскаго князя. Если пѣвецъ стоитъ въ родственной связи съ божествомъ, то и тѣмъ болѣе князь, родоначальникъ своего рода-племени и предводитель дружины.

Итакъ въ эпоху историческихъ замышленій Бояна дѣйствительность представлялась еще въ таинственномъ соотношеніи съ міромъ миѳологическимъ. Отношеніе ея опредѣлялось идеями героическаго эпоса. Люди стоятъ въ родственномъ отношеніи къ богамъ. Они внуки боговъ. Велесъ дѣдъ пѣвцамъ, какъ податель всякаго *обилія* и *богатства*, не только вещественнаго, но и духовнаго, и именно поэтическаго творчества и всякаго сверхъестественнаго, вѣщаго знанія и колдовства. Дажь-богъ дѣдъ князьямъ, родоначальникамъ и всѣмъ, обладающимъ *землею* и *силами*. Внучатнымъ отношеніемъ своимъ люди уравнены съ стихіями: и вѣтры, такъ же какъ люди, ведутъ свой родъ отъ боговъ. Очевидно, что нашъ миѳическій и героическій эпосъ составился къ эпоху *быта родоваго*, и что въ XI вѣкѣ идеи этого быта еще свѣжи были, когда возникъ эпосъ историческій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ эпосъ историческій еще помнитъ преданія о *волкодлакахъ*, и Боянъ, воспѣвая Всеслава, представляетъ его волкомъ, перебѣгающимъ путь богу Хорсу.

Женскія миѳическія существа также находили себѣ мѣсто въ древне-русскомъ историческомъ эпосѣ. Обида въ миѳическомъ образѣ дѣвы съ лебедиными крыльями, которая плещется на морѣ, вполнѣ соотвѣтствуетъ воинственнымъ Валкиріямъ сѣвернаго эпоса. Къ тому же эта миѳическая дѣва встала въ силахъ тоже миѳическаго существа, не простаго смертнаго, но какого-то полубога, дажь-богова внука.

Къ тѣмъ же миѳическимъ преданіямъ въ замыслахъ Бояна относится загадочная личность *Трояна* (а не *Траяна*). Это имя употребляется въ «Словѣ о п. иг.» въ формѣ прилагательнаго: *Троянь* въ слѣдующихъ мѣстахъ:

1) «О Бояне, соловію стараго времени! абы ты сіа плъкы ущекоталъ, скача славію по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая славы оба полы сего времени, *рища въ тропу Трояню* чрезъ поля на горы.» И такъ Боянъ, воспѣвая, ри-

скалъ въ тропу троянову, зналъ какого-то Трояна, упоминалъ о какой-то тропѣ трояновой, память о которой по преданію дошла до автора нашего «Слова».

2) «*Были вѣчи Трояни*, минула лѣта Ярославля; были плъци Олговы, Ольга Святьславлича. Тъи бо Олегъ мечемъ крамолу коваше, и стрѣлы по земли сѣяше. Ступаетъ въ златъ стремень въ градѣ Тьмутороканѣ.» Мы уже знаемъ, что Боянъ воспѣвалъ стараго Ярослава и Олега Святославича, знаемъ также, что Тмуторокань имѣетъ для него особенный интересъ. Изъ этого мѣста видно, что эпоху историческую пѣвецъ велъ отъ древнѣйшей, миѳологической, представителемъ которой является здѣсь Троянъ. *Вѣка* или времена трояни для него древнѣйшая эпоха, предшествовавшая старому Ярославу; затѣмъ идетъ позднѣйшая эпоха, времена усобицъ при Олегѣ Святославичѣ.

3) Эти времена трояновы дѣйствительно эпоха миѳическая, какъ уже это явствуетъ изъ выше приведеннаго мѣста о *Лебединой Дѣвѣ*, которая, вставши въ силахъ дажь-божа внука, вступила *на землю трояню;* и именно *Обида* стала *Дѣвою, вступила Дѣвою*, когда коснулась этой миѳической почвы Трояна. Это сближеніе, какъ кажется, не оставляетъ сомнѣнія въ миѳическомъ значеніи Трояна.

4) Мы уже видѣли связь Всеслава полоцкаго, этого волкодлака, сь божествомъ Хорсомъ и съ миѳическимъ Трояномъ. Замѣчательно, что и здѣсь *вѣкъ трояновъ* относится къ эпохѣ отдаленной. Какъ при имени Олега Святославича Боянъ припоминаетъ старое время трояново: такъ и начиная пѣть о Всеславѣ, онъ ведетъ рѣчь отъ той же отдаленной поры: «на седьмомъ вѣцѣ Трояни връже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу.» Такимъ образомъ Боянъ соединялъ древнее съ новымъ, миѳическое съ историческимъ, по выраженію Слова — «свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню».

Но кто же былъ этотъ Троянъ? Едвали бы этотъ вопросъ могъ рѣшить и самъ авторъ «Слова о п. иг.» Онъ употребляетъ только прилагательное *троянь*. Живое лицо для него уже не существовало. Онъ знаетъ вѣка трояни, тропу трояню, землю трояню. Но Боянъ, или кто другой, именемъ его

названный, имѣлъ болѣе ясное понятіе объ этомъ загадочномъ Троянѣ.

Родственная связь Руси съ прочими славянскими землями въ старину была очень чувствительна. Родство нарѣчій не могло не отразиться и на родствѣ поэтическихъ преданій. Въ русскомъ преданіи о Февроніи муромской очевидны слѣды сказаній сербскихъ. [1]) Древнѣйшій русскій эпосъ не могъ составиться внѣ родственнаго ему круга славянскихъ поэтическихъ преданій. Авторъ «Слова о п. иг.» вполнѣ сознаетъ это кровное родство русской поэзіи съ поэзіею прочихъ славянскихъ племенъ и особенно южныхъ, дунайскихъ: «дѣвици поютъ на Дунаи — говоритъ онъ — вьются голоси чрезъ море до Кіева.» Неужели не оставили по себѣ отголоска на Руси эти вьющіеся съ Дуная голоса? И эти голоса слышались на Руси не только въ XII вѣкѣ или въ XI, они вились черезъ море и гораздо раньше того, свиваясь съ голосами русскими въ тотъ прекрасный и гармоническій аккордъ, который надобно назвать древнѣйшимъ *обще-славянскимъ* или *все-славянскимъ эпосомъ*.

Тогда только древне-русскій эпосъ получитъ въ исторіи нашей литературы твердую основу, когда опредѣлятся въ немъ всѣ тайныя нити, которыми онъ родственно связанъ съ первобытнымъ эпическимъ творчествомъ всѣхъ славянскихъ племенъ, и особенно юговосточныхъ.

Не знаю, имѣетъ ли какое отношеніе нашъ Троянъ къ римскому императору Траяну съ названнымъ по его имени Трояновымъ Валомъ. Но сказочныя преданія и повѣрья Сербовъ и Болгаръ о нѣкоторомъ царѣ Троянѣ, безъ сомнѣнія, принадлежатъ къ одному общему эпическому циклу, изъ котораго и нашъ Боянъ черпалъ свои пѣсни о вѣкахъ и землѣ Трояновой. [2])

По сербскимъ и болгарскимъ сказаніямъ царь Троянъ есть существо миѳическое изъ той породы стихійныхъ существъ, къ которой относятся вилы, русалки, нѣмецкіе альфы

[1]) Смотр. лекцію о пѣсняхъ древней Эдды и о муромской легендѣ, въ «Атенеѣ» за 1858 г.

[2]) Смотр. о сербскомъ Троянѣ мою статью въ «Москвитянинѣ» за 1842 г. № 11

или эльфы, свѣтлые духи и подземные карлики, хранители золота и серебра, духи мрака, не терпящіе лучей солнечныхъ.

Во первыхъ заслуживаетъ вниманія Сербская сказка о Троянѣ[1]), который, подобно Мидасу, съ звѣриными ушами, и именно съ козлиными, какія бывали у классическихъ фавновъ, обыкновенно сближаемыхъ съ лѣсными эльфами, съ нашими лѣшими, съ Китоврасомъ нашихъ древнихъ сказокъ и т. п.

Не смотря на подновленія позднѣйшей эпохи, эта сербская сказка содержитъ въ себѣ многіе мотивы глубокой древности.

Царя Трояна ходили брить брадобрѣи. Каждаго онъ спрашивалъ: что̀ видѣлъ? и всякій разъ замѣтившаго у него козлиныя уши лишалъ жизни. Однажды пошелъ его брить мальчикъ, и на вопросъ Трояна отвѣчалъ, что ничего не видѣлъ, хотя и замѣтилъ у царя козлиныя уши. Но тайна тяготила мальчика, онъ сталъ чахнуть, и просить у хозяина совѣта, какъ ему быть. Хозяинъ отвѣчалъ: «Скажи свою тайну мнѣ: я никому не передамъ; а если боишься, исповѣдай духовному отцу; а не то — ступай за городъ въ поле, вырой яму, уткни въ нее голову, и трижды исповѣдай свою тайну землѣ, и потомъ закопай яму.» Мальчикъ такъ и сдѣлалъ: сказалъ свою тайну землѣ. Но, спустя нѣкоторое время, тамъ, гдѣ была вырыта яма, выросла бузина, съ тремя вѣтвями, которыя были прекрасны и прямы, какъ свѣчи. Шелъ мимо пастухъ и сдѣлалъ себѣ изъ одной изъ этихъ вѣтокъ дудку, сталъ дудѣть, и дудка сама собою запѣла: «у царя Трояна козьи уши!» И эта вѣсть разгласилась по всему царству. Троянъ, думая, что его тайну предалъ мальчикъ-брадобрѣй, призвалъ его къ себѣ и грозилъ смертію. Тогда мальчикъ разсказалъ ему всю сущую правду — какъ томился онъ и чахъ отъ умолчанія тайны, и какъ потомъ передалъ ее землѣ. Троянъ самъ желалъ удостовѣриться въ истинѣ сказаннаго. Отправился вмѣстѣ съ мальчикомъ къ упомянутой бузинѣ, велѣлъ изъ ея прута сдѣлать дудку, и дудка дѣйствительно запѣла: «у царя Трояна козьи уши!» Тогда Троянъ убѣдился, что на землѣ ничто не можетъ отъ людей укрыться; про-

[1]) Въ Сказкахъ Вука Стеф. № 39.

стилъ мальчика, и съ тѣхъ поръ безнаказанно допускалъ себя брить всякому брадобрѣю.

Исповѣдь землѣ, напоминающая миѳическіе обряды древне-русскихъ стригольниковъ, сама собою поющая дудка, усвоенная сказкамъ всѣхъ родственныхъ намъ народовъ, получеловѣческое и полузвѣриное существо самого Трояна — все это говоритъ въ пользу высокой древности основнаго содержанія этой сказки. Только участіе брадобрѣя и нравственный выводъ на концѣ относятся къ позднѣйшимъ подновленіямъ.

Другое сербское преданіе [1]) не оставляетъ сомнѣнія въ миѳическомъ значеніи Трояна въ народныхъ сказаніяхъ. И тѣмъ замѣчательнѣе это преданіе, что оно пріурочивается къ извѣстной мѣстности. Этотъ Троянъ жилъ въ *городѣ Троянѣ*, развалины котораго и доселѣ видны, выше Дворишта, на горѣ Церѣ, раздѣляющей Зворникъ и Шабацъ. Царь Троянъ, подобно нѣмецкимъ альфамъ подземнаго мрака, боялся солнца и выѣзжалъ только по ночамъ. И каждую ночь ѣздилъ онъ изъ своего города въ Срѣмъ, гдѣ у него была любовница. Когда онъ пріѣзжалъ туда, оставался у ней до тѣхъ поръ, пока его кони съѣдятъ кормъ, и пока не запоютъ пѣтухи. Желая прекратить трояновы посѣщенія, братъ или мужъ этой особы насыпалъ конямъ, вмѣсто овса, песку, а всѣмъ пѣтухамъ повыдергалъ языки, чтобъ не пѣли. Такимъ образомъ Троянъ остался у своей любезной дольше урочнаго времени, и уже поздно узналъ, что его обманули. Бросился на коня и поскакалъ въ свой городъ, но на пути застигло его солнце. Тогда онъ соскочилъ съ коня и спрятался въ стогъ сѣна; но, по его несчастію, подошли коровы и растрепали стогъ. Тогда солнце растопило Трояна.

Чѣмъ древнѣе преданіе, тѣмъ болѣе распространено оно между родственными народами. Сербскому Трояну вполнѣ соотвѣтствуетъ Карликъ *Всезнайка* (Alvis), въ пѣснѣ древней Эдды, подъ заглавіемъ *Alvismal*. Это альфъ мрака; онъ также, какъ и нашъ Троянъ, погибаетъ отъ солнца, а сверхъ того и при подобныхъ обстоятельствахъ, въ слѣд-

[1]) Въ сербск. словарѣ Вука Стеф., изд. 2-е, 1852, стр. 750.

ствіе своей любви къ женщинѣ. Этотъ Всезнайка просилъ у Тора себѣ въ супружество его дочь. Но Торъ, чтобъ избавиться отъ родства съ карликомъ, вздумалъ употребить хитрость, воспользовавшись говорливостью Всезнайки. Дѣло было, конечно, ночью, потому что карликъ могъ являться только въ ночномъ мракѣ. Чтобъ обманомъ удержать Всезнайку до восхода солнечнаго, Торъ сталъ его разспрашивать о всевозможныхъ таинственныхъ дѣлахъ, относящихся къ асамъ, ванамъ, альфамъ, великанамъ и людямъ. Заговорившись, Всезнайка остался на поверхности земли до восхода солнца, и мгновенно отъ лучей его превратился въ камень.

Самое обыкновенное занятіе черныхъ альфовъ и карликовъ сѣверной миѳологіи — ковать драгоцѣнности изъ золота и серебра. Знаменитая гривна или ожерелье Фреи, извѣстное подъ названіемъ *Brosinyamene*, было выковано карликами. Эти же подземныя, стихійныя существа выковали золотыя косы богини Зифы, супруги Тора. Знаменитый кладъ сѣвернаго эпоса, принесшій столько бѣдствій въ семействѣ Грейдмара и въ родѣ Вёльзунговъ, первоначально принадлежалъ карлику Андвари, жившему въ водѣ и принимавшему видъ щуки.

Итакъ альфы и карлики, боявшіеся дневнаго свѣта, были хранителями золота и серебра. Если сербскій Троянъ сближается съ Всезнайкою древней Эдды, то Троянъ болгарскій прямо относится къ породѣ сверхъестественныхъ существъ, хранителей золота и серебра, то-есть, къ тѣмъ же альфамъ.

Но прежде нежели перейду къ болгарскому Трояну, почитаю необходимымъ предложить такое сказаніе, которое бы не оставило ни малѣйшаго сомнѣнія о существованіи миѳическихъ альфовъ-ковачей въ славянскихъ преданіяхъ.

Это именно сказаніе словацкое, о *Господинѣ* или *Властителѣ металловъ*[1]). У одной вдовы была прекрасная дочь, но очень разборчивая невѣста. Однажды проснувшись ночью, мать молилась Богу; вдругъ видитъ, что спящая дочь ея во снѣ улыбается. «Вѣрно дочкѣ снится что-нибудь прекрасное, такъ сладко она улыбается» думаетъ мать, и поутру спра-

---

[1]) Wenzig, Westslawischer Märchenschatz, 1857, стр. 10 и слѣд.

шиваетъ дочь, отчего она во снѣ улыбалась. «Мнѣ снилось — отвѣчала дочь — будто за мною пріѣхалъ господинъ въ мѣдной колесницѣ, и далъ мнѣ кольцо съ камушкомъ, который свѣтилъ, точно звѣзда на небѣ; и когда я вошла въ церковь народъ только и смотрѣлъ, что на Богородицу да на меня.» На другую ночь снился дочери гость въ серебряной колесницѣ, который далъ ей золотую повязку; а на третью ночь — гость въ золотой колесницѣ, и далъ ей цѣлое платье изъ золота; и будто бы—какъ ей снилось—когда она вошла въ церковь, народъ все смотрѣлъ уже только на нее одное. Сновидѣнія эти сбылись. Въѣхали на дворъ къ невѣстѣ три колесницы — мѣдная, серебряная и золотая. Это пріѣхалъ прекрасный женихъ въ сопровожденіи своей свиты. Сосваталъ себѣ прекрасную невѣсту, подарилъ ей три подарка, точно такіе, какъ видѣла она во снѣ, — и увезъ ее съ собою. Подъѣхали они къ скалѣ, въѣхали въ расщелину, и очутились въ темномъ, подземномъ царствѣ, въ жилищѣ горныхъ карликовъ: а женихъ былъ не кто другой, какъ самъ князь этого подземнаго царства, наполненнаго золотомъ и серебромъ. Когда молодая хотѣла ѣсть, ей подавали хлѣбъ изъ серебра и золота, и она не могла откусить его, и томилась голодомъ въ теченіе всей своей бѣдственной жизни, проводимой на грудахъ драгоцѣнныхъ металловъ. Только три дня въ году позволено несчастной выходить на свѣтъ божій, именно тогда, когда князь золота и серебра отворяетъ врата къ подземнымъ сокровищамъ. Тогда на это краткое время она освобождается изъ подземнаго царства ходитъ по міру, проситъ милостыню и собираетъ хлѣбъ. Эти три дня — понедѣльникъ, вторникъ и середа на крестоносной недѣлѣ, которая начинается съ пятаго воскресенья послѣ святой недѣли. Въ эти весенніе дни, по народному обычаю, совершаются крестные ходы для испрошенія благорастворенія воздуха и изобилія плодовъ земныхъ.

Итакъ, и у Славянъ мы встрѣчаемъ такія же преданія о подземныхъ альфахъ-ковачахъ, какія распространены въ миѳологіи нѣмецкой. Но вотъ что̀ особенно для насъ важно:

по болгарскимъ сказаніямъ и пѣснямъ[1]), этотъ царь, владѣющій несмѣтными сокровищами золота и серебра, не кто другой, какъ тотъ же Троянъ, или, какъ онъ именно называется — *Троянскій Царь*, а это чудесное царство его — градъ *Троянъ*[2]), или, по другой редакціи, *Троѣмъ*.

Болгарскія сказанія уже сближаютъ миѳическое преданіе объ этомъ троянскомъ царѣ съ христіанскою легендою о Св. Георгіи. Вмѣсто подземнаго царства — невѣрный языческій городъ Троянъ или Троѣмъ, жители котораго вѣруютъ не въ Іисуса Христа, а въ *золото и серебро*. И было въ томъ городѣ семьдесятъ водоемовъ, которые прохлаждали городъ студеною водою. Но что троянскіе жители любили, то Богъ имъ и далъ. Онъ совершилъ имъ чудо, высушилъ имъ всю воду, и во всѣхъ семидесяти водоемахъ протекло жженое золото и чистое серебро. И всякую утварь подѣлали себѣ жители изъ золота и серебра, и на себѣ и на коняхъ; всѣ нарядились въ золото и серебро; только не было у нихъ воды, нечего было имъ пить.

Итакъ болгарская пѣсня переноситъ насъ въ то же металлическое царство ковачей, въ царство золота и серебра, только не подземное. Какъ по словацкой сказкѣ, хлѣбы были изъ металла, такъ по болгарской пѣсни въ водоемахъ текло золото и серебро. Какъ подземные карлики все куютъ себѣ изъ драгоцѣнныхъ металловъ, такъ и жители города Трояна.

Далѣе повѣствуется, что Богъ умилостивился надъ жителями, и черезъ три недѣли времени, недалеко отъ города очутилось болото широкое, озеро глубокое. На него стали ходить за водою. Только сторожемъ этого озера было страшное чудовище[3]), которое за воду ежедневно получало отъ жителей по одной дѣвушкѣ, которую тотчасъ же глотало. Черезъ три года очередь выпала царской дочери, но на спа-

---

[1]) Эти поэтическія преданія сообщены мнѣ Болгариномъ К. Х. Миладиновымъ, которому изъявляю мою благодарность. Обѣ доставленныя мнѣ редакціи записаны въ Македоніи.

[2]) Въ Болгаріи на спускѣ Балкана, около Ловича.

[3]) По одной редакціи это чудовище называется *Сура Ламія*, по другой *Змія Халосница*.

сеніе ея явился самъ Св. Георгій. Дожидаясь, пока выйдетъ изъ воды чудовище, Св. Георгій положилъ свою голову на колѣни дѣвицѣ, которая искала у него въ головѣ. Когда, покоясь такимъ образомъ, Св. Георгій заснулъ, явилось чудовище. Дѣвица залилась горючими слезами, которыя, павши на лицо святому герою, его разбудили. Побѣдивъ чудовище, Св. Георгій обратилъ жителей города Трояна въ христіянскую вѣру.

Приведенныя мною сказанія, будучи между собою сближены, не оставляютъ, кажется, ни малѣйшаго сомнѣнія о миѳическомъ значеніи Трояна въ славянскихъ преданіяхъ, и именно о близкомъ родствѣ этого существа съ сѣверными альфами и карликами.

Если уже въ сѣверной поэзіи встрѣчаемъ мы рядъ преданій, родственныхъ сербо-болгарскому Трояну; то, кажется, не слишкомъ смѣлою можетъ показаться догадка о сродствѣ Трояна боянова съ этимъ сербо-болгарскимъ царемъ. Конечно, одно только имя, одинъ звукъ, не даетъ еще права на заключеніе объ этомъ сродствѣ. Но изъ приведенныхъ мѣстъ изъ «Слова о полку игоревѣ» мы уже видѣли, что имя трояново упоминается постоянно въ миѳологической обстановкѣ. Это имя относилось къ преданіямъ миѳологическимъ, было съ ними тѣсно связано; и вотъ сербо-болгарскій эпосъ знакомитъ насъ именно съ миѳическимъ Трояномъ или царемъ троянскимъ, относящимся къ одной породѣ съ сѣверными альфами и карликами. Можетъ-быть, Бояну были извѣстны какія-нибудь другія преданія о Троянѣ, но все же они непремѣнно относились къ міру миѳическому, и входили, какъ эпизоды, въ цѣлый народный эпосъ о Троянѣ. Остатки этого эпоса доселѣ сохранились, какъ мы видѣли, у Сербовъ и Болгаръ.

Изъ всего сказаннаго выше о миѳическихъ основахъ русскаго эпоса XI вѣка явствуетъ, что историческая поэзія Бояна не только не чуждалась этихъ основъ, но на нихъ, какъ на эпическомъ чудесномъ, возрастала, извлекая изъ міра чудесъ свои эпическія, свѣжія силы.

Особенно въ пѣсняхъ о Всеславѣ полоцкомъ Боянъ умѣлъ искусно слить въ одно художественное цѣлое элементъ историческій съ миѳическимъ. У Бояна не только лицо историче-

ское, не только князь полоцкій, который «скочи къ граду Кыеву, и дотчеся стружіемъ злата стола Кіевскаго»; но и вѣщій оборотень, который «людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше до Куръ Тмутороканя; великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше». Почти то же говорится въ старинныхъ нашихъ сказкахъ о *царѣ Китоврасѣ*: «обычай же той имѣя царь; во дни царствуетъ надъ людьми, а въ нощи обращашеся звѣремъ китоврасомъ и царствуетъ надъ звѣрми».[1]) А такъ какъ роль Китовраса въ сказкахъ другихъ народовъ, и именно въ итальянской, играетъ сатиръ или фавнъ; то очевидно, что и Троянъ съ козлиными ушами, и оборотень-Всеславъ относятся къ одному и тому же отдѣлу миѳическихъ представленій, вмѣстѣ съ Китоврасомъ, сѣверными альфами и т. п. Но этого мало: сходство нашего Всеслава съ сербскимъ Трояномъ простирается до того, что оба они обгоняли путь солнца: и какъ Троянъ, вмѣстѣ съ пѣньемъ пѣтуховъ, спѣшилъ отъ своей любезной, чтобъ убѣжать отъ солнца; такъ и Всеславъ *до куръ*, то-есть, до пѣтуховъ успѣвалъ изъ Кіева въ Тмуторокань, волкомъ перебѣгая путь великаго солнца. Вслѣдъ за тѣмъ именно говорится о быстротѣ Всеслава: онъ въ теченіе звона къ заутрени поспѣвалъ изъ Полоцка въ Кіевъ: «тому въ Полотскѣ позвониша заутренюю рано у Святыя Софеи въ колоколы: а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша». Можетъ означать эта фраза и чуткій слухъ, но во всякомъ случаѣ — какую бы то ни было чудесную примѣту вѣщаго, необычайнаго героя. На это указываютъ тотчасъ же слѣдующія за тѣмъ слова: «аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, нъ часто бѣды страдаше.» *Другое тѣло*, по моему мнѣнію, означаетъ не другаго или какого-нибудь человѣка вообще, и именно *другое тѣло*, не свое собственное, а *волчье*, которое надѣвалъ на себя герой, перерыскивая путь великому Хорсу. Слѣдовательно, бѣды страдалъ не кто другой, а тотъ же Всеславъ. Хотя и вѣщая была душа его въ чужомъ тѣлѣ, то-есть, въ [illegible]. Слѣдующее за тѣмъ мѣсто подтверждаетъ наше [illegible]. Тому вѣщей Боянъ и пръвое припѣвку смысле-

---

[illegible] литер. истор. стар. повѣстей и сказ. русскихъ Стр. 111.
[illegible] поэзіи въ древне-русской литературѣ стр. 17.
[illegible] Meravigliosissime notti. Notte 4. Fav. 1.

ный рече: ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду, суда Божіа не минути.»

Итакъ, характеръ исторической поэзіи Бояна вполнѣ былъ согласенъ съ народнымъ эпосомъ, въ раннюю эпоху его выхода на историческое поприще изъ темной миѳологической области. Великія историческія событія, вызвавшія Полянъ, Сѣверянъ, Древлянъ и другія сосѣднія племена изъ ихъ безразличнаго, сплошнаго существованія, отразились въ народной поэзіи историческими пѣснями, въ которыхъ героями являются уже *историческія личности* и именно *князья*, которыхъ воспѣвалъ Боянъ и, вѣроятно, другіе современные ему пѣвцы. Въ упомянутомъ выше темномъ мѣстѣ «Слова о п. иг.,» кто бы ни былъ *пѣснотворцемъ Святславовымъ*, Боянъ или кто другой, во всякомъ случаѣ вѣрно то, что въ XI в. былъ уже на Руси *княжій пѣвецъ* и безъ сомнѣнія не одинъ. Конечно это не были придворные, княжескіе поэты, сочинявшіе по заказу; это были тѣ же первобытные, народные пѣвцы, представители эпической дѣятельности цѣлаго народа: но все же въ ихъ пѣсняхъ древніе интересы, обнимавшіе нѣкогда весь бытъ народа, всѣ его вѣрованія и преданія, должны были, такъ сказать, сократиться, сосредоточившись къ отдѣльнымъ личностямъ князей. Поэтическое творчество отъ божествъ и миѳическихъ героевъ низошло къ обыкновеннымъ смертнымъ, но остановилось только на высшихъ представителяхъ народа, на князьяхъ, придавъ имъ миѳическія черты знакомыхъ идеаловъ древнѣйшаго эпоса. Это быстрое сокращеніе поэтическихъ интересовъ могло произойдти только потому, что не успѣвшій созрѣть и окрѣпнуть миѳическій эпосъ древней Руси не могъ устоять противъ напора новыхъ силъ, внесенныхъ на Русь вмѣстѣ съ христіянствомъ и учрежденіемъ государственнаго порядка или наряда.

Авторъ «Слова о п. иг.», предлагая характеристику старыхъ словесъ и замышленій Бояна, безъ сомнѣнія, не строго держался каждаго слова, и кое-что измѣнялъ по своему, сокращалъ или распространялъ. Но двѣ *припѣвки*, выше приведенныя, прямо приписываются Бояну. Обѣ онѣ имѣютъ характеръ *притчи* или *пословицы*. При скудности древне-русскихъ поэтическихъ памятниковъ уже эти двѣ припѣвки заслуживаютъ того, чтобъ дать имъ почетное мѣсто въ исторіи русской

литературы XI вѣка или начала XII-го. Приведемъ же еще разъ эти драгоцѣнные остатки навсегда утраченнаго для насъ цѣлаго:

»Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду, суда Божіа не минути».

«Тяжко ти головы, кромѣ плечю; зло ти тѣлу, кромѣ головы.»

Руководствуясь очень понятнымъ желаніемъ умножить число этихъ драгоцѣнныхъ *старыхъ словесъ*, я позволяю себѣ думать, что авторъ «Слова,» чуждый утонченныхъ пріемовъ литератора, привелъ въ своемъ сочиненіи много стиховъ Бояна, не упомянувъ его имени. Тщательное изысканіе, можетъ-быть, увѣнчается успѣшными результатами. Я дѣлаю только попытку.

Если объясненные мною предметы дѣйствительно составляли содержаніе пѣсенъ Бояна, то болѣе нежели вѣроятно, что и поэтическія выраженія, въ которыхъ авторъ слова передаетъ это содержаніе, принадлежатъ Бояну. При этомъ надобно предупредить одно возраженіе. Въ предполагаемыхъ изреченіяхъ Бояна могутъ встрѣтиться позднѣйшие намеки, безспорно, принадлежащіе автору «Слова»: слѣдовательно скажутъ, — эти изреченія Бояну принадлежать не могутъ. Но самъ авторъ «Слова» даетъ намъ руководство къ отличію его словъ отъ бояновыхъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ самъ приводитъ припѣвку Бояна, и тотчасъ же, не отличая своихъ словъ отъ бояновыхъ, къ чужой припѣвкѣ прилагаетъ свою собственную мысль о князѣ Игорѣ: «тяжко ти головы, кромѣ плечю; зло ти тѣлу, кромѣ головы: *Руской земли безъ Игоря.*»

Итакъ, сверхъ двухъ припѣвокъ, слѣдующія поэтическія мѣста могутъ быть приписаны замышленію Бояна:

1. «Тъй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше, и стрѣлы по земли сѣяше. Ступашетъ въ златъ стремень въ градѣ Тьмутороанѣ».

2. «Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами; погибашеть жизнь Даждь-Божа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомь скратишась. Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть; нъ часто врани граяхуть, труніа себѣ дѣляче; а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедіе.» Эти выраженія позволяю себѣ отнести къ

старымъ словесамъ на томъ основаніи, что тотчасъ же за тѣмъ авторъ «Слова» говоритъ, что «то было въ ты рати, и въ ты плъки (которые воспѣвалъ Боянъ); а сицеи рати не слышано» — и потомъ начинаетъ описывать рати и полки своего времени и по своему.

3. «Уже бо, братіе, не веселая година въстала, уже пустыни силу прикрыла. Въстала обида въ силахъ Дажь-Божа внука» и проч. По соображенію съ складомъ народныхъ пѣсенъ, можно бы предположить, что это мѣсто въ первоначальномъ своемъ видѣ было такъ:

Уже бо, братіе, не веселая година *встала*,
Встала обида въ силахъ Дажь-Божа внука;
Вступила дѣвою на землю Трояню, и проч.

4. Изъ пѣсенъ о Всеславѣ полоцкомъ:

На Немизѣ снопы стелютъ головами,
Молотятъ чепи харалужными,
На тоцѣ животъ кладутъ,
Вѣютъ душу отъ тѣла.
Немизѣ кровави брезѣ
Не бологомъ бяхуть *посѣяни*,
Посѣяни костьми Рускихъ сыновъ.
Всеславъ князь людемъ судяше,
Княземъ грады рядяше,
А самъ въ ночь влъкомъ рыскаше.

Замѣчательно, что повтореніе послѣдняго слова одного стиха въ началѣ другаго стиха, свойственное народной поэзіи не только славянской, но и нѣмецкой и романской, встрѣчаемъ уже и у Бояна, напр. *посѣяни* — *посѣяни*.

5. Рекомендуя Бояну воспѣть о полку игоревомъ, авторъ, тотчасъ же, какъ кажется, намѣренно приводитъ его слова или говоритъ въ его духѣ: «не буря соколы занесе чрезъ поля широкая; галици стады бѣжать къ Дону великому»: потому что вслѣдъ за тѣмъ говоритъ: «чили въспѣти было, вещей Бояне, Велесовь внуче!» То есть: вотъ не эдакъ ли тебѣ пропѣть?

Можетъ быть, къ замышленію же боянову принадлежитъ и *Дивъ*, сидящій на верху дерева, и потомъ съ него падшій, и

чотскія красныя дѣвы съ своими пѣснями; но я ограничиваюсь покамѣсть наиболѣе вѣроятнымъ.

Если бы не дошло до насъ ни припѣвокъ, ни стиховъ Бояна, то уже одна характеристика его пѣснопѣнія, предложенная авторомъ «Слова», вмѣняетъ въ обязанность историку русской литературы подробнѣйшее и болѣе обстоятельное изслѣдованіе объ этомъ знаменитомъ древне-русскомъ пѣвцѣ. Уже одна эта характеристика, какъ достовѣрное свидѣтельство, составляетъ любопытнѣйшій фактъ въ исторіи русской поэзіи XI вѣка или начала XII и для нея одной слѣдовало бы дать почетное, самостоятельное мѣсто въ древнѣйшемъ періодѣ русской словесности.

Вотъ эта характеристика: «Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашется мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы.» За тѣмъ слѣдуетъ выше приведенное мѣсто о томъ, какъ онъ пускалъ десять соколовъ на стадо лебедей, то есть вскладалъ свои десять перстовъ на живыя струны.

Итакъ Боянъ самъ пѣлъ свои пѣсни, подобно другимъ народнымъ пѣвцамъ, и сопровождалъ свои пѣсни струннымъ инструментомъ. Это древнѣйшій обычай русскихъ пѣвцовъ, и доселѣ процвѣтающій между южно-русскими бандуристами; это вмѣстѣ съ тѣмъ и обычай всѣхъ Славянъ, восходящій ко временамъ отдаленнымъ. Чешскій пѣвецъ языческихъ временъ, по имени Забой, вдохновенною пѣснію воодушевляя своихъ соотечественниковъ къ защитѣ родной старины и преданья, бралъ въ руки *варито звучно*, то есть, струнный инструментъ.[1]) Уже въ VI вѣкѣ у Славянъ существовалъ тотъ же музыкальный обычай. Карамзинъ [2]) приводитъ изъ византійскихъ историковъ слѣдующее свидѣтельство подъ 590 годомъ: «Греки взяли въ плѣнъ трехъ чужеземцевъ, имѣвшихъ, вмѣсто оружія, *киѳары* или *гусли*. Императоръ спросилъ, кто они? Мы Славяне, отвѣтствовали чужеземцы, и живемъ на отдаленнѣйшемъ концѣ Западнаго Океана (моря балтійскаго)..... Съ оружіемъ обходиться не умѣемъ и толь-

---

1) Въ Краледворск. рукоп. пѣсня: *Забой, Славой и Людекъ*.

2) Истор. Госуд. Рос. т. 1, гл 1.

ко играемъ на гусляхъ. Нѣтъ желѣза въ странѣ нашей, и мы, не зная войны и любя музыку, ведемъ жизнь мирную и спокойную.» Не смотря на идиллическій, сентиметальный тонъ этого свидѣтельства, одно не подлежитъ сомнѣнію, что плѣнные Славяне были пѣвцы, и что у славянскихъ пѣвцовъ VI вѣка былъ обычай сопровождать свои пѣсни гуслями, обычай, которому слѣдовалъ еще и нашъ Боянъ.

Но отъ музыкальной части бояновыхъ пѣсенъ воротимся къ тому, что авторъ «Слова» говоритъ собственно о поэтическомъ воодушевленіи древняго пѣвца. Начиная или замышляя свою пѣсню, Боянъ растекался мыслію по дереву, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облака. И въ другомъ мѣстѣ о немъ же сказано: «Скача славію по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы.» Подъ этимъ возвышеніемъ и расширеніемъ творческаго воодушевленія, конечно, надобно разумѣть что-нибудь иное, а не возвышенность образа мыслей и широту взгляда, какъ то и другое разумѣется въ современномъ намъ, утонченномъ смыслѣ. Это возвышеніе и расширеніе творческой фантазіи должно быть понимаемо въ томъ видѣ, какъ понимается и доселѣ въ русскомъ народномъ эпосѣ. Ничего лучшаго, по моему мнѣнію, нельзя найти въ нашей народной поэзіи для объясненія этого вдохновеннаго полета фантазіи Бояна, какъ извѣстная прелюдія, которою русскіе пѣвцы до позднѣйшихъ временъ начинаютъ свои пѣсни:

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота окіянъ море;
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты днѣпровскіе.

Точно такъ же, какъ авторъ «Слова» говорилъ о Боянѣ, такъ и теперь можно сказать о народныхъ пѣвцахъ, что они, замышляя пѣсню о Владимірѣ, Красномъ Солнышкѣ, или о Соловьѣ Будиміровичѣ, пускаются волкомъ по всей землѣ, взлетаютъ сизымъ орломъ подъ облаки.

Остается необъясненнымъ *мыслено древо*, состоящее въ связи съ выраженіемъ: «растѣкашется *мыслію по древу*».[1])

---

[1]) Потому «Слово о полку Игоревѣ» не даетъ права въ словѣ *мысль* видѣть бѣлку или какого другаго звѣрка, какъ нѣкоторые объясняли.

Но такъ какъ авторъ «Слова» называетъ Бояна *соловьемъ*, то что же мудренаго, если продолжая свое сравненіе, онъ заставляетъ соловья скакать или прыгать по дереву? «скача *славію* по мыслену древу.» Авторъ именно соловья заставляетъ скакать по дереву. Потому-то и растекался Боянъ-соловей *мыслію по древу*.

Вышеприведеннымъ мѣстомъ не ограничивается характеристика Бояна въ «Словѣ о полку игоревѣ». Авторъ называетъ его *вѣщимъ*, то есть, знающимъ, мудрымъ, знахаремъ и чародѣемъ, по древнѣйшей связи понятій о поэзіи, знаніи, колдовствѣ и проч. Поэзію его называетъ *замышленіемъ*; для составленія или сочиненія пѣсни употребляетъ выраженіе: *пѣснь творити*, откуда потомъ сложное *пѣсно-творецъ*.[1])

Но особенно дорога была для автора родная старина, изъ которой вѣяло на него поэтическимъ вдохновеніемъ древняго народнаго эпоса. Какъ позднѣйшій русскій пѣвецъ, заключая свою пѣсню, съ самодовольствіемъ припѣвалъ: «то *старина*, то и дѣянье»; такъ и авторъ «Слова» только что задумалъ повести рѣчь о полку игоревѣ, тотчасъ же обратился къ старинѣ, къ *старымъ словесамъ*. Только что онъ настроилъ свою душу къ поэтическому замышленію, тотчасъ же пахнула на него родная старина со всѣмъ своимъ поэтическимъ обаяніемъ; и сколько онъ ни отдѣлывался отъ этого чарующаго обаянія, твердо рѣшась вести свое слово по исторической, положительной колеѣ фактовъ, *по былинамъ сего времени*, все же вездѣ сопровождало его это поэтическое обаяніе старины, эти прекрасныя *старыя словеса*, это цвѣтущее *замышленіе Бояна*, которое замѣняло автору «Слова» гомерову Музу.[2])

---

[1]) Первые издатели «Слова» напечатали *пѣстворца*, какъ кажется, ошибочно. Въ рукописи, вѣроятно, было съ титломъ на верху, точно также, какъ они въ другомъ мѣстѣ, вѣроятно, тоже изъ-подъ титла неправильно прочли *пѣсь* вм. *пѣснь*.

[2]) Въ избѣжаніе недоразумѣній привожу здѣсь мнѣніе г. Шевырева, не согласное съ изложенными мною о высокомъ значеніи поэтической *старины*, но скрѣпленное почетнымъ авторитетомъ Пушкина. Въ 27 примѣч. къ 10 лекціи г. Шевыревъ говоритъ: «здѣсь кстати припомнить толкованіе Пушкина, который пропускалъ частицу *ли*, или давалъ ей смыслъ отрицательный: «не прилично

Называя Бояна пѣснотворцемъ *стараго времени*, соловьемъ *стараго времени*, авторъ заявляетъ тѣмъ свое великое къ нему уваженіе, какъ къ достойному представителю поэтическаго преданія.

Теперь перейдемъ къ наименованію Бояна *соловьемъ*.

Русская пѣсня столько заимствовала прекрасныхъ поэтическихъ мотивовъ отъ уподобленія съ пѣвчими пташками и особенно съ соловьемъ, что нѣтъ ничего естественнѣе прозвать соловьемъ и самого пѣвца, который какъ бы состязается въ пѣньѣ съ этою птичкою. Впрочемъ это не исключительная особенность русскихъ пѣсенъ. Романскіе трубадуры и нѣмецкіе миннезенгеры, подражая народной поэзіи, не меньше русскихъ пѣвцовъ прославляли пѣсни соловья или состязались съ нимъ въ безотчетномъ, художественномъ творчествѣ. Даже миѳологія и символика птицъ въ нашей народной поэзіи почти таже, что въ поэзіи романскихъ и нѣмецкихъ племенъ. И тамъ, также какъ у насъ въ «Словѣ о полку игоревѣ» *орлы клектомъ на кости звѣрей зовутъ* или *соловьи веселыми пѣснями свѣтъ повѣдаютъ*[1]).

Въ основѣ подобныхъ поэтическихъ мотивовъ лежало вѣрованье въ истину гаданія по *птичьимъ чарамъ*, а также и убѣжденіе въ возможности понимать *птичій языкъ*. Отвѣдавъ змѣиной крови, сѣверный Зигурдъ сталъ понимать этотъ языкъ, и услышалъ, какъ орлицы принимали участіе въ его судьбѣ и подстрекали на подвигъ. Средневѣковая поэзія, проникнутая этимъ миѳическимъ убѣжденіемъ о языкѣ птицъ, между прочимъ, приписываетъ именно соловью зловѣщіе совѣты и ободрительные къ убійству клики. Поэты часто приводятъ звукоподражательный припѣвъ соловья, именно: *occi*, *occi*, или

намъ, братья, начать *старыми словами* прискорбную повѣсть о походѣ игоревомъ; начаться же той пѣсни по былинамъ сего времени, а не по вымысламъ бояновымъ.» «Явно — продолжаетъ г. Шевыревъ — что авторъ отказывается отъ прежней поэзіи вымысла — и называетъ слова Бояновы уже *старыми словами* при всемъ уваженіи къ самому пѣвцу и къ тому доброму, что представляли его времена.»

[1]) Смотр. прекрасную статью Уланда: Rath der Nachtigall, въ Германіи Пфейфера, 1858 г. № 2.

ochi, *ochi*, будтобы означающій: *убей*, *убей*. Въ поэмѣ о монахѣ Евстахіи, знаменитомъ морскомъ разбойникѣ конца XII вѣка и начала XIII, разсказывается, какъ онъ, убѣжавъ отъ преслѣдовавшаго его графа булонскаго, подшутилъ надъ нимъ, спрятавшись въ лѣсу и припѣвая на голосъ соловья: *ochi ochi*, *ochi*, *ochi*! [1])

Входя такимъ образомъ въ понятія и воззрѣнія средневѣковой старины мы видимъ, что прозваніе пѣвца *Соловьемъ* выражало не одну только музыкальную способность. Суевѣрной старинѣ въ звукахъ этой птицы чуялось радостное или печальное предвѣстье. Русская народная поэзія убѣждаетъ насъ въ первоначальномъ миѳическомъ значеніи соловья. Этимъ именемъ назывался не только заморскій гость Будиміровичь, мастера котораго въ одну ночь построили палаты въ вишеньѣ орѣшеньѣ у Запавы Путятишны, но и лицо чисто миѳическое *Соловей Разбойникъ*, конечно случайно сблизившійся съ французскимъ монахомъ Евстахіемъ.

Этотъ соловей разбойникъ *не мыслію* только своею *скакалъ по деревамъ*, какъ соловей Боянъ, — но и дѣйствительно, да еще на девяти дубахъ. Хотя и прозванъ былъ соловьемъ, но, судя по его вѣщей натурѣ и по способности кричать на разные голоса звѣриные, соловей этотъ былъ именно со всѣми признаками той вѣщей птицы, трели которой возбуждали къ убійству. Когда Соловей Разбойникъ заслышалъ приближеніе Ильи Муромца:

Засвисталъ соловей по соловьиному,
А въ другой зашипѣлъ, разбойникъ, по змѣиному,
А въ третьи зрявкаетъ по звѣриному. [2])

Вовсе не имѣя въ виду сближать Бояна съ Соловьемъ Разбойникомъ, я хотѣлъ только выразить ту мысль, что хотя Боянъ называется соловьемъ преимущественно по искусству въ пѣньѣ, однако въ суевѣрные средніе вѣка этой пѣвчей птицѣ приписывалось большее значеніе, нежели теперь.

Какъ самъ Боянъ называется соловьемъ, такъ его вѣщіе

---

1) Romans de Witasse le Moine. Стих. 1141 и слѣд.

2) Древнія россійскія стихотворенія стр. 353.

персты уподобляются десяти соколамъ, а струны его инструмента — стаду лебедей. Уподобленіе соколу означаетъ быстроту, силу и ловкость. Какъ у насъ въ пѣсняхъ *очи* называются *соколиными*, то-есть, *ясными* (потому,—*ясный соколъ*), быстрыми, проницательными; такъ въ средне-вѣковой поэзіи западной даже самые глаза называются соколами [1]). Скальды употребляютъ описательное выраженіе для руки: *берегъ* или сѣдалище *сокола* (haukströnd). Такимъ образомъ, проникаясь воззрѣніями средневѣковой поэзіи, мы вполнѣ поймемъ возможность смѣлаго уподобленія, которое себѣ позволилъ авторъ «Слова о п. иг.,» говоря о музыкальномъ искусствѣ Бояна.

Остается сказать нѣсколько словъ объ отношеніи этого пѣвца къ *Велесу*. Мы уже знаемъ, что онъ называется внукомъ этого божества. Изъ клятвы воиновъ святославовыхъ, приводимой Несторомъ [2]) извѣстно, что Велесъ или Волосъ былъ *богъ скотій*: «да имѣемъ клятву отъ Бога, въ его же вѣруемъ, въ Перуна и въ Волоса *скотья бога*». Если слово *скотъ* могло въ послѣдствіи получить смыслъ богатства и обилія вообще, то первоначально оно имѣло значеніе собственное; и Волосъ былъ покровителемъ жизни пастушеской, какъ Перунъ — жизни земледѣльческой. Въ эпоху Святослава оба эти божества считались высшими, или по крайней мѣрѣ наиболѣе господствовавшими въ религіозныхъ убѣжденіяхъ: потому именами ихъ и скрѣплялась самая сильная клятва. Такъ какъ божества-покровители домашняго скота вмѣстѣ и покровители земледѣлія: то и Волосъ, по обрядамъ русскаго народа, доселѣ употребляющимся, чествуется какъ божество земледѣльческое, именно въ обрядѣ завиванья на нивѣ *волосовой бороды*.

Отношеніе Бояна къ божеству мирнаго быта земледѣльческаго и осѣдлаго опредѣляются понятія и убѣжденія древней Руси о связи поэзіи съ высшими, миѳическими существами и съ той эпохою, къ которой относили у насъ происхожденіе поэзіи. Поэтъ былъ внукомъ бога, съ поклоненіемъ которому

---

1) Jak. Grimm, Geschichte d. deutsch. Spr. 1, 44.

2) По издан. Археогр. Ком. 1, 31.

славянскія племена на Руси перешли изъ быта пастушескаго къ земледѣльческому. Слѣдовательно самая поэзія древней Руси первоначально была порожденіемъ мирной сельской жизни; она была плодомъ общаго довольства, скромнаго благополучія трудолюбивой жизни, подобно тому, какъ и теперь множество пѣсенъ обрядныхъ, сопровождающихъ посѣвъ, сѣнокосъ, жатву и другія сельскія занятія, могло быть названо произведеніемъ вдохновенія тѣхъ же древнѣйшихъ пѣвцовъ внуковъ Волоса, къ которымъ авторъ «Слова о п. иг.» причисляетъ Бояна.

Итакъ Боянъ, пѣвецъ усобицъ и воинскихъ походовъ князей, названъ внукомъ божества довольства и мирнаго благополучія. Это противорѣчіе объясняется тѣмъ, что Боянъ названъ внукомъ Велеса только по старой привычкѣ, какъ въ старину, гораздо прежде исторической междоусобной поэзіи, называли поэтовъ миѳологическаго обряднаго эпоса, родственными узами связаннаго съ бытомъ сельскимъ земледѣльческимъ. Русская поэзія, содѣлавшись историческою, уже прервала непосредственную связь съ миѳологіею. Слѣдовательно эпитетъ поэта *Велесовъ внукъ*, не могъ сложиться для поэта историческаго, для Бояна. Боянъ уже наслѣдовалъ этотъ эпитетъ отъ прежнихъ пѣвцовъ, которые имѣли большее право называться внуками божества мира и благополучія сельской жизни.

Напротивъ того, по сѣвернымъ миѳологическимъ и поэтическимъ сказаніямъ, получившимъ свое высшее развитіе въ эпоху воинственную, поэты получаютъ даръ вдохновенія отъ напитка божества Одина, покровителя воиновъ и ихъ бурной, исполненной треволненій жизни. Такимъ образомъ, самыми отношеніями своими къ міру миѳическому, поэзія славянская существенно отличалась отъ сѣверной.

Въ заключеніе, о древнѣйшей русской поэзіи XI и XII вѣка почитаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ объ отношеніи ея къ жизни и литературѣ.

Не приводя здѣсь общеизвѣстныхъ свидѣтельствъ о грубомъ язычествѣ народныхъ массъ въ XI вѣкѣ, о почитаніи волхвовъ, о соперничествѣ этихъ послѣднихъ съ христіянскимъ духовенствомъ и т. п., все же я долженъ замѣтить, что эта языческая почва не могла не поддерживать во всей свѣжести прежнія силы древняго миѳологическаго эпоса, въ ту эпоху,

когда Боянъ складывалъ свои историческія пѣсни. Въ послѣдствіи, вѣроятно, опредѣлится въ большей ясности характеръ и этой чисто языческой поэзіи XI вѣка. Но для насъ въ настоящемъ случаѣ важно то обстоятельство, что Боянъ съ своими историческими пѣснями выдвинулся изъ этой темной массы языческаго чествованія волхвовъ. Онъ принадлежалъ къ новому поколѣнію пѣвцовъ; онъ былъ житель лучшей, образованнѣйшей страны, именно южной Руси. Вмѣстѣ съ особенностями южной рѣчи и поэзіи на немъ отразилась и ранняя образованность той страны; и въ то время какъ по Волгѣ, по Шекснѣ и на Бѣлоозерѣ кудесники творили разныя чудеса, а въ Новѣгородѣ волхвъ собиралъ около себя народъ противъ князя и епископа, нашъ югорусскій пѣвецъ былъ уже другомъ князей и не только прославлялъ ихъ подвиги, но и осуждалъ усобицы.

Поэзія историческая стоитъ въ связи уже съ лѣтописью. Пробудившееся сознаніе о самостоятельной жизни, политической и религіозной, отозвалось въ южной Руси уже въ XI вѣкѣ потребностью въ лѣтописи, вмѣстѣ и гражданской и церковной, какова лѣтопись Нестора. На новомъ, болѣе развитомъ поприщѣ образованности возникли новые нравственно-религіозные и художественные типы добра и зла. Фантазія народная уже увлекалась свѣтлыми образами Бориса и Глѣба и рисовала мрачную тѣнь Святополка Окаяннаго. Соединяя интересы народа и литературы, Боянъ былъ достойный современникъ Нестору, и если самъ заимствовалъ въ свои пѣсни изъ историческихъ разсказовъ, то, безъ сомнѣнія, могъ и передавать лѣтописцу въ звучныхъ пѣсняхъ преданія русской старины. По крайней мѣрѣ, и лѣтописецъ, и поэтъ смотрѣли на міръ одинаковыми глазами, оба обработывали одно и то же содержаніе, и волею или неволею сходились на однихъ и тѣхъ же предметахъ, какъ напримѣръ на прославленіи храбраго Мстислава, «иже зарѣза Редедю предъ плъкы касожскими».

Ѳ. Буслаевъ.

ИСТОРІЯ ВИЗАНТІЙСКОЙ ЭМАЛИ.

1. *Recherches sur la peinture en émail dans antiquité et au moyen âge. Par Jules Labarte. Paris. Didron. 1856.*

2. *Историческое обозрѣніе финифтянаго и цѣнинаго дѣла въ Россіи. Сочиненіе Забѣлина. С.-Петербургъ. 1853.*

Исторія художественныхъ ремеслъ (les arts industriels, die Kunstindustrie) въ средніе вѣка только въ новѣйшее время стала предметомъ строгихъ научныхъ изслѣдованій. Не въ однихъ монументальныхъ памятникахъ искусства, каковы произведенія архитектуры, скульптуры и живописи, выражается художественный характеръ различныхъ эпохъ и народовъ; онъ налагаетъ печать свою и на всю внѣшнюю обстановку религіозной, общественной и частной жизни каждой исторической эпохи у каждаго историческаго народа. Наука только въ послѣдніе годы обратила вниманіе съ этой точки зрѣнія на ткани и мёбели, вооруженія и одежду, церковную утварь и драгоцѣнныя вещи и и даже на самые незначительные предметы ежедневнаго обихода въ средніе вѣка. Исторія золотыхъ дѣлъ мастерства и изготовленія бронзы, рѣзьбы изъ слоновой кости и древа, каллиграфіи и живописи рукописей, керамическаго и стекляннаго производства въ средніе вѣка проливаютъ совершенно неожиданный свѣтъ на высокое состояніе образованности западной Европы въ періодъ, который у многихъ отсталыхъ отъ успѣховъ науки людей нашего времени слыветъ еще подъ именемъ *вѣковъ грубѣйшаго варварства*. Вслѣдствіе этого направленія лучшихъ

умовъ современной науки, открывшихъ новыя области для изслѣдованія въ прошлой жизни западныхъ народовъ, во Франціи, Англіи и Германіи возникъ новый родъ музеевъ, назначенныхъ исключительно для храненія и собиранія произведеній художественныхъ ремеслъ среднихъ вѣковъ, съ одной стороны, какъ свидѣтельствъ состоянія цивилизаціи этого періода, съ другой, какъ памятниковъ его художественнаго стиля. Образцомъ подобнаго собранія можетъ служить музей отеля Клюни въ Парижѣ: здѣсь собраны богатѣйшіе матеріалы не только для изслѣдованій ученыхъ, но и любопытнѣйшія поученія для ремесленниковъ нашихъ дней, столь нуждающихся въ изящныхъ образцахъ, созданныхъ истинно-творческимъ, художественнымъ геніемъ. Ими-то и пользуются они въ настоящее время для возрожденія глубоко-упавшихъ современныхъ ремеслъ.

Въ числѣ этихъ индустріяльныхъ искусствъ, служившихъ во всѣ времена какъ для изукрашенія предметовъ, употребляемыхъ въ религіозныхъ обрядахъ, такъ и для возвышенія царскаго великолѣпія, одно изъ главнѣйшихъ мѣстъ занимаетъ *производство эмали*. Возникшее въ неизвѣстную эпоху на древнемъ Востокѣ, гдѣ его издѣлія, по видимому, составляли одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ роскоши и торговли,—потому что техника ихъ не умирала въ теченіи жизни всего античнаго міра, — оно перешло къ Византійцамъ и отъ нихъ распространилось по всему Западу, а вслѣдствіе религіозныхъ и торговыхъ сношеній Россіи съ Константинополемъ перенесено было и къ намъ. Съ другой стороны, независимо отъ этого древнѣйшаго, Византійцами переданнаго способа производства эмали, въ западной Европѣ, въ отдаленную, но трудно опредѣлимую эпоху, возникли другія, болѣе доступныя небогатымъ средствамъ производства эмали, которыя позволили необыкновенно расширить кругъ ея употребленія;—производства, которыя, вслѣдствіе частыхъ связей нашихъ съ западною Европою съ конца XV столѣтія, были перенесены и въ Россію, гдѣ даже въ настоящее время сохранилось еще значительное число памятниковъ этого западнаго рода эмали. Само собою разумѣется, что подобная важная вѣтвь художественныхъ ремеслъ какъ древности, такъ и среднихъ вѣковъ, не могла не обратить на себя уже издавна вниманія европейскихъ ученыхъ. Монахъ Ѳео-

филъ въ XIII вѣкѣ и Бенвенуто Челлини въ XVI столѣтіи знали и описали производство ея; въ XVIII столѣтіи появилось нѣсколько книгъ о живописи эмалью; въ наше время занимались изслѣдованіями объ исторіи ея Миллинъ, Куглеръ, Потье, Дюсоммераръ, Дюсье и преимущественно разные французскіе изслѣдователи исторіи этого искусства въ Лиможѣ, гдѣ въ особенности процвѣтало производство эмали. Но собственно научное изслѣдованіе этого вопроса началось только съ выхода въ свѣтъ трудовъ французскихъ ученыхъ Жюль Лабарта и графа Делаборда.

Жюль Лабартъ, по счастливому стеченію обстоятельствъ, рано и хорошо познакомился съ средневѣковыми ремеслами: тесть его, г. Дюмениль, имѣлъ весьма богатое собраніе разнообразнѣйшихъ предметовъ исчисленныхъ выше производствъ, которыхъ стиль и технику онъ могъ изучать совершенно по волѣ и на свободѣ. Поэтому, когда ему поручено было составить, для публичной продажи, описательный каталогъ этого собранія, то онъ счелъ необходимымъ предпослать своему труду историческое введеніе, въ которомъ изложилъ исторію развитія художественныхъ ремеслъ въ средніе вѣка. Подобный историческій обзоръ, содержащій въ себѣ указаніе на значеніе отдѣльныхъ предметовъ коллекціи Дебрюжъ-Дюмениля въ исторіи искусства, могъ только придать художественнымъ произведеніямъ этой коллекціи огромное значеніе въ глазахъ богатыхъ собирателей и любителей средневѣковаго искусства, которые отовсюду стекаются на аукціонныя продажи въ Парижѣ. Но кромѣ этого случайнаго интереса, трудъ Лабарта, вышедшій въ 1847 году подъ заглавіемъ: Description des objets d'arts, qui composent la collection Debruge-Duménil, précédée d'une introduction historique. Paris. Victor Didron, и тотчасъ по выходѣ своемъ обратившій на себя вниманіе всѣхъ историковъ искусства, заключалъ въ себѣ столь незыблемыя достоинства, что сталъ настольною книгою каждаго, занимающагося исторіею средневѣковаго искусства. Эта книга состояла изъ 858 страницъ большаго in 8 и въ ней историческому введенію посвящено было 408 страницъ. Тутъ собраны были, согласно съ тогдашнимъ состояніемъ науки, всѣ свидѣтельства о происхожденіи, развитіи и техникѣ различныхъ ремеслъ, которыя были въ употребленіи отъ на-

чала среднихъ вѣковъ до конца XVI столѣтія для изукрашенія церквей и частныхъ жилищъ и для орнаментаціи предметовъ, служащихъ разнымъ потребностямъ ежедневной жизни. Въ книгѣ была изложена исторія скульптуры въ деревѣ, слоновой кости и металлѣ, каллиграфіи, живописи на стеклѣ, живописи узоровъ для вышиванья, тканья и мозаикъ, эмали на металлахъ, дамаскинировки, золотыхъ дѣлъ мастерства, керамики, стеклодѣлія, слесарнаго ремесла, изготовленія мебелей и другихъ предметовъ обиходной жизни въ средніе вѣка. Сочиненіе Лабарта, удовлетворяя пробѣлу, существовавшему до тѣхъ поръ въ литературѣ, имѣло такой быстрый и заслуженный успѣхъ, что первое изданіе совершенно разошлось въ три-четыре года. Нынѣ его чрезвычайно трудно встрѣтить въ книжной торговлѣ. Кромѣ того историческое введеніе Лабарта было переведено на англійскій языкъ отдѣльною книгою, подъ заглавіемъ: Handbook of the arts of the middle ages and renaissance, as applied to the decoration of furniture, arms, jewels etc. etc. London, Murray, 1855, и это изданіе замѣчательно тѣмъ, что украшено многочисленными политипажами, которые значительно облегчаютъ пониманіе текста, и которыхъ отсутствіе весьма чувствительно во французской книгѣ.

Поэтому, вслѣдствіе распродажи перваго изданія, уже въ 1851 году ревностный издатель археологическихъ сочиненій, парижскій книгопродавецъ Викторъ Дидронъ обратился къ Лабарту съ просьбою приступить къ дополненному второму изданію. Хотя со времени появленія его книги и прошло не много лѣтъ, но Лабартъ самъ сознавалъ, что въ этотъ краткій промежутокъ времени археологія среднихъ вѣковъ, пріобрѣтя много новыхъ дѣятелей, чрезвычайно расширилась и обогатилась вслѣдствіе появленія многихъ новыхъ сочиненій, открытія и описанія многихъ до того неизвѣстныхъ памятниковъ. Притомъ, продолжая неутомимо въ музеяхъ, архивахъ и книгохранилищахъ свои ученыя изслѣдованія, Лабартъ собралъ матеріалы для столь большаго числа обширныхъ томовъ, что, вмѣсто умноженнаго втораго изданія своего историческаго введенія, онъ рѣшился написать новое сочиненіе, сообразное съ успѣхами науки, въ которое онъ хотѣлъ внести результаты своихъ огромныхъ изслѣдованій. Со-

чиненіе это, которое будетъ обнимать исторію художественныхъ ремеслъ въ средніе вѣка и въ эпоху возрожденія, выйдетъ подъ заглавіемъ: Histoire des arts industriels au moyen age et à l'époque de la renaissance. Первый, совершенно оконченный отдѣлъ этого сочиненія, обнимающій исторію эмали въ древности и средніе вѣка, нынѣ вышелъ отдѣльною книгою, заглавіе которой выписано въ началѣ этой статьи. Она украшена восьмью превосходными хромолитографіями и однимъ литографическимъ рисункомъ, которые чрезвычайно живо передаютъ описанныя въ книгѣ художественныя произведенія и составляютъ часть большаго атласа во сто таблицъ, который будетъ приложенъ къ его большому историко-художественному труду. Въ настоящую минуту сочиненіе Лабарта есть послѣднее слово науки въ вопросѣ объ эмали.

Но, кромѣ Лабарта, въ послѣдніе годы ей же посвятили особое вниманіе и другіе первостепенные ученые западной Европы. Хранитель средневѣковыхъ собраній въ луврскомъ музеѣ, графъ Делабордъ, подъ видомъ описательнаго каталога эмалей, находящихся подъ его завѣдываніемъ (Notice des émaux, bijoux et objets divers, exposés dans les galeries du Musée du Louvre. Paris. 1853. 2 vol.), издалъ полную исторію этой вѣтви художественныхъ ремеслъ, основанную на необыкновенно обширныхъ изслѣдованіяхъ всѣхъ письменныхъ и художественныхъ памятниковъ. Въ особенности важенъ второй томъ его сочиненія: онъ содержитъ въ себѣ глоссарій предметовъ средневѣковыхъ художественныхъ ремеслъ и есть плодъ необыкновенной начитанности автора въ рукописяхъ, инвентаріяхъ и другихъ архивныхъ сокровищахъ среднихъ вѣковъ, начитанности, которою блещутъ всѣ прочіе знаменитые труды этого автора, каковы напр. «Исторія возрожденія искусства во Франціи» или «Исторія искусства при дворѣ герцоговъ бургундскихъ». Въ этомъ глоссаріи графъ Делабордъ не только вполнѣ объяснилъ каждое слово, каждый терминъ средневѣковыхъ художественныхъ ремеслъ (напр. gobelet, godet, gorgerin, gréal et graal), но и объясненіе каждаго слова подтвердилъ многочисленными выписками изъ средневѣковыхъ памятниковъ, означая время послѣднихъ, такъ что читателю становится совершенно ясно значеніе и употребленіе

каждаго слова въ различныя средневѣковыя эпохи. Такимъ образомъ этотъ глоссарій графа Делаборда, подобно знаменитому глоссарію другаго великаго французскаго ученаго — Дюканжа, становится неисчерпаемымъ источникомъ поученія не только для каждаго, занимающагося средневѣковымъ искусствомъ, но и для всѣхъ, изучающихъ костюмъ, нравы, обычаи и литературу, однимъ словомъ исторію цивилизаціи среднихъ вѣковъ. Но за то историческій взглядъ автора отличается узкостью, которая составляетъ рѣшительную противуположность безпристрастію Лабарта въ историко-критическихъ изслѣдованіяхъ. Графъ Делабордъ исполненъ національныхъ предразсудковъ: по его мнѣнію, эмаль не существовала въ древнемъ мірѣ и есть исключительное изобрѣтеніе предковъ французскаго народа, и Франція была главнѣйшимъ мѣстомъ ея производства въ средніе вѣка. Этихъ предубѣжденій не раздѣляетъ Лабартъ. «Національное самолюбіе, говоритъ послѣдній, должно уступить мѣсто убѣдительнымъ фактамъ, и на историкѣ лежитъ прежде всего обязанность высказать читателямъ истину.» Въ этомъ отношеніи сочиненіе Лабарта отличается рѣдкимъ во Франціи безпристрастіемъ: въ противоположность Делаборду, Тесье и другимъ французскимъ писателямъ, онъ *первый* во Франціи, основываясь на памятникахъ и письменныхъ свидѣтельствахъ, доказалъ что Германіи принадлежитъ передъ Франціею честь древнѣйшаго производства эмали въ средніе вѣка. Но, кромѣ безпристрастія, сочиненіе Лабарта богато еще и другими достоинствами: критическія изслѣдованія автора, какъ памятниковъ, такъ и письменныхъ источниковъ, отличается необыкновенною строгостью, глубиною и обширностью. Стоитъ только прочесть его критическій разборъ знаменитыхъ біографій римскихъ папъ, приписываемыхъ библіотекарю Анастасію и собранныхъ въ одну книгу, извѣстную подъ заглавіемъ: Liber pontificalis, чтобы понять, сколько предварительныхъ трудовъ долженъ былъ совершить авторъ прежде, нежели написалъ одну строку главы, посвященной эмальерному искусству въ Италіи.

Эти различные труды Лабарта и графа Делаборда подали въ разные времена, при появленіи ихъ, извѣстному историку искусства Куглеру (занимавшемуся изученіемъ этого вопроса еще

лѣтъ двадцать тому назадъ, когда это изученіе, по отсутствію вспомогательныхъ пособій, было сопряжено съ большими затрудненіями) поводъ изложить свои мысли и дальнѣйшія изслѣдованія по этому вопросу въ нѣсколькихъ статьяхъ, напечатанныхъ въ нѣмецкомъ художественномъ журналѣ: Deutsches Kunstblatt. Статьи эти много содѣйствовали уясненію исторіи эмали. Наконецъ и у насъ въ Россіи существованіе довольно значительнаго числа памятниковъ этого рода вызвало похвальный трудъ г. Забѣлина. Онъ составляетъ любопытное дополненіе къ изслѣдованіямъ западныхъ ученыхъ, потому что исчисляетъ памятники, неизвѣстные иностраннымъ писателямъ и здѣсь большею частію въ первый разъ упоминаемые, и во вторыхъ, сообщаетъ всѣ дошедшія до насъ историческія извѣстія о производствѣ эмали въ Россіи. Всякій, кто знакомъ съ недоступностью у насъ для ученыхъ изслѣдованій тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ хранятся памятники эмали и другихъ художественныхъ ремеслъ среднихъ вѣковъ, и можетъ-быть, существующія письменныя свидѣтельства объ нихъ, — съумѣетъ оцѣнить старанія, употребленныя для составленія этой книги почтеннымъ авторомъ.

Любопытно, основываясь на всѣхъ этихъ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ, бросить нѣсколько подробный взглядъ на исторію эмали въ Византіи и указать на замѣчательнѣйшіе памятники этого производства, сохранившіеся до нашего времени. Эта исторія находится въ тѣсной связи съ исторіею эмали въ нашемъ отечествѣ, преимущественно съ древнѣйшимъ ея періодомъ. Далѣе, существованіе, весьма древнее, памятниковъ византійской эмали въ нашихъ собраніяхъ возлагаетъ на насъ обязанность познакомиться съ исторіею этого производства въ самой Византіи. Къ тому представляется нынѣ превосходный случай. Лабартъ, въ сочиненіи своемъ, приподнялъ нѣсколько, по его собственнному выраженію, темную завѣсу, покрывающую исторію художественныхъ ремеслъ въ восточной имперіи. До сихъ поръ ученые не занимались этою вѣтвію исторіи искусства, которая, очевидно, представляетъ огромный интересъ. Изслѣдованія же Лабарта привели этого ученаго къ такому убѣжденію, чрезвычайно важному для насъ русскихъ, на которыхъ лежитъ обязанность возсоздать исторію византійскаго ис-

кусства: «художественныя византійскія ремесла, говоритъ онъ, пользовались въ Европѣ огромнымъ перевѣсомъ по крайней мѣрѣ до одиннадцатаго столѣтія». До этого періода Византія снабжала этого рода продуктами (а нужно вспомнить огромное потребленіе ихъ при царскихъ и папскомъ дворахъ, при изукрашеніи церквей и зáмковъ) и доставляла образцы свои народамъ запада; однимъ словомъ, *византійскіе Греки были до XI вѣка наставниками въ искусствѣ западныхъ народовъ.* Что касается производства эмали, то истину этого положенія Лабартъ доказалъ въ настоящемъ трудѣ своемъ, котораго результаты, относительно исторіи византійской эмали, переданы въ предлагаемой статьѣ большею частію словами французскаго ученаго. Относительно прочихъ вѣтвей художественныхъ ремеслъ, говоритъ Лабартъ, должно замѣтить, что византійскихъ памятниковъ, находящихся въ Европѣ, такъ мало, что необходимо посѣтить востокъ и преимущественно христіянскія церкви и монастыри въ Греціи, на горѣ аѳонской, въ Константинополѣ, малой Азіи и Сиріи, чтобы найдти тамъ послѣдніе остатки средневѣковыхъ византійскихъ ремеслъ, сохранившіеся до нашего времени. Что изслѣдованія подобнаго рода сопряжены почти съ непреодолимыми трудностями, ясно каждому, кто хотя нѣсколько самостоятельно работалъ надъ памятниками старины въ церквахъ, музеяхъ и архивахъ. Исполнитъ ли эту многотрудную задачу Лабартъ — мнѣ неизвѣстно; но нельзя не изъявить искренняго желанія, чтобы и полная исторія византійскаго искусства была достойнымъ образомъ обработана впервые въ нашемъ отечествѣ.

Но прежде нежели приступимъ къ изложенію исторіи византійской эмали, необходимо сказать нѣсколько словъ о родахъ эмали вообще и о существованіи ея въ древнемъ мірѣ.

Подъ именемъ *эмали* вообще извѣстно особое производства стекла, которому посредствомъ металлическихъ окисей придаютъ различный цвѣтъ, прозрачность или непрозрачность, и такимъ образомъ приготовленною массою покрываютъ предметы, сдѣланные изъ глины или металла.

Искусство эмальированія предметовъ, сдѣланныхъ изъ глины, напримѣръ сосудовъ, кирпичей и т. д., и называемое муравою и поливою, было извѣстно уже въ глубокой древно-

сти. Въ развалинахъ Ниневіи Ботта нашелъ, что верхнія части ассирійскихъ дворцовъ были покрыты эмальированными кирпичами. Но изслѣдованіе эмали, наведенной на предметы изъ глины, составляетъ часть керамики, и поэтому Лабартъ отдѣляетъ отъ нея *живопись эмалью на металлѣ*. Это послѣднее производство онъ раздѣляетъ на три главные рода:

1. *Инкрустированная эмаль* (les émaux incrustés). Въ металлическомъ предметѣ очертанія цѣлой композиціи, состоящей напр. изъ изображеній различныхъ фигуръ, цвѣтовъ, орнаментовъ и т. д., дѣлаются возвышенными, тоже изъ металла, и промежуточныя пространства въ этихъ очертаніяхъ наполняются эмалью, по цвѣту соотвѣтствующею каждому изображаемому предмету.

2. *Рельефная эмаль* (les émaux translucides sur ciselure en relief). На металлическомъ предметѣ изображенія дѣлаются рельефно и потомъ покрываются прозрачными эмалевыми красками.

3. *Истинныя эмалевыя картины* или *эмали писанныя* (les émaux peints ou émaux des peintres), въ которыхъ металлическій предметъ служитъ подобно холсту, только грунтомъ, на которомъ художникъ эмалевыми красками пишетъ картину кистью.

Эти три рода эмали соотвѣтствуютъ тремъ совершенно различнымъ эпохамъ въ исторіи искусства. Первый былъ въ употребленіи, по видимому, исключительно въ древности и въ средніе вѣка до конца XIII вѣка. Около этого времени итальянскіе золотыхъ дѣлъ мастера начали вводить второй родъ, а изобрѣтеніе третьяго наконецъ принадлежитъ второй половинѣ XV столѣтія и именно городу Лиможу во Франціи. Поэтому ясно, что нашему разсмотрѣнію должна подлежать только эмаль перваго рода, какъ по древности ея, такъ и по процвѣтанію этого производства въ Византіи и распространенію оттуда по всей западной Европѣ и Россіи. Но и этотъ родъ имѣетъ свое двоякое подраздѣленіе: или очертанія композиціи дѣлаются изъ весьма тоненькихъ металлическихъ пластинокъ, которыя припаиваются къ металлическому предмету или доскѣ на ребро и потомъ уже пустыя пространства наполняются эмалью, или въ металлическомъ предметѣ или доскѣ нужныя

для воспринятія эмали углубленія выдалбливаются рѣзцомъ, вслѣдствіе чего очертанія композиціи являются возвышенно сдѣланными изъ той же самой металлической доски. Французскіе археологи называютъ первое подраздѣленіе инкрустированной эмали—émaux cloisonnés (эмали перегороженныя, эмали съ припаянными перегородками или простѣнками), а второе—émaux champlerés ou en taille d'épargue или эмали рѣзныя съ оставленными въ металлической доскѣ перегородками. Хотя это различіе между двумя видами инкрустированной эмали, съ перваго взгляда, весьма незначительно, но между тѣмъ оно въ высшей степени существенно. Эмали, которыхъ очертанія композиціи сдѣланы изъ тонкихъ пластинокъ, припаянныхъ на ребро, почти безъ исключенія дѣлались только на золотѣ и для пластинокъ тоже употреблялось только золото. Можно себѣ представить, сколько искусства требовалось отъ художника, если онъ эмалью долженъ былъ изобразить не только одну человѣческую фигуру, но часто цѣлую композицію, состоящую изъ нѣсколькихъ фигуръ, которыя, по драгоцѣнности металла, должны были быть воспроизводимы если не въ миніатюрныхъ, то почти всегда въ очень незначительныхъ размѣрахъ. Сперва художникъ долженъ былъ на предметѣ изъ золота или на золотой доскѣ начертить очеркъ композиціи. Вотъ почему памятники эмали суть для насъ въ то же самое время и памятники живописи: въ нихъ сохранился и выразился художественный стиль извѣстной эпохи. Поэтому для уразумѣнія художественнаго стиля такой эпохи, отъ которой до насъ не дошло никакихъ памятниковъ живописи al fresco или a tempera, эмали играютъ такую же важную роль, какъ и напримѣръ мозаики или миніатюры. Вотъ почему эмали служатъ документами въ исторіи живописи. Когда очеркъ былъ готовъ, то художникъ на каждой линіи его долженъ былъ припаять на ребро золотую пластинку, такъ что весь очеркъ выходилъ возвышенный. Само собою разумѣется, что чѣмъ многосложнѣе и мельче былъ рисунокъ, тѣмъ болѣе требовала эта техника искусныхъ рукъ, и Византійцы были въ этомъ дѣлѣ столь недосягаемо искусны, что, разсматривая эмали ихъ, необходимо допустить, что они работали съ чрезвычайно тонкими инструментами и увеличительными стеклами. «Если из-

ображалось лицо, говоритъ одинъ французскій писатель, приводимый г. Забѣлинымъ, то посредствомъ этихъ пластинокъ сохранялись всѣ его очертанія; въ очеркѣ глазъ, какъ бы ни было мало изображеніе, отдѣлялось даже мѣсто для зрачковъ, на лбу и на щекахъ проводились едва замѣтныя морщинки. Въ изображеніи рукѣ изъ пластинокъ составляли очеркъ пальцевъ и вообще, повторимъ, какъ бы ни было мало эмалевое изображеніе, какъ бы ни были мелки его очертанія, оно всегда исполнялось посредствомъ этихъ тонкихъ золотыхъ ленточекъ. Тонина ихъ равнялась иногда тонинѣ почтоваго листа бумаги.» Наконецъ оставшіяся мѣста въ этомъ очеркѣ, составленномъ изъ пластинокъ, наполнялись соотвѣтствующею каждому предмету, по цвѣту, эмалью и такимъ образомъ золотыя очертанія въ этой картинѣ занимали то же мѣсто, чтó очеркъ въ рисункѣ. Ясно, что подобныя произведенія, по трудности техники и многоцѣнности металла, могли быть производимы только въ небольшихъ размѣрахъ и доступны только монархамъ или весьма богатымъ людямъ или, какъ драгоцѣннѣйшія произведенія искусства, могли быть приносимы въ даръ только церквамъ. Ясно, что производство подобнаго рода эмали могло быть сосредоточено только преимущественно въ рукахъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ, которые въ средніе вѣка были самыми многосторонними художниками: извѣстно, что изъ этого сословія вышли самые знаменитые живописцы и скульпторы новыхъ временъ.

Напротивъ, производство эмали, въ которой очертанія оставлены возвышенными, а углубленія, необходимыя для восприятія эмали, выдолблены рѣзцомъ въ металлической доскѣ (émaux champlevés), составляютъ украшеніе гораздо простѣйшаго рода: они дѣлались обыкновенно на предметахъ изъ мѣди или мѣдныхъ доскахъ, и какъ рисунокъ, такъ и техника ихъ гораздо грубѣе и слѣдовательно и самая цѣнность ихъ производства, не говоря уже о цѣнности металла, гораздо ниже. Если эмали съ припаянными пластинками вообще рѣдки, потому что, можетъ быть, самыя замѣчательныя произведенія этого рода погибли въ разные страшные перевороты среднихъ вѣковъ, а другіе въ горнилахъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ новѣйшихъ временъ; то эмали втораго подраздѣленія встрѣчаются

въ европейскихъ и русскихъ собраніяхъ гораздо чаще, имѣютъ обыкновенно гораздо большіе размѣры и не служатъ одною частію изукрашенія разныхъ художественныхъ предметовъ, но, въ большей части случаевъ, имѣютъ самостоятельное значеніе. Они употреблялись для цѣлаго ряда предметовъ въ западной церкви: ими покрывались кресты, раки, циборіи, жезлы и т. п. предметы, во всю, иногда весьма значительную ихъ величину.

Наконецъ, еще послѣдняя глубокая черта раздѣляетъ эти два подраздѣленія инкрустированной эмали: эмали съ припаянными пластинками (émaux cloisonnés) суть древнѣйшій изъ всѣхъ родовъ эмали. Онъ одинъ былъ извѣстенъ въ древности и въ Византіи, тогда какъ émaux champlerés суть исключительное изобрѣтеніе западнаго искусства. Это различное происхожденіе двухъ видовъ инкрустированной эмали было извѣстно и у насъ въ старину, потому что второй видъ инкрустированной эмали (émaux champlerés) у насъ извѣстенъ былъ подъ именемъ *фряжскаго*, то-есть западнаго, и перенесенъ къ намъ нѣмецкими художниками, образовавшими въ Россіи весьма обширную школу эмальеровъ. Поэтому Куглеръ весьма основательно, для большей краткости и ясности, предлагаетъ эти два вида инкрустированной эмали называть: первый *восточнымъ*, а второй *западнымъ*. Поэтому, такъ какъ въ Византіи извѣстенъ былъ только одинъ родъ эмали—эмаль съ припаянными пластинками, отсюда перешедшій и въ другія страны Европы, то въ исторіи византійской эмали, къ которой теперь перейдемъ, можетъ быть рѣчь только объ этомъ древнѣйшемъ восточномъ видѣ инкрустированной эмали или émaux cloisonnés.

Когда была изобрѣтена живопись инкрустированною эмалью на металлическихъ предметахъ—неизвѣстно. Съ большою достовѣрностью можно предполагать, что Азія была родиною этого искусства, и оно возникло въ роскошныхъ городахъ или вавилонской, или ассирійской монархій. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эмаль была извѣстна и въ древнемъ Египтѣ: неоспоримымъ свидѣтельствомъ тому служатъ нѣсколько эмальированныхъ драгоцѣнныхъ вещей, найденныхъ въ египетскихъ гробницахъ и нынѣ хранящихся въ различныхъ европейскихъ му-

зеяхъ. Но малочисленность ихъ и недостаточность въ свѣдѣніяхъ техническихъ, видимая на другихъ египетскихъ эмаляхъ, которыя представляютъ плохое подражаніе истинно инкрустированной эмали, заставляютъ предполагать, что фабрикація эмали никогда не пускала глубокихъ корней въ Египтѣ. Новѣйшія изслѣдованія доказали, что предметы художественной роскоши, столь распространенные уже въ глубокой древности въ Египтѣ, задолго до завоеванія этой страны Камбизомъ, были продуктомъ переднеазіятской индюстріи. Финикіяне, которыхъ караваны достигали Ассиріи и даже Индіи, скупая дары природы и произведенія художественныхъ ремеслъ въ этихъ богатыхъ странахъ, привозили съ собою и инкрустированныя эмали на золотѣ. Они распространили ихъ въ Греціи, гдѣ эмаль высоко цѣнилась во времена Гомера. Но занимались ли сами Греки производствомъ эмали или была она у нихъ только предметомъ привозной торговли? — этотъ вопросъ не можетъ быть до сихъ поръ рѣшенъ абсолютнымъ образомъ. Лабартъ замѣчаетъ весьма остроумно, что производство эмали, вслѣдствіе техники, недопускающей свободнаго развитія художественнаго генія, слишкомъ мало соотвѣтствовало генію греческаго народа и не могло идти рука объ руку съ высокими стремленіями греческаго искусства. Отсутствіе въ европейскихъ собраніяхъ эмали несомнѣнно греческаго происхожденія заставляетъ предполагать, что второе предположеніе гораздо вѣроятнѣе. Тѣмъ не менѣе у греческихъ писателей есть намеки, изъ которыхъ можно вывести заключеніе, что и греческое искусство, въ иныхъ случаяхъ, употребляло эту технику для изукрашенія своихъ произведеній. Такъ Кодинъ говоритъ о большой серебряной статуѣ поэта Менандра,—античномъ произведеніи, привезенномъ въ Константинополь, которое императоръ Марціанъ повелѣлъ растопить, чтобы выбить изъ него деньги, розданныя имъ бѣднымъ —: судя по словамъ этого писателя, она была эмальирована. Куглеръ дѣлаетъ весьма справедливое предположеніе, что, можетъ быть, Греки вообще и въ хризелефантинныхъ своихъ произведеніяхъ (т. е. изъ золота и слоновой кости) употребляли эмаль. Такъ напр. разные орнаменты на одеждѣ Юпитера олимпійскаго, главнѣйшаго созданія Фидія, могли быть изъ эмали и въ особенности скипетръ въ

рукахъ статуи былъ изукрашенъ вѣроятно подобнымъ образомъ. Но чѣмъ выше развивалось греческое искусство, тѣмъ болѣе, вѣроятно, живопись эмалью приходила въ упадокъ. Она была оставлена въ Греціи лѣтъ за двѣсти до Р. Х. Въ римской имперіи производство эмали исчезло до христіянской эры и было совершенно забыто въ ту эпоху, когда Плиній Старшій написалъ свою «Естественную Исторію».

Но, не смотря на это времённое забвеніе, этому искусству не суждено было погибнуть: производство эмали никогда не прекращалось на востокѣ, и когда византійскій дворъ вызвалъ, въ Константинополѣ, къ новой жизни всѣ художественныя ремесла, способныя увеличить его блескъ, византійскіе художники познакомились тамъ со всѣми процессами этого производства. Эмаль въ византійскомъ искусствѣ получила весьма многостороннее и обширное примѣненіе, потому что на нее смотрѣли, какъ на одинъ изъ самыхъ драгоцѣннѣйшихъ способовъ изукрашенія предметовъ роскоши и благочестія.

Когда приступаешь (говоритъ Лабартъ) къ изслѣдованіямъ о состояніи художественныхъ ремеслъ въ западной и южной Европѣ въ средніе вѣка, то, въ случаѣ отсутствія памятниковъ, находишь по крайней мѣрѣ превосходныя и поучительныя свѣдѣнія въ житіяхъ святыхъ и епископовъ, въ лѣтописяхъ епископствъ, въ монастырскихъ хроникахъ и картуляріяхъ. Эти письменные документы, изъ которыхъ многіе восходятъ къ шестому столѣтію по Р. Х., передаютъ намъ черты, обойденныя или забытыя историками. Начиная съ XIV вѣка дошли до насъ счеты расходовъ королей и принцовъ, инвентаріи ихъ сокровищницъ и описи ризницъ церковныхъ и монастырскихъ, и хотя огромныя количества этихъ драгоцѣнныхъ документовъ пошли во Франціи на заряды для артиллеріи, тѣмъ не менѣе ихъ сохранилось для нашего поученія значительное количество. Но когда приступаемъ къ изслѣдованію какой либо части исторіи художественныхъ ремеслъ въ восточной имперіи, то съ сожалѣніемъ видимъ, что подобные драгоцѣнные документы здѣсь совершенно не существуютъ. Правда, рукописи византійскихъ писателей, писавшихъ о богословіи или объ исторіи церковной и политиче-

ской, большею частію сохранились; многія изъ нихъ напечатаны, переведены и объяснены; но, что касается до документовъ или письменныхъ памятниковъ частной жизни, въ которыхъ были бы описаны священные сосуды, ткани, вооруженія, мебели и всякаго рода утварь, употребляемая въ частной жизни, то всѣ сокровища этого рода совершенно исчезли. Если что либо и сохранилось, то все это погребено въ какихъ-нибудь монастыряхъ Сиріи или горы аѳонской, откуда никто еще не вынесъ на свѣтъ эти любопытныя свидѣтельства прошлыхъ вѣковъ. Поэтому изслѣдователь исторіи искусства долженъ ограничиться разсказами историковъ, которые, не имѣя цѣлью написать исторію искусства, мало говорятъ объ этихъ предметахъ и слѣдовательно не вдаются въ подробности, для насъ столь необходимыя. Но, кромѣ того, эти историки—не художники и не ремесленники: они описываютъ то, что видятъ, по собственнымъ впечатлѣніямъ, большею частію не имѣя никакого понятія о разныхъ процессахъ фабрикаціи и не зная техническихъ терминовъ для обозначенія тѣхъ предметовъ, о которыхъ говорятъ. Поэтому должно иногда въ цѣломъ описаніи отыскивать натуру того предмета, который они обозначаютъ очень кратко. Вотъ съ какими бѣдными вспомогательными средствами должны мы попытаться начертать исторію эмали въ византійской имперіи.

Когда Константинъ Великій, послѣ перенесенія столицы римской имперіи на востокъ, расширилъ, увеличилъ Константинополь, онъ украсилъ этотъ городъ множествомъ церквей. Онъ построилъ также много христіанскихъ храмовъ въ Іерусалимѣ и другихъ восточныхъ городахъ. Историки: Евсевій, его современникъ, Юлій Поллуксъ, Сократъ, Зосимъ и Созоменъ, жившіе нѣсколько времени послѣ него, сохранили память объ этихъ великолѣпныхъ постройкахъ. Они говорятъ иногда о богатыхъ украшеніяхъ и священныхъ сосудахъ, принесенныхъ Императоромъ въ даръ этимъ базиликамъ, но въ разсказахъ ихъ нѣтъ данныхъ, по которымъ можно было бы предполагать, что уже, начиная съ этого времени, въ Византіи употреблялась эмаль для орнаментаціи металлическихъ предметовъ. Хотя одинъ неизвѣстный писатель XI вѣка, описывая позолоченный крестъ, водруженный Константиномъ Вели-

кимъ на колоннѣ, которая стояла въ Филадельфіонѣ, и сдѣланный по образцу креста, видѣннаго императоромъ въ небѣ, и говоритъ, что этотъ крестъ былъ украшенъ драгоцѣнными каменьями и *стекломъ*, но, по видимому, подъ этимъ словомъ нельзя разумѣть эмаль, потому что греческое выраженіе, употребленное этимъ писателемъ, не соотвѣтствуетъ обыкновеннымъ терминамъ, употребляемымъ греческими писателями для обозначенія эмали. Вѣроятно въ крестѣ, воздвигнутомъ Константиномъ Великимъ въ Филадельфіонѣ, вставлены были цвѣтныя стекла, которыя по рисунку своему были весьма первобытнымъ подражаніемъ греческихъ художниковъ образцамъ истинной восточной эмали, привезеннымъ въ Константинополь изъ Персіи. Эта страна, безъ всякаго сомнѣнія, была учительницей Византіи въ этомъ дѣлѣ. Но въ такомъ городѣ, какъ Константинополь, гдѣ золотыхъ дѣлъ мастерство играло столь важную роль,—какъ въ изукрашеніи церквей, такъ и въ блескѣ византійскаго двора,— художники не могли удовольствоваться однимъ плохимъ подражаніемъ чужеземнымъ образцамъ. Нельзя было на золотыхъ и серебряныхъ сосудахъ, на золотыхъ доскахъ, алтаряхъ, и т. д., вмѣсто прочной и долговѣчной техники восточной эмали, удовольствоваться вставкою разноцвѣтныхъ кусочковъ стекла въ золотыя пластинки. Поэтому византійскіе золотыхъ дѣлъ мастера, вѣроятно, очень рано постарались пріобрѣсть себѣ знаніе истинныхъ процедуръ эмальированія.

Въ самомъ дѣлѣ, первое достовѣрное доказательство о существованіи производства этого ремесла въ Константинополѣ встрѣчаемъ мы въ первыхъ годахъ VI вѣка, при исчисленіи вещей, принесенныхъ императоромъ Юстиномъ I (518—527) въ даръ папѣ Гормисдасу (514—523). Въ числѣ ихъ упоминается золотая эмальированная лампа (gabatam eclectrinam), которая висѣла предъ алтаремъ. Здѣсь въ первый разъ въ жизнеописаніяхъ папъ, изданныхъ Анастасіемъ, встрѣчается слово electrum, именно означающее эмаль. Въ біографіяхъ папъ, предшествовавшихъ Гормисдасу, и преимущественно въ житіи св. Сильвестра (въ которомъ находится столько подробностей о вещахъ золотыхъ дѣлъ производства, принесенныхъ въ даръ Константиномъ Великимъ римскимъ церквамъ) нѣтъ никакихъ

слѣдовъ упоминанія объ эмали. Напротивъ біографъ Гормисдаса именно замѣчаетъ, что дары, присланные императоромъ Юстиномъ I, были греческаго производства.

Наслѣдникъ Юстина, знаменитый императоръ Юстиніанъ, соорудилъ не только въ Константинополѣ, но и въ разныхъ городахъ имперіи большое число церквей, которыя онъ изукрасилъ богатыми приношеніями вещей золотыхъ и серебряныхъ. Въ его времена эмаль употреблялась въ весьма обширныхъ размѣрахъ для орнаментаціи предметовъ, вышедшихъ изъ рукъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ, но въ особенности это искусство получило важное приложеніе въ изукрашеніи великолѣпнаго престола, сооруженнаго этимъ императоромъ и его супругою Ѳеодорою въ знаменитой церкви Св. Софіи въ Константинополѣ. Историкъ Прокопій въ своей *Исторіи зданій, построенныхъ Юстиніаномъ*, описавъ удивительную архитектуру этого храма, его великолѣпные колонны и мраморы, говоритъ, что не возможно исчислить всѣхъ богатствъ, принесенныхъ въ даръ этому храму Юстиніаномъ, и чтобы дать о нихъ понятіе своимъ читателямъ прибавляетъ, что священная ограда, окружавшая алтарь, имѣла вѣсомъ сорокъ тысячъ фунтовъ серебра. Павелъ Силенціарій, въ поэмѣ, посвященной описанію церкви Св. Софіи и его амвона, говоритъ, что престолъ, котораго поверхность, колонны и базы были изъ золота, блисталъ разными цвѣтами; на лице его, [illegible] не болѣе, какъ драгоцѣнные камни. Анонимный писатель, который относится повидимому къ XI вѣку и котораго сочиненіе перепечатано у Бандури въ его [illegible] T. I. p. [illegible] [illegible], входитъ въ большія подробности и изъ его описанія [illegible] видно, что престолъ былъ [illegible] разноцвѣтными эмалями. «Кто не остановится изумленнымъ, говоритъ онъ, при видѣ [illegible]? Кто можетъ понять [illegible], потому что они горятъ различными цвѣтами: [illegible] золота и серебра, [illegible] различные [illegible] драгоцѣнныхъ камней [illegible] и [illegible], для которыхъ [illegible] [illegible].»

Кедринъ, сохранившій намъ текстъ надписей, въ которыхъ упоминается о принесеніи въ даръ этого престола храму Св. Софіи императоромъ Юстиніаномъ и его супругою Ѳеодорою, старается объяснить процессъ производства этого чуда искусства чудеснымъ образомъ. «Кромѣ того Юстиніанъ, говоритъ онъ, создалъ святую трапезу, съ которою ничто не можетъ сравниться. Она состоитъ изъ золота, серебра, разныхъ камней, различныхъ породъ деревъ, металловъ и наконецъ изъ всѣхъ предметовъ, которые находятся на сушѣ и въ морѣ, однимъ словомъ въ цѣломъ мірѣ. Изъ всѣхъ этихъ имъ собранныхъ веществъ, большею частію драгоцѣнныхъ, не многихъ же только малоцѣнныхъ, онъ велѣлъ растопить плавкія, присоединилъ къ нимъ сухія, и, сливъ эту смѣсь въ форму, окончилъ произведеніе.» Изъ этого описанія Кедрина видно, что ему объясняли процессъ эмальированія на металлахъ, но или объяснившій ему не былъ хорошо знакомъ съ этимъ производствомъ или самъ онъ плохо его понялъ, только Кедринъ смѣшалъ истину съ вымысломъ. Тѣмъ не менѣе легко замѣтить, что онъ имѣлъ поверхностныя свѣдѣнія о фабрикаціи эмалей. Плавкія вещества, растопленныя художниками, суть стекловатое вещество, которое составляетъ основаніе эмали; сухія же вещества, которыя онъ присоединяетъ къ нимъ, суть металлическія окиси, которыя при растопкѣ придаютъ цвѣтъ стеклу и образуютъ эмаль; форма же, въ которую вливаетъ художникъ эту смѣсь, это металлическая доска съ припаянными къ ней пластинками, которыя составляютъ линіи рисунка. Поэтому описаніе Кедрина, не смотря на темноту текста и загадочный, чудесный характеръ, который онъ придаетъ своему разсказу, становится весьма ясно тому, кто знакомъ съ системою фабрикаціи восточной эмали (émaux cloisonnés.)

Историкъ Никетасъ, присутствовавшій въ 1204 году при взятіи Константинополя крестоносцами, говоритъ слѣдующее о живыхъ краскахъ, которыми блисталъ престолъ св. Софіи: «Святая трапеза, говоритъ онъ, составленная изъ разныхъ драгоцѣнныхъ веществъ, соединенныхъ огнемъ и сливающихся одно съ другимъ въ одну массу различныхъ цвѣтовъ и совершенной красоты, былъ разбитъ въ куски и раздѣленъ между воинами.»

Кодинъ, жившій въ XV вѣкѣ, въ эпоху, когда этотъ превосходный престолъ храма уже не существовалъ, желая вѣроятно внушить читателю глубокое сожалѣніе о потерѣ этого драгоцѣннаго памятника искусства, описалъ его самымъ фантастическимъ образомъ. Въ его словахъ нѣтъ полезныхъ для насъ указаній и они нынѣ никого не могутъ ввести въ заблужденіе. «По общему совѣту всѣхъ художниковъ, говоритъ онъ, взяли, совокупили золото, серебро, драгоцѣнные каменья, перлы, мѣдь, желѣзо, свинецъ и стекло для изготовленія святой трапезы; истолокши и смѣшавъ эти вещества, ихъ бросили (опустили) вмѣстѣ въ тигель и такимъ образомъ была получена трапезная доска (ἀβάκιον, le dessus d'autel.).» Всякій, знакомый съ техникою восточной эмали, легко можетъ подвергнуть критическому разбору это мѣсто. Стекло и окиси, получаемыя изъ свинца, желѣза и мѣди служили для составленія различныхъ цвѣтныхъ стекловидныхъ веществъ; металлическая доска, назначенная для воспринятія эмали, была изъ серебра; пластинки, образующія линіи рисунка, состояли изъ золота и наконецъ драгоцѣнные каменья, по обычаю находились на бордюрахъ эмалей. Кодинъ, вмѣсто практическаго описанія, по своему смѣшиваетъ всѣ эти вещества. Описанный имъ способъ фабрикаціи, правда, весьма производителенъ по своей скорости и удобству и автору долженъ былъ, безъ сомнѣнія, казаться весьма чудеснымъ, но на самомъ дѣлѣ онъ привелъ бы къ весьма жалкимъ результатамъ. Г. Забѣлинъ, упоминающій также о престолѣ Софійскаго храма, какъ о главномъ произведеніи византійской эмали, приводитъ еще изъ двухъ хронографовъ описанія, которыя, по своему характеру, совершенно подходятъ къ разсказу Кодина. Элементъ чудеснаго въ одномъ изъ этихъ описаній играетъ главную роль и, безъ сомнѣнія, долженъ вызвать улыбку на лицѣ каждаго, знакомаго съ исторіею искусства.

Впрочемъ эмаль не была употреблена только для изукрашенія одного престола храма св. Софіи. Анонимъ XI вѣка, въ довольно подробномъ описаніи своемъ этого храма, говоритъ, что Юстиніанъ украсилъ и двери у перваго входа баптистерій и въ нартексъ эмалью, а другіе писатели упоминаютъ и о другихъ частяхъ этого храма, изукрашенныхъ эмалью. Но уже во времена правленія Юстиніана эмаль не употреблялась един-

ственно для изукрашенія однихъ престоловъ и священныхъ сосудовъ. Она не ограничивалась однимъ воспроизведеніемъ простыхъ орнаментовъ, но была въ состояніи изображать и сюжеты исторической живописи. Кориппъ, авторъ поэмы, сочиненной въ XI вѣкѣ въ честь Юстина II, описываетъ столовую посуду Юстиніана, которая, повидимому, была эмальирована. Тѣмъ не менѣе въ концѣ VI вѣка производство эмали еще не было общеизвѣстно въ Константинополѣ и Лабартъ предполагаетъ, что, безъ сомнѣнія, византійскіе императоры, выписавъ себѣ изъ Азіи художниковъ, научившихъ этому искусству константинопольскихъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ, удержали за собою исключительное право фабрикаціи эмали. Эмаль въ эту эпоху приходила и на Западъ, но только въ рѣдкихъ случаяхъ, въ числѣ подарковъ, посылаемыхъ державнымъ лицамъ. Доказательствомъ тому служатъ древнѣйшія византійскія эмали, до насъ дошедшія, которыя хранятся въ ризницѣ собора весьма древняго города Монца, находящагося на разстояніи пяти льё отъ Милана. Преданіе говоритъ, что эти эмальированныя драгоцѣнныя вещи были принесены въ даръ базиликѣ Св. Іоанна Крестителя въ Монцѣ лонгобардскою королевою Теодолиндою. Эта церковь была основана ею возлѣ дворца. Справедливость преданія подтверждается текстами древнихъ писателей, и наконецъ формою и художественнымъ характеромъ самихъ предметовъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что съ тѣхъ поръ, какъ введено было въ Византіи искусство эмальированія, золотыхъ дѣлъ мастера въ бо́льшемъ или меньшемъ объемѣ продолжали заниматься этимъ ремесломъ. Замѣчательно, что византійскіе писатели VII вѣка нигдѣ не намекаютъ объ эмали. Но должно вспомнить, что историки этой эпохи должны были посвящать свое вниманіе столькимъ несчастнымъ катастро́фамъ, что они почти всегда забывали заносить факты, относящіеся къ искусству, Война между Греками и Персами, театромъ которой была Азія въ теченіи первой четверти VII столѣтія, вскорѣ послѣ того завоеваніе сассанидской имперіи Арабами, наконецъ разрушеніе Ниневіи и Вавилона были причинами, помѣшавшими въ Константинополѣ развитію нѣкоторыхъ художественныхъ ремеслъ — спутниковъ роскоши. Событія, волновавшія восьмое

столѣтіе, имѣли не менѣе губительное вліяніе на искусство. Кровавое паденіе династіи Ираклидовъ, послѣдовавшая за нимъ анархія, осада Константинополя морскими и сухопутными войсками Халифа Солимана — вотъ страшныя потрясенія, ознаменовавшія начало этого столѣтія. За этими несчастными годами послѣдовала ересь иконокластовъ: императоръ Левъ Исаврянинъ, въ 726 году, воспретилъ поклоненіе иконамъ. Ересь, поддерживаемая могущественными императорами, продолжалась болѣе столѣтія. Хотя она и не совершенно уничтожала всѣ рисовальныя искусства, которыя могли пайти себѣ кругъ дѣйствія и внѣ предѣловъ церкви, тѣмъ не менѣе она нанесла имъ тяжкій ударъ. Преслѣдованіе, которому подверглись художники, оставшіеся вѣрными древнимъ вѣрованіямъ, побудило весьма многихъ переселиться, преимущественно въ Италію и Римъ, гдѣ они находили себѣ твердую опору въ папахъ. Въ числѣ этихъ эмигрантовъ находились безъ сомнѣнія и эмальировщики, потому что въ послѣднихъ годахъ VIII-го столѣтія эмаль впервые появляется въ Римѣ.

Тѣмъ не менѣе мы находимъ первые слѣды производства эмали въ XI вѣкѣ на работахъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ, исполненныхъ по повелѣнію императора — иконокласта. Хотя императоръ Ѳеофилъ (829—842) и старался съ большею энергіею подавить поклоненіе иконамъ, тѣмъ не менѣе онъ былъ просвѣщеннымъ покровителемъ искусства. Онъ построилъ великолѣпныя зданія, украшенныя мраморомъ, живописью и мозаиками. Между превосходными произведеніями золотыхъ дѣлъ мастеровъ, исполненными по его повелѣнію, одно изъ главныхъ мѣстъ занимаютъ, по словамъ византійскихъ писателей, два большіе органа, украшепные драгоцѣнными каменьями и эмалью. Этотъ фактъ сообщаетъ монахъ Георгій, авторъ біографій восточныхъ императоровъ, начиная со Льва Армянина до Константина Порфиророднаго. Вскорѣ послѣ смерти императора Ѳеофила производство эмали получило обширное развитіе въ Константинополѣ. Императоръ Василій Македонянинъ захотѣлъ загладить свои злодѣянія и узурпацію престола тѣмъ, что старался показать себя достойнымъ вѣнца. Онъ не удовольствовался одними побѣдами надъ врагами и изданіемъ, по примѣру Юстиніана, новаго свода законовъ, но объявилъ себя также покровителемъ искусства. Возстановленный имъ порядокъ въ финан-

сахъ дозволилъ ему реставрировать памятники, воздвигнутые его предшественниками. Кромѣ того онъ соорудилъ новые, съ которыми въ великолѣпіи ничто не могло сравниться. Онъ принесъ много драгоцѣнныхъ произведеній золотыхъ дѣлъ мастерства въ даръ церквамъ и въ особенности новому храму, сооруженному имъ въ собственномъ дворцѣ. Константинъ Порфирородный, въ жизнеописаніи дѣда, говоритъ, «что престолы этой церкви, сдѣланные изъ массивнаго серебра, покрыты золотыми дощечками и украшены драгоцѣнными каменьями, перлами и драгоцѣнною композиціею» и патріархъ Фотій прибавляетъ, что и «композиція, изъ которой сдѣлана святая трапеза этого новаго храма, драгоцѣннѣе, чѣмъ золото.» Эта композиція не могла быть ничѣмъ инымъ, кромѣ эмали. По словамъ одного лѣтописца, даже разныя архитектурныя части одного ораторіума, (oratoire, молельня, образная?) построеннаго во имя Спасителя этимъ императоромъ, были украшены эмальированными изображеніями Христа, по видимому, весьма большихъ размѣровъ.

Константинъ Порфирородный, шести лѣтъ отъ роду наслѣдовавшій своему отцу Льву (911), на дѣлѣ находился подъ опекою тридцать четыре года. Сперва его дядя Александръ объявилъ себя императоромъ, потомъ мать его Зоя овладѣла правленіемъ государства. Пятнадцати лѣтъ отъ роду, въ 919 году, онъ избралъ себѣ соправителемъ Романа Лекапена, соединился бракомъ съ его дочерью и началъ на дѣлѣ править только въ 944 году, когда Романъ былъ лишенъ престола собственными дѣтьми. Но эти тридцать четыре года, въ которые онъ носилъ вѣнецъ, не принимая участія въ верховной власти, онъ употребилъ на изученіе наукъ, литературы и искусства. Признанный за самаго искуснаго живописца своего времени, онъ сдѣлался главою цѣлой школы; онъ руководилъ архитекторовъ, скульпторовъ, эмальировщиковъ, чеканщиковъ, наконецъ всѣхъ художниковъ, которыхъ произведенія служатъ къ удовлетворенію роскоши. Само собою разумѣется, что при подобномъ правителѣ производство эмали пользовалось большою благосклонностью и въ самомъ дѣлѣ самъ императоръ свидѣтельствуетъ это во многихъ мѣстахъ своего сочиненія *о церемоніяхъ византійскаго двора*. Такъ, въ большія торжества и при пріемѣ пословъ былъ обычай — дѣлать выставку

изъ самыхъ замѣчательныхъ вещей царскаго казнохранилища. Чтобы увеличить блескъ этихъ торжествъ, церкви, даже частныя лица посылали на эти выставки разные драгоцѣнные предметы, сосуды, разныя золотыхъ дѣлъ мастеровъ произведенія и ковры. Въ числѣ этихъ рѣдкостей эмальированныя произведенія изъ золота занимаютъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ. Константинъ Порфирородный разсказываетъ, что въ то время, какъ онъ правилъ вмѣстѣ съ Романомъ, была подобная выставка, устроенная въ честь пословъ Халифа, прибывшихъ въ Константинополь для заключенія мира. «Въ триклиніумѣ дворца, говоритъ онъ, были развѣшаны эмальированные предметы, принадлежащіе царскому казнохранилищу. Префектъ города украсилъ трибуналъ великолѣпными тканными обоями, и вещами золотыми эмальированными и серебранными, чеканенными въ рельефѣ, которыя были доставлены золотыхъ дѣлъ мастерами.» Въ другихъ дворцахъ были выставлены тоже принадлежащія имъ богатства. Хризотриклиніумъ, или золотой триклиніумъ, составлявшій часть дворца, обыкновенно обитаемаго императорами, былъ украшенъ, какъ онъ обыкновенно изукрашался въ праздники свѣтлаго Христова Воскресенія. «Въ восьми залахъ хризотриклиніума, говоритъ Константинъ, были выставлены вѣнцы, взятые изъ церкви Пресвятой Богородицы Маяка и другихъ церквей дворца, и различныя произведенія изъ эмали, взятые изъ царскаго казнохранилища». Далѣе Константинъ разсказываетъ, что во время обѣда, даннаго русской княжнѣ Ольгѣ, «подавали разныя лакомства на тарелкахъ эмальированныхъ и украшенныхъ драгоцѣнными каменьями, которыя поставили на небольшой золотой столикъ, обыкновенно накрывавшійся въ пентапиргіонѣ.»

Изъ этого историческаго разсказа ясно, что эмальированныя произведенія изъ золота были весьма обыкновенны въ эпоху Константина Порфиророднаго, потому что константинопольскіе золотыхъ дѣлъ мастера ссужали префекту города столь значительное количество подобнаго рода вещей, что ими возможно было украсить во дворцѣ обширную залу, назначенную для пословъ, для публичныхъ церемоній и иногда для большихъ пиршествъ. Но, кромѣ того, изъ другаго сочиненія Константина Порфиророднаго, мы видимъ, что производство эмали не употреблялось для одного изукрашенія церковной ут-

вари или столовыхъ приборовъ, но эмалью украшались и воинскія вооруженія и даже конская сбруя. Константинопольскіе золотыхъ дѣлъ мастера, которыхъ лавки были наполнены вещами столь значительными, что они могли быть выставляемы публично въ царскомъ дворцѣ въ торжественные дни, не могли ограничиваться производствомъ только такихъ предметовъ, которые по цѣнѣ своей могли быть доступны однимъ богатымъ церквамъ восточной имперіи и придворнымъ византійскаго двора. Начиная съ IX вѣка начали они фабриціровать небольшіе кресты или удобопереносимые реликваріи и небольшія эмальированныя изображенія, которыя могли быть приспособлены къ любому издѣлію золотыхъ дѣлъ мастерства. Потомъ торговля въ значительномъ количествѣ распространила ихъ въ западной Европѣ и французскіе, нѣмецкіе, англійскіе золотыхъ дѣлъ мастера начали украшать свои произведенія византійскими эмальированными изображеніями. Такъ въ IX в. украсили византійскими эмалями корону Карла Великаго, нынѣ хранящуюся въ Вѣнѣ и крестъ, принесенный императоромъ Лотаромъ въ даръ ахенскому собору. Наконецъ въ концѣ X в. было изготовлено въ Константинополѣ важнѣйшее изъ произведеній византійской эмали, дошедшихъ до насъ: это знаменитый запрестольный образъ, извѣстный подъ именемъ Pala d'oro, который до нынѣшняго дня составляетъ одну изъ главнѣйшихъ драгоцѣнностей церкви Св. Марка въ Венеціи.

Эта запрестольная картина имѣетъ 10 футовъ и $6^1/_2$ дюймовъ ширины и 6 футовъ $5^1/_2$ дюймовъ вышины. Она состоитъ вообще изъ 83 изображеній эмальированныхъ на золотѣ, изъ которыхъ одни довольно значительны, другія меньшей величины. На однихъ изъ нихъ представлены отдѣльныя лица, напр. ангелы, святые и т. д. на другихъ цѣлыя сцены, состоящія изъ многихъ лицъ. На рамкѣ между этими отдѣльными картинами вставлено 1339 драгоцѣнныхъ камней и болѣе 1200 жемчужинъ. Лабартъ, подвергшій весьма подробному изслѣдованію это превосходнѣйшее произведеніе византійской эмали, изложилъ подробно, и съ совершенно новой точки зрѣнія, исторію его, основанную на изученіи состава, надписей и другихъ историческихъ свидѣтельствъ объ этомъ памятникѣ. Результаты, до которыхъ онъ дошелъ, противорѣчатъ мнѣніямъ итальянскихъ ученыхъ, напримѣръ Чиконьяра и Ца-

нотто, но Куглеръ и другіе нѣмецкіе изслѣдователи вполнѣ согласились съ французскимъ археологомъ. По Лабарту, это произведеніе византійскаго искусства состояло первоначально изъ гораздо меньшаго числа изображеній и служило антепендіумомъ или доскою, впущенною въ переднюю часть престола и это украшеніе было сдѣлано въ Константинополѣ въ концѣ X вѣка, по порученію дожа Орсеоло I. Въ 1105 дожъ Орделафо Фаліеро, присоединивъ прочія изображенія, вышедшія тоже изъ византійскихъ фабрикъ, передѣлалъ ее въ образъ, поставленный за престоломъ. Послѣ этого онъ былъ реставрированъ три раза: въ 1209 при домѣ Ціани и въ 1345 во время правленія дожа Андрея Дандоло. При этой второй реставраціи цѣлому дали нынѣшній его видъ и этой эпохѣ именно принадлежитъ красивая рамка изъ чеканнаго и позолоченнаго серебра. Долгое время хранили это произведеніе въ ризницѣ, наконецъ реставрировали его въ послѣдній разъ въ 1847 году и поставили за престоломъ. Жаль только, что къ великолѣпному изданію Лабарта изображеніе знаменитой Pala d'oro приложено въ уменьшенномъ очеркѣ, а не хромолитографіи, которая могла бы дать полное понятіе о художественномъ исполненіи и красотѣ этого произведенія.

Но не одними произведеніями эмали снабжалъ Константинополь Италію: онъ посылалъ туда и своихъ художниковъ. Въ концѣ VIII столѣтія мы встрѣчаемъ производство эмали на почвѣ этой страны; но эти произведенія могутъ быть приписаны только греческимъ художникамъ, призваннымъ въ Италію папами Адріаномъ I, Львомъ III и Львомъ IV, потому что слѣды производства эмали въ Италіи исчезаютъ вмѣстѣ съ этими веществами. О немъ нѣтъ помина ни въ X, ни въ XI столѣтіи и эмалевыя произведенія въ Италіи, принадлежащія этимъ эпохамъ, всѣ, по видимому, чужеземнаго происхожденія. Только около 1069 года Дидье, знаменитый аббатъ въ Монтекассино, бывшій папою подъ именемъ Виктора III, призвалъ эмальировщиковъ изъ Константинополя, учредилъ въ своемъ монастырѣ подъ ихъ надзоромъ школы, изъ которыхъ, безъ сомнѣнія, вышли художники, распространившіе это производство въ Италіи. Ученики греческихъ художниковъ, итальянскіе золотыхъ дѣлъ мастера фабрицировали исключительно

восточныя эмали до того времени, когда въ концѣ XIII вѣка они изобрѣли эмальированіе на рельефахъ.

Византійскія эмали проникли также весьма рано и въ Германію. Во второй половинѣ X в. нѣмецкій императоръ Оттонъ II сочетался бракомъ съ греческою принцессою Θеофаніею и этотъ брачный союзъ не могъ остаться безъ всякаго вліянія Византіи на Германію. Въ слѣдъ за греческою принцессою прибыли ко двору и византійскіе художники. Въ числѣ золотыхъ дѣлъ мастеровъ находились, безъ сомнѣнія, и искусные эмальировщики и въ числѣ сохранившихся произведеній эмали этого времени есть нѣкорыя чисто византійскаго происхожденія, другія же исполненныя въ Германіи но византійскимъ образцамъ. Но уже въ первыхъ годахъ XI в. нѣмцы оставили эту трудную технику и перешли къ фабрикаціи описанной выше западной эмали: Этотъ второй способъ фабрикаціи инкрустированной эмали родился, по видимому, въ Кёльнѣ и сосредоточился въ большихъ имперскихъ городахъ, прилежащихъ къ Рейну.

Во все теченіе XII в. фабрикація эмали процвѣтала въ Константинополѣ, если судить по количеству эмальированныхъ произведеній, привезенныхъ Венеціанцами послѣ взятія Константинополя въ 1204. Въ XIII в. византійская эмаль весьма высоко цѣнилась во всей Европѣ. Первый французскій императоръ Балдуинъ послалъ королю Филиппу Августу эмальированный крестъ, который считался, по словамъ лѣтописцевъ, самымъ красивымъ и богатымъ крестомъ въ христіанскомъ мірѣ.

Вѣроятно и въ наше отечество проникла византійская эмаль въ весьма раннюю, хотя и трудно опредѣлимую эпоху и не путемъ торговли, но въ видѣ даровъ отъ византійскихъ императоровъ церквамъ и князьямъ, принявшимъ вѣру греческую. Хотя въ самой Византіи эмаль во времена Константина Порфиророднаго и Ольги, какъ мы видѣли выше, примѣнялась къ весьма разнообразнымъ потребностямъ, но у насъ въ Россіи въ эту эпоху она служила вѣроятно только для украшенія немногихъ церквей и, можетъ-быть (но вѣроятно уже въ гораздо меньшихъ размѣрахъ), для возвышенія блеска княжескаго двора. Въ XII столѣтіи число великолѣпно украшенныхъ церквей въ Россіи, вѣроятно, было уже гораздо значительнѣе и, что весьма замѣчательно, къ этой-то эпохѣ, именно во второй половинѣ этого столѣтія, восходятъ и наши

лѣтописныя сказанія о существованіи эмали въ Россіи. И онѣ относятся только до украшеній церковныхъ. Всѣ скудныя сказанія объ исторіи византійской эмали въ Россіи собраны въ сочиненіи г. Забѣлина. Разсматривая эту часть его книги, намъ въ высшей степени показалось замѣчательнымъ, что не смотря на продолжительныя и безпрерывныя религіозныя и частыя торговыя сношенія съ Константинополемъ, прерванныя только въ XV столѣтіи, послѣ завоеванія этого города Турками, число сохранившихся въ Россіи памятниковъ византійской эмали въ высшей степени незначительно. Г. Забѣлинъ, въ описи памятниковъ византійскаго и древнѣйшаго производства эмали, исчисляетъ только около десяти памятниковъ, ему извѣстныхъ въ Россіи, которыя по техникѣ своей принадлежатъ византійской эмали. Изъ нихъ только три несомнѣнно чисто византійскаго происхожденія, другія произведенія русскихъ художниковъ, учившихся у грековъ, и наконецъ одно принадлежитъ, вѣроятно, восточному искусству. Жаль, что эмальированныя вещи, найденныя въ Кіевѣ, остались ему извѣстными только по рисункамъ и поэтому не описаны подробнѣе въ его описи, въ которой вообще неопредѣлены точно ни эпоха исчисленныхъ эмалей, ни художественный ихъ характеръ. Замѣчательно еще, что кромѣ того ни одно изъ произведеній византійской эмали, сохранившихся у насъ, не можетъ не только по достоинствамъ своимъ сравниться съ знаменитою Pala d'oro въ церкви Св. Марка въ Венеціи, но даже близко подойдти къ ней. Капитальныхъ произведеній византійской эмали у насъ, повидимому, не существуетъ. Любопытно было бы знать причины, почему мы такъ бѣдны произведеніями византійскаго искусства.

Производстно эмали въ Константинополѣ продолжалось безъ перерыва до паденія византійской имперіи, но болѣе подробныхъ свѣдѣній о немъ въ эту позднюю эпоху Лабартъ не сообщаетъ. Эмаль въ Византіи раздѣляетъ общую участь искусства въ этомъ государства какъ въ отношеніи рисунка, такъ и техническаго исполненія: искусство, съ ослабѣвающими внутренними силами государства падаетъ, все глубже и глубже и потомъ умираетъ отъ истощенія силъ, какъ и само государство.

К. Гёрцъ.

ЗНАКОМСТВО ЖУКОВСКАГО СО ВЗГЛЯДАМИ РОМАНТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ.

Романтическое направленіе примыкало въ Германіи съ одной стороны къ литературной дѣятельности Гёте и Шиллера, съ другой къ философскимъ системамъ Фихте и Шеллинга[1]). Первые усвоили своему отечеству рядъ поэтическихъ образовъ и идей, которые, рѣзко противустоя дѣйствительности, германскому шпицбиргерству, не могли не породить въ молодомъ поколѣніи сознанія необходимости общественныхъ реформъ. Спокойное, свѣтлое міросозерцаніе Грековъ, прославленное Винкельманомъ, Гёте, Шиллеромъ, въ свою очередь не удовлетворяло уже людей, которые, считая дѣло Шиллера и Гёте оконченнымъ, надѣялись, заступивъ ихъ мѣсто, продлить цвѣтущій періодъ нѣмецкой литературы: время рыцарства привлекло къ себѣ ихъ вниманіе. «То была пора юности нашего народа», говорили основатели новаго направленія, «съ одной стороны отличавшаяся личною отвагою и исполненная поэзіи, съ другой ознаменованная вѣрою во все великое и прекрасное, не погибающее и за гробомъ. Наши современники погрязли въ матеріализмѣ: надобно напомнить имъ лучшее время и согрѣть ихъ вѣрою, конечно болѣе просвѣщенною и менѣе

---

[1]) См. Gervinus, Geschichte der poetischen National-Literatur der Deutschen. Fünfter Theil.—Schmidt, Geschichte der deutschen Literatur im neunzehnten Jahrhundert и другія сочиненія о нѣмецкой литературѣ.

грубою, чѣмъ встрѣчающаяся у рыцарей, тогда настанетъ новое, великое время.» Результаты, добытые трудомъ лучшихъ мыслителей начала XIX вѣка, Фихте и Шеллинга, приводили къ тѣмъ же воззрѣніямъ: въ первомъ находили доказательство въ пользу религіознаго характера среднихъ вѣковъ, во второмъ самое полное сочувствіе личной независимости. Но каждое выдающееся явленіе въ мірѣ идей бываетъ слѣдствіемъ не одной или двухъ причинъ, а цѣлаго ряда обстоятельствъ, его обусловливающихъ. Французская революція и деспотизмъ Наполеона, основанный на однихъ комбинаціяхъ ума этого геніальнаго, но не великаго человѣка, оказали вліяніе и на нѣмецкихъ писателей: нѣтъ сомнѣнія, что M-me Stael, ненавистная Наполеону, въ свою очередь во многомъ опредѣлила взгляды Шлегелей[1]). На ряду съ названными нами первоклассными писателями сообщили многое послѣдователямъ новаго направленія другіе, менѣе замѣчательные. Разбирая отдѣльныхъ представителей романтическаго направленія, Гервинусъ находитъ, что въ Вернерѣ оно было видоизмѣненнымъ мистицизмомъ Гаммана, въ Фридрихѣ Шлегелѣ обусловливалось Штольбергомъ, въ Стефенсѣ Юнгъ Штиллингомъ и т. д. Чѣмъ же опредѣлилась дѣятельность Жуковскаго, какъ романтика? Раннее знакомство съ Гёте и Шиллеромъ и участіе въ отечественной войнѣ направляли его туда же, куда стремились германскіе литераторы. Знакомство съ Карамзинымъ, какъ историкомъ, и его заставляло вѣрить въ существованіе отдаленныхъ эпохъ, болѣе грубыхъ, но у которыхъ наше время могло бы многому поучиться; самыя религіозныя понятія Карамзина, выросшія на основаніи, положенномъ Новиковымъ и приведенныя въ большую ясность, при помощи Руссо и другихъ французскихъ писателей, перешли къ Жуковскому и сближали его съ религіозно-философскимъ міросозерцаніемъ романтиковъ. Впрочемъ, нѣтъ сомнѣнія, что все это не привело бы его еще къ романтизму, помимо знакомства со взглядами послѣднихъ: оно же совпадаетъ по

---

[1]) Schmidt пишетъ на стр. 504: Hier haben wir noch die Werke hervorzuheben, die der literarischen Thätigkeit der Romantiker den Abschluss gaben и т. д. Es sind die dramatischen Vorlesungen von A. W. Schlegel, das Werk der Frau von Staël über Deutschland und die Geschichte der alten und neuen Literatur von Fr. Schlegel.

времени съ его пребываніемъ въ Дерптѣ. Веймаръ, долго бывшій въ Германіи центромъ литературной дѣятельности, вмѣщалъ въ себѣ такъ много, что изъ него она не могла не распространиться и въ другіе главнѣйшіе города. Вотъ почему, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ Берлинѣ, въ Вѣнѣ, въ Брауншвейгѣ, въ Дрезденѣ проявилась небывалая до того времени литературная дѣятельность. И въ далекій Дерптъ проникли люди съ новымъ направленіемъ, изъ которыхъ мы назовемъ Густава Эверса, какъ ученаго, Бока, какъ гражданина [1]). Къ сожалѣнію эгоистическія натуры Шлегелей, Тика, Генца, Лудвига Фердинанда, изъ которыхъ первые два образовали въ литературѣ расколы, вторые не лишены были тщеславія, уронили романтиковъ въ глазахъ многихъ, тогда какъ изъ среды ихъ вышли Новалисъ, Платенъ, Гриммы, Фр. Раумеръ и цѣлый рядъ благородныхъ, хотя и менѣе извѣстныхъ лицъ. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и Бокъ. По убѣжденіямъ, онъ всего болѣе сходствовалъ съ членами союза, образовавшагося въ 1803 году въ Берлинѣ и называвшагося Der Bund des Nordsterns, большая часть которыхъ заслуживаетъ извѣстности не столько по литературнымъ заслугамъ, сколько за гражданскія доблести [2]). Лучшимъ изъ поэтовъ былъ между ними Ламотъ Фуке, сочиненія котораго находили въ Бокѣ достойнаго цѣнителя, какъ увидимъ ниже изъ письма Воейковой. Изъ русскихъ писателей, Бокъ, кромѣ Жуковскаго, всего болѣе сочувствовалъ Озерову. Въ началѣ своей литературной дѣятельности, Жуковскій находился, какъ сказано, подъ вліяніемъ Карамзина и только мало-по-малу видоиз-

---

[1]) Самъ Шлегель писалъ: Unter recht tüchtigen Bedingungen wäre ich selbst nach Moskau und Dorpat gegangen. Schmidt S. 480. Erster Theil.

[2]) Шмидтъ пишетъ на стр. 182 второй части: Wenn sie sich als Jünger der Romantiker betrachteten, so übertrafen sie instinctartig, ohne sich darüber klare Rechenschaft zu geben, das Gefährliche des romantischen Princips. Der romantischen Schule galt die Feinheit und Verwegenheit des Gedankens, der Empfindung mehr, als die Gesundheit und Natürlichkeit; den jüngern Dichtern kam es dagegen mehr darauf an, ehrlich und rechtschaffen zu fühlen, als fein und gross. Nur wenige von diesem Kreise haben eine bedeutende Stellung in der Literatur eingenommen; sie gaben uns aber fast alle in ihren persönlichen Verhältnissen, wie in ihrer Theilnahme an den öffentlichen Angelegenheiten das Bild eines ehrlichen, lustigen Strebens, einer liebenswürdigen nach allen Seiten anerkennenden Humänität und eines gesunden Menschenverstandes, der sich durch die eigenen Doctrinen nicht verwirren liess. Все это можно сказать и о Бокѣ.

мѣнялись его взгляды, согласно направленію, которое въ началѣ нынѣшняго столѣтія стало преобладающимъ въ нѣмецкой литературѣ. Гранью между первымъ и вторымъ періодомъ его литературной дѣятельности служитъ отечественная война: она оживила въ немъ чувство славы, чести, любви къ отечеству и сблизила его съ человѣкомъ, который во всемъ этомъ видѣлъ главную цѣль своей жизни. Славянская натура Жуковскаго влекла его къ мирному наслажденью жизнью: «отъ полноты души», говоритъ г. Плетневъ «высказался онъ когда писалъ:

«Мнѣ рокъ сулилъ брести невѣдомой стезей,
«Быть другомъ мирныхъ селъ, любить красы природы,
«Дышать подъ сумракомъ дубровной тишиной,
«И взоръ склонивъ на пѣнны воды[1]),
«Творца, друзей, любовь и счастье воспѣвать;»

жизнь его друга уже съ 17-ти-лѣтняго возраста была исполнена тревожной порывистой дѣятельности. Разнородность характеровъ сближаетъ людей и оказывается благотворною для обѣихъ сторонъ, и потому Жуковскій, живя съ Бокомъ, писалъ: «я столько потерялъ времени, что теперь каждая минута кажется мнѣ важною; вся моя протекшая жизнь есть не что иное, какъ жертва мечтамъ» [2]). Начавъ свое поприще блистательно, Бокъ не избѣгъ тяжелыхъ испытаній, и утрата его, вмѣстѣ съ болѣзнью Батюшкова и смертью Мейеръ, конечно отозвались въ струнахъ лиры Жуковскаго. Самый выборъ предметовъ для произведеній нашего поэта въ теченіи многихъ лѣтъ, послѣ этихъ горькихъ событій, свидѣтельствуетъ о состояніи его души, сочувствующей всему великому, но проповѣдующей одно милосердіе, печаль о томъ, что̀ страждетъ (Пери и Ангелъ. Судъ въ подземельи т. д).

Отецъ Бока, получивъ отъ предковъ значительное состояніе, оставилъ по себѣ память человѣка, рыцарски благороднаго, но расточительнаго. Надобно впрочемъ отдать ему справедливость, что никто не могъ позаботиться лучше его о воспитаніи сына. Извѣстный Лербергъ внушилъ послѣднему самыя возвышенныя чувства и рано ознакомилъ его съ произведеніями Шиллера и другихъ нѣмецкихъ писателей. Самъ Лербергъ, получивъ перво-

---

[1]) Плетневъ, Жизнь и сочиненія Жуковскаго стр. 32.

[2]) Тамъ же стр. 44.

начальное воспитаніе въ Дерптѣ, подъ руководствомъ Эверса, приступилъ въ 1789 г. въ Іенѣ къ изученію богословія. Въ то время уже появились сочиненія Гердера, вызванныя мистицизмомъ Лафатера и религіозными спорами Гетце, Николаи и Лессинга. Гердеръ указалъ на связь, существующую между историческими судьбами народовъ и ихъ религіозными вѣрованіями, и тѣмъ съ одной стороны вступилъ въ борьбу съ безвѣріемъ, съ другой обнаружилъ ничтожность сухихъ, исключительно богословскихъ преній [1]). Лербергъ увлекся направленіемъ Гердера и измѣнилъ даже родъ своихъ занятій. Знакомство съ Шиллеромъ, который хотѣлъ возложить на него отчасти трудъ изданія историческихъ мемуаровъ, ввело его въ кругъ литераторовъ, который онъ рѣшился покинуть только съ цѣлью заняться въ Гёттингенѣ политическими науками и естествовѣдѣніемъ. По возвращеніи на родину, Лербергъ занялся воспитаніемъ дѣтей Бока; а съ 1805 года переѣхалъ въ С.-Петербургъ, гдѣ занималъ должность академика. Тутъ къ нему собирались и ученые,и литераторы: кто за совѣтомъ, кто съ цѣлью послушать его выразительное чтеніе. Быть-можетъ, у Лерберга сошелся въ первый разъ Жуковскій съ Бокомъ. Во время пребыванія Лерберга въ Іенѣ уже обнаружились недоразумѣнія между Шиллеромъ и молодыми литераторами, которые впослѣдствіи образовали школу романтиковъ. Лербергъ держался перваго, но знакомый съ результатами современной ему философіи и съ успѣхами, которые сдѣлали въ Гёттингенѣ политическія науки, онъ въ послѣдствіи часто сходился во взглядахъ съ представителями романтическаго направленія. Благословляя питомца своего на жизнь и на войну съ врагами отечества, онъ не отказался отъ вліянія на него и остался его лучшимъ другомъ на всю жизнь [2]).

Рыцарски благородный характеръ отца и воспитателя пріучилъ молодаго Бока быть взыскательнымъ къ себѣ; развитый вкусъ къ музыкѣ дѣлалъ его любимымъ въ обществѣ. Отецъ назначалъ его для дипломатической карьеры, но не чувствуя къ ней влеченія, Бокъ вступилъ въ военную службу и принималъ

---

[1]) Gervinus ч. 5, стр. 312: Herder war der erste, der im Ganzen des Bildungsganges der Nation fühlte und der daher auf ihre theologischen und poetischen, ihre geschichtlichen und philosophischen Entwickelungen zugleich theilnemend cinging.

[2]) См. Лерберга краткую біографію въ предисловіи къ Kritische Untersuchungen.

участіе въ турецкихъ кампаніяхъ, которыя были ведены русскими съ 1805 г., въ прусской кампаніи 1807 г. подъ начальствомъ Бенигсена, въ отечественной войнѣ и въ походахъ 1813, 1814, 1815 гг. Письма, которыя онъ писалъ во время этихъ походовъ къ сестрѣ, дышатъ нѣжностью и обнаруживаютъ характеръ чувствительный и воспріимчивый; такъ въ одномъ письмѣ отъ 1809 г. онъ писалъ слѣдующее: «Будь увѣрена, милая сестра, что я не принадлежу къ числу тѣхъ, которые смотрятъ равнодушно на слезы родныхъ: напротивъ истинную радость и истинное счастіе я нахожу только въ счастіи или несчастіи близкихъ моему сердцу, въ особенности въ твоей судьбѣ; о себѣ же и думать не хочу. Часа чрезъ два я буду въ походѣ; не мучь себя, когда меня убьютъ, но не думай, что я такъ буду малодушенъ, чтобы искать смерти: во мнѣ еще живо воспоминаніе о Лербергѣ. Будь счастлива». Грусть, которая высказывается въ этомъ письмѣ, вскорѣ перешла въ чувство болѣе тягостное, въ невыносимую тоску. Причиною тому была во первыхъ опасная болѣзнь Лерберга, во вторыхъ разнесшійся слухъ о предстоявшей свадьбѣ дѣвушки, которую Бокъ любилъ нѣсколько лѣтъ, не говоря о томъ никому, даже самому Лербергу. Къ счастью на этотъ разъ его опасенія не осуществились. Въ 1813 году мы встрѣчаемъ его въ числѣ участниковъ похода въ Германію. Въ Берлинѣ онъ часто является ко двору. Упоминаю объ этомъ собственно потому, что при этомъ случаѣ онъ принужденъ былъ ознакомиться съ духомъ, который тогда господствовалъ въ прусской аристократіи. Образованнѣйшее общество Берлина собиралось въ началѣ нынѣшняго столѣтія у Евреекъ, въ числѣ которыхъ играла едва ли не главную роль Генріэтта Герцъ. Она оставила по себѣ записки, недавно напечатанныя Фирстомъ: изъ нихъ видно, что она была знакома съ первоклассными писателями того времени, къ числу которыхъ принадлежали романтики Фридрихъ Шлегель и Ламоттъ Фуке [1]). Часть аристократіи, во главѣ которой стоялъ принцъ Лудовикъ Фердинандъ, занимая относительно старой Пруссіи такое же положеніе, въ какое поставили себя романтики относительно сво-

---

[1]) Henriette Herz. Ihr Leben und ihre Erinnerungen. Herausgegeben von J. Fürst und Schmidt и т. д. Erster Theil, S. 416.

ихъ предшественниковъ, также являлась къ ней. Разговоръ касался всего, что выдавалось въ литературѣ, или въ жизни, и гвардейскіе офицеры съ самодовольствіемъ передавали то, что удавалось имъ почерпнуть на лекціяхъ Фихте и Шеллинга. Нѣтъ сомнѣнія, что во всемъ этомъ было много остентаціи. Во всякомъ случаѣ, это общество не могло не оказать вліянія на Бока и должно было сблизить его съ господствовавшимъ въ Германіи направленіемъ литературы. Въ то же время онъ успѣлъ обратить на себя вниманіе начальства и былъ посланъ съ военно-дипломатическою цѣлью въ Англію, гдѣ познакомился со многими замѣчательными людьми, въ томъ числѣ и съ Дюмурье, который и впослѣдствіи велъ съ нимъ переписку. Сохранилась записка, представленная Бокомъ Витгенштейну, въ которой, отдавъ отчетъ о своемъ пребываніи въ Англіи и изобразивъ взглядъ правительства этой страны на отношенія ея къ Россіи и къ Франціи, онъ пишетъ: «Императоръ Александръ можетъ имѣть большое вліяніе на Англію, какъ скоро назначитъ въ Лондонъ искуснаго посланника и устранитъ вліяніе на дѣла графа Аракчеева». Когда въ іюлѣ мѣсяцѣ было заключено перемиріе и войска наши расположились въ Силезіи, Бокъ былъ уже при арміи и вручилъ Барклаю де Толли записку, въ которой съ замѣчательною откровенностью высказывалъ много истинъ. Барклай прочелъ ее и, не смотря на то, что въ запискѣ порицались отчасти и его дѣйствія, благодарилъ ея автора. Содержаніе ея слѣдующее: «война съ Наполеономъ, какъ нарушителемъ спокойствія, не кончена, мира съ нимъ быть не можетъ, и потому пора выйдти изъ бездѣйствія; для успѣшнаго же хода дѣлъ необходимо, чтобы командованіе арміи перешло въ однѣ сильныя руки. Кутузовъ при Аустерлицѣ, Витгенштейнъ при Люценѣ и Бауценѣ доказали, какъ важно для главнокомандующаго не быть угодливымъ и слабымъ, подъ видомъ умѣренности и мудрости. То же самое слѣдуетъ сказать и о Барклаѣ де Толли: въ началѣ кампаніи 1812 года онъ именно потому возстановилъ противъ себя всѣхъ, что дѣйствовалъ не самостоятельно. Не такъ поступали Гонзалесъ, Евгеній, Суворовъ». Какъ уже сказано выше, Барклай не обидѣлся и велѣлъ даже благодарить автора записки. «Меня пока не повѣсили», писалъ Бокъ своему другу, «не смотря на то, что

я подалъ записку, которую вамъ читалъ, не измѣняя въ ней ни слова». Къ 1813 году относится знакомство его со многими замѣчательными людьми Германіи, въ томъ числѣ и съ Гёте. Послѣдній написалъ слѣдующее стихотвореніе:

An

Herrn Oberst-Lieutenant von Bock,

den 22. October 1813.

Von allen Dingen, die geschehn,
Wenn ich es redlich sagen sollte,
So war's Kosaken hier zu sehn
Nicht eben, was ich wünschen wollte.
Doch als die heilig grosse Fluth
Den Damm zerriss, der uns verrengte
Und Well' auf Welle mich bedrängte
War dein Kosack mir lieb' und gut.

Göthe.

Послѣ взятія Парижа, Бокъ взялъ отпускъ и, желая посвятить себя государственной службѣ, подалъ лицу высоко стоявшему слѣдующую записку: «Событія нашего времени оставили во всѣхъ сердцахъ неизгладимыя впечатлѣнія и возбудили во многихъ чувства высокой нравственности. Человѣкъ, который, видя несчастія родины, до времени пожертвовалъ беззаботностью молодости, всею душею жилъ для священнѣйшаго изъ дѣлъ, сотню разъ жертвовалъ жизнью для достиженія великой цѣли, такой человѣкъ не найдетъ прелести въ своемъ существованіи, до тѣхъ поръ, пока не совершится великое дѣло, къ которому призываетъ судьба поколѣніе Александра, пока правый часто угнетенъ, невинный часто преслѣдуется... Въ искорененіи этихъ золъ цѣль моей жизни; я стремился къ ней прежде, стремлюсь теперь и всегда буду стремиться. Государь нашъ великодушенъ и добръ, и если онъ не успѣваетъ дѣлать столько, сколько желаетъ его сердце, то виноваты въ томъ его помощники. Служить ему—вотъ мое искреннее желаніе, потому что, къ счастью,

мы можемъ сказать: кто служитъ Александру—служитъ человѣчеству и чести. Я бы почелъ себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, еслибы государь позволилъ мнѣ, изучивъ постановленія народовъ иностранныхъ, объѣздить Россію съ тою же цѣлью. Я бы употребилъ все свое стараніе на то, чтобы объяснить себѣ значеніе разныхъ административныхъ мѣръ, открыть источники промышленности, сравнить различныя законодательства съ ихъ вліяніемъ на нравы, истины политической экономіи съ народнымъ богатствомъ, нравственность народовъ съ ихъ политическимъ значеніемъ и ихъ народное образованіе съ ихъ народною мудростью. Не знаю, во сколько удался бы мнѣ трудъ мой, отвѣчаю только головою за первое незаконное дѣйствіе, въ которомъ меня изобличатъ».

Боку было 27 лѣтъ, когда онъ писалъ эти строки; программа его была слишкомъ обширна, но во всякомъ случаѣ нельзя не оказать сочувствія его высокимъ стремленіямъ. Императоръ Александръ обратилъ на него вниманіе уже до взятія Парижа, и когда онъ вернулся въ С.-Петербургъ, часто приглашалъ его къ себѣ. Въ то время, Жуковскій также былъ въ С.-Петербургѣ, гдѣ собирались къ нему Карамзинъ, Тургеневъ и другіе. Въ ихъ обществѣ часто бывалъ и Бокъ, котораго сближали съ ними надежды, возбужденныя войною. Впрочемъ, изъ всѣхъ ихъ онъ былъ всего дружнѣе съ Жуковскимъ, который, вмѣстѣ съ Воейковой, зналъ о его любви, не измѣнившейся, вопреки равнодушію со стороны дѣвушки, которую онъ любилъ. Вся эта любовь, длившаяся нѣсколько лѣтъ и возбужденная въ немъ съ перваго разу дѣвушкою, которой было не болѣе 13 лѣтъ, когда онъ съ ней познакомился, напоминаетъ Новалиса. Чтобы объяснить, въ какихъ отношеніяхъ были съ Бокомъ въ эту лучшую пору его жизни Жуковскій и Воейкова, приведу посланіе къ нему перваго и письмо второй:

I.

Любезный другъ, гусаръ и Бокъ!
Планетамъ измѣнять ни мало намъ не стыдно!
Ихъ путь отъ насъ далекъ;
Къ тому жь, мой другъ, для звѣздъ небесныхъ не обидно,

Когда забудешь ихъ на часъ для звѣздъ земныхъ!
Для безпредѣльности одной онѣ сіяютъ,
И въ гордости своей совсѣмъ не замѣчаютъ
Слѣпцовъ, которые изъ мрачности земной
Ихъ куртизируютъ подзорною трубой!
Хоть я и не гусаръ, но клясться радъ съ тобой,
Священнымъ именемъ пророка,
Что, встрѣтившись, какъ ты, съ прекрасною четой,
Забылъ бы звѣзды всѣ, Жуковскаго и Бока!
Въ осьмомъ часу тебя готовъ я ждать!
Но завяжи глаза, чтобъ къ намъ дойдти вѣрнѣе,
Чтобы опять сирены не видать!
Близь пропасти слѣпой всегда пройдетъ смѣлѣе.

II.

10 Novembre

Je vous remercie pour votre lettre, aimable homme! Elle m'a fait un sensible plaisir. Croyez, que personne ne forme des voeux aussi sincères pour votre bonheur, батюшка братецъ! qu'Alexandrine Woyeikoff. J'aurai bien voulu vous envoyer *Undine* comme cadeau de noces; vous l'expliquiez si joliment, mon chevalier; mais je n'ai pas mon exemplaire chez moi dans ce moment-ci, malheureusement! N'oubliez pas votre promesse de m'écrire de Paris et en revenant de là, quittez votre Livonie et venez vous fixer à Moscou, vous y trouverez des amis et pas un seul Schaf, qui veuille vous faire du désagrement. Oh! comme je serai contente de vous y voir... Adieu; ma faiblesse m'empèche d'écrire davantage. Je vous recommande ma seconde fille, qui ressemble à son père comme deux gouttes d'eau, ne sera ce pas une gentille démoiselle? Adieu. Soyez aussi heureux que vous êtes bon, et que le desire, votre сестрица.

Alexandrine Воейковъ.

Изъ послѣдняго письма видно, что въ концѣ 1815 г. Бокъ былъ уже во Франціи: при первомъ извѣстіи о возвращеніи Наполеона, онъ, не смотря на дарованное ему право оставаться въ отпуску, сколько пожелаетъ, покинулъ полную прелести жизнь въ С.-Петербургѣ и отправился въ армію. «Еслибы, возвратясь чрезъ годъ, я нашелъ, что она меня любитъ, я бы

умеръ отъ радости», писалъ онъ къ одной изъ своихъ близкихъ знакомыхъ. Къ тому же времени относится его отзывъ о Барклаѣ де Толли и Кутузовѣ, замѣчательный по искренности и безпристрастію. Знакомство и дружба съ людьми, какъ Жуковскій, Тургеневъ и др., заставили его полюбить все русское, и, имѣя привычку говорить откровенно, онъ не усумнился написать въ одномъ письмѣ слѣдующія строки: «Барклай далеко не Наполеонъ, но его стойкость въ битвѣ парализируетъ всѣ другія преимущества его противника. Дибичъ, начальникъ его штаба, лучшая голова между всѣми нашими генералами. Въ то же время послѣдній—рыцарь въ нравственномъ отношеніи. Дисциплина въ нашей арміи строга и всѣ отрасли управленія въ такомъ порядкѣ, какъ не бывали никогда. Не было еще ни одной жалобы, съ тѣхъ поръ, какъ мы перешли границу Германіи, жители не могутъ нахвалиться нашими солдатами. Дѣйствительно, еслибы не пѣсни, то и не замѣтилъ бы ихъ иногда. Все это дѣлаетъ Барклаю много чести; порицаю только то, что въ главной квартирѣ его не услышишь никакого другаго языка, кромѣ нѣмецкаго. Если допустить пристрастіе, то ужь конечно къ большинству націи, но эта germanomanie и livonomanie рѣшительно неумѣстна, особливо въ Лифляндцѣ. Румянцевъ и Кутузовъ также были постоянно окружены Лифляндцами и Нѣмцами, но при нихъ это обусловливалось ихъ безпристрастіемъ, при Барклаѣ напротивъ. Еще разъ, какъ скоро допустишь, чтобы что-либо другое было побудительною причиною нашихъ дѣйствій, чѣмъ здравый смыслъ и чувство чести, то лучше отдавать преимущество большинству. Въ этомъ я убѣжденъ искренно и потому не хочу оставаться въ главной квартирѣ; я даже не хочу имѣть видъ человѣка, ставящаго себя, какъ Лифляндецъ, въ оппозицію къ остальной части націи. Какъ дворянинъ, я горжусь, что мои предки были древніе рыцари, какъ гражданинъ, я никогда не буду ничѣмъ другимъ, какъ самымъ закоренѣлымъ русскимъ». Какая-то грозная Немезида преслѣдовала Бока: предложеніе его не было принято; убитый горемъ, онъ подалъ въ отставку и отправился въ Дерптъ, куда вскорѣ прибылъ и Жуковскій. Послѣдній послалъ ему, еще въ бытность его въ походѣ 1815 г., при корректурѣ третьяго изданія «Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ» небольшое посвященіе, а въ Дерптъ

стихотворное письмо, которымъ увѣдомлялъ его о скоромъ своемъ пріѣздѣ. И то и другое пока не было напечатано, и потому мы сообщаемъ ихъ.

I.

Мой другъ, въ тотъ часъ, когда луна
  Взойдетъ надъ русскимъ станомъ,
Съ бутылкой свѣтлаго вина,
  Съ заповѣднымъ стаканомъ,
Передъ дружиной у огня
  Ты сядь на барабанѣ —
И въ сонмѣ храбрыхъ за меня
  Прочти меня во станѣ.
Пѣснь брани вамъ зажжетъ сердца!
  И, въ бой летя кровавый,
Про отдаленнаго пѣвца,
  Вспомянутъ чада славы.

1815 г. апрѣля 7.

II.

Мой милый Бокъ!
Не думай, чтобъ я былъ лѣнивый лежебокъ,
Или пренебрегалъ твоимъ кабріолетомъ —
Нѣтъ, нѣтъ! но какъ гусаръ ты поступилъ съ поэтомъ!
  (Какъ другъ-гусаръ, прошу меня понять):
Какъ *другъ*, ты, согласивъ съ своимъ мое желанье,
  Спѣшишь скорѣй меня обнять,
Скорѣе раздѣлить со мной очарованье,
Которое сестра прелестная твоя
Своимъ присутствіемъ вокругъ насъ разливаетъ —
И дружба этому прямую цѣну знаетъ.
Но, какъ гусаръ, ты все спуталъ, душа моя:
Ты хочешь приступомъ взять мирнаго поэта;
  Ты силою кабріолета
Затѣялъ, въ мигъ одинъ, весь планъ его взорвать!..
Послушай: снявъ мундиръ, привычку разрушать
  Оставь съ мундиромъ и усами!

Капитуляція была ужь между нами;
Стояло въ ней: *тебѣ отъ друга вѣсти ждать;*
Дождавшись же, за нимъ, въ своемъ кабріолетѣ,
И на-лицо во весь опоръ скакать.
Но, видно, это все ты предалъ жадной Летѣ
И въ памяти одну лишь дружбу сохранилъ!
Итакъ, чтобъ памяти ты вновь не утопилъ,
Вотъ для тебя рецептъ отъ сей чумы ужасной,
Вотъ планъ мой *письменный*, по пунктамъ, точный, ясный:
Пунктъ первый: подождать!
Ты знаешь, до Печеръ я ѣду провожать
Своихъ друзей — на то дней семь иль восемь сроку.
Коль скоро возвращусь, тотчасъ записку къ Боку,
И въ этомъ *пунктъ второй* — но какъ ее послать?
Не лучше ли тебѣ меня ужь въ Дерптѣ ждать?
Мы *вмѣстѣ* славно прокатимся!
Мой планъ не весь! еще есть пунктовъ пять,
Но на словахъ мы лучше объяснимся!
Прости! завидуя моимъ дурнымъ стихамъ,
На мѣстѣ ихъ теперь желалъ бы быть я самъ.

P. S. Когда ты черезъ десять дней,
По обстоятельствамъ, за другомъ и поэтомъ,
Не можешь самъ скакать съ своимъ кабріолетомъ,
То хоть однихъ пришли съ нимъ лошадей.

«Я беру лекцію, именно для моего плана весьма важную», писалъ Жуковскій изъ Дерпта одному изъ своихъ друзей. «Она продолжится отъ февраля до конца мая и должна облегчить мнѣ большой трудъ [1]). Тутъ идетъ рѣчь о лекціяхъ средней исторіи, которыя читались въ то время Эверсомъ. Изъ нихъ сохранилось въ бумагахъ Бока только четыре, записанныхъ его рукою, отчасти на нѣмецкомъ, отчасти на русскомъ языкѣ. Если курсъ Эверса продолжался до конца мая, то ихъ было вѣроятно болѣе 90, такъ какъ каждый день читалось по лекціи. Судя по первымъ лекціямъ, онѣ были раздѣлены на два отдѣла: въ первой излагались общія идеи, во второй сухія ученыя данныя. Послѣднія не представляютъ никакого интереса для біографа Жуковскаго,

[1]) См. Плетнева, Жизнь и сочиненія Жуковскаго стр. 44.

тогда какъ взглядъ Эверса на средніе вѣка не могъ остаться безъ вліянія на нашего поэта. Эверсъ считалъ полезными занятія среднею исторіей для той же самой цѣли, для которой посвящали имъ свою дѣятельность романтики: онъ напоминалъ о древнихъ Германцахъ, о рыцаряхъ, о религіозномъ характерѣ среднихъ вѣковъ, единственно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы побудить современниковъ перенести поэтическіе элементы юности человѣчества въ ихъ одряхлѣвшую сферу. Впрочемъ онъ далекъ былъ отъ того, чтобы на подобіе многихъ современныхъ ему писателей находить все прекраснымъ въ среднихъ вѣкахъ. «Въ наше время ученые и писатели часто вдаются въ крайности, судя о среднихъ вѣкахъ», говорилъ Эверсъ. «Одни, видя распущенность нашего времени, восхваляютъ энергію, простоту (Einfalt), вѣру нашихъ предковъ, и охотно вернули бы насъ къ тому времени, когда на ряду съ этими прекрасными качествами во всемъ проявлялось невѣжество, грубость, ограниченность, суевѣріе и духъ религіозной нетерпимости; другая же часть нашихъ современниковъ видитъ въ среднихъ вѣкахъ одни недостатки, забывая, что все прекрасное мы наслѣдовали отъ предковъ: наше дѣло было воспользоваться тѣмъ, что̀ добыли другіе. Не надо въ племенахъ, разрушившихъ Римскую имперію, видѣть дикую силу, низринувшую общественный порядокъ и облагороженный науками и искусствами вѣкъ. Все хорошее давно уже не существовало въ Римской имперіи, когда такъ называемые варвары вступили на римскую почву, и потому на нихъ надобно смотрѣть, какъ на виновниковъ возрожденія общества. Римъ погрязъ въ рабствѣ, изнѣженности, развратѣ; любовь къ искусству и наукамъ давно исчезла, и только такой переворотъ, какъ переселеніе германскихъ племенъ, могъ поддержать священное пламя, данное человѣчеству въ видѣ утѣшенія среди мірскихъ несчастій, иногда лишь тлѣющее подъ пепломъ, чтобы возгорѣться съ новою силою [1]). Односторонній взглядъ на сред-

---

[1]) Сравни съ этимъ слѣдующее изъ Гервинуса ч. V, стр. 572, о взглядахъ романтиковъ: Die Natur treibt im Menschen die verschiedenen Zweige seiner Entwickelung in periodischer Folge; sie lässt Religion, Kunst, die pracktischen Thätigkeiten aller Art und der Philosophie nach einander wachsen. Sie will aber nicht, dass ein Zweig um der andern abdörre. Wenn sie den einen jeweilig begünstigt, so grünt der andere weiter und es wird dem ganzen Baume des Lebens

ніе вѣка самъ по себѣ устранится, какъ скоро возьмешь на себя трудъ объяснить, что̀ слѣдуетъ подразумѣвать подъ словомъ варварство. Это названіе приличествуетъ не менѣе грубой массѣ, переходящей въ состояніе, болѣе образованное, чѣмъ націи высоко развитой, но уже вступившей въ періодъ разврата и разложенія. Совершенства (das Volkommene) надобно искать въ срединѣ между этими двумя крайностями, и потому не менѣе ошибочно видѣть идеалъ въ ребяческомъ возрастѣ, чѣмъ въ старческомъ, хотя первый увеселительнѣе своими надеждами и многосторонностью. Между всѣми явленіями среднихъ вѣковъ, привлекательнѣйшее рыцарство, chevalerie. Героизмъ, честь и благородство души въ союзѣ съ поэзіей являются тутъ въ романтическомъ свѣтѣ. Но это прекрасное время длилось не долго: кулачное право, необузданность погубили благородныя чувства. Не нападеніе Германцевъ было причиною гибели Римской имперіи, но пороки Римлянъ. По разрушеніи Карѳагена и во время азіятскихъ походовъ, простота и добродѣтели исчезли въ Римѣ, уступивъ мѣсто роскоши, сладострастію и разврату. Языческая миѳологія оказалась неудовлетворительною для просвѣтившагося народа, храмы боговъ Олимпа опустѣли, и все вниманіе Римлянъ обратилось на наставленія Эпикура, наставленія, столь же опасныя для черни (которая встрѣчается не менѣе въ кругу людей достаточныхъ, чѣмъ бѣдныхъ), сколь они полезны для образованнаго и мудраго. Въ послѣдніе вѣка христіянская вѣра сдѣлалась господствующею, но и она не могла исцѣлить раны, которую нанесла народу роскошь. Что̀ есть вѣра? отблескъ свѣта души нашей. Человѣкъ вообще видитъ и понимаетъ одну внѣшнюю природу; божество является лишь неиспорченнымъ душамъ. Для развращеннаго, вѣра и любовь—слова безъ смысла.

«Отъ христіянства перешли въ понятія двояко варварскихъ родовъ одно суевѣріе и церковные обряды: любовь къ ближнему, твердое упованіе на единаго Бога истины и добродѣ-

das weder unzeitig Gedeihlichste sein, wenn neben dem von der Jahreszeit geförderten Schosse die zurückgedrängten wetteifernd nachtreiben, noch auch der Saft ihnen ganz entzogen wird. Die religiose Bildung veranschaulicht dies besonders deutlich; sie *ist die erste Stufe menschlicher Ausbildung*, sie *weicht aber nie aus ihrem einmal errungenen Rechte und sucht sich unter den Bedrängnissen der späteren Bildung immer einen Platz zu behaupten*, и т. д.

тели, презрѣніе неправедной власти, не могли отозваться въ душахъ необразованныхъ Германцевъ и гнилыхъ Римлянъ. Провидѣніе предоставило послѣдовавшимъ вѣкамъ явить вѣру въ достойнѣйшемъ видѣ, но тогда прочія впечатлѣнія жизни дѣлали уже людей *способными* къ истинному просвѣщенію». Не трудно убѣдиться по этимъ выпискамъ, что Эверсъ смотрѣлъ на средніе вѣка глазами романтиковъ, и нельзя не сожалѣть, что въ бумагахъ Бока не сохранились остальныя лекціи, которыя конечно важны и для характеристики Жуковскаго. Вскорѣ послѣ разлуки съ Жуковскимъ, который вернулся въ Петербургъ, Бокъ женился. Сохранилось письмо, которое написалъ онъ по этому поводу одному изъ своихъ друзей. Оно имѣетъ нѣкоторое значеніе для того, кто хочетъ вполнѣ понять приводимое нами ниже письмо Жуковскаго, и потому считаю не лишнимъ выписать изъ него нѣсколько строкъ. «Словоохотливость людей давно донесла конечно и до тебя вѣсть о томъ, что я женился. Пока не скажу объ этомъ ни слова, такъ какъ одно время покажетъ, будетъ ли счастливо мое супружество. Но, чтобы утѣшить тебя, замѣчу только, что̀ я женился на женщинѣ, которую нельзя не уважать, недостаточность ея рожденія не вредитъ мнѣ въ глазахъ государя. Я выбралъ себѣ подругу жизни не по внушенію слѣпой страсти, а согласно плану, который составилъ себѣ для жизни, не обращая вниманія на то, что̀ скажетъ свѣтъ. Вѣра и самостоятельность — тяжелый лозунгъ, коему я посвятилъ всю жизнь свою. Еслибы Провидѣнію было угодно, чтобы дочь твоя переѣхала ко мнѣ, то она найдетъ въ моемъ домѣ дѣятельность и порядокъ, веселость и смиреніе; надѣюсь, что такъ будетъ и впередъ.» Какія мысли занимали Бока въ его уединеніи, объ этомъ свидѣтельствуетъ одно письмо его къ другу и біографія Лерберга. Въ первомъ идетъ рѣчь о предстоявшемъ увольненіи крестьянъ въ прибалтійскихъ провинціяхъ, которое, по мнѣнію Бока, слѣдовало бы тогда же распространить на всю Россію. Въ статьѣ о Лербергѣ, Бокъ является поборникомъ народнаго образованія въ Россіи, совѣтуетъ помышлять не о военномъ флотѣ, а о торговомъ, содѣйствовать развитію промышленности не насильственными мѣрами, а большею неприкосновенностью лицъ и поощреніемъ дѣльныхъ предпріятій, подумать о хорошихъ судьяхъ, развитіи средняго класса и освобож-

деніи крестьянъ. Постараюсь передать его же словами нѣсколько мѣстъ изъ этой характеристики. Замѣтивъ, что Лербергъ началъ случайно заниматься древнею исторіею Россіи, онъ продолжаетъ: «Лербергу слѣдовало бы объяснить намъ, что въ Европѣ возстановится миръ и учредится политическое равновѣсіе тогда только, когда соединятся между собою народы, у которыхъ одни интересы и одинъ языкъ (такъ что сдѣлается возможною одна народная война); напомнить, что нашему вѣку надо свыкаться съ высокими воззрѣніями, дабы потомки наши благословляли годы испытанія и ученія, на которые мы жалуемся; указать на могущественный, юный народъ, который въ будущемъ благотворитъ родъ человѣческій, дабы больной западъ сталъ подражать этому младенчески безпорочному народу. На основаніи прошедшаго Россіи, Лербергъ долженъ бы былъ опредѣлить начала внутренняго управленія нашего государства и убѣдить насъ, что наше счастье и несчастье зависитъ въ будущемъ отъ насъ однихъ. Народъ долженъ развиваться по обдуманному пути, и потому для внутренняго управленія надобно начертать твердый планъ; народное образованіе должно быть распространяемо Русскими; безъ развитія средняго сословія и дворянства не можетъ улучшиться и положеніе земледѣльцевъ — вотъ наконецъ истины, которыя надлежало бы Лербергу распространить и укоренить между нами; среди же хроникъ онъ являлся друзьямъ своимъ, какъ императоръ Діоклетіанъ въ огородѣ». Въ убѣжденіи, что для Россіи необходимо неограниченное правленіе, Бокъ сходился съ Карамзинымъ. Вообще взгляды его во многомъ согласовались съ взглядами нашего знаменитаго исторіографа, Тургенева и другихъ. Кому неизвѣстно что то, чему учили насъ эти передовые люди XIX столѣтія было какъ-то забыто въ послѣдовавшіе годы, и только въ послѣднее время блага, которыхъ добивались Карамзины, Тургеневы, Боки, снова сдѣлались цѣлью стремленій всѣхъ просвѣщенныхъ людей Россіи.

Жуковскій сочувствовалъ убѣжденіямъ Бока, глубоко уважалъ его за его нравственныя достоинства и принималъ живое участіе во всемъ, что̀ касалось его, какъ свидѣтельствуетъ слѣдующее письмо:

«Безцѣнный другъ! ты надѣюсь, не сердитъ на меня замое.

молчаніе. Мы, кажется, на счетъ нашей взаимной лѣни предупредили другъ друга и дали другъ другу полную волю. Я не отвѣчалъ тебѣ на твое письмо, но душа вездѣ и во всякое время тебѣ откликнется».

«Письмо твое отъ 12 ноября 1817, а мой отвѣтъ отъ 18 февраля 1818. А я въ слѣдующую почту собирался тебѣ написать, и время непримѣтно исчезло въ сборахъ; и *сбираться* отвѣчать на такое письмо, которое обрадовало и разгорячило мнѣ сердце — непостижимо!

«Ты дивишься судьбѣ, которая сдѣлала изъ тебя смиреннаго хозяина, а меня приковала ко двору. Будь счастливъ тихомолкомъ, не дивись ничему. Все идетъ порядкомъ, есть (sic) только въ душѣ порядокъ. Помнишь нашъ послѣдній обѣтъ и разговоръ у Фельета за перегородкой. Въ жизни одно: *идея*, для которой дѣйствуешь, остальное—принадлежности, шелуха. Ты не измѣнишь идеѣ добра и будешь счастливъ. Въ этомъ порука твой характеръ и твое письмо,' которое перечитывалъ съ полнымъ чувствомъ къ тебѣ дружбы.

«Въ этомъ письмѣ нахожу тебя всего: въ немногихъ словахъ сказано много. *Твердость все можетъ преодолѣть; Китти понимаетъ меня; я люблю и любимъ;* чего же болѣе?

«Поцѣлуй за меня руку у твоей Китти. Мы ужѣ (sic) вѣрно съ нею знакомы; но я надѣюсь и скоро съ нею увидѣться.

«Посылаю тебѣ подарокъ: первые два нумера моего стихотворнаго журнала; онъ издается для моей ученицы, и, (sic) точно для немногихъ. А тебя прошу прислать мнѣ оба твои польскія; взять у Латроба [1]) der Fischer; польское изъ Jungfrau v.

---

[1]) О Латробѣ сказано въ Biographische Notizen über A. C. Lehrberg: Lehrbergs Wunsch, die englische Sprache gründlich zu lernen, vermochte ihn, einen in Jena die Arzneikunde studirenden Engländer, den er übrigens bis dahin kaum mehr, als den Namen nach kannte, um Unterricht in dieser Sprache zu bitten; der eckige Engländer antwortete ihm kurz: ich bin hier um zu lernen, nicht um zu lehren und kehrte ihm den Rücken. Lehrberg, durch diese Worte nicht abgeschreckt, gab seinen Vorsatz nicht auf und wusste einige Tage darauf seinen Diogenes zu überreden. Aber es war, als wenn diese Art Bekanntschaft die beiden Jünglinge entzweit hätte; sie sahen einander täglich eine Stunde; englische Autoren wurden fleissig gelesen; aber in mehreren Monaten entspann sich keine Vertraulichkeit aus ihrem Umgange. Zufällig kam Pope's allgemeines Gebet, Universal Prayer an die Reihe; der feurige Engländer ärgert sich, dass die

Orleans и прислать. Все это мною обѣщано Великой Княгинѣ. Въ заключеніе: дружба и довѣренность. *Жуковскій.*

Предсказаніе Жуковскаго не исполнилось. Въ томъ же году Бока постигло несчастіе: слишкомъ рѣзко и смѣло высказанныя убѣжденія лишили его на 9 лѣтъ свободы, которую не могли возвратить ему всѣ старанія его друга Жуковскаго и другихъ вліятельныхъ особъ. Жуковскій и Воейковъ до самой смерти сохранили къ нему самое дружеское расположеніе. Была даже пора, когда обстоятельства его должны были, по видимому, измѣниться къ лучшему; но вотъ что онъ писалъ по этому поводу женѣ своей: «Ты конечно желаешь прекратить мои страданія, но чтобъ я Богу или чести измѣнилъ, того ты вѣрно не потребуешь. Изъ сраженія убѣжать стыдно, а Богу измѣнить.... сказать нельзя». «Я не касаюсь до фортепіанъ, чтобы не быть счастливымъ, когда ты страждешь».... «хочу рыдать, хочу кричать, но голосъ мой ослабъ»; «плакать хочется, а уже два года слезы не текутъ» — вотъ выписки изъ другихъ писемъ.

Въ минуты какой-то забывчивости у него вылились слѣдующія строки: Dites leur donc que je ne suis pas un homme, que je ne suis, qu'une pensée, qui repoussée par un monde ingrat vient se refugier dans les coeurs des anges pour leur dire, comme un soupir: Aimer et toujours aimer.» Съ 1827 года Тимоѳей Егоровичъ Бокъ жилъ въ своемъ имѣніи, лишенный разсудка.

Когда нашъ поэтъ поселился въ Германіи и жилъ въ Саксенгаузенѣ, сынъ описаннаго мною лица, собщившій мнѣ интересныя данныя, вошедшія въ мой разсказъ, въ бытность

---

ungeübte Zunge des Deutschen dieses englische Meisterwerk so holzerisch lieset. Er nimmt hastig das Buch und spricht dieses herrliche Gebet im Tone der höchsten Rührung. Sogleich darauf entspann sich ein Gespräch über die Religion, in welchen die zwei Jünglinge ihre Herzen aufschlossen und ein Jeder den Anderen erkannte и т. д. Латробъ былъ знакомъ съ Гете. Въ Лифляндіи онъ снова встрѣтился съ Лербергомъ и былъ въ послѣдствіи опекуномъ и управителемъ имѣнія Бока. Впрочемъ онъ менѣе занимался въ этомъ мѣстѣ сельскимъ хозяйствомъ, чѣмъ музыкою и живописью. Изъ его произведеній есть нѣсколько изданныхъ (въ томъ числѣ музыка на слова Гете: Kennst du das Land, Mailied, Юстинуса Кёрнера: Zwei Särge; Гейне: der Runenstein, Lied vom alten König; Гете: Wer sich der Einsamkeit ergiebt; Тидге: Auf dem Berge dort oben, da wehet der Wind; Кёрнера: Gesellschaftslied); нѣсколько неизданныхъ (напр. Stabat mater).

свою за границею посѣщалъ его нѣсколько разъ. Навсегда сохранялъ онъ въ памяти радушный и теплый пріемъ Жуковскаго, обаятельную прелесть его жены и безмолвнаго Гоголя. Когда послѣ обѣда послѣдній вышелъ въ садъ, Жуковскій замѣтилъ, что за чудакъ сталъ этотъ Гоголь, все молчитъ; прежде бывало разсказамъ его конца нѣтъ. Вотъ вамъ для образчика анекдотъ, слышанный мною отъ него. Во время какого-то праздника въ кремлевскихъ воротахъ столпился народъ; надзиратель, командуя городовыми, грозно кричалъ: публика проходи, а народъ пошелъ назадъ. Позвольте васъ спросить, замѣтилъ Гоголь, какая же разница между народомъ и публикою.—«А вотъ какая, отвѣчалъ надзиратель, схвативъ за бороду одного изъ мужиковъ, тыкая его довольно нецеремонно въ зубы: это вотъ народъ; куда лѣзешь, пошолъ назадъ! а вы-съ публика, пожалуйте-съ»? Надо было послушать, какъ разсказывалъ Гоголь этотъ простой случай, замѣтилъ Жуковскій.

Н. Лыжинъ.

II.

МАТЁРІЯЛЫ.

ПОВѢСТЬ ОБЪ АПОЛЛОНѢ ТИРСКОМЪ

Предисловіе.

Повѣсть объ Аполлонѣ, королѣ тирскомъ, принадлежала у насъ къ числу любимыхъ книгъ народнаго чтенія, судя по нѣсколькимъ переводамъ ея, явившимся въ XVII вѣкѣ и распространившимся во множествѣ списковъ. Религіозный оттѣнокъ, наброшенный на этотъ разсказъ о разнообразныхъ и опасныхъ приключеніяхъ героя, можетъ быть, не мало содѣйствовалъ обширной популярности на Руси этого романа, который перешелъ и въ лубочныя изданія народа[1]). У насъ онъ получилъ смыслъ назидательнаго поученія и лишь легкими, едва замѣтными нитями привязался къ самобытнымъ произведеніямъ нашей народной словесности[2]); тогда какъ на западѣ отголоски его отдаются въ поэзіи трубадуровъ[3]), приключенія, имъ разсказанныя, переплетаются съ народными преданіями и вмѣстѣ съ ними облекаются въ форму пѣсни[4]); даютъ наконецъ содержаніе двумъ драматическимъ произведеніямъ, изъ которыхъ одно приписывается Шекспиру (Pericles), другое принадлежитъ Лилло, и вообще романъ оставляетъ слѣдъ въ той драматической литературѣ[5]) которая долѣе другихъ осталась вѣрна народнымъ средневѣковымъ началамъ и не спустилась до внѣшняго подражанія античнымъ образцамъ. Порою вліяніе русскаго книжника чувствуется въ узкомъ пуризмѣ, который лицемѣрно пугается двусмысленнаго слова или откровенной картины и отсѣкаетъ отъ романа подробности, которыя кажутся ему искусительными. Списокъ XVII в. графа А. С. Уварова № 555 не рѣшается занести на свои страницы того объявленія, которое сдѣлалъ о Тарсіи купившій ее «нечестивый господинъ», хотя и передаетъ вполнѣ всѣ остальныя подробности дѣла. «И повелѣ объ ней во всемъ въ томъ градѣ непристой-

---

[1]) Снегирева, О лубочныхъ картинкахъ русскаго народа въ Сборникѣ Валуева, стр. 212.

[2]) Въ нѣкототорыхъ спискахъ повѣсти втрѣчаются варіанты, обязанные своимъ происхожденіемъ нашимъ сказкамъ. Такъ напр. за королевну Лучницу пріѣзжаетъ свататься «царевичь изъ Дербенграда» (Тульскій сборникъ графа А. С. Уварова, № 66), а не «превеликихъ родовъ и отецъ чада». Въ другомъ спискѣ графа Уварова № 555 вставлено приказаніе Аполлона «засмолить» лодку, въ которую положена мать Тарсіи.

[3]) Raynouard, Choix de poésies des troubadours II, 301.

[4]) W. Grimm, Altdänische Heldenlieder, 470.

[5]) Въ другихъ произведеніяхъ Шекспира сказывается также знакомство съ исторіею Аполлона тирскаго. Simrock, Quellen des Shakspeare in Novellen, Märchen und Sagen III, 268, Ср. II. 151—268.

ную рѣчь объявлять, иж срамно есть о томъ въ сію книгу писати, токмож можетъ то всякій читатель о семъ, какое про нее объявленіе было, признати» (л. 539 об., 540).

Повѣсть объ Аполлонѣ, не смотря на длинный путь, который прошла она, прежде чѣмъ явилась въ нашей литературѣ, сохранила въ себѣ многія характерическія черты византійскаго романа и церковной легенды. Соблазнительныя любовныя приключенія фривольнаго характера составляютъ принадлежность древнѣйшихъ греческихъ повѣстей (Пароеній); эффектъ неожиданныхъ встрѣчъ, устроиваемыхъ просто при содѣйствіи deorum ex machina, не рѣдко попадается у Геліодора[1]), а морскіе разбойники вообще играютъ весьма важную роль въ греческомъ романѣ. Въ Золотой легендѣ есть разсказъ объ Агнесѣ, напоминающій собою о пребываніи Тарсіи у начальника нечистыхъ женъ; мотивъ этого разсказа и нашей повѣсти въ этомъ отношеніи одинъ и тотъ же[2])? Спасеніе Аполлона рыбакомъ напоминаетъ легенду о св. Мартинѣ.

Прототипъ повѣсти объ Аполлонѣ до сихъ поръ не найденъ; но онъ несомнѣнно греческій и относится, вѣроятно, къ IV вѣку. Довольно рано появился латинскій переводъ этой повѣсти, который носитъ на себѣ живые слѣды перевода съ греческаго и ясно свидѣтельствуетъ своимъ содержаніемъ и формою, что онъ не можетъ быть отнесенъ къ числу оригинальныхъ произведеній. Имена дѣйствующихъ лицъ, нравы, мѣстность, описанные въ романѣ, прямо указываютъ на греческій подлинникъ Historiae Apollonis Tyrii. Въ пользу того же говоритъ и обиліе грецизмовъ въ латинской исторіи Аполлона тирскаго. Новѣйшій издатель этого памятника[3]) весьма справедливо указываетъ на значеніе именъ дѣйствующихъ лицъ, какъ на новое свидѣтельство о существованіи греческаго подлинника названной латинской повѣсти; эти греческія имена сами указываютъ на характеръ дѣйствующихъ лицъ, а это соотвѣтствіе имени съ характеромъ лица могло быть понято только читателемъ грекомъ и имѣло смыслъ только въ греческомъ произведеніи. Этотъ прозаическій латинскій пересказъ Аполлона въ первый разъ изданъ былъ Вельзеромъ и впослѣд-

---

1) Dunlop's Geschichte der Prosadichungen, p. 4—12.

2) Legenda aurea, ed Graesse, p. 115.

3) Lapaume, напечатавшій по списку XIV вѣка латинскую исторію Аполлона въ дидотовской Scriptorum Graecorum bibliotheca vol. XLV, 1856, (Erotici scriptores), говоритъ напр., что имя врача *Ceramon* значитъ *mortis debellator, Antinagoras* — qui certatim et unde doleat alteri, aliquid in foro emit, и т. д. p 602. Здѣсь же представленъ (p 609 — 610) подробный перечень грецизмовъ латинской повѣсти.

ствіи перепечатанъ въ собраніи его сочиненій (Marci Velseri opera historica et philologica sacra et profana. Norimbergae. 1683). Несмотря на нѣкоторые пропуски и перемѣны, которые Вельзеръ позволилъ себѣ сдѣлать въ этой повѣсти, онъ первый выставилъ предположеніе о греческомъ оригиналѣ латинскаго текста и указалъ (р. 679) на двѣ греческія рукописи, изъ которыхъ одна хранилась въ Константинополѣ, другая въ Вѣнѣ. Впрочемъ текстъ, изданный Вельзеромъ, довольно близко подходитъ къ тексту дидотовской «Библіотеки греческихъ писателей», а иногда представляетъ такія подробности, которыхъ въ послѣднемъ нѣтъ.

Эта латинская редакція, съ незначительными стилистическими перемѣнами, вошла въ составъ французской и латинской редакціи «Римскихъ Дѣяній»[1]); но переведенная на русскій языкъ польская редакція римскихъ дѣяній въ пересказѣ нашей повѣсти отличается отъ французской и латинской утратою нѣсколькихъ поэтическихъ подробностей, а также и нѣкоторыми другими отмѣнами и не можетъ быть названа простымъ переводомъ съ латинской или нѣмецкой редакціи какъ предполагаетъ г. Пыпинъ[2]). Предупреждая читателя, что мы судимъ о польской редакціи лишь по тѣмъ русскимъ ея переводамъ, которые намъ удалось прочесть въ рукописяхъ, укажемъ хотя на слѣдующія разнорѣчія польской и латинской редакціи «Дѣяній», относительно нашей повѣсти. Въ нашихъ «Дѣяніяхъ» польской редакціи нѣтъ длиннаго разговора дочери Антіоха съ кормилицею, когда отецъ привелъ съ нею въ исполненіе свою преступную мысль. Тарсія, чтобы спасти свое дѣвство, не занимается ораторскимъ искусствомъ, не говоритъ рѣчей на площади, не рѣшаетъ народу различныхъ вопросовъ за деньги. Желая вывести Аполлона изъ корабля, Тарсія не прибѣгаетъ къ изрѣченіямъ въ родѣ того, что *въ сердце мудраго не входитъ ничего смутнаго;* но пытается разогнать его печаль пѣснію, въ которой передаетъ свою судьбу. Въ нашихъ «Дѣяніяхъ» Аполлону не является ангелъ съ приказаніемъ плыть въ Ефесъ. А между тѣмъ всѣ эти подробности находятся въ

---

[1]) Текстъ повѣсти въ *Le violier des histoires romaines* (изд. Брюне въ Bibliothèque elzévirienne) представляетъ довольно близкій переводъ латинскаго текста, изданнаго въ дидотовской «Библіотекѣ»; а послѣдній съ немногими тоже стилистическими, а не фактическими измѣненіями вошелъ въ латинскія Gesta Romanorum. Прибавимъ, что разсказъ объ Аполлонѣ въ Римскихъ дѣяніяхъ не имѣетъ толкованія, которое сопровождаетъ другія повѣсти того же сборника.

[2]) Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ стр. 243.

западныхъ латинскихъ, французскихъ «Дѣяніяхъ» и латинскомъ переводѣ греческаго романа.

Эти данныя приводятъ насъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Польская редакція «Дѣяній» *въ отношеніи къ повѣсти объ Аполлонѣ* не можетъ быть названа простымъ переводомъ одной изъ указанныхъ западныхъ редакцій того же сборника; 2) латинскій переводъ не представляетъ особой, отличной отъ Gesta romanorum редакціи, какъ принимаетъ г. Пыпинъ, слѣдуя Грессе и Зимроку. Такимъ образомъ остаются двѣ латинскія редакціи памятника: 1) изданная Дидотомъ и 2) Готфрида Витербо въ леонинскихъ стихахъ (XII в.). Послѣдняя легла большею частію въ основу нѣмецкихъ народныхъ книгъ объ Аполлонѣ тирскомъ и ближе подходитъ къ польской редакціи повѣсти, нежели первая. Можетъ быть, болѣе подробное изученіе средневѣковыхъ повѣстей объ Аполлонѣ приведетъ къ инымъ выводамъ; но возможность удовлетворительнаго рѣшенія этого вопроса требуетъ большихъ средствъ, чѣмъ, какими можно располагать у насъ въ настоящее время. Памятники средневѣковой европейской литературы принадлежатъ къ рѣдчайшимъ произведеніямъ книгопечатанія, даже къ инкунабуламъ; перепечатки ихъ разсчитаны также на весьма малый кружокъ и иногда являются въ числѣ пятидесяти экземпляровъ. Вотъ почему часто не соглашаясь съ г. Пыпинымъ относительно исторіи этихъ «странствующихъ» разсказовъ и пути, которымъ они перешли въ нашу литературу, мы считаемъ однако книгу его однимъ изъ самыхъ почтенныхъ и утѣшительныхъ явленій въ области нашихъ историко-литературныхъ изслѣдованій. Пробѣлы въ трудахъ, обращенныхъ на средневѣковую литературу, у насъ пока неизбѣжны.

Сдѣлавши эту, необходимую и на будущее время, оговорку, мы приступаемъ къ русскимъ переводамъ повѣсти объ Аполлонѣ тирскомъ.

Она встрѣчается въ нашихъ рукописяхъ и отдѣльно, и въ «Римскихъ Дѣяніяхъ». Отдѣльные списки ея извѣстны намъ въ рукописяхъ графа А. С. Уварова № 559 (Цар. № 451), № 66 (тульскій сборникъ XVIII вѣка), № 235 (сп. XVIII вѣка весь въ картинахъ) [1]; въ рукописяхъ И. Е. Забѣлина (XVIII в.) и моей (XVII в.). Я пользовался также списками «Дѣяній»: 1) моей библіотеки, сходнымъ съ рукописью Толстов. II, 215, описанною г. Пыпинымъ и 2) графа А. С. Уварова № 555 (Цар. № 440).

1) Повѣсть объ Аполлонѣ занимаетъ въ ней л 1 — 147; за тѣмъ пропускъ, съ 155 л. до конца идетъ «Повѣсть зѣло полезна, выписано отъ древнихъ лѣтописцевъ («Бысть въ палестинскихъ странахъ въ нѣкоемъ градѣ велицѣ царь благочестивъ и славенъ зѣло, имѣя у себя матерь»). Начальныхъ листовъ и заглавія въ этой второй повѣсти не достаетъ.

Отдѣльно попадающіяся въ нашихъ рукописяхъ повѣсти объ Аполлонѣ тирскомъ представляютъ редакцію отличную отъ «Дѣяній» по изложенію и именамъ лицъ. Принадлежащая мнѣ рукопись XVII в. можетъ считаться образцемъ этой редакціи, рукопись г. Забѣлина позднѣйшею ея обработкою, въ которой слогъ сбросилъ устарѣлыя книжныя формы церковно-славянскаго языка и приблизился къ народной русской рѣчи. Обширныя разночтенія этого списка заставили г. Пыпина предположить «или двойной переводъ Аполлонія тирскаго, или же постоянное переписыванье и поновленіе текста, тѣмъ болѣе возможное, что рукопись Забѣлина принадлежитъ XVIII вѣку» (стр. 243). Соглашаясь съ тѣмъ, что постоянное переписыванье могло измѣнить первоначальную форму этой редакціи (какъ это и видимъ, сравнивая нашъ списокъ XVII в. той же редакціи съ спискомъ г. Забѣлина), мы считаемъ необходимымъ признать эту редакцію особымъ переводомъ, отличнымъ отъ другихъ русскихъ переводовъ той же повѣсти, сдѣланныхъ съ польскаго языка: нѣкоторыя разнорѣчія въ фактахъ, передаваемыхъ той и другою редакціею, не позволяютъ видѣть въ одномъ «переписываніи» источникъ разницы. Полное отсутствіе полонизмовъ, которыми богаты рукописи другой редакціи, также едва ли можно объяснить только тѣмъ, что эти полонизмы сгладились съ теченіемъ времени. Мы предполагаемъ для этой редакціи, источникъ чешскій, основываясь на имени *Лучинца* (вм. Луцина другихъ редакцій), на выраженіи: *хладничекъ*, чуждомъ польскому языку, и др. Kronika o Apollonowi králi Tyrském находится при спискѣ Далимиловой Хроники 1459 г. и была напечатана ранѣе 1567 года[1]).

Повѣсть о Аполлонѣ въ томъ видѣ, какъ она встрѣчается въ нашихъ «Дѣяніяхъ», переведена съ польскаго. Но и эта редакція ея имѣетъ два особые перевода съ польскаго: одинъ въ рукописи моей и Толстова (II, 215); другой въ рукописи исторій изъ «Дѣяній» графа А. С. Уварова № 440, не столько обильный полонизмами, какъ первый. Что этотъ послѣдній списокъ представляетъ особый переводъ съ польскаго, можно между прочимъ видѣть изъ самаго заглавія его: «Исторіи розмаитыи, сирѣчь повѣсти *избранныя*, съ толкованіемъ надлежащимъ, выписано изъ Римскихъ *и изъ иныхъ книгъ*, яже нынѣ обрѣтаются въ сей вышереченной книгѣ, кратко собраныя и людемъ въ наученіе и къ познанію изданныя. Печатаны въ Краковѣ, въ типографіи пана Войтѣха Секѣловича, типографа его королевскаго величества Полскаго, въ лѣто отъ Христова рож-

[1]) Jungmann, Hystoria literatury ceske, p. 66.

денія 1663 году. Нынѣ же милостію великаго Бога съ Полскаго языка на Славенскій преведены въ лѣто 7199 (1691) году».

Не имѣя подъ руками ни одной *полной* рукописи XVII вѣка, мы печатаемъ повѣсть объ Аполлонѣ тирскомъ по списку графа Уварова (XVIII вѣка, № 551), по другимъ спискамъ тойже редакціи исправляя описки и дополняя пропуски переписчика.

Н. Тихонравовъ.

Прикладъ дивный иному благъ богъ и всесилный и како прелагаетъ печаль на радость смышленіемъ, въ нынѣшнихъ отписѣхъ повѣствуетъ о Аполлонѣ королѣ тирскомъ и о Тарсіи[1]) королевнѣ.

Антіохъ владѣтельный и великосильный и многославутый цесарь еллинскій, иже глаголется великій,—понеже во Елладѣ и Сиріи много царей премину, но сего въ нынѣшнихъ еллинское писание премного паче инѣхъ славяше, зане превозрастенъ бѣ и красенъ, и премудръ и храбръ,—сей Антіохъ многими ратоборствы и мужественнымъ одоленіемъ множество царствъ повоева и во свою державу прія; создаже и градъ въ славу имени своего и нарече Антіохія великая. Имѣ же царицу зѣло премудрую и прекрасную паче же житія добрыхъ обычаевъ и ко всѣмъ человѣкомъ милосерду. Прижилъ же съ него цысарь дщерь едину, толикою красотою сіяющу, яко во всей вселеннѣй таковой не обрѣтати. Прилучижеся прекрасной царицѣ его умрети, иже смертію своею велію цесарю печаль наведе и изумленіе, но имѣ утѣшеніе дщерь толикою сіяющу красотою, яко никто же непщева рожденнѣ ей быти отъ земныхъ. Егда цесарь Антіохъ отъ зѣльныя своея печали вмале утѣшеніе пріятъ *во вся страны своея державы*[2]) во окрестныя кралевства посла ко благоплеменитымъ и благороднымъ, да обрящутъ ему жену, подобну первой прекрасную дѣвицу. Посланіи же, много искавше, не обрѣтоша и возвратишася; и по сихъ паки посла и во вторыхъ, и въ третіихъ и паки возвратившеся повѣдаша яко нигдѣже не обрѣ-

---

[1]) Въ рукописи ошибкою: *Страсіи*.

[2]) Внесено изъ списка графа Уварова № 235.

тоши таковыя и самъ пребольную печаль наведоша и лютое недоумѣніе, и въ томъ стуженіи впаде ему отъ діавола въ сердце злая мысль о дщеринѣ красотѣ, понеже бо тогда безбожное время: сквернія бѣ идоли почитахуся, вси же творяху по воли своего сердца, скотски творяше своей плоти, тако убо цесарь нача дщерь свою любити, яко ни мало времени возможе безъ нея быти, и не возможетъ сія любовь утаиться надолзѣ. Призва цесарь дщерь свою и сказа ей свою мысль не точію словесы, но и вещьми. Цысаревна же, видя лукавую волю и злое смышленіе отца (своего и) рече ему: отче мой! неудобно мысльми мятешися; отецъ убо ми еси: како толикими злыми осквернити хощешь? Слезы же отъ очію моею [1]) во словесѣхъ сихъ яко рѣка течаху. Но отецъ *изумѣлый и неключимый* [2]) глаголетъ ей: убо забыхъ, яко дщи ми еси; но всегда имѣю на мысли, яко жена ми еси. Рече ему цысаревна: отче мой! лутче ми не точію женою, ниже кралевною слыти, нежели при твоей воли быти; аще же волю свою сотвориши, къ тому мя живу не узриши. И сія рекши, отъиде отъ отца и рыдая, и плача, хотя изъ царства избѣжати; цысарь же, увѣдавъ, повелѣ стражей поставити.

И по нѣколицѣхъ днехъ пріиде къ ней цысарь и нача ю тѣшити словесы и приложи рещи: сама вѣси, о дщи моя, яко безъ жены жити не могу; подобной же матери не обрѣтохъ, развѣ тебе. Рече ему цесарева: отче мой! побѣдитель убо былъ еси супостатомъ, како не можеши побѣдити прилози страстей? Истинное храбрество и мужественное одолѣніе—еже владѣти собою и побѣждати малые злые мысли, нежели великіе грады. Буди, отче мой, самодержецъ самъ себѣ; не даждь злой славѣ быти и повѣсти о себѣ. И рече цесарь: изначала вмалѣ о семъ рѣчь произыдетъ, егда же многими деньми и лѣты объята будетъ, то уже никто и не воспомянетъ о семъ житіи явственно, и се ти покажу, иже сама узриши.» Изыде отъ нене и повелѣ премного драгихъ златыхъ ковровъ и иныхъ поставовъ принести и въ нощи той улицы града услати. Людіе же, заутра видѣвши драгіи вещи посланы, ни единъ же

---

[1]) Въ спискѣ графа Уварова № 235: *ея*.

[2]) Внесено изъ того же списка.

смѣя прикоснутися; во вторый же видѣвши ихъ небрегомыхъ, начаша пѣши ходити; а на третій же день начаша и ѣздити. Пріидеже царь ко дщери и рече къ ней: всего свѣта краснѣйшая! се виждь извѣстно, како людіе новому дивятся и много молвятъ; а егда многими времены пріидетъ уже слово, то ни на память пріимутъ. Цесаревна же рече ему съ плачемъ: отче! сію рѣчь, о ней же смущаеши меня, не точію по многомъ времени, но и въ тысящу родовъ будутъ ю обновляти, повѣствующе; вѣдай, отче, яко произволяю смерть, паче нежели срамный и скверный животъ. И сія рекши, отъиде. Во утриіже день иде во храмъ идольскій богомъ жертву принести, да помогутъ ей тоя гнусности избѣжати. Егда же изъ храма въ златоблещащемся одѣяніи цесаревна иде, къ тому же приразися лучь солнца ко красотѣ лица ея, и такова благолична показася и недоумително бысть, кому уподобити. И въ таковѣй красотѣ видѣвъ ю царь, отецъ ея, таковымъ желаніемъ отъ врага уязвися, яко отъ разгоренія паде на землю, и егда бысть вечеръ и пріиде онъ въ храмину, идѣже живяше цесарева, и сотвори съ ней дѣло беззаконія силою. Цесаревна же нача горько рыдати, и плакати, и вопити великимъ гласомъ; пріидоша же ближнія ея и увѣдаша о семъ, увѣщевающе ю сіе таити, да не больши молва *зла* будетъ *въ людяхъ* [1]). Но и по семъ цесарь отъ зла не отста, но всегда волю свою исполнялъ. Слышавше же отъ окрестныхъ царствъ царевичи и кралевичи о красотѣ и о благоличіи дщери антіоховы мнози покусишася пояти ю себѣ; но Антіохъ, хотя волю свою исполнити, не хотѣ ни за кого отдати ю и повелѣ провозвѣстити по землямъ и по царствамъ: сіе возвѣщаетъ всѣмъ великій цесарь Антіохъ еллинскій, яко дщери своея никому въ жену не отдастъ [2]), токмо развѣ кто отгадаетъ мое гадательство; аще ли не отгадаетъ повиненъ будетъ смерти. Слышевъ же декретъ т. е. навѣтъ царскій, *намѣренія своего престаша; но цесаревна толикія бѣ красоты, яко кто ея уритъ, не постоитъ еже и смерть пріяти* [3]). Царе-

---

[1]) Слова, напечатанныя курсивомъ, внесены изъ новаго списка.

[2]) Въ спискѣ гр. Уварова — 235: не отдаде.

[3]) Слова, напечатанныя курсивомъ, внесены изъ другаго списка.

вичи и кралевичи намѣреніемъ мнози покусишася, гадательство изъявити и не возмогоша, вси обезглавлени быша; главы же ихъ на распутіяхъ, на копіяхъ взотчены на страхъ протчимъ, хотящимъ гадательство предложети и не могущимъ; инѣхъ во вратѣхъ повѣсиша съ писаніемъ таковымъ: всякій, желаяй великаго Антіоха пріяти дщерь въ жену, таковая пострадждетъ, якоже и покусивыйся несвойственному дѣлу. И тако много царевичевъ, и кралевичевъ, и княженецкихъ дѣтей живота гонзнуша.

Тогда Аполлонъ, тирскій краль, слыша неизреченную пресіяющую красоту цесаревны и неявленное умышленіе гадательства Антіоха, и о еже всѣмъ мнози смертная пострадаша, нача помышляти въ себѣ, глаголя: «кто самъ не увѣдаетъ, како неявленая увѣдаетъ; гряду и вижду красоту дѣвицы и услышу гадательство отца; бѣ же Аполлонъ премудръ и разуменъ зѣло, благоличенъ, пачеже въ рыцарскихъ наукахъ мужественъ и храбръ. Сказажь сію рѣчь ближнимъ своимъ и рекоша ему, но Аполлонъ не послуша ихъ, иде во Антіохію въ великомъ уряженіи воинства и егда пріиде ко Антіоху и рече: «здравъ буди, благополучный, и славный, и великій, и пресильный цесарю Антіоше! Азъ убо пріидохъ видѣти и поклонитися честному благообразію твоему и слышати премудрость твою, пачеже аще благоволитъ благодать твоя, да возъимѣю у тебе сродства любовь во имя сына, еже пояти въ жену прекрасную дщерь твою». Антіохъ же, слышавъ сія, опустнѣ и измѣнися лицемъ, рече: «вѣси ли уставъ моего царства?» И рече Аполлонъ: «вѣмъ, и видѣхъ во вратѣхъ висящихъ, сего ради и пріидохъ ко твоему величеству, дабы твою премудрость самъ слышалъ.» И рече Антіохъ: «мой декретъ главу отсѣчетъ твою [1]) но убо еси сынъ отца великаго и славнаго, щажду [2]) младость и доброты твоея; отъиди убо отсюду, ищи иного пріятства.» «Не буди ми паче тебе искати отца и дщери твоея, и не отъиду убо отсюду, но паче дщерь твою въ жену себѣ имѣти хощу, дондѣже увѣмъ твое гадательство.» Антіохъ, же всякими образы и вещьми отсылая Аппо-

1) Такъ въ моемъ спискѣ; въ рукописи гр. Уварова № 559: *могу и главу твою отсѣщи*.

2) Въ моемъ спискѣ: *жалѣю*.

лона, и не возможе и паки рече: «возлюбленный Аполлоне! дарую тебѣ твою главу, но точію самъ ю соблюди и не истязуй моего гадательства и отъиди.» Аполлонъ же отрече, яко *азъ хощу* [1]) слышати и дщерь *твою* пояти въ жену. И рече Антіохъ: «слыши Аполлоне сіе мое гадательство и разумѣй: тѣло мое ямъ, и кровь мою пью, самъ и есмь зять себѣ, отца дщерь жадаетъ и видѣти не улучаетъ, жена мужа не видитъ и мужъ женѣ быти не можетъ.» Слышавъ же Аполлонъ таковое гадательство, поддержа лице свое дланію, бысть бо яко во ужасѣ и рече ко Антіоху: «великочестный! како ми повелиши гадательство изъявити сіе, тайно ли или явѣ?» И рече Антіохъ: «скажи явѣ.» Аполлонъ же нача извѣствовати гадательство: «великій цесарю! тѣло свое яси и кровь свою піеши,—сіе есть дѣло непріязненное твориши, яко со своею дщерію скверно дѣеши: *она бо отъ тѣла твоего и отъ крови, тако и зять еси себѣ, яко мужъ дщери своей и дщерь отца имѣти желаетъ и не улучаетъ, яко мужа его имать; мужа быти желаетъ и не имать я(ко) отецъ еси ты, въ мужа быти не имаши* [2]) яко отецъ и кровь на кровь смѣсилъ еси: все гаданіе.»

Слышавъ сія, Антіохъ возъярися люте презѣльнымъ гнѣвомъ: «О Аполлоне се главу свою погубилъ еси, яко гадательство мое по своей воли предложилъ еси, а не еже азъ имамъ въ мысли моей.» И рече Аполлонъ: «великославный цесарю! всѣ сіе мое гаданіе слышали, яко тако есть; но ты, праведный цесарь правый судъ имаши: готовъ азъ есмь и смерти. И рече Антіохъ: «щажду твою юность и благородія честь, даю до утрія отреченія смерти и паки гаданіе мое расположи инѣмъ образомъ; аще ли же ни, то главу твою повелю отъяти и тѣло псомъ предати.» Аполлонъ же изыде отъ цесаря размышляя себѣ, какъ избыти смерти *яко и гаданіе предложи и смерти не убѣже и положи во умѣ бѣствомъ избавленіе получити и тайно наня корабль* [3]) и тако на корабль взыде и въ первый сумракъ, оставя кони, и вниде со всѣми людьми въ корабль отдяжный и побѣже по морю.

---

[1]) Въ моемъ спискѣ: *хощемъ, его* и т. д.

[2]) Эти слова внесены изъ моего списка и другихъ.

[3]) Изъ списка моего и гр. Уварова № 235.

Заутраже сказаша цесарю Антіоху, яко Аполлонъ убѣже въ корабли. И рече Антіохъ: «како можетъ убѣжати, толикою дерзостію обезчестя (мя и всѣхъ) насъ? по своей воли преложилъ мое гаданіе.» (И тогда Антіохъ повелѣ учинити таковыя заповѣди:) аще кто жива ему Аполлона приведетъ, дастъ ему 500 литръ злата *а кто главу принесетъ сто тысящь литръ.* И такову заповѣдь слыша, мнози поострищася сребролюбцы на пониманіе аполлоново; не точію врази, но и друзи его, желающе отъ Антіоха чести и дары великіе пріяти. Аполлонъ же, егда убѣжа отъ Антіоха, и пріиде въ свой градъ Тиръ и совѣтуя со своими вельможи и глагола имъ: «не хощу васъ, братія моя, себе ради погубити, яко велій на мя антіоховъ гнѣвъ изліяся; но отъиду отъ васъ.» Граждання же вси, плачуще, воли его повинушася. Онъ же повелѣ корабль насыпати пшеницы многое множество, взя съ собою злата и сребра безчисленно и драгоцѣнныхъ вещей, и вниде въ корабль, и побѣже спѣшно. Егдаже Аполлонъ отъиде, и пріиде въ Тиръ градъ отъ цесаря Антіоха клевещавый ему щепотникъ именемъ Табата и нача о Аполлонѣ лестно вопрошати, извѣствуя его себѣ друга, яко бы хощетъ ему пріятельство учинити; извѣщеніе же пріимъ отъ гражданъ, отъиде прочь. Аполлонъ же пребѣже ко граду Тарсу и начатъ тутъ во градѣ жити. Бысть же тогда въ той земли гладъ велій: куповаху бо пшеницу мѣру по осми златыхъ. Тогда Аполлонъ откры корабль и повелѣ продавати пшеницы тужъ мѣру по осми пѣнязь; по распроданіи жъ пшеницы повелѣ и пѣнези возвратити, дабы его купецомъ не назвали, и градъ Тарсъ премудро и предобрѣ устрои. Граждане же, таковое благодѣтельство отъ Аполлона пріемши, отца его себѣ нарицаху и за толикую его милость, и честь, и славу образъ его написаху, посредѣ града поставиша, въ мѣстѣ добрѣ. И нѣкогда же Аполлонъ изыде изъ града и ходя по брегу моря, и въ то время нѣкто именемъ Елавикъ, его земли славный человѣкъ, ѣха по морю въ корабли мимо того града и узрѣхъ Аполлона, и позна его, и рече ему, вышедъ на брегъ, глаголя: здравъ буди, кралю великій, извѣствую ти заповѣдь о тебѣ Антіохову, аще и подъ смертію запрещено. Аполлонъ же рече ему: «скажи ми, друже добродѣтельный, кая о мнѣ

заповѣдь есть? «Елавикъ же рече»: Таковую заповѣдь о тебѣ предложи: «аще кто тя жива приведетъ, дать тому человѣку 500 литръ злата; ащели же главу твою принесетъ, тому дать сто т. литръ злата, извѣствую же, яко и во градѣ имаши своемъ враговъ многихъ, хотящихъ погубити тя». Аполлонъ же дарова ему 100 тысящь злата, глаголя: «между драгихъ всего свѣта дражае мнѣ здравіе свое; ты же яко хранитель живота моего, имѣй сіе отъ мене еже бы имѣти отъ Антіоха за невинную погибель мою»[1]). Елавикъ же не хотѣ взяти, глаголя: «тебѣ паче азъ принести долженъ, яко странствовати и бѣгати хощеши». И рече Аполлонъ: «ты ми пребольшая дарова, а се отъ мене пріими». И пріемъ Елавикъ, отъиде. По семъ повелѣ Аполлонъ пристроити корабль, хотя плыти къ Пентаполю, вниде же въ корабль и отплы. Егда же бѣ въ мори десятію дни и взоста вѣтръ противный съ полунощи, возбуди же волненіе морское и тако море восколебася (и возбурися) яко отъя и вѣтреницы, и древіе прелома, и волнами море кораблемъ нача, яко мечемъ, играти. Таже пріиде пребольшая волна, подъемъ корабль и опроверже и разорва его тако, яко ни едина доска съ другою остася и вси людіе истопоша, такоже и злато, и сребро и вся драгія вещи погибоша. Аполлонъ же единъ, объемся за дщицу кораблённую, нача ея держатися неослабно и плывъ на ней три дни и три нощи, и принесе его въ кралевство кипреския земли на одной дщицѣ и потомъ видѣ нѣкоего рыбника, иже рыбу ловитъ на морѣ, и нача вопити елико силы имѣя и глаголя: «о человѣче! умилосердися надо мною: помози ми, послѣдняя страждущу; помилуй ни откуду имущаго помощи; помози ми, утопающу». Рыбарь же, скоро[2]) приплывъ, взя его во свою лодіцу, привезе его въ домъ свой, предложивъ же ему ясти и пити, по семъ поспати повелѣ. Егдаже Аполлонъ возста отъ сна и рече ему рыбарь: «вѣси, человѣче: яко по сему морскому суду рабъ еси мнѣ, понеже азъ отъ смерти избавихъ тя; но богъ ми не дай, еже озлобити тя, ничтоже ми

---

[1]) Это мѣсто въ спискѣ графа Уварова № 559 очень испорчено; возстановляю его по спискамъ моему и графа Уварова № 235.

[2]) Въ спискѣ моемъ и графа Уварова № 235: *немедленно*.

зла сотворша; но приказую ти и даю: се рубище лежитъ, возьми и пріодѣжися, иди въ корчму на игру, ищи своего полученія; аще ли же лучте моего не сыщеши, и ты приди ко мнѣ, и азъ всю мою нищету раздѣлю съ тобою». Аполлонъ же пріодѣяся[1] худымъ рубищемъ и поклонися рыбарю умиленно, отъиде. Пріиде же во градъ, хотя итти въ корчму. Тогда же въ томъ градѣ тоя земли краль кипрскій, именемъ Алтыстратесъ, *шулмерскими съ чады своими и велможи науками утѣшается. Аполлонъ же ста издалеча, игры смотряше. Егда же Алтыстратесъ играя мечемъ изъ руки его испусти*[1]), тогда Аполлонъ скочи, подаде мечь благочинно кралю и пріимъ краль мечь и поразумѣ о немъ, не проста человѣка быти, и закончивъ игру, спрашивая о немъ: «кто есть таковый человѣкъ» но никтоже зная его, точію нѣцы сказаша, иже видѣша идуща отъ рыбаря. Призванъ же бывъ рыбарь и вопрошенъ, онъ же сказа о немъ, како его отъ моря взя утопающа, «а кто и каковый человѣкъ, того не вѣмъ». И сказаша сіе кралю; краль же рече: «аще и не вѣмы сего, откуда есть, обаче службы его ради, иже показа намъ, да дастся ему одѣяніе и приведется сѣмо, да вечеряетъ съ нами». И бысть тако. Обычай же имѣ краль, еже ему ясти со дщерію токмо единою, иже бысть вельми прекрасная и отцу утѣшная, по ихъ обычаемъ въ драгихъ въ танцоводительствахъ: тогда срамъ велій той дѣвицѣ, которая такова ученія не умѣетъ; а великаго роду дѣвицы токмо предъ отцомъ своимъ танцоваху и то не по многу. Тогда по повелѣнію отца пріиде кралевна, Лучница именемъ зовома, во драгомъ одѣяніи и нача отца утѣшати тако благочинно и весело, яко всѣмъ, оставя вечеряти, дивитися красотѣ ея и играмъ; Аполлонъ же и не возрѣ на нее. Нѣкій же, сѣдя тутъ, рече Аполлону: «како ти ся мнитъ о танцахъ прекрасныя сея дѣвицы?» Тогда Аполлонъ, точію главою помавая, ничтоже отвѣща. Видѣвъ же сіе, кралевна печальна бысть зѣло, и ре-

---

[1]) Слова, напечатанныя курсивомъ, внесены изъ другихъ списковъ (моего и графа Уварова № 235); вмѣсто нихъ въ томъ спискѣ (графа Уварова № 159), по которому напечатана нами повѣсть, читается: *тогда и аще кто мечь подхватитъ и принесетъ ко кралю, то велію честь пріиметъ отъ краля и никто же тако меча не хвати; яко краль играя по обычаю изъ руки мечь испусти...*

че же ей отецъ: «прелюбезная моя дщи! проси отъ мене, еже хощеши и дамъ ти». Она же, показавъ рукою на Аполлона, и рече: «отче мой! докуда сего вижу, весела быти не могу, ниже что просити отъ тебе буду.» Краль же нача ю вопрошати, что есть противу ея вина его. Она же рече: «како, отче, не вина? вси мя почтоша и похвалиша; сей же наругаяся мнѣ и посмѣяся танцованію моему». Краль же нача вопрошати Аполлона: чего ради посмѣяся кралевнѣ, помавая главою? Рече же Аполлонъ: «милостивый кралю и великій! азъ не кралевнѣ ругахся, главою помахавъ: она убо честна и благородна, и благоразумна, и прекрасна; но въ танцоводительствахъ дивнаго[1]) нѣсть, понеже азъ самъ премножае сего умѣю и больше изучилъ, нежели кралева». И рече краль ко дщери: «возлюбленная! никтоже того не отрѣетъ, кто что въ себѣ самъ имѣетъ: тому не удивляйся; но повелимъ ему показати свою хитрость». И повелѣша ему. Нача жъ Аполлонъ тѣшити краля и дщерь его кралевну, восприимъ гусли (и) толико благостройно звяцая яко изумѣтися всѣмъ и удивлятися, потомъ нача танцовати таково благочинно, яко всѣмъ предсѣдящимъ вопити: «лутче попремногу сей человѣкъ умѣетъ, нежели кралевна». Видѣвъ же кралевна, зѣло возревнова ученію аполлонову, дабы ей тѣхъ поступокъ и устроенія научиться, и возлюби Аполлона; пришедши ко отцу, кланяяся благочинно и молитъ отца, дабы ей предалъ Аполлона во учителя. Кралю же дщерино прошеніе улюбися и повелѣ Аполлона приписать къ ближнимъ своимъ вельможамъ и храмы на своемъ дворѣ особыя ему дати. Восприемъ же Аполлонъ кралевну Лучницу ко ученію и училъ со всякимъ прилежаніемъ и скоро научися, и наказа, а не возрѣвъ же во весь той годъ и пристрастно на ню, ниже она на него. И зѣло жъ возлюби краль Алтыстратесъ Аполлона, премудрости его ради и мужества и увѣдавъ же нѣкако, яко бѣ краль Тиру наипаче же кралевна возлюби учителя своего. По семъ превеликихъ родовъ и отца чада пріѣхаша ко кралевнѣ приказыватися, понеже бо зѣло красна, и благородна, и премудра въ *еллинскомъ* наказаніи. Алтыстратесъ не

[1]) Въ моемъ спискѣ и графа Уварова № 235: *ея единаю*.

восхотѣ дати ни за кого, точію аще сама кого восхощеть и по многихъ пріѣхаша 2 великія кралевича во многомъ уряженіи и во многолюдствѣ. Краль же восписа листъ ко дщери своей: «Возлюбленная моя дщи! Пріѣхаша къ намъ нѣцыи благороднін и благоименитіи кралевиче, хотяще, кого отъ нихъ благоволиши, пріяти тя въ жену; азъ же обѣщася тебѣ, яко быти сему по воли твоей и не вѣмы, яко дѣвицамъ природный стыдъ, еже дерзновенно о семъ рещи, и ты мнѣ отпиши намѣреніе свое и назнаменуй имя того, его же изволишь, не точію же оихъ пріѣхавшихъ, но нища ли, или убога: нѣсть бо равна мнѣ во богатствѣ, ниже убога, дабы его не обогатилъ». Воспріимъ же листъ кралевна отъ отца и прочетъ, размышляя себѣ, глаголя: «аще ли правду отписать, срамота ми есть; аще ли же не отпишу, велику тщету воспріятъ». Воспріимъ же хартію и трость, нача писати: «Отче мой предобрый! чадо премудрое веселитъ отца; хощу, якоже годѣ тебѣ, тако да будетъ, обаче прошу» и написа Аполлона. Возрѣвъ же мать ея и рече: «тако ты, безстыдная, хощеши благородіе свое постыдити и славные и великіе роды презираеши, а убогаго морскаго утопленика изволяеши!» И рече же къ матери кралевна: «мати моя! на моемъ се изволеніи лежитъ, а не въ богатствѣ любовь, и не во благоплеменитствѣ, но во изволеніи честномъ и премудрости», и отшедъ отъ матери: «хощу за Аполлона; аще ли же не тако, за иного не посягну». Тогда краль, воспріимъ отъ дщери листъ, прочетъ, пріѣхавшихъ же изрядне учреди и отпусти ихъ безъ всякаго замедленія, и учинилъ веселіе веліе и сочеталъ дщерь свою Аполлону съ великою кралевскою честію и славою, и живяху житіе любезно и прерадостное. По прошествіи же близко годищнаго времени нѣкогда поя Аполлонъ жену свою кралевну Лучницу и идоша на брегъ морскій погулять, и въ той часъ приплы корабль, на немъ же бѣ знамя тирское. Егда же Аполлонъ знамя своея земли узрѣвъ и рече Аполлонъ женѣ своей: «сей корабль изъ моея земли». Тогда кораблеиикъ, познавъ Аполлона возопи: «здравъ буди, великій нашъ государю, кралю Аполлоне: извѣствую ти, кралю великій, яко искатель души твоея цесарь Антіюхъ отъ бога пораженъ бысть громомъ и молніею сожженъ и со дщерію своею; тебѣ же вси

и *бояре*[1]), и вси вельможи и все государьство возлюбиша, дабы еси былъ цесарь, и государь великій *князь*[2]); насъ убо послаша взыскати тя; вси же ждутъ тя съ веселіемъ и со многимъ богатствомъ пріяти». И вышедъ изъ корабля пріѣхавый, и подаде ему листъ отъ всея земли. Прочетъ же Аполлонъ листъ и рече слезенъ: «двоя мя обыдоша радостная и печальная: вельми бо радуюся о величествѣ чести твоея, яко вмалѣ прежде явленна бысть, нынѣ же совершенно увѣдѣхъ, яко великій еси царь; за таковаго благороднаго далъ есмь мою дщерь, печаль же мя лютая угрызаетъ, яко хощеши насъ оставити, но молю тя, премѣни намѣреніе свое; вручаю тя, пріими кралевство мое и не отходи отсюду». И рече Аполлонъ: великій кралю, драгій мой отче! оставихъ царство мое неуправленно; того ради и не могу сіе сотворити, еже ми здѣ пребыти». И повелѣ устроити корабль и украсити чуденъ; пріиде же къ женѣ своей, кралевнѣ Лучницѣ и рече ей, показуя перстень: «драгая моя жена! виждь и признавай сей перстень; азъ убо ѣду во свое отечество и царство; мню же, яко кромѣ великихъ ратоборствъ не будетъ имѣй сей перстень въ память любве нашея; поживи же одна у матери, дондѣже по тя пришлю; не вѣрь же ничему, токмо дай ми свой перстень, и азъ его паки къ тебѣ пришлю, дондеже время будетъ тебѣ быти». Егда же кралевна Лучница сія глаголы услыша, бысть яко мертва и паде на землю; егда же укрѣпися, горько рыдая глагола: «о презлое мое великое бесчастіе! что ми сіе прилученіе принесе!» И рече: «о великій кралю Аполлоне! о возлюбленный, всего свѣта дражайшій мнѣ! како мя хощеши немилостивно оставити? азъ же иного утѣшенія не имамъ, развѣ еже видѣти пресвѣтлое лице твое; сама убо изволихъ кромѣ всѣхъ за тя и съ тобою хощу вездѣ быти: аще ти будетъ радостная, купно возвеселимся; аще ли будеши въ злополучіи, купно претерпимъ; готова есмь съ тобою и умрети: лутче ми очима яже о тебѣ видѣти, нежели ушима слышати, яко больши прилагаютъ, нежели бываютъ». Рече же къ ней Аполлонъ: «предрагая моя! ты убо еси

---

1) Въ спискахъ моемъ и графа Уварова № 235: *князи*.

2) Этого слова въ другихъ спискахъ нѣтъ.

нынѣ непраздна, а приближается и рожденіе; море же бѣдне вѣси, како немилостиво бываетъ и азъ бы тебе вельми поялъ, но симъ ужасаюся». Она же рече къ нему: «свѣте очей моихъ! если бы была милость твоя къ немощи моей, изволилъ бы еси изъ дальнихъ странъ пріѣхати ко мнѣ; нынѣ же не далъ назрѣтися мнѣ на ся, въ злолютыхъ и скорбныхъ оставлени мя; но не буди сего; аще ли не возьмеши, то сама ся убію». Рече же Аполлонъ: «аще инако не можетъ быти, не разлучно во отечество мое шествуемъ».埝земъ же у отца благословленіе и прощеніе, и множество богатства, злата и сребра безчисленно много и всѣдоша въ корабль и отплыша, везущеся къ Тиру граду. Егдаже уже два мѣсяца пловуще, тогда кралевѣ морскій смрадъ и колебаніе внутренняя ея возмутиша, приближися же и рожденія время; но еже по естеству, отъ моря бѣдъ премѣнися, смертная страдаша, и въ премногихъ болѣзнехъ и страданіи породи дщерь. Егдаже породи, бысть яко мертва, никоимъ же удомъ подвижена, ниже дыханіе[1]) въ ней обрѣтеся и вси ю непщеваху мертву. И бысть плачъ и вопль велій въ корабли о ней, паче же всѣхъ Аполлонъ плача и рыдая, горько сокрушая сердце свое. Море же паки лютѣ возсвирепѣ, яко левъ, всѣмъ смертію претя. Корабленицы же чаяху кралевну мертву и того ради, моря прещеніе извѣствующе, начаша же у Аполлона милости прошати, дабы даровалъ животъ живымъ, глаголюще: «аще не извержеши изъ корабля мертвеца, то вси безъ года погибнемъ; море же не премѣнится въ тишину, дондѣже изъ себе мертваго извергнетъ». Аполлонъ же съ горькими слезами глагола имъ: «о любезная моя братія! молю васъ, да пребудетъ тѣло въ корабли, понеже благороднаго и великаго отца дщи, а не проста человѣка». Они излиха вопіяху, воли его не послушающе; поразумѣ же Аполлонъ, яко инако быти не можетъ,—зане море паче ярышеся, людіе же ожесточевахуся,—повелѣ лодицу, яже у корабля, честно украсити и тѣло любезныя жены въ драгое одѣяніе преоблещи, что ни имѣла съ собою драгихъ утварей[2]), все на ню возложити

1) Въ другомъ спискѣ: *духовная.*
2) Въ другомъ спискѣ: *утвореній.*

во лодицу, подъ главу же ея положити 2 тысячи златыхъ великихъ *и листъ написа таковый: кто сіе тѣло найдетъ, да вѣси, яко сія кралевна есть дщи короля великаго, о ней же премного слезъ пролися и нынѣ есть печаль многимъ, имать же подъ главою двѣ тысячи златыхъ великихъ*[1]); обрѣтый же тѣло возьми себѣ тысячу златыхъ, а другую по ней погребеніе построй, и молю, заклиная промысломъ божіимъ, любочестно ю погреби по царьскому достоинству; аще ли же кто обрящетъ, а не сотворитъ тако, да сотворитъ ему Богъ и сіе да приложитъ, да не возъимѣетъ никоего добра во вѣки, дабы его нужда, и бѣды, и напасти обдержали, и никое же его веселіе да постигнетъ, но да будетъ во вся дни своя въ печали!» И тако написавъ, положи писаніе въ руку ея, обливайся слезами, сокрушаяся, и лобзавъ любимаго мертвеца съ неутѣшнымъ плачемъ и великою жалостію, лодицу по морю отпусти. Тогда лодіицу морскія волны восприемше, яко птичьимъ летаніемъ другая къ друзей препосылаху и въ третій день ко граду Ефесу у брега поставиша. Прилучися же нѣкоему града того дохтуру именемъ Тиримону того часа изыти на брегъ моря и, увидя лодіицу, повелѣ ю къ себѣ привлещи. Егда откры, и узрѣ честную жену въ драгоцѣнномъ одѣяніи лежащу, вельми красну, повелѣ ю изъяти и въ домъ свой честію нести. Егда же ю изъяша изъ лодицы и обрѣтоша подъ главою двѣ тысячи златыхъ; узрѣ же въ руку ея писаніе и, прочетъ, рече: «пріемлю на душу мою и не единую токмо, яко же писано, въ погребеніе ея истощу, но и другую; себѣ же взяти ничего не хощу». И сія рекши, поиде потребная купити къ погребенію царскому[2]). Въ то же время пріиде ученикъ его, именемъ Силимонусъ; увѣда же, что въ дому дохтуровѣ творится, воззрѣвъ же на тѣло мертвыя кралевны, рече ту сущимъ: «таковаго мертвеца, яко же сей, никогда же видѣхъ: лице яко не отмѣнися, носъ не обострися, очи не впадоша, красота не премѣнися, плоть не отерпѣ: истинно животъ въ ней есть, но нѣкая лютая немощь омертвила». И, посмотря

---

[1]) Напечатанное курсивомъ внесено изъ другихъ списковъ: въ рукописи графа А. С. Уварова № 551 не находится.

[2]) Въ рукописи графа Уварова № 551: *церковному*.

жилъ, рече: «о родителіе! аще бысте мене у себѣ имѣли, не бысте любимаго мертвеца въ море повергли». И веземъ Силимонусъ ученикъ нѣкій составъ и растворивъ, повелѣ на двухъ столпахъ хладничекъ поставити, и тѣло на верху положити, а подъ хладничкомъ малый огнь складе и на огнь положи нѣкое кореньицо, да тѣло согрѣется, тѣло же все ея мастьми помазавъ, потомъ же бансамами драгими. Когда же позна, яко природа силу пріемлетъ, учинилъ ей чиханіе; егда же она чхну, тогда хладничекъ весь потрясеся и восщрія духъ, разверзѣ очеса, едва проглаголя: «кто есть при мнѣ? не прикасайся до времени». Силимонусъ же воздвиже ю и подаде ей легкое внутреннее лѣкарство и бысть вельми прекрасна и здрава, яко николиже болѣ. Да не дивитъже ся кто сей повѣсти: истинна бо есть, въ писаніи еллинскихъ творцовъ обрѣтеся; Евреи же таковый обычай имѣяху: любезныхъ своихъ родителей до трехъ дней не погребаху, дабы душа отъ великой немощи и безсилія не утаилася, и врачевскія книги беседуютъ также. *На предлежащее возвратимся*[1]). Егда же иде дохтуръ Тиримонусъ, купивъ погребальная, срѣте его ученикъ его Силимонусъ; пріимъ же учителя за руку, и приведе во храмину, идѣ же бѣ кралевна, и рече ему: «зри, учителю, ейже строилъ еси погребальная, се животъ есть». Дохтуръ же удивися, глагола ему: радуюся о величествѣ ума твоего; веселюся и азъ, яко превзошелъ еси во ученіи мене; не мни убо, о добрый учениче! зависть ми наложити око; но благодарю тя, яко возмоглъ сія сотворити и да будетъ твой добрый трудъ не вотще: сія убо великая кралевна имать злато и дарствуетъ тебѣ за лекарство животополучное тысячу златыхъ, и даде ему тысячу златыхъ, ихъ же прія съ кралевною»: Другую же тысящу златыхъ положи кралевнѣ и рече: радуйся! здрава буди, великая кралевна: она же рече, слезящи: «здравъ буди и ты, животодателю мой! и пріими мя сиротствующую и вдовствующую въ чадо свое, яко есмь великочестна роду и царьская жена; что же ми бысть, не вѣмъ, и гдѣ супругъ мой возлюбленный?» Тиримонъ же утѣшая ю словесы и различными повѣстьми, она

---

[1]) Въ моемъ спискѣ этихъ словъ нѣтъ.

же неутѣшно рыдая. Живши же ей ту многое время, дохтуръ же Тиримонъ имѣ ю яко свою дщерь и нѣкогда помысли ей рещи, яко да посягнетъ идетъ замужъ и рече ей о семъ. Она же рече ему: «отче мой! да вѣсть твоя любовь, яко завѣщахся предъ богомъ ждати моего государя, великаго короля Аполлона въ чистотѣ: мню бо его жива суща и о мнѣ лютую печаль имуща; аще ли же и въ мертвыхъ, не помышлю на се, за величество славы его и любовь ко мнѣ». Тиримонъ же, слыша сія, съ великою честію поклонися ей, упроси ю, еже стояти ей въ большей божницѣ вмѣсто богини или вмѣсто властели[1]) и кто ей будетъ служити, дабы въ чистотѣ былъ, понеже въ то время многобожіе бысть, и (чистыя) вдовы вмѣсто жерцовъ (се есть поповъ) употребляху (ся) и тако Лучница цѣломудренная пребывая въ божницѣ въ великой чести, печалію же о Аполлонѣ сокрушаяся и моля видѣти его. Аполлонъ же по лишеніи своея жены въ жалости обѣщася двадесять лѣтъ изъ корабля не исходити, но искати возлюбленныя своея супруги, въ та же лѣта ни брады, ни главы голити, ни тѣло свое мыти завѣщася. И повелѣ нѣкогда корабль направити ко граду Тарсу, приплы же къ нему ста у прежде бывшаго у своего дому (у) господина именемъ Стренгвила, имуща жену именемъ Діонисію; и отдаде има дщерь свою съ великою жалостію, даде же дщери вмѣсто матери нѣкую вдовицу, именемъ Лигорію, и много злата, и сребра, и драгихъ вещей, понеже въ томъ градѣ вспитати ея умысли, даде же имя дщери по имени града Тарсиса и рече Стренгвилу и женѣ его Діонисіи со слезами (глаголя): «возлюбленніи мои и милые друзи! не имамъ на свѣтѣ пріятельства, якоже ваше; и не иму вѣру никому якоже вамъ отдаю вамъ сіе любезное единородное чадо мое и молю васъ, напомяните къ себѣ любовь мою и милость, иже къ вамъ: имѣхъ и ко всему сему граду: дайте ей милость и любовь отческую, у себѣ сохраните ю, яко око свое». Они же, пріимше, такожде со слезами обѣщашася чадо его съ клятвою хранити; Аполлонъ же плака надъ чадомъ своимъ и лобзая отъиде. Вшедъ же въ корабль, нача по морю жалостно шествовати.

---

1) Въ моемъ спискѣ: *властелины*.

Тарсиса же кралевна нача въ возрастъ приходити и со иными дѣвицами въ училище ходити и изучи всю великскую (sic!) премудрость. И нѣкогда пріиде же отъ учителя Тарсиса, а мама ея Лигорія разболѣся къ смерти. Сія видѣвъ нача, горько рыдая, плакати. Лигорія нача ю вопрошати: «вѣси ли, рече, чія еси дщи?» Тарсиса же рече: «Странгвила отца, и Діонисія мать моя». Лигорія же рече: «нѣсть, рече, сей твой отецъ ни мати Діонисія; ты бо еси благороднаго отца дщи великаго короля Аполлона тирскаго, мати же твоя бысть дщи кроля кипрскаго, именемъ королевна Лучница; родивъ же тя и предана бысть морю; здѣ же ты предана отцемъ твоимъ сему Странввилу воспитати тя: отецъ же твой, ища матери твоей, и странствуетъ по морю». Сія же извѣстивши Лигорія и умре. Тогда Тарсиса нача горко рыдати отца своего, и матери, и добрыя своея мамы. И по множѣмъ неутѣшномъ плачи погребѣ ю близко моря, и положи завѣтъ себѣ входя и исходя отъ училища надъ грьобомъ ея плакати и тако шествуя въ училище такожe и исходя, рыдая и плача надъ гробомъ Лигоріи, на море же взирая и по матери слезящи и помышляя странствіе отца своего; и тако всегда въ сокрушеніи бѣ и печали безмѣрней. И прилучи же ся Діонисіи нѣкогда идти изъ божницы, дщи же ея Ѳиламыцыя предъ нею въ драгомъ одѣяніи грядяше, Тарсиса же за ними яко служебница идяше. Видѣвше же людіе, начаша глаголати: «сія, аще и не здѣ родися, но зѣло учлива и благообразна». *Понеже бо Тарсиса и благольпна кралевна вельми, прекрасна зѣло, паче мѣры благообразна и вельми премудра и во всемъ благочинна; того бо ради людіе и похвалиша Тарсису, а про Діонисину дщерь глаголаху*[1]): «а она аще и впредь шествуетъ, и украшенна одѣяніемъ, обаче нѣсть достойна тоя чести». И услышавъ сія, Діонисія зѣло опус(т)нѣ и опечалися, слыша безчестіе своея дщери и нача помышляти, како бы кралевну Тарсису смерти предати, дабы дщери безчестія не слышати; къ тому имѣ же нѣкоего раба на селѣ своемъ, именемъ Ѳеофила, призва же его и рече ему: «Ѳеофиле! слышехомъ о тебѣ много зла: яко мужа моего добро

1) Словъ, напечатанныхъ курсивомъ, въ моемъ спискѣ нѣтъ.

крадеши, къ тому же покушаешися отравити насъ, а дщерь нашу пояти и домомъ нашимъ владѣти; но мужъ мой прежде, неже мы отъ тебе постраждемъ, хощетъ тя продати нѣкоему мучителю». Онъ же нача ротитися и клятися, яко никоего зла сотворилъ, ниже помыслилъ. Рече же ему Діонисія: «инако не будетъ, но аще хощеши смерти избыти, иди и убій Тарсису, иматъ бо нравъ: прежде не піетъ, ни ястъ, но ходитъ ко гробищу плакати своея воспитавшія. Ты же, тамо предваривъ, утаися и убій ее, а когда тако сотвориши, испрошу ти свободу». Өеофилъ же, боася смерти, повинуся воли госпожи своея; егда же улучи время, иде и утаися между гробищъ. Егда же Тарсиса пріиде, яко обычай имѣя, нача плакати и случьшаяся глаголати[1]), той же Өеофилъ, узрѣвъ ее, ужасеся зѣло и рече въ себѣ со слезами: «о злочастный и бѣдный рабе! въ кій часъ ты родися, яко въ таково зло впасть бысть? О стуженіе злое и печали полное! како ми и за какую вину убити таковую дѣвицу прекрасную и благородную, и благоразумную и пролити кровь неповинную». Егда же онъ плака и размышляя, яко инако не возможно ему сотворити, и, сволчивъ, удари ю о землю, и извлекъ мечь хотя ю [illegible]. Дѣвица же Тарсиса нача Өеофила молити тихими словесы дѣвическими правы, съ горькими слезами, глаголя: «пощади мя, о человѣче! за кую вину азъ бѣдная таковой смерти достойна: ничто же есть сотворила, ниже ти знаю». Онъ же рече: «тогда ти [illegible], егда главу твою отъиму». Она же паки рече: «о человѣче! убойся бога великаго пролити кровь безвинныя дѣвицы, иже отмщенія не будетъ». Онъ же рече, плача: «ты ми никакого зла не точію сотворила, ниже ти вижю; но слышахъ, яко отецъ твой вдалъ съ тобою, у нихъ же ты живеши, много злата; того ради посылаютъ мя убити на подъ [illegible], дабы злато то не тебѣ у тѣхъ сохранено было всегда». Она же рече: «[illegible] ми си. аще [illegible] не можетъ быти, дабы ми [illegible] своей [illegible] и пристанища моей [illegible]». Өеофилъ: «[illegible] и [illegible]: [illegible] убо [illegible] сіе не [illegible]». Егда же Тарсиса нача [illegible] [illegible] и горькими слезами, тогда не [illegible] (и сво-

[1]) [illegible]

стію ея) подъѣхаша разбойницы по морю: и, вышедши на берегъ, сѣдяще и увидѣвше мужа онаго стояща и мечь держаща, и крикнуша на него. Ѳеофилъ же узрѣвъ, и побѣже, и прятече въ домъ свой, скава злѣй своей госпожѣ[1]), яко уби Тарсису. Разбойницы же, ваемши ю, привезоша къ нѣкоему граду, рекомому Мельхилу и между иными куплями посадиша ее продати. Пріиде же блудницамъ начальникъ и корчемникъ купити Тарсису кралевну у разбойниковъ, даде за ю 50 златыхъ, введеже ю въ домъ свой и причте ко сквернымъ дѣвицамъ нечестнаго ради своего и злаго прибыточества. Тарсиса же видѣ прелютое зло надъ собою, нача горько рыдати, и плакати, и глаголати: «О боже, боже мой! како мя прегорькую и злочастную въ злыхъ моихъ оставилъ мя еси! о случаю злополучный, немилостивый! И како на мя испустилъ еси своя стрѣлы и злосердымъ копіемъ пробелъ еси мое сердце? О Боже! сіе ми бысть, за еже есмь паче всѣхъ согрѣшила; обаче нѣсть во мнѣ, ни въ помыслѣ моемъ, никоего зла хотѣнія, точію молитва и книжное прочитаніе. Почто ми, Боже, родитися попустилъ еси и родившуюся почто съ матерію моею въ море не ввергоша? О Ѳеофиле! былъ ми еси страшенъ; обаче прелюбезный былъ еси, егда бы главу мою отъялъ: лутче ми окаяннѣй злая смерть, нежели скверный сей и срамотный животъ!» И узрѣвши же купившаго ю начальника блудницъ, паде къ ногу его, плача и моля, дабы на чистоту ея не опощрялся, и дѣвствовати бы ее оставилъ, и честь королевскаго чада не обругалъ. Рече же ей окаянный блудницамъ начальникъ: «престани! не тому продана, дабы ти кая милость была; но иди и сяди въ первыхъ блудницахъ, украсившися; не точію, яже за тебѣ далъ, хощу возвратити, но и сугубую цѣну твоею красотою имамъ добыти». И посадивъ ю, повелѣ по граду кличь кликати хотящимъ блудити, яко есть у него въ блудилищи новая таковая дѣвица, каковой и не бывало: зѣло прекрасная. Услышавъ сія, того града князь, именемъ Антагоръ, пріиде въ домъ блудницъ и возмъ Тарсису введе ю въ особую храмину къ любодѣянію. Тарсиса же, видя сбывающееся надъ собою и одна токмо со

---

[1]) Въ моемъ спискѣ: *господину*.

единымъ, паде на землю къ ногамъ Антагора, рече ему съ великимъ плачемъ, горько рыдая: «о великій княже, преславнѣйшая природа! премнози, иже по естеству похоти мысль сотвори нравъ славный и не буди гонитель и обругатель крови царскія, да Богъ за добро сіе, его же покажеши ко мнѣ, сохранитъ чадъ твоихъ отъ таковаго злаго случая! Азъ есмь бѣдная дщи великаго короля Аполлона тирскаго, иже въ злоключеніихъ своихъ странствуетъ по морю, меня же даде воспитати во градѣ Тарсѣ и, ему же даде, той мя повелѣ убити. Убійцы же мя разбойницы отъяша и продаша сему злому человѣку. Ты же, яко славный и благородный, честь мою, и чистоту, и дѣвство сохрани ради вышнего промысла и всѣхъ царей, и кралей, и благородныхъ дѣвицъ и честныхъ женъ, чистоту и честь хранящихъ». Услышавъ сія, князь Антагоръ премудрый, умилися къ жалостному ея моленію и рече ей съ честію словеса утѣшительная: «о славная въ дѣвицахъ!—истинная царевна, яко въ толикихъ бѣдахъ сама въ себѣ царствуеши; покланяюся ти, буди здрава, буди тебѣ честь и слава вѣчная, яко въ такихъ бѣдахъ честь снабдѣваеши и чистоту любиши; отселѣ азъ, елико могу, буду тебѣ усердно помогати, да дѣвство твое сохранится. Пріими отъ меня злато и даждь блудническому купцу, яко свою мзду у мене пріемши; азъ же ему реку, что тебѣ творити». Изшедъ изъ храмины, преславная дѣвица даде своему злословному господину пріемше злато у Антагора любомудраго. Изыде же князь Антагоръ нача глаголати блудницамъ начальнику, да дастъ ему Тарсису на мѣсяцъ, а онъ ему дастъ 100 литръ сребра и да ни единъ *кто отъ мужей*[1]) не точію коснется, ниже да видитъ Тарсису, развѣ Антагора единаго. Прибыточникъ онъ обѣщася и сотвори тако.

Аполлонъ же краль, отецъ цѣломудренныя Тарсисы, преходя по морю 12 лѣтъ, жалѣя любезныя жены, прииды ко граду Тарсу видѣти дщерь и утѣшитися отъ печали. Увѣдавъ же сія (пріемый въ соблюденіе дщерь его) Странгвилъ съ женою своею Діонисіею, облекшися въ черная, пріидоша ко Аполлону и рече Странгвилъ: «здравъ буди, королю великій, а намъ милостивый

1) Въ моемъ спискѣ: *ко тому же.*

государю! извѣствуемъ же тебѣ печали полный случай: кралевна прекрасная, Тарсиса, дщерь твоя, о ней же бысть вся наша надежда, умре; мы же о дне смерти ея донынѣ сѣтуемъ, платье черно носяще». Слышавъ сія, краль Аполлонъ отъ великія печали горькія многія слезы излія и разда скудствующимъ много злата въ милостыню по дщери своей и паки (сотворивъ завѣтъ десять лѣтъ изъ корабля не исходити, но странствовати по морю въ несносной своей печали; аще ли же кто речетъ ему изъ корабля изыди, таковому нога отсѣщи безъ милости) таже Аполонъ вниде въ корабль, нача шествовати по морю съ великою тугою и печалію. И по семъ возста вѣтръ велій на морѣ и по многомъ плаваніи принесе корабль къ нѣкоему граду нощію, его же не познаваху, егда же бысть утро, вопросивъ же, и увидаша, яко градъ Мельхилъ есть, въ немъ же дщерь его продана блудничнику. Прилучи же ся тогда быти нѣкоему, по внѣшнихъ обычаю, торжеству и рече Аполлонъ слугамъ своимъ: «братія любезная! пристаните ко пристанищу града сего, понеже нынѣ торжества день, и пріимите нѣкое утѣшеніе, якоже и протчіи человѣцы». Егдаже приближашася ко граду и сташа, обрѣтоша много кораблей, понеже убо окрестныи вси въ той день съѣзжахуся торжествовати ко граду. Аполлонъ же своимъ повелѣ сотворити веселіе и глагола имъ: «аще азъ и въ печали есмь, но вы будите во утѣшеніи». И начаша слузи его ясти, и пити, и веселитися; Аполлонъ же сѣде во внутреннихъ корабля, сѣтуя и плача. Прилучижеся князю града того оному Антагору изыти видѣти прибывшіе корабли и между многими узрѣ корабль пребольши всѣхъ и во уряженіи изящнемъ, обаче черными виды и вельми пристроенна и знамя корабля черное. Пріиде къ нему князь и видѣ корабля того человѣковъ благонравныхъ и разумныхъ, нача съ ними бесѣдовати и веселитися и вопроси ихъ: «кто есть вашъ государь?» Они же рекоша: «есть государь нашъ благородный, но въ печалѣхъ своихъ, ими же обдержимъ есть, сѣдитъ, немоществуя, во внутреннихъ корабля». Антагоръ же рече: «пріими отъ меня кто отъ васъ 2000 златыхъ, и повѣси, дабы благоволилъ ко мнѣ изыти». Рече же единъ отъ нихъ: «князю славный! аще намъ коему во своемъ княжествѣ возможеши вмѣсто отсѣченной

сотворити ногу за двѣ тысячи златницъ, то пойдемъ; уставъ бо государя нашего сицевый есть: «аще кто речетъ ему изыти изъ корабля, таковому нога отсѣщи». Рече имъ князь: «вамъ сей уставъ, а не мнѣ»; и иде самъ въ корабль къ Аполлону. Пріиде же и рече ему: «здравъ буди, предобрый и славный гостю и да премѣнитъ Господь Вышній печаль твою на радость». Аполлонъ же рече ему: «здравъ буди и ты, честный и добрый человѣче; а иже вся содержаяй, той честь твою да умножитъ». Видѣвъ же Антагоръ Аполлона, и разумѣ, яко великій нѣкій, и славный, и премудрый человѣкъ; но въ печали лютой помрачися, и рече ему Антагоръ: «не положи на мя зла, славный мужу; хощу бо мало ти нѣчто похвалитися, азъ есмь князь сея земли, видѣхъ же и слышахъ, яко нѣсть радости, юже не постигнетъ печаль, и нѣсть печали, иже не преложится на радость. Како ты, добрые и мудрые вижу тя природы, въ такову печаль вдался еси? молю тя, повѣждь ми, кая ти скорбь и како прилучися». Аполлонъ же рече ему: «благодарствую ти, великій и славный княже, на твоемъ утѣшеніи; но вѣси: кто печальну человѣку бѣды его воспоминаетъ, той пребольшее сокрушеніе сердцу его прилагаетъ и болѣзнь обновляетъ; молю твою державу: иного ми о семъ слова не прилагай, иди отъ мене въ мирѣ добрѣ»[1]). Слышавъ сія, Антагоръ поклонися ему, изыде отъ него, сѣтуя о семъ съ великою печалію и много размышляя о семъ. Посла по Тарсису, юже искупи на мѣсяцъ себѣ у блудоначальника; она же пріиде и рече ей: «есть здѣ единъ человѣкъ мудрый, якоже вижу, и славный въ корабли (семъ), но въ великой печали, отъ нея же самъ себе хощетъ погубити[2]); азъ же о тебѣ уразумѣхъ, яко мудра еси воистинну, (молю тя) изведи ми его изъ корабля премудростію своею, азъ же тя у твоего злаго господина на другій мѣсяцъ искуплю тѣмъ же образомъ». Тогда Тарсиса, поклоншися князю, иде и вниде въ корабль ко Аполлону и рече дѣвическими тихими словесы: «здравъ буди, человѣче славный и государю добрый! да будетъ печаль твоя далече отъ тебе, рече бо ся въ писаніи: мужъ мудръ

---

1) Въ моемъ спискѣ: *иди отъ мене въ миръ.*

2) Въ моемъ спискѣ: *порушити.*

укрѣпляетъ свое сердце, да не внидетъ накостникъ ума уныніе(мъ), иже его омрачаетъ и (въ) конечную погибель отсылаетъ. Мудрыя бо притчи располагаютъ и многа житія предразумѣваютъ». Тогда Аполлонъ пообвеселися въ малѣ и рече ей: «дѣвице! вижу тя благоразумну и премудру въ таковыхъ лѣтахъ; и хощу глаголати съ тобою, обаче не уразумѣеши глаголъ моихъ; се даю ти сто златыхъ, возьми сія и отъиди отъ мене». Тарсиса же, усрамяся, взя злато и отъиде. Узрѣ же ю Антагоръ, иде противу ея и рече: «такъ ли ты мужа того изъ корабля извела?» Она же рече: «даде ми сіе и отосла; азъ же, устыдѣвшися, изыдохъ». Онъ же рече ей: «или лутче злато, а не еже хощу другій мѣсяцъ избавити тя отъ оскверненія». Она же, сія услышавъ, съ великимъ срамомъ поверже злато на землю и рече: «хощу сего, господине мой, но слово твое пребольши мнѣ всего свѣта богатства». И рече ей Антагоръ: «аще сотвориши ми человѣка сего изъ корабля изыти, обѣщаю ти ся азъ съ клятвою, яко отъ злаго твоего начальника свобожду тя». Тажъ Тарсиса паки возвратися въ корабль и рече Аполлону: «возвратихся, славный господине и великій, и принесохъ ти паки злато и молю твою кротость: или злато возьми, или послушай гаданіе мое и милостивъ ми буди, еже изъ корабля изыти». Аполлонъ же рече ей: «ласка хитрая! вѣмъ, яко хощеши привлещи дабы съ тобою глаголалъ; злато храни у себѣ, яко вижу тя сиротну, и рцы ми, что хощеши». Тарсиса же рече: «гаданіе есть таково, господине; слыши: домъ славный, всему свѣту надобный, той домъ всегда кричитъ, господинъ же въ немъ молчитъ, съ господиномъ ходитъ и прибытки ему родитъ; (тако) мужъ безъ коня пріѣдетъ, господина рѣшеткою обведетъ, обведши, изведетъ, а домъ рѣшеткою и уйдетъ»[1]). И рече ей Аполлонъ: «не велико твое гадательство; печаль же моя не дастъ ми рещи, обаче слыши: домъ есть море или рѣка, иже шумомъ яко крычитъ; господинъ же, живущій въ немъ, рыба, яко есть безгласна, молчитъ; тамо рыбарь кромѣ коня въ лодницѣ пріѣдетъ и господина, рыбу, сѣтью обведетъ, обведши же, мрежею извлечетъ, а домъ, вода, утечетъ». Рече

[1]) Въ моемъ спискѣ: *утечетъ*.

да мене Тарсиса: молю тя, господине, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]: «[illegible] [illegible] прославенъ, [illegible] [illegible]. и укоризнама слуги водить и отвресть ся всегда [illegible]. [illegible] пу-стить водити, а слѣду не родить». Рече же Аполонъ: «[illegible] [illegible] есть лодья отъ древъ великихъ сотворена, а слуги ни укоризнама водить — вѣтры, и отвресть ся ходить по рѣкѣ или по морю, она водить путемъ, а слѣду не оставляетъ». И рече Тарсиса иное гаданіе: «чтожъ сіе есть: домъ въ вещѣхъ не [illegible], выводимь и гости къ немъ ноги и иную вещь въ рукахъ имѣють, а сѣмьа не разумѣють, огнь и воду въ томъ дому приносять, *а никогдабы у себе [illegible] [illegible]*[1]). И рече Аполонъ: «домъ есть мыльня, однажды много имѣеть, гости [illegible] только въ нея нагихъ приходять, вещи въ рукахъ то есть вѣники, а сѣмья другъ предъ другомъ не имѣють; такожъ огнь и воду приносять, а въ домѣхъ своихъ всякъ сіе (туне) имѣеть». И сказавъ Аполлонъ гаданіе, рече къ Тарсисѣ: «азъ твое гаданіе изъявихъ, къ тому ми не стужай и отъиди». Рече же Тарсиса: «пріими свое злато, и азъ отъиду». И рече ей Аполлонъ: «дивлюся дерзости твоей, колико безстыдно со [illegible] глаголеши». Она же рече ему: «нужда мя, бѣдную, къ тебѣ привела, яко продана есмь блудницамъ начальнику; аще ли тя изъ корабля изведу, Антагоръ князь обѣщался мене отъ него или свободити». Рече же ей Аполонъ: «отъиди отъ мене: не имамъ тебе ради обѣщаніе презрѣти». Рече же она къ нему: «вѣмь, яко сицевыя чести, якоже ты, милостивыи суть, но не явиши ли милость по мнѣ, то возьми свое злато; аще ли же злато не возьмеши, то еще ми изъяви гаданіе сіе: четыре брата равно бѣгають и ногъ у себя не имѣють, отца такому носять, ясти и пити не просять, алчуще гласять, и на[illegible] молчать». И рече Аполонъ: «сіе гаданіе, съ дѣтьми игран, изучила еси: четыре брата — колеса; ногъ не имѣють, бѣгають; отца — возила носять; вѣдомо же, что ясти не просять, и помазани молчать, а не помазани скрыпять». И рече Тарсиса: «благо тому изъявляти, кто умѣеть отгадати», и паки рече: «кое сотвореніе, въ немъ же ни пера вѣсть, тѣсно и дирявo, не ясть, устъ не имѣеть, а въ себѣ прі-

[1]) Напечатанное курсивомъ внесено изъ моего списка.

емлетъ?» И рече Аполлонъ: «и сія дѣвицѣ мудрость незрима: есть бо се губка морская». И рече Тарсиса еще гаданіе 6-е: «что есть малаго вида и малый служебникъ, лица не имать, а кто въ него зритъ, всего себе видитъ?» И отвѣща ей Аполлонъ: «а се есть зерцало: но доселѣ и до сего часу азъ тя чтилъ, нынѣ же къ тому не хощу глаголати съ тобою; къ тому почти сама себе и отъиди отъ мене». И рече ему Тарсиса: «о благолюбезный человѣче! аще не хощеши, мене ради бѣдной и злочастной, то ради горьняго промысла и великія моея ради нужды, и сиротства, и многихъ бѣдъ изыди изъ корабля, и твоего ради изшествія мое достоинство будетъ сохранено и не растлѣнно; помилуй мя горькую, избави мя[1]) отъ обышедшихъ мя золъ». И сія ей рекши, приступи, хотя охапитися о нозѣ его. Аполлонъ же разгнѣвася и рече: «азъ убо и моимъ бѣдамъ, въ нихъ же есмь, не могу помощи: тебѣ ли помогу?» и отторже ю отъ себе ногами. Она же паде на землю до толика, яко крови изъ носа и изо устъ изыти, укрѣпижеся и нача горько плакати, поминая злочастіе свое и глаголя, рыдая: «о презлое злоключеніе мое![2]) почто мя бѣдную тако крѣпко держишь? о мати моя кралевна Лучница! почто мя на свѣтъ породила и по рожденіи почто не ввержена вкупѣ въ море съ тобою? О отче мой, великій кралю Аполлоне! гдѣ нынѣ въ печалѣхъ своихъ, не вѣдая зла случая чаду своему, мнѣ бѣдней: оставилъ еси мя въ Тарсѣ, въ воспитаніе Странгвилу и Діонисіи, пріятелема злыма? Тако питательница моя Лигорія отъ житія отъиде, азъ же отъ Діонисіи повелѣна убіена быти, избы же смерти разбойникома, юже бо съ радостію пріяла паче, нежели нынѣ продана во вселютую смерть, злыхъ блудныхъ дѣлъ начальнику блудническу; имѣла быхъ сама ся убити, но боюся суда самоубійцъ». Егда же ей таковая глаголющи и горко плачущей Аполлонъ воззрѣвъ, яко левъ воплемъ крѣпкимъ горько возрыдавъ, паде на дщерь, яко бездушенъ и много вопія. рыдая. Егда же укрѣпися, зря дщерь, извѣствуяся о ней, обымая и лобзая ее и

---

[1]) Въ моемъ спискѣ: *собою*.

[2]) Здѣсь въ рукописи графа А. С. Уварова перепутанъ порядокъ словъ, возстановляю его по моей рукописи XVII вѣка.

отъ радости въ познаніи, отъ слезъ же въ злоключеніяхъ, недоумѣваяся, что глаголати, возопи же гласомъ великимъ: «пріидите, братія моя, и друзи, и бѣдъ моихъ сострадальцы! возвеселитеся со мною днесь, понеже возлюбленную мою единородную дщерь, юже погубихъ, обрѣтохъ». Услышаша сія вси, иже въ корабли, слузи его и, другъ друга предваряюще, ко Аполлону, течаху. Притече же и Антагоръ, князь, пріятель и остерегатель дщери его, и вси граждане; и бысть всѣмъ неизглаголанная радость. Изыде же изъ корабля и со дщерію, радостно слезяще, другъ друга объемши и пріидоша въ домъ пріятеля своего, князя Антагора; упроси же его Антагоръ во еже въ бани устробитися и сѣтованная премѣнити и власы облегчити, и постави всѣмъ завѣтъ Антагоръ пиршествовати и веселитися съ ними. По веселіи же множѣмъ князь Антагоръ преда градъ свой и всю державу великому кралю Аполлону. Краль же Аполлонъ, видя премногое толикое его добродѣйство и по многомъ благодареніи, яко прежде сродства любви показа любовь сына, даде Аполлонъ ему дщерь свою, Тарсису прекрасную и премудрую, въ жену. И бысть женитва радости и утѣшенія полна. Купивый же Тарсису начальникъ блудницамъ безъ вѣсти погибе, понеже убояся краля Аполлона. По радости же поя Аполлонъ великій краль, зятя своего со дщерію, иде къ Тиру граду, во свое отечество; приде же къ Тарсу граду, идѣже оставиша Тарсису воспитати. Таже по оповѣданіи Тарсиса и совопрошеніе Ѳеофила раба онаго, Странгвила и Діонисію пріяша яже (о) Тарсисѣ показаша, потомъ же имъ по различнымъ мукамъ главы отсѣкоша. И оттуду приплы во Ефесъ градъ (понеже онъ по пути имъ приде[1]); идоша въ первую кумирницу, идѣже Лучница начальница, не вѣдуще же ся (како ведома онъ въ море, пустивъ ее мертву, и всегда чая утопшую или въ земли гдѣ погребенную). Егда же во храмъ идольскій внидоша, узрѣ Лучница возлюбленнаго супруга своего градущаго и позна его. Обаче яко дщерь по руку ему идяше, чая, яко жена его есть, и глагола въ себѣ: «како такову младу поя?» и не хотяше же себя того ради объявити. Егда же къ ней Аполлонъ, яко

[1]) Въ моемъ спискѣ нѣтъ.

первѣйшей властелинѣ, пріиде и предаде ей вѣнецъ злата въ приношеніе кумиромъ, глаголя: «мати великая! помолися; даю сіе приношеніе богомъ, яко дщерь мою возлюбленную обрѣтохъ сію», и указавъ ей на Тарсису; она же, воспріемше вѣнецъ, возложи на главу свою, сама же съ пренеможеніемъ едва отъ слезъ удержася. Пріиде же и Тарсиса, подаде другій вѣнецъ златый, глаголя: «пріими сіе, честнѣйшая, въ даръ, яко даде ми вышній промыселъ обрѣсти прелюбезнаго отца моего». Видѣвъ же Аполлонъ въ вѣнцѣ стоящу Лучницу благородну и красотою сіяющу, и удивися зѣло, непщева ю быти богиню, нача же воздавати хвалу кумиромъ, глаголя: «хвалю васъ, бози, и тебе, богиня, яко отраду и утѣшеніе ми подаете, во еже обрѣсти возлюбленную мою дщерь; аще ли бы же сего вы мнѣ, милостивыи бози, не подали вовсе, и азъ бы во всеконечную пришелъ погибель: отъ младыхъ убо есмь лѣтъ краль, оттолѣ же и бѣдникъ злополученый. Прося убо нѣкогда у Антіоха, цесаря, дщери въ супружество, и судомъ его неправеднымъ едва смерти убѣглъ; бѣгая же отъ него, плавая въ мори едва, бѣдный, не утопохъ, но вашею помощію рыбаремъ избавленъ быстъ; въ Кипрѣ того ради замедлихъ, таможь едина славная дѣвица, дщи краля Алтыстратеса, именемъ Лучница, пріяла къ себѣ за мужа и оттолѣ злочастіе мое преумножися. Егда неоторженною ея любовію идохома въ мое отечество, отъ бѣдъ въ мори въ рожденіи ея смерти бѣдне разлучихся и по смерти, любве ея ради, во всегдашнемъ уныніи и печали, и безъ нея и до нынѣ веселъ быти не могу». Сіе же глаголющу и горько слезящу, донделже сего словеси, Лучница къ тому никому терпѣти не возможе, но возопи гласомъ великимъ, съ горькими слезами глаголя: «о предрагій мой свѣтъ и прелюбезный государю, кралю Аполлоне! азъ есмь убо жена твоя Лучница, дщи короля Алтыстратеса», и нападе же на выю его и многъ часъ неразлучно плачуще. И егда укрѣпившеся, рече Аполлонъ ей: «во снѣ ли ми яже о тебѣ, прелюбезная моя, или на явѣ?» Лучница же отвѣща: «во снѣ убо безъ вѣсти, и яко смерти невѣдѣнія другъ о друзѣ быхомъ, нынѣже разбудихомся любезнѣ». И извѣсти ему Лучница вся, яже о себѣ, и по многомъ познаніи другъ друга плачуще, придоша во всерадостное утѣшеніе, изыдоша изъ храма боговъ (кумировъ) и

идоша въ домы, гдѣ пребываше Аполлонъ. Слышавъ же, граждане зѣло возрадовавшеся и прославиша бога всемогущаго. Повелѣ же Аполлонъ Тиримонуса врача и ученика его Силимонуса призвати и дарова имъ премногіе дары и по семъ въ радости неизрѣченнѣй съ кралевною Лучницею и со дщерію Тарсисою и со зятемъ своимъ Антагоромъ шествова въ свое отечество, въ Тиръ градъ. Егда же къ Тиру приближися, изыдоша въ стрѣтеніе мужіе во урядствѣ изящнѣ и на конѣхъ множество много, дѣвицъ лики во украшеніихъ лѣпотѣ полками, тако же и жены и малыя отрочата своею особою. И отъ радости старіи и младіи плакаху, и бысть пріѣздъ его славенъ, и дивенъ, и страшенъ. Аполлонъ же отъ великія радости, что̀ чинити недоумѣвая, точію привѣтъ и милость являя и обѣщая (къ народамъ). По семъ принесоша ему великіе дары и оброки его государства, иже по отшествіи его собравши, неисчетно казны (ему) принесоша. Увѣдавъ же Антіохіяне пришествіе краля Аполлона, иже и до дни пришествія его никому же обѣщавшеся отверсти града того, молебно писаша ко всѣмъ княземъ тирской державы, дабы Аполлона умолили быти у нихъ цасаремъ и государемъ и пріяти градъ ихъ. И Аполлонъ по прошенію князей сотвори по воли ихъ, у Антіохіянъ бысть цесаремъ, и предаша ему многочисленное Антіохово богатство; зятя же своего королемъ Тиру граду постави и призваша же и Елавика, пріятеля своего, иже сказа ему заповѣдь о немъ отъ Антіоха, и даде ему великіе дары и первосовѣтника себѣ постави. По семъ Аполлонъ изволи ѣхати съ кралевною и со дщерію и зятемъ въ Кипръ, къ Тиру (sic!) граду ко Алтыстратесу кралю, тестю своему, и шествова во славѣ велицѣй, пребыша же тамо не мало и повѣдаша купно вся прилучившаяся бѣды своя и потомъ веселишася вси купно. Краль Алтыстратесъ дщери своей Лучницѣ половину своего царства, а другую же даде внуцѣ своей Тарсисѣ. Повелѣ же Аполлонъ призвати онаго рыбаря, ижѐ избави его отъ потопленія моря, и даде ему премногіе дары и обогати его зѣло. По семъ цесарь Еллинскій Аполлонъ возвратился во Антіохію Великую и тамо живуще радостный живо̀тъ со своею царицею. Прижитъ же съ нею сына и даде дѣднее ему имя Алтыстратеса. Таже пріиде во глубокую старость и остави сыну своему свое царство, самъ же до кон-

чины живота во истиннѣ и правдѣ поживе, и послѣдній день сотворися ему миренъ и благополученъ. Конецъ сей повѣсти.

ЛУЦИДАРІУСЪ.

Предисловіе.

Древняя русская литература, при внимательномъ и подробномъ изученіи, не представляетъ того безотраднаго однообразія, которому обрекали ее невольно люди, ограничившіе себя безплоднымъ удивленіемъ религіозному направленію ея и внѣ произведеній церковной словесности не искавшіе пищи своему изслѣдованію. Какъ ни тяжелы были порою вериги, наложенныя церковно-византійскою письменностію на нашу, но не могла же народная фантазія сдержаться тѣми монотонными поученіями, которыми награждала ее Византія, не могли же удовольствоваться этою оффиціальною литературою. Односторонности и сухости ея съ давнихъ поръ противодѣйствовали апокрифическія произведенія свѣтскаго, повѣствовательнаго, легендарнаго характера, переходившія часто изъ той же Византіи.

Въ XVI вѣкѣ къ нимъ присоединились литературныя произведенія латинскаго запада, которыя, какъ противодѣйствіе византійскому началу, могли стать только во враждебное отношеніе къ оффиціальной литературѣ и были точно также отречены, какъ и поэтическое творчество народа. Разумѣется, такое отреченіе не могло сдержать ихъ развитія; но важно то обстоятельство, что въ XVI вѣкѣ начинаетъ пополняться русскими указаніями индексъ запрещенныхъ книгъ, перешедшій къ намъ изъ Византіи[1]), — прямое свидѣтельство, что для русской апокрифической литературы съ этого времени начинается новая жизнь вслѣдствіе сближенія съ народными книгами западной Европы. Не трудно рѣшить вопросъ, какая изъ этихъ двухъ отраслей литературы имѣла болѣе вліянія и большій кругъ читателей: та ли которая, какъ оплотъ старины и недвижная неразвивающаяся масса, чуждая житейскихъ интересовъ и почти отрѣшенная отъ народной жизни, въ сознаніи своей безпомощности опиралась на отрицаніе всякаго развитія, настаивая на исключительность извѣстныхъ понятій; или та, къ которой влекли читателя его симпатіи, хотя порою и сдерживаемыя страхомъ церковнаго «отреченія». Еще полный языческою стариною и ея неумершею поэзіею, читающій людъ того времени съ особенною любовію обращался къ отреченной

[1]) Таковы указанія Стоглава, Домостроя, рукописнаго Требника Макарія, (Сол. библ. № 1085) обличительныхъ писаній Максима Грека и т. д.

литературѣ и ея развитіе было надежно обезпечено народными симпатіями, состояніемъ его сознанія: въ ней было удовлетвореніе его умственнымъ и нравственнымъ потребностямъ. Гонимыя церковнымъ ригоризмомъ, апокрифическія произведенія изъ области письменности переходили въ сферу устной словесности, и наши народные стихи находятъ себѣ лучшее объясненіе въ произведеніяхъ апокрифической литературы, которыя часто служатъ для нихъ источниками. Напрасно духовенство старалось сбить съ поля эту враждебную письменность: оно часто даже не узнавало своего врага, если только дружеское забрало скрывало его лицо. Подложныя поученія и другія сочиненія, смѣло назвавши себя поученіями отъ св. отецъ или словомъ Златоуста, легко избѣгали церковнаго отреченія и почитались даже наравнѣ съ твореніями св. отцевъ[1]). Подобныя поученія не вносились въ списокъ запрещенныхъ книгъ, мало того — считались даже книгами истинными[2]) и такимъ образомъ духовенство часто распространяло поученія, основою которыхъ были языческія вѣрованія старины. Полнѣйшій перечень отреченныхъ книгъ далеко не исчерпываетъ всего объема запрещенной литературы: апокрифическое произведеніе часто отстраняло отъ себя преслѣдованіе, становясь подъ защиту каноническаго имени, а составители индекса не всегда были въ состояніи отличить «ложную книгу» отъ истинной: считалъ же Макарій «книгу Еноха Праведнаго» каноническою.

«Луцидаріусъ» не упоминается подъ своимъ настоящимъ заглавіемъ ни въ одномъ спискѣ отреченныхъ книгъ, хотя онъ и принадлежалъ къ нимъ. Домострой запрещаетъ: наузы, звѣздочетье, рафли, альманахи, чернокнижье, воронограи, шестокрылъ, *стрѣлки громныя, топорки*, усовники[3]). Выраженіемъ *стрѣлки громныя* и *топорки* это не вполнѣ ясное наставленіе, въ которомъ названія книгъ смѣшаны съ названіями суевѣрій, указываетъ на Луцидаріусъ, потому что именно въ этомъ памятникѣ находится осуждаемое Домостроемъ толкованіе о стрѣлкахъ громныхъ и топоркахъ[4]). Луцидаріусъ, объясняя такимъ образомъ означенное выраженіе Домостроя, вмѣстѣ съ тѣмъ оставилъ въ драгоцѣнномъ произведеніи попа Сильвестра память о времени появленія своего въ русской литературѣ: онъ пе-

---

[1]) Ср. статью Сухомлинова *О псевдонимахъ въ древней русской литературѣ*. Къ числу подобныхъ произведеній относимъ мы между прочимъ и *Слово отъ видѣнія Павла апостола*, напечатанное въ Православномъ Собесѣдникѣ 1858, Августъ.

[2]) Въ статьѣ о книгахъ «*истинныхъ*» упомянуты нѣкоторыя «отреченныя» книги. Православн. Собесѣдникъ 1858, Іюль.

[3]) Домострой, стр. 38.

[4]) См. страницу 57 нашего изданія.

реведенъ былъ уже въ XVI вѣкѣ на русскій языкъ. Есть и другое важное указаніе, подтверждающее сказанное нами о Луцидаріусѣ и даже дающее возможность догадываться объ имени переводчика этой народной энциклопедіи, которой суждено было получить обширное распространеніе на Руси. Мы говоримъ о полемическомъ сочиненіи Максима Грека противъ Луцидаріуса. Умный монахъ, воспитанный въ преданіяхъ православнаго востока, пораженъ былъ тѣми неожиданными аномаліями, которыя представило ему церковное просвѣщеніе тогдашней Руси. Богослужебныя книги наши онъ не рѣшался признать православными не могъ онъ примириться съ безсознательнымъ аріанствомъ, которое имя проповѣдывалось [1]), и смутилъ благочестиваго отшельника бытъ русскихъ монастырей. Литература, забывавшая византійскихъ писателей ради апокрифовъ латинскаго запада, точно также не могла возбудить симпатій въ Максимѣ Грекѣ. Вся литературная дѣятельность его проникнута оппозиціоннымъ, обличительнымъ началомъ; всѣ произведенія его группируются около одной мысли очистить русское православіе отъ превратныхъ толкованій и разогнать языческую тьму невѣжества: они представляютъ по этому богатые матеріалы для оцѣнки русской литературы XVI вѣка и особенно для изученія тѣхъ явленій европейской литературы, которыя усвоивались нашею и вызывали строгое осужденіе греческаго монаха. Для литературной исторіи русскихъ апокрифовъ писанія преподобнаго Максима особенно важны. Изъ нихъ *Посланіе къ нѣкоему мужу поучительно на обѣты нѣкоего Латынина мудреца* [2]) подвергаетъ разбору Луцидаріусъ. Какой то Георгій перевелъ это произведеніе на русскій языкъ, и, кажется, сообщилъ свой трудъ, уже оконченный Максиму Греку, желая знать его мнѣніе о Луцидаріусѣ [3]). Максимъ, опровергая отдѣльныя мѣста, доказываетъ что эта книга «въ множайших лжет и супротив напишет православнымъ преданіем». Максимъ не могъ не замѣтить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Луцидарія ми-

---

[1]) Церковная исторія митроп. Платона II, 308.

[2]) Сборникъ сочиненій Максима Грека Синодальной библіотеки, №491, л. 220 — 223.

[3]) Что Георгій спрашивалъ мнѣнія Максима Грека, уже *оконченным* переводъ, на это указываетъ то, что одна фраза Луцидаріуса, опровергаемая Максимомъ, буквально находится въ издаваемомъ русскомъ переводѣ этого произведенія. «Аще убо *сътвореніе миру бѣ с нимъ* и сег ради не един бѣ богъ, то убо мир бѣ всегда с нимъ» (л. 220) ср. 42 стр. нашего изданія. Кто этотъ Георгій, сказать трудно. Максимъ называетъ его въ посланіи: *господине*, *Куръ*. Не князь ли это Георгій Ивановичь Токмаковъ, составившій повѣсть о Выдрупусской иконѣ Божіей Матери? Онъ былъ намѣстникомъ въ Псковѣ, гдѣ представлялось болѣе случая сталкиваться съ иноземцами, — обстоятельство, которое можетъ говорить въ пользу нашего предположенія.

стическаго оттѣнка и указалъ довольно вѣрно источникъ тѣхъ мистическихъ толкованій, которыя являлись въ западной европейской литературѣ (особенно у Раймунда Люллія): «Латыня, Георгіе, зѣло прелстишас и всегда прелщаются еллинскіми и римскими оученіи, и книгами еврейскими и *арапскими*; сего ради отлучайся ихъ всею силою, внимай же православнымъ учителемъ. Что господине лучше книги Дамаскиновы, *аще бы пряме преведена была і исправлена?*» Особенное вниманіе обращаетъ Максимъ Грекъ на богословскія толкованія Луцидаріуса, указывая въ нихъ несогласіе съ преданіями православной церкви. «Инъ впросъ дрѣз, писано бо ес вышшихъ себе не взыскуй и отвѣтъ ничтоже не докончалъ противу вопроса точію соръ пословицъ еллинскых прибралъ, якоже хаосъ да ѵлинь, яж и обоих отъ еллинскихъ взялъ. они бо глаголютъ, яко прежъ богъ сътворил ѵлинь, еж есть вещь. таж от тоя илинь съ зда вся. якож и скуделник преж приготовляет гліну таж творит съсуды различныя. святое же богословіе никако того не пріемлет, но вся реч ве мгновеніи ока приведе от небытіа въ бытіе небо и землю и бездны. яж суть безмѣрное существо водяное. Въ началѣ реч сотвори небо и землю а не реч преж сътвори бгъ илінь еж есть вещ. таж изъ нея сътвори небо и землю. Богъ бо не якожъ скуделникъ дѣлаетъ вещію, продолженіемъ времени, но всесилнымъ мановеніемъ елика хощет творит скорейше по речному, яко тъй реч и быша, тъй повелѣ и създашас и богослов григоріи и прьвѣе убо помыслитъ агглъскыя силы и помышленіе дѣло бѣ». Не укрылись отъ Максима Грека и тѣ мѣста Луцидарія, которыя обязаны своимъ происхожденіемъ преданіямъ языческой старины или восточнымъ сказаніямъ. «Латыня георгіе мног прельстишас *внѣшніми* оучителствы и не подобает вам внимати ихъ ученію, ниж преводити ихъ на руский язык. берегитесь отъ нихъ, якож отъ гагрены и злѣйшіа коросты, аще хощете чиста пшеніца, а не плевелы обрѣсти во время жатвы».

Максимъ нападаетъ и на занесенные въ Луцидарій отрывки тѣхъ богатыхъ апокрифическихъ сказаній ветхозавѣтныхъ, которыя съ давняго времени перешли въ нашу литературу. «Первіи людіе до потопа въ высочайших восточных странах живяху и тамо умираху и погребахуся. Авель праведный тамож всяко и убіенъ и погребен быс. а не въ дамасцѣ, ниж отецъ его въ іеролимѣ яко тъй блядитъ. И въ томъ лжетъ явѣ твой не лучинаріусъ, но паче небрариусъ (*чит.*: тенебраріусъ) еж есть темнитель а не просвѣтитель» [1]).

Вообще Максимъ не могъ примириться съ попыткою искать объясненія того, что не открыто Содѣтелемъ. «Мнѣ же заповѣд есть

[1]) Впрочемъ въ Луцидаріусѣ указывается кромѣ Іерусалима (стр. 45) и Европъ какъ мѣсто кончины Адама (стр. 44).

вышших себе не взысковати ні оуставляти о них же ні единому открыся отъ вѣка» (л. 223).

Судьба западнаго подлинника нашего Луцидарія еще не вполнѣ объяснена. Прототипомъ этой народной книги западной Европы былъ Elucidarium sive dialogus de summa totius christianae theologiae, который приписывается Ансельму Кантерберійскому, Гонорію Отенскому и другимъ (Guillaume de Coventry, Lanfranc [1]). Впрочемъ лишь весьма не многія мѣста этого схоластически-богословскаго діалога уцѣлѣли, и то въ измѣненномъ видѣ, въ нашемъ Луцидаріусѣ [2]). Мало по малу богословская сторона памятника сокращалась и въ форму діалога уложились общія свѣдѣнія о мірѣ, людяхъ, животныхъ, странахъ и вообще о томъ, на что требовала отвѣта любознательность грамотнаго человѣка. Народное преданіе и народныя книги подали ей руку помощи и изъ отрывочныхъ извѣстій средневѣковыхъ повѣстей, гадательныхъ книгъ, бестіаріевъ и космографій сложился Луцидаріусъ. Въ XII вѣкѣ переведенный на нѣмецкій языкъ [3]), Луцидаріусъ подвергался разнымъ дополненіямъ и передѣлкамъ [4]).

Предоставляя другимъ разработку русскаго Луцидаріуса, мы ограничимся лишь немногими указаніями.

Присутствіе германизмовъ въ нашемъ Луцидаріусѣ заставляетъ предполагать, что онъ переведенъ былъ съ нѣмецкаго языка. Таковы напр. выраженія: *юностный* день (стр. 65 и др.), гилистери

---

[1]) См. Graesse, Trésor des livres rares et précieux, Dresde, 1858, p. 140 и его же Lehrbuch einer allgem. Literärgeschichte II, 1, p. 217.

[2]) Для примѣра приведемъ слѣд. мѣсто: D. Quomodo intelligitur Trinitas unus Deus? — M. Aspice solem, in quo sunt tria, scilicet ignea substantia, splendor et calor; quae in tantum sunt inseparabilia, ut si velis inde splendorem segregare, prives mundum sole; et si iterum calore tentas sejungere, careas sole. In ignea igitur substantia intellige Patrem, in splendore Filium, in calore spiritum sanctum. См. Migne, Patrologiae cursus complettus. T. CLXXII, p. 1110 sqq. Онъ напечатанъ здѣсь съ именемъ Гонорія Отѣнскаго. Г. Востоковъ, называя памятникъ *извлеченіемъ* изъ Elucidarius dialogicus theologiae tripartitus, не указываетъ той народной книги, переводомъ которой былъ нашъ Луцидаріусъ. Послѣдній не можетъ быть также названъ извлеченіемъ изъ Elucidarius, потому что весьма не много мѣстъ, не болѣе пяти, перешло изъ него къ намъ. См. Описаніе Румянцовскаго музеума, стр. 550.

[3]) Etmüller, Handbuch der deutschen Literaturgeschichte, p. 298.

[4]) Для сличенія русскаго Луцидаріуса съ нѣмецкимъ я пользовался изданіемъ послѣдняго въ 1602: M. Elucidarius von allerhandt Geschöpffen Gottes, den Engeln, den Himmeln Gestirn Planeten und wie alle Creaturen geschaffen seynd auff Erden. Auch wie die Erde in drey Theil getheilet, und dero Länder etc. Aus Plinio Secundo, Solino und andern Weltbeschreibern ein lustige Anzeigung. Getruck zu Franckfort am Meyn M. DCII. Впрочемъ въ этомъ изданіи баснословные разсказы географическаго содержанія, находящіеся въ нашемъ Луцидаріи, замѣнены другими.

(gelbe Stier стр. 49), аделеръ (въ другихъ спискахъ: адеръ — Naler, стр. 49), слонги (Schlange) и линтыворнъ (Lindvurm, стр, 49). Иной германизмъ не понятъ переводчикомъ и живо чувствуется въ русской фразѣ. Напр. выраженіе: Wie stund es, ehe die Welt geschaffen ward? [1]) переведено такимъ образомъ: Гдѣ стояше самъ (богъ) прежде нежели миръ бѣ сотворенъ?» (стр. 42).

Луцидаріусъ стоитъ въ связи со многими произведеніями иноземными, переходившими въ нашу литературу, частію потому что эти послѣднія служили ему источникомъ, частію потому, что и русскій Луцидаріусъ дополнялся различными вставками изъ произведеній одинаковаго съ нимъ характера или содержанія. Занесенное въ лѣтопись сказаніе о замурованныхъ Александромъ Великимъ народахъ повторяется и въ западномъ и въ нашемъ Луцидаріѣ, имѣя своимъ источникомъ Александрію. Разсказъ о Вавилонѣ (стр. 50) напоминаетъ начало *Повѣсти, какъ приходилъ Греческій царь Василій подъ Вавилонъ градъ:* «Въ Вавилонѣ былъ первый царь именемъ Невротъ, потомъ царь Навходоносоръ... и повелѣ Навходоносоръ царь около всего града Вавилона сотворити зміа великаго и повелѣ царь дѣлати на всякихъ сосудѣхъ и на перстняхъ и на чаркахъ змѣи, и тѣ змѣи всѣ ожили, которые дѣланы на сосудѣхъ и на перстняхъ и на чаркахъ и учинилось отъ тѣхъ зміевъ пояденіе великое и тотъ Вавилонъ градъ опустоша и обладаша» [2]).—Описаніе дивныхъ людей (стр. 47—48) въ Луцидаріѣ сходно съ разсказами хронографовъ, потому что въ этомъ случаѣ оба памятника руководились однимъ источникомъ — сказаніями древнихъ географовъ. —Замѣтками о рожденіи человѣческомъ Луцидаріусъ сближается съ лѣчебниками и физіологами, которые довольно часто встрѣчаются въ нашихъ рукописяхъ XVII в. [3]) Но особенно важна связь Луцидаріуса съ плане-

---

[1]) Elucidarius, cap. 2.

[2]) Укажу изъ нихъ на замѣчательные отрывки изъ физіолога въ рукописи (XVII в.) Императорской публичной библіотеки отд. XVII, № 27 (Толстов. отд. II, № 215). Привожу изъ нея одно мѣсто въ параллель сказанному въ Луцидаріѣ: Пітается дитя и растет во утробѣ кровию сходащими по вся мсцы которая кровъ нисходитъ кубком. И ты разумѣй егда младицъ рождьшійся и временемъ по рожденіі укаляся (?) еще вышедшіі ничего не вкусил изыдетъ изъ него темно черноапеклая кров та мѣсачная пишет бо в писчих требниках. Егда младицъ во утробѣ лозаетъ і в лядвиях у него та болѣзнь гризег. дгда младицъ умираетъ и то ядовито крови природнаго смѣшения. Сия кровь ядовитая потому ея и зовутъ ядовитая; аще ли падетъ на траву и трава повянет не возрастетъ и посохнет. Аше ли псы полижут бѣсноваты бываютъ. А кого тож песъ укусит человѣка или скотину опухнетъ и умирает или без ума будет.».

[3]) Тульскій сборникъ графа А. С. Уварова № 66. Ср. напечатанную Ушицинымъ повѣсть о вавилонскомъ царствѣ въ Извѣстіяхъ Академіи Наукъ III, 313 — 320.

тиками и альманахами, которые принадлежали вмѣстѣ съ нимъ къ отреченнымъ книгамъ. Наша литература XVI вѣка богата возгласами противъ вѣры во вліяніе звѣздъ на судьбу человѣка, въ колесо фортуны и т. п.; припомнимъ посланія Филоѳея къ Мисюрю Мунехину, многочисленныя обличенія Максима Грека, напоминающія знаменитую сатиру Фишарта противъ Loosbücher, Стоглавъ, Домострой. При литературномъ сближеніи съ Польшею въ XVII вѣкѣ число гадательныхъ книгъ еще болѣе увеличилось у насъ. Мы скоро возвратимся къ этому отдѣлу запрещенной литературы народа, чтобъ разсмотрѣть его съ возможною полнотою; въ настоящемъ случаѣ ограничиваемся замѣчаніемъ, что, разсуждая о вліяніи планетъ на судьбу и темпераментъ человѣка, Луцидарій представляетъ лишь сокращеніе того, что передавалось въ альманахахъ и планидникахъ. Такимъ образомъ Луцидаріусъ представляетъ отрывки и сокращенія многихъ произведеній повѣствовательной и апокрифической литературы, которыя пользовались особеннымъ уваженімъ старинныхъ нашихъ читателей. Для нихъ эта энциклопедія была тѣмъ дороже, что, напоминая любимыя книги, она вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняла остатки древнѣйшихъ языческихъ вѣрованій народа. Таковъ разсказъ Луцидарія о раздѣленіи земли на три части (стр. 46), о демонахъ, которые боятся молніи[1]) (стр. 57) и мн. др. Къ устной словесности также близокъ былъ Луцидаріусъ, какъ и къ народнымъ книгамъ. *Стихъ о второмъ пришествіи*[2]) свидѣтельствуетъ между прочимъ объ этой связи.

На Руси Луцидаріусъ испыталъ туже судьбу, какую народныя книги испытывали и у насъ, и на западѣ: онъ измѣнялся, дополняясь или сокращаясь. Обличительное посланіе Максима Грека не осталось безъ вліянія на сокращеніе Луцидарія. Въ синодальномъ спискѣ № 785 и нѣкоторыхъ другихъ пропущенъ разсказъ[3]) о паденіи перваго ангела, вѣроятно, потому что Максимъ

[1]) Буслаева, О вліяніи христіанства на славян. языкъ, стр. 60, Егоже, введеніе къ народнымъ русскимъ пословицамъ и поговоркамъ, стр. 11.

[2]) Русскіе народные стихи, изд. Кирѣевскимъ, № XX.

[3]) Приводимъ его по рукописи профессора Ѳ. И. Буслаева, XVIII в.: «Како именовася первый ангелъ? *Уч.* Сатанаилъ, егоже толь благолѣпно сотвори всемогущій творецъ, еже онъ прельстился отъ своего великаго мнѣнія и бѣ сверженъ за гордость съ небеси въ преисподній адъ со всѣми единомышленники своими. *Учен. вопр.* Коль долго діаволъ былъ на небеси? *Учит. рече.* Не бѣ болѣ, токмо полчаса. *Уч. вопр.* Почто сотворилъ его богъ, егда извѣстно бяше, еже онъ спастися имать? *Учит. рече.* Того ради, да избранни ангели тѣмъ утвердятся. Понеже, егда діаволъ сверженъ, тогда друзи ангели быша толь тверди въ любви божіи, еже не можаху уклонитися сего ради, егда денница и его воинство отпадоша, тогда еще не вѣдаша ангели о адѣ; а егда познаша въ какову нужду діаволъ пріидетъ отъ силы божіей, тогда убояшася бога и познаша отъ того, ею же благодатію они быша, и яко бога воспомяну, сего ради сохра-

въ своемъ посланіи отвергнулъ это толкованіе слѣдующими сильными доводами: «Пословица сатанасъ еврейска есть, толкуетъ же отступникъ: прежже отпаденія его не сатанасъ, ні сатанаил, но еосъфоросъ имяновашесь по пророчеству исаиину, толкуетъ же с свѣтоносецъ въ пророческомъ языкѣ за презѣлную свѣтлость, еюж украсилъ есть ег содѣтель ег. По отпаденіи ж его нареченъ бысть сатана, еж есть отступникъ, а не до отпаденія сатанаил именовашес. Тог стое писаніе не предало ес намъ. кромѣ ж преданія писаннаго глаголати что или учити нѣсть похвално отнюд. Сей отвѣт якож минит ми ся господине георгіе нѣсть зѣло твердъ: самаго бо содѣтеля не точію виновна отпаденію, пачеж погибели еосфорове и прочихъ, иж о немъ ангелъ. рече бо лучинаріусъ твой, яко да утвердятся прочіи ангели падевіемъ еосфоровым. но еще и не възмогша инако утвердити прочих ангелъ. исповѣдуетъ всесилнаго съдѣтеля и благокознена бога. еж есть укорно мудрствовати о всесилномъ и преблагомъ съдѣтели»[1]). Но для читателей дороже этихъ богословскихъ толкованій были подробности другаго рода, и вотъ въ позднѣйшихъ спискахъ Луцидаріуса являются вставки изъ троянскихъ сказаній[2]) и т. п.

Древнѣйшіе списки Луцидаріуса (напр. синодальные № 785 и 684) заключаютъ лишь первую часть позднѣйшихъ[3]), вполнѣ соотвѣтствующую тому виду Луцидаріуса, какой онъ имѣлъ въ западныхъ народныхъ книгахъ. На первый разъ ограничиваемся изданіемъ этой первой части или древнѣйшаго вида Луцидаріуса, не отказываясь напечатать со временемъ и вторую, хотя она не представляетъ особеннаго литературнаго интереса.

Наше изданіе буквально напечатано съ списка начала XVII вѣка Синодальной библіотеки (въ малую 8 долю, № 785). Необходимѣйшіе варіанты и сличенія съ подлинникомъ отнесены въ примѣчанія.

Н. Тихонравовъ.

иишася на мѣстѣ, божію благость хвалеше. *Уч. вопр.* Когда бѣ адъ сотворенъ? понеже и сему (sic) и о семъ потребно знати. *Уч. рече.* Адъ сотворенъ отъ божія благодати въ той самый часъ, аще діаволъ помыслилъ противу бога сѣсти. *Уч. вопр.* Гдѣ есть адъ? (См. далѣе 43 стр. нашего изданія).

[1]) Синодальный сборникъ № 491.

[2]. Вмѣсто словъ древнѣйшаго списка: «градъ Троада» (стр. 50) въ позднѣйшихъ идетъ слѣдующая вставка: «Такожъ было превеликое троянское царство; [illegible] жъ ради волхвованія разорися попущеніемъ божія чюдѣйства и [illegible] погибель осуждено, яко отнюдь тамо нѣсть жилища человѣкомъ. но [illegible] и зміеве тамо пожираютъ».

[3] [illegible] списокъ профессора Ѳ. И. Буслаева и списки граѳа А. С. Ува[illegible] Царскаго [illegible] 433, 45? (?), 627 (?) по описанію Строева;

Сїа кніга, именѹемаа, лѹсндарїю сирѣчь просвѣтітель, иже глет толкованїемъ.

Всеи кнізѣ обраще ралична. белїа оучітельства, иже ко ины кніга сокровена соуть, всеиже книзѣ ибнѣиши обраще. такоже разѹмъ имѣи. Сїа книга именуется, аурогема, сирѣчь драгіи бисеръ. и еже знаменѹет на. коль добра книга сїа оучительства, лѹсидарїю, еже есть просвѣтитель, бельми починѹ. ѡ нюже еди кождо члкъ моудрость воспрїати може. зане то что вписанїи широко имать здѣ обраще вкоупѣ собрано. Бгъ искони вѣ, и всегда бе конца. оуже есть начало книги сеа. оучтль і оученикъ вкупѣ глютъ. оучнкъ есть вопрошатель. а стыи дхъ есть оучтль, тои насъ к концѹ доведет. да сохранимъ правѹю истинѹ, ради нѣкіи вещеи, а ко многіи книга сокровены соуть. Сїе поможетъ на превѣчнаа мудрость, иже бе трѹда миръ сотвори. и на вѣчной мудрости наѹчитъ и вѣрѣ. оучнкъ вопроси. Что имаши вѣрованїи. оучтль рече. Аже возри, три имени суть ико оць и снъ и стыи дхъ. аже тѣ три имени истинныи бгъ нашъ. оучнкъ вопроси. Какѡ може едино бжтво на трое радѣлити. оучтль рече. Въ слнцы есть свѣтлость, луча и теплота, і есть оубо едино слнце за трѣ. едіноже соуть тѣ вси три имени. гдѣ снъ тамо есть оць и стыи дхъ, и гдѣ стыи дхъ тамо есть оцъ и снъ. оучнкъ вопроси. Сіи три имени могутли когда радѣлитися, еда снъ члчество воспрїа. невоспрїатже ли оцъ и сты дхъ. оучтль рече. Вгда мы на слнце зрим сице може ли веми разѹмѣти. какѡ тогѡ ради совѣщанїе положено есть. і ико слнце никтоже може радѣлити, а мы сѹшимса ѡ теплоты его. такоже имамы свѣт ѿ луча его и зачатїе ѿ свѣтлости. Сїа оубо три соуть

єдина вещь во стомъ бжствѣ. оць посла сна, и снъ восприѧ члчество. ѿ стаго дха зача. и та соуть три имени въ и дѣлѣ раздѣлени, а рѣшѧ оубо бжтво нераздѣлени еди ѿ другаго. оучнк вопроси. ѿкоуду есть сие. ꙗкѡ бг на всякомъ мѣсте есть, і оубо не оумалится ни ѿ єдинаго мѣста. оучтль рече. слово еже азъ глю. то есть су всякогѡ члка во ушесѣх иже ѿ мене слыши, но то ся ѿчасти раздѣлѧе равно. тако есть и бжтво на всяком мѣстѣ превѣчно и равно. оучнкъ вопроси. Ннѣ повѣдал ми еси о творцѣ. такѡ повѣждь ми і о сотворении нбси и земли. и о дѣлѣх ꙗже бѣ вин сотворилъ. оучтль рече. Ѿ взѣ недезнем далѣ глати. зане оубо вложити има б велико сомнѣние но егда оугоубляѧ словеса слышати и не разумѣвати глемы. тогда имамы вѣровати ꙗ бгъ искони бѣ. и всегда бе конца. оучнкъ вопроси. Бгъ еди ли бѣ преже, неже миръ сей сотворилъ. оучтль рече. Онъ бѣ не еди. но сотворение вѣ мира с нимъ. б взѣ соуть три естества. ѡбласть, и моудрость, и велиѧ блгть. сего ради сотвори бгъ миръ. да тѣ три естества привлече вкупѣ своею блгостию оутвердивъ, и мростию оукрасивъ. оучнкъ вопроси. Гдѣ стоѧше сѧ прежде. неже мир бѣ сотворе. оучтль рече. Тогда не бѣ ино кромѣ тмы, ꙗже именуема хаосъ. сия зане тогда бѣша четыре составы вмѣстѣ слияны, хао оубо протолкуется глубина, или ꙗма, или мрак. или слияние вещие или начало вещем внемже вся быша слияна и смѣшена и ѿ того вся по гланию хугонову. первая оубо блгть грецы глютъ, хаосъ естество небеси и земли слиянно, или толкуется дубрава, глемо есть первочинное существо. нѣции же воможение, и нѣции проме нѣкои существо нѣчто ино. иниже приятелище всѣ образом. и нѣцыи тѣло бестелесное. і инии еще иными философиями зовут. аще взыскуеши, или есть нѣчто сего непопущае, но есть промежь нѣчтѡ ино глет иже именуется езеро огненое. зане ꙗкѡ камень на днѣ моря не осохнетъ. сице не прохладатся никакоже души тамо вшедшихъ. и не могу ѿтуду изыти, и еще именуется земля тмы, зане путь есть ко аду, и той всегда полонъ есть ды-

ма и вонѧ смрадныѧ. и еще именуеса землѧ забвенїѧ, ѧже знаменае землѧ забытїѧ. зане тамо души бешшїѧ погибошѧ, и пре его никакоже помановении. і еще именуеса тартар, а знаменуе вечное мученїе. зане тамо есть на всѧко время плачь и скреже зубо, і студень люта. и еще именуетса геона ѧже знаменуе вечныи огнь, понеже адскїи огнь есть силенъ. ѧже нашъ огнь стень противу томоу. и еще именуетсѧ кревоусъ ѧже знаменаетъ змїѧ и драконы. зане адъ есть полнъ огненыи драконовъ и червеи, иже никогдаже не оумираю. и ещеже именуетсѧ баратрумь (*), еже знаменуетъ черное зинутїе, понеже адъ зину, ако да ѿ юны днеи како бы вомоглъ жре души члческїѧ. и еще именуетсѧ блатостимчь, еже знаменует веселїе вечное. и еще именуетсѧ ахеронта, ѧже знаменае огненую пещь, понеже тамо летае дїавол вонъ иноутри, ѧко оулица испещи. и еще именуется флагитон, ѿ некїѧ реки иже тамо доле течетъ. і ѧже смердитъ ѿ смолы и серы горѧщїѧ. и есть тамо толь студено, ѧко всю адскую горачину пременитъ ѧко ледъ. Оучнкъ вопроси. Где есть верхнїи адъ. Оучитель рече. На некое месте зелѧ. ѧко на высокїї горахъ, или на островех при мори. и тамо сущи души бышѧ древнихъ сты мужеи, иже по хртове воскрнїи спсени и изведени бышѧ. оучнкъ во. Како есть нбо сотворено. Оучтль рече. Стое писанїе именуетъ нбо твердь есть сотворено, и на всѧко время течетъ ѿ востока на запад. ему супротивъ течетъ слнце и луна и звезды. оучнкъ вопроси. Ѿкоуду сїе есть еже мы зри слнце и луна ѿ востока к западу течет. оучтль рече. Сїе бываетъ ѿ нбси понеже нбо есть толь силно, ѧко слнцу и луне и звезда сноущїю на западъ тещи, право идетъ на камень противу коле. оучнкъ рече. . Что ради сотвори егъ тако. оучтль рече. Того ради нбное творенїе не крушится. ѧко да не сражаетсѧ солнце и луна и звезды супротиву нбомъ. снце оно течетъ велми ѧже то сокрушити. Оучнкъ вопроси. Ѿкуду есть сїе нбо еже

(*) Въ Синодальномъ спискѣ № 634: варатрумъ.

непрестанни течѐ. Оучтль рече. По небесемъ есть не едино сотворенїе идѣже оно на версѣ стоитъ. понеже оно кругло есть, и велми всешмачнь, ако бг его тако сотворилъ. даже бепрестанни течи имать и не може стоати. Оучнкъ вопроси. Каково есть нбо. Оучтль рече. Нбо еже мы твердь именуемъ, то есть сотворено ѿ четыре составъ. и есть подобно зеленѣ водѣ. оучнкъ вопроси. Колко суть небесъ. оучтль рече. Нбса суть трои. едино е ѿ земли даже до луны. второе ѿ луны даже довѣдъ. третїе на твердїю, и вѣ именуемо огненое нбо. на томъ есть бгъ с со всѣми стыми своими. Оучнкъ вопроси. И есть ли на дву небесѣ что сотворено. оучтль ре. Ѿ земля даже до луны, лукавїи дуси, идѣже именуются и демони тѣ суть тамо поставлени, даже члки ѿ юности дней ѿ водуха прельщающе душа егда того ѿгїаю а ѿ луны даже до вѣдъ водухъ есть огнянъ велми. тамо пребывае (sic) стїи аггли. сїи суть поставлени да члки хранятъ ѿ лукавыхъ бѣсов. Оучнкъ вопроси. Кой свѣтъ бѣаше тогда преже даже слнце не сотворено. оучтль рече. Нѣцїи оучтли глютъ, а бгъ сотворилъ ѕѣло свѣтелъ облакъ. ѿ него и просвѣти вѣ. оучнкъ вопроси. Гдѣ бѣ адамъ сотворе. Оучтль рече. На нѣкое мѣстѣ нарицаемомъ Еврон. таможе и умре. егда онъ сотворен бѣ, тогда введе его бгъ в раи, и даде тогда адам имена всѣ животны аже бгъ сотворилъ на земли. Оучнкъ вопроси. Гдѣ бѣ евва сотворена. Оучтль рече. Враи ѿ адамова ребра. Оученикъ вопроси. Гдѣ есть раи. оучтль рече. Есть на востоцѣ к мирѣ, и полежитъ вал небси аже выше всеа ѕемли есть. Оучнкъ вопроси. Что ради не можемъ доити его. Оучитель. рече. Тамо ѡблежатъ толь велицы горы и чащы лѣсныа и мраки и мглы напреди, ако никтоже тамо внити може. токмо душ здобрыми дѣлы. оучнкъ вопроси. коль долго адм былъ враи. оучтль рече. Нѣсть болѣ токмо два часа. Оучнкъ вопроси. Ѡбощїе иже враи растутъ, члка ради сотворены. комоу суть нмѣ востребу, члкъ всихъ егиянъ бысть. Оучтль рече. Та недаро растоу, но да адм стыхъ дши иже вра соуть. Оучнкъ вопроси. Духово непотребно

ѩсти, занеже аще ктѡ ѩстъ, той имать расти и ранитисѧ. Оучтль рече. Ты глеши о плотстѣй ѩди еяже несодержитсѧ ничтоже краи. зане ѩко дши духовни соу снце и ѩдь и духовна соуть. Оученикъ вопроси. Какова соуть та ѩдь. Оучтль ре. Ѩко роса ѿ слнца сохнетъ такова та ѩдь. Оучнк вопроси. Какѡ вы члцы ражали аще бы врай были пребывати. Оучтль рече. ѩко двѣ рѹцѣ вкупѣ лежатъ безпохоти и без греха. Оучнкъ вопроси. Коль долго адамъ жилъ на земли. Оучтль рече. Лѣт ц҃л. иоумре во иерлимѣ и погребен бысть во Евронѣ, тогда та ѩма и наполнена, ѡнюдуже бгъ сотворилъ его. Оучнкъ во. Коль старъ был авель, егда оубил братъ его каинъ. Оучтль рече. Тридесяти лѣт оубиенъ бысть бдамасцѣ. Оучнкъ. Ктѡ первый члк иже писаниѧ обрѣте. Оучтль рече. Той вѣ си снъ адамовъ. Оучнкъ. Ктѡ первие числа обрѣте. Оучтль рече. Той бѧше иогелъ ламеховъ снъ. иже имѧше брата, той нарицашесѧ иувалъ. той первую обрѣте хитрость цѣвницы и пѣниѧ. и третии брат вѣ итафовелъ, той первие обрѣте ковачество. тѣ той брата имѣша сестрѹ нарицаемѹ ноема, та обрѣте первие хитрость точива. Оучнк вопроси. Ктѡ первый бѧше ца по потопѣ. Оучтль рече. Мелхиседекъ, его латыни глютъ выкша сима ноева сна, при того царѧ времени люди раздѣлени на три части. ѿ сима изыдоша свободнии. ѿ афета изыдоша воини. ѿ хама изыдоша холопи. Оучнкъ вопроси. Нн҃ѣ повѣждь ми о оустроении мира и о образѣ. Оучтль рече. Сей мир есть около ѡвлиѧ водами и есть в правдѹ круголъ. иовлиѧ есть видальски море. внем же плавае ѕемлѧ ѩко желтокъ в ѩицѣ; Оучнкъ вопроси. Ѿкудѹ есть земля пригвождена. и не може поколебатисѧ. Оучтль рече. Землю не ѡдержит ничто ино кромѣ бжиѧ силы. зане плаваетъ на водах, и воды многи текѹ около. и кто оубо на водосуцѣ вверхѹ воудетъ той оузритъ мир не ширѣ пѣнязи. по подземелью идѹтъ жилы. яже именѹетсѧ траконе. внихже колибаютсѧ воды. и ѿ тогѡ выкаетъ земля волгла. Оучнкъ вопроси. Ѿкудѹ приходѧ источницы. Оучтль рече. Егда воды изнорѧ текѹ подземлю вжилы. и егда жилы ко-

бепрестани тече. Оучтль рече. По небесемъ есть не едино сотвореніе идѣже оно на версѣ стоитъ. понеже оно кругло есть, и велми всешумачнь, яко бг его тако сотворилъ. даже бепрестани тещи имать и не може стояти. Оучнк вопроси. Каково есть нбо. Оучтль рече. Нбо еже мы твердь именуемъ, то есть сотворено ѿ четырех составъ. и есть подобно зеленѣ водѣ. оучнкъ вопроси. Колко суть небесъ. оучтль рече. Нбса суть трои. едино е ѿ земли даже до луны. второе ѿ луны даже довѣдъ. третіе на твердію, и бѣ именуемо огненое нбо. на томъ есть бгъ съ со всѣми стыми своими. Оучнкъ вопроси. И есть ли на дву небесѣх что сотворено. оучтль ре. Ѿ земля даже до луны, лукавіи дуси, идѣже именуются и демони тѣ суть тамо поставлени, даже члки ѿ юности ных дней ѿ воздуха прельщающе душа егда того ѿсіяю а ѿ луны даже до вѣдъ воздухъ есть огнянъ велми. тамо пребывае (sic) стіи аггли. сіи суть поставлени да члки хранятъ ѿ лукавых бѣсов. Оучнкъ вопроси. Кой свѣтъ бѣаше тогда преже даже слнце не сотворено. оучтль рече. Нѣціи оучтли глютъ, а бгъ сотворилъ ѕѣло свѣтелъ облакъ. ѿ него и просвѣти бѣ. оучнкъ вопроси. Гдѣ бѣ адамъ сотворе. Оучтль рече. На нѣкое мѣстѣ нарицаемомъ Ѵвронъ. таможе и умре. егда онъ сотворен бѣ, тогда введе его бгъ в рай, и даде тогда адам имена всѣ животным яже бгъ сотворилъ на земли. Оучнкъ вопроси. Гдѣ бѣ евва сотворена. Оучте рече. Врай ѿ адамова ребра. Оученикъ вопроси. Гдѣ есть рай. оучтль рече. Въсть на востоцѣ к мирѣ, и пожежитъ вли небеси яже выше всея ѕемли есть Оучнкъ вопроси. Что ради не можемъ дойти его. Оучитель. рече. Тамо ѡблежатъ толь велицы горы и чащи лѣсныя и мраки и мглы напреди, яко никтоже тамо внити може. токмо дша здобрыми дѣлы. оучнкъ вопроси. коль долго адам былъ в раи. оучтль рече. Нѣсть болѣ токмо два часа. Оучнкъ вопроси. Ѡбощіе иже в раи растутъ, члка ради сотворены. комоу суть нтѣ впотребу, члкъ вонъ изгнанъ бысть. Оучтль рече. Та недаро растоу, но да адам стых дши иже в раи соуть. Оучнкъ вопроси. Духово непотребно

прилежитъ краю всѣ блиƶе. Оучтль рече. Ꙗко книги повѣдаю͠т сице. не можетъ никто доити до раю, поиже около его є огнепалꙗ стѣна досязаꙗ до нбси и тамо прилеж͠а великїꙗ горы, и чащы лѣсныꙗ. и потомъ леж͠и великаꙗ пꙋстыниꙗ. а єсть полна драконовъ, і иныхъ ѕверей, ѥже никто по ней може͠ ходи͠. прилѣжиже всѣ блиƶе земля индѣꙗ. ѥже нарицаєтся по рѣцѣ. сице ндꙋсъ, ѥже истекаєтъ і нѣкїꙗ горы именꙋемыꙗ клоукязос. сїя рѣка течетъ особь не к чермное море, и к тоу зѣлю тяжко єсть доити. зане на єдінои половинѣ рѣка тече͠ ко индѣиское море. а на дрꙋго половинѣ рѣка индꙋсъ. тамо єсть еще поле велико. ѥже никто по немꙋ в. д. лѣта може͠ доити. во индѣиже островъ єсть нѣкїи нарицаемыи иафросанесъ, около его облїяно море. на нѣже соуть нѣкїя горы. и той самыи островъ чре годъ єдинак зеленъ. Оучнкъ рече. Ѿкꙋдꙋ случися сїе. Оучтль рече. Оїя земля прилеж͠и раєви всѣ блиƶе, и воздꙋхъ иже идетъ из раꙗ. той твори ю всегда зеленꙋ и сеиже островъ нарицаєтся кризла, тꙋ и сребро сꙋть. тамо сꙋ на всякїи го двѣ зимы и два лѣта. і подле того острова леж͠и златаꙗ гора. тогω оубо злата никтоже може͠ взяти ради драконовъ и грифаловъ, тѣ во тогω злата стрегꙋтъ. Боиндѣи єсть нѣкаꙗ гора нарицаемаꙗ каспинꙋсъ. и ѿтꙋдꙋ идетъ испаніиское море, и проме тогω моря горы гдѣ замꙋровалъ великїи црь александръ макидоскїи два племяни людеи нарицаемая гогъ и магогъ. тѣ люди не яда͠ ничего, кромѣ живо͠тны сыры мясъ и члчески мяс же. и та земля раздѣляется на мд клима, внихже сꙋть раиоличныꙗ люди. таможе єсть три горы первая гарганꙋсъ. вторая кроятра. третїя окотрасъ. и древеса на ни ростꙋ. сицѣ выва͠е вгодінѣ ѥже ѿ воздꙋха сожигаются. таможе єсть людиввысотꙋ токмо двꙋ лакотъ. тѣже люди с жаравли бьются о кормꙋ свое. вѣкꙋ ихъ толко, н. лѣ, такоже и жены и. тѣже люди садя перецъ ѥже єсть бѣлъ ражается єгда растетъ. таже соуть страна полна змїевъ. сице тѣ люди сотворяю великїя дымы, и тѣ прогоняю змїевъ, и ѿ тогω дымꙋ пременится перецъ. и бываетъ черн. вдрꙋгои индѣи єсть люди нарицае-

мыя маковіте. ввысоту, ві, лакотъ, и тѣ борются с нагои, и сог-рифалы. и тѣ суть грифалы сотворены яко лвове, имѣю крила и ногти яко орли. вли тое есть другая страна в неиже суть люди нарицаемыя аграпи и рахмани, и тѣ люди имѣю огнь беликъ· и егда приидѹ вмиръ зажигаю. тамо еще есть иная страна, внеиже суть люди иже состарѣюся оцы и матери их и онѣ оувіблютъ ихъ. и сваривъ снедаю, сотворяюще празникъ. і аще кому к нихъ не случится ясти того и оне того зовут злы члкѡ. Тамсж есть люди влизъ тѣх, иже ядат сырую рыбѹ. а пию сланого моря воду. Втои земли есть люди, имже пяты превращены на предь и имѣю по осминацети перстовъ оу рукъ и ѹ ногъ. и главы имъ яко песіи, и ногти велики остры, имиже и дівіих звѣреи отгонаю от себе и лаю яко псы. Таможе есть жены, яже ражаю единого чл҃ка, ві. детеи. и егда состарѣются черны вываютъ. Таможе есть люди нарицаеміи аркампсіи, и монокули, сиречь имѣютъ едино око. Таможе вли тѣх людеи люди именуеми сиклопес иже имѣю оу себе едину ногу. и рыщутъ толь быстро елико птица летае, егдаж гдѣ сяде покрывается весь своею ногою. Таможе есть люди сотворени сутворію, не имѣю главъ у себе иже стоя очи вплечах. и вмѣсто оустъ и носа имѣютъ двѣ диры на персехъ. Таможе есть люди в рѣцѣ гангіи, и тѣ люди питаюся овощми иже израя пловутъ и вымаю и овощевъ живыя ядра и храня оу себе. егда кто от них смраную вонию обоняе тогда скоро оумираетъ. Оученикъ вопроси. Како случися сіе различни люди на земли, и еще другъ другу зла не чинят. Оучитль рече. Отец бгъ сотвори разделилъ их водами и горами, да вкупѣ не сидутся. Оученикъ рече. На поведае стое писаніе, яко все члвеческое племя от адама і евы изыде, како инѣ разноличествуютъ. Оучитль рече. Адамъ былъ прапрѣ зѣло, и вся вѣдѣ, и егда о прая изыде, про сны и дщери и заповѣда дщере своеи да не снедаю корения сего в рожении свое, от негоже рожения пременяеся, оние же слышавше дивишася и тайно снедаху корения, аже имъ оць заповеда ... и

раждати чада. и ранолічествовахуся коренія ради илодѣиствовахуся. якоже и преже поведах ти. оученик рече. Повѣждь ми. кои звѣри суть втой земли. Оучтль рече. Тамо есть зміеве слонги, и змиеве и линтыворм, толь велицы, еже по морю плавают, и люде пожират. Тамо есть звѣрь именуем сентотроха, [1]) видѣніе яко осел, имать копыта яко конь имат же и два рога. и голени аки коловѣ, оуста имать до ушей. и вмѣсто зубов имать кость велику, гласже яко члчь. таможе есть ин звѣрь, именуемыи вкавеи. (*) твореніе яко еверъ, има два оуха длиною сажень. и егда сим братися имать, иложи едино оухо по хребту а другим борется. егдаже тѣ покрывается паки други віется. тольже храбр и на водѣ якоже на земли. и не боится никакого звѣра рабѣ черныя папы [2]). Тако есть тамо і иніи звѣріе, гилистерн зокоми, имѣю оу себе перси аки дивіи вепря. и оуста ѿ оуха своего до другаго оуха, и борются роги своими. и никтоже и може повѣдати [3]). Таможе есть живтно нѣкое, именуемо матікра [4]) емуже глава яко члку, а все тѣло по подобію лвоку. а глас его яко адедер, поратее птицы и велми полохлико, а ясть человѣческое мясо. Тамо есть и коловѣ имѣюще по три роги, и животно нѣкое нарицаемо моносер сирѣчь инорогъ. оутварію яко лисица имать един рогъ, иже есть четыре ступеней ножны длиною и есть свѣтел яко карвуизку камень [5]), и сѣчет аки мечь, и велми то животно грозно есть всѣ противящимся ему истязает рого. Таможе есть вводѣ глисты сирѣчь черви, имѣюще двѣ руцѣ. и есть длиною шти саже и лако. и толь силни, елифата поимая влечет вводу. втойже водѣ есть земля плаває вненже суть елени, л. ступеней длиною и люди тамо велики, и снѣги велицы ѿтуду иде камень магнит, иже желѣзо ксебѣ привлачи и камень алма. Оучик вопроси. уже повѣдал ми еси о земли индѣи. ниѣ повѣждь ми о земли парсін. Оучтль рече. Земля парсія прилежит крѣцѣ глемой индус. и иде даже

(*) Въ Синодальномъ спискѣ № 684: вилвеи.

мыя макровите. свысоту, ві, лакотъ, и тѣ борются с нагон, и согри-
фалы. и тѣ суть грифалы сотворены ѡко лвове, имѣю крила и ногти
ѡко орли. бли тое есть другая страна в нейже суть люди нарицаемыя
агріпи и рахмани, и тѣ люди имѣю огнь беликъ. и егда придꙋ вмиръ
зажигаю. тамо еще есть иная страна, вненже суть люди иже соста-
рѣвшся оцы и матери их и онѣ оубіваютъ ихъ. и сваривъ снѣдаю, со-
чтворяюще праздникъ. і аще комꙋ в нихъ не случится ѣсти того и оне
того зовут злы члко. Тамож есть люди близъ тѣх, иже ѡдят
сырую рыбꙋ. а пию сланого моря водꙋ. Втои земли есть люди,
имже пяты превращены на предь и имѣю по осминацети перстовъ
оу рꙋкъ и ꙋ ногъ. и главы имъ ѡко песіи, и ногти велики остры,
имиже и дівіи зверей ѡгоняю ѿ себе и лаю ѡко псы. Таможе
есть жены, ѡже ражаю единого чрева, ві. детей. и егда состарѣ-
ются черны бываютъ. Таможе есть лю нарицаеміи аркампсін, и
монокули, сирѣчь имѣютъ едино око. Таможе вли тѣх людей люди име-
нꙋеми сиклопес иже имѣю оу себе единꙋ ногꙋ. и рыщꙋтъ толь быстро
елико птіца летае, егдаж гдѣ сяде покрывается весь своею ногою.
Таможе есть люди сотворени сꙋтворію, не имѣю главъ у себе имже
стоя очи вплеча. и вмѣсто оустъ и носа имѣютъ двѣ диры на пер-
сѣхъ. Таможе есть лю в рѣцѣ гангін, и тѣ люди питаюся овощми
иже израя пловꙋтъ и вымаю и овощевъ живыя ѡдра и храня оу себе.
егда кто ѿ нихъ смрадную воню обоняе тогда скоро оумираетъ. Оучнкъ
вопроси. Како случися сіе различни люди на земли, и еще другъ другу зла
не чиня. Оучтль рече. Сіе бгъ сотвори раздѣлилъ их водами и горами,
да вкупѣ не снидꙋтся. Оучнкъ рече. На поведае стое писаніе, ѡко все
члческое племя ѿ адама і еввы изыде, како нинѣ разноличествꙋютъ. Оу-
чтль рече. Адамъ былъ прмръ ѕѣло, и вся вѣдѣ, и егда о рая и-
зыде, иро сны и дщери и заповѣда дщере свои да не снѣдаю коренія
сего в рожніи свое, ѿ негоже роженія прмѣняюся, оннже слышавше ди-
вишася и тайно снѣдаху коренія, яже имъ оць заповѣда неясти и

раждати чада. и раноличествовахꙋсѧ кореніѧ ради илодѣистбовахꙋсѧ. ѩкоже и преже повѣдах ти. оучнкъ рече. Повѣждь ми. кои звѣри сꙋть втои земли. Оучтль рече. Тамо есть зміевѣ слонги, и змиевѣ и линтыворми, толь велицы, еже по морю плаваю, и люде пожираю. Тамо есть звѣрь именꙋемъ сентотроха, [1] видѣніе ѩко осел, имать копыта ѩко конь има же и два рога. и голени аки коловѣ, оуста имать до ꙋшеи. и вмѣстѡ зꙋбов имать кость велнкꙋ, гласже ѩко члчь. таможе есть инъ звѣрь. именꙋемыи вкавеи. (*) твореніе ѩко еверъ, има два оуха длиною сажень. и егда сним братисѧ имать, иложи едино оухо по хребтꙋ а дрꙋгимъ ворется. егдаже тѣ покрывается паки дрꙋги віется. тольже храбр и на водѣ ѩкоже на земли. и не боитсѧ никакогѡ звѣра рабѣ черныѧ папы [2]. Тако есть тамо і инін звѣріе, гилистери зокоми, имѣю оу себе перси аки дивіи вепри. и оуста ѿ оуха своего до дрꙋгаго оуха, и борютсѧ роги своими. и никтоже и може повѣди [3]. Таможе есть живoтно нѣкое, именꙋемо матікра [4] емꙋже глава ѩкѡ члкꙋ, а все тѣло по подовію лвокꙋ. а гла его ѩкѡ адедер, поратее птицы и белми полохлико, а ѩсть человѣческое мѧсо. Тамо есть и коловѣ имѣюще по три роги, и животно нѣкое нарицаемо моноцеръ сирѣчь инорогъ. оутварію ѩкѡ лисица имать един рогъ, иже есть четыре тꙋпеней ножны длиною и есть свѣтелъ ѩкѡ карвꙋнъкꙋ камень [5], и свѣчет аки мечь, и бели то животно грозно есть всѣ противащихсѧ емꙋ исгазаетъ рого. Таможе есть вводѣ глисты сирѣчь черви, имѣюще двѣ рꙋцѣ. и есть длиною шти саже и лакѡ. и толь силни, елифата поимаѧ влечет вводꙋ. втоиже водѣ есть землѧ плавае внеиже сꙋть елени, л҃. стꙋпеней длиною и люди тамо велики, и снѣги белицы ѿтꙋдꙋ иде камень магнитъ, иже желѣзо ксебѣ привлачи· и камень алма. Оучнк вопроси. ꙋже повѣдал ми еси о земли индѣи. инѣ повѣждь ми о земли парсіи. Оучтль рече. Земѧ парсіѧ прилежитъ крѣцѣ глемой индꙋсъ. и иде даже

(*) Въ Синодальномъ спискѣ № 684: викавеи.

до рѣки тигра. в той земли суть. г҃г. климаты. тамо есть гра҃ име-
нуемый персида. и первое волхвование обрѣтено о лвѣ мертво. і истой
земли идѣ камень гл҃емый писисъ, горячь ако кропива, и камень имену-
емый силеу, иже борастаетъ. и ѿрастае слѣною. оучнкъ вопроси. Инѣ
побѣжда ми о земли нарицаемой месопотамии. оучте рече. Та земля месо-
потамия нарицаема двѣхъ ра҃ рѣкъ, иже по той земли теку. Втойже
земли есть гра҃ нарицаемый ниневгiи. той гра длину и ширину трех
дней шествие. В той земли есть и великий вавило егоже созда невкий
виноградникъ, именуемый невротъ. иже бѣ гигантъ исполин. стѣнаже гра-
да того есть втоститотъ. н҃. лакте. а в высотѣ. с҃. лактей, а широту.
у҃о. миль волгарских, и к то градѣ стоя врата мѣдная. и никто мо-
жаше ѿ члкъ внити во врата тѣ змiев ради и звѣрей. таможе зем-
ля гл҃ема аравия и сава ѿтудѣ идет фимиянъ. тамо прилежи гора хо-
ривъ. ту бѣ моисею законъ да҃. таможе прилежи гл҃емая сирiя, внейже
стои дамаскъ. егоже созда авраамль строитель. втой земли ест гора
ливанъ, и неяже истече иордан рѣка. вто земли есть асколонъ и иер-
лимъ его созда симъ ноевъ снъ. по се начнеся земля палестина, тамо
течет чермное море вкру. и есть толь свѣтло, ако и рыбы ходащия
на днѣ видѣти. и на другой странѣ того моря стои егип҃е. Таможе
стои гра именуемый тефевей. тамо былъ стый маврикий тиро. В тойже
земли гора гл҃ема кавказосъ, иже стои на другой полокины моря. на
той горѣ е жены нарицаемыя мозоняны. а ратую ако воини Таможе
стои гора серес, на нейже обрѣтается нарочитый шолкъ. Таможе приле-
жи поле именуемо ракана, на неже птицы иже блещатся вноши, ако
свѣща гори. Тамо вли есть гора нарицаема армения, на нейже стои
ноев ковчегъ и то древо не может гнити ни горѣ. Таможе вли при-
лежи страна гл҃емая каппадокия. тамо суть таци кони скори ако вѣтри
выває. и трехъ лѣ состарѣются. Тамо прилежи малая асия. внейже
гра ефе идѣже стый иоаннъ вгослов почи. тамо вли прилежи фригия
идѣже стоитъ великии гра троада, и еще тамо земля ликония прилежи

идѣже тече рѣка именуема гермусъ. внейже обрѣтается златой жемчюгъ, ту прилежит море понтінское на нѣже островъ глемыи понтъ. внемже стыи климентъ взаточеніи оубіенъ бы. сія земля вся прилѣжи во азіи. сіе есть третія часть мира. Оученикъ вопро. Нинѣ повѣждь ми о другой части иже зовется европа. оучтль рече. Вторая часть мира, сія нарицается европа. иже простреся по горы и по финикін, и ніянін, и дасін, и готфін, и германіи, и иде подле дунаи вни. Занеже ѿ моря тамо прилѣжа свайканѣ, и вейране, чахи, и ляхове. воригане. франки мясіянѣ, дацкіе земли кладѣніе, руитане фрилядія, и прочіе земли другія половины. остерландія, угарія. чахове, воемія. греки. а идетъ даже до моря. Втойже земли есть едина страна именуема далматія. внейже е источникъ на немже зажигаются свѣщи и горятъ высоко. таможе есть многія и великія горы. нижайшая горы зовеся олимба, еяже высота над облакі. ѿ другія страны гора есть земля италія, внейже есть римъ и таксалъ, и пумія и еще есть бретанія, и лампавтія ѿтуду истекаетъ алто море, ту прилѣжи венеція, еяже созда ной первыи царь именуема енутусъ. ѿтудуже испола игоры истекла рынь рѣка, и тече порянцуской земли вморе, полѣ ту рынь прилежат мнози широцы мѣста яко васілія, иконія иментоя, стратсь. ворсь спирей. та нічнеся испанія. яже идетъ даже до моря. Таможе прилѣжа велики и многи страны. яко зерекона картагенъ, и ины грады. многи имѣюще имена. ѿ великія горы, испанія прилѣжи поле море и ктому пристой britанія. и апоглія, и верніа и катаносъ. иже злато гони и островокъ, ту страна нарицаемая схотокія над тою страною скрывается солнце. Тамо прилежи островъ, на неже вси древеса кои ростутъ тѣ никакоже поваляться, пре тою землею стоитъ мерзлое море. иже на всяко время тол студено яко не може чаловѣкъ тамо жити. Оучникъ вопроси. Нинѣ повѣжь ми о третіей части мира, иже именуется африка. оучтль рече. Африка нарицается при рѣцѣ глемой нилусъ, и простреся на запа даже до индінскаго моря. втой земли есть великія части. яже суть именуюся сипента полиетъ и керетія и иныя

великїа земли. и есть тамо нѣкаа земля. глемаа битзаѕенїа. в нейже суть два великїа грады. единъ нарицаемыи адромесъ. вторыи визатїа. Таможе ѿ тоѣ земли стоит вѣдальское море, и есть столь горяче еже ѿ слнца кипитъ, аки горячаа вода варящаа вкотлѣ. на томже мори стоитъ превысочаншаа гора иже во все мирѣ нарицаемаа атласъ. и простреся на аер и тамо имать миру конець. Оучнкъ вопроси. Ннѣ повѣждь ми о ѿстровѣ иже в мирѣ суть еже а внемлю радостѣ быти занеже бгъ многа и дивна чюдеса сотвори на островѣ. Оучтль рече. Первыи островъ глемыи тибири, вли того острова прилежи другiи островъ нарїцаемыи критъ, и же есть остров колхосъ иже есть полнъ злата. и еще прилежи островъ делосъ. тои бѣ первый островъ по ѿвлїанїю. туже есть островъ паранъ. ѿтуду идетъ нарочитыи мраморныи камень, и лучшїи сардисъ. ту бяше и сивилла рождена. Таможе есть островъ сисія. на том островѣ есть гора етфлна. и неяже искапаетъ горячаа смола. Ту есть море и двѣ горы. силелла и карвдисъ, и тма около и. и аще корабль ту доиде погивае. тамо вли прилѣжи островъ, в неже суть ковачы, якоже повѣдаю намъ языческїя книги еже ѿни кую громовыя стрѣлки. занеже той островъ полнъ есть огня. и тѣ ковачи стоя посредѣ огня. нарицаютжеся тѣ кунецы сиклопесъ. в томже островѣ есть вѣ вукикану, иже адскїя врата хранятъ, и сисиопесъ дїаволи соб. и тамо души сущїи мучатъ. Таможе есть инъ островъ сардинїа на то островѣ сода краль кардинио гревлїнїев сынъ нѣкїи гра крѣпокъ. в то островѣ есть нѣкаа змїя червь глема солифуга. тамо есть нѣчто яко тернъ. пре тою змїею члкъ никаковъ оуцѣлѣти не можетъ. Таможе есть такобо былїе, аще человѣкъ иястъ и буде яко мертв. Таможе есть источникь ѿ него аще члкъ испїетъ. здравъ бывает ѿ тоя волѣзни. а кїи тать ѿ того источника испїет воды, на то мѣстѣ будетъ идѣ еси кралъ. Инъ есть остров глемыи волгорис ту первїе змїи обрѣтеся. к то островѣ бѣлы суть овцы волною и стое волны дѣлаю нарочитыя порфиры. тамо есть нѣкїи островъ, иже возопия вѣ

вопле, и вне есть волїи десѧ земель. Таможе есть древо именуемо ве-
нъсъ еже ни согниваетъ нигараетъ. ту есть гора авенда в нейже иско-
паша философы источникъ, д҃. саже глубина. и толь мро ископаша, еже
слнце на дно его сїаше. Бвендаско мори есть островъ именуемыи пер-
дина. той на всако время одинакъ зеленъ и благовонїе имать такобо яко
рай, и видоша некогда вонь по бжїю смотренїю стыя люди, иуже и
ризы благовонны. тамо ине никто от члкъ внити може, токмо стаго
брадана 6) бгъ тамо посла. ине победати како мир раделися, и кое сло-
веси вопроси еси мене, то расуди ти з бжїею помощїю. Оучнк вопроси.
Поведь ми еже от луны аж доведъ водухъ зело огне и есть на
тф огне мерзлая вода, откуду сїе прїиде. Оучтль рече. Не довлеетъ
тебе о семъ оудивлятися. яже бгъ своими дивными делы действова.
поведае на стое писанїе. яко огнь никоея мощи от себе самого има.
прежде даже волготу овыме, и слнце первїе горячь. и разумей о слнцы,
якоже то глубочае сїаетъ слнце горячо. елико высочае тогда и хладнее.
оучнкъ вопроси. Откуду сїе приходи тамо. оучтль ре. зримъ внатию
еже снегъ вдолу гинетъ, а на горы высоки долго лежи. оучнк ре.
Кое естество имать вода. Оучтль рече. вода имать три естества
первое еже мы по ней плавае. второе еже мы ею мыемся. третїе еже
мы ея пїемъ. оучнкъ вопроси. Поведа ми о мори. Оучтль рече. Море
пременяе естество свое по мцу. егда оубо море растетъ. слнце оубо
идетъ море вонъ. з҃. днїи. егда то оубываетъ такоже имать, з҃. днїи.
Оучнкъ рече. Откуду прїиде сїе. Оучтль рече. вмори мнози суть и
велицы пути входили бгоры. слнце то начинаетса областїю односкважни,
изгонаетъ море далече чре стадїю, и ту сопроти въ приходи, в҃, з҃. днь,
и никто его возвратити може. Оучнкъ вопроси. Откуду приходя вет-
ры. Оучтль ре. Ветры есть четыре. именуемы кардиналесъ. и от коегож-
до исхода прочи по два ветра. водела, тералесъ 7) сїи речь со страны
сїи волнуютъ море от четыре конець во дну, и волны сражаюса вме-
сто. сїе бывает. от бури ветреныя, і егда, д҃, ветра высоко на воздусе

вмѣсто сражаюсѧ. сице бываю волненїѧ. такоже и другiи воздухъ воня выпаджае другiѧ вѣтры, иже приходѧ по всѧ дни су на. Оучнкъ вопроси. Ѿкуду бывае земли трясенїе. Оучтль. Егда вѣтры виiдут в скважни земныѧ и паки не могут ѿтуду вонъ продратисѧ, тогда трясетсѧ землѧ. оучнкъ вопроси. Какоже землѧ трясетсѧ. идѣже скважни не суть. Оучтль рече Идѣже землѧ жестока есть. тамо есть на всѧко времѧ вода высподи есть. сице бывае часто. та вода двизаетсѧ под землею, и егда вонъ вырaзитисѧ не може. терзае землю свеликою силою и ту страну двизает. Оучнкъ рече. Ѿкуду приходи сїе е зеваетъ и ѿверзаетсѧ. Оучтль рече. Землѧ сотворена ѩко члк. каменїе ѩко тѣло имать. вмѣсто костей коренїе имать. вмѣсто жилъ древеса и травы. вмѣстѡ власовъ былїе. і егда оубо вѣтръ прїидет по землю, сице терзае жилы, и вометъ такову силу еже землю растерзати. оучнкъ рече. Яко есть ѕемли силисiи. Оучтль рече. Та землѧ силисїѧ есть по землею и много в ней сѣры горѧчїѧ еже обонаетсѧ на різличны мѣстѣх. еже та землѧ огнѧ исполнена втой земли ад стои. Оучнкъ ре. вмнорѣ есть нѣкое мѣсто, иже под водою пси лаю. Ѿкуду оубо сїе. Оучтль рече. То мѣстѡ нарицаесѧ сцилла, и повѣдашѧ на нѣцїи, то есть море. и в то мори адскїи ровъ. и бываетъ в немъ крикъ великъ и вто времѧ карабленицы плавутъ, и чюю иже по водою пси лаю. Оучнкъ ре. Ѿкуду приходи намъ студь. Оучтль рече. ѩко теплота приходи ѿ огнѧ. а студень ѿ воды, егда слнце на вли есть. сице имамы тепло. і егда же ѿ насъ далече, тогда студь и мраз. и ѿ сих оубо разделѧетсѧ го на двѣ части взиму и влѣтѡ. Оучнкъ. Чтѡ есть слнце взиму высоко течетъ а к лѣто низко, и зимнїѧ дни краткиi, а лѣтнїи долги. Оучтль ре. Сей мир есть вправду круголъ. егда оубо слнце ниско течетъ прѧмо на нами, и свѣтло вelми, і много видно нами. тогда в лѣто долгъ днь има. егда слнце высоко ходит и далече ѿ на к зиму и борзо по землю сходитъ и мы его мало видим, и тогда дни краткїѧ дни. Оучнкъ рече. Повѣждь ми о люде иже

по нами соуть антипедеси парицаюся. Оучтль рече. Земля есть вправду кругла, и тѣ люди антипедеси по нами. имѣю ноги своя простерты ходити сопротивъ наших. Оучнкъ рече. Что оубо держитъ и еже имъ не падати. Оучтль рече. Сила бжіа яже и землю содержи. тако и люди тѣ держимы да не падаю. Оучнкъ рече. Откуду имамы нощъ. Оучтль рече. Егда оубо слнце на землею видимо есть. слнце бываетъ днь. и егдаже по землею слнце имамъ нощь. Оучнк рече. Что бо есть слнце е бепрестани тече на небси. Оучтль рече. Нбо есть кругло вправду по немуже ходитъ слнце и звѣзды бепрестанни текутъ и сіе расуди. Аще бы текли обоя по единой оулицы, и приткнулося бы другъ ко другу е и и сокрушитися. Оучнкъ рече. Что ради сотвори бгъ тако. Оучтль рече. Елико ѡ земли есть до луны. толико ѡ слнца до звѣздъ, и звѣзды имѣю превольшую часть, зане имъ нбо ближе есть. а слнце последуетъ звѣздам. оулицы суть, ві. на небси. по нимже то слнце преходитъ ко един го. знаменоующе, ві. мцъ, ековиждо оулицы теченіемъ еже бг сотвори по іколенію. яко текіи слнце к коемждо знаменіи, слнце непременяеся го. Оучнкъ рече. Колицы есть планиты. Оучтль рече. Планитъ есть. з҃. противко дней иже су бнли. двѣже служа намъ наипаче еже есть слнце и луна, прочіи же пять текут созвѣздами. единна глема сатарнусъ. гречески же кроносъ. яже выше всѣ течетъ в. л. лѣ исполняетъ теченіе свое дая планита, венус гречески афродитосъ. ы есть вечерняя звѣзда в два лѣта свое, теченіе совершае. едино лѣто пре слнце тече, а другое послѣ слнца. і егда тече пре слнцемъ тогда есть оутреняя звѣзда егдаже послѣ слнца тогда есть она вечерняя звѣзда. Оучнкъ рече. коя звѣзда есть оутреняя. егда афроди, вечерняя звѣзда. Оучтль рече. то есть пятая планита, именуема марсъ, гречески же арисъ. подобна афродиту. и высока на тверди ходитъ и не могу ея попавати. та есть оутрення звѣзда егда ародитъ вечерняя звѣзда. оучнкъ рече. повѣжь ми о прочих планитах. оучтль рече. Шестая планита есть меркуріюсъ по гречески ермисъ. та тече, з. лѣ пред солнцемъ, и содержи в

собѣ мрость. Оседмая планита петеръ, греческий зевесъ. та пред солнце
тече, ві, лѣ. Оучнкъ рече. Коль су планиты велики. Оучтль рече. Фи-
лософи глютъ, луна толь широка, ꙗко всю землю покрыт имать кромѣ
моря. а слнце есть вдвое величество луны. а ꙗкоже слнце таци су и
прочии вси планиты. Оучнкъ рече. Что нам звѣзды видими малы суть.
Оучтль рече. то твори силная высота. аще бы стояло сице слнце толь
высоко ꙗкоже звѣзды. тольже бы на мало видимо было. оучнкъ рече.
Коего естства су звѣзды. оучтль рече. Оте вѣдомо ѿ писаниꙗ е дша при-
ходит ѿ бга прежде чл̃ка вольнана бывае. сице е бгъ над всеми звѣзда-
ми. і ꙗко оубо дшу влюде под твердию. и кая оубо планита вли-
жатши есть ей. ѿ тое оубо приемле члкъ свое рожение. Оучнкъ. ѿ-
куду тако сие. оучтль рече. Нѣкия планиты и звѣзды есть студены
естество. нѣкиа волглы. нѣкиа сухи. тѣ самыи естества приемлетъ члвкъ
ѿ звѣздъ. Которыи члкъ студенаго естства и сухаго. той молчаливъ
и не вѣре а которы студена и волглаго естства той глнкъ и вся
борзо выскаже, а которы сухаго и горачего естства. то есть дерзъ
и храбръ і имать любовь на всякиꙗ жены и непостоянне влюбви. І того
ради пише. ꙗко планита марсь горачего и сухагѡ естства та дѣй-
ствуетъ брани и нестроениꙗ і истаз паче всѣх нечистоту. а вся гора-
чего и волглаго естества. та есть проста милосерда инатлива, и зѣло
похотлива. Оучнк Какѡ сие бывает. Оучтль рече. Иное естество толь
крѣпко е земляному одолевает и луна приемле мощъ ѿ солнца. и не ди-
вися еже мир судится по лунѣ. ѿ четыре во составъ сотворена. Оу-
чнкъ во. Повѣждь ми о лунѣ. Оучтль рече. луна есть меншая планита
и тече всѣх нижайши к земли. То рад судится ве мир по ней. Оучнкъ
вопро. Что ради луна борзо оубывае и борзо наполняеся. Оучтль. Егда
планиты сотворени вѣлше тогда луна восприат воды многи. ꙗко зем-
ли ѿ слнца има свѣ по себѣ тако и луна, егда вли солнца
темна бывае і ѿрастае дотолѣ донелѣ слнцу начне паки освѣдо-
вати и полна бывае. Оучнкъ рече. Почто ради луна приходит велики

знаменіе, а слнце лꙋнѣ последова не може. Оучтль рече. Слнце тече непрямо. а луна прямо. занеже слнце во свое знаменїи выва и тече год. лꙋнаже в коеждо мцы премѣняла знаменїа. и выва в солнечно знаменїи днь единъ. Оучнкъ во. Что есть темность е віди в слнцы. Оучтль. Егда сотворено бѣ слнце восприятъ вод много ѿ земли. і егда лꙋна бывает стꙋдена восприемлетъ мощъ ѿ слнца тогда лꙋны едина часть во свѣте, и то есть черность в слнцы. Оучнкъ рече. Что тако лꙋна премѣняеся. Оучтль. Сие слꙋчаеся часто. егда лꙋна станет противъ слнца на всей половинѣ. бѣ во тогда старостїю луна, ді днїи, и солнце оубо восприемле свѣтенїе лунное и выва луна тена. і егда минетъ слнце паки свѣтла выва. Оучнк. Повѣждь ми ѡ звѣздѣ комитѣ. Оучтль. Звѣзда комита даетъ блистанїе ѿ себе ꙗко лучь. егда цртво пременитися хощетъ и брани велицы на странѣ той. та звѣзда комита тече с прочими звѣздами. егда гдѣ бжїи повелѣнїе явится и свѣти. Оучнк ре. Что мы види ꙗко звѣзды спадающе с нбси. Оучтль рече. Прежде повѣда ти ꙗко звѣзда едіна падетъ порази весь миръ. нѣсть се звѣзда, но слꙋчается часто, зане на аерѣ выва бꙋря велїа ѿ вѣтровъ и водꙋхъ одолѣе и к водꙋхѣ огнь испꙋщае под звѣздами искры і егда искра ѿскочи долꙋ по водꙋхꙋ, и людїе мнят відяще ꙗко звѣзда падае. Оучнкъ во. Ѿкꙋдꙋ тма в день приходитъ. Оучтль. егда луна доиде прямо слнцꙋ ѿ земли и не може блистати. ѿ слнца во пара исходитъ и покрыва лꙋнꙋ того ради и тма выва донеле слнце обонает лꙋнꙋ иногда выва тма. есть облак теме ходи пре слнце и гдѣ стане тꙋ выва тма и то не всегда. Оучнкъ рече. Ѿкꙋдꙋ выва гро и молнїа. Оучтль ре. Сие выва ѿ сраженїа облаковъ егда .д. вѣтры ѿ моря придꙋтъ и сразятся на аеръ и смѣсися огнь вкꙋпѣ и бываетъ бꙋря силна еже и водꙋхъ разтерзати. и выва стꙋкъ велик егоже мы слыши громъ. бывает же в то время молнїа. и исхода на землю падающе стрѣлки громныя и топорки свѣробедны и сїе выва на оустрашенїе дѣмономъ зане во дѣмони наблюдаю тогда на кꙋю странꙋ

бгъ кань напусти. Оучн҃къ рече. Ѿкуду град и каменїе приходи на землю. Оучт҃ль рече. Егда на земли велїа теплота, тогда на воздусѣ велїа студь. слнце воемлетъ теплота пару и росу с собою на воздухъ, и воздухъ напитаетъ, и вѣтръ дохне. и смѣсмса подобїа их. и вода имать смерзнутися вкупѣ. и егда вѣтръ оуложетъ. тогда воздух каменїа не можетъ носити. но вскорѣ имать падати на землю. Оучн҃къ вопроси. Почто ради в лѣте громъ и град. а к зїмѣ нѣсть. Оуч҃тель рече. егда слнце намъ вли влѣте бываетъ громъ и град. егда слнце к зиму далече ѿ насъ тогда оно мощно к себѣ привлачи мглоу и мокроту выспрь а земля тогда не имать росы ни теплоты, того ради нѣсть в зимѣ грому ни граду. Оучн҃къ вопроси. Ѿкуду бывает снѣгъ. Оучт҃ль рече. Пара ѿ земли ꙗко дым восходитъ выспрь на воздухъ далече, і возвѣетъ вѣтръ и отолститъ и в камень смерзнути не може зане нѣсть тамо мгла, и спадает на землю то есть снѣгъ. О дожде. Егдаже смѣситca роса посредѣ пары и дыма и не можетъ вкупѣ смерзнутися, и бываетъ в воздоухѣ и то есть дождь. Оучн҃къ вопроси. Ѿкуду кровїю дождитъ. Оучитель рече. Егда слнце облистаетъ в чермное море, или лоучь поустит. слнце воздоухъ возъемлетъ горѣ, и егда дождитъ на землю и бываетъ червлено ꙗко кровь. Оучн҃къ вопр. Что оубо в нѣких земляx дождитъ черви. Оучт҃ль рече. Нетуне по многим морямъ есть черви, егда оубо слнце облистае тамо парко. і мокроту воемлет теплота. и с теплотою малые червочки восходятъ на воздухъ и вскорѣ падаю на землю. зане воздух того не можетъ долго носити. Оучнкъ воп. Почто ради источницы текутъ и под земли, в лѣти хладни. а к зимѣ теплы. Оучт҃ль рече. Жилы лежатъ по землею ис тѣх жилъ вода идетъ, в лѣте по землею студь а в зимѣ тепло. Оучн҃къ вопроси. Почто ради море слано. Оучт҃ль рече. Блистанїемъ ѿ слнца, имать вразмь по слнцемъ, и внизъ ѿ слнца и то пескомъ претворяется ꙗко соль. Оучн҃къ вопроси. Ѿкуду приходитъ роса і иней. Теплота бываетъ в днь на воздусѣ. и в нощь студь егда воздух

женетъ на землю смерзнутися имать роса и выбаетъ иней. Оучникъ рече. Откуду выбаетъ тоуча дождевая. Оучтль рече. Егда теплота солнечная росу взсиметъ на воздоухъ, и снце смесится дождевъ облакъ и выбаетъ туча. облакъ во премѣняется по четыремъ составомъ. зеленой видъ ѿ воды, синей ѿ водоуха, черленой ѿ огня, бледно ѿ земли. Оучникъ вопроси. Что ради нѣцыи оучницы [8] кратки рожениемъ. Оучтль ре. Отъ выбаетъ ѿ рожения женьска, тучныя жены sѣло ражаютъ немощныя дѣти. зане ихъ тучность стѣсняетъ существо и земля во гнойна не приноситъ плода многа. тако дѣти кормимы многими добры брашны не могу добрѣ стервнути Оучникъ рече. Скажи ми о животны иже соуть звѣрие и птицы Оучтль ѿвѣща. Животна во ѿ четыре составъ стихия сотворени птицы во ѿ водуха тѣ по водоуху и лѣтаю быстри, яко серны и прочия, иже [9] ѿ звѣрейже ворзи елени и заицы. инiиже птицы ѿ воды еже есть лебеди гоуси і оутата. тѣ на водѣ люба плава. ѿ земляже і ѿ огня лвовѣ, крѣпцы и сердити. ѿ земли же медвѣди занеже гнѣвливи. инiиже ѿ водуха и ѿ огня и тѣ соуть быстри и гнѣвливи, яко левари [10]), нѣцыи же ѿ воды и земли тѣ соуть тихи и леники, яже соу волове і осля та. сiеже по составо, и стихiямъ пременяется, единъ кождо стихiямъ восприемлетъ, и имать сырытися и пременяется плоть ѿ вида і ѿ цвѣта. оучникъ рече. Воколико дней дѣтище выбаетъ сотворено во утробѣ матерни. Оучтль рече. Отроча выбаетъ ражаемо ѿ чисты малы соуществъ, яже состоятъ ѿ всего телесе. Тамо имать каждо жена едину камору, яже именуеся макрикгъ [11]) в неможе покоится отроча. тутоже тѣ соущества содержимы. таже комара имать в себѣ .з. предѣловъ, иже суть изваяни яко уста желѣна по члческому образу, того ради жена не можетъ вдру родити два или три дѣтища, но по единому исходатъ, и сiе выбаетъ бжiя силы дѣло. егда выбаетъ отроча зачато, ѕ. дней млеко. з. дней кровь. з днiи говерется вкупѣ, з днiи вообразится, з. днiи будутъ ему жилы и кости и пять днiи вораститъ ему кожа и власы. и тако выбае ему

дѣтище в м҃ дни сотворено. Оучн҃къ вопр. Что есть пища отрочате во оутробѣ матерни. Оучт҃ль рече. Ѿ женскія печени исходятъ двѣ малыя жилицы, в ту комару идѣже отроча лежитъ. по тѣм жилицам течетъ нѣкая кровь меньтрѹоза 12). ко оустом отрочате, то есть пища его донележе родится яко роса пре слнце. Оучн҃къ вопроси. Гдѣ есть размышленіе члку. Оучт҃ль рече. В трех комара, едина имать мрость. вторая размышленіе. третія бесраміе. Оучн҃къ вопроси. Ѿкуду власы и ногти растоу. Оучт҃ль рече. Власы ѡбрадовки истомаха, и кто студена прироженія оу того бывают власы долги. и ногти ѿ брадовки иже ѿ срдца идетъ. Оучн҃къ вопроси. Ѿкуду сѣдатѣю люди. Оучт҃ль рече. Яко бѣлы есть младенцы в то время, донелѣ телесныя теплоты не имѣют. тако и старые люди имуть сѣдатѣти ѿ студени егда оутробная теплота отойдетъ. Оучн҃къ вопроси. Повѣждь ми о чл҃цѣ конець. Оучт҃ль рече. Чл҃къ есть ѿ четырех вещей сотворенъ. не можетъ конца пріати. токмо премѣнится, дша идетъ к бгу, тѣложе земли в свое существо до юностнаго дне. и понеже во всякій члкъ по писанію имать ѿ бга ангела оу себе хранителя блга наставляюща на добрыя дѣла, и злаго ангела наблюдающаго сострашенія, и аще члкъ оумре в правдѣ приходятъ к нему благіи ангели и вомут дшу и несутъ в вѣчную радость. ащели в согрѣшеніи оумре то пришедше лукавіи дуси, и вомутъ тоу дшу и веду ко адъ и тамо имать пребывати во вѣки. Оучн҃къ вопроси. Добро ли члку разумѣти добрая дѣла. Оучт҃ль рече. Что члкъ не разумѣе, того и в любви не имат. а что ѿ вжественых дѣяніи вѣда имать ѿтоуду приобрѣтаетъ себѣ плодъ спасенія и любовь. Оучн҃къ вопроси. Добро ли нам в трех имене призывати единаго бга. Оучт҃ль рече. Писано есть еже авраамъ видѣ стую трцу, трех ангелъ во ѡбразѣ, а моляше единого бга. того ради и мы не раздѣляем вжтва егда молимъ стую трцу оца и сна и стагѡ дха. Оучн҃къ во. Что ради бгъ члка избавилъ ѿ преступленія, а діавола не свободи. Оучт҃ль рече. Понеже діавола вина воля чл҃чи. прельсти во члка діаволъ свѣдію пре-

ступити заповѣдь браи. второе діаволъ восхотѣ оклеветати ч҃лка к б҃гу, неже б҃гъ ч҃лчество восприятъ. и еже сотвори б҃гъ ч҃лка к чести и славѣ. Третія вина еже діаволъ денница вѣ и ѿ своего гордѣнія и мрости ѿпаде. а ч҃лкъ ѿ невѣдѣнія, того ради не свободи б҃гъ діавола, а ч҃лка свободи понеже ч҃лкъ не разумѣ совѣта діавола. Оучн҃къ вопроси. Что ра҃ такѡ б҃гъ своею смертію избави ч҃лка. не можаше ли послати ангела или нѣкоего ѿ с҃тыхъ, вся бо с҃у ему возможна. Оуч҃тль рече. Оте есть такѡ, аще ктѡ что на торгу купитъ, то свое имать. і аще ч҃лка ангелъ или с҃тый искупилъ бы, свой бы его по правдѣ имѣ, того ради б҃гъ не восхотѣ своего рукотворенія в чюжей области быти, своею кровію избави ч҃лка ѿ прелести діаволи. распятся и погребеся и воскресе, и діавола побѣди, и ч҃лка в первенство оустроивъ, и вышша аггелъ почте. Оучн҃къ вопроси. Что есть первый грѣхъ по адамѣ. Оуч҃тль рече. По адамѣ первый грѣхъ, убійство, еже каинъ оуби брата своего авеля. в новѣже законѣ, первое лжа. иже солгаста апл҃ѡ ананія и сапфира ѡ цѣнѣ села и оумроста ѡба вторый грѣхъ. сребролюбіе еже симонъ волувъ хотя дар б҃жій купити оу аплъ на сребрѣ, егоже проклялъ с҃тый апл҃ъ петръ. Оучн҃къ вопроси. Что ради мы во хр҃тіанствѣ по вся дни живемъ и что назнаменаетъ оуставленая дневная пѣнія. еже есть оутреная и часы, вечерня и нефимон. и полунощница. Оуч҃тль рече. Да седмижды дне пѣнія, первое в ветхом завѣте оуставилъ ц҃рь в почесть давыдъ, седмь дарованій с҃таго д҃ха, и тѣ прославляше б҃га о хитростехъ и мростехъ. а в новом завѣте. ѕ҃. сут дневная пѣнія, ѡко с҃та суть велми дѣянія г҃а нашего і҃са х҃а. такѡ мы пѣніе тѣ восходи на вышшее, и с҃тое хр҃тіанство храним чистѣ восприемлюще мдⷭ с҃таго д҃ха. Первый часъ поемъ. зане г҃дь нашъ і҃с х҃с стоялъ пре пилатѡ игемонѡ поруганъ и оплеванъ и віемъ. По воскр҃ніи же в а҃. ча҃ явися оучн҃ком на мори в ловітвѣ рыбной. Третій ча҃ поемъ понеже г҃дь нашъ і҃с х҃с. терновы вѣцо к тониже. г҃, часъ по воскр҃ніи сшо с҃тый д҃хъ на. ві апл҃ъ во іер҃лм. Шестый ча҃ пое занеже г҃дь нашъ і҃с х҃с, в ѕ҃ часъ на кр҃тѣ при-

сводіся нашего ради спсенія. Девятын пое ча ѩко в той часъ гдь нашъ іс хс на кртѣ оумре. и проводе выстъ в ребра копіе. и пламенное оружіе выстъ свободно. Оучнкъ вопроси. Почтѡ преже равойнича дша вніде в рай неже праведных. Оучтль рече. Того ради преже гдь введе дшу равойничю в рай, занеже за грѣшныя оумре. да никтоже согрѣшикъ не ѿчаися блгодати бжіи. ѩкоже и прбныи обраще млть ѿ бга покаянія ради. Вечерню поемъ, славословія ради. и занеже вечеръ оумы гдь нозѣ оучнкомъ. і явися на пути, по воскрніи апло, луцѣ и клеопе. Иефимо пое что вы насъ гдь сохранилъ нощъ препроводити ѿ лукаваго искушенія і егда молящеся на горѣ елеостѣ ѿступи ѿ оучнк и потъ его бяше ѩко капля крове на землю каплющія. и по воскрніи ѩви оучнкомъ, затворенымъ дверем и миръ извѣстивъ. Заоутреню пое, ѩко в то время хс ада сокрушилъ. и изведе плѣнники. и аплу петру грѣ ѿпусти, еже трикраты ѿвержеся. Оучнкъ вопроси. Что ради на пасху заоутреню пое в нощъ. Оучтль рече. Великагѡ ради знаменованія. понеже егда бгъ древле хотя извести люди своя иегипта, тогда заповѣда іюдеомъ. да заколютъ овца единъ кождо и назнаменаетъ тою кровію предверіе свое. в туже нощъ посла бгъ ангела своего с нбсъ с мече. и оу котораго дому не обрѣте крови ангелъ и ту ізби перворожденныя млнцы и скоты. а которыя кровію знаменаны тоу никоторые пакости не сотвори. израильтескія люди сквозѣ чермное море проидоша. Толкъ. Овча оубо знаменае ха бга нашего. а еже перворожденніи иегипта то знаменае адово сокрушеніе, и сты свобожденіе израильтески людей прехожденіе. а кровь знаменуе хво оумерщвеніе и кровію его насъ избавленіе и свобожденіе ѿ діявола. тако глє стын герасй и еронимъ да не имамы в тоу нощъ никакія скорби. Ѿиат бо гдь на ѿ діявола і ѿ его содруженія. в тубо нощъ люде не исходятъ и домовъ свой свѣтующе хва ради воскрнія. Оучнкъ рече. Что знаменует колоколы и звон. Оучтль рече. В ветхо завѣте ваху роги. іерихонъ вяше одолѣ единымъ рогомъ, зане и стѣны градныя падоша на землю. в тѣхъ рогъ мѣсто [13]) вяше оу на колоколы звонъ. Оучнкъ вопроси. Что ради

гдь нашъ іс хс оумре въшестый днь. Оучтль рє. Первыи чл҃вкъ сотворенъ в .ѕ. дн. и впаде во осоужденїе. того ради и хртосъ в шестый днь оумертвися нашего ради спсенїя. Оучнкъ вопроси. Почто в великїи пато иерен не служат литоргію, и не приносят приношенїя. Оучитель рече. Того ради не приноса іереи приношенїа и не служа литоргіи. понеже сам хс принеся вѣ в той паток. на крте своею плотїю невнюму своему оцу за всѣхъ нас. Оучнкъ вопроси. Что знаменае кртъ. Оучтль рече. Четыре роги крестныя знаменаю нам истинную вѣру. верхъ крестныи знаменае нбо. ниже кртныи землю обличаетъ. двѣ же руки вся творенїя содержа. невная и земная и еже о праведны и грѣшны десное и шуее. Оучнкъ вопроси. Что знаменаетъ, еже хртосъ на крте пити восхотѣ и не пит. Оучтль рече. Тогда гдь отверже от себе іюдейское невѣрїе. и сам весма отвержеся и. Оучнкъ вопроси. Что твори на литоргіи приношенїе. Оучтль рече. Оїе прообразует гда нашего іса ха распятїе и воскресенїе. и вново завѣте от грѣх очищаемся. еже на литоргіи причащенїемъ. Оучнк вопроси. Кое лоучше есть превитеро или нищы дати. Оучтль рє. Обоя добрѣ, еже нищымъ давати то в вѣчно цртві водастъся. а еже превитеро давати в служву то и здѣ водастъся от бга. Оученикъ вопроси. Нѣціи рекоша лутчи дати нищи неже превитеро. Оучтль рече. Оні злѣ рекоша. тѣ подобни іюдѣ предателю егдаже на помазавшая гда миро, и той глаголаше. луче вы се миро продано быть и дано нищи. не ико о нищи печалие, златолюбїя желаше. Оучнкъ. Что ради хртосъ в нощъ воста от мертвы. Оучтль рече. В нощи востал от мертвых, в нощь и судити имать быти миру. Оученикъ вопроси. Почто ради нлю почитаемъ паче иных дней. Оучитель рече. Того ради нлы честнѣиши. ико первыи миръ создан быть в нлю. и люди иранлитескія извавлени выша в нлю. волсви поклонишася хрту в нлю. и гь на бравцѣ в кана галилеистѣм воду в вино претвори в нлю. и дїаволъ искушаше его в нлю, и лазаря от мертвых воскреси и во іерусалимъ на жребяти вниде в нлю. и воскресе от мертвых, и духъ стыи посла на аплы своя в нлю. і иоаннъ

вгословъ написа апакалипси в ню. такоже и мы должни праздновати ню паче иныхъ дней почитающе. Оучникъ вопроси. Коль многѡ в сотворенїи мира дшъ взыдѹтъ на нбо. Оучтль рече. Ѿликѡ ангелъ ѿпадошѧ. Оучнкъ рече. Что ми повѣдаеши ѡ праведныхъ и о грѣшныхъ. Оучитель рече. Многи бѣдатъ ѧкѡ книги описую о праведныхъ зане будутъ во цртвїи нбнѣмъ. и в раи бо едемѣ и в нѣдрѣхъ авраамлихъ, во многихъ неизреченныхъ радостехъ, і иже немощно члческими оусты изглати. о грѣшныхъ. грѣшницы же имѹт быти во адѣ, еже въ мукахъ. огнь горѧщїи. студь люта, плачь и скрежетъ зубомъ, червь неоусыпнаѧ, смра золъ, тма срамота грѣховнаѧ страшное образище дїаволе и драконы имїи огнь изо устъ испущающе, и плачь неутѣшимыи. и сведени будутъ по землю, и не будет тамо имъ свѣта во вѣки. Оучнкъ вопроси. узрѧли праведнїи грѣшныхъ. Оучитель рече. Првднїи грѣшныхъ оузрѧтъ. да паче имъ радость будетъ. а злыѧ блгихъ после судна дне не оузрѧтъ. Оучнкъ рече. Повѣждь ми о антихристѣ. Оучитель рече. Антихристъ роже буде в велїцѣи вавилонїи ѿ колѣна дановa иже ваше отрок іѧкову, и жены скверны девицы і исполненъ буде дїаволо, і ѧко волхованїѧ. и обольсти лестїю своею весь миръ. и сотворит себѣ данники. и изобраще древнаѧ сокровищѧ. и црє и патрїархов преодолѣе мростїю. воеводы и простьцы принуженїемъ, иноки, и сщенники поне онъ вѣсть всѧко льщенїе паче волювитъ родъ еврейскїи и сотвори знаменїа велїа в солнцы и в лунѣ и мертвеца воскреситъ привидѣнїе, ѧко тѣлу мертву ходити и глати, дїаволу во лукующу в тѣле и дѣиствующу. людемже мнѧщи и вѣрующы ѧко истинѣ. и созижде ветхїи ерлнмъ и восприиме цртво, и хоще оуподовити бгу ѧкоже инода сатана гордостїю рече. поставлю престолъ мои на облацѣ и буду подобе вышнему. к нему сришутсѧ людїе ѿ всеѧ земли и поклонѧсѧ ѧко бгу. И видѣвше ложнаѧ многаѧ знаменїѧ и привидѣнїѧ страшна ѧко огнь с небесе сходѧщъ показати ему. и прїиму ѿ него лютаго звѣрѧ знаменану печать на челѣ или на руцѣ своеи еже имъ вѣровати ему и в то времѧ снидѣ с небеси прорцы бжїи илїа и енох. и обанча

антихриста дѣиствителнаго врага. ѿ прелести его і еже имя прельщеныя
ѡбратити вспять. идѣже пишет ѩко іѡаннѹ бгословѹ сниити бѹде тогда
на землю на ѡбличеніе антихристово, и ѡбратити прельщеныя. ѹбіени же
бѹдѹт илія и енох стая пррка, и іѡанъ бгословъ ѿ врага антихриста
бжіи повелѣніе и бѹде царства антихристова почетверта годы. и бѹде
престолъ его на горѣ елеѡнстѣи і тогда скоро ѹбіенъ бѹдетъ
изо ѹстъ слово бжіи и пріиде юностны днь гднь, его же не
вѣда ни ангели бжіи в кіи ча. егда ѹбо гдь бгъ моисею даде за-
ко на горѣ. слышаны бѣша трѹбы рожаны ѿ воздѹха ѹчинены имѣю
грозенъ гла. і ангелы на то ѹчинены егда повелѣніемъ бжіи востръ-
ба и востанѹтъ првнїи и грѣшніи в мегновеніи ока. ѩко сѹ двѣ смер-
ти дшевная и телесная и два востанія дѹшевное и телесное. смерть во
дшевная согрѣшеніе. востаніе ѿ грѣх престатіе сирѣчь покаяніе. и то-
гда вся ѡбновятся и бѹдетъ нбо ново. и земля нова и вси мертвіи
востанѹт кѹпно. і ангели бжіи разлѹча праведных ѿ грѣшных. бѹдѹтъ
во вси едиными ѡбразо и возрасто лѣтъ ѩкѡ л., првнїи ѿ грѣшных
ѡдеснѹю пртола бжія. а грѣшніи ѡшѹюю, и првны речется, пріидѣте
блгословеніи ѡца моего наслѣдѹите ѹготованное вамъ цртвіе ѿ начала
мирѹ, і идѹтъ сіи во ѹготованная првная мѣста. грѣшны же речется.
ѿидите ѿ мене проклятіи во ѡгнь вѣчныи ѹготованыи діаволѹ и
ангеломъ егѡ, і идѹ в мѹкѹ вѣчнѹю. Ѹчнкъ вопроси. востанѹ ли мла-
денцы на сѹд, иже некрещены ѹмроша, и какѡ бѹдѹ. Ѹчтль рече. во-
станѹтъ на сѹд и мертвіи некрещеніи младенцы вѣрных. и о томъ пи-
шет ни к раи ни в мѹкѹ бѹдѹтъ. во ѹготованное имъ мѣстѡ, идѣже
бгъ повели. Ѹчнкъ вопроси. Мертвіи младенцы рождени и некрщеніи
какѡ бѹдѹтъ. Ѹчтль рече. Ѿ сихъ ѹмолчанѡ бысть. Ѹчнкъ вопроси.
Ѹзрят ли іюдеи распеншеи хрта в страшныи о днь. Ѹчтль рече Ѩкоже
нѣкіи цар побѣдивъ взе град. тогда предносятъ пред ним вѣнець его,
и побѣдителная орѹжія ѩкоже ѡбычаи имѹ воинствѹющіи. Такоже и
гдь нашъ іс хс пріиде во юностныи днь. и ангели, предносят кртъ его

пред стым пртолом. и возгорится земля и протече река огненная. и об новится нбо и земля, и слнце и луна и звѣзды престану от течения своего, буду же велицы громи и молния. и вся скончавша, и буде нбо ново, седмь крат свѣтлѣиши, и земля украшена многоразличными цвѣты. праведницы же украшени славою неизреченною буду. овии во црство небное со хртом внидут, инии со авраамом в мѣста прохладная в нѣдрех првных, инии со адамом в пищныи едем, і якоже рекся прежде о првных і о грѣшных, і якоже снъ и слово бжие восхотѣ и сотвори своею властию и скончати имат вся. ему слава со оцем купно и со вседѣтелным и животворящим дхом, нинѣ и прно и во вѣки вѣком аминь. По сем гла учтль ко ученику. Слыши чадо возлюбленное еже тебѣ исповѣм с любовны наказанием. не довлѣе ти чадо. аще тѣлом лѣпн будеши и непремѣнне лицем и взором, и власы ухищре, яко авесалом. иже никтоже от члвк уподобится ему вашие лѣпотою. аще толк борз будеши яко азаил, иже у птицы утекаше. аще будеши в крѣпости и быстрости тѣла толь силен, яко сампсон. иже единою челюстию ослею тысящу мужей уби. аще властию силен еси, яко август кесарь ваше. аще таково изволение имаши себѣ, яко црь соломон, вся сотвори егоже срдце желаше. или не повелиши вся дни живота своего, якоже моисей ни единым членом воляше. аще с честию даровании поживеши лѣта долга, якоже и мадусал. не имаши доити праваго пути, препроводил еси жизнь свою вотще. яко сѣнь мимошедшу. А иже кто обрящет правыи пут, и спсет душу свою, сей услыши слово еже рече гдь нш іс хс во стом еулии. Идѣ есмь аз тоу и слуга мой будет. еиже радости и нас гдь бг сподоби в будущем вѣцѣ нинѣ и прно и во вѣки вѣком аминь.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Въ нѣмецкомъ подлинникѣ это мѣсто читается такимъ образомъ: «In demselbigen Land ist ein Thier, das heist *Lecotrota*, das übertrifft alle Thiere mit lauffen, grosz als ein Esel, hat Brust und Füsze als ein Löw. См. Cap. 7.

2) Darinnen ist auch ein Thier, das heist *Aele*, schier als ein Rosz, aber am Schwantz wie ein Elephant, und hat zwey Ohren, da ist jegliches Ohr eines Elenbogen lang, wann es dann fechten sol so legt es das eine Ohr auff den Rücken, bisz sich das ander Ohr verwundet, so legt es dann das verwundete Ohr auff den Rücken, und steht mit dem gesunden Ohr; dasselbige Thier förcht nichts, dann die schwartzen *Pfawen*, und ist als kühn auff dem Wasser als auff der Erden. Ibidem.

3) In dem Lande seynd *gelbe Stier*, die haben Brüst als die wilden Schwein, den gehet der Mundt von einem Ohr bisz an das ander; sie fechten mit den Hörnern; sie mag niemandt gescheiden, von wann dieselben Thier gefangen werden, so mag sie niemandt gezämen. Ibid.

4) Darinnen ist auch ein Thier, das heiszt *Monticora*, dem stehet das Haupt wie eim Menschen, und der ander Leib nach einem Löwen, und ist recht Blutfarb, und hat eine Stimme als ein *Nater*, so sie wispelt, dasselbige Thier ist schneller dann ein Vogel, und isset Menschenfleisch. Ibid.

5) Carfunckelstein. Ibid.

6) Въ средневѣковой литературѣ довольно распространено было сказаніе Брандона (Brandanus, Brandaigne), который по повелѣнію ангела вошелъ на посланный ему Богомъ корабль и много лѣтъ путешествовалъ по различнымъ морямъ, чтобы видѣть чудеса божіи. Ср. Graesse, Lehrbuch einer allgem. Literärgeschichte II, 2. p. 135—136 Основываясь на этомъ сказаніи, и Гервазій говоритъ: «In ipso Gaditani freti confinio versus Africam est insula Fortunatorum, suo vocabulo illic omnium bona esse significans, et inhabitatores ad instar Paradisi felices esse notans, loci amoenitate fretuumque plenissima ubertate cunctis gratissima sed paucis nota, quae aliquando casu inventa, postea diu quaesita, non est reperta, adeoque dicitur *perdita*. Ad hanc tradunt Brandanum, virum sanctum, Oceani exploratorem, tandem devenisse.» Liebrecht, Des Gervasius von Tilbury Otia imperialia. Hannover. 1856. p. 10—11. Эти слова Гервазія объясняютъ и названіе острова, невѣрно переданное въ нѣмецкомъ Луцідаріѣ (In dem Wendelmeer ist eine Insel, die heisst Perdica. Cap. 9), а за нимъ и въ нашемъ.

7) Въ нѣмецкомъ Луцидаріѣ: Der Winde seynd vier, die heissen Cardinales, von der jeglichen kommen die andern zween Winde, die heissen Collaterales. Cap. 10.

8) Въ другихъ спискахъ: мянцы.

9) Это пропущенное слово внесено изъ Синодальнаго списка № 684.

10) Etliche werden zornig und schnell, als der Leopard ist. Elucidarius, cap. 17.

11) So hat eine jegliche Frauw ein Kammer die heisst Matrix. Ibidem, cap. 18.

12) Durch die Adern rinnet Weibesblut, das ist Menstruum sanguinis. Ibid.

13) Это пропущенное слово внесено изъ Синодальнаго списка № 684.

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ,

СОБРАННЫЯ П. И. ЯКУШКИНЫМЪ.

—

Предисловіе.

Русскія пѣсни, напечатанныя въ этомъ № *Лѣтописей русской литературы и древности*, сообщены П. И. Якушкинымъ изъ его богатаго собранія этихъ народныхъ произведеній. Любители русской народности съ нетерпѣніемъ ожидаютъ отъ г. Якушкина изданія нашихъ народныхъ пѣсенъ и стиховъ, какъ имъ самимъ собранныхъ, такъ и оставленныхъ во множествѣ разнообразныхъ варіантовъ покойнымъ П. В. Кирѣевскимъ, который, безъ сомнѣнія, былъ первымъ и лучшимъ знатокомъ великороссійской народной поэзіи, и котораго достойнымъ послѣдователемъ желательно было бы привѣтствовать только человѣка, глубоко проникнутаго народными симпатіями, подобно г. Якушкину. Впрочемъ, изученіе нашей народности такъ настоятельно необходимо для успѣховъ исторіи русской литературы, что въ ожиданіи полныхъ сборниковъ читатели «Лѣтописей русской литературы», вѣроятно, съ немалымъ интересомъ прочтутъ изданные здѣсь не многіе образчики.

Теоретическое изученіе литературы и искусствъ состоитъ въ тѣснѣйшей связи и во взаимномъ вліяніи не только съ практическою художественною дѣятельностію своей эпохи, но и вообще съ господствующими идеями, со всѣмъ умствен-

нымъ и нравственнымъ, общественнымъ и политическимъ направленіемъ, и, конечно, никогда не чувствовалась эта связь такъ живо, какъ въ настоящее время. При благотворномъ вліяніи христіянскаго просвѣщенія, въ теченіи вѣковъ, выработалось наконецъ то всеобъемлющее, безпредѣльное чувство человѣколюбія, которое всѣмъ и каждому внушаетъ уваженіе и любовь къ массамъ народнымъ и на пользу этихъ послѣднихъ вызываетъ къ множеству геніяльныхъ открытій и великодушныхъ предпріятій, которыми становится знаменито наше время. Этому господствующему направленію вполдѣ соотвѣтствуетъ, въ теоретическомъ изученіи литературы искусствъ, блистательная разработка народныхъ поэтическихъ элементовъ. Лучше всего убѣждаетъ насъ въ этомъ Германія, эта классическая страна учености: какъ лѣтъ за двадцать пять тому назадъ теорія словесности и искусствъ была загромождена кучами всевозможныхъ нѣмецкихъ учебниковъ и изслѣдованій эстетическихъ, піитическихъ, стилистическихъ; такъ въ настоящее время непрестанно издаются тамъ сборники народныхъ пѣсенъ, сказокъ, повѣствованій, а также памятники средневѣковой литературы, съ комментаріями и словарями, разработывается народная миѳологія, исторія нравовъ, обычаевъ и вообще всего народнаго быта.

Каковы бы ни были теоретическія погрѣшности курсовъ словесности, процвѣтавшихъ въ нашихъ университетахъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ, и основанныхъ на Шлегелѣ, Вильменѣ, Сисмонди и на нѣкоторыхъ скудныхъ результатахъ философіи искусства,— главнѣйшій и существеннѣйшій недостатокъ этихъ курсовъ состоитъ въ томъ, что они отвлекли здоровыя и свѣжія силы учащихся отъ благотворнаго изслѣдованія фактовъ; вмѣсто самостоятельнаго изученія предметовъ науки, давали безжизненныя формулы философскія, и, полагая философскими воззрѣніями расширить свободный кругъ мышленія, только сковывали мысль, насильственно налагая на нее готовыя формулы какой-нибудь эстетической теоріи. Но самое злое и вредное въ этихъ эстетическихъ руководствахъ было, такъ сказать, *аристократическое* ихъ направленіе. Не только съ точки зрѣнія эстетической, но и

исторической, изслѣдователь обращался только къ свѣтиламъ литературы и искусства, и именно къ свѣтиламъ первой величины: выставлялъ великія достоинства Данта и Шекспира, Ломоносова или Державина, и, съ высоты своего эстетическаго трибунала, — вооруженный мнимо безпристрастною критикою, — величаво раздавалъ мелкія награды прочимъ писателямъ, которыхъ удостоивалъ своей эстетической оцѣнки. Что за дѣло было такому выспреннему критику до нашихъ народныхъ пѣсенъ, оскорблявшихъ его утонченный вкусъ, воспитанный въ аристократической обстановкѣ такъ называемыхъ образцовыхъ академическихъ произведеній? Что за дѣло было ему до нашихъ старинныхъ сборниковъ XV, XVI или XVII в., наполненныхъ поученіями и повѣствованіями на ломаномъ болгаро-русскомъ и польско-русскомъ языкѣ, наполненныхъ сочиненіями, которыя, можетъ-быть, вполнѣ удовлетворяли нашихъ грубыхъ предковъ, но къ которымъ нельзя было приложить формулы объ отношеніи художественной идеи къ формѣ, опредѣляемомъ законами его эстетики?— И такіе теоретики-критики не только не хотѣли знать нашей письменной старины и народности, но и на самомъ дѣлѣ не знали ни той ни другой, и, своими выспренними взглядами становясь будто бы выше нашей старины и народности, только возбуждали къ той и другой презрѣніе, приведшее къ вредному предразсудку, довольно распространенному еще и теперь, будто можно составить себѣ вѣрное понятіе объ исторіи русской литературы на изученіи позднѣйшихъ писателей, начиная отъ Кантемира или Ломоносова, безъ основательнаго знанія нашей древней литературы и безъ живѣйшаго сочувствія къ народной словесности.

Между тѣмъ, изученіе собственно народной словесности, то есть, пѣсенъ, сказокъ, народныхъ преданій и повѣстей и другихъ такъ называемыхъ *народныхъ книгъ*, это благотворное изученіе, которымъ современная наука преимущественно обязана энергической, геніальной дѣятельности Я. Гримма и его многочисленныхъ послѣдователей, дало новое направленіе изслѣдователямъ исторіи литературы, расширило ихъ воззрѣнія и всего болѣе способствовало низведенію эстетической критики съ ея шаткаго, исключительнаго трибунала. Изслѣдова-

тели литературы усмотрѣли, что позади и около литературныхъ и вообще художественныхъ знаменитостей толпятся цѣлые ряды дѣятелей, правда—не столько прославленныхъ, но въ свое время приносившихъ великую пользу успѣхамъ народнаго образованія своими негромкими произведеніями. Вмѣстѣ съ расширеніемъ изучаемаго матеріяла, самый художественный вкусъ сталъ очищаться отъ теоретическихъ предразсудковъ, безусловно раболѣпствовавшихъ передъ какимъ-нибудь Тассомъ, Бокаччіо или Петраркою. Нашли наконецъ, что и кромѣ итальянскаго нувеллиста были многіе другіе, нисколько ему не уступавшіе въ наивности разсказа, и несравненно выше его стоявшіе по свѣжести поэтическихъ воззрѣній и по глубинѣ и искренности средневѣковыхъ народныхъ вѣрованій и убѣжденій, даже по мѣткости и силѣ сатирическихъ выходокъ. Узнали положительно, что еще за долго до сладкорѣчиваго пѣвца Лауры, и въ Италіи, и въ Германіи, и въ другихъ западныхъ странахъ, были лирическіе поэты, болѣе искренніе и задушевные, болѣе проникнутые свѣжими силами народнаго творчества и нисколько не испорченные искусственною аффектаціею, которою страждутъ сонеты этого итальянскаго миннезингера XIV вѣка. И великому, пресловутому Тассу стали отказывать въ громкомъ притязаніи на эпическое творчество, указавъ ему скромное мѣсто между поэтами любви, и въ его поэмѣ стали находить болѣе достоинствъ лирическихъ, нежели эпическихъ. Въ плавности прозы и художественности стиха перестали видѣть безусловную привилегію на почетное мѣсто въ критической теоріи или въ философической, эстетической исторіи литературы и искусства. Равнымъ образомъ, позднѣйшія открытія Румора, Дидрона, Шназе, Куглера и многихъ другихъ, въ области христіянской археологіи и исторіи искусства достаточно уже убѣдили всѣхъ, слѣдящихъ за новѣйшими успѣхами науки, что эстетической критикѣ предстоитъ еще много труда опредѣлить и оцѣнить тысячи художественныхъ фактовъ, прежде чѣмъ успокоить свой изысканный вкусъ на знаменитыхъ произведеніяхъ Рафаэля или Дюрера.

Хотя на западѣ уже много сдѣлано для изученія старины и народности, несравненно больше, чѣмъ у насъ; но

постоянно открываемые и издаваемые памятники литературы и искусства въ Германіи, Франціи и другихъ европейскихъ странахъ, эта энергически и дружно стремящаяся впередъ литературная и ученая дѣятельность къ изслѣдованію сокровенныхъ основъ національности—пріуготовляетъ блистательную будущность историческому изученію, а въ настоящее время открываетъ такое широкое поприще мыслящему изслѣдователю, даетъ столько новыхъ и свѣжихъ литературныхъ и художественныхъ интересовъ, что онъ развѣ только съ сожалѣніемъ о заблужденіяхъ человѣческаго ума можетъ обратиться назадъ, къ тѣмъ эстетическимъ теоріямъ, которыя мнимою обширностью и высотою взглядовъ прикрывали самый скудный запасъ насущныхъ свѣдѣній.

Подъ кажущеюся сухою положительностью этихъ непрестанныхъ изданій старинныхъ и народныхъ памятниковъ литературы и искусства болѣе внимательный взглядъ не можетъ не замѣтить ихъ высокаго значенія для успѣховъ просвѣщенія, не можетъ не открыть зародышей для правильнаго развитія философской, эстетической мысли на твердыхъ основахъ.

Литература и искусство служатъ только внѣшнимъ выраженіемъ духовныхъ отправленій жизни народной. Въ прежнее время, останавливаясь только на геніальныхъ личностяхъ въ исторіи художественнаго и литературнаго развитія, думали въ этихъ личностяхъ, такъ сказать, подслушать отвѣты на задушевные вопросы той эпохи, къ которой каждая изъ геніальныхъ личностей принадлежитъ. Теперь не довольствуются такимъ привилегированнымъ положеніемъ генія, отвѣтствующаго на запросы своей эпохи; думаютъ, что трудно и даже невозможно бываетъ понять этого геніальнаго отвѣта безъ всесторонняго, подробнѣйшаго изученія самыхъ вопросовъ, которые предложены были ему эпохою. И вотъ—около прославленнаго геніальнаго имени изучаемой эпохи скопляется цѣлый рядъ произведеній, правда— не столько знаменитыхъ, не столь превознесенныхъ эстетическою критикою, но столько же исполненныхъ жизненнаго интереса, чаяній и ожиданій, вполнѣ характеризующихъ господствующее настроеніе цѣлыхъ народныхъ массъ. Такимъ образомъ, вопросъ о художе-

ственной, литературной личности становится на второмъ планѣ, и главное вниманіе обращается на цѣлую массу дѣятелей, болѣе или менѣе извѣстныхъ, на понятія, воззрѣнія и убѣжденія, на радости и печали цѣлыхъ поколѣній, даже всего народа, по всѣмъ его классамъ и общественнымъ ступенямъ. Аристократизмъ геніальной личности уступаетъ мѣсто, въ своемъ нравственномъ значеніи, высокому, гуманному достоинству духовныхъ стремленій цѣлой эпохи; нечувствительно вносится онъ въ широкій потокъ духовной жизни цѣлаго народа; онъ низводится, такимъ образомъ, до своихъ коренныхъ, народныхъ основъ, и слѣдовательно сглаживаетъ съ себя феодальный характеръ исключительнаго превосходства.

Едвали нужно доказывать, какъ много обязанъ своимъ происхожденіемъ такой широкій, безпристрастный взглядъ на литературу — разработкѣ собственно такъ называемой *народной безъискусственной словесности*, живущейвъ устахъ простаго народа. Именно эта словесность стоитъ преимущественно внѣ всякой личной исключительности, есть по преимуществу слово цѣлаго народа, *гласъ народа*—какъ выражается извѣстная пословица, есть *эпосъ* (то есть, *слово*) — какъ она называется въ эстетикахъ, хотя и не умѣвшихъ оцѣнить великаго ея значенія.

Развитіе наукъ въ теченіе столѣтій часто проходитъ по самымъ извилистымъ и ложнымъ дорогамъ, а въ отношеніи исторіи литературы и эстетики можно сказать, что только въ послѣднее время обѣимъ этимъ наукамъ показанъ надлежащій ихъ исходъ и вѣрный путь, когда по достоинству была оцѣнена народная поэзія, какъ твердая основа всему дальнѣйшему художественному и литературному развитію. Слѣдовательно, то, съ чего слѣдовало бы начать эстетическое ученіе не только о поэзіи вообще, но и о прочихъ искусствахъ, то введено въ науку только въ послѣдній періодъ ея развитія. Но могла ли, въ теоретическомъ отношеніи, народная поэзія получить свое настоящее, законное мѣсто въ кругу прочихъ поэтическихъ произведеній, когда эти послѣднія уже въ теченіи многовѣковаго существованія піитики были приведены въ извѣстную систему и тѣсно сгруппированы? Параграфы эстетики объ эпосѣ, драмѣ, идилліи, дидактической

поэзіи, будучи насильственно раздвинуты новыми, великими открытіями, могли ли, потѣснившись, усвоить себѣ во всей полнотѣ и свободѣ живительныя идеи о высокихъ качествахъ народнаго творчества? Если эстетика, какъ всякая философская наука, въ своей системѣ должна представлять стройный организмъ, въ подчиненіи всѣхъ частностей основной идеѣ, въ проведеніи одной всеоживляющей философской мысли по разнообразному матеріялу художественныхъ данныхъ: то, внесши новое, и притомъ такое основное звено, какова народная поэзія, въ цѣпь своихъ умозаключеній и выводовъ, успѣла ли эта наука перестроить свою систему, начиная съ самаго ея основанія и до вершины?— Современное состояніе эстетики вполнѣ убѣждаетъ насъ въ томъ, что отвѣчать на эти вопросы утвердительно не можемъ. Эта философская наука, построенная на скудныхъ фактахъ и безполезныхъ воззрѣніяхъ,—какъ тѣ ветхіе мѣхи, въ которые не вливаютъ вина новаго, — не можетъ уже вмѣстить въ свои условные предѣлы свѣжаго, здороваго матеріяла, въ обиліи заготовленнаго новѣйшею историческою разработкою художественныхъ фактовъ вообще, и тѣмъ болѣе разработкою такого предмета первой важности, какова народная поэзія. Впрочемъ, чтобъ не распространяться въ общихъ доводахъ, приведу доказательство на самомъ дѣлѣ. Самое видное мѣсто въ эстетической литературѣ нашего времени занимаетъ сочиненіе тюбингенскаго, а потомъ цюрихскаго профессора Фишера; 1-я часть вышла еще въ 1846 г., но послѣдняя, 5-я тетрадь 2-го отдѣла 3-й части явилась только въ 1857 году. Эта тетрадь посвящена поэзіи, и въ ней-то изложено ученіе объ эпосѣ, въ двухъ главахъ: 1-я о существѣ эпоса, и 2-я о видахъ эпической поэзіи (стран. 1265—1321). Не смотря на кажущуюся философскую основательность и значительную начитанность, нѣмецкій профессоръ не могъ уже вложить новой жизни въ умирающій организмъ своей науки. Найдутся въ его книгѣ кое-какія вѣрныя понятія объ эпическомъ стилѣ, извлеченныя изъ мѣткихъ наблюденій Шиллера, Гете, В. Гумбольдта, но въ своей теоріи объ эпосѣ вообще онъ остается при освященныхъ вѣками предразсудкахъ Аристотеля, искавшаго въ эпосѣ какого-то внѣшняго, искусственнаго единства, и измѣрявшаго

достоинство поэмы драматическими пріемами. Само собою разумѣется, что при такихъ устарѣлыхъ понятіяхъ, отношеніе эстетики Фишера къ народной поэзіи вышло самое жалкое. «Народная поэзія — говоритъ этотъ ученый — не смотря на ея искренность и свѣжесть, при ея недостаткѣ въ технической художественной обработкѣ, слишкомъ бѣдна (doch zu arm), и потому можетъ она возпроизвести великій матеріалъ эпической поэзіи не иначе, какъ только въ разрозненныхъ, отдѣльныхъ пѣсняхъ» (стр. 1287). Въ этихъ словахъ явственно слышатся и странные толки о какомъ-то эпическомъ единствѣ, и напыщенная рѣчь академическаго критика, свысока снисходящаго къ безъискусственнымъ пѣснямъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что приведеніе къ единству народныхъ поэтическихъ сказаній, конечно искусственное и болѣе или менѣе случайное, составляетъ одну изъ замѣчательнѣйшихъ эпохъ въ развитіи народной поэзіи: но эта эпоха уже лишена первоначальной свѣжести эпическаго періода, и служитъ только переходомъ отъ чисто народнаго творчества къ искусственной разработкѣ поэтическаго матеріала отдѣльными лицами. Чѣмъ обильнѣе безъискусственная поэзія какого-либо народа, чѣмъ шире и полнѣе раскрылись въ ней народные миѳы и сказанія; тѣмъ естественнѣе и легче этотъ переходъ отъ отрывочныхъ рапсодій къ цѣлому эпосу, въ которомъ они группируются въ одно цѣлое. И чѣмъ сильнѣе развивается въ народѣ чувство изящнаго, чѣмъ болѣе совершенствуются пѣвцы въ поэтической техникѣ вмѣстѣ съ нѣкоторыми успѣхами въ просвѣщеніи: тѣмъ необходимѣе этотъ переходъ отъ отдѣльныхъ народныхъ пѣсенъ къ цѣлымъ эпопеямъ. Такимъ образомъ, въ своемъ общемъ составѣ, въ своей внѣшней архитектоникѣ, не только средневѣковыя поэмы о Нибелунгахъ, о Карлѣ Великомъ или Артурѣ, но Иліада съ Одиссеею представляютъ уже заключительный выводъ, болѣе искусственный результатъ предшествовавшаго чисто народнаго, собственно эпическаго творчества: это ужь есть какъ бы первый моментъ новаго періода личнаго, искусственнаго творчества. Смотря по условіямъ народнаго образованія, такія поэмы не въ одинаковомъ отношеніи находятся къ своимъ первобытнымъ эпическимъ основамъ.

Нѣкоторыя поэмы, какъ напримѣръ гомеровы, въ наибольшей чистотѣ сохранили въ себѣ мотивы народной поэзіи; въ другихъ, какъ въ поэмѣ о Нибелунгахъ, гораздо замѣтнѣе искусственность; въ иныхъ же, какъ въ разсказахъ о Карлѣ Великомъ и его паладинахъ, искусственность беретъ перевѣсъ надъ народнымъ творчествомъ.

Но даже и въ этихъ во всѣхъ народныхъ поэмахъ, подчинившихся уже нѣкоторой искусственности, такъ называемое *эпическое единство* есть только призракъ устарѣлыхъ эстетическихъ предразсудковъ. Напротивъ того, можно безошибочно утверждать, что это искусственное, противное духу эпической поэзіи единство составляетъ существенную принадлежность только такихъ искусственныхъ, безжизненныхъ произведеній, какъ «Энеида», или «Освобожденный Іерусалимъ», въ которыхъ всего меньше эпическихъ достоинствъ.

Что же значитъ, послѣ сказаннаго выше, эта прославленная художественная техника, въ которой отказываетъ эстетикъ нашихъ временъ народнымъ пѣснямъ? Хлопотать о внѣшнемъ единствѣ или объ осязаемой полнотѣ народнаго эпоса, приведеннаго въ книжную систему, значитъ вовсе не понимать высокаго жизненнаго начала, которымъ проникнута народная поэзія. Неужели для того, чтобъ наслаждаться своими пѣснями, народу не все равно, болѣе или менѣе тѣсно между собою слагаются эти отдѣльныя рапсодіи его эпоса? Во всякомъ случаѣ, народная пѣсня поется, или слушается отрывочно, но понимается всегда только въ связи съ цѣлымъ. Но это великое эпическое цѣлое, ни въ одномъ народѣ, даже у самыхъ Грековъ, ни въ Иліадѣ, ни въ Одиссеѣ, никогда не выразилось и не могло выразиться въ внѣшнемъ видѣ, сплоченное въ одну всеобъемлющую поэму. Народный эпосъ— также, какъ народное слово, какъ самый языкъ — живетъ въ устахъ всего народа: полнота и единство эпоса опредѣляются не внѣшнею формою, но органическою цѣльностью и характеристическою округленностью самой народности, всѣми духовными интересами народа, сосредоточенными къ предметамъ народнаго творчества.

Народная поэзія, будучи главнымъ, существеннымъ и преимущественнымъ выраженіемъ эпическаго творчества, пред-

лагаетъ безспорно самые лучшіе образцы эпическаго стиля, какихъ не найдемъ ни у Виргилія, ни у Аріоста или Тасса. Но кромѣ того, сверхъ этихъ видовыхъ свойствъ эпическаго стиля, она *непогрѣшительна* относительно поэтическихъ достоинствъ вообще. Я. Гриммъ въ разборѣ финскаго эпоса, между прочимъ, выразилъ слѣдующую мысль, которая, по моему мнѣнію, должна быть положена въ основу эстетическаго ученія не только объ эпосѣ, но и вообще о поэзіи. «Если въ области поэзіи лирической и драматической — говоритъ онъ — литература предлагаетъ намъ, вмѣстѣ съ произведеніями отличными, и слабѣйшія, и даже плохія: то въ эпосѣ поэзіи истинной противополагается только ложная» [1]).

Дѣйствительно, поэзія искусственная, къ которой принадлежатъ лирическая и драматическая, можетъ быть лучше или хуже, смотря по личнымъ дарованіямъ поэта, по его направленію и т. п. Поэзія народная — разумѣется, *чисто* народная, а не испорченная фабричными или лакейскими передѣлками — во всѣхъ отношеніяхъ хороша, потому что она *естественна*; потому что, будучи выраженіемъ творческаго духа всего народа, свободно выливалась она изъ устъ цѣлыхъ поколѣній. Къ ней не прикоснулось никакое личное соображеніе. Красота ея есть такое же независимое отъ личной искусственности, отъ случайной прикрасы, явленіе, какъ и красота самой природы. И какъ произведенія природы потому только прекрасны, что это качество согласно съ ихъ внутреннимъ организмомъ, со всѣмъ существомъ ихъ: такъ и изящество народной поэзіи есть необходимое выраженіе самаго содержанія, самаго миѳа или преданія, и кроющейся въ нихъ мысли или основнаго нравственнаго чувства: потому что безъискусственная поэзія всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ высоко нравственна, точно такъ же, какъ въ природѣ физической здоровье — необходимое условіе красоты.

Такъ какъ только истинное, а не ложное составляетъ существо поэзіи вообще, и въ особенности эпической, служащей основою всѣмъ народнымъ пѣснямъ: то, безъ сомнѣнія, всѣ искусственные эпосы, произведенія личнаго досуга,

---

[1]) Höfer, Zeitschr für die Wissensch. d. Sprache. 1845. № 1.

должны быть рѣшительно устранены отъ вопроса объ отличительныхъ свойствахъ поэзіи эпической, хотя бы эти произведенія принадлежали Виргилію, Аріосту, Тассу или Мильтону. Надобно сказать правду, что поэмы этихъ писателей обилуютъ не малыми поэтическими достоинствами, но только достоинствами вовсе не эпическаго стиля, и внесеніе этихъ произведеній эстетиками и критиками въ трактатъ о поэзіи эпической есть старинный предразсудокъ. Надлежащее имъ мѣсто въ отдѣлѣ поэзіи искусственной, личной, которая во всѣхъ отношеніяхъ противоположна существу истинной поэзіи эпической.

Если первоначальное раскрытіе народныхъ вѣрованій представляетъ намъ миѳологія; если первоначальнаго проявленія логическихъ законовъ должны мы искать въ построеніи языка, и изъ наблюденій надъ его составомъ, окрѣпшимъ уже въ эпоху доисторическую, слѣдуетъ выводить данныя о философіи самого народа и о законахъ человѣческаго мышленія вообще: то, безъ сомнѣнія, и первоначальныхъ, неизмѣнныхъ основъ поэтической дѣятельности надобно искать въ древнѣйшемъ и самомъ естественномъ ея проявленіи — въ народной эпической поэзіи.

Вслѣдствіе различныхъ историческихъ переворотовъ, вмѣстѣ съ развитіемъ народной образованности, личное творчество и искусственность берутъ перевѣсъ надъ безъискусственною поэзіею народною: и съ точки зрѣнія развитаго художества, обдуманнаго и образованнаго наукою и техникою, конечно, безсознательное творчество народнаго эпоса, непосредственное и наивное, уступаетъ въ первенствѣ личной дѣятельности поэта или художника и особенно для эпохи развитой, образованной, или по крайней мѣрѣ грамотной. Притомъ самая исторія искусствъ и литературы свидѣтельствуетъ, что высшимъ проявленіемъ творческаго генія человѣчество обязано не совокупнымъ силамъ поколѣній въ созданіи народныхъ пѣсенъ, а именно отдѣльнымъ геніяльнымъ личностямъ, имена которыхъ конечно никогда не затмятся, сколько бы блистательно ни была постановлена въ исторіи просвѣщенія самородная, безъискусственная поэзія. Эта послѣдняя, будучи скована обычностью въ самомъ тѣсномъ кругу без-

сознательнаго народнаго быта, конечно уступаетъ поэзіи искусственной въ творческой свободѣ, къ которой могутъ быть способны только отдѣльныя личности, самостоятельно, съ опредѣленнымъ характеромъ выступающія изъ толпы. За то, народная поэзія, стоя внѣ личнаго произвола, представляетъ, въ наибольшей правильности и чистотѣ, во всей первобытности, самыя существенныя свойства поэтическаго творчества. Сверхъ того, не надобно забывать, что, по самому акту творчества, произведеніе отдѣльнаго поэта эпохи образованной состоитъ вовсе не въ противоположности съ народною поэзіею, но въ нѣкоторомъ ей подчиненіи. Потому-то, чѣмъ геніяльнѣе какой-либо поэтъ, тѣмъ онъ народнѣе; тѣмъ согласнѣе съ всѣмъ строемъ народнаго эпоса его личное воодушевленіе. Именно въ этомъ-то отношеніи и заслуживаетъ особеннаго вниманія давно извѣстная эстетикамъ мысль, что на эпическомъ основываются прочіе виды поэтическихъ произведеній: не одинъ только сюжетъ, не басню только или сказку заимствуетъ лирикъ или трагикъ изъ эпическихъ сказаній и преданій своего народа, но и самый взглядъ на природу и человѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣ живительные, народные соки, которыми питается національное чувство.

Только въ настоящее время, когда предпринято столько трудовъ для изученія народности и старины, становится ясно, къ какимъ блистательнымъ результатамъ можетъ придти исторія литературы и эстетика, внесши народные элементы въ рѣшеніе всевозможныхъ вопросовъ эстетическихъ и литературныхъ. Надобно полагать, что даже самыя избитыя положенія устарѣлой теоріи получатъ новый смыслъ, болѣе точное значеніе. Такъ напримѣръ: «въ изящномъ представляется гармонія идеи съ формою» — вотъ одно изъ самыхъ любимыхъ положеній, къ которымъ обращалась эстетическая теорія, — это одна изъ самыхъ избитыхъ философскихъ фразъ, опошленныхъ до безсмысленности. И между тѣмъ, въ этомъ-то самомъ положеніи и высказывается существенный упрекъ эстетическому ученію объ эпосѣ. Все, что̀ только лучшаго успѣла сдѣлать теорія для этого рода поэзіи, ограничивается объясненіемъ только формы эпическаго настроенія или эпическаго стиля. Но такъ какъ художественная форма

условливается самымъ содержаніемъ: то въ томъ только случаѣ вполнѣ законно и убѣдительно можетъ быть ученіе объ эпической формѣ, когда будетъ показано живое, органическое отношеніе ея къ идеѣ, около которой группируется все содержаніе эпическихъ вымысловъ: содержаніе же это дается всѣмъ бытомъ самого народа, въ эпоху его эпическаго творчества, которое находитъ себѣ прямое, непосредственное выраженіе въ безъискусственной поэзіи.

Основная идея этого обильнаго бытоваго содержанія есть вмѣстѣ и идея народнаго эпоса: это есть также и основное начало всѣхъ первичныхъ элементовъ народности. Въ наибольшей чистотѣ эта идея господствуетъ въ народныхъ вѣрованіяхъ, и потомъ уже воплощается въ цѣломъ рядѣ эпическихъ произведеній народнаго творчества. Такимъ образомъ, періоду эпическому въ исторіи поэзіи — соотвѣтствуетъ въ жизни народа извѣстный періодъ развитія, и именно — періодъ зарожденія и ранняго возраста народной жизни. Свѣжести и простотѣ народнаго быта соотвѣтствуетъ свѣжесть и высокая наивность эпоса. Итакъ, другое изъ основныхъ положеній эстетики, что «поэзія служитъ выраженіемъ жизни»— не умѣла эта философская наука приложить къ теоріи эпоса, потому что не объяснила эпическаго періода въ жизни самого народа.

Народный эпосъ—во всѣхъ разнообразныхъ его проявленіяхъ, начиная отъ миѳа и чарующаго заклятія, этого отголоска религіозныхъ миѳическихъ обрядовъ, и до дѣтской игры, сопровождаемой стихами или причитаньями, и до колыбельной пѣсни — есть не только выраженіе народнаго быта, но даже сама народная жизнь, возведенная на первую степень сознанія, и перелитая въ прекрасные звуки роднаго слова. Потому, только въ связи съ характеристикою первоначальнаго эпическаго быта самого народа возможно себѣ составить вѣрное и полное понятіе объ этомъ существенномъ, основномъ родѣ поэтической дѣятельности.

Совокупному, такъ сказать, собирательному творчеству народной фантазіи и этому ровному, неизмѣнному теченію эпоса соотвѣтствуетъ строгая обрядность эпическаго быта, подчиненная вѣрованью и сопровождаемая неизмѣнными, обыч-

ными проявленіями въ дѣйствіяхъ и въ самыхъ словахъ. Съ самаго рожденія и до смерти вся жизнь человѣка подчиняется этому ровному эпическому теченію, руководимая вѣрованьями старины, оглашаемая звуками роднаго *слова* (эпоса), въ его разнообразныхъ проявленіяхъ.

Сознавая, или, точнѣе сказать, только ощущая всю полноту вымысловъ народной фантазіи, каждое поколѣніе получаетъ въ наслѣдство и удерживаетъ только часть этого всеобъемлющаго цѣлаго. Но за то, въ каждомъ эпизодѣ, въ каждой эпической пѣснѣ, чувствуются всѣ элементы, изъ которыхъ сложился народный эпосъ: чувствуется ясно, что только на широкой основѣ полнаго возсозданія жизни въ эпической формѣ была возможна та зиждительная сила, помощію которой сложился эпизодъ, отдѣльная пѣсня или сказка.

На этомъ основывается высокое достоинство эпизодовъ народнаго эпоса. Каждый изъ нихъ даетъ слушателю полную возможность оріентироваться, опознаться въ тѣхъ подробностяхъ разсказа и въ тѣхъ воззрѣніяхъ, которыя въ эпизодѣ сообщаются, хотя бы подробности эти, какъ краткіе намеки, и состояли въ связи съ другими разсказами, съ другими пѣснями или сказками, то есть, съ другими эпизодами великаго народнаго эпоса. Никогда не видя передъ собою цѣлаго эпическаго зданія (которое и живетъ только въ эпизодахъ), между тѣмъ, всякій, и поющій и слушающій, сообщается съ нимъ на каждомъ отдѣльномъ эпизодѣ: подобно тому, какъ говорящій проникается всею полнотою и силою своего роднаго языка, хотя бы сказалъ только нѣсколько фразъ; — или чтобъ вполнѣ восчувствовать всѣ оттѣнки грамматическаго состава хотя бы самой короткой рѣчи, надобно усвоить себѣ весь внутренній строй языка.

Эпизодическое существованіе эпоса, вполнѣ согласное съ постоянно эпизодическимъ его употребленіемъ въ народѣ, опредѣляетъ всю историческую его судьбу, все его внѣшнее развитіе. Со временемъ одни эпизоды пропадаютъ, другіе возникаютъ вновь, иные подновляются, по требованію новыхъ обстоятельствъ и воззрѣній, и, такъ сказать, покрываются новыми наростами. Однако, не смотря на это постоянное

видоизмѣненіе составныхъ частей, цѣлое остается невредимо, пока въ народѣ не угасла жизнь эпическаго творчества. Точно такъ дерево остается свѣжо и исполнено жизни, пока здоровъ его корень, сколько бы ни мѣняло оно вѣтвей и листьевъ. Потому, замѣчу мимоходомъ, мнѣ кажется, отличается необыкновенно художественнымъ тактомъ, въ нѣкоторыхъ языкахъ, наименованіе эпизодовъ народнаго эпоса *вѣтвями* (branches).

Но если главныя основы эпоса остаются неизмѣнны, все же, по требованіямъ развивающихся поколѣній, или въ слѣдствіе различныхъ историческихъ обстоятельствъ, иногда цѣлые обширные отдѣлы древнѣйшей народной поэзіи, вмѣстѣ съ древнѣйшими поколѣніями, вымираютъ, оставляя по себѣ только слабые слѣды. Такъ эпосъ *ѳеогоническій* смѣняется *героическимъ*. Сначала тотъ и другой живутъ общею жизнію: но потомъ остается только героическій, а потомъ и этотъ послѣдній, все болѣе и болѣе прерывая нити, связывавшія его съ народною миѳологіею, вступаетъ на поприще *историческаго* разсказа.

Тогда въ памяти народа остаются только отрывочные намеки на утраченное цѣлое, въ видѣ *обычныхъ эпическихъ формъ*, или темныхъ *повѣрій*, безсознательныхъ *обрядовъ* и т. п., точно такъ, какъ въ языкѣ остается цѣлый рядъ архаическихъ, устарѣлыхъ формъ, въ образованіи и измѣненіи словъ,—формъ, которыхъ первоначальное значеніе уже непонятно; потому что онѣ уже стали не иное что, какъ развалины нѣкогда стройнаго, цѣлаго зданія — не иное что, какъ старый и разрозненный матеріялъ, пошедшій на новыя постройки.

Отрываясь отъ миѳическихъ основъ древнѣйшей эпохи, народный эпосъ еще болѣе нарушаетъ тѣмъ цѣльность своей внѣшней формы; потому еще болѣе нуждается въ эпизодическомъ изложеніи: и такимъ образомъ представляется онъ собраніемъ отжившихъ или отживающихъ преданій и вѣчно свѣжихъ, живучихъ убѣжденій, — темныхъ образовъ забывающейся народной миѳологіи, и яркихъ характеровъ любимыхъ народомъ идеаловъ. Миѳологическія и историческія основы народнаго быта, сосредоточенныя къ завѣтнымъ убѣжде-

ніямъ и воззрѣніямъ народа на жизнь и природу, даютъ какъ бы идеальное, незримое, но всѣми чувствуемое единство этому, по видимому, неорганическому сцѣпленію частей въ одну массу. И откуда бы ни началъ пѣвецъ свою пѣсню о родной старинѣ, тотчасъ же вводитъ онъ своихъ слушателей въ этотъ магическій кругъ всеобъемлющаго народнаго эпоса.

«Хочется мнѣ пѣть — такъ начинаетъ финскій пѣвецъ свою «Калевалу» — хочется мнѣ пѣть, повѣдать родную пѣсню: слова таютъ на устахъ, рѣчи падаютъ, спѣшатъ на языкъ, разсыпаются (на зубахъ).»—Потомъ, въ нѣсколькихъ смѣлыхъ выраженіяхъ указавъ на живую связь своей пѣсни съ миѳологическими преданіями о поляхъ Пѣхволы и степяхъ Калевалы, о Вейнемейненѣ и Ильмаринипѣ, пѣвецъ продолжаетъ:

«Эти пѣсни пѣвалъ прежде отецъ мой, вырубая себѣ топорище; этимъ пѣснямъ учила меня мать моя, вертя свое веретено, когда малымъ ребенкомъ прыгалъ я около колѣнъ ея.» Еще разъ пустившись въ міръ чудеснаго, пѣвецъ вспоминаетъ о чародѣйскихъ словахъ и заклинаніяхъ Сампо и Лоухи, о пѣсняхъ и играхъ другихъ миѳическихъ лицъ — намекая при томъ, что все это воспѣто уже въ пѣсняхъ. Потомъ продолжаетъ:

«Есть у меня въ запасѣ и другія рѣчи, другія загадки и вѣщія слова. Идучи, набиралъ я ихъ возлѣ дороги: срывалъ я ихъ съ вереска, ломалъ съ кустарника, обрывалъ съ травки, когда я еще въ дѣтствѣ пасъ скотъ на лугахъ, по медвянымъ пригоркамъ, золотымъ холмамъ, идучи въ слѣдъ за черною *Муррикки* и за пестрою *Киммо.* [1]) Морозъ училъ меня пѣснямъ, дождь приносилъ мнѣ *руны*; [2]) вѣтромъ навѣвало ихъ мнѣ, морскими волнами причаливало; птички складывали слова, вершины деревьевъ — сказки.» Оставляя паству и картины дикой природы, пѣвецъ вводитъ своихъ слушателей подъ родную кровлю:

«И сматывалъ я пѣсни въ клубокъ, положилъ клубочекъ въ салазки, привезъ домой, спряталъ въ амбарѣ, въ желѣзный [3]) сундукъ.»

---

[1]) Прозвища коровъ, какъ у насъ *буренушка*, *чернавушка* и т. п.

[2]) Пѣсни. Это слово общее у Нѣмцовъ съ Финнами.

[3]) Въ подлинникѣ *мѣдный*.

«Долго были мои пѣсни на морозѣ, долго жили на сторонѣ. Ужь возьму ли я пѣсенки съ холоду, принесу ли сундучокъ съ морозу въ избу; поставлю сундукъ на лавочкѣ, въ передній уголъ; отворю ли я сундукъ съ пѣснями,—отыщу я нитку въ клубкѣ, развяжу ли я узелокъ въ клубкѣ.»

Въ этомъ наивномъ уподобленіи цѣлаго эпоса клубку нитокъ какъ осязательно выражается понятіе о томъ длинномъ рядѣ народныхъ разсказовъ, который можно начать, гдѣ ни попало, только бы распутать завѣтный узелокъ этого поэтическаго клубка!

«Запою же я — такъ оканчиваетъ пѣвецъ свою припѣвку:— запою ли я хорошую пѣсню, сидючи за ржанымъ хлѣбомъ, за столомъ съ пивомъ; а не будетъ ни пива, ни квасу, запою и на тощее сердце, водицей прихлебывая, запою на радость нашему вечеру, во славу этому красному денечку, запою на утѣху завтрашнему дню, на встрѣчу новому утру» [1]).

Сказаннаго почитаю достаточнымъ въ объясненіе, для чего немногимъ, изданнымъ въ этомъ № *Лѣтописей* пѣснямъ я не усумнился предпослать нѣсколько словъ о народной поэзіи вообще. Пѣсни эти мало касаются народной миѳологіи, не принадлежатъ къ древнему циклу богатырскому, но все же тѣмъ не менѣе вводятъ читателя въ самый центръ народнаго эпоса, бытоваго, историческаго, религіознаго.

Нѣтъ сомнѣнія, что *пѣсни бытовыя*, то есть подблюдныя, свадебныя, хороводныя, веснянки, а также разныя причитанья и заговоры, сохранили въ себѣ гораздо болѣе слѣдовъ древнѣйшаго миѳологическаго эпоса, нежели пѣсни *богатырскія*, которыя значительно потерпѣли отъ внесенія въ нихъ элемента историческаго. Надобно полагать, что эпическому циклу *Владиміра Красна-Солнышка* и его богатырей предшествовалъ въ русской поэзіи собственно миѳологическій и героическій эпосъ, идеальные типы котораго были потомъ перенесены на Владиміра и его поэтическихъ спут-

[1]) За сообщеніе мнѣ этой руны въ переводѣ съ финнскаго языка приношу мою благодарность г. Гедвалю, изъ Финляндіи, студенту Александровскаго университета.

никовъ. Между этими послѣдними, можетъ-быть, уцѣлѣли нѣкоторыя имена и характеры того древнѣйшаго эпоса, какъ напримѣръ *Дунай* и его *воинственная невѣста*, эта Брингильда русскаго эпоса. Сюда же можно отнести Волха Всеславича, *героя-оборотня*, Потока Михайла Ивановича съ его вѣщею супругою *бѣлою лебедью* и нѣкотор. друг. Но государственное начало, начинавшее пускать свои корни въ южной Руси, уже очень рано оказало свое дѣйствіе на составъ народнаго эпоса, сгруппировавъ цѣлый рядъ богатырей около княжеской власти, олицетворенной въ древнемъ, миѳическомъ образѣ *Красна-Солнышка*, которому услужливая дружина дала имя любимаго ею князя. Къ тому же времени принадлежитъ и княжеская личность *Добрыни*. Окруженіе князя Владиміра представителями различныхъ сословій, безъ сомнѣнія, относится къ эпохѣ уже послѣдующей. Характеръ *Алеши Поповича*, очерченный народною фантазіею съ очевидными признаками ироніи, указываетъ уже на столкновеніе частныхъ интересовъ съ церковными. Величавая личность *Ильи Муромца* въ основныхъ своихъ очертаніяхъ, можетъ-быть, напоминала идеальные типы полу-боговъ, сокрушителей всего зловреднаго на землѣ; можетъ-быть, она была снимкомъ съ миѳическаго идеала какого-нибудь Перуна, этого громовержца Тора славянской миѳологіи. Но въ эпоху историческую, когда сложился циклъ владиміровъ, Илья Муромецъ сталъ могущественнымъ представителемъ силъ простаго народа и защитникомъ его интересовъ предъ исключительнымъ господствомъ дружины. Потому отзываются уже позднѣйшимъ протестомъ всѣ тѣ пѣсни, гдѣ удалой Муромецъ господствуетъ своею физическою силою и своимъ благородствомъ надъ прочими сословіями, гдѣ и князья, и бояре, и гости богатые, и вся родня Алеши Поповича, намѣренно выставляются въ самомъ неблагопріятномъ свѣтѣ сравнительно съ его чистою, простонародною личностью. Борьба Ильи Муромца съ *Соловьемъ Разбойникомъ*, также и битва Добрыни съ *Бабою Горынинкою*, можетъ относиться къ первобытному миѳологическому эпосу; но сословныя отношенія этихъ двухъ богатырей другъ къ другу внесены во владиміровъ циклъ уже гораздо позднѣе. Точно также къ позднѣйшей эпохѣ разлада между

классами народа надобно отнести насмѣшки Ильи Муромца надъ прочими богатырями и видимое къ этимъ послѣднимъ презрѣніе. Въ пользу любимой народомъ личности эпическая фантазія не пощадила даже самого Владиміра. По одному эпизоду, этотъ послѣдній хочетъ жениться на одной прекрасной женщинѣ, мужа которой усердные приспѣшники хотятъ для того извести смертію, но только одинъ Илья Муромецъ возмутился отъ такого нечистаго дѣла. «Ужь ты батюшка, Владиміръ князь!» — воскликнулъ онъ:

Изведешь ты яснова сокола!
Не пымать теѣ бѣлой лебеди.

И за это слово былъ онъ посаженъ въ глубокій погребъ [1]). Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ позднѣйшею сословною раздражительностью даже нарушается величавый характеръ любимаго народомъ героя. Тогда муромскій богатырь теряетъ свое обычное, торжественное спокойствіе и снисходительность, эту лучшую прикрасу своего могущественнаго характера, и безъ всякаго милосердія побиваетъ княженецкую дружину. Наконецъ превращеніе муромскаго мужика въ донскаго казака объясняется тѣмъ же протестомъ, который позднѣйшія поколѣнія хотѣли заявить въ лицѣ своего избраннаго представителя.

Таково, по нашему мнѣнію, постепенное, историческое развитіе самыхъ характеровъ и идеаловъ русскаго эпоса, въ связи съ убѣжденіями и понятіями смѣняющихъ другъ друга поколѣній. Анахронизмы, столь обыкновенные во всякой народной поэзіи, — какъ напр. у насъ въ пѣсняхъ Владиміръ ведетъ войну съ Татарами, — не заслуживаютъ въ этомъ отношеніи, особеннаго вниманія. Но разработка самаго процесса народнаго сознанія, выразившагося въ различныя эпохи, которыя наложили свою печать на народный эпосъ, безъ сомнѣнія приведетъ изслѣдователей къ важнымъ результатамъ, и, что̀ всего важнѣе, дастъ вопросу о нашей народной поэзіи ту ученую основу, которой до сихъ поръ, надобно сказать правду, онъ еще не получилъ.

---

[1]) Былина про Василису Даниловую. Въ «Памятн. великорус. нарѣч.» 1855.

Еще труднѣе характеристика народной поэзіи по различнымъ мѣстностямъ и областнымъ нарѣчіямъ. Я разумѣю здѣсь не областной только говоръ, но и самое содержаніе и всю нравственную физіономію пѣсенъ, видоизмѣняющуюся по различнымъ концамъ нашего отечества. Правда, въ исторіи литературы замѣчено отличіе древнихъ пѣсенъ *южнорусскихъ* или *кіевскихъ*, сосредоточенныхъ на циклѣ владиміровомъ, отъ пѣсенъ *сѣверныхъ* или *новгородскихъ*, къ которымъ относятся о *Садкѣ* богатомъ гостѣ, о *Васильѣ Буслаевомъ*: но показано ли взаимное ихъ отношеніе? Уяснены ли тѣ основные пункты, на которыхъ тѣ и другіе сходятся, указывая тѣмъ самымъ на древнѣйшіе поэтическіе источники первобытнаго русскаго эпоса? Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторые миѳологическіе мотивы въ пѣсняхъ о Садкѣ, составляютъ достояніе того до-владиміровскаго эпоса, о которомъ упомянуто выше. Отношенія Садки къ *Морскому Царю* составляютъ драгоцѣннѣйшій матеріялъ для исторіи русскаго миѳологическаго эпоса: но этимъ отношеніямъ позднѣйшая новгородская жизнь дала свойственное ей *гостиное* примѣненіе.

Переходя отъ древнѣйшей эпохи къ послѣдующимъ, изслѣдователь не меньшія затрудненія встрѣтитъ при рѣшеніи вопросовъ о томъ, въ какомъ отношеніи великорусскія пѣсни о Владимірѣ и его богатыряхъ состоятъ собственно къ малорусской поэзіи, и именно къ историческимъ думамъ и пѣснямъ? Что служитъ переходомъ отъ богатырскихъ типовъ къ героямъ-казакамъ? Какъ зачинались пѣсни въ восточной, московской сторонѣ и какъ онѣ оттуда распространялись къ Пскову, Новугороду и на отдаленный сѣверо-востокъ? — Нѣтъ сомнѣнія, что изданіе областныхъ преданій, сказаній и пѣсенъ, пополнитъ множество пробѣловъ въ историческомъ пониманіи жизни русскаго народа; но уже и изъ того, что̀ обнародовано доселѣ, можно было бы извлечь драгоцѣнныя данныя для исторіи русской народной поэзіи отъ древнѣйшей эпохи, по различнымъ мѣсностямъ и по всѣмъ главнѣйшимъ періодамъ не только древней Руси, но и петровской.

Историческая пѣсня, или *былина*, заслуживаетъ осо-

беннаго вниманія между прочими видами русской народной поэзіи. Она свидѣтельствуетъ намъ, что народъ принималъ живѣйшее участіе въ историческихъ судьбахъ Руси, умѣлъ по своему очень вѣрно понимать ихъ и давать имъ мѣткую характеристику въ своихъ пѣсняхъ. Современники воспѣвали громкія имена и великія событія своего времени, и передавали ихъ юному, нарождавшемуся поколѣнію, которое, свято сохраняя завѣщанную отъ отцовъ старину, прилагало къ ней былины своего времени какъ авторъ «Слова о полку игоревѣ» прилагалъ *былины сего времени* къ замышленію Боянову, и потомъ бережно передавало оно накопленное имъ поэтическое сокровище потомству. Какъ бы ни совершалась эта завѣтная передача историческихъ былинъ, но пѣсни о Владимірѣ, о Татарахъ, Литвѣ, объ Иванѣ Грозномъ и о другихъ историческихъ предметахъ, и доселѣ живутъ въ устахъ народа. Ясно, что одно поколѣніе органически роднилось съ другимъ, будучи связываемо историческимъ преданіемъ. Какъ грамотные люди читали о родной старинѣ въ лѣтописяхъ, хронографахъ, житіяхъ святыхъ; такъ съ не меньшею для себя пользою простой народъ питался, и доселѣ не перестаетъ питаться національными силами историческихъ преданій въ своихъ историческихъ былинахъ. Этотъ фактъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. И если русскій безграмотный людъ не учится исторіи своей родной земли по школьнымъ учебникамъ, если не понимаетъ ни хронологической, ни прагматической связи между важнѣйшими событіями родной старины, то все же онъ питаетъ къ нимъ поэтическое и нравственное сочувствіе, воспоминая о нихъ въ своихъ былинахъ. Не буду здѣсь касаться вопроса о томъ, что̀ больше можетъ роднить простой народъ съ его стариною,—это ли нравственное поэтическое сочувствіе или школьный учебникъ; но не могу умолчать о томъ, что, съ точки зрѣнія собственно литературной, былины несравненно выше всевозможныхъ историческихъ руководствъ или учебниковъ, и для народа—въ его неразвитомъ, безсознательномъ, поэтическомъ періодѣ развитія — служатъ онѣ единственнымъ и самымъ популярнымъ средствомъ къ поддержанію и укрѣпленію національныхъ силъ, развитыхъ въ народѣ его исторіею. Правда, что бы-

лина, по большей части, обилуетъ грубыми анахронизмами, смѣшеніемъ исторической истины съ поэтическимъ вымысломъ; но въ общемъ своемъ составѣ, но въ нравственной характеристикѣ лицъ и въ пониманіи великихъ событій старины, и до сихъ поръ она еще не встрѣчаетъ себѣ соперничества ни въ одномъ историческомъ, прагматическомъ сочиненіи, а по искренности національнаго чувства она можетъ равняться развѣ только съ самыми лучшими страницами лѣтописи, которой служитъ живымъ народнымъ отголоскомъ. Притомъ, самые анахронизмы и кажущіяся нелѣпицы исторической былины заслуживаютъ тщательнѣйшаго наблюденія для изученія того, какъ принимались народнымъ смысломъ историческіе факты, какъ группировались они въ его воображеніи и воспитывали въ немъ національное чувство. Если для исторіи науки поучительны самыя ошибки ученыхъ дѣятелей, особенно такихъ даровитыхъ, какъ напримѣръ Карамзинъ; то тѣмъ поучительнѣе поэтическія заблужденія цѣлаго народа, потому что они налагаютъ неизгладимыя черты на всю его нравственную физіономію. Что же касается до анахронизмовъ исторической былины, то, по моему мнѣнію, они имѣютъ еще болѣе глубокое значеніе по прямому ихъ отношенію къ нравственной жизни народа, которая вся состоитъ изъ безчисленнаго множества преданій, накопившихся отъ различныхъ временъ, вся сложена изъ анахронизмовъ, въ которыхъ новое съ старымъ сливается въ одно органическое цѣлое. Давно уже историки занесли народныя пѣсни въ перечень историческихъ матеріяловъ и источниковъ. Теперь предстоитъ имъ по этому народному матеріялу возсоздать полную картину историческихъ свѣдѣній и убѣжденій простаго народа.

Память объ отношеніяхъ Руси къ Татарамъ и Литвѣ доселѣ еще свѣжо сохраняется въ народныхъ пѣсняхъ, о чемъ свидѣтельствуютъ, изъ напечатанныхъ въ этомъ № *Лѣтописей*, пѣсни о князѣ Романѣ Митріевичѣ и супругѣ его Марьѣ Юрьевнѣ, и о свадьбѣ Грознаго (№ № 10, 11, 7 и 8). По одному варіанту, княгиню Марью Юрьевну берутъ въ плѣнъ поганые Татары къ своему царю Батыю или *Батыщу*; по другому, она попадаетъ къ *Мануилу*, *сыну Яко*-

лову. Печальную историческую дѣйствительность, охарактеризованную погромами татарскими и смутною эпохою литовскою, народная фантазія умѣла вставить въ широкую раму своихъ неизмѣнныхъ, вѣковыхъ эпическихъ пріемовъ. Сонъ Марьи Юрьевны, которымъ открывается эпизодъ (№ 10), принадлежитъ къ самымъ древнимъ мотивамъ всеславянскаго эпоса, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующее мѣсто изъ чешской пѣсни, подъ именемъ *Роза,* въ краледворской рукописи:

Уснух, снеше ми се ве снѣ,
Яко бы мнѣ небощцѣ
На правей руцѣ с прста
Свлекл се златы прстенек,
Смекл се драгы каменек.
Каменек не надидех,
Змилатка се не дождех.

Присоединеніе хищныхъ птицъ къ этому древнеславянскому мотиву въ нашей пѣснѣ столько же принадлежитъ эпической символикѣ славянской, сколько и нѣмецкой, какъ это видно изъ сновидѣнія, которымъ начинается пѣсня о Нибелунгахъ.

Не меньше замѣчательно въ эпическомъ отношеніи и окончаніе нашего эпизода подъ № 11. Возвращаясь изъ плѣна, княгиня переправляется черезъ двѣ рѣки. Одна послушалась ея вѣщаго слова и стала *женскимъ перебродищемъ*, по которому легко перешла эта плѣнница. Черезъ другую рѣку перевезла ее сама собою *колода бѣлодубовая.* Эту чудесную колоду вывезли потомъ на святую Русь, рѣзали ее на мелкіе кресты и на чудные образа, вызолотили червоннымъ краснымъ золотомъ и разослали по всѣмъ церквамъ. Извѣстно, что *колода* (у Нестора *клада*) было древнѣйшимъ у насъ названіемъ гроба, равно какъ и до нашихъ временъ раскольники и простой народъ кое-гдѣ кладутъ покойниковъ въ дубовыя колоды. Извѣстно также, что древнѣйшій обрядъ похоронъ совершался спущеніемъ мертвеца на воду въ ладьѣ. На этомъ, вѣроятно, основывается древне-чешское выраженіе: «ити до *навы*», то есть, до корабля или лодки (слич. лат. navis, санскр. *нау* и проч.); сюда же должно отнести древне-

болгарское *нави*—царство мертвыхъ, тартаръ, древне-русское *навье* покойники, и выраженіе: «въ *нави* зрѣти», въ извѣстной муромской легендѣ [1]). Такъ какъ на ладьѣ же прибываютъ изъ невидимаго міра новорожденные эпическіе герои, а иногда и взрослые, только все же изъ міра таинственнаго, какъ напр. *Рыцарь Лебедя* или малорусскій *Ивася* [2]): то въ чудесной, *священной* колодѣ княгини Марьи Юрьевны изслѣдователь древнѣйшихъ эпическихъ преданій не безъ вѣроятности можетъ усмотрѣть любопытный остатокъ сказаній, относящихся къ упомянутымъ выше первобытнымъ обрядамъ и миѳологическимъ представленіямъ.

Болѣе интересныя отношенія Москвы къ *матушкѣ проклятой* Литвѣ и къ *злымъ поганымъ Татаровямъ* затрогиваются въ пѣсняхъ о свадьбѣ Грознаго. Основное убѣжденіе, иронически проводимое въ этихъ пѣсняхъ, есть то, что Москва, помутившаяся въ своихъ чистыхъ православныхъ началахъ, поколебленная въ своихъ стародавнихъ основахъ, легко можетъ породниться и съ *проклятою* Литвою и съ *погаными* Татарами. Умирающая царица завѣщаетъ Ивану Васильевичу взять себѣ вторую жену лучше на Москвѣ, но все же изъ породы татарской, какъ бы въ томъ убѣжденіи, что Москва до того отатарилась, что Иванъ Васильевичъ не побрезгуетъ татарскою роднею. Изучавшимъ московскую старину хорошо извѣстно, какъ вѣрна и мѣтка эта простодушная иронія народной пѣсни, и какъ глубоко понимаетъ народъ тѣ темныя стороны своей исторіи, которыя напрасно стараются прикрыть чтители древней Руси своими дѣтскими идилліями. По складу пѣсни надобно понимать, что Иванъ Васильевичъ сдѣлалъ еще хуже того, что̀ совѣтовала ему умиравшая царица,—онъ вывезъ себѣ супругу изъ *проклятой* Литвы. Но такъ какъ родство это, по народному пониманію, было противуестественно и безсмысленно, то пѣсня заставляетъ Грознаго Царя разстрѣлять вывезенную имъ изъ Литвы молодую жену. Сверхъ того народная фантазія при-

[1]) Сличи. въ моихъ лекціяхъ о пѣсняхъ Эдды и о муромск. легендѣ въ «Атенеѣ» за 1857 г.

[2]) Смотр. въ моей статьѣ о Православн. Собесѣдникѣ въ 1-мъ № «Лѣтоп. рус. лит.» 1859 г.

приписываетъ этой чужестранкѣ какую-то нечистую силу колдовства.

Изъ всѣхъ московскихъ царей *Иванъ Грозный* пользуется особеннымъ авторитетомъ въ народныхъ пѣсняхъ. Потому надобно вмѣнить въ немалую заслугу позднѣйшимъ историкамъ русскимъ, оцѣнившимъ по достоинству этого царя, что они сошлись въ своихъ ученыхъ выводахъ съ безсознательными убѣжденіями простаго народа, воспитанными безъискусственною поэзіею.

Народная пѣсня описываетъ Ивана Грознаго жестокимъ: «не будь ты яръ, будь ты милостивъ» — не одинъ разъ говоритъ ему умирающая супруга, умоляя его смягчиться сердцемъ. Въ пѣснѣ объ убіеніи царевича (№ 9) [1]), онъ безчинствуетъ въ своей ярости, казня не только бояръ, но и попов. Никоимъ образомъ нельзя допустить, чтобъ народная былина избрала своимъ героемъ Грознаго Царя ради его жестокости. Можетъ-быть, демократическія его убѣжденія и замашки нравились простонароднымъ пѣвцамъ и забавляли слушателей; но этимъ однимъ не снискалъ бы онъ себѣ такого почетнаго мѣста между героями русскаго эпоса. Дѣйствительно, историческая былина отмѣтила болѣе существенное въ дѣятельности этого царя: «взялъ онъ царство казанское, такъ повѣствуетъ она, выводилъ онъ измѣну изъ Кіева, вывелъ измѣну изъ Новагорода, взялъ Рязань, взялъ и Астрахань, только не вывелъ измѣны въ каменной Москвѣ.» Сверхъ того, нѣтъ сомнѣнія, что этотъ замѣчательный человѣкъ древней Руси не мало обязанъ, въ своей популярности, искреннимъ благочестіемъ, о которомъ любопытныя данныя предлагаются во многихъ житіяхъ русскихъ святыхъ; и вообще надобно замѣтить, что съ именемъ Грознаго Царя русская былина соединяетъ понятіе о средоточіи православія и національности въ Москвѣ.

Если Иванъ Грозный своимъ энергическимъ характеромъ затмилъ въ народной памяти дѣятельность предшествовавшихъ ему московскихъ государей; то громкія событія и крупныя личности эпохи послѣдующей, тѣмъ не менѣе, вызывали къ себѣ

---

[1]) Слич. въ «Древн. росс. стихотвор.» Кирши Данилова, № 43.

участіе народной фантазіи и выразились въ новомъ рядѣ былинъ. Главнымъ героемъ народной исторической поэзіи XVII в. является Алексѣй Михайловичъ, и слѣдовательно опять поэтическая дѣятельность простаго народа находитъ себѣ оправданіе въ позднѣйшей исторической критикѣ, по достоинству оцѣнившей высокое значеніе этого царя въ исторіи Россіи.

Въ пѣсняхъ, приписываемыхъ Киршѣ Данилову, есть нѣсколько объ Алексѣѣ Михайловичѣ и его эпохѣ. Изъ собранія г. Якушкина напечатана въ этомъ № «Лѣтописей» *про осаду соловецкаго монастыря*, воспослѣдовавшую при этомъ царѣ по причинѣ возникшаго въ этомъ монастырѣ противодѣйствія исправленію богослужебныхъ книгъ. О взятіи этого монастыря въ Соловецкомъ Лѣтописцѣ [1]) сказано слѣдующее: «На Клементьево мѣсто присланъ съ Москвы воевода Иванъ Мещериновъ съ началными людьми, да съ нимъ были Московскія стрелцы и Вологоцкія и Устюжскія; да зъ Двины стрелцовъ 900 человѣкъ; и Сумскія и Кемскія стрелцы емужъ вручены. И Божіею помощію и великого Государя счастіемъ, службою и радѣніемъ того воеводы Ивана Мещеринова съ началными ратными людми, Соловецкой монастырь взяли взятіемъ во 184-мъ (1676) году Генваря въ 22 день. Мятежники Соловецкія порублены и казнены смертію, а иныя разосланы въ сылку въ Колской и въ Пустозерской остроги; а которыя изъ нихъ соборной церкви покорились и великому Государю вину свою принесли, прощены и жить оставлены въ Соловкахъ.»

Ироническій оттѣнокъ пѣсни о взятіи соловецкаго монастыря не оставляетъ сомнѣнія въ ея раскольническомъ происхожденіи. Согласно съ наивнымъ складомъ народной поэзіи, самъ Алексѣй Михайловичъ выдаетъ себя, приказывая воеводѣ:

Ты порушь вѣру старую, правую,
Постановь вѣру новую, неправую.

Само собою разумѣется, что пѣвецъ этой былины и его слушатели, точно также, какъ и соловецкіе старцы-рас-

1) По рукописи, принадлежащей мнѣ, въ 4-ку, 1718 г.

кольники временъ Алексѣя Михайловича, имѣли самое грубое понятіе о старой, правой вѣрѣ, ограничивая ее старопечатными книгами и безсмысленно противополагая ее какой-то вѣрѣ новой и неправой. Въ этомъ тупомъ понятіи, конечно, нѣтъ ни малѣйшаго слѣда истиннаго христіянскаго просвѣщенія. Но все же, съ точки зрѣнія хотя бы и языческаго поклоненія старопечатной буквѣ, народная поэзія вѣрна своимъ религіознымъ началамъ, сколько бы мелочны и ограниченны они ни были, согласно двоевѣрнымъ, полуязыческимъ убѣжденіямъ народной словесности. Потому народная былина имѣла достаточныя основанія встрѣтить ироніею православное войско, шедшее на осаду соловецкаго монастыря:

Охъ ты глупой звонарь,
Неразумной пономарь,
Да то войско православное:
Не идетъ оно ратиться,
Идетъ оно молитися!

И все-таки, не смотря на то, догадливые пушкари забивали каленое ядрушко въ мѣдную пушечку, и палили въ тотъ во честной монастырь, въ соловецкій.

Отъ этой превосходной былины перейдемъ къ *духовнымъ стихамъ*. Было время, когда въ этомъ отдѣлѣ безъискусственной словесности думали видѣть выраженіе чисто христіянскихъ, православныхъ началъ простаго народа. Теперь перестаютъ приписывать ему такое важное значеніе въ смыслѣ христіянскаго просвѣщенія, за то начинаютъ открывать въ немъ замѣчательную для исторіи русскаго образованія связь устной словесности съ письменною литературою, и преимущественно съ апокрифическою [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторые стихи дышутъ болѣе чистыми идеями христіянства, какъ напримѣръ изданный здѣсь *О вознесеніи Христовѣ*, не смотря на вымышленную обстановку. Другіе стихи довольно согласны съ повѣствованіями въ житіяхъ святыхъ и съ церковными преданіями, какъ на примѣръ, объ Алексѣѣ Божьемъ человѣкѣ, о спасеніи дѣвицы Егоріемъ Храбрымъ, о страш-

---

[1]) Смотри мою Рѣчь о народной поэзіи. 1859 г.

номъ судѣ. Для изученія обширнаго цикла пѣсенъ о послѣднемъ предметѣ, особенно полезно обратиться къ житію Василія Новаго, въ которое внесены повѣствованія о мытарствахъ и о страшномъ судѣ, оказавшія сильное вліяніе не только на книжную литературу древней Руси, но и на фантазію народную. Для примѣра привожу слѣдующее сближеніе.

Въ извѣстной повѣсти о преніи или битвѣ живота съ смертію [1]), послѣдняя описывается слѣдующимъ образомъ: «и внезапу пріиде к нему *(т. е. къ воину или вообще человѣку)* смерть, образъ имѣя страшенъ, обличіе имѣя человѣческое, грозный же видъ ... я *(ея?)*, ужасно зрѣти ея, ужасная носяще собою *(чит. съ собою)*, многи учинены на человѣки мечи, и ножи, и пилы, и рожки, и серпы, и сѣчива, и косы, и бритвы, и уды телесныя и иная многая не знаемая, иже казнодѣйствуетъ различная разрушенія человѣка.»

Къ этому присовокупимъ слѣдующую выписку изъ слова о мытарствахъ, изданнаго Калайдовичемъ между сочиненіями Кирилла туровскаго, но, можетъ-быть, принадлежащаго Авраамію смоленскому [2]). Ораторъ говоритъ о выходѣ души изъ тѣла: «по семь предстанета два аггела, посланная по душю отъ Бога. Егда же узритъ ею душа, ужаснется, образъ весь и лѣпота и лице измѣнится, руцѣ и нозѣ премолкнета и слуха съ нима, и языкъ молчаніемъ затворится, и будетъ весь унылъ, и дряхлъ, и скорбенъ, и за симъ явится смерть. И тако, и нужею страшною душа отъ тѣлеси изидетъ, и станетъ одержима душа, зрящи на свое тѣло; яко же бо кто изъволкся изъ ризы своея, и потомъ сталъ бы, зря ея: тако станетъ душа на свое тѣло зрящи, отъ него же изыде, умилно къ аггеломъ взирающи.»

То же самое встрѣчаемъ въ изданномъ здѣсь *стихѣ про душу великой грѣшницы*. Ангелы разсказываютъ Христу,

Какъ душа съ бѣлымъ тѣломъ разставалася:
Разставши душа, сама прочь пошла,

---

[1]) Повѣсть о бодрости человѣческой, по рукописи Импер. Публич. Библ., изъ древлехранилища Погодина, № 1773.

[2]) Смотр. въ статьѣ о «Православн. Собесѣдн.» въ 1 № «Лѣтописей русской литературы.»

И отошедши, возворатилася,
Со своимъ съ бѣлымъ тѣломъ попростилася:
Ты прости тѣло бѣлое мое,
Прости беззаконіе мое.
Ты пойдешь, тѣло, во сыру землю,
Червямъ, тѣло, на источеніе,
Вы, кости, земли на преданіе,
А я, душа, къ самому Христу на спокаяніе.

Древнѣйшій источникъ всѣмъ этимъ представленіямъ нашей древней и народной словесности предлагаетъ слѣдующее мѣсто изъ хожденія Θеодоры по мытарствамъ, въ житіи *Василія Новаго*: *О смерти*. «Бѣ же видѣніе ея, яко левъ ревый, страшна видѣніемъ, и всячески странна человѣческаго устроенія. И носящи оружіа своа всякіа, мечя, ножа, пилы, серпы, уды, стрѣлы, теслы, брадвы, сѣчива, оскорды, розны, и ина незнаема, ими же козподѣйствуетъ различныя образы. Сію же видѣвши смиренаа моа душа устрашися *(такъ повѣствовала Θеодора мниху Григорію, автору житія Василія Новаго)* и велми въгордѣся. И рѣша къ смерти юноши *(то есть, ангелы)*: «что медлиши? разрѣши съюзы! не иматъ бо многа истязаніа о грѣсѣхъ». Она же, приступльши ко мнѣ и взятъ малый оскордець, и начатъ отсѣкати нозѣ мои, и потомъ руцѣ, и инѣмь орудіемъ вся съставы, и инѣмъ инаа моа съставы тѣлесныа, и съузы и члѣны расслабиша, растерза 20 ногтей моихъ. И абіе омертви все тѣло мое, и оттуду ни руку, ни ногу имѣхъ, и неможаахъ двигнутися никакоже. Всѣми бо орудіи козподѣйствуетъ на имя. Таже вземъ теслу, отсѣче главу мою. И по сихъ нальявши чашю: что̀ же бѣ, не разумѣхъ; и дастъ ми испити. Тако ми Господа, чадо Григоріе! *(такъ воскликнула Θеодора, обращаясь къ своему слушателю съ воспоминаніемъ о страшномъ часѣ смертномъ)* Коль бѣ горко! Яко въ той часъ отторже ми душю, и скоро искочи исъ тѣла, яко птица отъ руку ловца. И абіе красніи опи юноши пріаста мя на руку свою ризами своими. Въ сердцы бо все душевно възлежитъ, въ умѣ же духъ. Яко же убо пріаста мя красніи они юноши, възрѣхъ въспять, и видѣхъ тѣло мое лежаще бездушно и недвижимо и

нечювъственно, яко же бо кто съвлекъ съ себе ризу, и повержетъ, и стоитъ, зря на ню» [1]).

Впрочемъ, не смотря на очевидное вліяніе этого благочестиваго византійскаго памятника на *стихъ про душу великой грѣшницы*, не смотря на православныя убѣжденія, въ немъ изложенныя, все же и онъ не чуждъ фантастическихъ вымысловъ, ведущихъ свое начало отъ древнѣйшихъ преданій первобытнаго, не только славянскаго, но и вообще индо-европейскаго эпоса. Выше было уже упомянуто объ особенномъ значеніи ладьи въ обрядахъ и преданіяхъ древнѣйшаго эпическаго періода. Водами отдѣляется земля, жилище человѣческое, отъ таинственной страны неземной жизни. Раждающійся приплываетъ изъ этой невѣдомой страны въ жилище смертныхъ, умирающій уплываетъ обратно. Именно по этимъ-то таинственнымъ водамъ, въ нашемъ стихѣ, плывутъ ангелы, присутствовавшіе при выходѣ души изъ тѣла великой грѣшницы:

По морю, по синему Хвалынскому,
Тутъ и шли, пробѣгали черезъ корабли.
Во этихъ корабляхъ святые ангелы сидятъ, *и проч.*

Предполагается, что страна, въ которой живутъ эти свѣтлые духи, отдѣляется отъ земли моремъ, и что они должны переплывать его, сообщаясь съ людьми.

Преданія и идеи христіянскаго міра, входя въ область народной поэзіи, получали двоякое видоизмѣненіе: или, будучи сближаемы съ преданіями до-христіянскаго эпоса, они служили какъ бы дальнѣйшимъ развитіемъ этого послѣдняго, и потому становились чужды православнымъ началамъ; или, независимо отъ народной миѳологіи, получали они новый поэтическій видъ подъ вліяніемъ различныхъ апокрифическихъ книгъ, и потомъ сами образовывали изъ себя новый рядъ народныхъ апокрифовъ. Такъ напримѣръ въ стихѣ объ *Олексафіи*, народъ и царство *Рыхлинское* или *Рахлинское*, вѣроятно, не что иное, какъ *Рахманское*: намекъ на извѣстныя апокрифическія сказанія о *Рахманахъ*, то есть *Врах-*

---

[1]) По рукописи графа Уварова, въ листъ, XVI в., № 104 (Царск. № 92).

монахъ или *Браминахъ*. Въ народныхъ разсказахъ иногда очень трудно бываетъ отдѣлить миѳологическое отъ собственно-апокрифическаго, но отличіе это весьма важно для разработки безъискусственной поэзіи.

У западныхъ народовъ много такихъ разсказовъ о библейскихъ предметахъ, искаженныхъ поэтическимъ вымысломъ. Таковы напримѣръ повѣствованія о хожденіи Христа съ своими учениками, и особенно съ Петромъ, по разнымъ странамъ. Этому же предмету посвящаютъ свои сказки и славянскія племена [1]). Для примѣра приведу одну лужицкую, замѣчательную по тому уваженію, какое народъ питаетъ къ своимъ пѣснямъ. Однажды Христосъ съ Петромъ проходили деревнею. Христосъ остановился у одной избы, изъ которой раздавалась звучная пѣсня, и сталъ слушать, но Петръ шелъ далѣе. Послѣ того, когда оба они проходили далѣе, послышалось изъ другой избы пѣніе молитвъ: Петръ остановился и слушалъ, а Христосъ, не обращая вниманія, продолжалъ свой путь. Когда Петръ догналъ своего учителя, изъявилъ ему свое удивленіе, почему онъ остановился слушать пѣсню, и не обратилъ вниманія на пѣніе духовное: «Любезный мой святой Петръ, отвѣтствовалъ Христосъ, — тамъ точно пѣлась простонародная пѣсня, только отъ чистаго сердца, а здѣсь хоть и духовные стихи, только не отъ чистаго сердца.»

Апокрифическимъ передѣлкамъ библейскихъ преданій въ Палеѣ соотвѣтствуетъ въ народной словесности цѣлый рядъ вымышленныхъ сказаній о сотвореніи міра, о первыхъ человѣкахъ, о Ноѣ и т. п. Сказанія эти, безъ сомнѣнія, состоятъ въ тѣснѣйшей связи съ народными духовными стихами, точно также какъ сказки о богатыряхъ съ пѣснями о томъ же предметѣ.

Для примѣра предлагаю здѣсь нѣсколько *двоевѣрныхъ*, апокрифическихъ разсказовъ русскаго издѣлія, изъ собранія г. Якушкина.

---

[1]) Смотр. введеніе въ Нѣмецкую Миѳологію Я. Гримма; а также Westslawisch. Märchenschatz, von Wenzig. 1857, стр. 87; во II томѣ Лужицк. Пѣсенъ, изданныхъ Гауптомъ и Смолеромъ, стр. 175. Желательно, чтобы г. Аѳанасьевъ издалъ находящееся у него собраніе русскихъ сказокъ такого же содержанія.

«*Сотвореніе міра*. Сталъ Господи міръ творить, гдѣ народу жить. Распустилъ онъ море-окіянъ; надо землю сѣять. Прибѣжалъ лукавый чортъ, да и говоритъ Господи: «Ты, Господи, все творишь: весь міръ сотворилъ, окіянъ-море напустилъ; дай мнѣ хошь землю насѣять!» — «Сѣй!» сказалъ Господи. Сѣялъ, сѣялъ лукавый, — никакого толку! — «Опускайся ты, лукавый, сказалъ Господи, — на самое дно моря, достань ты, лукавый, горсть земли.» — Опустился лукавый на дно моря, захватилъ лукавый горсть земли; вынырнулъ: глядь — всю землю водой размыло. Опустился въ другой, — тоже: въ горсти нѣтъ земли. Опустился лукавый въ третій разъ, и, по Божьему по велѣнью, оставалась за ногтемъ песчиночка. Богъ взялъ ту песчиночку, и насѣялъ всю землю, съ травами, съ лѣсами, со всякими для человѣка угодьями.— «Будемъ съ тобой, Господи, братьями родными, сказалъ лукавый Господу: — ты будешь меньшой братъ, я большой!»— Господи усмѣхнулся.—«Будемъ, Господи, братьями ровными.» — Господи усмѣхнулся опять. — «Ну, Господи, ты будешь старшій братъ, я меньшой!» — «Возьми, говоритъ Господи :— возьми меня за ручку повыше локотка: пожми ты ручку ту изъ всей силы.» — Лукавый взялъ Господи за ручку выше локотка; жалъ ручку изо всѣхъ силъ; усталъ отъ натуги, а Господи стоитъ да только усмѣхается. Тутъ Господь только взялъ лукаваго за руку: лукавый такъ и присѣлъ. Господи наложилъ на лукаваго крестное знаменіе, лукавый и убѣжалъ въ преисподнюю. — Люди, да еще святые люди, нарицаются *сыны Божіи*; а лукавый хотѣлъ къ Господу въ братья залѣзть!» [1]) Этою сентенціею заключается русскій разсказъ, соотвѣтствующій извѣстной сербской сказкѣ въ сборникѣ Вука Караджича [2]). Въ одной колядкѣ, приводимой г. Костомаровымъ въ его диссертаціи о народной поэзіи, творятъ міръ два голубка, сидящіе на древѣ, которое только одно во всемъ свѣтѣ поднималось изъ всеміpнаго, необъятнаго океана. И творили они міръ изъ камушка и песочка. Эта колядка указываетъ

---

[1]) Сабурово, Малоарх. уѣзд.

[2]) О миеологическомъ значеніи этой сказки смотри статью Ербена въ «Русской Бесѣдѣ».

на связь приведеннаго разсказа съ миѳологическимъ эпосомъ. Всеміpное древо соотвѣтствуетъ скандинавскому *Игдразилю*.

«*Про Адама и Евгу* [1]). Создалъ Господь Адама и Евгу и пустилъ ихъ жить въ пресвѣтломъ раю; а къ воротамъ райскимъ приставилъ собаку, звѣря чистаго: по всемъ раю ходила. И повелѣлъ Господи собакѣ, звѣрю чистому: «не пускай, собака, звѣрь чистый! не пускай ты чорта лукаваго въ рай: не напоганилъ бы онъ моихъ людей.» — Лукавый чортъ пришелъ къ райскимъ воротамъ, бросилъ собакѣ кусокъ хлѣба, а та собака и пропустила лукаваго въ рай. Лукавый чортъ возьми да и оплюй Адама съ Евгой; всѣхъ оплевалъ, всѣхъ съ головы до послѣдняго мизинчика во лѣвой ногѣ. Приходитъ Господи — только руками объ полы ударилъ! На Адама съ Евгой глянуть срамно!... Но Богу, извѣстно, не обтирать ихъ стать, не марать же рукъ въ чортовы слюни: взялъ да и выворотилъ Адама съ Евгой. Отъ того и слюна погана.— «Слушай, собака, сказалъ Господи: — была ты, собака, — чистый звѣрь: ходила по всемъ пресвѣтломъ раю; отнынѣ будь ты песъ — нечистый звѣрь: въ избу тебя грѣхъ пускать, коли въ церковь вбѣжишь — церковь снова святить.» — Съ тѣхъ поръ не *собака* зовется, а *песъ*: по шерсти погана, а по нутру чиста» [2]).

«*Про избу*. Люди жили на землѣ. Наступила зима: жить холодно, а избы поставить не умѣютъ. Народъ—люди неправедные, не захотѣлъ просить Господа, умудрить ихъ мудростью, а сталъ кланяться лукавому. Лукавый говоритъ: «сложите бревна въ четыре стѣны, а такъ—не было бы ни одной щелочки, а послѣ дверь прорубь: вотъ и будетъ вамъ изба!» — Срубили бревна въ четыре стѣны, да такъ — не было ни одной щелочки. Прорубили дверь. Входятъ —тепло, да только жить нельзя: темно. Народъ опять къ лукавому. Лукавый бился, бился, а все толку нѣтъ: все темно въ избѣ. Взмолился народъ ко Господу. Господи и говоритъ: «прорубите окно!»—

---

[1]) Любопытно, что въ народѣ сохранилась древнѣйшая форма *Евга*, употреблявшаяся въ самыхъ раннихъ памятникахъ славянской письменности.

[2]) Сабурово, Малоарх. уѣзда.

Прорубили окно и сдѣлалось свѣтло!... А то захотѣли отъ чорта свѣта просить!...» [1])

«*Про Ноя и Евгу.* Во всемъ мірѣ не осталось ни одного православнаго, окромя Ноя праведнаго. Господь и велѣлъ Ною праведному строить ковчегъ, да только никому не сказывать, чтò дѣлаетъ: «длà-того, сказалъ Господи: — хочу самого лукаваго вмѣстѣ со всѣми людьми беззаконными потопить; нашлю на всю землю *потопу*. Коли жь хоть всѣхъ людей потоплю, а оставлю лукаваго: лукавый опять весь міръ соблазнитъ. Всѣхъ потоплю, говоритъ Господи: — грѣха не будетъ на землѣ, а нà-племя оставлю тебя, Ноя праведнаго, да, ради тебя, Ноя, жену твою Евгу.» — Ной, благословясь, съ крестомъ и молитвой взялъ топоръ, пошолъ рубить ковчегу. Видитъ лукавый — Ной что-то строитъ, а чтò строитъ, не сказываетъ. Думаетъ: дѣло плохо. Ной праведный съ ранняго утра до поздней ночи на работѣ; а Евга одна сидитъ дома. Лукавый и подлѣзь къ Евгѣ... Ну, самъ знашь: дѣло женское... «Спроси ты, Евга, говоритъ лукавый — своего Ноя праведнаго, что-йто онъ рубитъ? Это не изба; да и изба-то у васъ новая да просторная.» Пришолъ Ной праведный съ работы поздно вечеромъ. Стала Евга у него выпытывать; Ной праведный не сказываетъ: Господь не велѣлъ. Сказала Евга про то лукавому. Лукавый научилъ Евгу, какъ водку дѣлать, да и приказалъ: «Какъ придетъ Ной праведный обѣдать; пообѣдаетъ, попроситъ квасу испить: ты, Евга, и дай ему винца: Ной праведный захмѣляетъ, во хмѣлю все скажетъ.»—Пришолъ Ной праведный, пообѣдалъ, попросилъ квасу испить; Евга и дала ему, вмѣсто квасу, винца стопку. Ной праведный и захмѣлялъ. Стала Евга ластиться къ Ною праведному; тотъ и разсказалъ, для чего онъ *ковчегу* строитъ: «Господи велѣлъ, говоритъ, *ковчегу* строить, и безпремѣнно кончить къ Мокрину дню [2]): въ Мокринъ день *потопа* начнется: потопитъ Господи всѣхъ людей, окромѣ меня, Ноя

---

[1]) Нерехтск. уѣзд. — А. В. Марковичъ говоритъ, что это сказаніе слышалъ въ Малороссіи.

[2]) 19 іюля.

праведнаго, да еще ради меня, Ноя праведнаго, окромѣ тебя, Евгы. А всѣмъ другимъ да и самому лукавому на свѣтѣ не быть!» Лукавый и думаетъ: былъ бы я цѣлъ: грѣшники будутъ. «Наступитъ Мокринъ день, наступитъ *потопа*, говоритъ лукавый Евгѣ: пойдетъ *потопа*, Ной праведный станетъ тебя, Евгу, звать въ *ковчегу*: ты не ходи, и не ходи ты, Евга, пока Ной праведный не кликнетъ: «Да иди же ты, проклятая!» — Наступилъ Мокринъ день, наступила *потопа*. Евга стала собираться въ *ковчегу*, а лукавый къ ней и залѣзъ подъ подолъ. «Иди, Евга, въ *ковчегу*», кричитъ Ной праведный. — «Погоди, говоритъ Евга Ною праведному: надо горшки захтить!» «Иди, Евга! вода скоро по колѣни будетъ!« «Погоди, Ной праведный! надо ложки да плошки забрать.» «Да иди же ты, проклятая!» закричалъ Ной праведный. Только сказалъ онъ это слово, лукавый и скокъ въ ковчегу. Безъ этого слова лукавому нельзя было войти: Ной праведный началъ рубить ту *ковчегу* съ крестомъ и молитвою, съ благословеніемъ Божіимъ: отъ того и нельзя было. Вошла и Евга послѣ проклятаго слова. Такъ и остался лукавый на землѣ. Потопа прошла, а грѣхъ остался»[1]).

Это послѣднее сказаніе, занесенное въ повѣсть *О высокоумномъ хмѣлю* [2]), взято изъ апокрифическихъ передѣлокъ Ветхаго Завѣта, которыя были у насъ въ старину очень распространены и даже снабжались въ рукописяхъ довольно искусными миніатюрами. Такова, напримѣръ, замѣчательнѣйшая рукопись въ библіотекѣ графа Уварова [3]), вся состоящая изъ рисунковъ, изображающихъ событія Ветхаго и Новаго Завѣта. Подъ рисунками краткія подписи, объясняющія сюжетъ. Составлена въ началѣ XVII в., но, судя по рисунку, оригиналъ, съ котораго снята, относится къ XVI в. Въ эту *Лицевую Библію* внесено много апокрифическихъ прибавленій. Сказаніе о Ноѣ и женѣ его, въ этой Библіи, очевидно, служило источникомъ приведеннаго народнаго разсказа. На л. 20 изображено, какъ Ной, съ топо-

---

[1]) Сабурово, Малоарх. у.

[2]) Смотр. въ моей статьѣ о горѣ-злочастіи въ «Русскомъ Вѣстн.» за 1856 г.

[3]) Въ 4-ку, № 34.

ромъ въ рукахъ, строитъ ковчегъ. Внизу подпись: «о сотворени ковчега. Повеле бгъ Ною сотворити ковчегъ что хощу пустити потопъ на землю і хощу потопити весь миръ.» — На л. 21 изображена жена Ноева, сидящая на скамьѣ, въ видѣ престола. Дьяволъ подаетъ ей хмѣлевую вѣтку. Внизу подпись: «И пріиде сотона к женѣ Ноевѣ і принесе ветвъ хмѣлевую і рече ей в семъ овощу сотвори квасу и дай мужеви своему і доспроси у него куды онъ отъ тебя ходитъ.» — На л. 22 изображено: Ной и жена его сидятъ на такой же лавкѣ. Между ними сосудъ въ видѣ чайника, около него рюмка. Въ стѣнѣ за ними окно; въ окно смотритъ самъ сатана. Внизу подпись: «Бесѣдуетъ Ной з женою своею и рече жена Ноева повѣжд ми гдне куды ходиши, и Ной поведа женѣ своей а сотона слушаетъ у окошка.» Извѣстно, по апокрифическому сказанію, что сатана послѣ того раззорилъ ковчегъ. На л. 23 изображенъ раззоренный ковчегъ. Внизу подпись: «Пріиде Ной на гору и виде ковчегъ разоренъ и нача плакати і агглъ Гднь даде ему древо а ему рече, за что повѣдалъ еси дѣло свое женѣ своей.»

Вотъ еще новый фактъ ко многимъ другимъ, явственно свидѣтельствующимъ о любопытной связи народной, безъискусственной поэзіи съ древнерусскою литературою и искусствомъ! [1]) Безусловно осуждать народные вымыслы въ грубости и нелѣпости очень легко съ высоты нашихъ мнимыхъ просвѣщенныхъ взглядовъ и съ точки зрѣнія чопорныхъ условныхъ приличій. Для такого бездоказательнаго осужденія нужно только какъ можно меньше знать убѣжденія и вѣрованія простаго народа и древне-русскую литературу. Отъ того-то мнимо-просвѣщенное невѣжество такъ и падко на осужденія, оскорбительныя для русской народности. Но когда будетъ указано, что эти народные вымыслы коренятся на многовѣковыхъ преданіяхъ русской жизни, и что въ нихъ выражается не только вліяніе нашей древней письменности, но и сама духовная жизнь народа, со всѣми ея свѣтлыми и темными

[1]) См. приложеніе къ этой статьѣ. *Ред.*

сторонами; тогда эти вымыслы должны будутъ обратить на себя болѣе серьёзное вниманіе всякаго благомыслящаго человѣка. Правда, что въ нихъ много нелѣпаго: но вѣдь это не книга, не вещь какая-нибудь, которую можно сожечь или какимъ другимъ способомъ уничтожить. Это понятія и убѣжденія, думы и гаданія самого народа во всей ихъ наивной наготѣ, переданныя въ словѣ. Жили они въ устахъ многихъ поколѣній и благополучно дожили до нашихъ временъ, когда человѣколюбіе и наука по достоинству оцѣнили ихъ высокое значеніе для исторіи человѣчества.

Всякая народность болѣе или менѣе оказывалась упругою, приходя въ соприкосновеніе съ христіянствомъ, и тѣми свѣдѣніями, сказаніями и преданіями, которыя эта новая религія вносила съ собою въ новопросвѣщенную страну, и чѣмъ болѣе была развита до-христіянская народность, тѣмъ большее сопротивленіе оказывала новой религіи. Христіянство требовало забвенія всѣхъ прежнихъ языческихъ сказаній, вмѣсто которыхъ давало народу свои, не вымышленныя, истинныя сказанія и преданія. Эти послѣднія во всей чистотѣ могли быть усвоены только избранными людьми, стоявшими во главѣ христіянскаго просвѣщенія. Но вся масса народная для того, чтобъ сродниться съ новымъ міромъ христіянскихъ понятій и преданій, должна была низвести ихъ до уровня своего наивнаго пониманія и способа представленія. Именно, этимъ-то самымъ и объясняется все нелѣпое и смѣшное въ вышеприведенныхъ разсказахъ. Это неминуемый результатъ столкновенія двухъ противоположностей: ограниченной, наивной народности и безграничныхъ, всечеловѣческихъ стремленій христіянскаго міра идей.

Иногда довольно легко можно прослѣдить, какъ чуждое, въ эпоху христіянскую внесенное преданіе мало-по-малу претворяется въ исключительную, національную собственность. Такъ напримѣръ это очевидно на различныхъ редакціяхъ стиха о Егоріи Храбромъ. Иногда этотъ герой описывается согласно съ священными сказаніями; иногда представляется какимъ-то всемогущимъ существомъ, какъ бы творцемъ и устроителемъ всего міра; наконецъ, въ одномъ изъ стиховъ, напечатанныхъ здѣсь, онъ имѣетъ исключительный,

[illegible] въ [illegible] [illegible]. [illegible] можно видѣть замѣ- [illegible] [illegible] [illegible] до-христіанскихъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] приноровленныхъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] собственно русской [illegible]

Ѳ. Буслаевъ.

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

I.

ПѢСНЯ,

которою начинаютъ на Васильевъ вечеръ подблюдныя пѣсни.

—

Слава Богу на небѣ!
Слава!
Государю русскому по всей землѣ
Слава!
А и слугамъ его боярамъ не старѣться!
Слава!
А бы правда пошла по всей русской землѣ!
Слава!

(Московской губ.)

II.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ.

Бай да убай!
Богородица дала,

Съ небеси бросила,
Иваномъ назвала.
Бай, бай, бай!
    Ани да ани.
Малешенько,
Спитко усни,
Наше глупенько,
Бай, бай, бай,
    Наше дитятко!
Спи да усни,
Наше маленько!
Сонъ идетъ по сѣнямъ,
Дрема по терему.
    Сонъ говоритъ:
«Усыплю, да усыплю!»
Дрема говоритъ:
«Удремлю, да удремлю!» —
Бай, бай, бай
    Наше дитятко!
Спи да усни
Наше маленько!
Спи да усни,
На погостъ гости!
    Бай да люли —
Хоть сегодня умри!
А завтра къ дитёнку.
На похороны.
Кладемъ цюроцьку
    Въ могилоцьку,
Подъ бѣлъ камешекъ,
Подъ сыпуцей песокъ
Подлѣ бабушки,
Подлѣ своей родни!
    Бай, бай, бай —
Да убайкайся,
Спи, мое милое,
Спи, дорогое!
Выростешь большо́ —
    Будешь въ золотѣ ходить,
Нéнёкъ да мамокъ
Камочками дарить,

Да своихъ милыхъ подруженекъ
Лентицьками.

(Арханг. губ., зап. *С. В. Максимовъ.)*

III.

НА ПОХОРОНЫ.

За чѣмъ же я тебя,
Свѣта яснаго,
На свѣтъ спородила,
Во святое крещеніе крестила,
Во пелены пеленовала,
Во пелены камчатыя,
Во пояса шелковыя?
Свѣтъ ты мой младой и юношъ,
Юношъ сынъ возлюбленный!..

(Арханг. губ., запис. *С. В. Максимовъ.*)

IV.

ХОРОВОДНАЯ.

Вкругъ я келейки хожу,
Вкругъ я новыя хожу,
Младу старицу бужу:
«Ахъ, старица, встань!
Спасеная душа, встань!
Встань: къ заутренѣ звонятъ,
На сходъ говорятъ.
Люди сходятся,
Богу молятся.»

***

Отойди прочь, молодецъ,
Отойди прочь удалой!
Не могу я встать,

Головы поднять:
Голова моя болитъ,
Грудь-сердечушко щемитъ.

***

Вкругъ я келейки хожу,
Вкругъ я новыя хожу,
Младу старицу бужу:
«Ахъ, старица, встань!
Спасеная душа, встань:
Къ тебѣ миленькой идетъ,
Чаю-кофею несетъ,
Напиться велитъ,
Позабавиться».

***

Ахъ! встать было мнѣ,
Поскакать было мнѣ,
Поплясать было мнѣ,
Поцаловать было мнѣ!

(Подгородная Архангельск. на Кегъ-островѣ, зап. *С. Максимовъ.*)

V.

СВАДЕБНАЯ.

На горочкѣ деревцо,
На горѣ кудреватое
Высоко, тонко выросло,
Кунáми [1]) обоцвѣло.
Что подъ тѣмъ было деревцомъ,
Подъ тѣмъ подъ кудрявымъ,
Тулúлась, хоронилась
Душа красная дѣвица,
Анисья Ивановна.
Сама она похваляется

[1]) Поютъ также — *соболями.*

Похвалой своей великою,
Красотой своей дѣвочьею.
Изъ-за этого деревца,
Изъ-за этого кудряваго,
Некому меня выкупить,
Что не стомъ, да не другіемъ,
Да не цѣлою счетной тысячей!
Что заслышалъ ту похвалу
Удалой доброй молодецъ
Сергѣй Васильевичъ:
«Не хвались красна дѣвица,
«Анисья Ивановна!
«Я одинъ тебя выкуплю,
«Я безъ ста, да безъ другаго,
«Безъ цѣлой счетной тысячи;
«Съ единымъ я со *тысячкимъ*,
«Я со крестнымъ со батюшкой;
«Съ единою со сватьюшкой,
«Я со крестной со матушкой.

(Архангельск. губ., зап. *С. В. Максимовъ*).

VI.

Что не ястребъ совыкался съ перепелушкою:
Солюбился молодецъ съ красной съ дѣвушкою.
Проторилъ онъ путь дорожку, пересталъ ходить,
Проложилъ онъ худу славу, пересталъ любить.
«Насмѣялся жь ты мной, отсмѣю и я тебя:
Ты не думай простота, что я вовсе сирота:
У меня ли у младой есть два братца родныхъ,
Есть два братца родныхъ, два булатныхъ ножа.
Я изъ рукъ твоихъ ногъ коровату смощу;
Я изъ крови твоей пиво пьяно наварю,
Изъ буйной головы ендову сточу,
Я изъ сала твово сальныхъ свѣчъ налючу,
А послѣй-то тово я гостей назову,
Я гостей назову, и сестричку твою,
Посажу же я гостей на кроватушку,
Загадаю што я имъ, да загадочку,

Я загадочку неотгадливаю.
Ну да чтожь таково: я на миломъ сижу,
Я на миломъ сижу, объ миломъ говорю,
Изъ милова я пью, милымъ потчую,
А и милъ предо мной свѣчею горитъ?»
Вотъ тутъ стала сестричка отгадывати:
«А говорила, братъ, я часто тебѣ,
Не ходи ты туда, куда поздна зовутъ,
Куда поздно зовутъ, да гдѣ пьяне живутъ».

(Колина, Малоарх. уѣзд.)

VII.

СВАДЬБА ГРОЗНАГО.

Пріутихло-пріуныло море синее,
Глядучись-смотрючись со черныхъ кораблей,
И со тѣхъ марсовъ карабельныихъ
И со тѣхъ трубочекъ подзорныихъ
И на тѣ на круты красны бережки.
Пріутихли-пріуныли круты красны бережки,
Глядючись-смотрючись съ черныхъ кораблей,
И со тѣхъ марсовъ карабельныихъ,
И со тѣхъ трубочекъ подзорныихъ,
И на тѣ на горы высокія,
И на тѣ на поля зеленыя.
Пріутихли-пріуныли поля зеленыя,
Глядючись-смотрючись на государевъ дворъ.
Преставляется царица благовѣрная,
Молодая Софья дочь Романовна:
Въ головахъ сидятъ два царевича,
Въ ногахъ сидятъ млады двѣ царевны,
Супротивъ стоитъ самъ Грозенъ царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Говоритъ царица таковы рѣчи:
«Ужь ты слушай, царь, послушай-ко,
Что я тебѣ царица новыскажу:
Не будь ты яръ, будь ты милостивъ,
До своихъ до младыхъ двухъ царевичевъ;
Когда будутъ они во полномъ умѣ

И во твердомъ будутъ разумѣ,
Тогда будетъ оборона отъ новыхъ земель.
Еще слушай, царь, ты послушай-ко:
Когда будутъ дѣвицы въ полномъ умѣ,
Во полномъ умѣ, въ твердомъ разумѣ,
Ты тогда отдавай дѣвицъ за мужъ.
Еще слушай, царь, ты послушай-ко:
Что я тебѣ царица повыскажу,
Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
До своихъ князей, до своихъ думныхъ бояръ,
И до того ты до дядюшки любимаго,
И до своего ты до крестнаго батюшки,
До того Богдана Сирскаго:
И тутъ твоя дума крѣпкая!
Еще слушай, царь, ты послушай-ко:
Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
До своихъ солдатушокъ служащіихъ:
И тутъ твоя сила вѣрная!..
Еще слушай, царь, ты послушай-ко:
И не будь ты яръ, будь ты милостивъ
До всего народу православнаго,
Еще слушай, царь, ты послушай-ко,
Что я тебѣ царица принакажу.
Принакажу и повыскажу.
Когда я, царица, преставлюся,
Не женись ты, царь, въ проклятой Литвѣ,
На той ли Марьѣ Темрюковнѣ,
А женись ты, царь, въ каменной Москвѣ,
На той Супавѣ татарскіе,
Хоша есть у ней много приданаго,
Пановей, улановей и злыхъ поганыхъ Татаровей,
Есть у ней брателко родимое,
Молодой Кострюкъ сынъ Темрюковичъ».
И тутъ царица преставилась.
Тутъ царицѣ славу поютъ.
Прошло времени три мѣсяца,
Похотѣлъ сударь Грозенъ царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
И покатился онъ во ту ли матушку проклятую Литву,
Покататися и женитися
На той на Марьѣ на Темрюковнѣ.

Онъ не слушалъ своего крестнаго батюшки,
И того Богдана Сирскаго,
Пріѣзжалъ онъ скоро въ проклято Литву,
И бралъ онъ Марью Темрюковну
И со тѣмъ со брателкомъ родимымъ,
Кострюкомъ Темрюковичемъ.
Отправлялся онъ изъ проклятой Литвы.
Не дошелъ онъ матушки каменной Москвы,
Равномѣрныхъ верстъ пятисотныихъ:
За сто верстъ становилъ онъ свою силу армію,
И сходилъ онъ скоро со добра коня,
И бралъ онъ чернильницу вольянскую,
И бралъ перо лебединое,
И бралъ бумагу-листъ гербовыя,
И писалъ онъ скоро посоленъ листъ,
И посоленъ листъ на золотъ столъ,
Своему дядюшкѣ любезному
И крестному батюшку Богдану Сирскому:
«Дядюшка Богданъ ты мой Сирскій!
Стрѣнь ты меня съ честью и съ радостью,
И со тѣмъ пѣтьемъ божьимъ церковнымъ,
И со тѣмъ со звономъ колокольнымъ,
Со той пальбой пушечной».
Отправлялся его скорой гонецъ,
Скорой гонецъ и скорой посолъ.
Не стрѣтилъ его дядюшка любимый
За сто верстъ;
Не дошелъ онъ матушки каменной Москвы
Равномѣрныхъ верстъ пятисотныихъ,
За двадцать за пять становилъ онъ свою силу-армію,
Отправлялъ скора гонца,
Скора гонца и скора посла,
Чтобы чистить улицы широкія,
Исправить фатеры дворянскія,
Гдѣ стоять моей силѣ-арміи,
И привалишалъ онъ въ матушку камену Москву.
И не стрѣтилъ его любезной дядюшка,
И тотъ Богданъ Сирскій.
Не съ пѣтьемъ божьимъ-церковнымъ,
И не съ тѣмъ звономъ колокольнымъ,
Не съ той пальбой пушечной

Заѣзжалъ сударь грозенъ царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
И во ту церковь божію,
Принималъ златы вѣнцы
И со той Марьей Темрюковной.
На той на радости великія
Заводилъ онъ почестенъ пиръ,
На всѣхъ на князей, на думныхъ бояръ,
На сильныхъ могучихъ богатырей.
Солнышко идетъ къ западу,
И къ западу идетъ ко закату,
А почестенъ пиръ на весело,
И всѣ въ пиру пьяны-веселы.
Говоритъ ему шуринъ любимой,
Молодой Кострюкъ сынъ Темрюковичъ:
«Ай ты мой зятюшко любезный!
Грозенъ ты царь, Иванъ Васильевичъ!
Есть ли у васъ въ каменной Москвѣ
Борцы-молодцы пріученые,
Кабы мнѣ съ ними поборотися?»
Требовалъ сударь грозенъ царь,
Грозенъ царь Иванъ Васильевичъ.
Борцей-молодцей не случилося,
Только случился Васенька хромоногенькой,
На лѣву ножку онъ припадываетъ,
По двору прихрамываетъ
И ко двору государеву придвигается,
И входитъ въ палаты царскія.
И говоритъ Кострюкъ сынъ Темрюковичъ
Своему зятелку любезному:
«Чортъ у васъ, не борцы-молодцы
И не пріученые.»
Говоритъ Вася хромоногенькой:
«Ай же ты сударь-таки Грозенъ царь!
Ежели Богъ пособитъ, Николя поможетъ
Кострюка побороть,
Изъ платья вонъ его вылупить,
И по двору его нага спустить.»
Говоритъ сударь грозенъ царь,
И грозенъ царь Иванъ Васильевичъ:
«Ежели бы тебѣ Богъ помогъ,

И Никола пособилъ Кострюка побороть,
Изъ платья вонъ его вылупить,
И по двору нага пустить:
Пятьдесятъ рублей тебѣ жалованья.»
На лѣвую ножку онъ, Вася, припадывалъ,
А правой ножкой подхватывалъ,
И металъ Кострюка о кирпичной полъ,
На брюхѣ его кожа треснула,
На хребтѣ его кожа лопнула,
Изъ платья онъ его ногой вылупилъ.
Не Кострюкъ былъ Темрюковичъ,
Да и не брателко-то ей былъ родимое —
Была поляница удалая.
Бралъ царь свою Марью Темрюковну,
И велъ онъ въ далече чисто поле,
Стрѣлялъ онъ ей въ ретиво сердце;
Тутъ ей и славу поютъ.
Тогда слушалъ онъ своего дядюшку любезнаго,
И Богдана того Сирскаго,
И женился онъ въ каменной Москвѣ,
Въ каменной Москвѣ, на святой Руси.

(Архангг. губ., зап. *С. В. Максимовъ.*)

VIII.

СВАДЬБА ГРОЗНАГО.

(начяло то же)

Преставляется царица благовѣрная,
Молодая Софья дочь Романовна,
При смерти она наказываетъ,
Наказываетъ и доспрашиваетъ:
«Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
Будешь ли послѣ меня женитися,
Али ты надежа-царь будешь холостъ ходить,
Холостъ ходить не женатой слыть?»
Говоритъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Я не буду послѣ тебя женитися,
Надежа-царь буду холостъ ходить,

Холостъ ходить, не женатой слыть»
Говоритъ царица-благовѣрная:
«Ай же ты грозный царь, Иванъ Васильевичъ!
Не мини меня, не омманывай,
Будешь послѣ меня женитися,
Во тойли матушкѣ проклятой Литвѣ,
На тойли на Марьѣ Темрюковнѣ.
Принесетъ она рубашки красна золота,
Не моги надѣть на двухъ ясныхъ соколовъ,
Надѣнь на двухъ псовъ ядовитыихъ,
Увидишь тутъ чудо великое.
За тѣмъ будь добръ да милостивъ
До тѣхъ двухъ ясныхъ соколовъ, до царевичей.
Будь ты добръ, будь ты милостивъ
До тѣхъ до слуговъ вѣрныехъ,
До того народу христіянскаго.»
За тѣмъ преставилась царица благовѣрная,
Молодая Софья дочь Романовна.
За тѣмъ женился царь въ проклятой Литвѣ,
На той на Марьѣ на Темрюковнѣ.
Принесла она рубашки пасынкамъ красна золота,
Надѣли какъ на псовъ ядовитыихъ,
Тѣхъ псовъ розорвало.
За тѣмъ сталъ грозенъ царь,
Грозенъ царь Иванъ Васильевичъ,
Сталъ его дядька спрашивать:
«Зачѣмъ исхудалъ?» — Не могу
Поляницой удалой владѣть:
Руку ногу закинетъ на меня жена,
Не могу духу перевести.
. . . .
. . . .

(Тутъ старуха спуталась и не хотѣла продолжать дальше, «стыдно де: не хорошее такое поется», такъ и не добился...)

(Арх. губ., зап. *Максимовъ*).

IX.

Грозенъ былъ воинъ царь нашъ батюшка,
Первый царь Иванъ Васильевичъ:

Сквозь дремучій лѣсъ съ войскомъ-силою
Онъ прошолъ въ страну татарскую,
Сѣе царство взялъ казанское,
Господарство астраханское,
Вывелъ Перьфила изъ Нова-города:
Не вывелъ измѣну въ каменной Москвѣ.
То царьско серьче разгоралося,
Пусче огня, пусче полымя.
Вотъ сказалъ онъ рѣчью громкою:
«У меня дзе—есть всяки мастеры,
Есть такія разны дохтуры.
Но всѣ прячутся, старый за малаго,
И хоронются, — малый за стараго,
А одинъ изъ нихъ лишь не прятсчется,
То Малютка—палачъ, то Гурбатовъ сынъ.
Ну пойди-ко сюда! гой Гурбатовъ сынъ!
Сослужи-ка небось службу вѣрную,
Службу вѣрную, неизмѣнную;
Во полаты ступай въ царски каменны,
Взявъ царевича тамъ за черны кудри
Разпоясни съ него шелковый поясъ,
Золотой перстенекъ сними со правой руки,
Отведзи самого на Москву рѣку,
Впрямъ на мѣсто на то,—мѣсто Лобное,
И на плаху на ту,—что на липову
И сними тамъ съ него буйну голову,
А мнѣ къ явкѣ подай саблю острую,
Саблю вострую въ горючей его рудзѣ».
И увидзѣлъ то Ѳедоръ Ивановичъ,
Ѳедоръ Ивановичъ, — Пожарской сынъ,
Изъ косясчита изъ окошечька.
Пропустивши царя вдоль по улицѣ,
Вдоль по улицѣ,—вдаль отъ терема
Какъ воскликнетъ онъ къ ко Гурбатову:
«Ой ты гой еши, Гурбатовъ-палачъ!
Не за свой ты кусъ принимаешся
Самъ кусомъ такимъ подавишся».
И Пожарской позвалъ слугу вѣрнаго,
Слугу вѣрнаго, свово стряпчаго,
Свово стряпчаго что не лудчива,
Что не лудчива,—свово клюшничка

«На, сними(?) — онъ пробилъ съ него голову, —
Снеси саблю къ царю,—въ горючей рудзѣ.
А къ царевичу не причаствуйся.»
Вотъ на утро царь Иванъ Васильевичъ
На поминки собралъ поголовно народъ.
Онъ бояръ повелѣлъ во медвѣжны вшивать,
Во медвѣжны вшивать, по Мосвѣ рѣкѣ пусчать,
А поповъ приказалъ во кули зашивать,
Во кули зашивать,—по Мосвѣ рѣкѣ пусчать:
Что царевича,—не засчюняли.
Вотъ съѣзжаются всѣ во платьи чернаимъ,
Въ платьи чернаимъ,— во печальнаимъ,
А ѣдзетъ лишь Ѳедоръ Ивановичъ
Ѳедоръ Ивановичъ, — Пожарской сынъ
Пожарской сынъ, во нарядзѣ цвѣтномъ,
Во нарядзѣ цвѣтномъ, — въ яркомъ золотсѣ,
И кони его всѣ обряжены,
Всѣ обряжены что не лудчія;
А веселье въ самомъ, — такъ не кроится.
Вотъ увидѣлъ его царь Иванъ Васильевичъ.
Какъ воскликнетъ онъ громкимъ голосомъ:
«Охъ ты гой еши, Ѳедоръ Ивановичъ,
Ѳедоръ Ивановичъ, — Пожарской сынъ!
Аль объ горѣ моемъ ты не извѣдался,
Что орядитца поспѣлъ, словно въ радосный пиръ?»
А Пожарской сынъ отвѣчаетъ царю:
«А я, батсюшка царь, все въ отлучкѣ гулялъ,
Все въ отлучкѣ гулялъ за охотою,
И поймалъ сокола, что не лутчава,
Что не лутчава, тсеэ ближнява,
Ты сына тсеэ роднаго.»
И возрадовался царь, и отвѣтствовалъ ему:
«Ужь ты гой еши, Ѳедоръ Ивановичъ,
Ѳедоръ Ивановичъ — Пожарской сынъ!
Вѣдь не мнѣ бы царемъ, а тсеэ должно быть:
Ты умѣлъ соблюсти царски сѣмены!»

(Княгининскаго уѣзда, с. Спѣшнева.)

X.

Романъ князь, Митріевичъ младъ,
Поѣзжалъ онъ въ чисто поле,

Собирать дани за тѣ годы за старые,
И унимаетъ его княгиня Марья Юрьевна:
«Душенька Романъ князь, сударь Митревичъ!
Ни уѣдь ты въ далеко чисто поле,
Собирать тѣ дани, сударь пошлины:
Какъ ночесь мнѣ, Марьѣ Юрьевнѣ,
Мало спалось, много видѣлось,
Много видѣлось, во снѣ грезилось:
Будто спалъ у меня, у Марьюшки, злаченъ перстень
Со меньшова перста, съ мизеночка,
И разсыпался на мелкія зернотка, на мушенки;
Тутъ изъ далеча, далеча, изъ чиста поля,
Прилетѣло стадо черныхъ вороновъ,
Расклевали мой Марьюшкинъ злаченъ перстень.
Кто бы могъ мой сонъ теперь розсудить?»
Говоритъ князь Романъ, сударь Митріевичъ:
«Ты не плачь, княгиня Марья Юрьевна,
Юрьевна, ты лебедь бѣлая!
Я какъ съѣзжу въ далеко чисто поле,
Такъ сыщу тамъ много знахарей,
Что могутъ тебѣ розсудить твой сонъ.»
Говоритъ княгиня Марья Юрьевна:
«Ты душенька, Романъ князь, сударь Митревичъ,
Не надо мнѣ твоихъ много знахарей;
Я могу этотъ сонъ сама весь розсудить:
Какъ ты уѣдешь въ далече чисто поле,
Такъ изъ той земли изъ бусурманскія,
Наѣдутъ многи поганы Татарове,
На трехъ-червленыхъ новыхъ корабляхъ,
Увезутъ миня княгиню Марью Юрьевну».
Ничего князь Романъ не побаровалъ (sic),
И уѣзжалъ въ далече чисто поле.
Въ ту пору, въ то время
Пріѣзжали поганы Татарове,
На трехъ червленыхъ новыхъ корабляхъ.
Тутъ княгиня въ побѣгъ пошла,
Выходила изъ высока нова терема
На новыя сѣни,
Со новыхъ сѣней на широкой дворъ,
Съ широка двора въ зеленый садъ.

Тамъ приздынула яблонь кудреватую,
И садилась подъ яблонь кудреватую.

—

А тѣ поганы Татарове,
Выѣзжали на крутой красенъ бережокъ,
Приходили въ высокъ теремъ.
Туто ходитъ Марьина протомойница;
Они туто взяли плеточки шелковыя,
Стали тута бить Марьину протомойницу:
«Ты скажи намъ, скажи, не утай скажи:
Ты ли есть княгиня Марья Юрьевна?»
И говорила имъ Марьина протомойница:
«Я есть не княгиня Марья Юрьевна,
Я есть Марьина протомойница».
Они стали туто бить Марьину клюшницу:
«Ты скажи намъ, скажи, не утай скажи:
Ты ли есть княгиня Марья Юрьевна?»
И говорила имъ Марьина ключница.»
«Я есть не княгиня Марья Юрьевна,
Я есть Марьина ключница.»
И стали они Марью отыскивать:
Выходили они изъ высока нова терема·
На новы сѣни,
Со новыхъ сѣней на широкой дворъ,
Съ широка двора во зеленой садъ.
Приздынули тутъ яблонь кудреватую,
И нашли княгиню Марью Юрьевну,
Стали Марьюшку допрашивать:
«Скажи: ты ли есть княгиня Марья Юрьевна,
— «Нѣтъ я не княгиня есть Марья Юрьевна?»
Я есть Марьина постельница.»
Тутъ они брали плеточки шелковыя,
Стали ее бить, не жалѣючись,
И стали ее снова доспрашивать:
«Скажи, скажи, не утай-скажи:
Ты ли есть княгиня Марья Юрьевна»?
Тутъ она и сказалась имъ:
«Я есть княгиня Марья Юрьевна».

Взяли они княгиню за бѣлы руки,
И вели на пристань корабельную,
И привозили къ Батышу на червленъ корабль,
Беретъ ее Батыша за бѣлы руки,
И цѣлуетъ княгиню въ сахарны уста.
Говоритъ княгиня Марья Юрьевна:
«Ой же ты, Батышъ царь Батурьевичъ!
Не цѣлуй ты меня въ сахарны уста,
Не скверни устовъ моихъ сахарныхъ,
Когда привезешь въ землю бусурманскую.... »

Дальше пѣвецъ не зналъ и ссылался на второй варіантъ. (1 августа 1856. Калгалакша, 110 верстъ отъ Кеми на Бѣломъ морѣ.)

(Зап. *С. В. Максимовъ*)

XI.

Жилъ былъ князь Романъ Митріевичъ,
Съ женкой спалъ, и ей привидѣлось ночью,
Что у ней перстень спалъ съ правой руки,
Съ правова перстечка съ мезеночка,
И разсыпался на мелкія зернотка;
Она всѣ собрала, одного не могла отыскать:
«Даемъ мы знать по всѣмъ землямъ, по всѣмъ ордамъ;
Чтобы твой сонъ разсудили,
Чтобы твой сонъ разсказали».
— «Я свой сонъ сама разсужу,
Я свой сонъ сама разскажу:
Прибѣгутъ ко мнѣ изъ-за моря
Три червленыехъ, три корабля,
Увезутъ меня Марью за сине море,
За сине море за соленое,
Ко тому Мануилу сыну Ягайлову».
Онъ не слушалъ тѣхъ рѣчей.
Онъ ушелъ скорѣй въ тихи мелки заводи,
Стрѣлять гусей, бѣлыхъ лебедей,
Маленькихъ пернастыхъ сѣрыхъ уточекъ:
Она сѣла къ окошечку косящату (косящету),
И глядитъ: бѣжатъ изъ-за моря,

Изъ-за моря изъ-за синя,
Три чорныхъ, три корабля,
Приворачиваютъ къ нимъ въ гавань корабельную,
И видитъ Марья — увезутъ меня,
За сини моря, за соленыя.
Она запирала окошечко ковшивчето,
Пошла по палатѣ бѣлокаменной,
Изъ бѣлыхъ палатъ на новы сѣни,
Съ новыихъ сѣней на красно крыльцо,
Съ краснаго крыльца на дубовый мостъ,
Съ дубоваго моста на тропиночку,
По тропиночкѣ Марья въ чисто поле,
И засѣла подъ яблонь кудреватую.
И прибѣгали три кораблика, три черныихъ,
Прямо въ гавань корабельную,
Подбирали парусы полотняны,
И метали якори булатные,
И выпущали *шеенки* [1]) шелковыя,
И спущали на воду шлюпку легкую,
И садились въ шлюпочку, пріѣхали
Прямо въ гавань корабельную,
И шли въ палаты бѣлокаменны,
И искали Марью: не могутъ найти!
Одинъ былъ воръ поваренный дѣтинушка,
Не искомъ ищетъ — слѣдочки выправливаетъ,
Выравниваетъ, да вырѣзываетъ,
По тропиночкѣ Марьи слѣдочки выправливаетъ,
Дѣтинушка поваренный вырѣзываетъ,
И нашелъ ее подъ яблонью кудреватою.
«Ты ли есть Марья Юрьевна?»
— Я не Марья Юрьевна,
Я Марьина служаночка.
«Скажи, ты ли есть Марья Юрьевна».
Я есть Марья Юрьевна, лебедь бѣлая.
Онъ и бралъ ее за ручки бѣлыя,
И за тѣ ли перстни злаченыя,
И увозилъ ее на червленомъ на караблѣ,
За сине море, за соленое.
И пришелъ дѣтинушка поваренный
Къ Мануилѣ сыну Ягайлову;

[1]) Ширинки—лѣсенки.

Онъ встрѣчаетъ его съ честью, съ радостью,
Онъ бралъ Марью за руки за бѣлыя,
За тѣ ли перстни злаченые,
Онъ хочетъ цѣловать ее въ сахарны уста.
Говоритъ ему Марья Юрьевна:
«У насъ до трехъ годовъ не цѣлуются, не обнимаются.»
И ушелъ Мануйло Ягайловичъ
На тихи мелки заводи,
Стрѣлять гусей, бѣлыхъ лебедей,
Маленькихъ перистыхъ сѣрыхъ уточекъ;
Пойдучи, матери наказывалъ:
«Дай ей нянюшекъ служаночекъ,
Ежели она закручинится».
Она сидѣла у окошечка косивчита,
Глядѣла въ околенку стекольчату.
Вотъ мать его идетъ, спрашиваетъ:
«Чего ты сидишь у окошечка у кошивчита,
Чего плачешь, уливаешься?»
—«Сегодня у меня на Руси великъ праздникъ,
Великъ праздникъ Свѣтло Христово Воскресеніе:
Гуляютъ жены христіанскія,
Купеческія, министерскія, крестьянскія,
И послѣднія жены солдатскія,
И голи кабацкія;
А я сижу у окошечка,
Проливаю свои слезы горючія.»
Мать дала ей нянечекъ, служаночекъ въ сады гулять,
И дала напитковъ всякихъ разныехъ,
И дала козла любимова Моналинова.
Она напоила нянекъ до пьяна,
Что няньки лежатъ сами безъ себя.
Вотъ она взяла козла зарѣзала;
Пришла Марья на гору высокую,
Скидавала свое платье цвѣтное,
Надѣвала на лѣсиночку,
И пошла съ горы,
Ей на встрѣчу быстра рѣка.
И быстра рѣка идетъ,
Что громъ гремитъ,
И возмолилась Марья быстрой рѣкѣ:
«Ой же ты мать, Дарья-рѣка!

Сдѣлайся по женскимъ перебродищамъ,
Станьте переходы узкіе, переброды мелкіе,
Пропустите Марью Юрьевну!»
И рѣка Марьи послушалась,
Сдѣлалась по женскимъ перебродищамъ,
Перебрела она чрезъ быстру рѣку,
Пошла она впередъ попадать,
И пришла ей больше того рѣка.
Она видитъ, что перейти нельзя;
Смотритъ: плаваетъ на другой сторонѣ колода бѣлодубова,
И взмолится Марья той колодѣ бѣлодубовой:
«Ой же ты колода бѣлодубова!
Перевези меня черезъ быстру рѣку,
А выйду на святую Русь,
Вырѣжу тебя на мелки кресты,
На чудны образы,
И вызолочу червоннымъ краснымъ золотомъ».
И колода ея послушалась:
Перевезла ее черезъ быстру рѣку.
И пришла Марья Юрьевна
Ко Роману Митріевичу,
Сама взговоритъ таковы рѣчи:
«Ой еси ты Романъ князь Митріевичъ!
Вывеземъ мы колоду бѣлодубову
На святую Русь,
Вырѣжемъ на мелки кресты,
И на чудны образы,
И вызолотимъ червоннымъ краснымъ золотомъ».
И вывезли ту колоду бѣлодубову
На святую Русь,
И вырѣзали на мелки кресты,
И на чудны образы,
И вызолотили червоннымъ краснымъ золотомъ,
И разослали по всѣмъ церквамъ.

(Арханг. губ., зап. *С. В. Максимовъ.*)

XII.

ПѢСНЯ ПРО КНЯЗЯ ВОЛХОНСКАГО, ДА ПРО ВАНЬКУ КЛЮШНИКА.

Во Москвѣ было во городѣ, на Сѣнной было площади,
Тамъ стояли-то хоромы, хоромы высокіе,

Что того ли-то и князя, самаго Волхонскаго.
Что и жилъ-то тамъ Волхонскій со своей княгинею,
Что и жилъ тамъ-то Ванюша, Ваня, князю клюшничикъ,
Молодой его княгини вѣрной полюбовничикъ.
Что и годъ живетъ Ванюша съ княгиней, другой живетъ,
Вотъ на третій годъ-годочекъ самъ князь да довѣдался,
Что отъ самой отъ послѣдней дѣвки сѣнной горнишной.
Вотъ выходитъ князь Волхонскій на свой на красенъ крылецъ,
Какъ возгаркнетъ князь, воскликнетъ своимъ громкимъ голосомъ:
«Да и слуги, мои слуги, слуги мои вѣрныя!
Вы идите, приведите вора Ваньку клюшника.»
Какъ идетъ Ванюша-Ваня черезъ княжій дворъ:
Какъ на Ванюшкѣ рубашка вѣтромъ раздувается,
Какъ у Ванюшки кудерцы, кудри завиваются...
Какъ возговоритъ князь, воскликнетъ своимъ громкимъ голосомъ:
«Ты скажи, скажи, Ванюша, скажи, варваръ . . . . . сынъ!
Ты съ которой поры-время живешь со княгинею?»
— Что я знать того не знаю, вѣдать я не вѣдаю.—
Какъ и сталъ-то князь Ванюшу пытать, крѣпко спрашивать,
Не добился князь Волхонскій *таей* правды-истины.
Какъ воскликнетъ князь, возгаркнетъ своимъ громкимъ голосомъ:
«Ужь вы слуги мои, слуги, слуги мои вѣрны*я*!
Вы берите-тко, беритя заступы желѣзны*я*,
Ужь вы ройтя-тко, копайтя двѣ ямы глубокія,
Ужь вы ставьте-тко, становьтя два столба точоны*я*,
Перекладинку кладит*я*, слуги, вы кленовая.
Вы идитя приведитя вора Ваньку клюшничка.»
Вотъ ведутъ, ведутъ Ванюшу, Ваню черезъ княжій дворъ,
Какъ у Ванюшки-Ванюши руки-ноги скованы,
Руки ноги въ Вани скованы, да все переломаны....
Вотъ идетъ, идетъ Ванюша, Ванюшка шатается;
А и князь-то да Волхонскій стоитъ, ухмыляется;
Молодая-то княгиня въ теремѣ слезми заливается.
Какъ воскликнетъ князь, возгаркнетъ своимъ громкимъ голосомъ:
«Ты скажи, скажи Ванюша, скажи правду-истину.»
—Ужь позволь, позволь Волхонскій, позволь Вани пѣсню спѣть,
Что и пѣсню Вани, пѣсню, пѣсенку послѣднію:
Что и было, князь Волхонскій, попито-поѣдено,
Во краснѣ было, Волхонской, въ хорошѣ похожено;
На кроватушкѣ тесовой *вв* насъ было полежено,

Да за бѣлыя-то за груди *въ* насъ было похватано,
Во уста-то во сахарны было поцаловано,
Съ одного плеча, Волхонскій, было *въ* насъ поношено!...
Какъ воскликнетъ князь, возгаркнетъ своимъ громкимъ голосомъ:
«Да и слуги мои слуги, слуги мои вѣрныя,
Ужь вы вѣшайте Ванюшу, вора Ваньку клюшничка!»
Вотъ повѣсили Ванюшу,—Ванюшка качается.....
Молодая-то княгиня въ теремѣ кончается.....

(Орловск. губ.)

XIII.

ПѢСНЯ ПРО ОСАДУ СОЛОВЕЦКАГО МОНАСТЫРЯ.

На Москвѣ было, на базарѣ,
Собиралися бояре;
Выбирали бояре
Изъ бояръ воеводу,
Выбирали Ивана Петрова,
Изъ того ли изъ роду Салтыкова,
Передъ царскія очи становили.
Какъ возговоритъ православный царь,
Алексѣй-то Михайловичъ,
Его царское величество:
«Охъ ты гой еси, большой бояринъ,
Ты любимый мой воеводушка!
Ты ступай-ка ко морю ко синему,
Ко тому острову ко большому
Ко тому къ монастырю ко честному,
Къ Соловецкому;
Ты порушь вѣру старую, правую,
Постановь вѣру новую, неправую».
Какъ возговоритъ большой бояринъ,
Любимый царскій воеводушка:
«Охъ ты гой еси, православный царь,
Алексѣй Михайловичъ,
Твое царское величество!
Нельзя объ томъ и подумати,
Нельзя объ томъ и помыслити:
Какъ порушить вѣру старую, правую,

Какъ поставитъ вѣру новую, неправую!»
Царь разозлился,
Царь распалился,
Воевода прогрѣшился.
Какъ возговоритъ большой бояринъ,
Любимый царскій воеводушка:
«Охъ ты гой еси, православный царь,
Алексѣй Михайловичъ,
Твое царское величество!..
Ужь и дай мнѣ силу не малую, не великую:
Сорокъ полковъ, да все тысячныхъ,
Сорокъ пушекъ, да все мѣдныихъ,
Зелья, пороху сколько надобно».
Какъ и было въ самый ли Петровъ-то день,
Какъ на синемъ было морюшкѣ,
На большомъ было на островѣ,
Во честномъ монастырѣ было
Отошла честна заутреня,
Пономарь звонилъ къ обѣденкѣ,
Честны старцы пѣли молебены;
Какъ бѣжитъ пономарь,
Неразумный звонарь:
«Охъ вы гой еси честны старцы!
Какъ идетъ сила не малая, не великая,
Сорокъ полковъ, да все тысячныхъ,
Сорокъ пушекъ, да все мѣдныихъ,
Зелья, пороху сколько надобно,
Да все войско православное,
Не то идутъ они ратиться,
Не то идутъ они молитися».
Охъ ты глупой звонарь,
Неразумный пономарь,
Да то войско православное,
Не идетъ оно ратиться,
Идетъ оно молитися!
На ту пору пушкари были догадливы:
Брали ядрушко каленое,
Забивали во пушечку мѣдную,
Палили во тотъ во честной монастырь.
Въ Соловецкій.

(Записано на чугунѣ 1858 г. марта, отъ орловскаго мѣщанина.)

XIV.

Заводилася война
Середи бѣла дня;
А что начато палить,
Только дымъ столбомъ валитъ;
Каково есть красно солнышко,
Не видно во дыму!
Только видно во дыму:
Не ясенъ соколъ летитъ,
Добрый молодецъ гуляетъ,
Онъ по крутой по горѣ,
Самъ на ворономъ конѣ;
По казакомъ проскакалъ,
Два словечика сказалъ:
«Вы казаки, вы казаки,
Военные мои,
Удалые молодцы!
Безъ размѣрушки пейте,
Зеленаго вина,
Посмѣлѣе поступайте,
Со Французомъ воевать»!
— Ужь мы рады воевать,
Слезны капли проливать!
Не пыль въ полѣ пылитъ,
Не дубровушка шумитъ:
Французъ съ арміей валитъ!
Онъ валитъ, таки валитъ,
Самъ подваливаетъ,
Самъ подваливаетъ,
Рѣчь выговариваетъ:
«Еще много генераловъ —
Всѣхъ въ ногахъ стопчу;
Всея матушку Россеюшку
Въ полонъ себѣ возьму,
Въ каменну Москву зайду!»
Генералы испугались,
Платкомъ слезы утирали,
Въ поворотъ слово сказали:
«Не бывать тебѣ, злодѣю,

Въ нашей каменной Москвѣ!
Не видать тебѣ, злодѣю,
Бѣлокаменныхъ церквей;
Не стрѣлять тебѣ, злодѣю,
Золотыхъ нашихъ крестовъ!»
На лужку было лужку
Стоитъ армія въ кружку:
Лапуховъ ѣздитъ въ полку
Курилъ трубку табаку.
Для чего не курить,
Зелена вина вина не пить!
Свинца пороху довольно,
Сила во полѣ стоитъ.
Ужь мы бились, рубилися
Четырнадцать часовъ.
Съ пяти на десять пробило,
Стали силу разбирать,
Стали силу разбирать,
Стали полковничковъ считать.
Не нашли такихъ убитыхъ
Полковничковъ до семи,
Енераловъ до восьми;
Мелкой солдатской силы
Сосчитать мы не могли:
Которы на горѣ,
По колѣнъ стоятъ въ рудѣ;
Которы подъ горой,
Тѣхъ засыпало землей.
Одинъ такой лежитъ,
Таку рѣчь говоритъ:
«Вы подайте-ко, ребятушки,
Черниницу съ перомъ,
Черниницу съ перомъ,
Листъ бумаги со гербомъ;
Напишу я таку просьбу
Государю самому,
Государю самому,
Императору царю:
Еще нашъ-отъ генералъ
Много силы издержалъ:
Ужь онъ пропилъ, промоталъ,

Досталь въ карты проигралъ,
Инъ удары раздавалъ.»

(Арханг. губ., зап. *С. В. Максимовъ.*)

XV.

СТИХЪ ПРО ЕГОРІЯ ХРАБРАГО.

Во седьмомъ году восьмой тысячи
Наѣзжалъ царище Кудрянище
Ко тому ли городу Чернигову.
Онъ князей бояръ всѣхъ повырубилъ;
Благовѣрнаго князя Ѳедора
Онъ подъ мечъ склонилъ,
Голову срубилъ.
Оставалося чадо малое;
Молодой Егорей свѣтло-храбрый:
По локоть руки въ красномъ золотѣ,
По колѣна ноги въ чистомъ серебрѣ,
И во лбу солнце, во тылу мѣсяцъ,
По косицамъ звѣзды перехожія.
Онъ того, собака, не пытаючи,
Началъ Егорья-свѣта мучити
Всякими муками да разноличными.
Началъ онъ Егорья топорами сѣчь:
Топоры всѣ зубье прикрошилося,
А Егорья свѣта не уязвило,
Не уязвило, не укровавило.
Онъ, того, собака, не пытаючи,
Началъ онъ Егорья пилой пилить:
У пилы все зубье прикрошилося,
Прикрошилося, все приломалося,
А Егорья свѣта не уязвило,
Не уязвило, не укровавило.
Онъ, того, собака, не пытаючи,
Началъ Егорья водой топить,
Колесомъ вертѣть:
Колесо въ щепу все приломалося,
А Егорья-свѣта не уязвило,
Не уязвило, не укровавило.

Онъ того, собака, не пытаючи,
Началъ онъ Егорья въ котлѣ варить:
Егорей-свѣтъ въ котлѣ стойкомъ стоитъ,
Стойкомъ стоитъ, самъ стихи поетъ,
Стихи поетъ все херувимскіе,
Подъ котломъ растетъ трава муравлена,
Растутъ цвѣточки лазоревы.
Онъ, того, собака, не пытаючи,
Копалъ погреба глубокіе,
Долины погребъ двадцати саженъ,
Ширины погребъ тридцати саженъ,
Глубину погребъ сорока саженъ,
Посадилъ Егорья-свѣта съ матерью
Во тотъ погребъ во широкой:
Задергивалъ рѣшотки желѣзныя,
Желтымъ пескомъ призасыпывалъ,
Сѣрымъ каменьемъ призаваливалъ,
Муравой травой замуравливалъ.
Онъ пошелъ, собака, похваляется:
«Не бывать-ска Егорью на святой Руси,
Не видать Егорью свѣта бѣлаго,
Свѣта бѣлаго, солнца краснаго.»
По Егорьевой было по участи,
И по Божьей было по милости,
Стонка завѣвали вѣтры буйные
Изъ того изъ далеча чиста поля:
Мураву-траву всю размуравило,
Сѣро каменье все приразвалѣло,
Желты пески всѣ приразвѣяло,
Рѣшеточки всѣ приraздергало.
Выходилъ Егорей на святую Русь,
Увидалъ Егорей свѣта бѣлаго,
Свѣта бѣлаго, солнца краснаго,
Сталъ просить благословенія,
Благословенія матушки родимыя
Поѣхать къ Кудревяну Кудреянищу
Изместить обиды все родительскія.
Унимаетъ его матушка родимая:
«Не поѣзжай: у Кудревяна Кудреянища
Есть три заставы, три великія;
Первая застава великая:

Стоятъ лѣса темныя,
Они засили до неба;
И стиглому и сбѣглому проходу нѣтъ,
И удалому молодцу проѣзду нѣтъ.
А другая застава великая:
Стоятъ двѣ горы высокія,
Разойдутся, да вмѣстѣ столкнутся:
Ни стиглому, ни сбѣглому проходу нѣтъ,
Ни удалому молодцу проѣзду нѣтъ.»
Ой же ты—матушка родимая!
Пе Божіимъ все есть изволеніемъ, —
Все вражіимъ навожденіемъ! –
Поѣхалъ удалой доброй молодецъ;
Пріѣхалъ къ лѣсамъ темныемъ.
«Ой все вы лѣсы, лѣсы темные!
Полноте-ко врагу вѣровать,
Вѣруйте-ко въ Господа распятаго,
Самаго Егорья-свѣта храбраго!»
Стали лѣсы по старому,
Стали лѣсы по прежнему:
Проѣхалъ Егорей-свѣты храбрый.
Пріѣхалъ къ горамъ высокіимъ:
«Полноте-ко горы врагу вѣровать!
Вѣруйте-ко въ Господа распятаго,
Самаго Егорья-свѣты храбраго!»
Стали горы по старому,
Стали горы по прежнему;
Проѣхалъ Егорій-свѣты храбрый.
Пріѣхалъ къ рѣкѣ огненной:
«Полно-ко рѣка врагу вѣровать!
Вѣруй-ко въ Господа распятаго,
Самаго Егорья-свѣты храбраго!»
Стала рѣка по старому,
Стала рѣка по прежнему.
Колотятъ платье двѣ дѣвицы,
Двѣ русскія полоняночки.
«Ой же ты удалый добрый молодецъ!
Есть еще у Кудреяна Кудреяныча,
Есть три заставы, три великія:
Первая заставь: сидитъ надъ крыльцомъ птица:
Унесетъ тебя въ чисто поле,

Малымъ дѣтямъ да на съяденье.
Надъ крыльцомъ сидитъ змѣя лютая:
Ухватитъ тебя на хоботъ свой,
Унесетъ тебя въ чисто поле,
Малымъ дѣтямъ на съяденье.
Въ палатахъ у него есть мечь самосѣкъ,
Отсѣкетъ у тебя буйну голову».
— Все это не Божіимъ изволеніемъ,
Все вражіимъ навожденіемъ!
«Охъ ты птица, птица, лети въ чисто поле,
Хватай поганыхъ Татаровей!
Охъ ты змѣя, змѣя лютая!
Лети змѣя въ чисто поле,
Хватай поганыхъ Татаровей!
Охъ ты мечь мечь, мечь самосѣкъ,
Ссѣки у Кудреяна Кудреянища,
Ссѣки буйну голову.»

(Арханг. губ., зап. *С. В. Максимовъ*.)

XVI.

СТИХЪ ПРО ЕГОРІЯ ХРАБРАГО.

Во шестомъ году въ осьмой тысячи,
Да при томъ царѣ да при Өедору,
Да при той царицы благовѣрныя,
Да при святой Софіи премудрыя,
Спородила она да три дочери,
Да три дочери, да три любимыи,
Четвертава сына свѣтъ Егорія,
Свѣтъ Ягорія, свѣтъ Хвабрава:
По колѣни въ нево ноги въ золыти,
По локоть руки въ чистымъ серибри,
[illegible] на немъ, что ковыля трава.
[illegible] изъ той земли басурманскія,
[illegible] выѣзжалъ царь басурманища,
[illegible] всей силаю са жидовскаю;
[illegible] и рубетъ, вы полонъ беретъ!
[illegible] да три дѣвицы,

Онъ загналъ з'аграды за рубежная,
Приставлялъ кы стаду ка звяринаму,
Кы сѣрымъ валкамъ басурепымъ-жа [1]).
Онъ сталъ царища басурманища,
Онъ сталъ жа въ Ягорія распрашивать,
Распрашивати, разгаваривати:
«Какова ты роду, какова племеню,
«Али барскыва, князіянскова?»
А яму Ягорій атказываить,
А яму Хвабрый атгавариваить:
«Я таво роду христьянскава.»
Ты повѣруй вѣру ты ко мнѣ царю къ басурманищу.
Яму Ягорій атказываить,
Яму Хвабрый атгавариваить:
«Не повѣрую вѣру я къ тибѣ къ царю!
Я повѣрую вѣру къ сымаму Христу,
Сыма́му Христу—Царю Небеснаму,
Ищо матири Быгародици,
Святой Софеи премудрые,
Ищо Троицы нераздѣльный.»
Пывялѣлъ царища басурманища,
Пывялѣлъ Ягорья крѣпко мучити,
Крѣпко мучити разноличными.
Пывялѣлъ Игорія во ножи рѣзать:
У нажахъ концы пытламалися,
Мастировъ руци патымалися;
Ничаво Игорію не вредилася:
Уся яво тѣла суцѣляласи.
Пывялѣлъ царища басурманища,
Пывялѣлъ Игорія въ тапары рубить:
У тапарахъ лезья потломалися,
Мастеровъ руци апущалися.
Пывялѣлъ царища басурманища,
Пывялѣлъ Игорья ва пилы пилить:
У пилахъ зубья пывтиралися,
Мастеровъ очи помишалися;
Ничаво Игорью ни врядилося:
Уся яго тѣла суциляласи!

---

[1]) Т. е. Людей наровятъ съѣсть; такъ Ягорій волковъ прозвалъ.
(Прим. пѣвца.)

Пывялѣлъ царища басурманища,
Пывялѣлъ Ягорья на маряхъ тапить,
На маряхъ топить съ бѣлымъ каменемъ:
Ёнъ паётъ стихи херувимскія,
Да гласомъ гласить по-евангельски,
Да сверхъ жа воды Ягорій плаваить!
Ничаво Ягорью не вредилоси:
Уся яво тѣла суцилялоси.
Пывялѣлъ царища басурманища,
Пывялѣлъ Игорья вы смалѣ варить,
А смола кипить, яко громъ гремить,
А сверхъ воды Ягорій плаваить!
Ничаво Игорію ни врядилоси:
Уся яво тѣла суцилялася.
Пывялѣлъ царища басурманища,
Пывялѣлъ Ягорію яму капать;
Глубины яма сорока сажонъ,
Поперечины двадцати сажонъ.
Пысадили Ягорья въ глубаку яму,
Паталочили доски железная,
Прибивали гвоздями полуженнами,
Засыпали пясками рудожелтами;
А самъ царища басурманища,
Самъ притаптывалъ, пригаваривалъ:
«Не хадить Игорію по билому свѣту,
«Не видать Игорію сонца красныва,
«Не видать Игорію мѣсяца ясныва!»
Изъ-за горыда Русалимскава
Высхадила туча да прегрозныя,
Да прегрозныя, вятры буйная,
Разносили пяски рудажолтая,
Гранава туча доски желѣзная:
Выходилъ Ягорій да на бѣлый свѣтъ:
Увидалъ Ягорій сонца красныя,
Увидалъ Ягорій мѣсяцъ ясныя;
Пошолъ жа Ягорій да ва тотъ ва градъ,
Да ва томъ во гради нѣтъ ни старыва,
Нѣтъ ни старыва, нѣтъ ни малыва,
Только стаитъ церква саборная,
Да саборныя бываnольвыя;
Да ва той церкви вы саборныя,

Адна мать пречистая Быгародица,
Святая Сафея премудрая.
Какъ святой Игорій проглаголуеть:
«Мать пречистая Быгародица,
Святая Сафея премудрая!
Ты атдай мнѣ блааславленіе:
Пойду я къ царищу басурманищу,
Да стану за вѣру христіянскую,
Атплачу яму дружбу прежнію.»
Она яму проглаголуить:
«Ты пади ва тѣ степя,
Ты возьми каня богатырскыва,
Са всею оружію ваенныю.»
Паѣхалъ Ягорій на круты горы,
На круты горы, на талкучія;
А крутыя горы сыхадилиси,
Да негди Ягорію праѣхати.
А имъ жа Ягорій проглаголывалъ:
«А горы маи, да все крутыи!
Да вы станьте-ка-сь, горы, да по старому;
Построю на васъ церкву саборнаю,
Саборнаю, быгамольнаю.»
Вотъ та застава миноваласи!
Пыдъизжалъ Ягорій кы тямнымъ лясамъ,
А тямны лиса кы сырой земи прикланилиси.
А имъ Игорій проглаголывалъ:
«Ай вы ляса мои пріагромнаи,
Станьтя ляса па старому:
Я буду сѣчь, рубить сы малитвами,
Буду изъ васъ строить церкви соборныи,
Да соборныя, быгамольнаи».
Вотъ и та застава миноваласи!
Пыдъязжалъ Ягорій кы таму стаду,
Кы таму стаду ка звяриному;
А звѣрямъ Ягорій проглаголывалъ:
«Разойдитеся и гдѣ одинъ-два,
Пы чистымъ палямъ, пы тямнымъ лясамъ,
Да пейте, вы ѣшьте повеленная.»
Вотъ и та застава миноваласи!
Стада пасили красныя дѣвушки,
Ягоріевы родныя сестрицы.

Краснымъ дѣвицамъ Ягорей проглаголуетъ:
«Вы сойдитекаси на Кіянь моря,
Вы абмойте шерсть басурманскую;
На васъ станить тѣла христіянская,
А вѣруйте самаму Христу,
Самаму Христу, Царю небесному:
Ещо матери Быгародицы,
Во святой Софеи во премудрыя,
Пресвятой Троицы нераздѣлимыи.»
Подъѣзжалъ Ягорій кы таму дворцу.
На вратахъ сидитъ Великанъ птица,
Во носѣ держитъ Севру рыбу.
Када Севръ рыба пываротитси,
Всѣ синія моря выскалухнутси.
Рыбы Ягорій проглаголуить:
«Ходи жа ты, рыба, по синемъ мори.»
А птицы Игорій проглагольвалъ:
«Ходи жа ты, птица, крутымъ берегамъ,
Питайси жа, птица, бѣлай рыбицай.»
Пыдъѣзжалъ Игорій къ царищу басурманищу,
Всталъ царища басурманища Ягорья упрашивати,
Ягорія упрашивати, уговаривати:
«Погоди ко си ты на три года.»
А яму Игорій атказываить:
«Ни на три года, ни на три часа.»
Размахнулъ оружія ваенная,
Разсѣкъ палаты бѣлакаменны,
Досталъ царища басурманища,
Атплатилъ яму дружбу прежняю,
Дружбу прежнію, кровь гарючаю,
За тае за вѣру христьянскаю!
Слава великая Игорія похожденія!

(Орловск. губ. Малоарх. у., с. Сабурово. Пѣлъ Иванъ Кондрашевъ. 1858 г. 16 мая.)

XVII.

СТИХЪ ПРО ЕГОРЬЕВЫ МУЧЕНЬЯ.

При томъ царѣ, при Ѳедорѣ,
У его была царица благувѣрная,

Благувѣрная, благучестивая.
Спородила царица она три отрока:
Два отрока-отроковицы,
Третьяго отрока Егорья Храбраго. —
Изъ того ли изъ града изъ Китаева
Подымался невѣрный царь Диклитіанище;
Іерусалимъ, святой городъ, весь повыгубилъ;
Онъ князей и бояръ всѣхъ подъ мечъ склонилъ;
А онъ Божьи церквы всѣ на дымъ пустилъ;
Святыихъ образовъ подъ коней послалъ;
А благовѣрнаго царя Ѳедора
Онъ взялъ его, невѣрный царь, за желты кудри,
Отводилъ его далече во чисто поле;
Отрубилъ онъ мечемъ ему буйную голову.
А Егорья, отрока премладова —
Онъ мучилъ его мукамъ всякіимъ разныимъ:
Онъ пыталъ Егорья батожьемъ стегать,
Батожьемъ стегать, все желѣзныимъ;
Не взяло Егорья батожьемъ стегать:
Батожья отъ Егорья всѣ переломалися,
Мастеровыя руки опущалися;
Ничего Егорью тутъ не сдѣлалось.
Онъ пыталъ Егорья и колесомъ тереть;
Не взяло Егорья колесомъ тереть:
Колесо все отъ Егорья извертѣлося;
Ничего Егорью тутъ не сдѣлалось.
Онъ, невѣрный царь Диклитіанище,
Онъ пыталъ Егорья и пиламъ пилить;
Не взяло Егорья и пиламъ пилить:
Вси пила отъ Егорья преизгибалися;
Ничего Егорью тутъ не сдѣлалось.
Онъ пыталъ Егорья и топорамъ рубить,
И не взяло Егорья и топорамъ рубить:
Топоры всѣ отъ Егорья преломалися,
Мастеровыя руки опущалися;
Ничего Егорью тутъ не сдѣлалось.
Онъ невѣрный царь Диклитіанище,
Онъ пыталъ Егорья во смолѣ варить,
Не взяло Егорью во смолы кипѣть.
Онъ пыталъ Егорья и на воды топить,
Не взяло Егорья и на водѣ тонуть:

Онъ противъ воды, Егорій, гоголемъ плыветъ,
Гоголемъ плыветъ, самъ стихи поетъ—
Онъ стихи поетъ, Егорій, херувимскіе,
Херувимскіе поетъ по-архангельски.
Онъ, презлой, невѣрный царь Диклитіанище,
Онъ беретъ Егорья за бѣлы руки,
Отводитъ далече его во чисто поле,
На славную гору Сорочинскую.
Приказалъ онъ выкопать ему глыбокъ погребъ —
Глыбиною былъ погребъ сорока саженъ —
Посадилъ онъ свѣта Егорья во глыбокъ погребъ,
Задвигалъ онъ его рѣшетками все зелѣзными,
Засыпалъ онъ песками рудожелтыми;
Онъ дубьемъ и колодьемъ заворачивалъ;
Онъ самъ, невѣрный царь, приговаривалъ:
«Не бывать теперь Егорью на бѣломъ свѣту,
Не видать Егорью солнца краснаго,
Не слыхать Егорью повелѣнья божьяго!»
Самъ пошелъ онъ, невѣрный царь,
Во свой (во) Китай городъ,
Во свое во царство беззаконное.
Онъ Егорьевыхъ двухъ милыхъ сестеръ,
Онъ побралъ, проклятый, во полонъ къ себѣ,
Заставлялъ онъ ихъ пасти стада звѣриныя:
Звѣрей разныихъ, разноличныихъ.
Миновало тому время ровно три года:
Подымалися вѣтра буйные
На славную гору Сорочинскую;
Всѣ дубья, колодья разворачило,
И пески желтыя всѣ поразвѣяло;
Раскрывалися рѣшетки всѣ зелѣзныя;
Выходилъ Егорій вонъ изъ погреба.
Помолился Егорій на образа Спасителя;
Пошелъ Егорій Храбрый онъ въ Іерусалимъ-городъ.
Іерусалимъ, ихный городъ, весь повыгубленъ;
Только оставши во святомъ градѣ, въ Іерусалимѣ,
Единая полата бѣлокаменная
Его батюшки, царя Ѳеодора,
Да еще былъ оставши второй Давыдовъ домъ.
Взошелъ Егорій Храбрый въ свои палаты бѣлокаменны;
Онъ крестъ держалъ, Егорій, по писанному,

Онъ поклонъ покланялся до сырой землѣ
Своей матушкѣ Софьѣ, царицы благувѣрныя:
«Здравствуй, родимая, родная матушка,
Софья царица, мать благувѣрная!»
Возговоритъ Егорью родная матушка:
«Ровно три года солнце не пекло
На мои палаты бѣлокаменныя;
Но топерь мнѣ солнце возсіяло
Во моихъ палатахъ бѣлокаменныхъ.»
Онъ началъ, Егорій, просить у матери благословленія:
«Благослови, родимая, родная матушка,
Меня иттить ко злому царю Диклитіанищу,
Отплатить ему дружбу прежнюю,
Отлить мнѣ кровь своего батюшки.»
Возговоритъ Егорью родная матушка:
«Мое дитятко ты премладое,
Гдѣ жъ тебѣ иттить ко злому царю Диклитіанищу?»
Возговоритъ Егорій своей родной матери:
«Благословишь — пойду, и не благословишь — пойду.»
Благословила Егорья родная матушка,
Благословила его святымъ образомъ.
Выходилъ Егорій изъ палаты вонъ;
Онъ пошелъ, Егорій, на конюшенъ дворъ,
Выводилъ коня Егорій самолучшаго,
И садился свѣтъ-Егорій на коня храбраго.
Поѣхалъ свѣтъ-Егорій къ царю Диклитіанищу!»
Ну, на той пути, на дороженькѣ
Повстрѣчалося Егорью несчастье великое:
Напущалъ онъ Диклитіанъ на Егорья сѣрыхъ волковъ.
Возговоритъ Егорій звѣрямъ — сѣрымъ волкамъ:
«Разойдитеся вы на всѣ (на) четыре стороны,
По степямъ, по лѣсамъ, по чистымъ полямъ;
Пейте и ѣшьте вы мое повелѣнное,
Егорьево благословенное.»
Поѣхалъ свѣтъ-Егорій Храбрый къ царю Диклитіанищу;
Опять на той пути-дороженькѣ
Повстрѣчалося Егорью несчастье великое:
Посреди пути-дороженьки лежитъ тутъ змѣя горюнища:
О двѣнадцати змѣя была го́ловахъ,
О двадцати четырехъ хоботахъ.
Тутъ Егорій Храбрый пріужахнулся;

Онъ беретъ свое жезло булатное,
Жезло булатное и свой вострый мечъ.
Онъ возговоритъ, Егорій, змѣи горюницѣ:
«Отойди, змѣя, ты съ пути долой.»
Предъ нимъ змѣя она попротивилась;
Онъ разсѣкъ змѣю на мелки части,
Самъ поѣхалъ Егорій Храбрый къ царю Диклитіанищу.
Пріѣзжалъ Егорій во Китай-городъ,
Ко тому дворцу, ко царскому,
Закричалъ Егорій своимъ громкимъ голосомъ:
Узналъ царь Диклитіанъ гласъ Егорьевскій,
Выходилъ царь Диклитіанъ на свой на крутой крылецъ;
Онъ поклонъ поклонялся Егорью понизешеньки.
Возговоритъ Егорій царю Диклитіанищу:
«Ты повѣруешь ли вѣру христіанскую,
Ты состроишь ли во своемъ градѣ три церквы соборныя?»
Диклитіанъ царь нашему Богу не повѣровалъ.
Онъ беретъ, Егорій Храбрый, свой острый мечъ,
Отрубилъ Егорій Храбрый царю буйную голову,
А онъ ихное все царство беззаконное
Привождалъ во вѣру христіанскую.

XVIII.

СТИХЪ ОБЪ ОЛЕКСАФІИ.

Посторонъ святаго града Іерусалима
На земли было три царства беззаконныихъ:
Первое царство былъ Содомъ городъ,
А второе царство былъ Гоморъ городъ,
А третье было царство Рахлинское.
На ихнее беззаконіе великое —
Да не могъ на нихъ самъ Господь смотрѣть.
Содомъ и Гоморъ Господь скрозь земли прослалъ,
А на этое третье царство, на Рахлинское
Напущалъ Господь Богъ на нихъ змѣя лютаго,
Давали они со города скотиною
Ко лютому змѣю на съѣденіе,
И ко пещерскому на прожрсніе.
Во градѣ скота у нихъ мало осталося:

Давали они со города по головы,
По головы человѣческой,
Ко лютому змѣю на съѣденіе,
Ко пещерскому на прожреніе.
Во градѣ людей у нихъ мало оставалося,
Собиралися всѣ жители рахлинскіе
Къ самому оны царю на широкій дворъ;
Метали они жеребьемъ самоволжевымъ
Со самымъ царемъ со Агапіемъ.
Но жеребье царю доставалося
Ко лютому змѣю иттить на съѣденіе,
Ко пещерскому на прожреніе.
Прикручинился царь и припечалился.
Возговоритъ ему царица рыхлинская:
«Не кручинься, царь, и не печалуйся;
У насъ есть съ тобой кѣмъ замѣнитися;
У насъ есть съ тобой дитя единое:
Она единая дочь не милая;
Она вѣруетъ вѣру все не нашую:
Богу молится она распятому;
Отдадимъ мы Олексафію ко лютому змѣю,
Ко лютому змѣю на съѣденіе,
Ко пещерскому на прожреніе.»
Многой радостью царь изнаполнился,
Приходилъ онъ въ полаты бѣлокамены,
Ко своей ко дщери къ одинокія;
Вызывалъ онъ въ упокой ее во особый,
Уговаривалъ онъ дочь, обманывалъ:
«Ты, прекрасная Олесафія Агапеевна,
Ты вставай-ка, Олесафія, изъ утра ранешенько,
Умывайся, дѣвица, бѣлешенько
И снаряжайся, Олесафія, хорошехонько:
Изъ утра я буду тебя замужъ давать,
Ты въ которую вѣру вѣруешь.»
Срадовалася Олексафія, взвеселилася,
На ложницу она спать не ложилася;
Всю темную ночь она Богу молилася;
Молилася она Спасу Пречистому,
Второму Миколы Барградскому,
Третьему Егорью-свѣту, Храброму.
Между тѣмъ дѣвицы и утро пришло.

Вставала Олексафія ранешенько,
Умывалася она бѣлешенько,
Снаряжалась она хорошехонько.
Выходила Олексафія на крутой крылецъ,
Взглянула Олексафія на широкій дворъ:
Посреди двора было царскаго —
Тутъ стоитъ корета сама черная,
Припряжены кони неученые,
Посаженъ дѣтина въ платьѣ травурномъ;
Ино тутъ же Олексафія догадалася,
Горячимъ слезамъ она обливалася:
«Не на то меня мать спородила,
Чтобъ отдать меня во свою вѣру;
А на то меня мать спородила:
Отдаетъ меня батюшка ко люту змѣю,
Ко люту змѣю на съѣденіе,
Ко пещерскому на прожреніе.»
Повели Олексафію со крута крыльца,
Сажали Олексафію въ корету черную,
Повезли Олексафію ко синю морю,
Ко тому ко восходу ко змѣиному.
Выходила Олексафія изъ кореты вонъ,
Садилась Олексафія на крутой берегъ
Ко тому ко морю ко синему.
Уѣзжалъ дѣтина въ платьѣ траурномъ;
Оставалась Олексафія одинешенька.
На листу у Олексафіи было написано:
Святые ангелы были все, архангелы.
Молилась Олексафія Спасу Пречистому,
Второму Миколы Барградскому,
Третьему Егорью-свѣту Храброму.
Услышалъ Господь Богъ ея моленье,
Посылалъ Господь Богъ Егорья Храбраго
Для храненія дѣвицы отъ змѣя лютаго.
Пріѣзжалъ Егорій на добромъ конѣ,
Онъ слѣзалъ, Егорій, съ коня храбраго;
Онъ поклонъ воздалъ дѣвицы низешенько:
«Богъ на помочь тебѣ, царская дочь Олексафія!»
Давалъ Егорій Храбрый свой шелковъ поводъ
Олексафіи дѣвицы на бѣлы руки:
«Подержи ты, говоритъ, Олексафія, моего коня,

А больше того смотри сама на сине море:
Когда на морѣ волна будетъ подыматися,
Изъ пещеръ змѣя лютая появлятися;
Ты тогда меня, дѣвица, ото сна сбуди.»
Онъ возговорилъ Егорій, а самъ спать уснулъ.
Держала Олексафія коня храбраго,
Больше того смотрѣла на сине море.
На морѣ волня стала колыбатися,
Но тутъ же Олексафія она испугалася,
Горячими слезами она обливается.
Начала дѣвица Егорья ото сна будить;
Не могла она Егорья ото сна сбудить.
Она жалко Олексафія сама росплакала(сь):
Покатились у Олексафія горючи слезы
На Егорьево на бѣло лице;
Оттого Егорій ото сна возсталъ.
Онъ беретъ свое жезло булатное,
Онъ пошелъ Егорій ко синю морю,
Ко тому ко восходу ко змѣиному.
Онъ бьетъ змѣю копьемъ во прожорище:
«Ты будь змѣя и кротка, и смирня;
Ты пей и ѣшь мое повелѣнное,
Олексафіено благословенное.»
Распоясалъ Егорій свой шелковъ поясъ,
Онъ продѣлъ змѣи насквозь прожорище,
Онъ давалъ Олексафіи на бѣлы руки,
Онъ давалъ, Егорій, самъ наказывалъ:
«Поведиткась, Олексафія, змѣя лютаго
Во свое во царство рахлинское,
Скажи батюшкѣ царю Агапію,
Пущай повѣруетъ вѣру христіанскую,
Пусть состроитъ онъ три церквы соборныя;
Ежель не повѣруетъ онъ вѣры христіанскія,
Ты пусти змѣю на свою волю,
Потребитъ змѣя ихъ всѣхъ до единого,
Не оставитъ имъ людей на сѣмены».
Повела Олексафія змѣя лютаго
(Во свое) (во) царство во рахлинское,
Становилась Олексафія посреди града,
Закричала Олексафія женскимъ голосомъ:
«Ты услышь, мой отецъ, рахлинскій царь!

Ты повѣруешь ли вѣру христіанскую,
Ты состроишь ли три церквы соборныихъ?
Ежель ты не повѣруешь вѣры христіанскія,
Я пущу змѣю на свою волю,
Потребитъ змѣя васъ всѣхъ до единого,
Не оставитъ вамъ людей на сѣмены.»
Царь со радости онъ вѣры повѣровалъ,
Онъ создалъ свою заповѣдь великую:
«Я состроюю три церквы соборныя:
Церковь Матери Божьей, Богородицы,
Еще Троицы Живоначальныя
И святому Егорью-свѣту Храброму.
Я не разъ Егорью буду въ году вѣровать,
Я не разъ ему въ году — два раза.»

XIX.

СТИХЪ ПРО БОРИСА И ГЛѢБА,

Востошная сдержавная
Какъ у славнымъ гради у Кееви[1])
А жилъ себѣ Володимеръ князь,
Володимеръ князь Володиміравичь;
Енъ имѣлъ сибѣ двинадцать сыновъ,
Двинадцать сыновъ любезнѣйшехъ;
Только взлюбилъ ёнъ трехъ сыновъ:
Святова и Глѣба, Бориса,
А третьива Святааполка,
Той имѣлъ сибѣ за большаго сына.
Дѣлилъ грады на три части:
Что Кеевъ градъ, Черниговъ градъ Святому и Глѣбу, Борису,
Привдавѣшанъ[2]) градъ Святополку.
Святой Полокъ пишетъ листы,
Пишетъ листы къ меньшимъ братьямъ:
«А вы братья, вы и меньшія!

---

[1]) У Кирѣевскаго, № VI: со восточнаго держанія и т. д. Въ рукописи Толстова библіотеки (отд. V, № 7), нынѣ Императорской публичной (Q, XIV, 9);

Восточлая держава Кіева города,
Владимеръ князь имѣлъ у себя три сыны. *Ред.*

Во всѣхъ извѣстныхъ мнѣ варьянтахъ или: «Съ восточнаго державія», или «Восточное державіе». *Якушкинъ.*

[2]) Т. е. самый бѣдненькій градъ. *Прим. пѣвца.*

Выѣзжайте въ чистоя поля,
Въ чистоя поля пиръ пировать,
Пиръ пировать, атца паминать».
Бяруть письмо, сильно плачуть,
Дабровъ каневъ сидлаивчи,
Въ чистоя поля ваизжаивчи,
Бѣлы шатры раскинаивчи.
Святой Полохъ наѣзжаивчи,
Глѣба нажомъ зарѣзаивчи,
Бариса капіемъ закаляивчи
(Въ) топки болоты отволачаювчи
Подъ гнилу колоду подкладаивчи.
Ляжатъ мощи тридцать три года,
Ничаво мощамъ не врядилоси,
Ни ятъ солнца ни засохли,
Ни ятъ вѣтру ни завѣтряли,
Ни ятъ дожжу ни сатлѣли.
Святому Глѣбу славу поемъ!
Ва вѣкъ слава яго ни минуитца.
Саздай намъ, Господь, сяму міру пріукрасный рай!

(Орловск. губ. Малоарх уѣз. с. Сабурово; пѣлъ Иванъ Кондрашевъ, его выучила монахиня въ Коренной.)

XX.

СТИХЪ О ПРЕЧУДНОЙ ЦАРИЦѢ

Ты пречудная царица, Мать Божія-Богородица!
Ты услышь-ка наше моленіе, отъ грѣшныихъ рабовъ твоихъ,
Ты прими наше слезное иногда рыданіе,
Не лиши насъ отъ царствія отъ сково отъ небеснаго
И не предай насъ ко злой муки, ко превѣчныя.
Ай же мука, ты есь мука злая сотворена!
Но не ради насъ этая мука злая превѣчная,
Сотворена злая мука ради діавола
И ради того человѣка многобеззаконнова.
Ты живешь уже, человѣче, не разсудишь о себѣ;
Пора тебѣ будетъ, человѣче, воспокаяться,
На истинную путь пора будетъ обратитися.
Призови-ка, человѣче, ты отца къ себѣ духовнаго,
Исповѣдай-ка, человѣче, свои тайные грѣхи.

Но не сколько намъ не жить, всѣмъ намъ умирать будетъ.
Великому нашему всему богатству будетъ здѣсь остатися;
Не друзья, братья намъ отъ смерти не заступщики,
И ни златомъ, ни сереброиъ намъ отъ смерти не откупитися,
Слезами намъ отъ смерти будетъ не отплакаться.
Если хочешь ты, человѣче, *себѣ* до конца претерпѣть,
Ты взойди же, человѣче, во дальнія во пустыни,
Постригися ты, человѣче, во ризы черныя,
Ты надѣнька, человѣче, на себя схимушку спасеную,
Ты зазри, человѣче, на образа Создателя.
«Создатель нашъ Царь Небесный; онъ есть многомилосливъ:
Онъ, любя человѣка, Господь хранитъ, (и) милуетъ,
Избавляетъ Господь грѣховъ человѣческіихъ много множество,
Доставляетъ онъ до царствія до свово до небеснаго,
Онъ проводитъ душу праведную до престола до Господняго.»
Скоро намъ будетъ тое времячко злаго антихриста:
Время на три года будетъ и на шесть мѣсяцовъ;
Но не можетъ тогда Царь Небесный на антихриста зазрить,
Онъ сошлетъ Илью пророка съ небесъ на сыру землю,
Тогда будутъ пророки по земли пророковать
И православными христіанами пророки будутъ глаголовать:
«Ай же вы, рабы, православные христіанушки,
Не давайтеся вы лукавому на обманъ антихристу,
Соблюдайте вы свои душеньки ко спасенію,
Ко страшному ко Христовому ко пришествію.»
Возъярится тогда сердце у злаго антихриста.
Онъ беретъ злой антихристъ жезло во правую руку,
Онъ ударитъ Илію пророку жезломъ во мезинный перстъ;
Тогда падетъ кровь пророческа на сыру землю;
Отъ той отъ крови, есь буде, отъ пророческой
Загорится наша матушка вся сыра земля:
Она выгоритъ земля на шестьдесятъ локотовъ;
Тогда повѣютъ вѣтра буйные со восточной со страны,
Разнесутся пески желтыи по край матушки земли;
Тогда горы и всѣ озера поравняются,
И всѣ глыбокіе вертепы всѣ позасыплются;
Тогда грѣшные со праведными будутъ розличатися:
Праведныя души будутъ взяты на восточной стороны,
А грѣшныя души будутъ взяты на западную страну.
Между ихъ протечетъ Сіонъ-рѣка огненная,
Со шумомъ она, потечетъ рѣка огненная, со тресканіемъ

И со громомъ потечетъ она рѣка огненная, со страшныимъ;
Пожжетъ рѣка огненная горы и каменье,
И пожжетъ рѣка огненная всѣ лѣса со звѣрями,
И пожжетъ рѣка огненная весь скотъ со птицами.
Тогда выгоритъ вся земная тварь.
Тогда будутъ престолы поставлятися,
И на престолахъ будутъ книги покладатися,
Всѣ дѣла наши и всѣ грѣхи будутъ обличатися.
Невозможно намъ отъ своихъ злыхъ дѣлъ отперетися.
Тогда сойдетъ къ намъ съ небесъ Судья праведный,
Михайла и Гавріилъ, святые архангелы;
Мы завидимъ, рабы грѣшные, свово Судью праведнаго,
Мы возвопимъ, рабы грѣшные, во многіе голосы:
«Ай же Судья ты нашъ, Боже праведный!
Не лиши ты насъ отъ царства, отъ небеснаго,
Не предай ты насъ ко злой муки ко превѣчныя!»
Возглаголетъ Судья праведный рабамъ грѣшныимъ:
«Я судья къ вамъ посланъ Божья праведная,
Не велѣлъ мнѣ Господь брать съ васъ ни злата, серебра;
Благословилъ мнѣ Господь Богъ разсудить васъ по дѣламъ вашимъ.»
Тогда погонятъ рабовъ грѣшныихъ всѣхъ по мукамъ разныимъ;
Тогда грѣшные пойдутъ со плачіемъ, со рыданіемъ,
А праведные пойдутъ ко царствію ко небесному:
Оны со радостію пойдутъ и со веселіемъ.
Тогда страшный судъ весь и кончается.

XXI.

ВОСКРЕСЛО НЕБЕСНОЕ ЦАРСТВО.

Воскреснетъ небесный Царь, и вознесется рука Его —
И рука Его да на вышніи небеса.
Егда будетъ страшный судъ, вострубятъ въ трубы ангелы,
Въ трубы позлащенныя:
Ужаснется вся вселенная; померкнетъ красное солнышко;
Потемнѣетъ свѣтелъ мѣсяцъ;
Падутъ звѣзды на землю, яко листіе со древа;
Престолы поставятся,
Вси книги поразгибнутся; дѣла наши прочитаются;
Всѣ грѣхи объявятся.

XXII.

СТИХЪ НА РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО[1]).

Достойно есть днесь удивленія,
Духовному веселіе:
Нынѣ звѣзда на небеси явися
Паче всѣхъ святая: ты предвозвѣщаешь Бога нашего
И на землю проявляеши,
Яко даждь *нарунашь* наидетъ,
Тако Христосъ смиренный съ небеси снидетъ
И принесетъ пречистую Дѣву Марію.
Родися яко младенецъ,
Пеленами повиванъ;
Горніе чины дивятся
И земнородные человѣчи объ томъ веселятся
И вкупѣ возрадуются.
Ты же, господинъ хозяинъ, повеселися
Успѣхи насладитися!
Тому же господину хозяину пребывати желаемъ,
Отъ всѣхъ васъ торжествуемъ,
Велегласно поздравляемъ!
Изыде звѣзда отъ Іакова,
Свѣтъ возсія отъ Израиля:
Дѣва Бога рожаетъ,
Ангели удивляются,
Персидскіе цари приходятъ,
Рожденному младенцу даръ приносятъ;
Тотъ же Богъ съ небесъ нисходитъ
И въ небесныя возводитъ.
За тѣмъ будь здравъ, господинъ хозяинъ,
На многія лѣта!
Многая лѣта — многая радость
Во всемъ мірѣ нынѣ намъ явися.
Богъ, Царь славы, отъ Дѣвы Маріи
Въ вертепѣхъ родися!
Тому же ангели на небеси зѣло дивятся —
Земнородный человѣцъ о томъ веселится.

---

[1]) Поется въ Колѣ, между заутреней и обѣдней, дѣтьми, которыя ходятъ по домамъ.

Мы же тако вопіемъ Вышнему Творцу:
Слава въ вышнихъ Богу!
Мы же вопіемъ: торжествуйте!
Ликовствуйте!
Хвалу Богу дайте,
Воспѣвайте,
Выиграйте!
Даетъ вамъ Богъ, господамъ, госпожамъ,
Господиновымъ женамъ,
Во всемъ вкупѣ здравствовать!
Виватъ, виватъ, многая лѣта!
Веселися здѣсь! Благодать весь день!
Хвалу Богу пѣти вышнему полу на звѣзды.
Ангелъ пастырямъ возвѣстилъ
Нарожденнаго Бога нашего,
Царь же Иродъ всѣхъ возвѣстилъ
Младенцовъ побилъ.
Били-бились,
Сѣкли и ругались
Яко убійцы,
Злы разбойницы!
Кричатъ дѣтки, плачутъ матки,
Яко насильницы
Да отъ нихъ персей отрывали,
И рубили ихъ,
И топтали ихъ,
Съ матерями вопрошали, жалко всплакались.
Тако слезы проливали,
Жалобы матки,
И собою дѣтки!
Лежитъ воренъ крови на полахъ святки.
Матки ручки заломили,
Волосы дерутъ,
Умираютъ.
Съ неба гласы испущались,
Сердечно рекутъ.

(Казан.; зап. С. В. Максимовъ.)

—

XXIII.

СТИХЪ О ВЕЛИКОМЪ СТРАШНОМЪ СУДѢ.

Жили мы, грѣшные, на вольномъ на свѣту,
Не имѣли мы ни середы, ни пятницы,
Во божію мы церкву не хаживали,
Со желаніемъ Господу не маливались,
На свои мы на грѣхи не надѣялись,
Евангельской мы книги не прослушивали,
Что было во святомъ евангельи написано, напечатано.;
Мы страху Христова не устрашивали.
Были у Христа поразсужены дѣла:
Гдѣ быть ворамъ, гдѣ разбойниками,
Суетницамъ и клеветницамъ и ябедникамъ:
Ворамъ-разбойникамъ быть въ огненной рѣкѣ,
Суетницамъ, клеветницамъ на висилицѣ.
Кто же у насъ во плоти взятъ во Христа?
Во плоти взятъ во Христа Илья Божій пророкъ:
Илья, Божій пророче, во пустынѣ прохаживалъ —
И много муки совидалъ;
Видѣлъ муку, видѣлъ рай, страсти божецкія,
Показалъ Илья намъ видѣть муку и рай,
Чѣмъ намъ душеньку спасти и чѣмъ въ рай взойти:
Спасти душу постами, молитвами,
И низкимъ полуночнымъ поклономъ;
Въ рай взойти святой милостыней,
Да отъ своихъ трудовъ праведныихъ.
Со всходу праведнаго солнца пышаетъ огонь съ земли до небеси,
Протечетъ рѣка намъ огненная,
Возойдетъ Михайло Архангелъ на Сіонскую гору;
Затрубатъ трижды въ небесную трубу.
Тогда всѣ мертвые отъ гроба встанутъ,
И праведные рабы по правой стороны.
Переводитъ Архангелъ Михаилъ праведныхъ чрезъ огненную рѣку,
Ко нашему Авраамію, къ отцу праведному,
И приводитъ онъ ихъ ко царству небесному.
Идутъ праведные черезъ огненную рѣку,
Идутъ они по воды какъ по суши;
Огонь ихъ, полоня, не пожеретъ;
Поютъ они стихи херувимскіе,

Величаютъ они самого Христа, Царя небеснаго,
Еще матерь Пресвятую Богородицу.
Грѣшные, беззаконные рабы,
Они сами-то къ Михайлѣ приближаются,
Золотой казной спосуляются:
«О, свѣтъ грозенъ нашъ Михайло, судья праведный!
Переправь насъ грѣшныхъ черезъ огненну рѣку,
Приведи насъ ко царству небесному,
Ко нашему Авраамію, отцу праведному;
Возьми съ насъ золота и серебра
И сильно наше имѣнье и богатство.» [1])
Отвѣчалъ имъ Михайло Архангелъ, судья праведный:
«Ахъ вы грѣшные, беззаконные рабы!
На что же вы ко мнѣ приближаетесь
И золотой казной своей спосуляетесь:
Есть здѣсь судья, неподкупная душа,
Я здѣсь судья съ Богомъ праведная.
Не надобно намъ ваше злато, серебро,
Ни силья, ни имѣнья ваше, ни богатество;
А намъ надобно здѣсь душевное спасеніе.
Помните-ль, какъ вы жили на вольномъ на свѣту?
Были у васъ церкви божественныя,
Во церквахъ было у васъ понаписано,
Во святомъ евангельи напечатано:
Вы того писанія не прослушивали,
На свои вы на грѣхи не надѣялись.
У васъ были судьи неправедные,
Судили вы суды не по праведному:
Праваго вы раба виноватили,
Виноватаго раба ставили праведнымъ;
Вы брали съ нихъ казну несчисленную
И съ праваго и съ виноватаго,
Клали вы казну во сыру землю,
Сырой матери земли не вызнаполнили,
Своимъ душамъ мѣста не уготовили:
Идите, грядите въ рѣку огненную.»
Идутъ, грядутъ души грѣшныя;
Во огонь онѣ во поломя бросаются,
Тѣлеса на себѣ, власа обрываютъ,

---

[1]) И силья наши, имѣнье и богатество.

Отца своего, матерь проклинають!
«На что насъ отецъ съ матерью спородили,
Ня эти на муки на разныя?
Не терпѣли бъ мы злой муки превѣчныя,
Не слыхали бъ мы слова грознаго
Отъ самого Христа, Царя Небеснаго,
Отъ Михайла Архангела, судьи праведнаго!»
Мы грозному Михайлу славу поемъ,
Всѣмъ добрымъ людямъ на память даемъ.

XXIV.

СТИХЪ ПРО ДУШУ ВЕЛИКОЙ ГРѢШНИЦЫ.

По морю, по синему, по хвалынскому
Тутъ ишли, пробѣгали черезъ кáрабли.
Во этыхъ корáбляхъ святые ангели сидятъ,
На стрѣчу имъ самъ Іисусъ Христосъ, самъ Небесный Царь,
Сталъ онъ въ ангелахъ [1]) выспрашивать и выспытывать:
«Святыи ангели, архангели, гдѣ вы хаживали, гдѣ гуливали,
Что слышивали, что виживали?»
Самъ Іисусъ Христосъ, самъ Небесный Царь!
Мы хаживали на вольномъ на свѣту,
Много слышали, много видѣли,
Какъ душа съ бѣлымъ тѣломъ разставалася.
Разставши душа, сама прочь пошла
И отошедши, душа взворотилася,
Со своимъ съ бѣлымъ тѣломъ попростилася:
Ты прости тѣло бѣлое мое,
Прости беззаконіе мое.
Ты пойдешь, тѣло, во сыру землю,
Червамъ тѣло на источеніе,
Вы кости земли на преданіе,
А я, душа, къ самому Христу на спокаяніе.
На стрѣчу души самъ Іисусъ Христосъ:
Почему же ты, душа, (говоритъ) грѣхи угадываешь?
Потому я, душа, грѣхи угадываю,
Что я жила на вольномъ на свѣту,
Середы и пятницы не пащивалась,
Великаго говлѣнія не гавливалася,

---

[1]) У ангеловъ.

Заутрени, вечерни просыпывала я,
Въ воскресный день обѣдни прогуливала.
Въ полюшкахъ душа много хаживала,
Не по праведну землю раздѣливала:
Я межку черезъ межу перекладывала,
Съ чужой нивы земли украдывала.
Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялась,
И отцу духовному не сказывала,
Безкорыстный грѣхъ себѣ получивала.
Еще душа Богу согрѣшила:
Не по праведну покосы я раздѣливала,
Вѣшку за вѣшку позатаркивала,
Чужую полосу позакашивала;
Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялась.
Еще душа Богу согрѣшила:
Въ соломахъ я заломы заламывала,
Со всякаго хлѣба споръ отнимывала;
Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялась.
Еще душа Богу согрѣшила:
Я въ поляхъ, душа, много хаживала,
Проворы въ поляхъ пораскладывала,
Скотину въ поле повапущивала,
Сусѣдній хлѣбъ повыстравливала,
Я добрыхъ людей оголаживала;
Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялась.
Еще душа Богу согрѣшила:
Изъ коровушекъ молоки я выкликивала,
Во сырое коренье я выдаивала.
Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялась.
Еще душа Богу согрѣшила:
Смалешеньку дитя своего проклинывала,
Во бѣлыхъ во грудяхъ его я засыпывала,
Въ утробы младенца запорчивала,
Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялась.
Еще душа Богу согрѣшила:
Мужа съ женой я поразваживала,
Золотые вѣнцы поразлучивала;
Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялась.
По улицамъ душа много хаживала,
По подоконью душа много слушивала,
Хоть не слышала, скажу: слышала,

Хоть не видѣла, скажу: видѣла;
Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялась.
По свадьбамъ душа много хаживала,
Свадьбы звѣрьими оборачивала;
Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялась.
По игрищамъ душа много хаживала,
Подъ всякія игры много плясывала,
Самого сатану воспотѣшивала;
Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялась.
Напилася душа зеленаго вина,
Отъ зеленаго вина душа пьяна была;
Померла эта душа безъ покаянья,
Безъ того ли безъ попа, безъ духовнаго.
Провалилася душа въ преисподній адъ,
Вѣкъ мучиться душѣ и не отмучиться
За свое согрѣшеніе,
За свое великое беззаконіе.

XXV.

СТИХЪ О ВОЗНЕСЕНІИ ХРИСТОВѢ.

На шестой было на недѣлѣ,
Въ четвергъ у насъ праздникъ Вознесенія:
Вознесся самъ Христосъ на небеса,
Со ангелами и со херувимамъ,
И со своей со небесной силой;
А нищіи Господа молили,
Много у Христа милости просили:
«Владыка Христосъ Царь небесный!
Вознесешься ты, Царь, на небесы,
Со ангелами и со херувимамъ,
И со своей со небесною силой,
Ино кто насъ поить, кормить будетъ,
И кто обувати насъ и одѣвати,
За что намъ Мать Божію величати,
И Тебя, Христа Бога, прославляти?»
Речетъ имъ Христосъ, Царь Небесный:
«Не плачьте мое меньшее братіе,
Дарую я вамъ гору золотую,
И пропущу я вамъ рѣку медовую,
Имѣйте златой горой владѣти,

Промежду собою раздѣляти.»
Речетъ имъ Иванъ Архіепископъ:
«Владыко Христосъ Царь Небесный!
Не возьми мое слово въ досаду:
Не оставляй своей нищей братіи
Этыи горы золотыя.
Естьли пожертвуешь имъ гору золотую,
Наѣдутъ къ нимъ сильные люди,
И найдутъ къ нимъ немилосливыя власти,
Отоймутъ у нихъ гору золотую,
Помрутъ нищіи голодною смертью,
И позябнутъ холодною зимою.
Оставь ты своей меньшей братіи
Свое имячко Христово:
Пойдутъ нищіе по земли ходити,
Твое имя святое возносити,
Ино кто есть вѣрный христіанинъ,
Онъ ихъ пріобуетъ и пріодѣнетъ:
Ты даруй ему нетлѣнную ризу;
А кто ихъ хлѣбомъ-солью напитаетъ,
Даруй тому райскую пищу;
Кто ихъ отъ темной ночи оборонитъ,
Даруй въ раю тому мѣсто.
Кто имъ путь-дорогу указуетъ,
Не заперты въ рай тому двери.»
— «Благодарю тебя, Иванъ Архіепископъ,
За твои за рѣчи дорогія,
Дарую уста тебѣ золотыя,
Въ году тебѣ праздинчки честныи,
Во имя Ивана Златоуста».
Мы славимъ тебя Христа Бога.

ПРИЛОЖЕНІЕ. [1]

О КОВЧЕГѢ НОЕВѢ.

—

Яко скончавшужеся вторыя тысящи лѣтомъ, и посла Господь Богъ ангела своего къ Ною и повелѣ сказати ему о потопѣ, глаголя: «хощетъ Богъ пустити потопъ на землю, занеже исполнися земля беззаконія; ты же глаголи людемъ, да покаются о грѣсѣхъ своихъ, а ты начни здати себѣ ковчегъ: подобаетъ ти внити въ него и женѣ твоей, и чадомъ твоимъ, и женамъ сыновъ твоихъ.» Изыде Ной на гору аравицкую и нача здати ковчегъ, якоже повелѣ ему Господь Богъ и дѣла его семь лѣтъ. Діаволъ же, искони ненавидяй рода человѣча, прикоснуся къ женѣ ноевѣ и рече ей: «испытай мужа своего Ноя, гдѣ ходитъ.» Она же рече: крѣпокъ бо мужъ мой есть и не повѣдаетъ мнѣ, гдѣ ходитъ. И рече діаволъ женѣ: «есть трава, надъ рѣкою растетъ и вьется около дерева, и ты возьми травы тоя цвѣтковъ и укваси съ мукою, и пой его, и все ти повѣдаетъ, елико хощеши».

---

[1]) Въ дополненіе къ сказанному профессоромъ Ѳ. И. Буслаевымъ относительно связи сказки о Ноѣ съ апокрифическою *Лицевою Библіею* привожу апокрифическое сказаніе *О ковчегѣ ноевѣ*, послужившее, мнѣ кажется, источникомъ нашей сказкѣ. Оно находится въ рукописи гр. А. С. Уварова № 66 (Тульскій сборникъ начала XVIII вѣка) и вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими статьями приписано Меѳодію, патріарху Константинопольскому. Эти статьи въ рукописи озаглавлены такимъ образомъ: *Сказаніе Меѳодія, патріарха Царяграда о Одамѣ, о потопѣ, и о раздѣленіи языкъ, и о Михаилѣ царѣ, и о антихристѣ, и о второмъ пришествіи Христовѣ, егда пріидетъ судити живымъ и мертвымъ.*
Ред.

Единою же нощію сниде Ной съ горы по обычаю пищи ради: схождаше бо во всю 7 лѣтъ Ной пищи ради въ третій мѣсяцъ. И пришедъ Ной, и рече женѣ своей: «даждь ми пити, яко вжадахся». Она же налія чашу и даде ему; Ной же, испивъ, и рече: «есть ли у тебя еще того?» Она же паки даде ему пити и испивъ Ной три чаши и рече: «сей хмѣль равенецъ умному на любовь, а безумному на бой и на работу». И сотворися Ной веселъ и возлеже опочинути: онаже нача діаволскимъ наущеніемъ ласкати около его и ласкаючи вопрошати его: «господине мой, гдѣ ходишь по седмь лѣтъ, повѣждь ми». Онъ же не повѣда ей; она же больше нача ласкати его льстивыми словесы, и много крѣпився Ной и рече ей: «посла Богъ ангела своего ко мнѣ и рече ми: хощетъ Богъ потопити землю за беззаконіе наше, и повелѣ ми здати ковчегъ и внидеми въ него съ тобою и съ чады нашими и съ женами ихъ; а уже сотворяхъ его 7 лѣтъ». И се рекъ, возлеже и поспа. И заутра иде Ной на гору дѣлати ковчегъ и виде разоренъ ковчегъ, аки прагъ, и плакася горько 40 дней. И явися ему ангелъ господень и рече: «азъ ти рекохъ: не повѣдай никому дѣла своего, а ты почто повѣдалъ еси дѣло свое женѣ своей? и того ради разсыпа Богъ зданіе твое. И нынѣ отдалъ ти Богъ грѣха того». И показа ему негніющее древо, имя ему кленрикъ и рече ему: «изъ сихъ древесъ созижди ковчегъ». Ной же оболкся во власяницу и не прикоснуся къ женѣ своей, ни главы чесаше и тако въ четыредесятъ лѣтъ созда ковчегъ онъ. Индѣже пишетъ, яко Ной дѣлалъ ковчегъ 100 лѣтъ, сотвори же Ной ковчегъ въ долготу 300 лакотъ, а въ высоту 30 лактей, а въ ширину 50 лакотъ. И сошедъ Ной съ горы и веляше людямъ каятися отъ злобъ своихъ; они же не послушавши его, и рече ангелъ господень къ Ною: «поиди ты въ ковчегъ, и жена твоя, и чада твоя, и жены ихъ и поими съ собою отъ всякаго животнаго двое двое отъ гадъ, и птицъ, и отъ четвероногихъ». И рече Ной ко ангелу: «како могу созвати ихъ?» Ангелъ же господень принесе ему бильцо и рече ему: «Стани прямо ковчега своего и бей въ бильце сіе». Сотворише Ной тако, якожь повелѣ ему ангелъ господень и нача

бити въ бильцо; бильцю же зваше всякимъ языкомъ всякое животное: идяше же изъ пустыни и отъ воздуха къ Ною въ ковчегъ [1]). Діаволъ же ненавистникъ, искони ненавидяй рода человѣча, но хотя весь міръ поглотити, прикоснуся къ ноевѣ женѣ и рече ей: «не ходи ты въ ковчегъ безъ моего велѣнія». Она же не идяше, но ожидаше діавольскаго слова, еже ей рече бѣсъ: «егда ти речетъ мужъ твой тако: «поиди, окаянниче діаволе!» тогда ты поиди въ ковчегъ, Ной же много зваше жену свою въ ковчегъ; но послѣди съ яростію рече ей: «поиди, окаянниче діаволе!» Тогда она поиде въ ковчегъ, а діаволъ съ неюжъ въ пазусѣ вниде въ ковчегъ. И тогда Богъ повелѣ дождю итти на землю съ небеси прекрудою въ море, повелѣ тридесятимъ китомъ отступити отъ мѣстъ своихъ, иже залежатъ въ морѣ 30 оконецъ морскихъ. И тако пойде вода всѣми концы на землю быстро, а не каплями 40 дней и 40 нощей. И бысть на земли туга въ людѣхъ и плачъ неутѣшимый: превратися веселіе ихъ въ сѣтованіе. И возвысися вода надъ горами аравитскими 15 лакотъ, пожре безъ милости всѣхъ сущихъ на земли, человѣки и скоты и вся птицы. И тогда діаволъ, хотя и останки до конца рода человѣческа потопити, и превратися въ мышь и нача грысти дно у ковчега; и помолися Ной Богу, лютый же звѣрь левъ прыснулъ и изъ ноздрей его выскочили котъ да кошка и удависта мышь, и не сбыться діаволя умышленіе.

[1]) Въ Синодальной Палеѣ 1477 г. № 210 (л. 59 об.) находится тотъ же разсказъ о бильцѣ и на миніатюрѣ изображенъ Ной, стоящій съ бильцемъ передъ ковчегомъ, въ который сбираются звѣри и птицы.

АЛЬБОМЪ Н. М. КАРАМЗИНА.

Предисловіе.

Въ «Библіографическихъ запискахъ» и въ «Атенеѣ» прошлаго года напечатано было нѣсколько писемъ Карамзина. Нельзя не благодарить за обнародованіе этихъ матеріяловъ, такъ какъ и частная жизнь такихъ людей, какъ Карамзинъ, важна для науки.

Мнѣ удалось ознакомиться съ рукописнымъ альбомомъ, который Карамзинъ собственноручно написалъ для Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Екатерины Павловны и безъ котораго, мнѣ какъ кажется, невозможна полная характеристика нашего знаменитаго исторіографа, какъ мыслителя. Получивъ со стороны Его Императорскаго Высочества, Принца Ольденбургскаго, которому принадлежитъ этотъ альбомъ, согласіе напечатать его, считаю не лишнимъ сообщить предварительно нѣсколько указаній на связь, которая, по моему мнѣнію, существуетъ между его отдѣльными статьями, изъ которыхъ впрочемъ каждая сама по себѣ цѣлое.

Предстоявшее вторженіе Наполеона побудило, вѣроятно, Карамзина начать его выпиской изъ Bossuet, содержаніе которой слѣдующее: «Возникновеніе и паденіе государствъ зависитъ отъ воли Провидѣнія: оно руководитъ дѣйствіями мудрыхъ государей, оно же даруетъ побѣду завоевателямъ и готовитъ имъ гибель въ то время, когда они взойдутъ на верхъ славы и могущества; — такъ что сами правители должны признать надъ собою власть, которая сильнѣе ихъ. Не смотря однако на эту немощность даже сильныхъ міра сего, тамъ, гдѣ дѣло идетъ о судьбахъ человѣчества, мы не должны оставаться праздными зрителями: нашими дѣйствіями, какъ бы они не казались намъ самимъ малозначущими, должна управлять

любовь къ отечеству»; — и потому переходомъ отъ перваго отрывка къ послѣдующему служатъ въ альбомѣ выписки изъ Руссо и другихъ о любви къ отечеству. Она предписывается намъ чувствомъ благодарности къ согражданамъ, которые были нашею опорою въ дѣтствѣ, обусловливается сознаніемъ долга и даже вѣрно понимаемою пользою каждаго частнаго лица. Для того же, чтобы понимать свою пользу и быть счастливымъ, надо уяснить себѣ рядъ вопросовъ, возбуждаемыхъ жизнью: и вотъ Карамзинъ приводитъ нѣсколько мыслей изъ Попе и Іисуса, сына Сирахова, какъ образцы практической философіи. Стройность явленій въ мірѣ вещественномъ и духовномъ убѣждаетъ насъ въ существованіи Божества. — Не пытаясь постичь его, обязанность каждаго смириться и помышлять о томъ, чтобы сдѣлаться подобіемъ его. Для этого же необходимо опредѣлить, какими были люди до паденія, въ первобытномъ состояніи; — и потому Карамзинъ оканчиваетъ отдѣлъ, въ которомъ говорится объ обязанностяхъ человѣка относительно отечества и вѣры, мильтоновымъ описаніемъ рая. — Несовершенство людей обусловливаетъ необходимость власти, которая въ правѣ требовать отъ каждаго подданнаго, если не всегда любви, то покорности; но въ свою очередь принуждена бороться съ препятствіями, почти непреодолимыми при помощи одного ума: доброта и щедрость увеличиваютъ требованія со стороны лицъ, приближенныхъ къ государю, низкопоклонство съ одной стороны заставляетъ его презирать людей, съ другой вредитъ ему самому; отсутствіе искренности въ совѣтникахъ затрудняетъ выборъ лицъ подвѣдомственныхъ, который по необходимости зависитъ отъ болѣе или менѣе случайныхъ обстоятельствъ. Все это и монарху напоминаетъ, что, если онъ хочетъ принести пользу народу, то долженъ съ молитвою обращаться къ Богу. Спрашивается: какъ же всего успѣшнѣе можно править народомъ, которая же изъ формъ правленія лучше другихъ? Карамзинъ объявляетъ себя въ пользу самодержавія, мотивируя свое убѣжденіе словами Руссо: найдти форму правленія, которая поставила бы законъ выше человѣка — это задача, не менѣе не разрѣшенная, чѣмъ квадратура круга; и потому надо перейдти къ другой крайности и поставить вдругъ человѣка выше всякаго закона, т. е. установить неограниченнѣйшее самодержавіе: «я бы желалъ, чтобы самодержецъ былъ Богъ». Статья XIV состоитъ изъ ряда мыслей Помпиньяна, Бюффона, Паскаля, Монтэня, книги Іова. Большая часть этихъ изрѣченій выписана съ цѣлью подкрѣпить авторитетомъ писателей, пользующихся извѣстностью, взглядъ самого Карамзина на государственные вопросы, занимавшіе въ то время умы. Въ чемъ же заключалась правительственная теорія людей, подобныхъ Карам-

зину? Вотъ главныя ея начала: не стѣснять дѣятельности народа ненужными, скорѣе вредными, чѣмъ полезными предосторожностями; не увлекаясь толпою (подъ которою Карамзинъ подразумѣвалъ конечно и многихъ знатныхъ господъ), держаться разъ избраннаго пути, не поддерживать и не вводить того, что не согласно съ духомъ времени и народа, не измѣнять безъ нужды постановленій, освященныхъ временемъ. Въ дальнѣйшихъ статьяхъ Карамзинъ сообщаетъ свои воззрѣнія на отношенія частныхъ лицъ другъ къ другу и содержаніе послѣдняго отдѣла составляютъ въ альбомѣ статьи о добродѣтельномъ образѣ дѣйствій, безъ котораго не мыслимы ни семейное счастье, ни дружба.

Первая выписка изъ Боссюета должна была напомнить что міровыя событія зависятъ отъ воли Провидѣнія и что потому надо смотрѣть на будущее довѣрчиво. Въ послѣдней, которая примыкаетъ къ изображенію семейнаго счастія и дружбы, Карамзинъ снова напоминаетъ о Ветхомъ годами, молніи котораго благотворны. Съ дѣтскимъ трепетомъ должны мы глядѣть на нихъ и не забывать, что мы не болѣе какъ одно лишь звѣно въ цѣлой цѣпи поколѣній.

Н. Лыжинъ.

АВГУСТѢЙШЕЙ ИМЯНИННИЦѢ.

(24 ноября отъ Карамзина. Москва. 1811.)

I.

ХРИСТІЯНСКАЯ ПОЛИТИКА.

Souvenez vous, que ce long enchaînement des causes particulières qui font, et défont les Empires, dépend des ordres secrets de la divine Providence. Dieu tient du plus haut des Cieux les rênes de tous les Royaumes: il a tous les coeurs en sa main: tantôt il retient les passions, tantôt il leur lâche la bride et par-là il remue tout le genre humain. Veut-il faire des conquérans? il fait marcher l'épouvante devant eux, et il inspire à eux et à leurs soldats une hardiesse invincible. Veut-il faire des législateurs? il leur envoie son esprit de sagesse et de prévoyance, il leur fait prévenir les maux, qui ménacent les Etats, et poser les fondements de la tranquillité publique. Il connoit la sagesse humaine toujours courte par quelque endroit: il l'éclaire, il étend ses vues, et puis il l'abandonne à ses ignorances; il l'aveugle, il la précipite, il la confond par elle-même: elle s'enveloppe, elle s'embarasse dans ses propres subtilités, et ses précautions lui sont un piège. Dieu exerce par ce moyen ses redoutables jugements, selon les règles de sa justice, toujours infaillible. C'est lui qui, prépare les effets dans les causes les plus éloignées, et puis frappe ces grands coups, dont le contrecoup porte si loin. Quand il veut lâcher le dernier et renverser les Empires, tout est foible et irrégulier dans les Conseils. L'Egypte, autrefois si sage, marche enivré, étourdie et chancelante, par ce que le Seigneur a répandu l'esprit de vertige dans ses Conseils; elle ne sait

plus ce, qu'elle fait: elle est perdue. Mais que les hommes ne s'y trompent pas: Dieu redresse, quand il lui plait, le sens égaré, et celui, qui insultoit à l'aveuglement des autres, tombe lui même dans ses ténébres plus épaisses, sans qu'il faille souvent autre chose pour lui renverser le sens, que ses longues prospérites.....

C'est pourquoi tous ceux, qui gouvernent, se sentent assujettis à une force majeure. Ils font plus ou moins, qu'ils ne pensent, et leurs conseils n'ont jamais manqué d'avoir des éffets imprévus. Ni ils sont mâitres des dispositions, que les siècles passés ont mises dans les affaires, ni ils ne peuvent prévoir le cours, que prendra l'avenir, loin qu'ils le puissent forcer. Celui-la seul tient tout en sa main, qui sait le nom de ce, qui est et de ce qui n'est pas encore; qui préside à tous les tems et prévient tout les conseils.

Bossuet.

II.

ЛЮБОВЬ КЪ ОТЕЧЕСТВУ.

Сцена изъ Метастазіева *Θемистокла.*

(Сей герой, изгнанный неблагодарными согражданами, находитъ убѣжище при дворѣ Ксеркса, монарха персидскаго, который, давъ ему санъ верховнаго полководца, объявляетъ войну Греціи).

Temistocle (Jo traditor)!
Serse. Duce, che pensi?
Tem. Ah cambia
Cenno, mio Re. V'è tanto Mondo ancora
Da soggiogar. *Serse.* Se della Grecia avversa
Pria l' ardir non confondo,
Nulla mi cal d' aver soggetto il Mondo.
Tem. Rifletti... *Serse.* E stabilita,
Di già l'impresa; e chi s' oppon, m' irrita.
Tem. Dunque eleggi altro duce.

Serse. Perchè? *Tem*. Dell' armi Perse
Io depongo l' impero a piè di Serse.
Serse. Come? *Tem*. E vuoi, ch' io divenga
Il distruttor delle paterne mura?
Nò; tanto non potrà la mia sventura.
.....*Serse*. Non è più Atene, è questa Reggia
La patria tua; quella t' insidia, e questa
T' accoglie, ti difende, e ti sostiene.
Tem. Mi difenda chi vuol: nacqui in Atene
E 'istinto di natura
L'amor del patrio nido. Amano anch' esse
Le spelonche natìe le fiere istesse. —
Serse. (Ah d' ira avvampo)! Ah dunque Atene ancora
Ti sta nel cor? Ma che tant' ami in lei?
Tem. Tutto, Signor: le ceneri degli avi,
Le sacre leggi, i tutelari Numi,
La favella, i costumi,
Il sudor, che mi costa,
Lo splendor, che ne trassi,
L' aria, i tronchi, il terren, le mura, i sassi.
Serse. Ingrato! E in faccia mia
Vanti con tanto fasto
Un amor, che m'oltraggia?
Tem. Io son... *Serse*. Tu sei
Dunque ancor mio nemico. Invan tentai
Co' benefizj miei... *Tem*. Questi mi stanno,
E a caratteri eterni,
Tutti impressi nel cor. Serse m' additi
Altri nemici sui;
Ecco il mio sangue, il verserò per lui.
Ma della patria a' danni
Se pretendi obbligar gli sdegni miei,
Serse, t' inganni, io morirò per lei.
Serse. Non più; pensa e risolvi; esser non lice
Di Serse amico, e difensor d' Atene.
Scegli qual vuoi. *Tem*. Sai la mia scelta.
Serse Avverti;
Del tuo destin decide
Questo momento. *Tem*. Il sò pur troppo.
Serse. Irriti
Chi può farti infelice.

Tem. Ma non ribelle.
Serse. Il viver tuo mi devi
Tem. Non l'onor mio.
Serse T' odia la Grecia.
Tem. Io l' amo.....
Serse. (Più frenarmi non posso.) Ah quell' ingrato
Toglietemi d' innanzi,
Serbatelo al gastigo. Eppur vedremo
Forse tremar questo coraggio invitto.
Tem. Non è timor, dove non è delitto.
Serberò fra' ceppi ancora
Questa fronte ognor serena;
E 'la colpa, e non la pena,
Che può farmi impallidir.
Reo son io; convien ch' io mora,
Se la fede error s' appella;
Ma per colpa così bella
Son superbo di morir.

III.

ИЗЪ РУССО.

Il est certain, que les plus grands prodiges de vertu ont été produits par l'amour de la patrie: ce sentiment doux et vif, qui joint la force de l'amour-propre à toute la beauté de la vertu, lui donne une énergie, qui, sans la défigurer, en fait la plus héroique de toutes les passions. C'est lui, qui produisit tant d'actions immortelles, dont l'éclat éblouit nos foibles yeux, et tant de grands hommes, dons les antiques vertus passent pour des fables, depuis que l'amour de la patrie est tourné en dérision. Ne nous en étonnons pas: les transports des coeurs tendres paroissent autant de chimères à quiconque ne les a pas sentis, et l'amour de la patrie, plus vif et plus délicieux cent fois que celui d'une maîtresse, ne se conçoit de même, qu'en l'éprouvant; mais il est aisé de remarquer dans tous les coeurs, qu'il réchauffe, dans toutes les actions, qu'il inspire, cette ardeur bouillante et sublime, dont ne brille pas la plus pure vertu, quand elle en est separée. Osons opposer *Socrate*

meme à Caton: l'un étoit plus philosophe et l'autre plus citoyen. Athènes était déjà perdue, et *Socrate* n'avait plus de patrie que le monde entier: Caton porta toujours la sienne au fond de son coeur; il ne vivoit que pour elle, et ne put lui survivre. La vertu de Socrate est celle du plus sage des hommes; mais entre *César* et *Pompée*, *Caton* semble un Dieu parmi les mortels. L'un instruit quelques particuliers, combat les sophistes et meurt pour la verité: l'autre défend l'état, la liberté, les lois contre les conquérans du monde, et quitte enfin la terre, quand il n'y voit plus de patrie à servir. Un digne élève de Socrate seroit le plus vertueux de ses contemporains; un digne émule de *Caton* en serait le plus grand. La vertu du premier feroit son bonheur, le second chercheroit son bonheur dans celui de tous. Nous serions instruits par l'un et conduits par l'autre, et cela seul décideroit de la préférence: car on n'a jamais fait un peuple de sages, mais il n'est pas impossible de rendre un peuple heureux.

Qu' est l'homme de bien, qui ne doit rien à son pays? Quel qu'il soit, il lui doit ce qu'il y a de plus précieux pour l'homme, la moralité de ses actions et l'amour de la vertu. Né dans le fond d'un bois, il eût vécu plus heureux et plus libre, mais n'ayant rien à combattre pour suivre ses penchans, il eût été bon sans mérite; il n'eût point été vertueux et maintenant il sait l'être, malgré ses passions. La seul apparence de l'ordre le porte à le connâitre, á l'aimer. Le bien public, qui ne sert que de pretéxte aux autres, est pour lui seul un motif réel. Il apprend à se combattre, à se vaincre, à sacrifier son intérêt à l'intérêt commun..... Ne dis pas, que m'importe, où que je sois? il t'emporte d'etre où tu peux remplir tes devoirs, et l'un de ces devoirs est l'attachement pour le lieu de ta naissance. Tes compatriotes te protégèrent enfant; tu dois les aimer, étant homme. Tu dois vivre au milieu d'eux, ou du moins en lieu, où tu puisses leur être utile, autant que tu peux l'être, et où ils sachent où te prendre, si jamais ils ont besoin de toi. Il y a telle circonstance, où un homme peut être plus utile à ses concitoyens hors de sa patrie, que s'il vivoit dans son sein. Alors il doit n'écouter que son zèle, et

supporter son éxil sans murmure: cet éxil même est un de ses devoirs.

IV.

ИЗЪ РУССКАГО ПИСАТЕЛЯ.

Любовь къ отечеству можетъ быть физическая, нравственная и политическая. Человѣкъ любитъ мѣсто своего рожденія и воспитанія......*).

V.

СТИХОТВОРЕЦЪ-ФИЛОСОФЪ.

Self-love and Reason to one end aspire,
Pain their aversion, Pleasure their desire;
But greedy That, its object would devour,
This taste the honey and not wound the flow' r:
Pleasure, or wrong or rightly understood,
Our greatest evil, or our greatest good.

. . . .

Love, Hope and joy, fair Pleasures smiling train,
Hate, Fear and Grief, the family of pain,
These mix'd with art, and to due bounds confin' d
Make and maintain the balance of the mind:
The lights and shades, whose well accorded strife
Gives all the strength and colour of our life.
Pleasures are ever in our hands or eyes;
And when, in act, they cease, in prospect, rise:
Present to grasp, and future still to find,
The whole employ of body and of mind.

. . . .

Vice is a monster of so frightful mien,
As, to be hated, needs but to be seen;
Yet seen too oft; familiar with her face,
We first endure, then pity, then embrace...
Virtuous and vicious ev' ry Man must be,

*) Здѣсь приведена вполнѣ извѣстная статья Карамзина: *О любви къ отечеству и о народной гордости.*

Few, in th'extreme but all in the degree;
The rogue and fool by fits, is fair and wise;
And ev 'n the best, by fits, what they despise.
'Tis but by parts we follow good or ill;
For, Vice or Virtue', Self directs it still,
Each individual seeks a several goal;
But Heaven's gret view is One, and that the Whole.
That counter-works each folly and caprice;
That disappoints th'effect of ev'ry vice;
That, happy frailties to all ranks apply'd:
Shame to the virgin, to the matron pride,
Fear to the Statesman, rashness to the chief,
To kings presumption and to crowds belief:
That, Virtue's ends from vanity ean raise,
Which seeks no int'rest, no reward but praise;
And build on wants, and on defects of mind,
The joy, the peace, the glory of Mankind.

. . . .

Whate'er the passion, knowledge, fame, or pelf,
Not one will change his neighbour with himself.
The learned is happy Nature to explore,
The fool is happy that he knows no more;
The rich is happy ir the plenty giv'n,
The poor contents him with the care of Heav'n.
See the blind beggar dance, the cripple sing,
The sot a hero, lunatic a king!

. . . .

See some strange comfort ev'ry state attend,
And pride bestow'd on all, a common friend:
See some fit passion ev'ry age supply,
Hope travels thro', nor quits us when we die.

. . . .

Know, all the good that individuals find,
Or God and Nature meant to mere Mankind,
Reason 's whole pleasure, all the joys of Sense,
Lie in three words, *Health*, *Peace* and *Competence*.
But Health consists with Temperance alone,
And Peace, oh Virtue! Peace is all thy own.

Pope.

—

VI.

НРАВОУЧЕНІЕ ІИСУСА, СЫНА СИРАХОВА.

Премудрость сыны своя вознесе и заступаетъ ищущихъ ея: любяй ю, любитъ жизнь, и утреннюющіи къ ней исполнятся веселія.

Сердце жестоко озлобится напослѣдокъ; сердце жестоко отяготится болѣзнми.

Пріятна соборищу твори себе, и князю смиряй главу твою.

Бремени паче себе не воздвижи, и крѣплшу и богатѣйшу себе не пріобщайся. Кое причастіе горнцу съ котломъ? сей приразится, и той сокрушится.

Богатый обиду сотвори, и самъ разгнѣвася: нищій же обидимъ бысть, и самъ умолится. Аще потребенъ будеши, употребляетъ тя; аще же лишенъ будеши, оставитъ тя.... узритъ тя и главою своею покиваетъ на тя.

Не разгнѣвай мужа въ нищетѣ его.

Стыдися и не стыдися: есть бо стыдъ, наводяй грѣхъ, и есть стыдъ слава и благодать.

Даже до смерти подвизайся о истинѣ, и Богъ поборетъ по тебѣ.

Не ими вѣры врагу твоему во вѣки: яко же бо мѣдь ржавѣетъ, тако и злоба его.

Слѣдъ сердце во благихъ лице веселое, а изобрѣтеніе притчей размышленіе съ трудомъ.

Отъ зрака познанъ будетъ мужъ, и срѣтеніемъ лица познанъ будетъ умный. Одѣяніе мужа, и смѣхъ зубовъ, и стопы человѣка возвѣстятъ..... Есть молчай, и той мудръ.

Премудрый въ словеси любезна сотворитъ себе.

Премудрость сокровенна, и сокровище не явлено, кая польза есть во обоихъ? Лучше человѣкъ скрываяй буйство свое, нежели человѣкъ, скрываяй премудрость свою.

Созидаяй домъ свой имѣніемъ чуждимъ, якоже собираяй каменіе на гробъ себѣ.

Путь грѣшниковъ углажденъ отъ каменіе, а на послѣдокъ его ровъ адовъ.

Разумъ премудраго яко потокъ умножится, и совѣтъ его яко источникъ живота.

Вергаяй камень на птицы, отженетъ я: иже поноситъ друга, разоритъ дружбу.

Жены добрыя блаженъ есть мужъ, и число дней его сугубо.

Мнози падоша остріемъ меча, но не якоже падшіи языкомъ..... Словесѣмъ твоимъ сотвори вѣсъ и мѣру, и устамъ твоимъ сотвори дверь и забору.

Нѣсть богатства лучше здравія тѣлеснаго, и нѣсть веселія паче радости сердечныя.... веселіе сердца животъ человѣка, и радованіе мужа благоденствіе..... Печаль прежде времене старость наводитъ.

Накажи раба, и обрящеши покой: ослаби руку ему, и искати начнетъ свободы.

Красна милость во время скорби, якоже облацы дождевніи во время бездождія.

VII.

МЫСЛИ О БОГѢ ЦИЦЕРОНОВЫ И Ж. Ж. РУССО.

Цицеронъ.

Peut on regarder le Ciel et contempler tout ce, qui s'y passe, sans voir avec tout l'évidence possible, qu'il est gouverné, par une suprème, par une divine intelligence?

Vous me démanderez: ce que c'est que Dieu? Je ferai avec vous, comme *Simonide* avec le tyran *Hiéron*, qui lui proposoit la même question. D'abord il demanda un jour pour y penser: le lendemain deux autres jours; et comme chaque fois il doublait le nombre des jours, qu'il demandoit, Hiéron en voulut savoir la cause. *Parce que*, dit il, *plus j'y fais réfléxion, plus la chose me paroit obscure.*

On ne peut concevoir Dieu que sous l'idée d'un esprit pur, sans mélange, dégagé de toute matière corruptible; qui

connoit tout, qui meut tout, et qui a de lui même un mouvement éternel.

Par l'esprit humain, tel qu'il est, nous devons juger qu'il y a quelque autre intelligence supérieure et divine, car *d'où viendroit à l'homme*, dit Socrate dans Xenophon, *l'entendement, dont il est doué?*

On voit, que c'est à un peu de terre, d'eau, de feu et d'air que nous devons les parties solides de notre corps, la chaleur et l'humidité, qui y sont repandues, le souffle même, qui nous anime Mais ce qui est bien au dessus de tout cela, j'entends la raison, et pour le dire en plusieurs, termes, l'esprit le jugement, la pensée, la prudence, où l'avons nous pris?

Qu'il y ait un être supérieur, qui subsistera toujours, et qui mérite le respect et l'admiration des hommes, c'est de quoi la beauté de l'univers et la régulairité des autres nous force de convenir. On doit par conséquent nourrir et répandre une Réligion éclairée.

Руссо.

J'ignore, pourquoi l'univers existe; mais je ne laisse pas de voir, comment il est modifié; je ne laisse pas d'appercevoir l'intime correspondance par laquelle les êtres, qui le composent, se prêtent un secours mutuel.....

Comparons le fins particulières, les moyens, les rapports ordonnés de toute espèce, puis écoutons le sentiment intérieur: quel esprit sain peut se refuser à son témoignage? A quels yeux non prévenus l'ordre sensible de l'univers n'annonce-t-il pas une suprème intelligence? Et que de sophismes ne faut-il pas entasser, pour méconnoître l'harmonie des êtres et l'admirable concours de chaque pièce pour la conservation des autres?

Il n'y a pas un être dans l'univers, qu'on ne puisse, à quelque égard, regarder comme le centre commun de tous les autres, autour du quel ils sont tous ordonnés, en sorte qu'ils sont tous réciproquement fins et moyens, les uns relativement

aux autres. L'esprit se confond et se perd dans cette infinité de rapports, dont pas un n'est confondu, ni perdu dans la foule.

Il ne dépend pas de moi de croire, que la matière passive et morte a pu produire des êtres vivans et sentans; qu'une fatalité aveugle a pu produire des êtres intelligens; que ce, qui ne pense pas, a pu produire des êtres, qui pensent.

Je crois donc, que le monde est gouverné par une volonté puissante et sage: je le vois ou plutôt je le sens et cela m'importe à savoir. Que la matière soit éternelle ou crée, qu'il y ait un principe passif ou qu'il n'y en ait point, toujours est il certain, que le tout est un et annonce une intelligence unique: car je ne vois rien, qui ne soit ordonné dans le même système et que ne concoure à la même fin, savoir la conservation de tout dans l'ordre établi. Cet être qui veut et qui peut; cet être actif par lui même; cet être enfin, quel qu'il soit, qui meut l'univers et ordonne toutes choses: je l'appelle *Dieu*. Je joins à ce nom les idées d'intelligence, de puissance, de volonté, que j'ai rassemblées, et celle de bonté, qui en est une suite nécessaire; mais je n'en connois pas mieux l'être, auquel je l'ai donné: il se dérobe également à mes sons et à mon entendement; plus j'y pense, plus je me confonds. Je sais très certainement, qu'il existe par lui-même, je sais, que mon existence et que toutes les choses, qui me sont connues, sont absolument dans le même cas. J'apperçois Dieu partont dans ses oeuvres, je le sens en moi, je le vois tout autour de moi; mais sitôt que je veux le contempler en lui-même, sitôt que je veux chercher, où il est, ce qu'il est, quelle est sa substance, il m'échappe, et mon esprit troublé n'apperçoit plus rien.....

Mais il est, cela me suffit, moins je le conçois, plus je l'adore. Je m'humilie et lui dis; «Être des êtres, je suis, parce que tu es; c'est m'elever á ma source que de te méditer sans cesse. Le plus digne usage de ma raison est de s'anéantir devant toi: c'est mon ravissement d'esprit, c'est le charme de ma foiblesse de me sentir accablé de ta grandeur».

—

VIII.

МИЛЬТОНОВО ОПИСАНІЕ АДАМА И ЕВВЫ.

Two of far nobler shape erect and tall,
Godlike erect, with native honour clad,
In naked majesty seem'd lords of all,
And worthy seem'd; for in their looks divine,
The image of their glorious Maker shone,
Truth, wisdom, sanctitude severe and pure,
(Severe but in true filial freedom plac'd)
Whence true authority in men; though both
Not equal, as their sexnot equal seem'd:
For contemplation he and valour form'd;
For softness she and sweet attractive grace,
He for God only, she for God in him:
His fair large front and eye sublime declar'd,
Absolute rule; and hyacinthin locks
Round from his parted forelock manly hung
Clust'ring, but not beneath shoulders broad:
She, as a veil down to the slender waist,
Her unadorned golden tresses wore
Dishevell'd, but in wanton ringlets wav'd,
As the vine curls her tendrils, which imply'd
Subjection, but required with gentle sway
And by her yielded, by him best receiv'd,
Yielded with coy submission, modest pride,
And sweet reluctant amorous delay.
Nor those mysterious parts were then conceal'd,
Then was not guilty shame, dishonest shame
Of nature's works, honour dishonourable,
Sin-bred, how have ye troubled all mankind
With shows instead, mere shows of seeming pure,
And banish'd from man's life his happiest life,
Simplicity and spotless innocence! —
So pass'd they naked on, nor shunn'd the sight
Of God or Angel, for they thought no ill:
So hand in hand they pass'd, the loveliest pair
That ever since in love's embraces met;
Adam the goodliest man of men since born
His sons, the fairest of her daughters Eve.

—

IX

О ГОСУДАРЯХЪ ИЗЪ МОНТАНЯ.

Quant au commander, qui semble être si doux, considérant l'imbécillité du jugement humain et la difficulté du choix des choses nouvelles et douteuses, je suis fort de cet avis, qu'il est bien plus aisé et plus plaisant de suivre que de guider. Nous devons la subjéction et obéissance également à tous les Rois, car elle regarde leur office; mais l'éstimation, non plus que l'affection, nous ne la devons qu'à leur vertu.

Les sujets d'un Prince excessif en dons se rendent excessifs en demandes: ils se taillent non à la raison, mais à l'exemple. Ce n'est jamais fait: le reçu ne se met plus en compte: on n'aime la libéralité que future; pourquoi plus un Prince s'épuise en donnant, plus il s'appauvrit d'amis. Comment assouviroit-il les envies, qui croissent, à mesure qu'elles se remplissent? Qui a sa pensée à prendre, ne l'a plus à ce qu'il a pris. La convoitise n'a rien de si propre, que d'être ingrate.

Cette aisance et facilité de faire tout baisser sous soi est ennemie de toute sorte de plaisir. C'est glisser cela, ce n'est pas pas aller.

C'est un plaisir fade est nuisible d'avoir à faire à gens, qui nous admirent et fassent place. Il n'est aucune condition d'hommes, qui ait si grand besoin, que ceux-là, de vrais et libres advertissemens. Ils soutiennent une vie publique et ont à agréer à l'opinion de tant de spectateurs, que comme on a accoutumée de leur taire tout ce, qui les divertit de leur route, ils se trouvent, sans le sentir, engagés dans la détestation de leurs peuples, pour des occasions souvent, qu'ils eussent pu éviter, à mal nul interêt de leurs plaisirs mêmes, qui les en eût advisés et redressés a tems.

Il n'y a nul de nous, qui ne valent (sic!) moins, que les Rois, s'il était ainsi continuellement corrompu, comme ils sont de cette canaille de gens.

Les dignités, les charges se donnent nécessairement plus par fortune que par mérite, et on a fort souvent de s'en prendre aux Rois. Au rebours c'est merveille, qu'ils y aient tant

d'heur: car la nature ne leur a pas donné la vue, qui se puisse étendre à tant de peuples, pour en discerner la précellence et percer nos poitrines, ou loge la connoissance de notre volonté et de notre meilleure valeur; il faut, qu'ils nous *trient* par conjecture et à tâtons, par la race, les richesses, la doctrine, la voix du peuple (très foibles argumens). Qui pourroit trouver moyen de choisir les hommes par raison, établiroit de ce seul trait une parfaite forme de police.

X.

МОЛИТВА ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ.

О ты, Всесильный и Превѣчный,
Который волею своей,
Колеса движешь быстротечны,
Вратящейся природы всей!
Когда Ты есь душа едина
Движенью сихъ огромныхъ тѣлъ,
То ты жь конечно и причина
Народныхъ знаменитыхъ дѣлъ:
Тобою царства возрастають;
Твое орудіе цари:
Тобой они и померцають,
Какъ блескъ вечернія зари.
Наставь меня, міровъ Содѣтель,
Да, волѣ слѣдуя твоей,
Тебя люблю и добродѣтель
И зижду щастіе людей;
Да вѣкъ мой на дѣла полезны
И славу ихъ я посвящу,
Самодержавства скиптръ желѣзный
Моей щедротой позлащу;
Да удостоенна любови,
Надзрѣнія Твоихъ очесъ,
Чтобъ я за кажду каплю крови,
За всякую бы каплю слезъ
Народа моего пролитыхъ,
Тебѣ отвѣтствовать могла
И чувствъ души моей сокрытыхъ,
Тебя свидѣтелемъ звала.

Державинъ.

—

XI.

МОНАРХІЯ И САМОДЕРЖАВІЕ ИЗЪ РУССО.

Le gouvernement monarchique est celui d'un magistrat unique, dont les autres tiennent leurs pouvoirs. Le plus actif d'un gouvernement est celui d'un seul.

Tout au contraire des autres formes de gouvernement, ou un être collectif représente un individu, dans celle-ci un individu représente un être collectif, en sorte que l'unité morale, qui constitue le souverain, est en même temps une unité physique, dans laquelle toutes les facultés, que la loi réunit dans l'autre avec tant d'efforts se trouvent naturellement réunies.

Ainsi la volonté du peuple et la volonté du Prince, et la force publique de l'état et la force particulière du Gouvernement, tout répond au méme mobile; tous les ressorts de la machine sont dans la même main; tout marche au même but; il n'y a point de mouvemens opposés, qui s'entredétruisent et l'on ne peut imaginer aucune sorte de constitution, dans laquelle un moindre effort produise une action plus considérable. *Archimède*, assis tranquillement sur le rivage et tirant sans peine à flot un grand vaisseau, me représente un monarque habile, gouvernant de son cabinet ses vastes états, et faisant tout, en paroissant immobile.

Un défaut essentiel du gouvernement monarchique est, que le mérite n'y parvient pas aussi facilement que dans le gouvernement républicain. Dans celui-ce la voix publique n'élève presque jamais aux premières places que des hommes éclairés et capables. Le peuple se trompe bien moins dans ses choix que le prince, et un homme d'un vrai mérite est presque aussi rare dans le ministère, qu'un sot à la tête d'un Gouvernement républicain. Aussi, quand par quelque heureux hazard, un de ces hommes, nés pour gouverner, prend le timon des affaires, dans une monarchie presque abimée par ces hommes médiocres, on est tout surpris des ressources qu'il trouve, et cela fait époque dans un pays. Voici, dans mes vieilles idées, le grand problème en Politique, que je compare à celui de la

quadrature du cercle en Géometrie et à celui des longitudes en Astronomie. *Trouver une forme de gouvernement, qui mette la loi audessus de l'homme*. Si malheureusement cette forme n'est pas trouvable,—et j'avoue ingénuement que je crois, qu'elle ne l'est pas,—mon avis est qu'il faut passer à l'autre extrémité et mettre tout d'un coup l'homme autant audessus la loi qu'il peut l'être, par conséquent, établir le Despotisme arbitraire qu'il est possible: je voudrois, que le Despote pût être Dieu.

En un mot je ne vois point de milieu supportable entre la plus austère Democratie et le *Hobbisme* le plus parfait, car le conflit des hommes et des lois, qui met dans l'état une guerre intestine continuelle, est le pire de tous les états politiques.

Mais les Caligula, les Néron, les Tibère! Mon Dieu!.. Je me roule par terre, et je gémis d'être homme.

Toute méchanceté vient de foiblesse. L'enfant n'est méchant que par ce qu'il est foible: rendez le fort, il sera bon. Celui, qui pourroit tout, ne ferait jamais de mal.

XII.

ТРИ ЛЬВА.

Басня.

Его величество, Левъ сильный, царь звѣрей,
Скончался.
Народъ совѣтовать собрался,
Кого бъ изъ трехъ его дѣтей
Признать наслѣдникомъ короны.
«Меня!» сынъ старшій говорилъ:
Я сдѣлаю народъ наперсникомъ Беллоны.»
«А я обогащу,» середній подхватилъ.
«А я бъ его любилъ,»
Сказалъ меньшой съ невиннымъ взоромъ,
И тутъ же нареченъ владыкой всѣмъ соборомъ.

Дмитрїевъ.

—

XIII.

МЫСЛИ ОБЪ УЕДИНЕНИИ [1]).

(Изъ русскаго писателя).

XIV.

РАЗНЫЯ МЫСЛИ.

La solitude est la mère du génie. Le fond d'un grand talent est toujours beaucoup de raison.

Pour les hommes, nés avec un peu de talent, il n'y a que deux sortes de livres: ceux, qui font penser, et ceux, qui contiennent do faits.

L'esprit ne voit que les ressemblances; le jugement et le génie voient les différences: c'est que les objects se ressemblent par les côtés les plus grossiers, au lieu qu'ils diffèrent par les côtés les plus délicats. Le génie n'est qu'une plus grande aptitude à la patience.

Buffon.

«Il se faut reserver une arrière-boutique, toute nôire, toute franche, en laquelle nous établissons notre vraie liberté.

«Nous avons une âme contournable en soi même; elle se peut faire compagnie.

«La faute me repousse à moi.

«Les choses moins craintes sont moins défendues et moins observées. On peut oser plus aisement ce, que personne ne pense, que vous oserez.

«En toute chose la mutation est à craindre: la mutation des saisons, des vents, des vivres, des humeurs; et nulles loix ne sont en vrai crédit que celles, aux quelles Dieu a donné quelque ancienne durée, de mode, que personne ne sache leur naissance, ni qu'elles ayent jamais été autres.

---

[1]) Приведена вполнѣ эта статья Карамзина.

«Personne n'est exempt de dire les fadaises: le malheur est de les dire curieusement.

«La force de tout conseil git au temps et les matières roulent et changent sans cesse.»

Montaigne.

La nature est une sphère intime, dont le centre est partout, la circonférence nulle part.

L'art de bouleverser les états est d'ébranler les coutumes établies, en sondant jusques dans leur source, pour y faire remarquer le défaut d'autorité et de justice. Le peuple prête l'oreille et secoue le joug dès qu'il le connoit.

Pascal.

Soyons de notre esprit les seuls legislateurs,
Vivons libres du moins dans le fond de nos coeurs:
C'est le trône de l'homme; il règne, quand il pense. *Pompignan.*

Ce, qui rend la constitution d'un état véritablement solide et durable, c'est quand les convenances sont tellement observées, que le rapports naturels et les lois tombent toujours de concert sur les mêmes points et que celles-ci ne font, pour ainsi dire, qu'assurer, accompagner, rectifier les autres.

Il n'y a dans chaque état qu'une bonne manière de l'ordonner: celui, qui l'a trouvée, doit s'y tenir..

«Не искушеніе ли житіе человѣку на земли, и якоже наемника повседневнаго жизнь его?»

«Во многѣ времени премудрость; во многѣ житіи вѣдѣніе».

«Все житіе нечестиваго въ попеченіи: лѣта же изочтена дана сильному. Страхъ же его во ушесѣхъ его; егда мнитъ уже въ мирѣ быти, тогда пріидетъ нань низвращеніе. День теменъ превратитъ его. Видѣвшіи его рекутъ: гдѣ есть? яко же сонъ отлетѣвый, не обрящется.»

Книга Іова.

—

XV.

О ДОБРОДѢТЕЛИ.

Il n'y a point de vertu à suivre ses penchans et à se donner, quand ils nous y portent, le plaisir de bien faire; mais elle consiste à les vaincre, quand le devoir le commande, pour faire ce, qu'il nous prescrit. Il n'y a point de vertu sans combat. Le mot de vertu vient de *force;* la force est la base de toute vertu. La vertu n'appartient qu'à un etre foible par sa nature et fort par sa volonté: c'est en cela que consiste le mérite de l'homme juste; et quoique nous appellons Dieu bon, nous ne l'appelons pas vertueux, parcequ'il n'a pas besoin d'éfforts pour bien faire.

Celui, qui n'est que bon, ne demeure tel qu'autant, qu'il a du plaisir à l'étre: la bonté se brise et périt sous le choc des passions humaines; l'homme qui n'est que bon, n'est bon que pour lui. Qu'est-ce donc que l'homme vertueux? C'est celui, qui sait vaincre ses afféctions; car alors il sait sa raison, sa conscience, il sait son devoir, il se tient dans l'ordre et rien ne l'en peut écarter. Il n'est pas si facile, qu'on pense, de renoncer à la vertu. Elle tourmente longtems ceux, qui l'abandonnent; et ses charmes, qui font les délices des ames pures, sont le premier supplice du méchant, qui les aime encore et n'en sauroit plus jouir.

Si la vie est courte pour le plaisir, qu'elle est longue pour la vertu! Il faut etre incéssament sur ses gardes. L'instant de jouir passe et ne revient plus: celui de mal faire passe, et revient sans cesse: on s'oublie un moment et l'on est perdu.

Tel est l'effet assuré des sacrifices, qu'on fait à la vertu, s'ils coutent souvent à faire, il est toujours doux de les avoir faits, et l'on n'a jamais vu personne se répentir d'une bonne action.

La vertu est un état de guerre et, pour y vivre, on a toujours quelque combat à rendre contre soi. Occupons nous moins des dangers que de nous, afin de tenir notre ame

prête à tout événement. Si chercher les occasions, c'est mériter d'y succomber, les fuir avec trop de soin, c'est souvent nous refuser à de grands devoirs; et il n'est pas bon de songer sans cesse aux tentations, même pour les éviter.

Les plus sublimes vertus sont negatives:—elles sont aussi les plus difficiles, parcequ'elles sont sans ostentation et au-dessus même de ce plaisir, si doux au coeur de l'homme, d'en renvoyer un autre content de nous. O quel bien fait necessairement à ses semblables celui d'entre eux,—s'il en est un,—qui ne leur fait jamais de mal! De quel intrépidité d'ame, de quelle vigueur de caractère il a besoin pour cela! Ce n'est pas en raisonnant sur cette matière, c'est en tâchant de la pratiquer, qu'on sent, combien il est grand et pénible d'y réussir.

Quand une fois on a perdu le goût des plaisirs de l'ame, qu'il est difficile de le reprendre! Qu'il est difficile encore de le prendre, quand on ne l'a jamais eu! S'il existoit un homme assez misérable pour n'avoir rien fait en toute sa vie, dont le souvenir le rendît content de lui même et bien aise d'avoir vécu, cet homme seroit incapable de jamais se connoître; et faute de sentir, quelle bonté convient à sa nature, il resteroit méchant par force et seroit éternellement malheureux. Mais croyez-vous, qu'il y ait sur la terre entière un seul homme, assez dépravé, pour n'avoir jamais livré son coeur à la tentation de bien faire? Cette tentation est si naturelle et si douce, qu'il est impossible de lui résister toujours et le souvenir du plaisir, qu'elle a produit une fois, suffit pour la rappeller sans cesse. Malheureusement elle est d'abord pénible à satisfaire; on a mille raisons pour se refuser au penchant de son coeur; la fausse prudence le resserre dans les bornes du *moi* humain; il faut mille éfforts de courage pour oser les franchir. *Se plaire à bien faire est le prix d'avoir bien fait*, et ce prix ne s'obtient qu'après l'avoir mérité. Rien n'est plus aimable que la vertu, mais il en faut jouir pour la trouver telle. Quand on la veut embrasser, semblable au *Protée* de la fable, elle prend d'abord mille formes effrayan-

tes et ne se montre enfin sous la sienne qu'à ceux, qui n'ont point lâché prise.

Celui, qui sait regner sur son propre coeur, tenir toutes ses passions sous le joug, sur qui l'intetêt personnel et les désirs sensuels n'ont aucune puissance, et qui, soit en public, soit tout seul et sans témoins, ne fait en toute occasion, que ce, qui est juste et honnête, sans égard aux voeux secrets de son coeur: celui-la seul est un homme vertueux. S'il éxiste, je m'en réjouis pour l'honneur de l'espèce humaine.

Rousseau.

XVI

КЪ ДОБРОДѢТЕЛИ.

О ты, которая была
Въ глазахъ моихъ всегда прелестна.... [1])....

XVII.

О СУПРУЖЕСТВѢ.

J'ai cru quelque tems, que l'amour était nécessaire pour former un heureux mariage; c'est une erreur: l'honnêteté, la vertu, de certaines convenances suffisent entre deux epoux; ce, qui n'empêche point, qu'il ne résulte de cette union un attachement très-tendre qui, pour n'être pas précisément de l'amour, n'en est pas moins doux et n'en est que plus durable. L'amour est accompagné d'une inquiétude continuelle de jalousie ou de privation, peu convenable au mariage, qui est un état de jouissance et de paix. On ne s'épouse point pour penser uniquement l'un à l'autre, mais pour remplir conjointement les dé-

[1]) Приведено вполнѣ это стихотвореніе Карамзина.

voirs de la vie civile, gouverner prudemment la maison, bien élever ses enfans. Les amans ne voient jamais qu'eux, ne s'occupent incessament que d'eux, et la seule chose, qu'ils sachent faire, est de s'aimer. Ce n'est pas assez pour des époux, qui ont tant d'autres soins à remplir. Il n'y a point de passion, qui nous fasse une si forte illusion que l'amour: on prend sa violence pour un signe de sa durée; le coeur, surchargé d'un sentiment si doux, l'étend, pour ainsi dire, sur l'avenir et tant que cet amour dure, on croit qu'il ne finira point. Mais au contraire, c'est son ardeur même qui le consume; il s'use avec la jeunesse, il s'efface avec la beauté, il s'éteint sous les glaces de l'âge, et depuis que le monde existe, on n'a jamais vu deux amans en cheveux blancs soupirer l'un pour l'autre. On doit donc compter, qu'on cessera de s'adorer tôt ou tard; alors l'idole, qu'on servoit, détruite; on se voit réciproquement tel, qu'on est. On cherche avec étonnement l'objet, qu'on aima; ne le trouvant plus, on se dépite contre celui, qui reste, et souvent l'imagination le défigure, autant qu'il l'avoit paré: il y a peu de gens, dit *La Rochefoucauld*, qui ne soient honteux de s'être aimés, quand ils ne s'aiment plus. Combien alors il est à craindre, que l'ennui ne succède à des sentimens trop vifs; que leur declin, sans s'arrêter à l'indifference, ne passe jusqu'au dégoût; qu'on ne se trouve enfin tout-à-fait rassasiés l'un de l'autre, et que pour s'être trop aimés amans, on n'en vienne à se haïr époux.

Jeunes époux, vous êtes perdus, si vous n'êtes qu'amans; mais soyez amis de bonne heure, pour l'être toujours. La confiance, qui vaut mieux que l'amour, lui survit et le remplace. Si vous savez l'établir entre vous, votre maison vous plaira plus qu'aucune autre; et dès qu'une fois vous serez mieux chez vous, que partout ailleurs, je vous promets du bonheur pour le reste de votre vie. La véritable félicité ne se trouve point au-dehors; il faut, que votre maison vous suffise, ou jamais rien ne vous suffira.

Une femme mariée n'a pas seulement engagé sa foi, elle a aliéné sa liberté. Dépositaire en même tems de l'honneur de deux personnes, il ne lui suffit pas d'être honnête, il faut encore qu'elle soit honorée; il ne lui suffit pas de ne rien faire que de

bien, il faut encore qu'elle ne fasse rien, qui ne soit approuvé. Une femme vertueuse ne doit pas seulement mériter l'estime de son mari, mais l'obtenir; s'il la blâme, elle est blâmable; et fut elle innocente, elle a tort, sitôt qu'elle est soupçonnée: car les apparences mêmes sont au nombre de ses devoirs.

XVIII.

МОЛИТВА ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНОЙ СУПРУГИ.

Providence éternelle, qui fait ramper l'insecte et rouler les cieux, tu veilles sur la moindre de tes oeuvres!

Tu m'as fait aimer le bien: daigne accépter d'un coeur pur par tes soins l'hommage, que toi seul rends digne de t'être offert! Je veux le bien, que tu veux et dont tu es la source. Je veux aimer l'époux, que tu m'as donné. Je evux être fidele, parce que c'est le premier dévoir qui lie la famille et toute la société. Je veux étre chaste, parceque c'est la première vertu, qui nourrit toutes les autrès. Je veux tout ce, qui se rapporte à l'ordre de la Nature, que tu as établi, et aux règles de la raison, que je tiens de toi. Je remets mon coéur sous ta garde, et mes désirs en ta main. Rends toutes mes actions conformes à ma volonté constante, qui est la tienne et ne permets pas que l'erreur d'un moment l'emporte sur le choix de toute, ma vie.

Rousseau.

XIX.

DER TRAUM.

Das Herz mir schlägt, das Herz mir schlägt
In Schleyer eingehüllt,
Ein Engel an Gestalt sich regt,
Ein reizvolles Bild.
Der Schleyer fällt: ich heb' ihn auf,
Benetz' mit Thränen ihn,

Und schon in bangen, leichten Laut
Seh' ich die Schöne fliehn.

***

Mit Scheu im Blick, mit Scheu im Blick,
Dreht sich ihr Augenpaar,
Bald vorwärts, bald zu mir zurück;
Bald zeigt ihr Rabenhaar,
Bald ihren Schwanenhals sie mir....
Schon wieder um sie blickt!...
O wär ein grauer Greis auch hier,
Wie ich würd' er entzückt!

***

Von Rosenlippen, Inhalts voll,
Die sanfte Rede floss;
Ihr zarter Busen wallend schwoll,
In den sich Lieb' ergoss.
Still schwebt auf ihrem Angesicht
Ein lächelnd Zartgefühl.
Der Unschuld reines Jugendlicht
Rührt mehr, als Zauberspiel.

***

Das Herz mir schlägt, das Herz mir schlägt;
In Majestät gehüllt
Schon wieder sein ein Lüftchen trägt
Der Schönheit Himmelsbild
Mit Scheu im Blick, mit Scheu im Blick
Seh' ich die Holde an....
Doch ach! den süssen Traum zurück
Kein Seufzer bringen kann.

XX.

ПОКОЙ И СЛАВА.

«Спокойствіе дороже славы!»
Твердятъ лѣнивые умы.[1])

—

[1]) Приведено вполнѣ это стихотвореніе Карамзина.

XXI.

О ДРУЖБѢ.

1.

Изъ Руссо.

Je suis convaincu, qu'il n'est pas bon, que l'homme soit seul. Des âmes humaines veulent être accouplées pour valoir tout leur prix; et la force unie des amis, comme celle des lames d'un aimant artificiel, est incomparablement plus grande, que la somme de leurs forces particulières. Divine amitié! c'est ton triomphe!

L'attachement peut se passer de retour, jamais l'amitié. Elle est un échange, un contrat comme les autres, mais elles est le plus saint de tous. Ce n'est qu'en rendant ou feignant de rendre l'amitié, qu'on peut l'obtenir.

S'épancher est un besoin pour les ames sensibles. La communication des coeurs imprime à la tristesse je ne sais quoi de doux et de touchant, que n'a pas le contentement; et l'amitié a été spécialement donnée aux malheureux pour le soulagement de leurs maux et la consolation de leurs peines.

Les épanchements de l'amitié se retiennent devant un témoin, quel qu'il soit. Il y a mille secrets que trois amis doivent savoir et qu'ils ne peuvent se dire que deux à deux....

C'est la foiblesse de l'homme qui le rend sociable: ce sont nos misères communes, qui portent nos coeurs à l'humanité: nous ne lui devrions rien, si nous n'étions pas hommes. Tout attachement est un signe d'insuffisance: si chacun de nous n'avait nul besoin des autres; il ne songerait guères à s'unir à eux. Ainsi de notre infirmité même naît notre frêle bonheur. Un être vraiment heureux est un être solitaire: Dieu seul jouit d'un bonheur absolu; mais qui de nous en a l'idée? Si quelque être imparfait pouvoit se suffire à lui même, de quoi jouiroit il selon nous? Il seroit seul, il seroit misérable. Je ne conçois pas, que celui, qui n'a besoin de rien, puisse aimer quelque

chose; je ne conçois pas que celui, qui n'aime rien, puisse être heureux.

Rien n'a tant de poids sur le coeur humain que la voix de l'amitié bien reconnue; car on sait qu'elle ne nous parle jamais que pour notre intérêt. On peut croîre, qu'un ami se trompe, mais non qu'il veuille nous tromper. Quelque fois on résiste à ses conseils, mais jamais on ne les méprise.

2.

Изъ Монтаня.

La douceur d'une sortable et agréable compagnie ne se peut assez acheter à mon gré. Et qu'est ce qu'un ami? Combien est vraie cette ancienne sentence, que l'usage en est plus necéssaire et plus doux, que des élements de l'eau et du feu.

En la vraie amitié je me donne à mon ami plus, que je ne le tire à moi. Je n'aime pas seulement mieux lui faire bien que s'il m'en faisoit, mais encore, qu'il s'en fasse qu'à moi: il m'en fait lors le plus, quand il s'en fait.

Il fait besoin d'oreilles bien fortes pour s'ouyr franchement juger: et parce qu'il en est peu, qui le puissent souffrir sans morsure, ceux, qui se hazardent de l'entreprendre envers nous, montrent un singulier effet d'amitié; car c'est aimer sainement que d'entreprendre à blesser pour profiter.

L'amitié a les bras assez longs pour se tenir et se joindre d'un coin du monde à l'autre.

C'est une rare fortune, mais de soulagement inéstimable d'avoir un honnête homme, d'entendement ferme et de moeurs conformes aux votres, qui aime à vous suivre.

Notre liberté volontaire n'a point de production, qui soit plus proprement sienne, que celle de l'amitié.

Si on me presse de dire, pourquoi j'aime mon ami, je sens, que cela ne se peut exprimer qu'en répondant: *parceque c'est lui, parceque c'est moi.*

—

3.

Изъ русскаго писателя.

Вѣрнѣйшая, пріятнѣйшая спутница жизни для сердца благоразумнаго, чувствительнаго, отъ колыбели до могилы, есть дружба. Съ нею играемъ цвѣтами въ дѣтствѣ, съ нею дѣлимъ восторги юношества и любви; ей въ лѣтахъ мужества повѣряемъ великодушныя намѣренія славолюбія, важные опыты и мысли сокровенныя. Въ то время, когда всѣ иныя утѣхи, склонности, страсти, удовольствія оставляютъ насъ; когда любовь хладѣетъ въ сердцѣ и въ воображеніи; когда честолюбіе, насыщенное или обманутое, засыпаетъ въ душѣ утомленной; когда самая надежда отлетаетъ отъ угрюмой старости: — дружба и тогда еще стоитъ за нами съ кроткою улыбкою привѣтствія, готовая внимать послѣднимъ нашимъ бесѣдамъ о жизни и мірѣ, ободрять насъ именемъ Провидѣнія, вѣчности и добродѣтели.

4.

Изъ Лафонтена.

Qu'un ami véritable est une douce chose!
Il cherche vos besoins au fond de votre coeur;
Il vous épargne la pudeur
De les lui découvrir vous-même.
Un songe, un rien tout lui fait peur,
Quand il s'agit de ce, qu'il aime.

—

XXV.

GRENZEN DER MENSCHHEIT.

Wenn der uralte,
Heilige Vater
Mit gelassener Hand
Aus rollenden Wolken
Segnende Blitze
Über die Erde sä't,
Küss' ich den letzten
Saum seines Kleides,
Kindliche Schauer
Treu in der Brust.

***

Denn mit Göttern
Soll sich nicht messen
Irgend ein Mensch.
Hebt er sich aufwärts
Und berührt
Mit dem Scheitel die Sterne,
Nirgends haften dann
Die unsicheren Sohlen,
Und mit ihm spielen
Wolken und Winde.

***

Steht er mit festen,
Markigen Knochen
Auf der wohlgegründeten
Dauernden Erde,
Reicht er nicht auf
Nur mit der Eiche
Oder der Rebe
Sich zu vergleichen

***

Was unterscheidet
Götter von Menschen?
Das viele Wellen
Vor jenen wandeln.

Ein ewiger Strom:
Uns hebt die Welle,
Verschlingt die Welle
Und wir versinken.

***

Ein kleiner Ring
Begränzt unser Leben,
Und viele Geschlechter
Reichen sich dauernd
An ihres Daseins
Unendliche Kette.

Göthe.

III.

СМѢСЬ И БИБЛІОГРАФІЯ.

ТРАГЕДОКОМЕДІЯ ВАРЛААМА ЛАЩЕВСКАГО О МЗДѢ ВЪ БУДУЩЕЙ ЖИЗНИ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Южнорусская духовная драма, занесенная въ концѣ XVII столѣтія въ Москву, не умерла съ учрежденіемъ постояннаго театра. Въ то время, какъ дворъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на блистательную обстановку итальянской оперы и выслушивалъ суровыя аріи Тредьяковскаго, на югѣ продолжала разъигрываться бурсак амишкольная драма передъ невзыскательною толпою часто импровизированныхъ зрителей. Сохраняя еще воспоминаніе о своемъ церковномъ происхожденіи, эта послѣдняя литературная форма мистеріи, эта *moralité* южнорусскихъ школъ продолжала голосомъ церкви поучать и обличать своихъ простодушныхъ зрителей. Какъ и проповѣдь эпохи преобразованія, школьная драма юга не лишена интересныхъ чертъ современной жизни, которыя часто выступаютъ въ ней довольно ярко. Даже и въ то время, когда возникъ постоянный театръ въ Петербургѣ, она являлась иногда на сцену придворнаго театра, и рядомъ съ «Гамлетомъ» Сумарокова, комедіею Гольберга, разъигрывался «Кающійся грѣшникъ» Димитрія Ростовскаго. Чудная смѣсь стараго съ новымъ, внѣшняго блеска иноземной сцены съ отживавшими свой вѣкъ продуктами Польши характеризуетъ исторію нашего театра въ первой половинѣ прошлаго столѣтія: вымершія на Западѣ, неопредѣленныя формы мистеріи и строгоусловный строй псевдоклассической трагедіи сталкивались нерѣдко на однихъ доскахъ. Одна двусмысленнымъ (или, пожалуй, безсмысленнымъ) названіемъ

трагедокомедія уже громко говорила о томъ, какъ смутно понимали творцы ея значеніе литературныхъ формъ драматической поэзіи и какъ отстали они отъ современнаго движенія европейской словесности; другая приносила съ собою всю строгость сложившейся литературной теоріи. Отъ одной вѣетъ еще монашескою кельею XVI вѣка; въ ней (какъ въ предлагаемой трагедокомедіи) слышится запоздалый голосъ православнаго воспитанника кіевской академіи противъ папы, черныхъ мушекъ, мірской жизни вообще: другая возникла въ блистательной сферѣ двора и выводила на сцену невѣдомые у насъ дотолѣ образы древнихъ героевъ.

Къ сожалѣнію южнорусскія драмы до сихъ поръ не нашли себѣ собирателя;*) многія изъ нихъ потеряны, можетъ быть, безвозвратно: намъ до сихъ поръ не удалось отыскать нѣкорыхъ драмъ Димитрія Ростовскаго, извѣстныхъ по разнымъ указаніямъ. Между тѣмъ ближайшее изслѣдованіе южнорусской письменности въ отношеніи къ сѣверной, именно въ періодъ времени отъ начала XVII до второй половины XVIII вѣка, составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ исторіи новой русской словесности. Для рѣшенія ея и думаемъ мы предложить нѣкоторыя данныя, печатая памятники, подобные предлагаемой піэсѣ Лащевскаго.

Трагедокомедія Варлаама Лащевскаго написана въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія, потому что въ 1747 году авторъ ея уже вызванъ былъ изъ кіевской академіи въ Петербургъ. Мы печатаемъ ее по рукописи, принадлежавшей Толстому *), нынѣ Императорской Публичной Библіотеки (XIV, 0, 2).

Н. Тихонравовъ.

---

*) Кромѣ драмъ, напечатанныхъ въ Древней Россійской Вивліоѳикѣ, только г. Пекарскій коснулся ихъ въ статьѣ: «Мистеріи и старинный театръ въ Россіи» (Современникъ 1857 г.), да въ Чтеніяхъ Московскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ (1858, кн. I.) напечатано одно изъ такихъ произведеній подъ заглавіемъ *Милость Божія* и т. д.

*) Въ Обстоятельномъ описаніи рукописей Толстова она указана въ отд. VI № 4.

ТРАГЕДОКОМЕДІЯ

О НАГРАЖДЕННІИ ВЪ СЕМЪ СВѢТѢ ПРІИСКАННИХЪ ДѢЛЪ МЗДЫ ВЪ БУДУЩЕЙ ЖИЗНИ ВѢЧНОЙ,

сложенная

Варлаамомъ Лащевскимъ въ Академіи Кіевской.

ЯВЛЕНІЕ 1.

ЦЕРКОВЪ УСКАРЖАЕТСЯ ВЪ НАВѢТЕХЪ СВОИХЪ И СКУДОСТИ ЛЮДЕЙ.

Отнель въ достояніе себѣ Богъ избра мя,
 О коль адова врата восшумѣша на мя!
Аще же глави моей и не премогоша,
 Обаче стопи уже гораздо притроша.
Язвиша мя въ Авелѣ смертныя болѣзны;
 Потерпѣхъ съ божіими синмы укоризни;
Поболѣ ми утроба, рождши исполина;
 Остахъ на лицу земли при Нои едина;
Бродихъ со Авраамомъ пришелица странна;
 Мнѣхъ, что со Исаакомъ ужь буду закланна;
Нужда бѣ мнѣ убѣгать Исавляго гнѣва.
 Продаде мя въ Египетъ рука завистлива:
Чего тамъ не дѣяху мнѣ фараониты,
 Тщащеся мя отъ живихъ во вся истребити!
Аще же и спасе мя мишца превысока,
 Но послѣжде расточи пустиня глубока,

И въ земли медоточной Саулъ мя гоняше,
Авесаломъ, утроба моя, мя боряше.
Со Іовомъ лишихся богатствъ и чадъ вкупѣ,
Сидѣхъ, въ позоръ всѣмъ, нага на гноищи въ струпѣ;
Думала, съ Иліею, что остахъ едина.
Что отъ рукъ Езавели пріиде ми кончина;
Быхъ со Исаіею пилою претрѣнна;
Валяхся съ Іеремѣемъ въ студенецъ вриненна;
Въ ровѣ при Даніилѣ боряхся со львамы;
Спалиша мя съ отроки седмеричны пламы;
Какъ тельци подъ топоръ мя Амонъ закупаше;
Антіоха мнѣ лютость кожу одираше.
Во всѣхъ же сихъ мужахся, надежду имущи,
Яко живъ мой спаситель, Мессія грядущій.
Но какъ пришелъ, и его тажь напои чаша:
Биша, мучиша, въ конецъ и смерти предаша.
Вѣмъ то, яко онъ сице адова стерлъ врата
И плѣнь мою держиму взять у супостата;
Но коль послѣжде вразы паки возшумѣша;
Всю силу, весь міръ на мя вдругъ вооружиша!
Лютъ Неронъ, аки воду, кровь мою піяше;
Діоклетіанъ трупомъ моимъ псы кормяше;
Севиръ, Декій зъ Траяномъ люты на мя бѣста:
Не бѣ въ горахъ, ни въ лѣсахъ сокритися мѣста!
Аще же и быша ми дны послѣжде мирны, —
Внегда по ныхъ насташа цары благовѣрны,—
Обаче и тогда мя внутрь тернъ остръ бодяше:
Арій мя первій въ полы части раздираше;
Язви по немъ Македонъ, Ураній, Несторій
Приложиша болѣзней буйе діоскоры.
Симъ со шумомъ погибшымъ, Папа возбѣсися;
Отъ Папи Лютръ, отъ Лютра Калвинъ уродися.
Сіи нынѣ наипаче коль на мя зѣваютъ!
Поглотить мя образы всѣмы промишляютъ.
Слава Спасу моему, яко въ щитъ мя нынѣ
Благовѣрной Россійской вручи Монархинѣ!
И отецъ ея Петръ бысть въ щитъ мнѣ непостидній,
И внукъ его тожъ будетъ, по немъ Петръ наслѣдній.
Оби за благовѣрной токмо ихъ державы
Въ благочестіи обще всѣ пожили правѣ;
Но то бѣда, что нынѣ множайшіи бывше

От числа Христіанов мене оставивше:
Ов на куплю, ов в село, ов же за женою —
Вси пошли в слѣд міра, вси за суетою!
Инных в слѣд себѣ злато, инных водят сласти,
Инных неутолимо желаніе власти,
Инных ума своего мнѣніе высоко,
Инных гордость, и лѣность, и лукаво око;
Да сіиж и вѣрними себѣ быти мнятся,
Именитись сынами церкви не стидятся.
Нѣсмь аз церковь, яко мнят, от древ нечувственных,
Но от людей, во Христов дух соединенных;
Основа мнѣ пророцы, апостолы стѣны,
Глава моя Христос есть и верх многоцѣнный,
Всяк же, со Апостолом за Христом грядущій,
То сын мой есть истиній и Христіян сущій.
Но о коль сих мало есть, а наипаче нинѣ!
Живу в мірѣ сем, аки посредѣ пустини.

ЯВЛЕНІЕ 2.

МІР ГОРДИТСЯ О СЛАВѢ СВОЕЙ И О МНОЖЕСТВѢ ЛЮДЕЙ, ПО НЕМ ПОСЛѢДУЮЩЫХ.

Отнелѣ обожихся змінным совѣтом,
Едва не всѣм, аки Бог, обладаю свѣтом.
Аще инній кто в свѣтѣ бог есть, я не знаю:
Что хощу, сам о себѣ то содѣловаю.
Кто мнѣ конечно бога совѣтует знати?
Лучше мнѣ за бога себе почитати!
Се многіе у мене и нинѣ Адамы:
Уже во умѣ своем видятся богамы,
По верху земли ходят гордины ногою,
А самых досязати небес мнят главою.
Или уне ми есть сих богов истукати,
Иже не могут моей волѣ прерѣкати,
Каких Израильтяном изваях от злата:
Бездушнія, нѣмія, овны, да телята.
Тако вся наипаче бозы истуканны
Языческія повсюду исполниша страны,

Сыны своя и дщеры людіе имъ жряху,
Самы себе ихъ ради ножамы крояху.
Да и между самимы Христіанской вѣри
Коликіе остали и до днесь кумиры!
Вси, иже знахарствуютъ, шепчутъ, обаяютъ,
Идоловъ моихъ въ помощь себѣ призиваютъ.
Да отъ тѣхъ же Христіанъ пріять часть премнога
Собственно свое себѣ чрево вмѣсто бога,
Ему же множайшіи толма работаютъ,
Яко и животъ свой весь на то изнуряютъ,
Какбы е, аки юнца, сластмы упитати,
Откуду бы щоденно пиры составляти;
Которому едина нива угобзися,
И той глаголетъ чреву: яждь, пій, веселися!
Протчіи вмѣсто боговъ протчее избраша:
Множайшіи честь тую плоти своей даша;
Множайшіи отъ утра до вечера піютъ:
Маліе стаканы имъ вовсе не довлѣютъ,
Болшимы наливати тѣло якъ барило, —
То ихъ чрезъ все житіе, то едино дѣло.
Сице содомлы дщеры равно ей служаху:
Что сердце вожделѣ, то любодѣяху.
Нѣтъ ли плоти и нынѣ во людехъ содому?
Содомъ дѣется едва не во всякомъ дому:
Что вижу? шинкы токмо, содомскіе дворы.
Что слышу? гласъ въ перезвахъ, токмо гласъ Гоморры.
Множайшіи же, сердцемъ несыти іуди,
Сребра, своего Бога, ниравютъ повсюди,
Грязнути сребромъ они душу заставляютъ,
Другъ зъ друга сребра ради кожу издираютъ,
Крадутъ, гнетутъ, ябедятъ, садятся на власти,
Разбиваются сердцемъ на вся лукавствъ части.
Симъ же всѣмъ, аки Богомъ, людіе служащи,
Мнѣ служать, яко азъ есмь, сія въ нихъ творящій.
Кто ни противиться воли моей станетъ,
Тисяща ми Каиновъ абіе предстанетъ,
Сѣщи, жещи, мучити, убити готовы:
Ни братней, ни отческой не пощадятъ кровы.
Обаче противныхъ мнѣ весма вижу мало:
Вси міръ возлюбили, вси на мое пристало.

ЯВЛЕНІЕ 3.

БЛАГОДАТЬ БОЖІЯ ВЪ ПОСПѢШЕНІЕ ЦЕРКВЫ, А ВЪ УКОРЕНІЕ МІРА ПРИПОМИНАЕТЪ БУДУЩАЯ ВОЗДАЯНІЯ ПРАВЕДНЫМЪ И ГРѢШНЫМЪ.

О множествѣ слугъ твоихъ, свѣте, не гордися,
Ни ти за скудость сыновъ своихъ печалися.
Правда, яко малое число есть избранныхъ,
Да и тѣ живутъ вину въ бѣдахъ непрестанныхъ;
Но внегда смертію свой подвигъ скончеваютъ,
Что во воздаяніе тогда получаютъ,
Ни око когда видѣ, ни ухо слихало,
Ни человѣку когда на сердцу бывало.
Твоя же, свѣте, власть аще и широка,
Обаче и геенна на ню есть глубока,
Еяже всеяростній огнь не угасаетъ,
Неусипно гризущій червь не умираетъ.
Испитайте о сіе священнихъ писаній,
Вопрошайте закона пророчихъ гаданій:
Тѣ вамъ будуща вѣка два лица представлятъ,
Что праведна, что грѣшна постиже, — изъявятъ,
А предъ кимъ гаданія закриты пророчы,
Промыслъ Божій различно ставить то предъ очи.
На якомъ стою мѣстѣ, будутъ не въ забавѣ
Єдинъ зъ гибели, другій съ небеснія славы.

ЯВЛЕНІЕ 4.

ВЫХОДЯТЬ ДВА ЛИЦА ЖЕНСКОГО ПОЛУ: ЕДИНА ОТЪ БЛАГОДАТИ ДРУГАЯ ОТЪ МУКЪ.

БЛАГОЧЕСТИВАЯ.

Благословенъ Богъ, въ мирѣ сохраняй мя чисту,
Яко да буду нынѣ ему во невѣсту!
Радуйся, душе моя, Бога возлюбивша!
Радуйся, мисль, скверними себе не растливша!
Радуйтесь не умѣвши очы помизати!
Радуйся ненавикшій языкъ оболщати!

Радуйтесь уста, чисты отъ скверныхъ лобзаній!
　　Радуйтесь руцѣ, чужды скверныхъ осязаній!
Радуйтесь плясати нозѣ неучены!
　　Радуйся сердце, мирно отъ блудныхъ волненій!
Радуйтеся вся чувства и все мое тѣло,
　　Отъ всѣхъ нечистотъ себе соблюдшее цѣло!

ЗЛОЧЕСТИВАЯ.

О лютѣ мнѣ! о лютѣ! Отецъ мой и мати
　　И день той рожденія моего проклятій!
О быхъ никогда во мірѣ не была рожденна,
　　Или би въ рожденіи самомъ убіенна
Матернею рукою! О бы мнѣ единій
　　Тойже и рожденія день билъ и кончини!
Не быша мя поткалы сія нынѣ муки!
　　Не быхъ сему попалась мучителю въ руки!

БЛАГОЧЕСТИВАЯ.

Что се за вопль твой страшній и образъ толь странній?

ЗЛОЧЕСТИВАЯ.

　　Едина есмь головня пекелной отъ хлани.

БЛАГОЧЕСТИВАЯ.

Вижу яко головню, но да то явиши,
　　Что было еси прежде и за что терпиши
Муки?

ЗЛОЧЕСТИВАЯ.

　　Явлю; но прежде о себѣ ничтоже
Утай, молю: кто еси толь свѣтла, госпоже?

БЛАГОЧЕСТИВАЯ.

　　Свѣтла есмь нынѣ, яко въ свѣтѣ неприступномъ
Живу со Богомъ, живу и съ ангели купно;
　　Прежде же не свѣтихся, живучи во мірѣ:
Бѣхъ бо дщи единаго Христіанской вѣри
　　Человѣка.

ЗЛОЧЕСТИВАЯ.

　　　　Какъ ему прозваніе бяше?

БЛАГОЧЕСТИВАЯ.

Вростосъ.

ЗЛОЧЕСТИВАЯ.

Молю скажи ми, гдѣ онъ обыташе.

БЛАГОЧЕСТИВАЯ.

Въ градѣ, званномъ Космополь.

ЗЛОЧЕСТИВАЯ.

Ещель бяху дѣти,
Кромѣ тебе у него?

БЛАГОЧЕСТИВАЯ.

Бѣ юнѣйша лѣти
Отъ мене дщи, Фавлія

ЗЛОЧЕСТИВАЯ.

Ахъ, ахъ окаянна!
Твоежь госпоже имя?

БЛАГОЧЕСТИВАЯ.

Азъ именованна
Бѣхъ Агаѳія.

ЗЛОЧЕСТИВАЯ.

Горе, горе Фавлѣ оной!
Горе ей, юже зриши, горе беззаконной!
Азъ есмь Фавлія, сестра ȏтъ тебе юнѣйша;
Азъ есмь она Вростоса дщи окаяннѣйша.

БЛАГОЧЕСТИВАЯ.

Фавлю тя быти много познаю отъ гласа;
Но се образъ твой нынѣ исполненъ ужаса,
А въ мірѣ таковъ не бѣ.

ЗЛОЧЕСТИВАЯ.

Знаю и я знаю,
Какъ многихъ своимъ было образомъ прелщаю.
Вимивахся по всякъ часъ, не ступихъ безъ мила;
Благовонніе краски, драгіе бѣлила
Устроевахъ на тварѣ, а чернія цвѣта
Прилѣпляхъ, зовомые мушки, на ланита.
А нынѣ, яко зриши, тварь оная бѣла,
Какъ жупелемъ геенскимъ во вся очернѣла;
Краскы моя суть нынѣ — огнь неугасимій,
Ароматы въ тлѣніи — смрадъ есть нестерпимій,

Мушкы живіе пасѣль червь неусыпаяй,
По тварѣ и всемъ тѣлѣ сидитъ угризая.

БЛАГОЧЕСТИВАЯ.

Помниши ли, что вся та на грѣшни грядуща
Множицею рекохъ ти, еще въ мірѣ суща?

ЗЛОЧЕСТИВАЯ.

О добрѣ помню; горежъ, что, тѣмъ не внушая,
Не престаяхъ никогда дерзать на вся злая!
Увы мнѣ, яко ходихъ по игрищахъ всюду
По улицахъ, по валахъ расхождахъ безъ студу!
Увы мнѣ, яко всяко искусна бѣхъ льстити,
И самимы очима умѣхъ говорити!
Увы мнѣ, яко на умѣ мнѣ танцы, да плясы,
Музыки, студны лики бѣху по вся часы!
Увы, яко въ перезвахъ безъ всякаго срама
Срамословихъ, и воплихъ, и плескахъ рукама!
Увы, яко житіе проведохъ всецѣло,
Единой сквернѣ плѣнивши и душу и тѣло!

БЛАГОЧЕСТИВАЯ.

Не вся ли та творящу и азъ тя видящи,
Тужихъ сердцемъ повсегда и плакахъ многащи?
Но рцы ми: уже мукы какія терпиши?

ЗЛОЧЕСТИВАЯ.

И кто можетъ изрещи? се, якоже зриши,
Яже было иногда скачу, да играю:
Нынѣ неутолимо плачу, да рыдаю
Руцѣ плескати, нозѣ плясати готовы,
Нынѣ твердо забыти въ тяжкіе оковы.
Се языкъ мой, навикшій воплити безчинно,
Нынѣ точію воплить горе мнѣ едино!
На очи, мигавшіе, найде тма кромѣшна;
На лице, склабывшоесь, туга безутѣшна.
Се ми, вмѣсто дружини, діаволъ шкаредній
Присѣдитъ вину, стражь лютъ и немилосердній.
Ти, аще можеши? мнѣ молю дашь отраду.

БЛАГОЧЕСТИВАЯ.

Нѣсть никакъ, глаголю ти, спасенія съ аду:

Уже покаянія дверь ти заключися;
Между нами и вамы пропасть утвердися
И какъ пріидеши тамо, страшилище черно,
Идѣже ничто входитъ нечисто и скверно?
Единіи, по Бозѣ поживщіи свято,
Искушенны во мірѣ, какъ въ горнилѣ злато,
Сохранившіи любовь въ супружествѣ чисту,
Обручившіи себе Христу во невѣсту,
Побдѣвшіи жениха съ своими свѣтили,
Исполншися благимы неоскудно дѣлы:
Сіи токмо едини на браки готовы
Съ Христомъ купно вниидоша въ градъ нѣкій новый;
Сіи токмо день и нощь съ ангельскимы лики
Веселятся о Бозѣ о Христѣ во вѣкы.
Безъ нихъже малъ часъ здѣ есмь, а ужь и скучаю:
Пойдемъ, хранителю мой! до неба, до раю.

АНГЕЛЪ.

Ступай и ти до своего, о мерзосте древна!
Плѣнницею во тартаръ и мѣста плачевна.

ЗЛОЧЕСТИВАЯ.

О горе на грѣшніи, горе человѣкы!

ДІАВОЛЪ.

Горе и намъ, съ вами вдругъ мучимымъ во вѣкы!

ЯВЛЕНІЕ 5.

ДВА ЮНОШЫ РАЗГЛАГОЛЬСТВУЮТЪ О БУДУЩИХЪ СПИСАНІИХЪ.

ПЕРВІЙ.

Яже видѣхомъ нынѣ странна и ужасна,
Ово суть преблаженна, ово пренещасна.
Слышахомъ, какъ правіи поютъ и ликуютъ,
Какъ грѣшніи во мукахъ стенутъ и дряхлуютъ.
О дабы былъ сей страшній позоръ всѣмъ видимій!
Даби знали, по смерти что чинится зъ ними!

ВТОРІЙ.

Аще бы гдѣ судія какій присмотрѣлся,
Какъ то преславно въ сынѣхъ божіихъ вмѣнился

Судившій людемъ право, впротивъ обидящій,
Какъ безъ милости во огнь осужденъ горящій:
Отселѣ не свѣдалъ бы вдовичего дому,
Не хотѣлъ би обиди творити никому.

ПЕРВІЙ.

О би вняли прилежно дѣвицы, да жены,
Какъ цѣломудрена вниде на бракъ торжественній,
Юрода же, по стогнахъ плясавшая градскыхъ,
Какъ стенетъ безутѣшно въ узилищахъ адскихъ:
Беззаконно бы дѣвство свое не теряли,
Въ супружествѣ би ложе чисто сохраняли.

ВТОРІЙ.

Дабижь и вси внушили пастиріе стаду,
Коль пастирь вѣренъ бывій, взя мзду безъ прикладу,
Расточивій же овцы пастирь неключимій
Стенетъ нынѣ лютимы муками томимій:
Хранилъ бы всякъ тщаливо своея огради
Страха Божія паче, не доходивъ ради.

ПЕРВІЙ.

Не можетъ человѣкъ, донелѣ есть въ мірѣ,
Очима сія зрѣти, точію по вѣрѣ.
И что бы то за вѣра, аще би будуща
Предъ очеса намъ стали, яко нынѣ суща?
Но Богъ въ писаніи вся изволилъ открити,
Мы толко, чтуще, должни вѣри приложити.

ВТОРІЙ.

Правда, что въ писаніяхъ открилъ Богъ пространно,
Благо и зло творящимъ что уготованно;
Обачежь оная не вси могутъ знати.
А кто невѣжеству ихъ будетъ виноватій?
Церковь ежеденно насъ о томъ поучаетъ
И тому сердце наше того не внимаетъ

ПЕРВІЙ.

Иніи, возлюбивше мракъ паче свѣта,
Лжу вѣка сего паче истинны совѣта,—
Писанія священна и знать не желаютъ:
Да не когда услишатъ, уши затикаютъ,

Въ прелестахъ вѣка сего углубившесь зѣло,
А Бога знать аки бы не ихъ было дѣло.

ВТОРІЙ.

Инніижь будто что и мнятъ разумѣти,
Обаче уже есть имъ и то позабыти,
Неже водити слово Божіе какъ плѣнно,
Куда велитъ ихъ сердце, похотьми растлѣнно:
Неувѣрившии съ Богомъ Авраамлимъ духа,
Отъ внѣшняго писаній погибаютъ слуха.

ПЕРВІЙ.

Инніи букварь толко изучатъ единый,
Да когда еще знаютъ что и отъ Латини,
Запросы изъ писаній вездѣ сочиняютъ;
Аки бы всѣхъ мудрѣйши были, притворяютъ
А спросить къ спасенію нужнѣйшаго слова,
Безотвѣтна увидишь того суеслова.

ВТОРІЙ.

Видѣть безъ слезъ немощно, что глаголы жизны
Нынѣшній вѣкъ приведе въ конецъ укоризни!
Елико кощунствуютъ кощуны безстудны,
Гдѣ канты слагаютъ, гдѣ комплементы блудны,
Матерія съ Писаній кощунамъ готова,
Въ кантахъ студныхъ начало отъ божіяго слова!

ПЕРВІЙ.

Въ крайной и тѣ имѣютъ оное обидѣ,
Кои, слишаще слово у другихъ въ бесѣдѣ,
Называютъ коеюсь то пиворѣзнею,
Что рѣзаною Христосъ кровію своею
Запечатлѣ на крестѣ, тако осуждаютъ.
Имъ же словомъ судимы быти, сами знаютъ.

ВТОРІЙ.

Праведно казнь божію сіи вси подъемлютъ,
Кои слова живота въ смерть себѣ пріемлютъ;
Но блаженны людіе, и въ нощы и во дны
Поучающіися въ законѣ Господны;
Видитъ въ немъ, какъ въ зерцалѣ, добро и лукаво,
Гдѣ шуихъ опасатся, камо ити право.

ПЕРВІЙ.

Пойдѣмъ и мы, друже, по правому пути,
Дабы благъ желаемыхъ оныхъ достигнути.

ВТОРІЙ.

Нерадѣмъ о тѣснотѣ, ведущей до рая,
На Христа, предитечу нашего, взирая.

ПЕРВІЙ.

Ему ли внійти въ славу подобаше тако,
То и намъ за нимъ ити весма не инако:
Кто якъ хощетъ, да течетъ; а то есть неложно,
Что безъ креста до Христа пріити невозможно.

ПЕТРИДА

или описаніе стихотворное

СМЕРТИ

Петра Великаго, императора всероссійскаго.*)

КНИГА 1.

Я той, иже нѣкогда забавными слоги,
Не золъ, устремлялъ свои съ охотою роги,
Бодя иль злонравія мерскія преступки
Иль обычьемъ стверди мы не въ пользу поступки, —

*) Первая книга *Петриды* написана Кантемиромъ въ 1730 году, какъ видно изъ его собственныхъ словъ въ изъясненіи на четвертую сатиру (по рукописи первой редакціи): «Четвертую сію сатиру писалъ авторъ въ началѣ 1731 года послѣ 1-й книги Петриди и всѣхъ тѣхъ стиховъ, которые до сѣхъ поръ народу извѣстии.» Поэма осталась неоконченною; уцѣлѣвшую первую книгу «Петриды» печатаемъ по рукописи Императорской Публичной Библіотеки (XIV, Q, 6), содержащей кромѣ того сатиры и нѣкоторыя другія произведенія Кантемира.

Ред.

Печаль неутѣшную Россіи рыдаю:
Смѣху давъ прежде вину, къ слезамъ побуждаю;
Плачу гибель чрезмѣрну въ Роксолянъ народѣ,
Юже введе смерть Петра перва въ царскомъ родѣ.
Петра когда глаголю, что не заключаю
Въ той самой рѣчи? Мудрость, мужество къ случаю
Злу и благополучну, осторожность сильну,
Любовь, попеченіе, пріятность умильну,
Правдиваго судію, царя домостройна,
Друга вѣрна, воина, всѣхъ лавровъ достойна,
Словомъ: все, что-либо звать совершеннымъ можно.
О бы плачь сей мой быть моглъ, въ стыдъ мнѣ, нѣчто ложно!
Музы! аще когда бысть инымъ просить вольно
Васъ въ помощь, мнѣ паче всѣхъ причины довольно
Требовать того: дѣла бо мужа списати
Толь чудны, гдѣ страхъ смертный смыслъ взвыклъ одоляти,
Нелеть смертну, и силы печаль отъимаетъ:
Когда скорбь сердце тѣснитъ, умъ мыслить не знаетъ.
Вы убо дайте силу, причины представьте
Бѣдства сего, вы умъ мой, вы перо наставьте!
Ты же, Россія, когда недозрѣлу рану
Повѣсть моя вновь терзать имать, отчаянну
Не вовсе себя яви, ниже, унывая,
Въ слезахъ горькихъ томися, времена суть злая.
Правда не малой съ Петромъ лишились защиты,
Сильнѣйшія уже съ нимъ стѣны твоя сбиты,
И видиши въ персть твою крас(н)у обращенну;
Но не вовсе надежду непщуй прекращенну:
Анна съ той же, что и Петръ, преславныя крови,
Подыметъ опалыя твои скорби брови,
Наградитъ твой весь упалъ и, аще Петрову
Не прейдетъ славу, вижу явить тя готову
И недругомъ показать, что хоть инъ владѣетъ,
Оружіе твое всякъ раздражить не смѣетъ;
Но страхомъ въ иныхъ рукахъ ту же силу славитъ
И извнутрь обилну тя гражданамъ представитъ
Сторицею. Кругъ неба чрезъ пути пространны
Тещи начиналъ свѣтлый отродокъ питанны
Отнелѣже Петръ, трудъ всякъ сый смерть презирати (?)
Поморіе Персиды власть его познати
Убѣдилъ, и за тѣмъ непреходну гору

Кавказскую одолѣвъ, властелинъ бысть морю.
Ужасно еже древность вси со страхомъ чтили (?),
О коль съ Западъ до Востокъ Россіи стали силы!
И пространнаго царства пространны предѣлы
Къ сѣверу мразъ удержалъ, и не сосѣдъ смѣлый
Къ Югу, но вредный намъ зной и мѣсто неправно.
Когда всесильный Творецъ, правящій всѣмъ славно,
Небо престолъ имѣя и землю подъ ноги,
Намѣрився народы воззрѣть свои многи,
Подъятъ вѣки всевидны: и зъ единымъ взглядомъ
Узрѣлъ все, что на небѣ, на землѣ, подъ адомъ;
Узрѣлъ, что искони зналъ міръ въ злобахъ обильный;
Узрѣлъ, какъ слабѣйшаго топчетъ, тѣснитъ сильный,
Обиды, убивства злы и коварство въ нравахъ,
И къ сребру лѣпу склонность, безпредѣльность въ правахъ:
Словомъ видѣлъ, что мало добра въ человѣцѣхъ,
Но злы нынѣ, якоже быша въ прошлыхъ вѣцѣхъ.
Вострепета вся земля отъ очей превѣчныхъ,
Россія въ ней паче всѣхъ, въ страхахъ безконечныхъ
Чувствовася, не яко протчи превосходитъ
Злостью страны, но яко ту паче наводитъ
Всевышній зеницу сій, и межь такъ пространнымъ
Родомъ увидѣлъ Петра дѣломъ весьма страннымъ—
Едина паче добра, его же носити
Землю недостойную возмнѣвъ Творецъ быти,
Къ себѣ мужа возвести и духомъ и тѣломъ
Божественна, смертныхъ всѣхъ превозшедша дѣломъ,
Восхотѣ. Увы воля тогѳ непремѣнна
И съ дѣйствомъ не какъ, смертныхъ насъ бѣдныхъ, отмѣнна.
Восхотѣ: и абіе полки силъ небесныхъ
Обступаютъ Отца всѣхъ и ждутъ неизвѣстныхъ
Повелѣній, грозные гласы во всей твари
Трепещутъ, не могуще снесть блистаній зари.
Есть между огненными его вои сильный,
Главнѣйшій воевода, въ блистаньи обильный,
Страхъ ада и силъ его, душъ главный хранитель —
Михаилъ, первый и святыхъ чиновъ всѣхъ правитель.
Сего призвавъ: «возлюбихъ, рече, Петра мужа,
Правяща скипетръ Россійскъ, его же днесь ужа
Держатъ плоти, и хощу да царитъ со мною:
Не къ тому жизни крушимъ есть печалью злою;

Хощу, да его ко мнѣ возведеши славно:
Со мной, хощу, да будетъ, что мнѣ стало нравно.
Знаю, что скорбна будетъ Россіи цвѣтущей
Гибель сія, сирою тѣмъ быти имущей;
Но не терпитъ уже мужа сего совершенна
Благость быти небесныхъ благъ ему лишенна.
Сіе же вѣждь, что того не прежде отъяти
Имаши отъ Россіянъ, нежли бѣгъ начати
Вторый солнце имѣетъ отъ Запада къ Востоку,
Съ сѣвернымъ вѣтромъ ведущъ хладъ, зиму глубоку:
Суть бо, яже довершить съ зачатыхъ имѣетъ,
И нива, по немъ рости имуща, посѣетъ,
Да тако, исполнь славы, путь обрящетъ къ небу,
Исправивъ и себѣ, что къ вѣчности въ потребу.»
Рече той, и абіе страшный воевода
Пріемлетъ оружіе отъ всякаго рода:
Шлемъ блистательный златомъ главу прикрываетъ,
Тѣло латми оболче, въ нихъ же вся сіяетъ,
Что въ камняхъ драгоцѣнно, и пріемлютъ руки
Одна щитъ, имъ же весь адъ терпитъ злыя муки,
Въ немъ же Бога вышняго страшно имя зрится;
Другая мечь пламенный, чимъ всяка страшится
Вездѣ тварь, неступимый, острый обоюду;
Нозѣ шумятъ желѣзомъ, носящимъ страхъ всюду.
Таже, распустивъ свои свѣтозарны крыла,
Ихъ же невѣдома сотка Бога сила,
Полетѣ владыки всѣхъ исполняти волю.
Якоже стрѣла легка спущенна въ неволю (sic!)
Съ тетивы крѣпка лука мужественны персты,
Дѣлящи быстро воздухъ, путь себѣ отверстый
Спѣшно творитъ и скоро въ мгновенье доходитъ
Цѣли, въ нюже зрѣніе стрѣлецъ мудръ наводитъ;
Иль якоже Всецаря перунъ грозно смѣлый,
Съ одного изшедъ края, всѣ міра предѣлы
Внезапно свѣтомъ, звукомъ, страхомъ наполняетъ:
Такъ сей съ высоты, юже умъ понять не знаетъ,
Гремящъ въ пространствѣ, твердый воздухъ, землю, воды
Претекъ, преисподняго достигаетъ входы.
Толкнулъ врата, спадаютъ стальные запоры,
Стенятъ на твердыхъ крюкахъ желѣзны затворы,
И звукъ страшный металла, всюду расширенный,

Ужаснулъ подземную и народъ геенны.
Содрогнулся свѣтоносъ и всѣ полки темны
Бѣгутъ въ глубочайшія пещеры подземны,
Воззрѣть вспять никто смѣетъ, топчетъ сей другова,
Адскъ правитель не можетъ съ страху рещи слова.
«Что се есть, въ себѣ мыслитъ, что сей воевода?
Не паки ли прейде скореняти рода
Нашего власть, якоже збилъ насъ съ неба прежде?
Не ада ли намъ отъять хощетъ ужь послѣжде
И безмѣстны — увы мнѣ! — убѣдитъ насъ быти,
Неимуще гдѣ главы бѣдны преклонити?»
Такъ мыслилъ онъ, ибо злый и слабымъ ужасенъ
Вѣтра духомъ бываетъ, прахъ малъ ему страшенъ
И казнь всяка, хоть ему не грозитъ, сумнится:
Достойна всего зная ся, всего боится.
Но не то Всевышняго вѣстникъ твое было
Намѣренье: не аду, но Россамъ грозило
Сшествіе твое и силъ не ада лишити
Хотѣлъ, но Россіи смѣхъ въ слезы преложити.
Предъ дверьми тамъ самими, въ самомъ входѣ ада
Сидитъ печаль и мысли тоя люты чада,
Старость скорбна, и ужасъ, и гладъ, предводитель
Къ смерти, тутъ и срамная нищета, и бдитель
Вратъ темныхъ — грозная смерть видомъ и косою;
Также сродственный смерти лежитъ сонъ, рукою
Подперши главу, дремящъ; внутрь же за порогомъ
Смертоносная война въ оружіи многомъ
Со всѣхъ странъ вредительна, и зависть всезлобна
Съ ехидными власами, единородна
Сестра ея ненависть, тутъ и скудоплотны
Лежатъ блѣд(н)ы болѣзни, къ вреду намъ охотны.
Безчисленно множество сихъ убійцевъ тѣла:
Одна чрезмѣрно люта стоитъ вдаль несмѣла,
Яже неспѣшно свою показуетъ злобу,
Показавши чрезмѣрно, люто ведетъ къ гробу.
Странгуріо имя есть, Римляне ужь дали,
Запоромъ мочи Россы (впредь себѣ) звать стали.
Сію разсмотрѣвъ сильный Михаилъ подробну,
Къ исполненію велѣнныхъ удобну
Изобрѣлъ, и се вступивъ въ страну темну тую,
Извлече ю едину, и основавъ злую,

Яко же скоръ внизъ слетѣ, такъ и въ верхъ поднялся,
Движаніемъ крылъ его весь адъ облистался.
Странгуріо влекомъ, вожду въ слѣдъ, рыдая,
Течетъ, куды ведется и на что, не зная.
Уже грозный первовѣстникъ претекъ пропасть бездны,
Уже землю, ужь воздухъ, ужь достигъ и звѣздный
Кругъ, таже вселенныя на лицо пространно
Наведши очи свѣтлы, какъ вѣтръ, несказанно
Сильный, на сѣверные краи опустился,
Тамъ точно, гдѣ новый градъ Петровъ поселился.
Плоды суть оружія, звыкшаго въ побѣдахъ,
Земля тая, бывшая въ долзѣ у сосѣдахъ
Подвластна, на нейже Петръ градъ новый сзидати
Когда началъ и свершилъ, такъ, что устрашати
Прежде видомъ сей зачалъ, нежь вѣсти успѣли
Прійти въ міръ, что Россійцы въ Ингріи засѣли.
Течетъ межь градомъ рѣка быстрыми струями,
Въ пространно тречисленными впадая устами
Море, егоже воды брега подмываютъ
Сѣверныхъ царствъ, Балтицко древни называютъ.
Надъ бреги рѣки всходятъ искусствомъ преславнымъ
Домы такъ, что хоть новъ градъ, ничѣмъ хуждши давнымъ,
И имать любопытно чимъ бы насладиться
Око; имать и недругъ, чего устрашиться:
Шестибочная крѣпость, въ водѣ водруженна,
Не боится усильства Марса въоруженна,
Но щитя своихъ, крѣпко грозитъ и смѣлѣйшимъ.
Тутъ рукой трудился Петръ и умомъ острѣйшимъ;
Обонъ полъ искусныя древодѣловъ руки
Производятъ сильныя врагомъ нашимъ муки,
Растутъ суды всѣхъ родовъ и флотъ, уже страшный
Многимъ, творятъ что дневно, наипаче ужасный.
Оттоль въ верхъ, въ пряму черту, вельможъ непресѣчны
Пространны зрятся дворы; гдѣ же скоротечны
Вторицей, въ градѣ струи Нева искривляетъ,
Дѣлясь въ два рамена, тутъ Петръ обитаетъ,
Не пространно жилище, довольно и покою:
Что внѣшна пышность тому, кто великъ душою?
Сѣдяще здѣ, Петръ многимъ вельможъ числомъ всюду
Окруженъ, иль обиды учиненны люду
Испытуя, иль въ нуждахъ, наступить имущихъ,

Народу, способъ ища, или въ бѣдности сущихъ
Награждая, законы счиняя полезны,
Иль обычаи въ своихъ вводя всѣмъ любезны:
Не вѣмъ точно, что творилъ; знаю, что пристойны,
Чтобъ не дѣлалъ, были бъ тѣ дѣла и достойны
Міръ весь къ удивленію, не едино племя
Россовъ токмо побудить. Уже царства бремя
Сорало было лицо морщинми, прекрасно;
Блистало величество однакъ въ очахъ ясно,
И страшно было зрѣти видъ мужа предивна,
Хоть пріятству ни одна черта въ немъ противна.
Внезапно возвѣялъ тихъ вѣтръ во всю палату,
Невидимъ никому быстъ вшедшій, токмо злату
Подобенъ чистъ блескъ очи помрачи стоящимъ,
Навелъ страхъ, молчаніе другъ на друга зрящимъ.
Тогда внійде вождь свѣтлый, сильною рукою
Связанну Странгурію влекущъ за собою.
Вшедъ, очи къ ней обративъ, перстомъ показуетъ
Петра, таже скорбный сей указъ ей сказуетъ.
«Сего, рече, не диви: хоть толь страшенъ дѣлы,
Хотя силенъ, хотя царь, хотя въ браняхъ смѣлый,
Твоей вручаю власти и свирѣпу нраву;
Вся, яже хощешь, твори; но токмо, да славу
Свою лучше окончитъ, не дерзай столь злобу
Твою люто изощрять и не прежде къ гробу
Темный путь ему яви, нежели кругъ свой велій
Обтечетъ годомъ Ѳебусъ, какъ исполинъ смѣлый.
Тогда уже наведи хотя смерть съ косою,
Такъ годно владѣющу мною и тобою».
Рече и возвысился въ чертоги небесны.
Сверже съ себя вредныя оковы ей тѣсны,
Радуется и грозитъ: якоже левъ жадный
Когда агнца усмотритъ, бѣдный сей скотъ стадный
Трепещетъ весь, той же лютъ, нань ся устремляетъ,
Веселяся добычи, съ гнѣвомъ нападаетъ,
Безгласнаго терзая, и углубивъ грубы
Когти въ немъ, злохищные насыщаетъ зубы:
Такъ Странгуріо, пріявъ власть, въ вредъ намъ ей данну,
Устремися на Петра, и видя прерванну
Неволю свою, гордо смѣетъ обладати
Тѣмъ, ему же скипетръ всего міра можно бъ дати.

Конецъ первой книги.

ВОПРОСНЫЕ ПУНКТЫ,

предложенные Н. И. Новикову

МИТРОПОЛИТОМЪ ПЛАТОНОМЪ*).

Письма митрополита Платона къ императрицѣ Екатеринѣ II.

I.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Высочайшее Вашего Императорскаго Величества повелѣніе[1]) относительно до освидѣтельствованія печатаемыхъ въ типографіи Николая Новикова книгъ и о опредѣленіи къ цензурѣ печатаемыхъ книгъ достойныхъ и просвѣщенныхъ духовныхъ особъ, и о протчемъ, я имѣлъ счастіе получить. И по оному Вашего Императорскаго Величества соизволенію потщуся исполнить со всею моею ревностію и что окажется Вашему Императорскому Величеству донести не премину. За особенное для себя счастіе почитаю, что удостоиваюсь быть употребляемъ къ выполненію монаршей Вашего Величества воли и намѣреній, толикое изъявляющихъ просвѣщеніе и неусыпность бдѣнія о благоденствіи,

---

*) Печатая новые матеріалы для біографіи Н. И. Новикова, заимствованные нами изъ бумагъ митрополита Платона, не можемъ не высказать желанія, чтобы люди, владѣющіе какими либо данными для исторіи новиковскаго кружка, сдѣлали ихъ гласными: наше изданіе съ удовольствіемъ откроетъ страницы свои подобнаго рода свѣдѣніямъ. *Ред.*

[1]) Рескриптъ, въ которомъ изложено это повелѣніе испытать Новикова въ законѣ и освидѣтельствовать книги его типографіи, напечатанъ въ Русскомъ Вѣстникѣ 1842, № 3, отд. II. стр. 364.

покоѣ врученной вамъ отъ Бога державы. Испрашивая всеподданнѣйше Вашего Императорскаго Величества къ себѣ благоволенія, съ моимъ вѣрноподданническимъ повиновеніемъ пребываю,

Всемилостивѣйшая Государыня,
Вашего Императорскаго Величества и т. д.

Репортовано чрезъ почту 29 декабря.

II.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Въ силу Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнія книги типографіи Новикова, сколько ихъ ко мнѣ при вѣдомости доставлено, мною съ помощію духовныхъ цензоровъ свидѣтельствованы, и сколько оказалось изъ нихъ несумнительными и сколько сумнительными съ объясненіемъ, кѣмъ они были цензорованы и съ моимъ о сумнительныхъ противу каждой книги мнѣніемъ, объ оныхъ прилагаю при семъ двѣ особыя вѣдомости, всеподданнѣйше прося, да прикроется просвѣщеннѣйшимъ Вашего Величества великодушіемъ, ежели по множеству книгъ и разнообразныхъ во оныхъ содержаній и по поспѣшенію, каковой либо окажется недостатокъ или моего вниманія, или понятія. Притомъ дерзаю Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше представить, что какъ моихъ монастырей настоятели по высочайшей Вашего Величества волѣ одни заняты теперь цензурою, другіе нерѣдко требуются къ эксамену пенсіонныхъ школъ, иные же изъ нихъ присутствуютъ въ консисторіи и другія должности по епаршескимъ дѣламъ на нихъ возлагаются, что и для нихъ затруднительно, и для меня, и для самыхъ дѣлъ не благоуспѣшно. (А находятся въ моей епархіи пять ставропигіальныхъ монастырей, коихъ настоятели къ таковымъ и подобнымъ должностямъ способны, а никакими другими должностями, кромѣ Заиконоспасскаго монастыря и ректора не заняты, но въ вѣдомствѣ моемъ не состоятъ:) то не благоволите ли, Всемилостивѣйшая Государыня! оные монастыри въ моей епархіи состоящіе всемилостивѣйше препоручить въ мое вѣдомство, дабы они и мнѣ, и другимъ моихъ монастырей настоятелямъ могли быть помощниками, а чрезъ то бы и дѣла текли благоуспѣшнѣе; да и самые монастыри, находясь подъ очевиднымъ надзираніемъ, всегдашніе и скорые къ благоустройству своему могли бы находить способы. Бо-

лѣе же все то предая въ премудрое Вашего Императорскаго Величества благоизволеніе и подвергая себя милосердому В. В. покрову, съ моимъ вѣрноподданническимъ повиновеніемъ пребываю,

Всемилостивѣйшая Государыня,

Вашего Императорскаго Величества и т. д.

III.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Во исполненіе Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнія я Новикова къ себѣ призывалъ, и онъ Богоявленскаго монастыря архимандритомъ Серапіономъ и консисторіи присутствующимъ, въ присутствіи моемъ по предварительномъ отъ меня о показаніи истины увѣщаніи, былъ испытыванъ въ законѣ нашемъ по всѣмъ его существеннымъ членамъ: и онъ Новиковъ все то призналъ за истину, безъ всякаго о чемъ-либо по тому сумнѣнія; и всякой годъ исповѣдается и причащается; что и по справкѣ мною такъ найдено. Хотя же онъ по случаю сего испытанія и показалъ, что находится въ обществѣ франк-масоновъ, но утвердилъ, что вѣрѣ, Государственнымъ законамъ и совѣсти своей ничего противнаго въ томъ не заключается. Ценсорами для ценсуры печатаемыхъ въ его Новикова и другихъ вольныхъ типографіяхъ книгъ мною опредѣлены помянутый архимандритъ и консисторіи присутствующій Серапіонъ, и знаменскаго монастыря игуменъ и Московской академіи проповѣдникъ Моисей, кои своимъ просвѣщеніемъ и честностію нравовъ сію довѣренность по моему усмотрѣнію заслуживаютъ. Имъ отъ меня дано надлежащее наставленіе на основаніи Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества предписанія, и чтобъ они вмѣстѣ съ назначеннымъ съ свѣтской стороны цензоромъ цензуру производили. Книги, печатанныя въ типографіи Новикова, при росписи мною получены, и для предписаннаго освидѣтельствованія поручены помянутымъ цензорамъ, изъ коихъ часть принялъ я и на самаго себя. И какъ всѣхъ таковыхъ присланныхъ книгъ находится болѣе 500, то и требуется нѣкоторое время, дабы ихъ освидѣтельствованіе приведено было ко окончанію безъ продолженія времени: и что окажется съ должными обстоятельствами всеподданнѣйше Вашему Императорскому

Величеству донести и святѣйшій сѵнодъ увѣдомить не премину. Всенижайше испрашивая Вашего Императорскаго Величества монаршаго для себя благоволенія, съ вѣрноподданническимъ моимъ повиновеніемъ пребываю,

Всемилостивѣйшая Государыня,

Вашего Императорскаго Величества и т. д.

Послано чрезъ почту Генв. 15 дня.

Вопросы, которые должны быть предложены Николаю Новикову, при испытаніи его въ законѣ нашемъ.

1. Признаетъ ли онъ бытіе Божіе и его святый промыслъ всѣмъ управляющій во благое?	Признаю.
2. Признаетъ ли безсмертіе души, награжденія вѣчныя праведнымъ и наказанія вѣчныя нечестивымъ?	Признаю.
3. Признаетъ ли онъ, таинство Святыя Троицы и воплощеніе Сына Божія?	Признаю.
4. Вѣруетъ ли онъ яко Господь Іисусъ Христосъ есть истинный Богъ единосущенъ Отцу и Духу Святому?	Вѣрую.
5. Пріемлетъ ли онъ протчія церкве нашея таинства, яко то крещеніе, мѵропомазаніе, Евхаристію, покаяніе, священство, бракъ и елеосвященіе?	Пріемлю.
6. Признаетъ ли онъ и все то за истину Божію, что содержится въ Сѵмволѣ вѣры?	Признаю совершенно.
7. Признаетъ ли несумнительно, что истинная и православная	Признаю.

Христіанская церковь, есть едина наша православнокаѳолическая Грекороссійская Восточная церковь?	
8. Пріемлетъ ли священное писаніе ветхаго и новаго завѣта за истинное слово Божіе, и оное не толкуетъ ли иначе, нежели какъ святая церковь въ принятомъ обще смыслѣ его разумѣетъ?	Пріемлю и вѣрю.
9. Пріемлетъ ли всѣ церковію нашею содержимые на вселенскихъ и помѣстныхъ соборахъ учрежденныя постановленія?	Пріемлю.
10. Пріемлетъ ли призываніе святыхъ, почитаніе честныхъ иконъ и святыхъ мощей; молитвы приносимые за умершихъ, соблюденіе постовъ и протчіе къ благолѣпію и духовной пользѣ служащіе и церковію хранимые обряды.	Пріемлю.
11. Исправляетъ ли онъ должность христіанскую, относительно до Богопочитанія; а паче всего всякой годъ исповѣдается ли и святыхъ таинъ причащается ли, и у котораго духовника?	Исправляю. Духовникъ мой приходскій священникъ.
12. Не находится ли онъ въ обществѣ такъ называемыхъ франкмасоновъ; или подъ какимъ то именемъ ни скрывалось?	Я нахожусь хотя въ обществѣ франкмасоновъ съ давняго времени, потому что я не видалъ и не зналъ въ немъ ничего противнаго законамъ Божію и гражданскому ни совѣсти моей, и не считалъ оное законами запрещеннымъ, видя въ немъ членами первыхъ чиновныхъ Государства,

но когда услышалъ я нынѣ, что
это можетъ быть соблазномъ,
то охотно обѣщаюсь впредь въ
собранія не ходить.

Все вышеписанное сказалъ я по самой сущей правдѣ, въ чемъ и подписуюсь порутчикъ Николай Новиковъ.

1786 года, Генваря 11 дня.*)

БИБЛІОТЕКА И КАБИНЕТЪ

ГРАФА Я. В. БРЮСА.

19 апрѣля 1735 года скончался въ Москвѣ генералъ-фельдмаршалъ графъ Яковъ Вилимовичъ Брюсъ, одинъ изъ дѣятельныхъ и образованнѣйшихъ сотрудниковъ Петра во всемъ, что̀ касалось распространенія и водворенія въ Россіи наукъ, и особенно математическихъ. Своею обширною ученостію онъ пріобрѣлъ себѣ извѣстность не только у насъ, но даже и въ Европѣ; у насъ же онъ оставилъ по себѣ имя великаго математика и физика даже въ памяти народа. Вскорѣ послѣ смерти Петра, въ 1726 г., онъ удалился отъ службы, отъ тревогъ и интригъ, какими всегда бываетъ она опутана, особенно при владычествѣ временщиковъ и олигарховъ. Неспособный извлекать изъ служебнаго положенія личныхъ пользъ и выгодъ, преданный наукѣ со страстію, вообще болѣе ученый, чѣмъ генералъ, онъ уединился въ Москвѣ и жилъ большею частію въ своей подмосковной Глинкахъ въ 42 верстахъ отъ

*) Письма и вопросные пункты писаны собственною рукою митрополита Платона, отвѣты собственною рукою Новикова.

Ред.

Москвы подлѣ Лосинной фабрики, устроенной при Петрѣ по его же проэкту.

Къ сожалѣнію мы совсѣмъ не имѣемъ свѣдѣній объ этихъ послѣднихъ годахъ его тихой ученой жизни, но едвали не въ это время онъ утвердилъ за собою въ народѣ имя величайшаго чернокнижника, предсказателя и вообще колдуна, дѣлавшаго чудеса. До сихъ поръ еще ходятъ эти преданія и въ самой Москвѣ, а особенно въ околоткѣ его подмосковной.

Памятникомъ его любви къ наукамъ осталась его библіотека и кабинетъ разныхъ «куріозныхъ вещей», который въ то время почитался единственнымъ въ Россіи. При смерти кабинетъ и библіотеку онъ завѣщалъ въ кунсткамеру академіи наукъ, по какому случаю составлена была предлагаемая здѣсь вѣдомость или опись всему, въ нихъ хранившемуся. Библіотека и кабинетъ ученаго, да и вообще каждаго образованнаго человѣка, бываютъ самымъ наилучшимъ свидѣтелемъ его умственной жизни, его потребностей, вкусовъ, стремленій въ области мысли, въ области знанія вообще. Библіотека и кабинетъ ученаго ставятъ насъ прямо въ живое отношеніе къ ихъ хозяину. Пересматривая даже каталогъ его собранія мы бесѣдуемъ какъ бы съ живымъ человѣкомъ, подслушиваемъ его мысль, присутствуемъ при его изысканіяхъ и вообще входимъ во всѣ интересы, какіе представляла ему наука.

Составъ библіотеки графа Брюса самый разнообразный, энциклопедическій, вполнѣ отвѣчавшій потребностямъ времени, то-есть разнообразнымъ потребностямъ петровской реформы, которая очень любила и высоко ставила спеціалистовъ, но которая еще не всегда могла отдѣлить въ своихъ понятіяхъ спеціальности въ наукѣ отъ учености вообще, и отъ каждаго ученаго спеціалиста, особенно по своему положенію стоявшаго впереди другихъ, требовала почти энциклопедическихъ знаній. Онъ призываемъ былъ дѣлать отвѣты и разрѣшать самые разнообразные вопросы, ежеминутно возникавшіе при быстромъ ходѣ преобразованій, при усиленномъ движеніи обновленной жизни. Оттого въ библіотекѣ Брюса, кромѣ математическихъ, физическихъ и отчасти военныхъ наукъ, составлявшихъ его спеціальность, не послѣднее мѣсто занимаютъ и другія отрасли знанія, напримѣръ исторія и древности, путе-

шествія, философія, медицина и разные отдѣлы наукъ естественныхъ, словари и проч.

Кромѣ книгъ печатныхъ на латинскомъ, нѣмецкомъ, голландскомъ, англійскомъ, французскомъ, русскомъ языкахъ, въ библіотекѣ было и нѣсколько рукописей, большею частію русскихъ.

Кабинетъ заключалъ въ себѣ «математическіе, механическіе и другіе инструменты, также натуріялии, минераллы, антиквитеты, личины и вообще какъ иностранныя, такъ и внутреннія куріозности.»

Императрица Анна Іоанновна, получивъ отъ тогдашняго начальника Москвы, графа Салтыкова, извѣстіе о смерти гр. Брюса, повелѣла, чтобъ онъ генералъ-фельдмаршалъ погребенъ былъ съ надлежащею по его рангу честію. Къ исправленію надлежащей церемоніи были назначены артиллеріи полковники Беренсъ и Фуксъ. Погребеніе назначалось 6 мая, но по какимъ-то неизвѣстнымъ причинамъ оно происходило еще недѣлею позже, 14 мая.

Вотъ чтò донесъ императрицѣ объ этой церемоніи гр. Салтыковъ: «Всемилостивѣйшая Государыня. Вашему Императорскому Величеству Всемилостивѣйшей Государынѣ всенижайше рабски доношу генерала фельтмаршала Якова Вилимовича Брюса погребеніе учинено съ надлежащею по его рангу честію сего мая 14 дня съ пушечною и изъ мелкаго ружья стрѣлбою, и погребли его въ Нѣмецкой слободѣ въ Старой Обѣдни. Вашего Императорскаго Величества Всемилостивѣйшей Государыни нижайшій рабъ. Въ Москвѣ маія 15 дня 1735 года. (Послано чрезъ Нѣмецку почту въ четвергъ).[1])

Такъ какъ по завѣщанію графа всѣ курьозныя вещи, составлявшія его кабинетъ и библіотеку «яко, книги, инструменты, до древности принадлежащія вещи, рѣдкія монеты и каменья», должны были поступить въ кунсткамеру Академіи Наукъ, то кабинетъ министровъ предложилъ (16 іюня 1735) графу Салтыкову опредѣлить «къ осмотру и описи библіоте-

---

[1]) Этимъ оффиціальнымъ донесеніемъ опровергается показаніе статьи о Брюсѣ въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ, т. 7., гдѣ сказано, что онъ скончался и погребенъ въ своей подмосковной Глинкахъ.

ки и вещей нарочнаго способнаго человѣка», увѣдомляя, что «сверхъ того для удобнѣйшаго разбору и познанія книгъ и инструментовъ и всякихъ куріозныхъ вещей, годныхъ въ кунстъ-камеру, присланъ будетъ изъ Академіи нарочный». Но нарочный не являлся, и спустя почти мѣсяцъ, графъ Салтыковъ поручилъ опись вещей камеръ-коллегіи совѣтнику Богдану Аладьину и лейбъ-гвардіи преображенскаго полка капитану-поручику Гурьеву, которые 31 іюля и представили печатаемыя здѣсь обстоятельныя вѣдомости. Къ этому времени прибылъ изъ академіи и нарочный, нотаріусъ Христофъ Тидеманъ, а съ нимъ копіистъ Иванъ Пухортъ, для учиненія ему помощи какъ въ писаніи, такъ и въ переводѣ.

Тидеману дана была инструкція, согласно которой онъ долженъ былъ принять вещи и бережно доставить ихъ въ Петербургъ. Принимать и считать вещи академія назначала по «росписи, которая отъ профессора и секретаря посольства господина Гроса учинена была», вѣроятно еще при жизни и по порученію самого графа Брюса, и въ инструкціи между прочимъ въ 3 параграфѣ, говорилось: «Ежели онъ (Тидеманъ) между оставшимися имѣніями еще разныя печатныя книги, и какъ до исторіи, такъ и до протчихъ наукъ и знаній принадлежащія рукописные тетради, картины, рисунки, гридорованныя фигуры, инструменты, машины, сосуды старинной или нынѣшней работы, изъ какой бы оныя матеріи ни были, также и возвышенной и рѣзной работы камней, старинныя и новыя рѣзныя монеты и медали, звѣри, инсекты, коренья и всякія руды найдетъ, которыя въ показанной росписи не объявлены, то и имѣетъ онъ особливую роспись о томъ учинить и оныя вещи къ протчимъ приложить». Въ концѣ августа вещи были приняты, уложены и до отправки въ Петербургъ перевезены изъ дому Брюса въ пустой домъ князя Юрья Долгорукова, что близь Мясницкихъ воротъ. Здѣсь они оставались до зимняго пути, потому что осенью Тидеманъ везти побоялся, чтобъ не учинилось вреда и траты нѣкоторымъ ломкимъ вещамъ, каковы были инструменты и посуда. Въ ноябрѣ ихъ отправили на 30 подводахъ и съ конвоемъ для береженья.

И. Забѣлинъ.

Вѣдомость что по описи явилось въ домѣ покойнаго господина генерала велть маршала и кавалера Якова Вилимовича Брюса въ библіотеке книгъ немецкихъ разныхъ діалектовъ и россійскихъ, а имянно:

ИНФОЛИО:

1. Лантъ карты некоторыхъ аглинскихъ правинцей.
2. Пять лантъ картовъ морскихъ.
3. Атласъ Гомоновъ уневерсалной.
4. Атласъ Девитовъ.
5. Атласъ небесной Ягана Ѳламштета.
6. Морския карты.
7. Атласъ морской азовского моря приписанъ Императору Петру первому.
8. Атласъ разныхъ лантъ картъ.
9. Атласъ разныхъ лантъ картовъ.
10. Атласъ небесной Гармановъ.
11. Партреты цесарей и королей и протчихъ славныхъ людей со описаніемъ ихъ на латинскомъ языке чрезъ Якова Шеренга.
12. Библия на швецкомъ языке приписана швецкому королю.
13. Женуаскихъ полатъ.
14. Другая такаяжъ.
15. Атласъ морской на аглинскомъ языке Ягана Галсана.
16. Писменная ареѳметическихъ фигуръ со описаниемъ латинскимъ.
17. Архитектора Голшманова на немецкомъ языке.
18. Истрочическая (sic!) кроника Симона Вренса въ четырехъ томахъ.
19. Новой тастаментъ въ дву томахъ на галанскомъ и русскомъ языкахъ печатанъ въ Питербурхе.
20. Архитектура Якова Шиблера на немецкомъ языке.
21. Архитектура Витрувиева на ѳранцускомъ языке.
22. О римскихъ подземелныхъ куриозитахъ на латинскомъ языке первого тому.
23. Описаніе ѣзды Корнилиуса Дебруня в россию и персию на галанскомъ языке.
24. Ѳилоѳическая и паетическия древности на галанскомъ языке Соломона Бора.
25. Описание погребению марграѳа бранденбургского на немецкомъ языке въ дву томахъ.
26. Поздравление царевичю Алексѣю Петровичю о браке на немецкомъ языке.
27. Описание жития кардинала Мазирина на латинскомъ языке.

28. Театръ архитектуріи цывалесъ Карла Θилиппа Днесарта на немецкомъ языке.
29. Описаніе амбойской кунштъ камеры чрезъ Егоргія Эверарда Румпфуса на галанскомъ языкѣ.
30. Батаническая Иоакима Камерария на немецкомъ языке.
31. Батаническая Θеодора Цвингера на немецкомъ языке.
32. Дикционарій на библію Августина Калместа въ трехъ томахъ на аглинскомъ языкѣ.
33. Вояжъ Лебруновъ въ малую Азиу на гланскомъ языке.
34. Описаніе древнихъ римскихъ позорищъ Θрадерика Мариама на латинскомъ языке.
35. Книга анатомическая на латинскомъ языке.
36. Таканжъ на аглинскомъ языкѣ.
37. Театоръ шкоцый на английскомъ языкѣ.
38. Описаніе подземелнымъ вѣщамъ Анастасия Кирхнера на галанскомъ языкѐ.
39. Конкорданцыя библіи Θридерика Ланцкиша на немецкомъ языке.
40. Исторіи целестисъ на латинскомъ языке Ягана Θламштента въ трехъ томахъ.
41. Описаніе старого и нового Риму чрезъ Кенета на галанскомъ языке въ трехъ томахъ.
42. Острономическая на латинскомъ языке.
43. Ягана Гевелія машина целестисъ на латинскомъ языке.
44. Яганъ Гевелія каменторрия на латинскомъ языке.
45. Гевелія соленогра пия на латинскомъ языке.
46. Яганисъ Гевелія диссертационативо Сатурнія Θацыо на латинскомъ языкѣ.
47. Машина нове Θаусти Верантія Сиценія на латинскомъ языкѣ.
48. Апіарія Θилозоθіи математице анелеспсисъ на латинскомъ языкѣ въ дву томахъ.
49. Архитектура Жякомо Бароцыо на галанскомъ языкѣ.
50. Евожъ правило о пяти ордерахъ архитектуріи на рускомъ языкѣ.
51. Архитектура Витрувиева на немецкомъ языкѣ.
52. Архитектура Себастиана Серлио на италиянскомъ языкѣ.
53. Архитектура Ягана Индуа на немецкомъ языке.
54. Немецкая академия науки живописной на немецкомъ языкѣ въ дву томахъ.
55. Театръ инструментомъ и махинамъ Яково Безсоніи на италианскомъ языкѣ.
56. Писменная ариѳметика на немецкомъ языкѣ.
57. Амброзія Калепини дикціонариумъ на разныхъ языкахъ.
58. О главныхъ монархияхъ на немецкомъ языкѣ.
59. Скултура гисторіарумъ 1697

году въ Ниранберхе на немецкомъ языкѣ.

60. Архитектура Доменико Деросіи на немецкомъ языкѣ.

61. Каспари баугену батайческая 1687 г. въ Базалѣ на немецкомъ языке.

62. Лексиконъ жития Патриарховъ и пророковъ на немецкомъ языке.

63. Супламентъ лексиконна на немецкомъ языке.

64. Гисторія старого и нового тестаментовъ въ лицахъ.

65. Ѳортофикационъ Ѳранціской Дакремы на италіанскомъ языкѣ.

66. Архитектура Скамодыева на галанскомъ языкѣ.

67. Театрумъ маханической Якова Леополда въ семи томахъ на немецкомъ языке.

68. Гистория Америки Ягана Людвиха Готѳрида на немецкомъ языкѣ 1631 г. Франѳуртъ.

69. Житие Густава Адолфа короля швецкого черезъ Пуѳендорѳа на немецкомъ языкѣ.

70. Побѣждающая крѣпость къ щасливому поздравлению славной побѣды надъ Азовымъ 1696 г. на рускомъ языке.

71. Новая архитектура Ягана Вогеля на немецкомъ языке.

72. Гономоника на немецкомъ языке.

73. Рисованіи Мартина Шустера на немецкомъ языке.

74. Архантологии космика чрезъ Матия Эрбѣна на немецкомъ языке.

75. Архитектура Клауде Перота на аглинскомъ языке.

76. Описание мѣдали цесарей римскихъ чрезъ Карла Патина на аглинскомъ языке.

77. Артонозіи Кирхеры арканоя на латинскомъ языкѣ.

78. Валентиціи Наръ унтъ метериалень на немецкомъ языке въ дву томахъ.

79. Прологъ русской печати.

80. Преспективъ курнозъ ницеромъ Миниимъ на ѳранцускомъ языке.

81. Библия на рускомъ языкѣ.

82. Андрованціи монстрорумъ история на латинскомъ языке въ девяти томахъ.

83. Тезаурусъ герудиционисъ схолястіце на латинскомъ языке.

84. Алматостумъ новумъ Иоанне Речноле на латинскомъ языке въ пяти томахъ.

85. Дикционердебѣль на аглицкомъ языкѣ въ четырехъ томахъ.

86. Архитектура Венделя Дитерълина 1598 году.

87. Дикцыонариса довой Ѳилиппа Миллера на аглицкомъ языкѣ.

88. Ѳранциски Ѳилипіи Ѳлариніи экономическая на немецкомъ языке.

89. Архитектура СевастианаСерлио на италианскомъ языке.

90. Театрусъ математикусъ Ка-

нонсинумъ Адрадикумъ на латинскомъ языке.

91. Въ книге бѣлой между листовъ травы натуралные.

92. Корпусъ пармацейтико физико Иоаганна Гелерицы Журкенъ на латинскомъ языке.

93. Титусъ Ливиусъ на немецкомъ языкѣ 1619 году.

94. Иоганесъ Баеря Райтани уранометрия на латинскомъ языке.

95. Триганомѣтрия артиенцыалисъ Гендрицін Брига 1633 на латинскомъ языке.

96. Иоаганнисъ Гевелій меркуриусъ Жеремногеропціо на латинскомъ языке.

97. Гаспори Схотти курсусъ математикусъ на латинскомъ языке.

98. Архитектура курноза нова Георгиумъ Андрѣемъ Беклернъ на латинскомъ языкѣ.

99. Праксисъ милитарисъ Иогана Шейтерна на немецкомъ языке.

100. Григория Винцентио опусъ гиометрикумъ квадратуре цыркули на латинскомъ языке.

101. Гиндрихъ Гесейсъ денчеръ гертнеръ на немецкомъ языке

102. Математикаль колексионксъ на аглицкомъ языке.

103. Христеѳорін Клавін бамбержененсъ коментариумъ инсоерамъ Еганисъ Десакробоско на латинскомъ языкѣ.

104. Аритметика логаритмика Иоганесъ Неперусъ на латинскомъ языке.

105. Ѳертоѳикация писменная на немецкомъ языке.

106. Театрумъ Прецедентія на немецкомъ языкѣ.

107. Рудоконная Христоѳа Гертвига на немецкомъ языке.

108. Хранология королей аглицкихъ на аглицкомъ языке.

109. Европеишинъ рейхе гисторише унтъ генеологише эмлентерунгъ Меэръайтъ 500 яръ на немецкомъ языке.

110. Колоквия доктора Мартинъ Лютера на немецкомъ языке.

111. Кроника турецкая на немецкомъ языке 1590 году.

112. Геронима Карданія о натуралныхъ вещахъ на немецкомъ языке.

113. Вторая книга Тита Ливио на немецкомъ языкѣ.

114. Кирхенъ постилля доктора Мартина Лютера на немецкомъ языке 1637 году.

115. Архитектура Данилы Шпекле на немецкомъ языке.

116. Архитектура ѳонѳестунгенъ Даниель Шпекле на немецкомъ языкѣ въ двухъ томахъ.

117. Историія Езеѳа Флавия на немецкомъ языкѣ.

118. Вахъ Гелии Делихи кригесъ шуль на немецкомъ языке.

119. Иогана Шлейнио еванъгелише упдъ анасталише варгетъ на немецкомъ языке.

120. Луиза Пана военная экзерцыцыя на галанскомъ языке.

121. Архитектура штурмова на немецкомъ языке въ трехъ томахъ.

122. Архитектура штурмова въ строеніи церквей на немецкомъ языке.

123. Архитектура военная вабанова на немѣцкомъ языке.

124. Архитектура штурмова на нѣмецкомъ языке.

125. Примѣчаніе архитектура штурмова на немѣцкомъ языке.

126. Иоганесъ Штурмъ дейче Архимедесъ на немѣцкомъ языке.

127. Леонардъ фонъ Шпергеръ киперская военныя правы на немѣцкомъ языке.

128. Архитектура Иоганъ Яковъ Шиблерзъ на немецкомъ языке.

129. Филозофія Теофрастія Бомбасть на немецкомъ языке.

130. Тезорусъ нуминосъ матумъ мадерь норумъ пуюсъ секули на немецкомъ и латинскомъ языкахъ.

131. Лексиконъ техникумъ чрезъ Ягана Гарриса на немѣцкомъ языке въ двухъ томахъ.

132. Иоганъ Вильгельмъ архитектура дыналисъ на немѣцкомъ языкѣ.

133. Архитектура Миценттоскамоди на нѣмецкомъ языке.

134. Георгія Андрѣя Агрикуле садоваяна нѣмецкомъ языке.

135. Лаберонъ сопрорумъ континуанцомъ Иогана Германа на нѣмецкомъ языке.

136. Описаніе ордерокъ архитектуры Иогана Фредмана на нѣмецкомъ языке 1662 году.

137. Регентенъ букъ на нѣмецкомъ языке безъ начала.

138. Артилерія Эрнеста Брауна на немѣцкомъ языке.

139. Другая такаяжъ на рускомъ языке.

140. Георгия Агрикула бергхъ веркъ 1580 году на нѣмецкомъ языке.

141. Ягамъ Шредеръ арценеймакъ на нѣмецкомъ языке.

142. Беклеръ зейленъ бухъ на нѣмецкомъ языке.

143. Архитектура Андрѣя Палладия на нѣмецкомъ языке.

144. Цыклопедиа универсалной диксионеръ наукъ въ дву томахъ на аглицкомъ языке.

145. Плютархусъ на нѣмецкомъ языке 1610 году.

146. Николай Лемері матеріаленъ лексиконъ на немецкомъ языке.

147. Космографія Себестиана Мюнстера на нѣмецкомъ языке.

148. Курсусъ математикусъ Вилгелма Лейбруна на аглицкомъ языке.

149. Библия немецкая на немѣцкомъ языке старинная.

150. Георгия Бомсера еллентерунъ на немѣцкомъ языке.

151. Описаніе древнѣе въ лицахъ знатныхъ людей Михайла Бейтера на нѣмецкомъ языке.

152. Сигмунда Флестенера вестибулумъ пробо... въ двухъ томахъ на нѣмецкомъ языке.

153. Нумія антиквія фомилиарумъ

ромаварумъ въ двухъ томахъ на латинскомъ языке.

154. [illegible] на аглицкомъ языке.

155. Диега Уфана артилериская на нѣмецкомъ языке въ двухъ томахъ.

156. Анта унтъ гандлонъ десколения на нѣмецкомъ языке 1570 году.

157. Книга немецкая о рудокопныхъ делахъ безъ начала на нѣмецкомъ языке.

158. Казимера Семиеновича артилерная на нѣмецкомъ языке.

159. Ягана Сигмундате теория этпрексисъ артилерія на немецкомъ языке.

160. Леонара Штурма механическая на немѣцкомъ языке.

161. Исторія о владѣніи россійскихъ великихъ князей писана рускимъ языкомъ.

162. Толкованіе на псалтырь Мартина Лютера на нѣмецкомъ языке.

163. Гералдика [illegible] Рудолеіи на нѣмецкомъ языке.

164. Географія генералная переведенная съ латинского на россійской языкъ.

165. Отче нашъ на многихъ языкахъ.

166. Плугонія артилерія на немѣцкомъ языке.

167. Имажинесъ этеложія вирорумъ этъ илюстриумъ этъ ирудиторомъ эксъ антиквисъ на латинскомъ языке.

168. Архитектура Невериса на галанскомъ языке.

169. Архитектура Даниила Мѣэра на нѣмецкомъ языке.

170. Артилерская Христофа фонъ Гесслера на нѣмецкомъ языке.

171. Лексиконъ химической Зомерргофа на латинскомъ и немѣцкомъ языкахъ.

172. Феатронъ историческої руской печати.

173. Геометрия Волгана фонъ Лапулена на немѣцкомъ языке 1629 году.

174. Архитектура на нѣмецкомъ языке.

175. Вундеръ бухъ на галанскомъ старинномъ языке 1651 году.

176. Окулюсъ артифицалисъ-Иогань Занъ на латинскомъ языке.

177. Ариеметика писмѣнная на нѣмецкомъ языке.

178. Кабинетъ [illegible] диверсія Иоанна Батиста Монтана на италиянскомъ языке.

179. Алмазъ медицинусъ Ягана Гомона на нѣмецкомъ языке.

180. Интрадукцыя математикъ Шарля Байса на аглицкомъ языке.

181. Преспектива Андрія Поца на нѣмецкомъ языке.

182. Фортаеикацио Адама Фрейтага на немецкомъ языке.

183. Уставъ мирской на россіскомъ языке.

184. Иоаннесъ Маркварди деяре меркатару на аглицкомъ и немецкомъ языкахъ.

185. Театрумъ махинарумъ Андрѣемъ Беклеръ на немѣцкомъ языкѣ.
186. Алгебра Иогана Валиса на аглинскомъ языке.
187. Житіе Вилгелма принца аранского насоу на старомъ галанскомъ языке.
188. Христиани Гугеніи деногу пендулору на латинскомъ языке.
189. Диспензатарумъ региумъ Еректоларе Барусо на латинскомъ языке.
190. Система агрикултуріи на аглинскомъ языке.
191. Строеніе крепостей Кугорна на россійскомъ языке.
192. Элементы математическая и алжебры Иоанна Керсея на аглинскомъ языке.
193. Механика на полскомъ языке Станислава Столскего.
194. Духовной прадомъ на нѣмецкомъ языке 1580 году.
195. Театрумъ махинарумъ Гендригъ Цезингъ на нѣмецкомъ языке два тома въ одномъ переплѣте.
196. Листы оптическия въ дву томахъ.
197. Географія на россійскомъ языке.
198. Дикцыонаре писменной на россійскомъ и латинскомъ языкахъ.
199. Древная история на немѣцкомъ языке 1581 въ Бранцвике.
200. Старинная инженерная на нѣмецкомъ языке бѣзъ начала.
201. Немецная о феэрферкахъ.
202. Маэсъ Дегенсъ офортофикаціи на немецкомъ языке въ двухъ томахъ.
203. Историія на нѣмецкомъ языке Цесаря Карлуса пятого.
204. Книга о науке ѣзды на лошадяхъ на аглинскомъ языке.
205. О танцахъ на нѣмецкомъ языке.
206. Артилерия Михайла Мигенъ на нѣмецкомъ языке въ двухъ томахъ.
207. Описание города Гданцыха на нѣмѣцкомъ языке.
208. Муземъ сперенианумъ писменная на нѣмецкомъ языке.
209. История Езева Флавия на старинномъ галанскомъ языке.
210. Гералцика куриоза Рудолфи на нѣмецкомъ языке.
211. Архитектура Беклерова на нѣмецкомъ языке.
212. Описаніе коронацыі Ея Імператорского Величества Анны Іоанновны.
213. Гистория шкоцкая Георгия Бухонана на аглинскомъ языке.
214. Остропомия Николая Гренвода на аглинскомъ языке.
215. Печатные листы фортофикаціи бѣсъ подписи.
216. Регламентъ морской на росискомъ языке въ двухъ томахъ.
217. О салдатстве росиской печати.

218. Артилерія Сигмунта Бухле-ра на немецкомъ языке.
219. Минералная Лазоря Эркерсъ на нѣмецкомъ языке.
220. Шанъ каморъ механики Дерамилисъ на немѣцкомъ языке.
221. Математика Кристиана Шеслерна на немецкомъ языке.
222. Математическая на нѣмецкомъ языке безъ начала.
223. Архитектура милитарисъ Отто Смоли на шведскомъ языке.
224. Инженерная римплерова на немецкомъ языке.
225. Согласія Евангелія и апостола на римскомъ языке.
226. Толкованне на еван.еліе на немецкомъ языке безъ начала.
227. Листы ѳортоѳикацін въ переплѣте.
228. Аврама Санклара на нѣмецкомъ языке.
229. Римплерова манера о строеніи крѣпостей на россійскомъ языке.
230. Ѳортоѳикаціо Эрардъ де Барледюккъ на нѣмецкомъ языке.
231. Исторія на нѣмецкомъ языке при цесаре Карле пятомъ.
232. Ученіе ѣзды на лошадяхъ Элкампе на нѣмецкомъ языке.
233. Морския карты на старомъ галанскомъ языке Вилгелма Лянцъ: блау.
234. Математика на агленскомъ языке Вилгелма Лейбоурнъ.
235. Архиле ирисъ кунстъ Иоганъ Якоби Фолманъ Гаузенъ 1617 году на нѣмецкомъ языке.
236. Иозеѳія Скалиѳери сиклометрія на латинскомъ языке.
237. Параледиамусъ архитектурумъ Муся Блонделъ на нѣмецкомъ языке.
238. Висконтингъ едахтенисъ нигудендетѣе недеръ генъ Симонъ Штевинъ на галанскомъ языке.
239. Ниве ѳестенбоу барона Кугорна на галанскомъ языке.
240. Другая такаяжъ.
241. Степенная руского писанія.
242. Описаніе житія цесарей и протчихъ чрезъ Октавиумъ Страда 1618 году на немецкомъ языке.
243. Кроника полская безъ начала.
244. Геометрія и архитектурія полская Станислава Солского на полскомъ языке.
245. Другая такаяжъ.
246. Третія такаяжъ.
247. Исторія Пуѳендорфа на рускомъ языке.
248. Свѣцыя регни лежесъ провинцыалесъ Иоганне Лоценно на латинскомъ языке.
249. Архитектура милидорисъ Адама Ѳретога на немецкомъ языке.
250. Артилериская на немецкомъ языке безъ начала.
251. Фаболы Езеѳовы на латинскомъ языке.

252. Описаніе Іерусалима на немецкомъ языке въ Франкфурте 1568 году.

253. Крантъ цесарей на нѣмецкомъ языке безъ начала.

254. Артилерискиа чрезъ Казимера ковалера Литовского на француском языке.

255. Разсужденіе какие законные притчины Петра перваго о войне съ Шведами на руском языке.

256. Другая такожъ.

257. О солнечныхъ часахъ на латинскомъ языке безъ начала.

258. Эвклидесъ елементсъ на агленскомъ языке.

259. Фортофикація чрезъ Христіана Нейбаурна на нѣмецкомъ языке.

260. Механище кунстъ каморъ [illegible] на нѣмецкомъ языке.

261. Физономія и хиромонія на латинскомъ языке.

262. Пиротехния Ягана Боликстана на англицкомъ языке.

263. Адама Алеарцуса описаніе его ѣзди въ Россію и Персію на немецкомъ языкѣ.

264. Якево Моео о солнечномъ [illegible] на галанскомъ языке.

265. Астрономія диоскурна Винцетъ Винкъ на англицкомъ языке.

266. Иоганъ Гибнерсъ генеологише таболъ на немецкомъ языке.

267. Листы въ переплѣтѣ многихъ немецкихъ и италианскихъ городовъ.

ИНКВАРТО и ОКТАВО.

268. Табуля историко генеологице королей аглицкихъ на немецкомъ языке.

269. Географія трактикъ чрезъ Шенеровъ на францускомъ и галанскомъ языкахъ.

270. Галанская безъ начала въ ней поколеніе отъ Адама пророкъ и протчихъ праотецъ на галанскомъ языке.

271. Библия пентаполь въ трехъ томахъ на немецкомъ языке.

272. Старой алте унтъ нейсъ тестаментъ инъ нойнъ ковенсионъ на нѣмецкомъ языке.

273. О татарскихъ царяхъ писменная на немецкомъ языке.

274. Подлише кроникъ на нѣмецкомъ языке.

275. Гисторише политише статцъ съ Россіи 1725 г. на нѣмецкомъ языке.

276. Описаніе о Круландіи на немецкомъ языке.

277. О нойденіи образа Феодора Стратилата въ немецкомъ городе Калбенирей на немецкомъ языке.

278. Шведская библіотека на нѣмецкомъ языке.

279. Театръ паціїсъ отъ 1660 г. до 1685 г. на разныхъ языкахъ.

280. Архитектура милитависъ Штурмова на нѣмецкомъ языке.

281. Изображеніе и описаніе рудокопныхъ мастеровъ на немѣцкомъ языке въ Нироиберге.

282. Арценей бухъ Адама Киршіера на немецкомъ языке.

283. Глоуберусъ концректатусъ на немецкомъ языке.

284. Описаніе индейскихъ травъ чрезъ Марію Сибилле Маріамъ на галанскомъ языке.

285. Исторія греческой церкви Генцыуса на немецкомъ языке.

286. Юрисъ публикумъ на немецкомъ языке.

287. Вилгелма Литгоуиза ѣзды въ Европу Азию Аөрику на галанскомъ языке.

288. Описаніе коронацеі цесаревы Карла VI на нѣмецкомъ языке.

289. Казаніе дохтора Ягана Ремерсъ на немецкомъ языке.

290. Потенъ ехъ шпрегъ Карла второго надесять короля швецкого на немецкомъ языке.

291. Апологія Карла II агаинского короля чрезъ Барклия на нѣмецкомъ языке.

292. Описаніе королевствъ Неаполія и Сицилія на старомъ галанскомъ языке.

293. Корпусъ юрисъ милитарисъ на нѣмецкомъ языке.

294. Медалише гисторія републики галанской на галанскомъ языке.

295. Поверенная книга на немецкомъ языке.

296. Феатронъ на руском языке печатанъ въ Черниговѣ.

297. Описаніе ѣзды на востокъ Отто Фридрика Грефеня на немецкомъ языке.

298. Томасъ Бюрнетъ теорія сакра на немецкомъ языке.

299. Описаніе Грунландіи Эдрика Сиверсъ на немецкомъ языке.

300. Гранологія китайскихъ цесарей на немецкомъ языке.

301. Адама Алеариусъ описаніе ѣзды въ Персію на галанскомъ языке.

302. Статутъ города Ревеля на нѣмецкомъ языке 1680.

303. Ауфъ едеөте рабве Давидисъ Жоржи на немѣцкомъ языке.

304. Эмблематъ на нѣмецкомъ языке.

305. Гербовъ немецкихъ өамилей на немецкомъ языке въ пяти томахъ.

306. Трансакціи өилозоөически на английскомъ языке въ двухъ томахъ

307. Астрономическія проблемы на немецкомъ языке.

308. Медітаціонъ деприма өилозоөіи чрезъ Деркатесъ на галанскомъ языке въ четырехъ томахъ.

309. Табуля синусъ тангенсъ цифирная.
310. Трансакціонъ философической но аглицкомъ языке въ трехъ томахъ.
311. Описаніе натуралныхъ вѣщей Иогана Якоба Шейхцера на нѣмецкомъ языке.
312. Оптика на аглинскомъ языке.
313. Петри Раміи геометрія на галанскомъ языкѣ.
314. Менуаръ де артилеріи на француском языке въ двухъ томахъ.
315. Ѳилозоѳія натуралисъ на аглинскомъ языке.
316. Сістема математическая на аглинскомъ языке.
317. Діоптика Мулинѣя на аглинскомъ языке.
318. Лексиконъ на немецкомъ языке.
319. Дикціонарій аглинскихъ, немецкихъ и француских языковъ.
320. Дикцыонарій имперіялъ италиянского, ѳранцускаго, немецкого и латинского языковъ.
321. Вакаболы руския и латинския.
322. Книги Овидиусовы на галанскомъ языке въ трехъ томахъ.
323. Книга огородная на ѳранцускомъ языкѣ.
324. Матезисъ оѳъ Бисконцъ Абраамъ де Графъ на галанскомъ языке.
325. Преспектива практика на ѳранцускомъ языке въ трехъ томахъ.
326. Преспектива практика на нѣмецкомъ языке.
327. Лексиконъ немецкой латинской и руской.
328. Религия натуралная на аглинскомъ языке.
329. Дикционарій на аглинскомъ и галанскомъ языкахъ чрезъ Данілу Мандли.
330. Дикцыонарій аглинского и немецкого языковъ чрезъ Севеля.
331. Артилерія на немецкомъ языкѣ.
332. Садовая на немецкомъ языке.
333. Медицынская чрезъ Генденрейха Оверкампа на немецкомъ языке.
334. Эфемеридесъ Ѳелсене на латинскомъ языке.
335. Исторія арганы чрезъ Демарека на ѳранцускомъ языкѣ.
336. Навигація на галанскомъ языкѣ Алперто де Гродъ.
337. Филипа Тиопрастъ чрезъ Игоанъ Бризговиумъ на нѣмецкомъ языке.
338. Эпемеридесъ целестиумъ мотумъ Антонія Магинія на латинскомъ языке.
339. О борбѣ въ лицахъ на нѣмецкомъ языке.
340. Корпусъ юрисъ милитарисъ Иоганъ Ѳридерикъ Шулценъ на немецкомъ языке.
341. Филозофія мистика на немецкомъ языке.

342. Каталогъ стелярумъ аустралиумъ на латинскомъ языке.
343. Инструментумъ прапорционумъ на немецкомъ языке.
344. Институцыонесъ астрономице и ежеографице на старомъ галанскомъ языке 1614 году.
345. Исторія стотнецатисъ рояль Лондонъ на аглинск. языкѣ.
346. Полення суспирансъ на немецкомъ языке.
347. Ариөметика на немецкомъ языке.
348. Меркуріи галанской на галанскомъ языке.
349. Дохтурская на латинскомъ языке.
350. Геометрія на немецкомъ языке.
351. Другая же такая.
352. Описаніе саксонской кунстъ каморы чрезъ Тобиеса Бейтеля на немецкомъ языке.
353. Мартироложи чрезъ Георгія Венригъ 1603 на немецкомъ языке.
354. Исторія свѣта въ лицахъ чрезъ Христофора Венгеля на немецкомъ языке.
355. Геометрия на немецкомъ языкѣ чрезъ Леонарда Цублера.
356. Юристическая на латинскомъ языке.
357. Нидеръ деичь острономия на галанскомъ языке.
358. Евангелие на чюхонскомъ языке.
359. Криксъ гелмъ чрезъ Кристоөора Боецыя на немецкомъ языке.
360. Описание войны цесарской съ турками на немецкомъ языке.
361. Описание разныхъ охотъ и домовного строения на немецкомъ языке.
362. Институнционъ химико Иогана Якоба Розонштель на немецкомъ языке.
363. Христоөоръ Фишери гаусгалтеръ на немецкомъ языке.
364. Реляціонъ куріозѣ физикалисъ математише историше на немецкомъ языке.
365. Тезаурусъ секреторумъ на латинскомъ изыкѣ.
366. Николай Бионъ математика на немецкомъ языке.
367. Каталогусъ стелярумъ на латинскомъ языке.
368. Иогана Агрикуля өилозоөия этмедиціи на нѣмецкомъ языке.
369. Аукторисъ десуавили проеминумъ на латинскомъ языке безъ начала.
370. Фридеригъ Гоөмансъ бѣшребункъ залцъ верке на немецкомъ языке.
371. Габриель Фалопіи медиціи Цупада на немецкомъ языке химическая.
372. Мажия оптика на немецкомъ языке.
373. Жеология на немецкомъ языке.
374. Армония праестабиличе на немецкомъ и латинскомъ языкахъ.
375. Гаспаріи Шопіи мажіе уне-

версалисъ на латинскомъ языке.

376. Гаспаріи Шопіи терлика на латинскомъ языке.

377. Гаспаріи отіи механика гидроулика на латинскомъ языке.

378. Дохторъ Яганіи Шронъ аптека на нѣмецкомъ языке.

379. Корнеліи Солингенъ медице этжирюжи докторъ на немецкомъ языке.

380. Геометрия практика на немецкомъ языке.

381. Дохтурская о рожденіи младенцовъ на немецкомъ языке.

382. Иоганъ Саупелсъ генамоника механика уневерсалисъ на немецкомъ языке.

383. Мѣдуле дестилатори медице Фонрадо Рунрадъ на немецкомъ языке.

384. Куриозѣ кунстъ унтъ веркшулъ на немецкомъ языке въ двухъ томахъ.

385. Иоганесъ Вилкунсъ а каперниковой системе на немецкомъ языке.

386. Аббилдункъ дергемение нициихенъ гаубтштанде на немецкомъ языке.

387. Лейбцыгеръ архитектуръ кунстъ на нѣмецкомъ языке.

388. Франсцисціи фонъ Шоттель математическая чрезъ Христіани Гугенера на галанскомъ языке.

389. Деиче унтъ латенише лексиконъ на немецкомъ языке.

390. Детлевіи Тлюверіи дисквизиціоне филозофице на немецкомъ языке.

391. Детлеви Клювери филозофише меркуріусъ на немецкомъ языке.

392. Мѣтансъ магазинъ на аглинскомъ языке.

393. Петри Яганіи Фабріи филозофия на немѣцкомъ языке.

394. Математишенъ унтъ филозофишенъ эрквикъ штундеръ на немецкомъ языке.

395. Сермонъ академіи питербурской на аглинскомъ языкѣ.

396. Паулъ Яковъ Марперьеръ дикцыонарій на немецкомъ языке.

397. Центифоліумъ стулторомъ немецкомъ языке.

398. Иоганисъ Кункеліи арсъ витрария на немѣцкомъ языке.

399. Биксенмейстеръ на немецкомъ языке артилериская.

400. Газофилациумъ медико физикомъ чрезъ Ягана Якоба Войта на немѣцкомъ языке.

401. Инологиа Цесари Рипиа на немецкомъ языке.

402. Эрандіи Венгели спекуломъ перрѣ на немецкомъ языке.

403. Анлеитукъ цумъ кригсъ веизе на немѣцкомъ языке.

404. Гаусгалтеръ на нѣмецкомъ языке.

405. Острономія Королика на аглицкомъ языке.

406. Архитектура Виниола Валдемонъ физика на немецкомъ языке.

407. Францisко Александръ медицинская на латинскомъ языке.
408. Делицiи физико Даниелемъ Швентерумъ на немѣцкомъ языке.
409. Колендариумъ перпетуумъ унаварсале чрезъ Станислава Акстелмеэръ на немецкомъ языке.
410. Лексиконъ словенской съ греческой росiйской печати.
411. Описание мерамъ писменная на рускомъ языке.
412. Өурнологиа на немецкомъ языке.
413. Михелъ Шевелстъ музеумъ математикумъ на немецкомъ языке.
414. Остерономия британика Iогана Неөтона на аглинскомъ языке.
415. Архимедесъ опера чрезъ Борова на аглицкомъ языкѣ.
416. Механика Померсъ на аглинскомъ языке.
417. Дейче алгебра на немецкомъ языке.
418. Механика чрезъ Мартина Штиэра на нѣмецкомъ языке.
419. Геометрия практика чрезъ Даниила Швейтера на немецкомъ языке.
420. Матезиумъ уневерсалисъ на шведкомъ языке.
521. Небо новое на рускомъ языке.
422. Мистерия натуры нарта на аглицкомъ язике чрезъ Ягака Бате.
423. Голендише кригсгрехтъ на нѣмецкомъ языке.
424. Эмблемата аморисъ Өилипо Геноферъ стекулюмъ соли на немецкомъ языке.
425. Инструментъ цирархитектуръ на немецкомъ языке.
426. Адриянъ Беллерсъ лексиконъ на немецкомъ языке.
427. Архитектура цивилисъ лутчихъ архитектовъ на немецкомъ языке.
428. Аполонiусъ Катусъ геомѣтрия чрезъ Бранера на немецкомъ языке.
429. Аполони Катiи жеометрiа на нѣмецкомъ языке.
430. Архитектура Римплерова на нѣмецкомъ языке.
431. Космотеоросъ на немецкомъ языке.
432. Ришардъ Корворцъ на аглинскомъ языке.
433. О геомѣтрiи Якобъ Лютореъ механицы цумирсiи плеуматика на нѣмецкомъ языке.
434. Ссолеэлтеръ Курциусъ на немѣцкомъ языкѣ.
435. Эвклидесъ даникусъ на галанскомъ языке.
436. Апотето шулъ на нѣмецкомъ языке.
437. Остерономия Iогана Габриеля Допелмеэръ на нѣмецкомъ языке.
438. Лексиконъ словенскiй печатанъ въ монастырѣ кутейнскомъ 1653 году.
439. Артилерия барона Кугорца на немецкомъ языке.

440. Архитектура паладинеса на французскомъ языкѣ.
441. Архитектура Виценция Скамоцiи на галанскомъ языке.
442. Помограмонъ Вилгелмъ Леборнъ на аглинскомъ языке.
443. Ариѳмѣтическая на галанскомъ языке.
444. Компендиумъ гороложико чрезъ Христоѳора Цвикора на немецкомъ языке.
445. Геомѣтрия на немѣцкомъ языке.
446. Астрелябиумъ чрезъ Ѳронциска Ритеръ на немецкомъ языке.
447. Травы въ лицахъ на латинскомъ языке.
448. Якоби ѳизико сакра чрезъ Иоанна Якова Шушера на немецкомъ языке.
449. Оптика чрезъ Ягана Михеля Комрадiи на немѣцкомъ языке.
450. Ѳилозоѳия на немецкомъ языке.
451. Архитектура Андрея Герлико.
452. Княжескихъ силъ хитрость переведена съ немецкого на росiйской языкъ.
453. Миршесдонъ Александро дель Баро на немецкомъ языке.
454. Реѳракцыо солисъ на швецкомъ языке.
455. Метаѳизика на немецкомъ языкѣ.
456. Проблема химика на немецкомъ языке.
457. Георгiи Штиернгилъ Архимедесъ ариѳорматусъ на швецкомъ языкѣ.
458. Скрыптура папернизана астрономiя на немецкомъ языке.
459. Дергулдене грифъ чрезъ Валентинумъ Вейгелиумъ 1613 года на немецкомъ языке.
460. Вестенъ одеръ ѳерънеѳтенъ оѳтъбекваммилденъ чрезъ Яганъ Дебрюнъ на галанскомъ языке.
461. Лионардо Давинчи трактатъ о живописномъ писмѣ на немецкомъ языке.
462. Колекцыо ѳигурамъ на немецкомъ языке.
463. Якобъ Леополдъ механицы лейцыхъ бѣсрейбунгъ неэръ васеръ на нѣмецкомъ языке.
464. Николай Бионъ математика на немецкомъ языке.
465. Практикасъ навигоцiонъ на галанскомъ языке.
466. Элиптикалъ гороложиграфiи чрезъ Самуила Фортера на аглинскомъ языке.
467. Практиканъ новигацыо на галанскомъ языке.
468. Геторкастемiи голонсомеркуриусъ на галанскомъ языке.
469. Криксъкунцъ чрезъ Лаунтрея Атропазенъ на немецкомъ языке 1633 г.
470. Лакъ хатехетикумъ чрезъ Адама Воегенъ на немецкомъ языке.

471. Исторія лифляндской войны на немецкомъ языке.
472. Тезаури британико чрезъ Николая Францыко Ганмъ Романо на италіанскомъ языке въ двухъ томахъ.
473. Филосоѳія Францыко Бако-но на аглинскомъ языке въ трехъ томахъ.
474. Филозоѳія Робертъ Боель на аглинскомъ языке въ трехъ томахъ.
475. Филозофикаль траксанцы-онсъ на аглинскомъ языке въ дватцати томахъ.
476. Нагуръ бѣширтенъ на немецкомъ языке.
477. Тезаури поляно латино гре-ціи Григоріи Шапіи на оныхъ языкахъ.
478. Гартенбау на немецкомъ языкѣ.
479. Граматика руская 7156 г.
480. Роберти Боель опера вария на латинскомъ языке.
481. Экспиримента этъ консионесъ деколорибусъ Роберто Боель на латинскомъ языке.
482. Якобіи Малконѣтіи матема-тика на немецкомъ языке.
483 Докторъ Христоѳоріи Зон-танхсъ на нѣмецкомъ языке.
484. Дейченъ шпрахе штамбаумъ на нѣмецкомъ языке.
485. Пеплю виртутумъ роману-ромъ на латинскомъ языке.
486. Теологическая Христиана Дреэрнъ на немецкомъ языке.
487. Института Жустиниани Рей-нардіи Бахови на латин-скомъ языке.
488. Якоби Рехманидеръ Флам-бенсъ артикулюсь пасионъ унтъ катихизмъ на немѣцкомъ языке.
489. Доктора Лютера на нѣмец-комъ языке.
490. Каментарио академіи пе-тербургской на латинскомъ языке.
491. Треатисъ артитектуріи на аглинскомъ языке.
492. Нордъ унтъ остлихенъ Ев-ропа унтъ Азия на немец-комъ языке.
493. Астрономише табель на немецкомъ языке.
494. Деръ ауѳрихтиге астроно-мусъ Іогана Леонарда на немецкомъ языке.
495. Овидій въ лицахъ.
496. Архитектура на галанскомъ языке безъ начала.
497. Эксперементалъ ѳилозофіи чрезъ Дезагулей на аглинс-комъ языке.
498. Курсъ механикалъ магнети-калъ оптикалъ гидростикалъ на аглицкомъ языкѣ.
499. Иоганъ Леонардъ Фришъ бешрейбунгъ ѳонъ аллер-лей инсектенъ на немѣц-комъ языке.
500. Тесоцинианъ контроверси чрезъ Шарла Лесли на а-глинскомъ языкѣ.
501. Филозоѳикалъ трансакціонъ на аглинскомъ языке.
502. Духовѣнство на нѣмецкомъ языке безъ начала 1595 г.
503. Немецкая безъ начала въ

сексіонъ Исака Неетона еилозоеическая на аглинскомъ языке.

571. Комнендусъ андъ мотадикаль еилозоеическая на аглинскомъ языке.

572. Меморія оете роллеа комедіи на аглинскомъ языке.

573. Методъ оеъ треангель на аглинскомъ языке.

574. Атреатисъ оеъ коунсупцыонсъ на аглинскомъ языкѣ.

575. Атреатисъ оетей сплентъ анъ вапоресъ на аглинскомъ языке.

576. Лексиконъ еизико медикумъ на аглинскомъ языке.

577. Оптиксъ оръ атреатисъ на аглинскомъ языкѣ.

578. Исторія Могола на аглинскомъ языке.

579. Ремарксъ пиктюріи італиенъ на аглицкомъ языке.

580. Оптикалъ лектюль на аглицкомъ языке.

581. Вояжъ оеъ каптенъ Жоржъ Роберилъ на аглицкомъ языке.

582. Өормакопие аоицинались на аглицкомъ языке.

583. Аленсъ динспенсаторій на на аглицкомъ языке.

584. Сецгвингъ унъ ликверсъ на аглицкомъ языке.

585. Вистонсъ рекордсъ въ двухъ томахъ на аглицкомъ языке.

586. Боернаве элемансъ оеъ шимистри на аглинскомъ языке.

587. Поваренная на аглинскомъ языке.

588. Өабулы на аглинскомъ языке.

589. Теорія еизика на аглинскомъ языке.

590. Треатисъ оете систем ворлдъ Инсакъ Неетонъ на аглицкомъ языке.

591. Ратклиеесъ пратикалъ диспенсаторъ на аглинскомъ языке.

592. Вавсъ диспентаторія на аглинскомъ языкѣ.

593. Арты дравилкъ антъ паинтинкъ инъ ватеръ колорсъ на аглинскомъ языке.

594. Тегэрнитъ чрезъ Өилипа Кварла на аглинскомъ языке.

595. Меланикаль акунты на аглицкомъ языке комплетъ кпреатисъ оеъ те гравель на аглинскомъ языке.

596. Летерсъ то Серенъ на аглинскомъ языке.

597. Ленгитудъ антъ латитюдъ на аглинскомъ языке.

598. Медицына статика на аглицкомъ языке.

599. Грегоріи элеменцеъ оеъ катоприксъ на аглинскомъ языке.

600. Треатесъ оеъ алжебра на аглицкомъ языке.

601. Презенъ штатъ гранеъ Британіи на аглицкомъ языке.

602. Атеннанъ азакль колекціонъ оеъ алте валюабль квѣстионсъ на аглицкомъ языке въ четырехъ томахъ.

603. Праксисъ медика Гилельмусъ Салмонъна аглинскомъ языке.

604. Өормакопио батеанана аглицкомъ языке.

605. Θорияконио екстенпоране на аглицкомъ языке.

606. Бисцелянесъ реѳлексионсъ показионъ бей те кометъ на аглицкомъ языкѣ.

607. Синопсисъ палмари оруммэтеэзео неѳъ интрѣтродукцыонъ математикъ на аглицкомъ языке.

608. Медицына гимназика на аглецкомъ языке.

609. Аниинторъ деѳансъ на аглицкомъ языке.

610. Иоганесъ Дебурхвалтъ специменъ медикумъ ботаникуиъ на немецкомъ языке.

611. Инженеръ Θранце на ѳранцускомъ языке.

612. Анѳиксъ математишенъ висиншаѳъ чрезъ Волѳена въ четырехъ томахъ на немецкомъ языке.

613. Фридригъ Германсъ дохтурская на нѣмецкомъ языкѣ.

614. Θилиппъ Дерамсъ физико теологія на немецкомъ языке.

615. Филипъ Дерамсъ астрологія на немѣцкомъ языкѣ.

616. Куріозенъ веркъ унтъ шулъ въ Няренбѣрхе на немецкомъ языке 1696 году.

617. Курстъ дешини Николая Лемери 1698 году на немѣцкомъ языке.

618. Тезаурусъ латиніи сермонисъ на латинскомъ и немѣцкомъ языкахъ.

619. Лексиконъ латинской и немецкой 1694 году.

620. Балтазарнъ Шиурнъ кунстгаусъ на немецкомъ языке 1676 году.

621. Гисторише кернъ на немецкомъ языке 1695 году.

622. Шауплацъ на немецкомъ языке 1653 году.

623. Криксъ дисциплинъ 1697 году на нѣмецкомъ языке.

624. Каталогъ шляхетству аглинского на аглинскомъ языке 1697 году.

625. Медитационесъ сакре евангелие доминикали на латинскомъ языке.

626. Евангелиорумъ доминикаліумъ на латинскомъ языке 1615 году.

627. Гномоника уневерсалисъ на немецкомъ языке 1694 году.

628. Николай Венетъ эрценгункъ дерменшинъ на немецкомъ языке 1695 году.

629. Библия на немецкомъ языке старинной печати.

630. Публиусъ Корнелиусъ Сципіо на немецкомъ языке 1696 году.

631. Соломонъ одръ регентемъ шпигель на немѣцкомъ языке безъ начала.

632. Немѣцкая приписана къ швецкому королю.

633. Тироцинiумъ юрихъ Иогани Θоме рехси 1672 на латинскомъ языкѣ.

634. Тезаурусъ библикусъ 1645 году на немецкомъ языке.

635. Парсъ терция ѳилозоѳіе собріе на латинскомъ языке 1624 году.

636. Трактатусъ де борометри на немецкомъ языке.

637. Театри машинарумъ на нѣмецкомъ языке.

638. Гендригъ Ценсингъ театрумъ махинарумъ на немецкомъ языке.

639. Мадамъ де Фукетъ арценей бухъ на немецкомъ языке 1708 году.

640. Митледихе евиссенгаетъ апотекеръ чрезъ Ягана Цвингера на немецкомъ языке.

641. Корконданция философорумъ Иогана Экланъ 1712 году. на немецкомъ языке.

642. Іоганъ Батиста Парты мажія натуралисъ на нѣмецкомъ языке 1680 г.

643. Де олонгитудние Форшла 1723 году на немецкомъ языке.

644. Клерцъ медикусъ на немецкомъ языке 1705 году.

645. Докторъ Королія Мусіи Тани правессоръ ширюжие унивизикалише на немецкомъ языкѣ 1701.

646. Филипъ Фергенсъ профессомъ нагоми 1708 году.

647. Дитерагъ Германъ академіе одеръ висеншаетенъ на немецкомъ языке 1711 году въ двухъ томахъ.

648. Деръ индерлиндише гартенъ на немецкомъ языке 1712 г.

649. Георгія Багливія праксисъ медика 1705 на нѣмецкомъ языке.

650. Куриозе шпекуляциюнесъ на немецкомъ языкѣ 1707 году.

651. Деръ велтанеангъ ееренде-рунгъ унтергангъ Иогариа 1698 года на нѣмецкомъ языке.

652. Шапкаморъ антиквитенъ на немецкомъ языке 1717 году.

653. Корнилiусъ Танцыусъ на аглинскомъ языке.

654. Другая такаяжъ на немѣцкомъ языке.

655. Лобараторумъ одеръ унтер-ердише натуркиндигумъ Іоганесъ Бѣсерусъ 1680 году на немецкомъ языке.

656. Бланкартіи лексиконъ могумъ медикумъ 1690 на латинскомъ языке.

657. Христианусъ Болхиусъ математишенъ висеншаетенъ на немецкомъ языке 1720 г.

658. Иоганъ Равелтъ еерандерумъ на немецкомъ языке 1698 году.

659. Базилія Балентинія химише шриетенъ 1717 году на немецкомъ языке.

660. Козмограеия на аглинскомъ языке.

661. Самуилъ Пуеендоръ на немецкомъ языке 1684 году въ трехъ томахъ.

662. Химишеръ гандлейтеръ Иогана Гискиякардія куляція 1685 году на немецкомъ языке.

663. Иоганисъ Елеурисція лексиконъ 1709 на латинскомъ языке.

664. Кабинетъ деминересенъ на галанскомъ языке.

665. Иоганъ Локъ на немецкомъ языке 1708 году.
666. Петеръ Диунсъ ширюжише опереціонсъ на немѣцкомъ языке 1712 году.
667. Іоганъ Христоѳоръ Штурміи ѳизико на нѣмецкомъ языке 1713 г.
668. Колектанія шимика на немѣцкомъ языке 1700 году.
669. Кроника на немецкомъ языке 1663 году.
670. Ацеэра ѳилозоѳика на немѣцкомъ языке 1694 году.
671. Левиантанъ оѳъ вандештове ТомосъГоберъ на галанскомъ языке 1667 году.
672. Десъ юдишевъ Талмутсъ на немецкомъ языке 1609 году.
673. Медулия мирабилиумъ натуре на немецкомъ языке 1619 году.
674. Медицина эпериментались дибѣана на немѣцкомъ языке.
675. Габриелсъ Фалопіи на немецкомъ языкѣ 1690 году.
676. Алекси Педемонтаніи дѣсекретинія 1568 году на латинскомъ языке.
677. История ванъ аллеридерляке эйкрихсъ одерсъ на галанскомъ языке 1697.
678. Николай Бенете эрцейгункъ деръ меншенъ на немѣцкомъ языке 1698 г.
679. Темеасъ на немецкомъ языке 1644 году.
680. Курниновей ѳилозоѳія на латинскомъ языке.
681. Номенклатура рекумъ бревисъсима влатино свеко квинонника Абовъ 1683 г.
682. Экартсъ унъ евиссенгафтеръ апотекоръ на немецкомъ языкѣ 1700 г. въ четырехъ томахъ.
683. Данеэль Людовиціи опера омния на латинскомъ языке 1712 г.
684. Интере и максимъ депринсъ 1666 г. на французскомъ языке.
685. Губернаментъ цивиль дурхъ Жонъ Локъ на немецкомъ языке 1718 г.
686. Лета шуэзіи де Балзакъ.
687. Себотиано Генлико филозофо и мѣдико на латинскомъ языке.
688. Дескрипціонъ антузе оѳъ треангулеръ квандратъ 1671 г. на аглинскомъ языке.
689. Геронимі Карданіи мѣдици медиоланензисъ практика аритметикъ на латинскомъ языке.
690. Унтеригъ ѳонъ натырлихенъ дингенъ 1657 г. на немецкомъ языке.
691. Тражедія москвитика сиве де вита этъ морте Деметріи на латинскомь языке.
692. Корнилій Тацитъ на латинскомъ языке.

АГЛИНСКИЯ ИНѲОЛИО.

693. Лексиконъ содержащей куриозные ведомости о святыхъ и протчихъ гисторияхъ.

694. Гистория географская генеалогиская и поэтикалиской лексиконъ.

695. Суплементъ къ болшей гистории егографическому лексикону.

696. Теори о землѣ содержащияся описание о подлинной земле и о всѣхъ генералныхъ премениях которые донынѣ были о всякихъ вещахъ.

697. Изъяснителные ноты съ практиковыми примѣчаниями на новой тестаментъ.

698. Путевое описание чрезъ Шотланду.

699. Правдивое познание системы о свѣтѣ и ѳилософи во всякихъ речахъ о оставленіи божескомъ и дуростяхъ и невозможностяхъ касающѣяся.

700. Законы въ параграѳе и разделенія и нумеры о болшей карте до окончания владения аглицкого короля Карла втораго.

701. Начало о ѳилосовскомъ изысканіи въ нынѣшней ѳилосоѳіи въ наивящихъ знатностяхъ которые въ той изобретаются.

702. Законы въ параграѳе разделены отъ начала владенія Якова первого.

703. Описание земляныхъ овощей и особливыхъ состояній деревъ траѳъ и цветовъ и ихъ плодовъ.

ВКВАРТЕ и ОКТАВѢ.

704. Теори о карабѣльномъ ходе изъяснено королевскимъ обсерваторомъ предприятое о небесномъ круге.

705. Краткое и лѣхкое познание опасности о християнской вере доказателство.

706. Элементъ о звездосмотреніи медицинския и геометриския описания.

707. Чрезъ Давыда Григория медицинского доктора Соѳилиауского провессора хитрость звездосмотрія и члена королевской сонесететъ въ Лондонѣ.

708. История о лиге переведено на аглицкомъ языке по королевскому указу.

709. Особливое описание разныхъ приключаевъ и особливыхъ болѣзней женского колена и какъ оные лечить.

710. Рокаутсъ система о нату-

ралной философіи усмотрена докторомъ Самуиломъ Скаркерсомъ взята отъ ридера Исака Нейтонсъ филюсофа съ прибавленіемъ.

711. Молодого шляхтича астрономского времени описанне кухверкеръ или часы съ репетиціею и въ которой книге такие элементы и знатности темъ кому потребны.

712. Примѣчание. { Типографикалъ моралъ и филосоеикалъ.

713. Учинено въ пути чрезъ одну часть Нидерландъ немецкую землю Италию и Францию съ однимъ каталого фонъфеланценъ которыя не натурално въ Голандіи родятца но сеютца.

714. Кулнеперсъ послѣдней тетаментъ оставилъ своей жене и всемъ къ ползе.

715. Математицкия маика или что чинить могутъ чрезъ мѣханиския и геомѣтриския хитрости.

716. Математицкой лексиконъ изъяснителной терминовъ хитростей и употребляемыхъ штилей въ арихметикѣ геометріи остреномін астрологіи и въ протчихъ математическихъ хитростяхъ.

717. Основание и притчина пренебрежения церкви и веры.

718. Новой тресмагистеръ или новое показание къ тремъ языкамъ.

719. Краткое описание о карабелномъ ходе или краткой манирѣволнымъ мореходнымъ человекомъ быть.

720. Елементы изъясняютъ о Эйклиди въ новой однакожъ весма лехкая манира обще со употребленнемъ содержания о всякихъ вѣщахъ въ матиматике.

721. Новая система о сокрушенияхъ и печаляхъ и поконфирація.

722. Земскихъ женъ и девицъ обучать дома содержанію и довольствию и способу земскихъ делъ.

723. Описание первыхъ основателствъ делъ обще о употребленияхъ и соединенияхъ дивныхъ маниръ.

724. О совершенныхъ рейторахъ искусныхъ кузнецахъ въ дву книгахъ.

725. Проба о здоровье и о долгомъ житіи.

726. Изъяснение содержание нѣкоторой пробы о поправленіи серебреной манѣты.

727. Гистория о овощахъ чрезъ господина Панетама теркалиста у короля Францускоrо съ ево примѣчаниемъ что еще при оной матеріи предстерегать.

728. Полиграфия или хитрость о молеваніи рисованіи вырезбѣ и золоченье.

729. Боерхавенсъ начала о чаянияхъ о здоровье.

730. Астрономическія началные основанія о вѣрѣ натуралной изъяснено чрезъ Шилдкнапа Робѣрта Поули.

731. Дисненсоториумъ отъ королевского колегіи медика въ Лондоне.

732. Всякіе книги отъ кабѣллайсъ мѣдицинского доктора въ двухъ частяхъ или житие и храбрость отъ Гаргантуа и Пантагруэля.

733. Лукрециусъ Карусъ о натуралныхъ делахъ.

734. Лукобрацонесъ Исака Бикерстава шилдкнамъ.

735. Аглинской спектаторъ подписанъ отъ Бикерстаеа.

Вѣдомость что по описи явилось въ домѣ покойного господина генерала фелтьмаршала и кавалера Якова Вилимовича Брюса въ библіотекѣ инструментовъ разныхъ и протчихъ вещей а имянно.

1. Глобъ небесный тихобрашевой системы Вилима Бланса диаметра аршина въ полтора.
2. Такой же величины земной.
3. Два глоба небесной и земной диамитру вершковъ по двенатцати.
4. Ящикъ черною кожею окленъ въ средине обитъ краснымъ бархатомъ въ немъ инструментовъ мѣдныхъ:

Остролябиевъ . . . . . . 2.
Кампасъ малой въ немъ стекло . . . . 1.
Проба пороховая . . . . 1.
Науголникъ . . . . 1.
Карандашъ съ накошникомъ желѣзнымъ . . . . 1.
Квандрантъ . . . . 1.
Тронспатировъ . . . . . 2.
Линейка складная на желѣзномъ колесе . . . . . 1.
Линейка одинакая . . . . 1.
Линейка двойная на двухъ связяхъ . . . . 1.
Цырколей . . . . 5.
Цырколь треножной . . . 1.
Цырколей двуконечныхъ . 4.
Цырколей круглыхъ . . . 4.
Цырколей съ моштопами . 3.
Размѣровъ складныхъ . . 2.
Перо съ колесомъ . . . . 1.
Перо къ вышеписаннымъ цырколямъ . . . . 2.
Колесецъ къ темъ же цырколямъ . . . . 2.
Карандашевъ къ темъ же цырколямъ . . . . 2.
Инструментъ изочтения ступеней . . . . 1.
Инструментовъ разныхъ . 6.
Въ низу того ящика:
Линейка складная . . . . 1.
Линейка одинокая . . . . 1.
Розмеръ ядрамъ и бомбамъ и гранатамъ . . . . 1.

Тронспатировъ глаткихъ . 2.
Линея съ винтами желѣзными по которой дуги чертятъ . . . . 1.
Цырколей для мѣры круглостей . . . . 2.
Моштапъ изъ рыбей кости въ ѳутляре ящеровомъ . 1.
Пакауттовое ядро . . . . 1.
Свинцовое ядро . . . . . 1.
Дощечка съ маштопомъ по концамъ визюры.

5. Ящикъ липовой въ немъ цырколь мѣдной круглой.

6. Ящикъ липовой въ немъ цырколь мѣдной съ маштапомъ.

7. Ѳутляръ сосновой въ немъ инструментовъ разныхъ.
Цырколь желѣзной съ ключемъ . . . . 1.
Цырколь мѣдный съ маштапомъ.
Цырколь мѣдный съ желѣзнымъ винтомъ . . . . 1.
Цырколей мѣдныхъ . . . 2.
Моштапъ мѣдной складной . . . . 1.
Перъ изъ красной мѣди . 4.

8. Ѳутляръ деревянной сверху оклеѣнъ кожею а внутри лазоревымъ сукномъ въ немъ:
Квондрантъ мартирной мѣдной . . . . 1.
Брусокъ ясеневой . . . . 1.

9. Ѳутляръ въ черной коже въ немъ:
Понаргинъ мѣднойтреугол ной съпривѣсомъ . . . . 1.

10. Ѳутляръ коженой красной въ немъ:
Квандратъ пушечной мѣдной . . . . 1.
Цырколь . . . . 1.
Маштапъ . . . . 1.
Науголникъ . . . . 1.

11. Ѳутляръ покрытъ бѣлою краскою въ немъ ватерпасъ болшой мѣдной . . 1.

12. Ѳутляръ коженой черной въ немъ инструментъ болшой мѣдной сверической.

13. Ѳутляръ красной въ немъ часы солнечныя мѣдныя иневѣрсальные въ полцырколя.

14. Ѳутляръ такой же въ немъ часы солнечныя мѣдныя прорезныя съ компасомъ.

15. Ящикъ липовой въ немъ астролябие мѣдное.

16. Ящикъ зеленой въ немъ компасъ болшой мѣдной.

17. Ящикъ липовой въ немъ квандратовъ пушечныхъ мѣдныхъ . . . . 2.

18. Ѳутляръ сосновой въ немъ:
Привесъ пушечной мѣдной . . . . 1.

19. Ѳутляръ такой же въ немъ проба пороховая мѣдная.

20. Ящикъ продолговатой сосновой въ немъ инструменту мѣдного.
Маштапъ линьялы . . . . 1.
При немъ ношка . . . . 1.
Кривой цырколь чемъ ядра и бомбы мѣряютъ . . . . 1.

21. Ѳутляръ черной въ немъ:

Инструментъ мѣдной которымъ далности безъ вычету вымериваютъ.

22. Ящикъ сосновой трехъ уголной въ немъ мередианъ мѣдной . . . . 1.

23. Ѳутляръ дубовой въ немъ ватерпасъ лейполсъ мѣдной.

24. Крантъ палмовой съ мѣдными винтами.

25. Ѳутляръ черной въ немъ нактурналъ мѣдной . . . 1.

26. Часы малые мѣдные иниверсалные съ привесомъ. 1.

27. Часы средние мѣдные иниверсалные съ привесомъ.

28. Ѳутляръ сосновой въ немъ квандрантъ малой палмовой.

29. Ѳутляръ черной коженой въ немъ:
Астрономическій квандрантъ съ трубкою зрителною. При немъ столбикъ на четырехъ ношкахъ. . . 1.

30. Ящикъ сосновой въ немъ терескопиемъ смотритъ на затмение солнца съ трупкою зрителною.

31. Ѳутляръ дубовой въ немъ квандрантъ морской мѣдной съ трупкою зрителною.

32. Инструментъ изъ палмова дерева которымъ далности мѣряютъ.

33. Столикъ сверы коперническій къ нему малой руки глобусъ.

34. Ѳутляръ красной коженой въ немъ остролабие мѣдное.

35. Ѳутляръ черной въ немъ въ коженыхъ подушечкахъ остролябие мѣдное Никиты Ивановича Романова.

36. Ѳутляръ деревянной въ немъ остролябие мѣдное.

37. Ѳутляръ липовой въ немъ цырколь мѣдной болшой къ нему ноги кривые.

38. Ѳутляръ сосновой въ немъ цырколь желѣзной треножной.

39. Дипинъ мѣдной (малой) съ привѣсомъ.

40. Дипинъ мѣдной малой съ привѣсомъ.

41. Ящикъ сосновой въ немъ целиндерконулъ.

42. Секстантъ желѣзной вокругъ покрытъ медью съ двумя трупками жестяными.

43. Ѳутляръ сосновой въ немъ квондратъ мѣдной пушечной съ привѣсомъ.

44. Ѳутляръ черной въ немъ квондрантъ мѣдной пушечной малой.

45. Ящикъ дубовой въ немъ компасъ малой.

46. Ѳутляръ яблоновой въ немъ компасъ.

47. Коробочка покаутовая круглая въ ней компасъ маленкой.

48. Ящикъ сосновой въ немъ:
Компасовъ бумажныхъ печатныхъ . . . . 4.
въ томъ числе безъ стрѣлъ . . 2.
Стеколъ . . . . 3.

49. Три ящика дубовыхъ оди-

накихъ въ нихъ компасовъ болшихъ . . . . 3.

50. Инструментъ желѣзной которымъ у пушекъ запалы завинтиваютъ.

51. Ящикъ каповой въ немъ фортофикацыя изъ бумаги выклѣена.

52. Ящикъ черной въ немъ фортофикацыи изъ бумаги же выклѣены.

53. Боченковъ дубовыхъ для угашения пожару пробные . 4. Машинъ жестяныхъ . . . 2.

54. Чашъ мѣдныхъ разныхъ рукъ которые отъ свѣчи свѣтъ умножаютъ . . . . 1. Къ нимъ желѣзной столбикъ.

55. Куколъ мѣдныхъ на скамейкахъ китайскихъ . . 4.

56. Котликъ чюгунной тонкой работы.

57. Два ящика въ нихъ два глобуса.

58. Стекло зажигателное мѣдное въ рамахъ крашеныхъ черепахою.

59. Яшмы 7 кусковъ.

60. Тумпасъ переломленъ болшой въ двухъ штукахъ.

61. Разныхъ рукъ камней и рудъ 16. штукъ.

62. Плитъ серого мрамору 5.

63. Въ коробочке огибной разные руды въ бумашкахъ и съ ихъ описаниемъ.

64. Ящикъ плоской малой буковой съ рудамижъ.

65. Ящикъ сосновой съ разными рудами подъ литерами CVB.

66. Камень неизгараемой въ ящике сосновомъ.

67. Кушинъ старинной красной глины найденъ на заводахъ Молостова.

68. Рукамойникъ мѣдной нерсицкой дощатой.

69. Мадела жестяная печи въ которой можетъ дымъ перегорать.

70. Три стекла зажигателныхъ болшихъ въ дереве на ношкахъ.

71. Трубка зрителная въ ящике ореховомъ съ мѣдными стеклами.

72. Три стекла зажигателныхъ въ дереве съ ручками.

73. Интроскопия италианская.

74. Другая аглинская.

75. Тыква индейская пустая.

76. Ящикъ сосновой болшой въ немъ:
Стеколъ отъ зрителныхъ разныхъ трубъ сто сорокъ.
Штукъ которые прикладываетъ къ зрительнымъ трубамъ пакаутовымъ дватцать двѣ.

77. Зеркало кругловатое неболшее въ которомъ кажетъ болшое лицо.

78. Труба зрителная болшая изъ дубовыхъ досокъ четырнатцать футовъ къ ней ящикъ зеленой съ надлежащимъ приборомъ.

79. Труба железная болшая зрителная дватцати футовъ.
80. Труба коженая съ меднымъ приборомъ десяти футовъ.
81. Двѣ трубы бумажные футовъ по тринатцати.
82. Три трубки зрителные маленкие.
83. Двѣ трубы одна жестеная оклѣена ящеромъ безъ стеколъ другая такая жъ жестеная съ стеклами.
84. Ящикъ деревянной окованъ желѣзомъ въ немъ:
Ящичекъ съ оселками дербенскими.
Два ящика скамьями изъ бѣлуги.
Въ ящике камень безъ подписи разломанъ.
Въ ставикѣ камень изъ дикой козы.
Въ ставикѣ бѣзуй изъ кабана.
Въ коробочке красные каменные соты.
Мешечикъ съ сердоликами.
Мешечикъ съ бирюзами.
Мешечикъ съ цвѣтными дикими камушками.
Мешечикъ съ рошками серебреной руды.
Мешечикъ съ востошными хрусталями.
Мешечикъ съ камушками дикихъ цветовъ.
Мешечикъ съ камушками астрабацкими.
Мешечикъ съ сѣрыми камушки.
Мешечикъ съ желтыми камушки.
Въ мешечкѣ нѣкакая руда безъ подписи.
Четыре плитки яшмовые маленкие.
Въ бумаге подписаны незнающіе камушки.
Камушки въ бумашкѣ съ Каспиского моря.
Грибъ каменной.
Въ бумаге рогъ серебряной руды.
Раковинъ разныхъ болшихъ и малыхъ девяноста девять.
Клѣшня рака морскаго.
Камень дикой подписано что по опробацін хорошой.
Соты каменные бѣлые.
Кожа изъ гнилова дерева.
Четыре зуба рыбьихъ вырезубовыхъ и два языка.
Жабикъ одинъ.
Бумага съ разными камишки.
85. Ящикъ бѣлой сосновой въ немъ дикой утки чючела.
86. Ящикъ за печатью сургучевою на ономъ на ерлыке подписано всякіе разные печатки римскихъ и другихъ цесарей и королей.
87. Кость мамонтовой головы при ней два зуба да кость отъ ноги.
88. Три рога мураловыхъ да одинъ рогъ незнаемой.
89. Сундукъ сосновой въ немъ:
Девять зерколъ круглыхъ ме-

талныхъ китайскихъ болшихъ и малыхъ.

Одно такоежъ зеркало малое четвероугольное.

Тынокъ китайской рѣзвой что ставятца на столахъ выдвижной въ трехъ штукахъ.

Тынокъ китайской резной въ одинакихъ шисти штукахъ.

Къ нимъ ѳигуры на листахъ китайскияжъ.

Два ѳутляра обвивные шелковою материею съ китайскими чернилами.

Кортинъ леншаетовъ китайскихъ со описаниемъ китайскимъ же длинная взвивная на палку писана на ѳанзе.

Коробочка съ тензуемъ.

Въ коробочке тритцать девять кругленкихъ камишковъ а на коробочке подписано товарные денги.

Стремена желѣзные китайские насечены золотомъ и серебромъ.

Туѳли китайские плетеные исъ травы.

Другие хозовые зелѣные персицкие

Чюлки китайские стеганые.

Сапоги китайские бобровые.

Двои сапоги китайские камчатые женские.

Перчатка коженая китайская одна.

Семь дощечекъ деревянныхъ сцепныхъ на которыхъ вырезаны слова знатно колендарь.

Другой такой же въ четырехъ брускахъ съ словами.

Въ лубочке на палмовомъ листе писано балабарскимъ языкомъ.

На двухъ дощечкахъ записная книга колмыцкая.

Семь ножей въ ножнахъ китайскихъ и татарскихъ.

Полпята прутка меди китайской. Трои вески китайские въ ѳутлярахъ.

Ѳитили китайские въ бумаге.

Въ двухъ бумагахъ китайского табаку.

Въ ящикѣ духи китайские.

Въ бумаге земля хина чемъ Персияне волосы и нохти красятъ.

Каповой корень персицкой подобѣнъ ковшу заделанному съ желобкомъ серебренымъ знатно для питья.

Двѣ чернилницы персицкіе лаковой работы.

Въ коробочке три ящерицы.

Ноготь бѣлого медведя круглой.

Два камня найденные въ бѣлуге.

Штука кирпича старинного съ подписаниемъ татарскимъ.

Ящичекъ складной мѣдной въ немъ идоловъ китайскихъ два.

Писма мунгалские взвернуты на палочке разныхъ цветовъ.

Столбикъ костяной съ вырезоннымъ репьемъ.

Крышка отъ котлика тазовой мѣди китайския.

Въ коробочке круглой:
Бумашка съ ентарями въ которыхъ есть мушки.
Грамотка къ ѳелтьмаршалу Шереметьеву отъ турецкого паши.
Мышьяку въ бумашке за печатью самородного.
Кусокъ желтого тензую.
Идолъ маленкой китайской.
Кусокъ стекла стариннаго красного.
Печать на шолковомъ снурке отъ бухарского хана.
Въ коробочке маленкая натуралная змейка.
Въ маленкихъ дощечкахъ писма китайскіе
Въ бумашкѣ семя агникастіи.
Десять приказаній жидовскихъ на бумашке писаны.
Два мячика некакого ѳрукта а третьего половина.

90. Сундукъ плетеной покрытъ теленкомъ въ немъ китайскихъ мѣдныхъ вѣщей:
Два льва.
Два цветника четвертинами.
Два цветника четвероуголные подобны подсвѣшникамъ.
Четыре цвѣтника подобны подсвѣшникомъ же круглые.
Статуя изъ которой видно что рукомойникъ.
Два зверя китайскихъ.
Шесть идоловъ китайскихъ.
Цвѣтникъ здѣланъ на слонѣ.
Быкъ неболшой съ болшими рогами.
Жаровня на трехъ ношкахъ.
Три журовля на поддонахъ.
Некакой ѳруктъ продолговатой.
Китаецъ на пегомъ коне.
Другой на птице.
Три индейца на зверяхъ подобныхъ оленямъ.
Две кровелки на нихъ зверки.
Дощечки ѳигуркою мѣдная вмѣсто колокола съ деревяннымъ молоточкомъ.

91. Два куска сибирского магнида.

92. Могнидъ обдѣланъ въ желѣзе къ нему приделанъ якорь.

93. Маленкой старинной бѣрдышъ на обѣ стороны желѣзной кончики вызолочены.

94. Кусокъ желѣза съ подписью сдѣланною изъ магниду.

95. Ящикъ липовой въ немъ:
Пять картъ бумажныхъ болшихъ на которыхъ описание города Смоленска.

96. Интроскопиемъ въ коробочке овалной.

97. Другая въ хозовомъ ѳутляре.

98. Цепь землемерная желѣзная съ медными колцами.

99. Другая изъ деревянныхъ палачекъ.

100. Верфь струнная.

МЫСЛЬ ВОЛЫНСКАГО ОБЪ УЧРЕЖДЕНІИ УНИВЕРСИТЕТА ВЪ РОССІИ.

Въ одномъ изъ нумеровъ «Извѣстій академіи» я сообщилъ свой взглядъ на полоцкія лѣтописи.[1]) Мнѣ не удалось пока прочесть ни опроверженія моего мнѣнія, ни какихъ либо доказательствъ въ пользу его; впрочемъ, я не отказываюсь отъ своего предположенія, что они составлены Волынскимъ или кѣмъ либо изъ его партіи, тѣмъ болѣе, что недавно напечатанъ въ «Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей» 1858 г. (книжка III, смѣсь стр. 135) актъ, сообщающій ему еще болѣе достовѣрности. Такъ, при допросѣ Еропкинъ показалъ, будто Волынскій говорилъ ему: «нынѣ время Годуновыхъ: царица въ Москвѣ, а Растрига въ Литвѣ; когда же Еропкинъ возразилъ, что у царицы Евдокіи Ѳедоровны, которая еще была жива, нѣтъ дѣтей, Волынскій замѣтилъ: «я говорю про царицу Елизавету Петровну и про герцога Гольстинскаго, сыщутъ и царя Василья Шуйскаго»; и прибавилъ потомъ, заговоря о Черкаскомъ: «нынѣ его поставятъ, а завтра постригутъ, онъ все молчитъ.» Нельзя не замѣтить между этими словами Волынскаго (Чтенія, смѣсь, стр. 155.) и полоцкими лѣтописями нѣкоторой аналогіи. Кромѣ того, самъ Волынскій, какъ видно изъ записки, объявилъ, что только близкимъ друзьямъ сообщалъ свои разсужденія: не объясняется ли этимъ замѣчаніе Татищева, что Еропкинъ далъ ему полоцкія лѣтописи на очень короткое время и потомъ уже не возвращалъ ихъ. А мнимая республика Долгоруковыхъ (стр. 154) — развѣ она была болѣе правдоподобна, чѣмъ правленіе Бориса и Святохны въ Полоцкѣ? Имя послѣдней, какъ сказано въ моей статьѣ, Волынскій заимствовалъ

---

[1]) См. т. VII, выпускъ I, статью Два памфлета временъ Анны Іоанновны.

изъ исторіи Помераніи, свѣдѣнія о которой онъ могъ пріобрѣсть въ Данцигѣ, гдѣ онъ самъ былъ, какъ свидѣтельствуютъ слова: «сіи разсужденія (не дошедшія до насъ) сочинилъ я по пріѣздѣ изъ Гданска съ продерзости и злобы на Ея Величество» (стр. 155), а еслибы пребываніе его въ этомъ городѣ не было ни въ какой связи съ составленіемъ разсужденій, то онъ конечно не упомянулъ бы объ немъ при допросѣ. Полагая, что участіе Волынскаго въ составленіи полоцкихъ лѣтописей несомнѣнно, я намѣренъ обратить вниманіе на другой подложный актъ, составленный имъ же. Въ запискѣ сообщаются, довольно впрочемъ краткія, свѣдѣнія о трактатѣ Волынскаго, носившемъ названіе «Генеральнаго разсужденія о поправленіи внутреннихъ государственныхъ дѣлъ» (стр. 154). Тутъ останавливаетъ на себѣ особенное вниманіе проэктъ учрежденія Академіи для образованія лицъ вѣдомства духовнаго и гражданскаго (стр. 155). Удивительно только, что сходный проэктъ мы встрѣчаемъ въ приложеніяхъ къ «Исторіи Петра Великаго» соч. Устрялова (т. III, Пр. VII № 45), записанный будто бы, въ видѣ извѣщенія, со словъ юнаго монарха патріархомъ Адріаномъ.[1]) Столбецъ, по которому Г. Устря-

---

[1]) Заимствуемъ этотъ актъ изъ книги г. Устрялова:

«Во имени Господни извѣщеніе.

Изволилъ Великій Государь Царь святѣйшему патріарху глаголати, бывъ у него октоврія мѣсяца въ 4 день, ради посѣщенія отъ немощи его:

Что священники ставятся, грамотѣ мало умѣютъ; еже бы ихъ таинствъ научати и ставити въ тотъ чинъ. На сіе надобно человѣка и не единаго, кому сіе творити, и опредѣлити мѣсто, гдѣ быти тому.

Чтобъ возъимѣть промыслъ о вразумленіи къ любви Божіей и къ знанію его христіанъ православныхъ и зловѣрцовъ Татаръ, Мордвы и Черемисы и иныхъ иже не знаютъ Творца Господа, и для того въ обученіе хотя бы послати колико десять человѣкъ въ Кіевъ въ школы, которые бы возмогли къ сему прилежати.

И благодатію Божіею и гдѣ есть школы, и тому бы дѣлу порадѣть мощно; но мало которые учатся, что никто школы, какъ подобаетъ, не назиратъ. А надобно къ тому человѣкъ знатный въ чинѣ и во имени и въ довольствѣ потребъ, ко утѣшенію пріятства учителей и учащихся.

И сего не обрѣтается ни отъ какихъ людей.

Быти тому како?

Евангельское ученіе и свѣтъ его, сіе есть знаніе Божеское, человѣкомъ паче всего въ жизни сей надобно.

И изъ школы бы во всякія потребы люди благоразумно учася происходили, въ церковную службу, и въ гражданскую, воинствовати, знати строеніе и докторское врачевское искусство.

Еще же мнози желаютъ дѣтей своихъ учити свободныхъ наукъ, и отдаютъ здѣ онымъ иноземцомъ; иніи же и въ домѣхъ своихъ держатъ будто учителей иноземцовъ же, которые Славенскаго нашего языка не знаютъ право говорити, къ сему же еще иныхъ вѣръ, и при ученіи томъ малымъ дѣтемъ и ереси своя

ловъ напечаталъ этотъ актъ, безъ года и безъ подписи, и потому почтенный профессоръ взялъ на себя трудъ отнести изложенный въ извѣщеніи разговоръ Петра съ Адріаномъ къ 1698 или 1699 г., тогда какъ, вникнувъ въ него подробнѣе, слѣдовало бы признать его вымышленнымъ. Указавъ на недостатокъ образованія въ духовномъ сословіи того времени, авторъ проэкта полагаетъ, что выборъ въ санъ священническій должно бы предоставить не одному лицу, а цѣлому собранію, которое рѣшило бы, въ состояніи ли избираемый направлять къ любви божіей и христіанъ и зловѣрцовъ: Татаръ, Мордву, Черемису. Чтобы приготовить людей, способныхъ на это, слѣдовало бы послать человѣкъ десять въ Кіевъ; кромѣ того учредить въ Москвѣ школу и назначить начальникомъ ея человѣка знатнаго и богатаго, который пекся бы о наставникахъ и объ ученикахъ. Каждому предоставлялось бы посѣщать это царское училище, даже по окончаніи курса въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ и молодые люди выпускались бы изъ него въ службу гражданскую и въ духовное званіе, а также въ архитекторы и медики.

Не говоря уже о томъ, что эта мѣра была бы не согласна съ характеромъ другихъ современныхъ ей мѣръ, мы постараемся доказать что въ проэктѣ есть выраженія и мысли, которыя никакъ не могли принадлежать Петру или Адріану. «На сіе (т. е. для выбора священниковъ) надобно человѣка и не единаго, кому сіе творити и опредѣлити мѣсто, гдѣ быти тому», — сказано въ проектѣ: Адріанъ выразился бы короче, предложилъ бы, чтобы выборъ происходилъ въ какомъ либо приказѣ. Далѣе, патріархъ не написалъ бы: «и здѣ (т. е. въ Москвѣ) есть школа и тому бы дѣлу порадѣть можно, но мало что учатся, что никто школы, какъ подобаетъ, не надзираетъ. А надобно къ тому человѣкъ знатный въ чинѣ и во имени и въ довольствѣ потребъ ко утѣшенію пріятства учителей и учащихся.» Слово «чинъ», два раза встрѣчающееся въ извѣщеніи, въ 1698 году не употреблялось въ смыслѣ ранга; московская же академія находилась

знати показуютъ; отъ чего дѣтемъ вредъ и церкви нашей святой можетъ-быть спона велія, а рѣчи своей отъ неискусства повреждение.

А въ нашей бы школѣ, при знатномъ и искусномъ обученіи, всякаго добра училися. И кто бы гдѣ въ наукѣ заправился; въ царскую школу хотя бы кто побывать пришелъ, и онъ бы пользовался.

И сего смотрѣти же надобно и природѣть тщательно зѣло.

Но яко вѣра безъ дѣла, а дѣло безъ правыя вѣры мертво есть обоя, тако слово безъ промысла, а трудъ безъ чина и безъ потреба не успѣетъ пользовати. Еще же велія злоба отъ діавола и козни его на люди, еже бы наука благоразумная гдѣ либо не возъимѣла мѣста; всячески бо препинанія дѣетъ въ той. Господь же Богъ во всемъ помощь да сотворитъ людямъ спасительну!»

подъ покровительствомъ царя и патріарха, которые до Петра такъ занимались ею, что посѣщали ее еженедѣльно.[1]) Кромѣ того, въ ней издавна преподавали ученые люди, получавшіе образованіе въ Греціи и въ Кіевѣ, и потому посылать туда молодыхъ людей было не нужно. Встрѣчающіяся далѣе въ извѣщеніи выраженія *докторское* врачевское искуство, *свободныя науки* едва ли бы также могли быть написаны въ 1698 году лицомъ духовнымъ; Петръ едва ли бы сталъ говорить о новомъ и важномъ предметѣ съ Адріаномъ, котораго самъ г. Устряловъ считаетъ хилымъ и безпечнымъ до невѣроятія. Наконецъ не возможно предположить, чтобы Петръ сказалъ слѣдующее: «еще же мнози желаютъ дѣтей своихъ учити свободныхъ наукъ и отдаютъ здѣ оные иноземцомъ, иніи же и въ домѣхъ своихъ держутъ, будто учителей, иноземцовъ же (въ 1698 году въ Москвѣ французскіе гувернеры!), которые словенскаго нашего языка не знаютъ право говорити (Петръ въ 1698 году ревнуетъ о чистотѣ русскаго языка!); къ сему же еще иныхъ вѣръ, отъ чего дѣтямъ вредъ» (а за границей дѣти ереси не наберутся?). Довольно, кажется, доказательствъ, что Петръ не могъ имѣть въ 1698 году предполагаемаго разсужденія съ Адріаномъ. Постараемся же отыскать хоть нѣкоторыя указанія на то, кому могъ принадлежать проэктъ. Въ Россіи иновѣрцовъ было много, отчего же въ извѣщеніи упомянуто только о Мордвѣ, Татарахъ, Черемисѣ? Кромѣ гувернеровъ упоминается еще о школѣ иноземцовъ, которая учредилась С. Петербургѣ только при Аннѣ Іоанновнѣ. Далѣе идетъ рѣчь о томъ, что отъ труда не можетъ быть пользы, если не открыть человѣку кругъ дѣятельности и не явится поощренія: когда же болѣе закрывались всѣ пути русскимъ, если не въ царствованіе Анны Іоанновны?—Принявъ во вниманіе сношенія Волынскаго, въ бытность его начальникомъ казанской губерніи, съ Мордвою, Татарами, Черемисою (стр. 145.), основаніе въ С.Петербургѣ нѣмецкаго училища враждебною Волынскому партіей, сходство мыслей, приписываемыхъ Петру съ краткими указаніями о проэктѣ Волынскаго, мы не сомнѣваемся внести сообщаемый г. Устряловымъ документъ въ числю произведеній Волынскаго и его партіи. Спросятъ: къ чему же было приписывать Петру мысль, которою могъ бы гордиться самъ авторъ ея? Вліяніе Петра было такъ велико, что по смерти его видѣли возможность успѣха только на указанномъ имъ пути. Вотъ почему, въ царствованіе Анны Іоанновны, всѣ партіи старались защитить свои дѣйствія эгидою имени его: Волынскій, составляя свой проэктъ о преобразованіяхъ, долженъ былъ опереться

[1]) Исторія русской церкви, Москва 1847. Періодъ патріаршества, стр. 117.

хоть въ чемъ нибудь на авторитетъ Петра и потому прибѣгъ къ вымыслу. Также точно поступали приверженцы Бирона. Ограничусь пока однимъ примѣромъ. Когда въ 1736 году вышли Leitres Moscovites, направленныя явно противъ людей, состоявшихъ тогда у насъ во главѣ правленія, послѣдніе почли своею обязанностью перевести ихъ на нѣмецкій языкъ и издать ихъ съ комментаріями, въ которыхъ доказывали, что авторъ Letres Moscovites клевещетъ на Россію, для нихъ столь драгоцѣнную. Бонданелли, авторъ этойкниги писалъ: «не найдешь русскаго, который не предпочелъ бы жизнь у себя въ деревнѣ, при своемъ очагѣ самой важной должности; покой и сонъ — вотъ ихъ идолы, которыхъ они не промѣняютъ ни на что въ свѣтѣ; всѣ они желали бы, чтобы Петръ Великій вмѣсто того, чтобы стараться сдѣлать ихъ изъ звѣрей людьми, превратилъ бы ихъ окончательно въ животныхъ: попеченія этого монарха не принесли никакой пользы, кромѣ того, что заставили ихъ обрить бороду и измѣнить одежду». Нѣмецкій переводчикъ отвѣчалъ на это въ комментаріяхъ слѣдующимъ образомъ: «Это клевета автора, котораго весь міръ будетъ ненавидѣть, какъ поганую собаку: подвиги русскихъ опровергаютъ слова клеветниковъ и потому соотечественники наши не обратятъ вниманія на этотъ лай. Никто не зналъ народъ свой лучше Петра и никто не могъ опредѣлить лучше его, во сколько и какъ должно осуществиться то, что онъ предвидѣлъ и къ чему онъ стремился. Приведемъ-же рѣчь, произнесенную этимъ безсмертнымъ монархомъ въ 1714 году въ С. Петербургѣ: «Братья, кому изъ васъ могло бы хоть присниться тридцать лѣтъ тому назадъ, что вы будете плотничать со мною здѣсь у балтійскаго моря, что вы поселитесь въ нѣмецкой одеждѣ въ странахъ, завоеванныхъ нашимъ мужествомъ и нашимъ трудомъ, увидите столько храбраго и побѣдоноснаго войска, все русской крови, столько искусныхъ, вернувшихся изъ чужихъ краевъ, на родину сыновей, столько иностранныхъ художниковъ и ремесленниковъ. Историки полагаютъ начало всѣхъ наукъ въ Греціи, откуда они были изгнаны судьбою и распространились по Италіи, а за тѣмъ разсѣялись по всѣмъ частямъ Европы; только умственная лѣнь нашихъ предковъ воспрепятствовала имъ проникнуть далѣе Польши. Впрочемъ Поляки и Нѣмцы также долго находились въ такой же тьмѣ, какъ мы до настоящаго времени и много труда стоило ихъ государямъ, чтобы ознакомить ихъ съ греческимъ искусствомъ и наукою. Теперь пришла наша очередь, какъ скоро вы не откажете мнѣ въ содѣйствіи относительно моихъ благихъ предначертаній и, повинуясь мнѣ слѣпо, начнете спокойно познавать и изучать, что худо и что хорошо. Сравниваю это странствованіе наукъ съ кровообращеніемъ въ нашемъ

тѣлѣ и мнѣ кажется, что будетъ время, когда онѣ покинутъ свое жилище въ Англіи, во Франціи и въ Германіи, останутся нѣсколько столѣтій у насъ и потомъ возвратятся въ свою родную Грецію. Впрочемъ напоминаю вамъ латинскую пословицу: ora et labora, и увѣряю васъ, что, быть можетъ, еще въ наше время, вы вознесете имя русское на верхъ славы и могущества и посрамите другіе народы, (Moscowitische Briefe. Frankfurt u. Leipzig 1738. 234.) Конечно, никто не усумнится въ подложности этой рѣчи: она же объясняетъ, къ чему нуждался Волынскій въ подложномъ актѣ, сообщаемомъ г. Устряловымъ.

Н. Лыжинъ.

О НОВГОРОДСКИХЪ МАКАРЬЕВСКИХЪ ЧЕТІИХЪ-МИНЕЯХЪ.

(Замѣтки Преосвященнаго Макарія, епископа тамбовскаго и шацкаго).

Въ 1856 году я имѣлъ возможность пользоваться, хотя и короткое время, Великими Чети-Минеями новгородскаго архіепископа, впослѣдствіи всероссійскаго митрополита, Макарія, находящимися въ новгородской Софійской библіотекѣ. Главною цѣлію моею были русскія статьи, которыя я спѣшилъ списывать или, по крайней мѣрѣ, сравнивать съ другими, извѣстными мнѣ, списками тѣхъ же сочиненій. Но вмѣстѣ я не могъ не ознакомиться до нѣкоторой степени и вообще съ этими драгоцѣнными книгами и не замѣтить тѣхъ особенностей, какими отличаются онѣ отъ макарьевскихъ Чети-миней московскаго Успенскаго собора, судя по «Оглавленію» послѣднихъ, напечатанному г. Ундольскимъ въ Чтеніяхъ московскаго Историческаго общества за 1847 г., № 4.

При высокой важности Четіихъ Миней митрополита Макарія какъ для исторіи русской церкви, такъ и для исторіи русской литературы, полагаю, что мои бѣглыя замѣтки о новгородскомъ спискѣ этого громаднаго сборника не покажутся чуждыми нѣкотораго интереса.

I.

При трехъ книгахъ новгородскихъ Чети-Миней, сентябрьской, октябрьской и майской, въ самомъ началѣ ихъ, сохранилась слѣдующая накладная архіепископа Макарія: «В лѣто 7049 (1541), въ христолюбивое царство святѣйшаго царя Государя великого князя Ивана Василиевича, всея Русіи самодержьца, в осмое лѣто государьства его, въ первое же надесять лѣто отъ рождества его — се язъ смиреный Макаріе, архіепископъ Богоспасаемыхъ градовъ великого Новограда и Пскова, далъ есми сию святую великую книгу Минѣю четю, мѣсяцъ Май (Сентябрь и Октябрь) и прочихъ дванадесять Миней четихъ, во святую великую въ соборную церковь святыя Софѣя, неизреченныя премудрости Божія того же преславущаго великого Новограда, в шестое надесять лѣто святительства и паствы своего смиренія, на память своей души и по своихъ родителехъ въ вѣчной поминокъ. И да никтож сію святую книгу четю Минѣю освоитъ или отъ святыя церкви премудрости Божія насильствомъ восхититъ; таковый да судится яко преобидникъ и похищникъ Божія церкви не токмо здѣ, но и въ будущій вѣкъ. А прочитаяй и пріемля сію святую книгу Минѣю четю, по благословенію Архіепископа или церковнаго чиноначальника, велику пользу души пріемлетъ не токмо себѣ, но и прочимъ, послушающимъ со вниманіемъ въ славу Божію. Аминь.»

Сравнивая эту накладную съ тою, которая находится при Чети-Минеяхъ московскаго Успенскаго собора и напечатана г. Ундольскимъ въ предисловіи къ означенному «Оглавленію,» замѣчаемъ, что первая хотя имѣетъ сходство съ послѣднею въ общихъ чертахъ, но гораздо короче ея и не представляетъ тѣхъ любопытныхъ свѣдѣній ни о составѣ Чети-миней, ни о трудахъ надъ ними митрополита Макарія. Видно также, что въ новгородскій Софійскій соборъ Макарій пожертвовалъ своя Чети-Минеи уже въ послѣдній годъ своего архіепископства, не-задолго предъ избраніемъ своимъ въ митрополита московскаго (19 Марта 1542 г.) и за двѣнадцать лѣтъ прежде, нежели пожертвовалъ (въ лѣто 7061) другой списокъ Чети-миней въ московскій Успенскій соборъ.

II.

И въ новгородскій Софійскій соборъ, какъ въ московскій Успенскій Макарій пожертвовалъ полный экземпляръ Великихъ Чети-Миней въ двѣнадцати книгахъ,—о чемъ свидѣтельствуетъ самъ въ накладной. Но до настоящаго времени уцѣлѣло въ новгородской Софійской библіотекѣ только пять книгъ, именно за мѣсяцы: Сентябрь, Октябрь, Май, Іюнь и Іюль. По крайней мѣрѣ, на всѣ мои запросы о другихъ книгахъ мнѣ отвѣчали, что ихъ болѣе нѣтъ въ библіотекѣ.

Всѣ эти пять книгъ писаны въ листъ и, обнимая каждая всѣ числа даннаго мѣсяца, не одинаковы по объему: такъ, въ сентябрьской книгѣ 468 листовъ, октябрьской 455, а въ іюньской только 340. Книги писаны разными руками и почерками, на отдѣльныхъ тетрадяхъ, которыя потомъ сложены и переплетены вмѣстѣ, различаясь нерѣдко и качествомъ, и величиною бумаги. Есть страницы и цѣлые листы, вовсе неписанные, есть страницы недописанныя, и есть писанныя, но зачеркнутыя. Встрѣчаются статьи только начатыя или доведенныя до половины, но неконченныя, и другія, впрочемъ небольшія, которыя написаны по два раза. Въ концѣ нѣкоторыхъ статей и книгъ находятся помѣтки писцовъ. Такъ въ концѣ іюльской книги на особомъ бѣломъ листѣ съ самаго начала написано: «В лѣто 7046-го (1538) мѣсяца Февраля 7 день, на память преподобнаго отца нашего Пароенія и преподобнаго Луки, по благословенію Государя нашего, преосвященнаго Архіепископа великого Новогорода и Пскова, владыки Макарія, почета сіа книга писати многогрѣшнымъ неключимымъ инокомъ Аркадцомъ, поенутіева манастыря постриженикомъ. А святою молитвою его и благословеніемъ съвершена сіа книга мѣсяца Іюля 13 день на память святаго великого Архистратига Гаврила и преподобнаго Стефана Сафаита. И вы, Бога ради, чтите, а не клените, и аще которая опись обрящется, и вы, Бога ради, собою исправляйте.»

Вообще новгородскій списокъ макарьевскихъ Чети-миней представляется какъ бы черновымъ и первоначальнымъ.

III.

По содержанію своему новгородскія Чети-Минеи, разумѣется, сходны съ московскими Успенскаго собора. Въ составъ тѣхъ и другихъ подъ каждымъ числомъ мѣсяца входятъ: прологи или синаксари, житія празднуемыхъ святыхъ, слова и поученія, иногда краткія назидательныя повѣсти, а иногда цѣлыя книги св. писанія съ толкованіями на нихъ, цѣлыя обширныя сочиненія или сборники сочиненій

св. отцевъ и русскихъ писателей, патерики и т. подоб. Но въ порядкѣ расположенія статей въ тѣхъ и другихъ Чети-Минеяхъ есть разность. Въ московскихъ подъ каждымъ числомъ мѣсяца на первомъ мѣстѣ стоитъ «прологъ», за нимъ слѣдуютъ житія, слова, краткія сказанія и проч. А въ новгородскихъ, напротивъ, въ началѣ каждаго числа помѣщены житія святыхъ, потомъ слова и другія статьи, и въ самомъ уже концѣ—«прологъ съ стихи тѣмъ-же святымъ,» а иногда и безъ стиховъ. По одному этому нельзя считать московскія Чети-Минеи простою копіею съ новгородскихъ.

Въ содержаніи тѣхъ и другихъ замѣчается еще болѣе разности. Есть въ новгородскихъ Чети-Минеяхъ статьи, которыя, по крайней мѣрѣ, подъ тѣми же числами мѣсяцовъ, не находятся въ московскихъ. Такъ, въ новгородскихъ помѣщены: подъ 14 ч. Октября-житіе блаж. Константина философа, перваго наставника Словенску языку и подъ 26 Октября — слово похвальное св. Димитрію Селунскому, Григорія архіепископа Россійскаго. Въ московскихъ этихъ статей нѣтъ подъ указанными числами, можетъ быть, потому, что они перенесены въ другіе мѣсяцы. И именно, первая статья не есть ли та самая, которая помѣщена здѣсь 14-го Февраля подъ заглавіемъ: «житіе преп. Кирилла философа, учителя Славенскаго»? А послѣдняя дѣйствительно значится здѣсь въ числѣ другихъ словъ Григорія Самвлака въ 31 день Іюля.

Несравненно болѣе такихъ статей, и статей важныхъ, которыхъ не достаетъ въ новгородскихъ Чети-Минеяхъ сравнительно съ московскими. На-примѣръ, въ новгородскихъ не находятся слѣдующія статьи, помѣщенныя въ московскихъ: 1-го Сентября—слово о Іисусѣ Навинѣ, книги Судей Израилевыхъ, о Гедеонѣ пророцѣ, о Самсонѣ, о Руфи; 9-го Сентября—книга Игумена Іосифа Волоцкаго; 18-го Октября — книга Евангеліе св. Луки, толкованіе Ѳеофилактово; 20-го Іюня—книга Меѳодія, епископа Патарскаго, о вещи и самовластвѣ и проч., два посланія Никифора, митрополита Кіевскаго, къ князю Владиміру; 29-го Іюня—слово св. Апостоламъ Петру и Павлу Григорія монаха, пресвитера (Самвлака); 30-го Іюня—книга Апостолъ толковый; 31-го Іюля — книга Смарагдъ, книга Григорія Самвлака (собраніе его словъ), книга Златая Цѣпь, книга Пчела. Очевидно, что московскія Чети-Минеи вообще богаче новгородскихъ вносными статьями.

IV.

Изъ русскихъ статей, помѣщенныхъ въ новгородскихъ Чети-Минеяхъ, нѣкоторыя, краткія, заимствованы цѣликомъ изъ лѣтописи

(на-прим., 2-го Сентября—Убіеніе св. князя Глѣба). Другія, также небольшія, буквально сходны съ напечатанными подъ тѣми же числами въ Прологѣ (на-прим. 11-го Іюля — Успеніе блаж. Ольгы княгинѣ, предтече Рускую къ Богу, и 24-го Іюля —Страсть святою мученику Бориса и Глѣба). Третьи сходны съ Прологомъ и лѣтописью по содержанію, но немало разнятся отъ нихъ въ слогѣ (наприм. 12-го Іюля—блаженую мученику Варяга и сына его Іоанна, убіенною въ Кіевѣ).

Многія русскія статьи помѣщены здѣсь безъ всякой перемѣны: по крайней мѣрѣ, оказываются сходными съ другими списками ихъ, уже изданными или извѣстными по рукописямъ, кромѣ незначительныхъ варіантовъ. Таковы: а) 15-го Іюля—знаменитое слово митрополита Иларіона съ похвалою св. князю Владиміру, вполнѣ сходное съ напечатаннымъ и оканчивающееся, какъ въ большей части списковъ, словами, показанными въ Прибавл. къ Тв. св. отцевъ (II, 246); б) 15-го же Іюля—Память и похвала князю Рускому Володимеру—мниха Іакова, отъ начала до конца во всѣхъ подраздѣленіяхъ и частяхъ сходная съ спискомъ, напечатаннымъ мною въ Хр. Чтеніи (1849, II, 302—336); в) 16-го Іюля—Кирилла мниха (туровскаго) слово на соборъ св. отецъ 318-е., тоже самое, которое напечатано между твореніями св. Кирилла туровскаго; г) слова митрополита Григорія Самвлака и проч.

Нѣкоторыя русскія статьи и извѣстные сборники представляются въ новогородскихъ Чети-Минеяхъ болѣе или менѣе измѣненными, съ перерывами, вставками, прибавленіями. Такъ, статьи, обыкновенно входящія въ составъ кіевопечерскаго патерика, размѣщены здѣсь подъ 3-мъ числомъ Мая, какъ отдѣльныя, и прерываются вставочною статьею слѣдующимъ образомъ: а) житіе преп. Θеодосія печерскаго, соч. преп. Несторомъ, б) похвальное слово преп. Θеодосію, в) посланіе митрополита Фотія въ кіевопечерскій монастырь, г) о началѣ печерскаго монастыря, преп. Нестора, и — д) наконецъ «книга патерикъ печерскій», въ которомъ заключаются только—сказаніе о созданіи печерской церкви, посланіе св. Симона къ Поликарпу со всѣми частными отдѣлами и посланіе Поликарпа къ Акиндину со всѣми отдѣлами. Подъ 24 числомъ Іюля извѣстное «Сказаніе о св. мученикахъ Борисѣ и Глѣбѣ» мниха Іакова разбито на части, изъ которыхъ нѣкоторыя отдѣляются отъ послѣдующихъ придѣланными краткими заключеніями, а въ разсказѣ о чудесахъ св. мучениковъ въ самомъ концѣ повѣствуется объ одномъ чудѣ, о которомъ не упоминается ни въ одномъ изъ другихъ извѣстныхъ списковъ того же сочиненія. Подъ 31-мъ числомъ Іюля помѣщено «Слово избрано отъ святыхъ

писаній, еже на Латину, и сказаніе о составленіи осмаго собора Латынскаго, и о изверженіи Исидора прелестнаго, и о поставленіи въ Рустѣй земли митрополитовъ; о сихъ же похвала великому князю Василію Васильевичу». Главное содержаніе этого слова составляетъ «Повѣсть о осмомъ соборѣ», напечатанная въ Софійскомъ Временникѣ (II, 18 и слѣд.). Но въ началѣ придѣланъ къ повѣсти довольно обширный приступъ, въ самой повѣсти есть отступленія отъ печатнаго, а въ концѣ находятся значительныя прибавленія. Слово это показано и въ Опис. рукоп. Румянц. Муз. стр. 271. Впрочемъ, могло быть и на-оборотъ: могло быть, что не «Слово» составлено на основаніи «Повѣсти», а самая Повѣсть «извлечена изъ Слова» и внесена въ лѣтопись.

Самъ ли митрополитъ Макарій и его помощники дѣлали какія либо измѣненія въ русскихъ статьяхъ, или находили ихъ въ такомъ уже видѣ въ прежнихъ рукописяхъ, откуда цѣликомъ и вносили въ Чети-Минеи? Послѣднее вѣроятнѣе, тѣмъ болѣе, что, по сознанію самого Макарія въ накладной къ московскимъ Чети-Минеямъ, онъ только «собиралъ и во едино мѣсто совокуплялъ святыя книги различными писари», и если «многи труды и подвиги подъятъ», то собственно «отъ исправленія иностранныхъ и древнихъ пословицъ, преводя на Русскую рѣчь».

Оканчиваю мои краткія замѣтки словомъ надежды, что близко то время, когда мы въ состояніи будемъ познакомиться короче съ великимъ литературнымъ памятникомъ всероссійскаго митрополита Макарія. Въ «Описаніе славянскихъ рукописей московской Синодальной библіотеки,» которое начато и совершается съ такимъ успѣхомъ, безъ сомнѣнія, войдетъ столько же добросовѣстное и ученое описаніе и Макарьевскихъ Чети-Миней (въ десяти книгахъ), находящихся въ этой библіотекѣ. А между тѣмъ, благодаря просвѣщенному распоряженію Духовнаго Начальства, всѣ рукописи новгородской Софійской библіотеки и значительнѣйшая часть старопечатныхъ книгъ перевозятся нынѣ въ С. Петербургъ и пріобщаются къ библіотекѣ Духовной Академіи, гдѣ онѣ станутъ доступнѣе для справокъ и изысканій и гдѣ ревностные ученые, конечно, не замедлятъ сдѣлать подробное описаніе драгоцѣннымъ рукописямъ и въ числѣ ихъ Макарьевскимъ Четіимъ-Минеямъ.

Тамбовъ,
28 Генваря 1859 года.

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ, ИЗДАВАЕМЫЙ ПРИ КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ. 1858 ГОДЪ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Памятники древне-русской духовной письменности.

Съ измѣненіемъ и улучшеніемъ въ своемъ планѣ и составѣ, Православный Собесѣдникъ въ 1858 году предложилъ занимающимся исторіею русской словесности цѣлый рядъ любопытныхъ памятниковъ, изданныхъ по рукописямъ соловецкой библіотеки. Эти письменные памятники содержатъ въ себѣ житія русскихъ святыхъ и поученія или слова.

Изъ житій изданы: Леонтія, епископа ростовскаго, съ словомъ въ память его, житіе Исаіи, тоже епископа ростовскаго, сказаніе преподобнаго Нестора о житіи и убіеніи князей Бориса и Глѣба, житіе Антонія римлянина и Авраамія смоленскаго (по рукописямъ XVI и частію XV в.)

Занимающимся русскою стариною хорошо извѣстно, какъ разнообразны редакціи житій русскихъ святыхъ. Житіе краткое, какъ лѣтописная основа, впослѣдствіи распространялась различными подробностями, интересными для исторіи русскаго быта и литературы. Очень часто простая рѣчь краткаго первоначальнаго житія принимала характеръ витіеватый и даже напыщенный подъ перомъ искуснаго книжника. Потомъ для потребъ русскихъ читателей распространенное житіе вновь сокращалось, и, за выпускомъ интересныхъ бытовыхъ подробностей, удерживало позднѣйшую витіеватость. Особенно разнообразны редакціи тѣхъ сказаній, въ которыхъ къ историческому факту уже въ раннее время народная фантазія присоединила поэтическіе плоды своего творчества. Кромѣ того, житія осложнялись похвальными словами въ память угодника и цѣлымъ рядомъ чудесъ его, со-

вершенныхъ по его кончинѣ въ различныя времена. Похвала помѣщалась иногда послѣ самаго житія, иногда послѣ описанія чудесъ. Изъ всѣхъ этихъ элементовъ, съ присоединеніемъ службы угоднику, составлялось полное цѣлое, части котораго слѣдующія: служба угоднику, самое житіе, похвала, обыкновенно по случаю открытія мощей, потомъ чудеса, заключаемыя тоже похвалою. Есть сборники, содержащіе въ себѣ только житія русскихъ святыхъ безъ прибавленія; есть также сборники только однихъ службъ русскимъ святымъ, какъ напримѣръ рукопись XVI в. въ библіотеки Графа Уварова подъ № 681 (по каталогу библ. Царскаго № 563).

Желательно, чтобъ житія русскихъ святыхъ были изданы со всѣми прибавленіями и варіантами по различнымъ редакціямъ. Но всякій образованный русскій читатель будетъ благодаренъ издателямъ Православнаго Собесѣдника уже и за то, что въ этомъ журналѣ помѣщено нѣсколько русскихъ житій, не распространенной редакціи, и безъ прибавленія службъ и повѣствованій о чудесахъ, совершенныхъ въ различныя времена по кончинѣ угодника. Само собою разумѣется, что для исторіи церкви эти-то, по возможности, достовѣрныя краткія редакціи житій собственно и необходимы, между тѣмъ какъ различныя распространенія, касающіяся народнаго быта и преданій, внесенныя въ послѣдствіи, или если и въ древности, то украшенныя фантазіею, служатъ матеріаломъ для исторіи краснорѣчія и поэзіи. Надобно впрочемъ отдать справедливость издателямъ Собесѣдника, что, печатая краткія редакціи, они, гдѣ находятъ нужнымъ, въ видѣ варіантовъ приводятъ тексты и распространенныхъ житій.

Житія *Леонтія* (†993) и *Исаіи* (†1090), ростовскихъ угодниковъ, вѣроятно, составились первоначально во 2-ой половинѣ XII в., послѣ открытія мощей этихъ угодниковъ. Кромѣ того, въ составителѣ житія Леонтія можно видѣть современника суздальскому и ростовскому князю Андрею Боголюбскому, при которомъ открыты мощи, и котораго онъ называетъ *нашимъ* княземъ, въ то время *повелѣвавшимъ* въ Ростовѣ. Что же касается до житія Исаіи, то оно получило новую редакцію, по случаю перенесенія мощей этого угодника въ 1274 году, изъ притвора церквей св. Богородицы, гдѣ онѣ первоначально, по открытіи въ 1164 году, положены были, во внутрь церкви, гдѣ помѣщены «въ новомъ гробѣ, на правой сторонѣ, близь южныхъ дверей». Составитель этой редакціи, окончивъ свое повѣствованіе 1274 годомъ, испрашиваетъ у св. Исаіи молитвъ, между прочимъ, объ избавленіи Ростова «отъ нахожденія иноплеменныхъ» — извѣстный намекъ на монгольское иго.

Такъ какъ главнѣйшія черты житія этихъ ростовскихъ угодниковъ

уже вполнѣ объяснены въ Исторіи Церкви преосвященнаго Макарія и въ Обзорѣ русской литературы архіепископа харьковскаго Филарета, то намъ остается сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія только въ отношеніи болѣе литературномъ. Въ житіи Леонтія любопытны подробности о *грозномъ ангелѣ*, насылающемъ болѣзни: «по отпѣнія же утрении нѣкто отъ клирикъ въсхотѣ угасити свѣща у цѣлбоноснаго гроба святаго святителя Леонтея. и *шибе его* Ангелъ. И бысть разслабленъ рукама и ногама». Вмѣсто *шибить* или *шибкуть кого*, обыкновенно, въ древне-русской письменности, въ томъ же смыслѣ, употребляется: *шибить кѣмъ*. любопытно также слѣдующее, по видимому, противорѣчіе свидѣтельству Несторовой лѣтописи о посѣщеніи Руси апостоломъ Андреемъ: «здѣ бо — говоритъ авторъ житія св. Леонтія — апостоли не были.» (Февраль, стр. 316.) Неизвѣстно, что онъ разумѣетъ подъ *здѣ*, одинъ ли Ростовъ, или всю Русь; но во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что не всѣ изъ грамотныхъ людей древней Руси раздѣляли мнѣніе лѣтописца. Вотъ, напримѣръ, любопытное мѣсто изъ синодальнаго Цвѣтника XVI в., проникнутое какъ бы славянофильскимъ самовосхваленіемъ: это изъ толкованія притчей въ вопросахъ и отвѣтахъ: «*Вопросъ*: Рече Еѵангелистъ Лука: да открыется отъ многыхъ сердецъ по мысли человѣкомъ. *Толкъ:* Открыйся разбойнику на крестѣ рай, а Логину сотнику и Клеопѣ и Луцѣ въ преломленіи хлѣба, Стефану и Петру во отверженіи, Фомѣ въ осязаньи, Павлу идуще въ Дамаскъ, и прочимъ всѣмъ языкомъ вѣровати во Христа; и открыйся послѣди всѣхъ Русскому языку, вѣровати во Отца и Сына и Святаго Духа, а *не бывшу никому же апостолу въ Русской земли, но по истинѣ Русскому языку милость Божія открыся.*» № 687, л. 25 обор. То, что для другихъ было сдѣлано при внѣшнихъ пособіяхъ, то для Руси совершилось непосредственно, духовнымъ сообщеніемъ благодати. Такъ, кажется, надобно разумѣть это любопытное мѣсто. Мы къ нему еще разъ впослѣдствіи возвратимся.

Въ житіи св. Исаіи ростовскаго любопытно, какъ этотъ угодникъ въ облакѣ былъ перенесенъ изъ Ростова въ Кіевъ на освященіе храма Богоматери, и въ облакѣ же воротился назадъ.

Покамѣсть еще не изданы чудеса, которыми сопровождается житіе ростовскихъ угодниковъ, мы приведемъ одно изъ нихъ, для указанія важности этого предмета въ исторіи внутренняго быта и литературы древней Руси. Уже изъ этого одного примѣра читатели могутъ убѣдиться, что только тогда исторія древне-русскаго быта вполнѣ будетъ обработана, когда приведутся въ извѣстность всѣ любопытнѣйшія о немъ подробности, разсѣянныя между чудесами въ нашихъ древнихъ житіяхъ.

Повѣствованіе, которое мы приведемъ здѣсь, находится между чудесами въ житіи Леонтія и Аврамія ростовскихъ, по рук. Синод. библ. XVI в. подъ № 947. Въ этомъ повѣствованіи приданъ необыкновенно поэтическій колоритъ, по видимому, сухимъ юридическимъ подробностямъ о размежеваніи или отводѣ земли.

Нѣкотораго князя слуга, именемъ Захарія, жилъ въ своемъ селѣ близь храма Св. Богородицы и Св. Леонтія. Малая часть земли Св. Богородицы подошла къ тому селу захарьину. И помышлялъ въ себѣ безумный, какъ бы присвоить эту часть земли къ своему селу. Подумалъ и сдѣлалъ. Называетъ ту часть земли своего села и лжесвидѣтелей поставилъ, которые говорили: «мы памятуемъ за много лѣтъ, что эта земля захарьина села.»

Обычай же былъ издавна у прежнихъ епископовъ: когда у кого будетъ спорное слово о землѣ, то священника съ крестомъ Св. Леонтія посылать на *разводъ* или межеванье, а не такъ какъ въ другихъ мѣстахъ, гдѣ обыкновенно суды и тяжбы производились и лилась кровь. И посылаетъ епископъ къ тому Захаріи священника съ животворящимъ крестомъ. Священникъ пришелъ, и по обычаю на землѣ съ крестомъ сталъ; пришелъ и Захарія съ своими лживыми свидѣтелями. И стали разводить земли: пошли лжесвидѣтели, какъ угодно было Захаріи, который слѣдовалъ за ними, не устыдившись честнаго креста, а потомъ уже, на разводѣ, шелъ священникъ съ крестомъ, и такъ отвелъ земли Св. Богородицы. Не сытъ былъ Захарія своимъ селомъ — прибавляетъ повѣствователь — а довольно бы ему было трехъ локтей на могилу, которой никому не миновать, довольно бы было единой горсти земли на его безстыдныя очи, по слову пророка: очи безумнаго на краехъ земли.

Когда священникъ съ крестомъ удалился, Захарія радуясь пошелъ на ту отведенную ему землю: но вскорѣ получилъ отмщеніе— присовокупляетъ повѣствователь,—по пророческаму слову: обратися болѣзнь его на главу его, и на верхъ его неправда его снидетъ. Только что ступилъ Захарія на землю Св. Богородицы, тотчасъ же возопилъ великимъ голосомъ, — хотѣлъ бѣжать и не могъ: «Горе мнѣ, окаянному — вопилъ онъ — эта земля на мнѣ стоитъ: она меня покрываетъ, она меня погубитъ! Вотъ уже и прахъ этой земли засыплетъ мои окаянныя очи!» Силою привели Захарію домой; но онъ все вопилъ: «о горе мнѣ! эта земля, какъ облако, виситъ надо мною, и на меня рушится, и прахъ очи мои засыпаетъ, и зле стражду я, окаянный!» Однако никто, кромѣ его самого, ничего не видѣлъ.

Тогда *сердоболи* (то есть родственники) повели его въ городъ къ архіепископу Трифону тогда бывшему. Тамъ Захарія приходитъ

въ себя, и покаяніе показуетъ. Повѣствователь, умиляясь передъ чудеснымъ событіемъ, съ наивностью трижды повторяетъ: *покаяніе, покаяніе, покаяніе* показуетъ. Раскаиваясь, падаетъ Захарія къ ногамъ архіепископа, и, слезами ноги его омывая, восклицаетъ: «согрѣшилъ я, о честный отче! прости меня!» — и землю ту, уже посѣянную, возвращаетъ. Послѣ того архіепископъ отправляется въ храмъ Св. Богородицы, и, отслуживъ молебенъ, разрѣшаетъ грѣхъ Захаріи и у гроба Св. Леонтія исцѣляетъ его отъ болѣзни.

Таково любопытное повѣствованіе, рисующее передъ нами нравы и обычаи эпохи. Основано оно на юридическомъ обычаѣ, принятомъ для развода или размежеванья земель. Размежеванье происходило по совѣсти, и, въ ростовской области во имя креста Св. Леонтія, креста, который священникъ обносилъ по межѣ, сопровождаемый тяжущимися и свидѣтелями. Мысль этого обряда, какъ кажется, состояла въ томъ, что ни тяжущіеся, ни свидѣтели не дерзнутъ дѣлать ложныхъ показаній, когда дѣло рѣшается при посредствѣ чудотворнаго креста св. угодника.

Впрочемъ, это же самое повѣствованіе свидѣтельствуетъ намъ, что, не смотря на безукоризненную чистоту христіанской жизни избранныхъ людей древней Руси — все же большинство нашихъ старинныхъ соотечественниковъ вовсе не отличалось тѣмъ безусловнымъ, преданнымъ вѣрѣ благочестіемъ, какое хотѣлось бы видѣть нѣкоторымъ въ излишней своей ревности къ русской старинѣ. Какую, напримѣръ, печальную картину нечестія и святотатства представляетъ намъ это повѣствованіе! Захарія не только оттягалъ церковную землю и осквернилъ себя святотатствомъ, но даже не убоялся ни Бога, ни его св. угодника, проведя по неправильной межѣ священника съ чудотворнымъ крестомъ, и такимъ образомъ надругавшись надъ этою святынею. Впрочемъ, повѣствованіе свидѣтельствуетъ, что не онъ одинъ отличался такимъ невѣріемъ: онъ нашелъ себѣ такихъ же нечестивыхъ свидѣтелей. Правда, что святотатство Захаріи наказано было страшною болѣзнію, и потомъ, нечестіе его— какъ и вообще въ средніе вѣка, и у насъ, и на западѣ—имѣло своимъ исходомъ слѣпой фанатизмъ.

Замѣчателенъ также и энергическій тонъ, въ какомъ записано это повѣствованіе. Очевидно, нужно было страхомъ божіимъ и грозою ограждать церковное имѣніе отъ частыхъ покушеній со стороны корыстолюбиваго нечестія. Въ томъ же духѣ составлены и многія другія изъ древне-русскихъ духовныхъ повѣствованій.

Относясь съ безпристрастіемъ къ нашей старинѣ, мы вовсе не думаемъ бросать на нее мрачныя тѣни, будучи вполнѣ убѣждены, что

подобныя явленія повторялись и на западѣ въ грубую эпоху среднихъ временъ и что и теперь кое гдѣ въ захолустьяхъ нашего отечества не лучше прежняго относятся къ священнымъ предметамъ и благороднымъ движеніямъ души человѣческой. Даже, можетъ быть, со временемъ, при тщательной разработкѣ внутренняго быта древней Руси, поступки, подобные захарьинымъ, могутъ быть представлены въ болѣе извинительномъ видѣ. Но въ настоящее время, когда инымъ кажется, что древняя Русь есть обѣтованная страна благочестія, очень поучительно остановиться на рядѣ повѣствованій, подобныхъ разсказанному нами о Захаріи. Если смѣшно видѣть въ древней Руси идеалы для будущаго совершенствованія человѣчества, то, съ другой стороны, столько же непростительно относиться къ отжившему факту съ личною ненавистью или омерзеніемъ, какъ бы этотъ фактъ мраченъ ни былъ.

Любить родную старину и народность — не значитъ все видѣть въ радужномъ свѣтѣ своихъ идиллическихъ мечтаній; и наоборотъ — съ интересомъ останавливаться на темныхъ сторонахъ древне-русской жизни и въ подробности изучать ихъ, столь же безпристрастно, какъ и все свѣтлое и прекрасное, завѣщанное намъ стариною — вовсе не значитъ быть чужду народныхъ симпатій, не любить своего, русскаго. Вообще это личное отношеніе изслѣдователя къ предмету изученія, это внесеніе любви или ненависти въ предметы науки, какъ кажется, свидѣтельствуетъ о крайней незрѣлости ученыхъ пріемовъ и идей нашей литературы. Примѣненіе же этого личнаго взгляда къ своей народности, сверхъ того, ставитъ ученаго въ самое ложное, щекотливое и неловкое положеніе. Такъ какъ подъ любовью или нелюбовью къ русской народности обыкновенно разумѣютъ или напыщенное самовосхваленіе или какое то смиренное самоуничиженье и презрѣнье: то одинаково несогласно съ человѣческимъ достоинствомъ и то, и другое: хвалить свое смѣшно, потому что и безъ того извѣстно, что всякому свое мило, и такая похвальба всегда можетъ быть заподозрена въ пристрастіи; поносить же свою старину и народность значило бы унижать самого себя въ собственныхъ своихъ глазахъ, и въ добавокъ—быть очень невѣжливымъ къ своимъ читателямъ. Очень понятно презрѣніе къ какому нибудь современному злу родной земли, потому что преслѣдованіемъ существующаго зла можно его устранить: но смѣшно ратовать и донкихотствовать противъ пороковъ и недостатковъ, уже отжившихъ. И такъ любовь или нелюбовь къ русской народности и старинѣ — есть дѣло, можетъ быть, занимательное для журнальной болтовни, но не имѣетъ никакого отношенія къ строго ученому, серьезному изслѣдованію;

напротивъ, вредитъ ему, заслоняя предметъ изученія неумѣстнымъ лиризмомъ и смѣшною сентиментальностію.

Но воротимся къ памятникамъ, изданнымъ въ Православномъ Собесѣдникѣ.

Житіе *Бориса* и *Глѣба*, напечатанное въ этомъ журналѣ по рукописи соловецкой библіотеки, вѣроятно, послужитъ варіантомъ издаваемому Археологическимъ Обществомъ. Житіе это, приписываемое Нестору, особенно замѣчательно потому, что рѣзко отличается своимъ складомъ и слогомъ и даже нѣкоторыми идеями отъ лѣтописи того же автора. Совершенно справедливо говоритъ г. Востоковъ въ Описаніи рукоп. румянц. музея: «языкъ въ семъ сочиненія древній, принадлежащій вѣку несторову; но разсказъ *витіеватѣе и многословнѣе* того, который въ лѣтописяхъ. Онъ еще болѣе наполненъ набожными размышленіями, молитвами и примѣрами изъ свящ. писанія. Разныя подробности, извѣстныя изъ временника несторова, такъ какъ и собственныя имена лихъ и мѣстъ, по большей части опущены: за то разсказываются другія обстоятельства, о которыхъ тамъ не упомянуто» (стр. 201). Дѣйствительно, не смотря на теплоту вѣрующаго чувства, это повѣствованіе, сравнительно съ лѣтописью, оставляетъ въ читателѣ смутное, неопредѣленное впечатлѣніе, именно вслѣдствіе опущенія многихъ историческихъ подробностей, вслѣдствіе замѣны живыхъ образовъ и характеровъ витіеватымъ лиризмомъ. Такъ напримѣръ, въ этомъ житіи не упоминаются имена лицъ, окружавшихъ св. мучениковъ, а также и убійцъ ихъ; не названы мѣста, гдѣ происходили повѣствуемыя событія; не упомянуто даже, въ какой области княжилъ Борисъ, а о Глѣбѣ сказано, что онъ не имѣлъ никакой области. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видна явная неточность и неопредѣленность, обличающая позднѣйшаго автора, для котораго многословныя похвалы казались важнѣе живыхъ характеристикъ. Такъ напр. «И о томъ увѣдавъ окаянный тъи (т. е. Святополкъ) яко *на полунощныи страны* бѣжалъ есть святый Глѣбъ и посла и *тамо* да и того пугубитъ» (Апр. стр. 599 — 600). Гдѣ это *тамо* и какія *полуночныя страны*—неизвѣстно. Авторъ видимо не интересуется ничѣмъ, что могло бы его разсказу придать живой, историческій характеръ. Онъ писалъ только витіеватую похвалу.

Въ заключеніе объ этомъ житіи слѣдуетъ замѣтить, что и въ немъ встрѣчается противорѣчіе лѣтописному сказанью объ апостолѣ Андреѣ, а именно: «остаже земля руская и страна въ первіи прельсти идольстіи. не убо бѣ ни отъ когоже слышали слова о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ. *не быша бо ни апостоли заходили къ нимъ. и никто же имъ проповѣдалъ бѣ слова Божія*». (Стр. 585 — 6).

Несравненно интереснѣе по историческимъ и бытовымъ подробностямъ и народнымъ сказаніямъ житіе *Антонія Римлянина* († 1147).

Предполагая, что читателямъ «Лѣтописей русской литературы» извѣстно содержаніе этого житія, я остановлюсь только на фактахъ, наиболѣе важныхъ для исторіи нашей древней литературы и народнаго быта.

Во первыхъ, Антоній былъ *Римлянинъ*, то есть, латинскаго или римскаго исповѣданія, и, безъ сомнѣнія, нѣмецъ, потому что не умѣя говорить по русски, когда только что прибылъ къ Новугороду, понималъ рѣчь *Греченина Готеина*. Впрочемъ, въ житіи Антоній представляется даже дѣйствительнымъ Римляниномъ, то есть, жителемъ Рима. Исторія намъ свидѣтельствуетъ, что не онъ одинъ былъ съ латинскаго запада между русскими святыми мужами. Такъ Меркурій смоленскій († 1237) былъ тоже Римлянинъ, Прокопій Юродивый устюжскій († 1303) — *отъ латынска языка отъ нѣмецкія земли*, какъ сказано въ его житіи (по рукоп. Графа Уварова, № 273 въ 4-ку, л. 60 об.). Конечно, особенно Новгородъ подвергался сильному вліянію Нѣмцевъ, и уже въ XII и XIII в. нѣкоторые изъ нихъ могли принимать православное исповѣданіе и отличиться святостью жизни. Житіе Прокопія устюжскаго предлагаетъ намъ любопытныя подробности по этому предмету. Этотъ угодникъ, родившійся въ нѣмецкой землѣ, — какъ сказано въ житіи: «Божіимъ благоволеніемъ пришедъ кораблемъ и съ тѣмь своим со многим имѣніемь въ великій пресловущій Новградъ съ протчею своею дружиною съ *Еллины*, и яко же обычей они имяще ту по вся лѣта приходити купецкимъ обычаемь» и проч.

Но Антоній прибылъ въ новгородскую область, какъ извѣстно, необычайнымъ способомъ. Прибылъ изъ римской области по морямъ чудеснымъ образомъ на камнѣ. Еще будучи на родинѣ, въ Римѣ, онъ уже отказался отъ латинской вѣры и принялъ православіе. И тамъ же бросилъ въ море бочку, наполненную драгоцѣнными вещами, сосудами серебряными и золотыми и хрустальными, блюдами и всякою другою церковною утварью. Вслѣдъ за чудесно плывшимъ на камнѣ Антоніемъ и эта бочка приплыла изъ Италіи къ Новгороду, и была вытащена рыбаками изъ рѣки, и потомъ передана Антонію. Сосуды и прочая утварь были работы иностранной, даже подписи на сосудахъ, какъ сказано въ житіи, *Римскимъ языкомъ* написаны.

Прежде нежели скажемъ о чудесномъ камнѣ, на которомъ прибылъ Антоній, обратимъ вниманіе на эти заграничныя издѣлія съ иностранными надписями.

Не смотря на господствующее вліяніе Византіи, у насъ уже въ самую раннюю эпоху, уже въ XI и XII в., нельзя не замѣтить и

вліянія западнаго на наше древне-христіанское искусство, и не только на сѣверѣ Россіи, но и на югѣ. Церковь кіево-печерская хотя была сооружаема и украшаема мастерами греческими, но основная идея сооруженія, какъ художественная, такъ и религіозная, принадлежитъ заморскимъ Варягамъ, о чемъ свидѣтельствуетъ любопытная легенда о Шимонѣ. Вѣнецъ Христовъ и поясъ, принесенные Шимономъ изъ Варяжской земли, были на распятіи, которое соорудилъ для себя отецъ этого Варяга, Африканъ. Этимъ поясомъ размѣрена была величина храма: на 20 поясовъ въ широту, на 30 въ долготу и на 50 въ высоту, а вѣнецъ былъ завѣшенъ надъ жертвенникомъ того же храма.

Но еще сильнѣе было вліяніе запада въ сѣверо-западной Руси, какъ свидѣтельствуетъ намъ житіе Антонія Римлянина и другія выше упомянутыя. Самымъ капитальнымъ памятникомъ этого иноземнаго вліянія въ Новѣгородѣ служатъ прекрасныя, такъ называемыя, корсунскія врата, съ латинскими надписями, дѣланныя нѣмецкими мастерами XII в. А между тѣмъ и въ XI, и въ XII столѣтіи уже слышатся голоса русскихъ благочестивыхъ людей противъ латинскаго невѣрія, которое Θеодосій, Кириллъ и другіе писатели разбираютъ по пунктамъ въ назиданіе и спасеніе душъ православныхъ. Даже самое латинство называется язычествомъ, а Латине или католики *Елликами*, то есть язычниками. Какъ же было согласить эти православныя убѣжденія съ кажущимся противорѣчіемъ, которое этимъ убѣжденіямъ предлагалось въ западныхъ издѣліяхъ христіанскаго искусства, издавна къ намъ занесенныхъ? Существованіе этихъ западныхъ издѣлій былъ неоспоримый фактъ, и благочестивые люди находили для себя удовлетворительное объясненіе ему въ разсказѣ о томъ, какъ чудеснымъ образомъ приплыли изъ Рима въ Новгородъ сосуды серебряные и золотые и другая церковная утварь иностранной работы и съ латинскими надписями, и какъ потомъ самимъ Антоніемъ были эти сокровища положены въ святительской ризницѣ на соблюденіе.

Таково, по нашему мнѣнію, высокой важности значеніе житія Антонія Римлянина для исторіи христіанскаго искусства въ древней Руси! И тѣмъ важнѣе это свидѣтельство о западныхъ церковныхъ издѣліяхъ, что самое житіе, очевидно, проникнуто ненавистію къ Латинамъ, какъ это явствуетъ изъ самаго конца его: «и повелѣ Архіепископъ Нифонтъ сіе житіе преподобнаго изложити и написати и въ церкви Божіи предати. на утверженіе вѣрѣ христіанстѣй и на спасеніе душамъ нашимъ. а *Римляномъ еже отступиша отъ православныя Греческія вѣры, и преложишася въ Латынскую вѣру на посрамленіе и на укоризну, и на проклятіе.*» (Іюнь, стр. 324).

Теперь о прибытіи Антонія изъ за моря.

Камень, на которомъ плылъ Антоній, причалилъ къ берегу рѣки Волхова у сельца *Волховска*. На этомъ мѣстѣ потомъ сооруженъ былъ храмъ во имя Рождества Богородицы. Самое названіе сельца *Волховска* можетъ указывать на дохристіанскія преданія о миѳическомъ существѣ, *Волховѣ*, чародѣѣ, котораго чтили, какъ бога, и который былъ сближаемъ съ Перуномъ мѣстечкомъ *Перыня* или *Перынь*[1]). Къ тому же древнѣйшіе христіанские храмы обыкновенно были сооружаемы на мѣстахъ языческаго поклоненія; потому съ вѣроятностью можно заключить, что *Волховско* былъ одинъ изъ важныхъ пунктовъ язычества новгородскихъ Славянъ. Но съ распространеніемъ христіанства здѣсь должна была водвориться святыня этой новой религіи, точно также, какъ былъ основанъ монастырь и на мѣстѣ *Волховкаго* или *Волховскаго* городка *Перыни*.

Такимъ образомъ повѣствованіе объ Антоніи Римлянинѣ переноситъ насъ къ преданіямъ о древнѣйшей эпохѣ выхода Славянъ изъ язычества на новое поприще христіянскаго просвѣщенія: и въ этомъ чудесномъ прибытіи Антонія къ берегамъ Волховска выражается не только протестъ противъ святости Латинства, но и мысль о внезапномъ, мгновенномъ просвѣщеніи страны христіанскою религіею.

И тѣмъ обаятельнѣе былъ разсказъ объ этомъ чудесномъ прибытіи, что онъ напоминаетъ не только подобныя же духовныя повѣствованія, какъ напримѣръ о *чудесахъ морскихъ*[2]) но и, безъ сомнѣнія, чисто народныя, древнѣйщія преданія и повѣрія.

Эти преданія, вѣроятно, восходятъ къ древнѣйшему періоду вѣрованій, общихъ всѣмъ индоевропейскимъ народамъ. Между сказаніями народными, особенно въ нѣмецкихъ племенахъ, одно изъ древнѣйшихъ имѣетъ предметомъ своимъ внезапное появленіе какого нибудь героя, обыкновенно младенца, приплывающаго по морю въ ладьѣ изъ далекихъ или даже невѣдомыхъ странъ. Это прибытіе изъ невѣдомыхъ странъ, на языкѣ миѳическомъ, означаетъ не что другое, какъ самое рожденіе: человѣкъ, рождаясь, появляется на свѣтъ изъ міра невѣдомаго, въ который потомъ — по древнѣйшему похоронному обряду — онъ по смерти своей, будучи положенъ тоже въ ладью, уплываетъ. Ладья, такимъ образомъ, заступаетъ мѣсто и колыбели, и гроба. Такъ по сказанію англо-саксонскаго эпоса, приплываетъ на ладьѣ Скильдъ, еще будучи младенцомъ и по смерти

[1]) Смотр. приложенія къ моей рѣчи о народной поэзіи № 1.

[2]) Тамъ же № 6.

своей полагается въ ладью и уносится на ней въ невѣдомыя страны. Этотъ же миѳически-поэтическій мотивъ далъ начало прекрасному средне-вѣковому сказанью о Рыцарѣ Лебедя, сказанью, основа котораго до позднѣйшаго времени сохранилась у насъ въ малорусской сказкѣ объ Ивасѣ.[1])

Какъ Скильдъ, приплывая изъ неизвѣстныхъ странъ, становится потомъ властителемъ и героемъ своего новаго отечества, такъ и по новгородскому преданью чудесно прибывшій изъ Рима благочестивый герой, хотя и не въ раннемъ дѣтствѣ, но возрожденный духовно, обновленный вѣрою, впослѣдствіи получаетъ въ Новгородѣ силу духовнаго господства. Какого бы ни было происхожденія это сказаніе, туземнаго или же нѣмецкаго, согласно съ самымъ происхожденіемъ Антонія Римлянина, во всякомъ случаѣ оно соотвѣтствуетъ другому, тоже сѣверно-русскому сказанью объ отплытіи героя послѣ его смерти, и слѣдовательно какъ бы о древнѣйшемъ обрядѣ похоронъ на водѣ. Это преданіе удержалось въ позднѣйшемъ сказаньи объ Іаковѣ боровицкомъ († около 1540). И тѣмъ важнѣе для насъ это сказанье, что въ немъ можно видѣть слѣды переходной эпохи въ обрядѣ похоронъ, когда въ ладьѣ стали тѣла сожигать. По народному преданію тѣло Іакова Боровицкаго, никому дотолѣ невѣдомаго, было принесено къ Боровичамъ вверхъ по рѣкѣ Мстѣ на льдинѣ, и именно *въ обгорѣлой* колодѣ. «Въ веси боровицкой—такъ сказано въ житіи по рукописному сборнику новгородскихъ житій съ службами, XVII в., принадлежащему мнѣ—явися сіе божественное сокровище, во Св. великій вторникъ свѣтлыя недѣли, внегда всюду волнамъ разливатися и леду разноситися, приплы на единой части леда по рѣцѣ Мстѣ клада огорѣвши, непокровена, на ней же сіе честное и свящ. тѣло лежаше. И ста на единемъ мѣстѣ недвижимо. Плаваніе же его бяше противъ быстринъ водныхъ. Тогда же убо и ледъ всюду растлѣвашеся, подъ симъ же тѣлесемъ цѣлъ являшеся. Людіе же живущіи ту видѣвше и возмнѣвше нѣчто отъ крамолъ убійственныхъ, или ино что отъ суетъ мірскихъ надъ симъ тѣломъ (то-есть изъ боязни, какъ и теперь боятся мертваго тѣла, чтобъ не попасть въ отвѣтъ передъ судомъ)—отвлекоша е внизъ по рѣцѣ удицами за гробную кладу сущую подъ тѣломъ святаго задѣвше.»

Теперь, въ соотвѣтствіе этому разсказу, прочтемъ о прибытіи Антонія Римлянина на камнѣ: «восташа вѣтри велицы зѣло. и море восколебася. яко николиже быша тако и волнамъ морскимъ до камени

---

[1]) Кулиша Записки о южной Руси, томъ 2-ой, стр. 17 и слѣд.

восходящимъ, на немъ же пребываше стоя и безпрестани молитвы Богови возсылая. и абіе внезапу, едина волна напрягшися, и подъятъ камень на немъ же преподобный стояше. и несе его на камени, якоже на корабли легцѣ..... И не свѣмъ рече когда день когда ли нощь. но свѣтомъ неприкосновеннымъ объятъ бысть. Камени же текущю по водамъ ни кормилца имущи ни кормъчія..... и отъ Римскія страны шествіе его бысть по теплому морю. изъ него же въ рѣку Нѣву. и изъ Невы рѣкы въ Невое озеро. изъ Неважъ озера вверхъ по рѣцѣ Волхову. противу быстринъ неизреченныхъ». и проч., и на конецъ причалилъ камень, какъ упомянуто выше, у сельца Волховска. (Май, стр. 164).

Остается сказать о камнѣ, которымъ замѣнена ладья. Такъ какъ благочестивые люди древней Руси всѣми мѣрами старались искоренять въ народѣ остатки темнаго язычества, то въ этомъ сказаньи о камнѣ можно видѣть протестъ христіанскаго благочестія противъ древняго суевѣрнаго поклоненія камнямъ, которое очень распространено было у насъ въ старину. Суевѣріе это было такъ крѣпко въ умахъ народа, что даже въ началѣ XVII вѣка преподобный Иринархъ борисоглѣбскій долженъ былъ противъ него бороться. «Однажды — такъ разсказывается въ житіи этого угодника [1]) — пріѣхалъ онъ въ Переяславль и сталъ у Никитскаго монастыря, на конюшенномъ дворѣ; и послалъ по дьякона Онуфрія, а самъ пошелъ къ чудотворцу Никитѣ помолиться и приложиться у его гроба. А дьяконъ въ то время очень изнемогалъ *студенью трясавичною*, и отъ нестерпимой студени влѣзалъ въ печь, чтобъ согрѣться. И была та болѣзнь по силѣ и дѣйствію самого дьявола. Былъ въ городѣ за Борисомъ и Глѣбомъ потокъ, а въ потокѣ лежалъ большой камень и вселился въ тотъ камень бѣсъ и творилъ свои мечты. Привлекалъ къ себѣ изъ Переяславля мужей и женъ и дѣтей; и сходились къ этому камню въ праздникъ великихъ, верховныхъ Апостоловъ Петра и Павла, съ году на годъ, и творили камню почесть. Увѣдавъ о томъ, преподобный Иринархъ ревностію разжегся и велѣлъ дьякону Онуфрію тотъ камень въ яму вринуть и землею зарыть, чтобъ христіяне къ камню не приходили и не творили ему почести. Дьяконъ Онуфрій исполнилъ повелѣніе благочестиваго старца; но за то демонъ сталъ враждовать тому дьякону, и много пакостей ему творилъ, и наводилъ на него отъ іереевъ и христіянъ и отъ его роду ненависть и посмѣхъ, и терпѣлъ тотъ дьяконъ неподобныя рѣчи и клевету, и

---

[1]) По рукоп. графа Уварова, № 394 (Царск. 100) и г. Забѣлина.

продажи, и убытки, и немочи, а всякія скорби.» Вотъ какъ еще трудна была борьба съ язычествомъ даже въ XVII вѣкѣ, что не только простой народъ, но и сами іереи противились просвѣщеннымъ мѣрамъ объ искорененіи языческаго поклоненія камнямъ!

Въ заключеніе о житіи Антонія Римлянина слѣдуетъ упомянуть о нѣкоторыхъ отдѣльныхъ подробностяхъ.

Упоминается *гривенный слитокъ серебра*: «понеже въ то время у Новгородскихъ людей не бысть денегъ, но ліяше слитки серебряныя, ово въ гривну, ово въ полтину, ово въ рубль, и тѣми куплю дѣяху.» (Іюнь, стр. 310).

О поставленіи игумена *по насилію* или *по мздѣ*: «аще князь нашлетъ игумена (то-есть въ монастырь Антонія Римлянина), или епископъ по насилію или по мздѣ, или который братъ нашъ отъ мѣста сего, а начнетъ хотѣти игуменства кромѣ братскаго соборнаго изволенія, егоже произволятъ братія на игуменство, тоже мздою или насиліемъ отъ князя или отъ епископа поставленъ будетъ, тѣхъ преподобный проклятію предастъ.» (Тамъ же, стр. 321).

О монастырскомъ имѣніи: «Таже и о земли утверждаяй глаголетъ (то-есть самъ Антоній): о братія моя, егда сѣдохъ на мѣстѣ семъ купилъ есмь село сіе и землю, и на рѣцѣ сей рыбную ловитву, на строеніе монастырю, цѣною изъ пречистыя сосуди, сирѣчь изъ бочки (которая приплыла въ Волховъ сама собою изъ Рима), и аще кто начнетъ обидѣти васъ, или наступати на сію землю, ино имъ судитъ Мати Божія.» (Тамъ же, стр. 321) Эти опасенія въ завѣщаніи Антонія напоминаютъ намъ ростовское повѣствованье о тяжбѣ Захаріи за церковную землю.

О воздушныхъ мытарствахъ. Собираясь умирать, Антоній между прочимъ говоритъ братіи: «да измутъ ангели милостивіи душу мою, и да избѣгну сѣтей вражіихъ *отъ воздушныхъ мытарствъ* вашими святыми молитвами, понеже грѣшенъ есмь ....показуя яко всѣмъ страшна чаша смертная, и многія же *по воздухомъ истязателя* имамы.... да не покрыетъ мене темный тѣхъ воздухъ, ниже дымъ ихъ помрачитъ душу мою, укрѣпи мя Господи мой, Господи, да прейду огненыя волны и глубины бездонныя.» (Тамъ же, стр. 318 и 322).

Житіе это въ рукописяхъ обыкновенно приписывается ученику Антонія Римлянина, Андрею, который съ 1147—1157 г. былъ игуменомъ Антоніева монастыря. Судя по всему сказанному нами выше, надобно предполагать, что многое въ этомъ житіи не принадлежитъ самому Андрею.

Житіе *Авраамія смоленскаго* (✝ 1221) написано ученикомъ его Ефремомъ вскорѣ послѣ его кончины, и уже относится къ эпохѣ монгольской, что видно изъ молитвы автора, обращенной къ Богородицѣ: «поганыхъ нашествія испроверзи.... измаильскія языки разсыпли.» Это житіе рѣзко отличается отъ житія Антонія Римлянина положительнымъ, историческимъ характеромъ, чуждымъ всякой примѣси народныхъ повѣрій и поэтическихъ преданій. Это не что иное, какъ простой и правдивый разсказъ о благочестивомъ и образованномъ инокѣ, много претерпѣвшемъ гоненій отъ невѣжественнаго духовенства той эпохи, которое, не сочувствуя просвѣщеннымъ стремленіямъ Авраамія, завидовало его популярности и любви къ нему народа, снисканной имъ высокими дарованіями, не только какъ человѣка вообще благочестиваго, но великаго оратора и образованнаго художника. Мы не будемъ здѣсь распространяться объ этомъ житіи, потому что оно вполнѣ разсказано и отлично объяснено въ Исторіи русской церкви епископа Макарія, (въ 3-мъ томѣ, стр. 47 и слѣд. Смотр. также примѣч. 106-е.) Остановимся только на нѣкоторыхъ подробностяхъ.

Особенно важно въ этомъ житіи то обстоятельство, что народъ, граждане, и особенно вельможи или бояре и самъ князь были на сторонѣ Авраамія, въ то время, какъ духовенство его преслѣдовало. Вотъ свидѣтельства самаго памятника. О первоначальномъ пребываніи преподобнаго въ монастырѣ: «тугу и искушенія отъ игумена и отъ всея братіи и отъ рабъ кто можетъ исповѣдати. якоже ему самому глаголати. быхъ 5 лѣтъ искушенія терпя. поносимъ. безчезчествуемъ яко злодѣй.» (Сент. стр. 145.) Когда Авраамій пришелъ въ Смоленскъ для проповѣди: «нѣціи отъ іерей. другіе же отъ черноризець. како бы нань въстати[1]). овы же отъ града потязати и укорити исходяще. друзіи и спиру творяще. яко ничто же свѣдуще. противу нань глаголаху. и тако посрамлени съ студомъ отхожаху. и паки не преставааху крамолы нань въздвизающе. въ градѣ и вездѣ глаголюще. *се уже весь градъ къ себѣ обратилъ есть* (Тамъ же, стр. 146). Даже въ то время, когда св. мужа вели на судъ, и когда завистники изъ духовенства клеветали на него въ еретичествѣ и сластолюбіи, всеже признавались, что Авраамій «уже наши дѣти вся обратилъ есть» (Ноябрь, стр. 373). Даже въ то самое время, когда въ глупой толпѣ, всегда охочей до всякого позору, а въ то время подущаемой громкою клеветою, раздавались клики о казни угодника:

---

[1]) Такъ въ Макар. Минеѣ, по синод. списку августъ л. 1075 об. Въ Правосл. Собес. ошибкою: *встети*.

«князю же и вълостелемъ умягчи Богъ сердца. игуменомъ же и ереемъ. аще бо мощно жива его[1]) пожрети» (Ноябрь, стр. 374). Сверхъ того, вслѣдъ за клеветою, взведенною на св. мужа въ еретичествѣ, колдовствѣ и сластолюбіи, въ житіи сказано: «ина же многа нань вѣщанія глаголюще, ихже блаженый чужь истиною; реку тако: *никто же аще бы не глаголя на блаженнаю Авраамія въ градѣ*. Но діаволъ о семъ радовашеся» [2]) Наконецъ, когда оклеветаннаго Авраамія привели на судъ: «безчиннымъ попомъ. яко воломъ рыкающимъ. князю же и вельможемъ не обрѣтающимъ вины (Ноябрь, стр. 375)[3]).

И такъ и бояре, то есть лучшіе изъ гражданъ, и самъ князь, и даже народъ, то есть, весь городъ, не смотря на минутное увлеченіе глупой толпы — были за Авраамія. Явленіе въ древней Руси въ высшей степени утѣшительное. Вводя насъ, такъ сказать въ самое сердце древне-русскаго быта и воскрешая передъ нами самыя существенныя отношенія духовной жизни народа къ господствовавшимъ идеямъ и началамъ, оно свидѣтельствуетъ о значительномъ развитіи христіянскаго просвѣщенія и образованности въ смоленской области, уже въ началѣ XIII вѣка.

Потому, намъ кажется, г. Шевыревъ не великую услугу оказалъ почитателямъ древней Руси, выразившись о бѣдствіяхъ Авраамія слѣдующимъ образомъ: «Но зависть поднялась на краснорѣчиваго учителя. И духовенство, и *граждане* (?!) возстали и обнесли его клеветою»[4]). И тѣмъ чернѣе выставляется здѣсь поступокъ гражданъ, что къ клеветѣ они, будто-бы, присовокупили неблагодарность: строкъ за десять передъ тѣмъ у г. Шевырева сказано, что Авраамій «привлекалъ своими поученіями весь городъ.» И неужели, въ тяжелое для св. мужа время испытанія и гоненій, никто въ Смоленскѣ не вспомнилъ съ признательностью о той духовной благодати, которая нисходила въ благочестивыхъ словахъ святаго проповѣдника на толпы восторженныхъ слушателей? Житіе ясно свидѣтельствуетъ, что лучшіе люди, избраннѣйшіе изъ гражданъ, помнили великое добро, которымъ обязаны св. мужу, *умягчались сердцами*, *и не нахо-*

---

[1]) Такъ въ Макар. Мин. л. 1077. Въ Правосл. Собес. *живаго пожрети*.

[2]) Такъ въ Истор. рус. церкви Макарія, ч. 3-я, стр. 269. Такъ же въ Макарьевск. Мин. «никтож аще бы не глаголи на блаженаго авраамія въ градѣ» л. 1077. Такъ же по отличной рукописи гр. Уварова, XVI в., № 204, въ 4-ку, л. 179 об. Въ Правосл. Собес. это мѣсто опущено (Ноябрь, стр. 373.)

[3]) Въ Макар. Мин. по тому же Синод. сп. «*безчиному*.... не обрѣтающимъ *таковыя* вины.» л. 1077 об.

[4]) Исторія русской словесности. Лекціи С. Шевырева. Часть 3-я, 1858 г. стр. 14.

дили въ угодникѣ той *вины*, въ которой по зависти онъ былъ оклеветанъ. Для чего же нужно было г. Шевыреву утаить благородныя чувства и поступки бояръ и князя, и взвести на весь Смоленскъ обвиненіе, подъ общимъ именемъ *граждан*ъ?

Впрочемъ, честь, возданная г. Шевыревымъ православной старинѣ, блѣднѣетъ передъ слѣдующими словами г. Муравьева, который, повѣствуя о житіи Авраамія смоленскаго, по древнимъ, рукописнымъ источникамъ, рѣшился сказать вотъ что: «*князья* (?), *бояре* (?) и духовные возстали всѣ противъ святаго мужа, совѣщаясь, что бы противъ него учинить.» — «Напрасно *князь* (?) и *вельможи* (?) и клирики *искали вины* на праведнаго мужа, ни въ чемъ не могли обличить его, и, *устрашенные* обличеніемъ пресвитера Луки, наконецъ *принуждены были оставить неправедный судъ*» [1]).

Обращаясь къ совѣсти читателей, спрашиваемъ, какъ слѣдуетъ назвать такой поступокъ г. Муравьева? Потому что такое слово есть очень важное дѣло.

Предупреждая всякое недоразумѣніе, мы почитаемъ необходимымъ замѣтить, что снимая клевету, взведенную на князя и бояръ, слѣдовательно и на лучшихъ изъ гражданъ Смоленска, мы нисколько не думаемъ тѣмъ самымъ усилить мрачную тѣнь, бросаемую свидѣтельствомъ житія на дѣйствительныхъ завистниковъ и преслѣдователей святаго мужа. Уже достаточно привести себѣ въ память имя одного такого великаго святителя, какъ Авраамій смоленскій, чтобъ составить самое высокое понятіе о духовенствѣ русской церкви въ XIII вѣкѣ.

Но обратимся къ другимъ подробностямъ житія.

Заслуживаетъ вниманія для исторіи образованія древней Руси то обстоятельство, что Авраамій смоленскій между монашествующими нашелъ себѣ сочувствіе въ человѣкѣ, прозваніе котораго изобличаетъ въ немъ западное происхожденіе, именно въ Лукѣ *Прусинѣ*.

Житіе Авраамія смоленскаго очень важно для исторіи древнерусской письменности и просвѣщенія вообще. Онъ былъ искусный писецъ и много читалъ, и, вѣроятно, былъ основателемъ школы писцовъ и живописцевъ. Ему хорошо извѣстенъ былъ Синайскій Патерикъ. Его ученикъ Ефремъ цитуетъ златую Чепь. Подвиги кіевопечерскихъ угодниковъ прославлялись въ Смоленскѣ.

Было уже довольно говорено о *глубинныхъ книгахъ*, еретическомъ сочиненіи, въ чтеніи котораго духовенство обвиняло св. мужа.

---

[1]) Житія святыхъ россійск. церкви. Августъ. 1858 г. стр. 111—112.

Въ Исторіи русской церкви Макарія сказано: *голубиныя книги* (томъ 3-й, стр. 49). Г. Пыпинъ въ обозрѣніи этого сочиненія, полагаетъ, что должно разумѣть здѣсь апокрифическую книгу, подъ названіемъ *Глубина*. (Отеч. Записк. 1857 г. № 7). Въ обозрѣніи тогоже сочиненія (въ Русск. Вѣстн. за 1857. г.), ссылаясь на мнѣніе г. Пыпина, мы подъ условіемъ допускали столько важное для исторіи русской поэзіи чтеніе, предложенное въ Исторіи русской церкви. Въ Православномъ Собесѣдникѣ приводятся оба мнѣнія безъ окончательнаго рѣшенія, на сторонѣ котораго истина, хотя и дается предпочтеніе чтенію: *голубинныя книги* (Ноябрь, стр. 372—3). Г. Шевыревъ слѣдуетъ мнѣнію г. Пыпина, упоминая впрочемъ, что *Глубина* помѣщается въ перечнѣ книгъ истинныхъ, а не ложныхъ, то есть, апокрифическихъ. (ч. 3, стр. 82). Такъ какъ во многихъ спискахъ, которые случилось намъ видѣть, не исключая и Макарьевской Минеи по синодальному списку (августъ, л. 1077), постоянно читается: *глубинныя книги*, то мы думаемъ, что мнѣніе г. Пыпина вполнѣ согласно съ понятіями древне-русскихъ писцовъ и читателей. Что же именно разумѣлось подъ *глубинными книгами* объяснится тогда, когда приведется въ извѣстность содержаніе этого древняго сочиненія.

Также не разъ говорено было объ иконописныхъ способностяхъ Авраамія смоленскаго. Сюжеты, которые избиралъ св. мужъ для своихъ иконописныхъ произведеній, были самыми популярными въ средніе вѣка, и у насъ и на западѣ: это *страшный судъ* и загробная жизнь усопшихъ, или *воздушныя мытарства*. Г. Шевыревъ приводитъ слово Авраамія о мытарствахъ и страшномъ судѣ, согласное по содержанію съ напечатаннымъ у Калайдовича въ Памятн. россійской словесности XII вѣка, и приписанное имъ Кириллу Туровскому*). Сборникъ *сказаній о загробной жизни*, въ библіотекѣ графа Уварова (XVIII вѣка, № 823, въ 4-ку) весь состоящій изъ миніатюръ съ краткими повѣствованіями, между прочимъ, предлагаетъ сказанія объ исходѣ души изъ тѣла и о воздушныхъ мытарствахъ, свидѣтельствуя намъ, что до послѣдняго времени иконописные сюжеты, которые обработывалъ Авраамій смоленскій, были любимы нашими предками и пользовались популярностью въ теченіе многихъ столѣтій.

Для образца приводятся здѣсь нѣсколько статей изъ этого сборника:

«*Исходъ души праведнаго*. Ангелъ Господень приходитъ по душу съ радостію и взимаетъ честно, и благословеніе бываетъ души той, діяволу же бѣжащу посрамену отъ мѣста того.» (л. 17 об.)

*) Шевыр. ч. 3-я, стр. 15. Калайд. стр. 92.

«*Исходъ души грѣшнаго.* Тогда ангелъ хранитель душа тоя стоитъ прискорбенъ и плача, діяволу же пришедшу радующуся и кажущу свитки, дѣлъ ея множество.» (л. 18 об.)

«Въ третій день восходитъ душа поклонитися Христу, и того ради творимъ память за усопшихъ.» (л. 19 об.)

«Два бо дни носима душа ангеломъ по земли, идѣже хощетъ, ово г дому, овогда же къ тѣлу.» (л. 20 об.)

«Третины же творимъ яко въ третій день человѣкъ вида измѣняется.» (л. 21 об.)

«Девятины же творимъ, яко въ той день все зданіе растечется, токмо сердцу единому цѣлу».... (л. 22 об.)

«Четыредесятый же день творимъ, яко въ той день и то самое сердце погибаетъ, и костемъ развалившимся.» (л. 23 об.)

«Потомъ повелѣ Господь ангелу показати души той различныя райскія красоты и жилища святыхъ. Аще праведна душа, то радуется; аще грѣшна, то болшую скорбь пріемлетъ, яко таковыхъ благъ лишися.» (л. 25 об.)

«Егда іерей совершаетъ понахиду и молится получити души той мѣсто свѣтло и мѣсто покойное, тогда ангелъ хранитель радостенъ восходитъ на небо.» (л. 28 об.)

«И возшедъ па небо, написуетъ имя то въ вѣчныхъ обителехъ.» (л. 29 об.)

«Тогда ангелъ Господень сходитъ въ темная мѣста и сноситъ души той свѣтъ небесный и освѣщаетъ ея.» (л. 30 об.)

«Егда священникъ совершаетъ литоргію и поминаетъ имя умершаго, тогда ангелъ Господень стоитъ съ радостію.» (л. 31 об.)

«И сходитъ во удолная мѣста и темная, и сноситъ души той одѣяніе и вѣнецъ, и облачаетъ ея и возноситъ на небо.» (л. 32 об.)

«И посаждена бываетъ душа та въ райскихъ свѣтлыхъ мѣстехъ, хранима херувимомъ, и сѣдитъ ту отъ утра и до вечера.» (л. 33 об.)

«И по совершеніи вечерняго пѣнія сноситъ Ангелъ душу ту облакомъ, и обнажаетъ ея отъ одѣянія и вѣнца, и посаждаетъ ея въ прежнемъ мѣстѣ.» (л. 34 об.)

«Въ девятый день по умертвіи восходитъ душа праведная на небеса поклонитися Христу, и Ангели Господни стрѣтаютъ ея на первомъ небеси съ радостію и начнутъ душу ублажати, глаголюще: блажена еси, душе! Яко жила еси на земли по закону Господню, и нынѣ же приходиши въ вѣчный покой и радостна душа та.» (л. 36 об.)

«Такожде восходитъ и грѣшная душа на небеси поклонитися Христу. Стрѣтаютъ ея Ангели съ плачемъ, глаголюще: О многогрѣшная душе и окаянная! жила еси на земли не по закону Господню, нынѣ

же идеши въ вѣчное мученіе; и печальна бываетъ душа та.» (л. 37 об.)

«Въ четыредесятый день душа грѣшная восходитъ на поклоненіе Христу, и гнѣвъ Божій приходитъ на душу ту, и шестокрилати херувими закрываютъ лице Господне, и ризи престолъ, не хотяще показати славы лица Господня. И гонима бываетъ душа та пламеннымъ оружіемъ.» (л. 38 об.)

Каждой статьѣ соотвѣтствуетъ миніатюра, въ наивныхъ очертаніяхъ воспроизводящая эту христіанскую поэму о странствіяхъ души по выходѣ ея изъ тѣла.

Въ заключеніе о житіи Авраамія смоленскаго предложимъ нѣкоторыя исправленія текста, изданнаго въ Православномъ Собесѣдникѣ, пользуясь Макарьевскою Минеею по синодальному списку, мѣсяцъ августъ.

Православный Собесѣдникъ, сентябрь стр. 148: «*чемерить* день поминаетъ»; также *чемерит* и въ спискѣ XVI вѣка Графа Уварова, № 204, въ 4-ку, л. 177. Очевидно, происходитъ отъ *чемерь* или *чемерь*, которымъ у насъ въ старину отравляли стрѣлы. Въ Макарьевской Минеѣ «*лютъ* днь поминаетъ» л. 1076.

Православный Собесѣдникъ, ноябрь стр. 373: «мужа же *глаголюще* и жены и дѣти». Въ Макарьевской Минеѣ вмѣстѣ *глаголюще*—*глю*, то есть, *глаголю*. л. 1077.

Тамъ же, стр. 375: «*и на* два *и* от ученикъ его». Въ Макарьевской Минеѣ «*и ина два* от оучнкъ.» л. 1077.

Тамъ же, стр. 377: «услышаша въ іерусалимѣ *градъ*. яко изгнанъ бысть патріархъ. и зѣло *пороващася* (sic) *ему*.» Въ Макарьевской минеѣ *граждане* вм. *градъ*, и *порадовашася сему* вм. двухъ послѣднихъ словъ л. 1078.

Тамъ же. стр. 384: «нѣкотории же *буйци* и несмысленнии *уничеждаху*.» Въ Макарьевской Минеѣ:» *боуяви* несмыслени *оуничижахоу*.» л. 1080. Въ рукописи графа Уварова, № 204: «*буяцы*—*уничіждахоу*.» л. 187.

Сверхъ того почитаемъ не лишнимъ привести, по той же синодальной Минеѣ, отрывокъ изъ похвалы Авраамію смоленскому, составленной авторомъ его житія и ученикомъ, Ефремомъ. Этотъ отрывокъ, какъ и другіе подобнаго содержанія въ похвалахъ русскимъ святымъ, свидѣтельствуетъ намъ, что мѣстныя симпатіи и національное чувство по городамъ и областямъ развивались у насъ въ тѣсной связи съ чествованіемъ мѣстныхъ святынь и благочестивыхъ мужей, подвизавшихся въ томъ или другомъ краѣ древней Руси. «Нынѣ преподобнаго и блаженнаго отца Авраміа успеніа память празднуемъ и

радующееся ликоствуемъ. Радуйся, граде твердъ, наблюдимъ и хранимъ десницею Вседръжителя. Радуйся, Пречистаа Дѣво, мати божія, иже градъ Смоленскъ всегда свѣтло радуется о тебѣ, хвалится тобою, избавляемъ отъ всякыя бѣды. Радуйся, граде Смоленскъ, отъ всѣхъ находящихъ золъ избавляемъ молитвами Пресвятыа Богородица и всѣхъ небесныхъ силъ» и т. п. (л. 1082 об.)

Теперь перейдемъ къ поученіямъ и словамъ, изданнымъ въ Православномъ Собесѣдникѣ по рукописямъ Соловецкой библіотеки, въ 1858 г. Эти слова слѣдующія: слово постѣ (январ. книжка), новыя поученія Серапіона, епископа владимірскаго (іюл.), два слова о денно-нощной молитвѣ (август.), преподобнаго Θеодосія печерскаго поученіе объ умѣренности въ застольномъ питьѣ (октябр.) и поученія о благоустройствѣ семейной жизни (декабрь). По рукописямъ XVI и частію XV вѣка.

Предварительно почитаемъ не лишнимъ для читателей привести слѣдующее замѣчаніе издателей Правосл. Собес. «Надобно замѣтить, что въ древней духовной литературѣ нашей весьма обычно было озаглавливать русскія слова и поученія словами и поученіями св. отцевъ. Какъ сочинители, такъ и переписчики русскихъ словъ и поученій особенно любили надписывать сочиненныя или переписываемыя ими поученія словами Іоанна Златоуста, Григорія Богослова, Ефрема Сирина, Кирилла Философа и нѣкоторыхъ другихъ отцевъ и учителей восточной церкви.» (Январь, стр. 141). Такъ и нѣкоторыя изъ упомянутыхъ русскихъ словъ озаглавлены громкими именами отцевъ церкви.

Прежде нежели коснемся этихъ словъ въ подробности, почитаемъ полезнымъ сказать о значеніи духовнаго краснорѣчія въ исторіи литературы. Отдавая полную справедливость этому обширному отдѣлу нашей древней письменности въ высокомъ его значеніи для исторіи церкви и христіанскаго просвѣщенія, мы думаемъ, что собственно въ литературномъ отношеніи должны заслуживать вниманія только тѣ изъ словъ древне-русской письменности, которыя или характеризуютъ народный быть эпохи, или такія воззрѣнія, въ которыхъ религіозныя убѣжденія принимаютъ художественную форму извѣстнаго направленія или стиля своего времени. При этихъ условіяхъ, все витіеватое и напыщенное, всякая излишняя сентиментальность, всякое многословіе и плодовитость, разбавленная выписками изъ византійскихъ источниковъ и распространеніями или варіаціями одной и той же мысли — все это, при посредствѣ строгой филологической и эстетической критики, должно быть изъято изъ области собственно такъ называемой исторіи литературы. Только тогда мы

будемъ имѣть настоящую исторію русской *народной* литературы, какую имѣютъ Нѣмцы, Французы, Англичане, и уже не станемъ выдавать за великіе образцы древне-русской литературной дѣятельности ватіеватыя и многословныя передѣлки чужихъ фразъ. Тогда же эта наука, опредѣленная въ своихъ границахъ, не будетъ уже случайнымъ сборникомъ разныхъ назидательныхъ статей по части политической и церковной исторіи древней Руси, какъ обыкновенно разумѣютъ исторію русской литературы теперь. Само собою разумѣется, что для составленія настоящей исторіи древне-русской словесности еще не наступило время. Еще только приводятся въ извѣстность самые памятники литературные, только еще набираются матеріалы для будущаго стройнаго зданія: чему лучшимъ доказательствомъ служатъ нѣкоторыя изъ прекрасныхъ словъ, изданныхъ въ Правосл. Собесѣдникѣ.

Слово о постѣ издатели относятъ къ эпохѣ до XIII в., потому что въ немъ, между прочимъ, говорится о языческихъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ древней Руси, каковы *наузы*, моленія кладезныя и рѣчныя, *игранья и пѣсни бѣсовскія* и т. п. «Ибо — какъ говорятъ издатели — только въ началѣ водворенія христіанства въ Россіи и до XIII в. въ духовной жизни русскаго общества господствовало, по характеристическому выраженію тогдашнихъ пастырей, *двоевѣріе*.» (Янв. 138—9). Мы думаемъ, что это не совсѣмъ справедливо. Уничтоженіе язычества въ древней Руси можно опредѣлять не столько вѣками, сколько мѣстностями. Въ кіевской области, напримѣръ, уже въ XII в. господствовало христіанство, тогда какъ сѣверо-восточная Русь была погружена въ язычество. Житія святыхъ, подвизавшихся въ XIV, XV и даже въ позднѣйшія столѣтія, какъ напримѣръ Иринарха борисоглѣбскаго, свидѣтельствуютъ намъ, что *двоевѣріе* господствовало на Руси гораздо дольше XIII вѣка. Стоглавъ даетъ множество любопытныхъ данныхъ для исторіи русской миѳологіи въ XVI вѣкѣ.

Слово о постѣ въ литературномъ отношеніи особенно интересно потому, что состоитъ въ тѣснѣйшей связи съ нѣкоторыми поученіями, помѣщенными въ *Златой Чепи* по рукописи XIV в., въ библіотекѣ Троицкой Лавры. То, что въ этомъ словѣ собрано вмѣстѣ, въ Златой Чепи является въ разныхъ отдѣльныхъ словахъ. Не рѣшая вопроса о томъ, поученія ли Чепи служили источникомъ слову о постѣ, или наоборотъ это послѣднее распалось на отдѣльныя части, почитаю важнымъ обратить вниманіе читателей на эти сходныя мѣста, по всему вѣроятію, пользовавшіяся популярностью между древнерусскими грамотными людьми.

Наиболѣе сходствуетъ съ напечатаннымъ въ Православномъ Собесѣдникѣ слѣдующее поученіе въ Злат. Чепи: *Слово о постѣ и о петровѣ ювѣньи и о филиповѣ* (л. 96 об. и слѣд.). Напримѣръ:

Въ Правосл. Собес. Январь, стр. 149—150: «нам бо достойно бы братье и оприче говѣнья тако творити. поминающе съгрѣшеніа своя великаа и множьство нашего согрѣшенья. яже сотворихом пред Творцем своим и Богом нашимъ. а про наши убо было грѣхи. ни главы въскланивати биюще челом пред ним. ни очию осушивати льюще слезы своя пред ним стенюще скорблюще о неподобных дѣлех своих о братье и сестры оци и матери. како ны было не боятися Господа своего. и не трепетати словесъ его и не творити волю его» и проч. Въ Злат. Чепи, говоря о томъ, что на Святую недѣлю не слѣдуетъ предаваться невоздержанію въ ѣдѣ и питіи, ораторъ присовокупляетъ: «та бо есть недѣля одинъ день. егда Христосъ въскреслъ тогда слнце стояло не заходя всю ту недѣлю. тѣмже вѣрніи чисто держать недѣлю ту. а намъ было поминающе грѣхы своя великія и многая безаконья. яже створимь предъ творцемь своимь и господем. ни головы было не въсклanивати бьюче челомъ ни очью было осушивати проливаюче пред нимь слезы своя. и стенюще и скорбяще о неподобныхъ дѣлѣх своихъ» и проч. л. 99 об. Это мѣсто по художественному народному складу рѣчи, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ древне-русскаго краснорѣчія.

Для варіанта въ исчисленіи прегрѣшеній въ словѣ о постѣ (Правосл. Соб. стр. 165—6) приводимъ по Злат. Чепи изъ тогоже слова: «лжа сваръ величанье гордость немилосерье братоненавидѣнье(мь). зависть злоба, обида котора. гнѣвъ, възвышенье. лицемѣрье. непокореніе. преслушаніе. мьздоимьство хулв осуженье пьяньство. обьяденье. прелюбодѣйство. грабленье. насилье, непослушанье божественыхъ писаній преступленіе божіихъ заповѣдій. разбой чародѣйство волхованье, паузъ юшеніе кощюны. бѣсовьскыя пѣсни плясанье бубны сопѣли гусли пискове игранья неподобныя. русалья» л. 101 об. Въ Правосл. Собес. конецъ этого перечня значительно измѣненъ: «ноузъ ноношеніе. кощюны. идолъслуженіе. моленія кладезнаа и рѣчнаа. пѣени бѣсовьскыя. плесаніе. будни (чит. бубны) и сопѣли. козици. играцья бѣсовьскыя.» стр. 166. Вмѣсто *козица*, можетъ быть, въ другомъ словѣ Злат. Чепи, приписанномъ св. отцу Василію, тоже о постѣ и противъ пьянства и невоздержанья, упоминается *качица*: «се ангелу хранителю неотходное сблюденіе, сблюдающи насъ отъ всякоя козни сотонины. и отъ пакостныя качици и отъ проклятыя бѣса хороможителя.» л. 91 об. Сверхъ того это мѣсто важно для миѳологіи домоваго.

Мы уже привели изъ Злат. Чепи народное повѣрье о святой недѣлѣ. Въ словѣ о постѣ (въ Правосл. Собес. стр. 147) тоже самое читается съ немногими измѣненіями, только помѣщено на другомъ мѣстѣ. Гораздо подробнѣе объясняется это повѣрье въ Злат. Чепи, въ словѣ о воскресеньи: «Вѣдомож буди всѣм яко свѣтлая недѣля один день есть. въскръсшю ісусу отъ 6-го час нощи взиде слнце, и въшедъ стоя на въстоцѣ яко съ два дни на полудни же яко 3 дни, на вечери стоя яко съ 2 дни. и осмый день заиде. тѣмже и оттуду великый день тъ.» л. 69. Отсюда ясно, что это повѣрье соотвѣтствуетъ выраженію *великъ день*, которымъ въ старину назывался праздникъ свѣтлаго воскресенья.

Сверхъ того, въ словѣ о постѣ замѣчательны слѣдующія подробности:

О составѣ человѣческаго тѣла: «то помыслите и разгадайте. о своемъ тѣле чего в нашем тѣле нетуть. в нашем тѣлѣ огнь зима глисты черви. но все лежить недвигома бояся Бога не смѣя ни чтож створити тѣлу нашему: аще ли повелить Господь чему въстати еже в насъ недугъ то велику болѣзнь створить тѣлу нашему и смерть приводить Божиим повелѣніем.» стр. 154.

Ссылка на книгу Пчелу. стр 155.

Названіе Бога *прадѣдомъ* или *дѣдомъ*: «аще ли мя твориши прадѣдом или дѣдом себѣ. то чему мя не чтеши. якож добри унипы прадѣды и дѣды чтят.» стр. 157—8. Можетъ быть, это мѣсто не безполезно для объясненія формъ въ Словѣ о полку игоревѣ: *Стрибожи внуци, дажьбожь внукъ*.

Два слова Серапіона (іюль) отличаются тѣмъ же высокимъ краснорѣчіемъ, тоюже искренностью чувства, какъ и другія его произведенія, уже извѣстныя ученой публикѣ. Но особенно замѣчательно второе слово подъ названіемъ: *о мятежи житія сего*, начинающееся слѣдующими энергическими словами: «Уже наводит ны время на дѣло вѣчнаго живота. и неразоримыя славы. сїю бо жизнь пріемлеть смерть. а славу постигают студи.» (стр. 181.) Въ страшную годину погромовъ татарскихъ, обращая души своихъ слушателей къ будущей, вѣчной жизни, ораторъ высказываетъ имъ много горькихъ истинъ, въ яркихъ картинахъ, характеризующихъ грубость и звѣрство общественныхъ нравовъ сѣверо-восточной Руси XIII вѣка. «Мнози преже бо года (то есть преждевременно) от вельможь въ песъ мѣсто во адъ сведени быша.... и ничто же мѣсть извѣсто в человѣцѣхъ. но вся сут стропотна суть: но иному землю изхвати. а инъ имѣніе отъят. и того село слыщавше. а домъ много

нынѣ есть. друзіи же имѣніа не насыщешася. и свободныа сирота порабощают и продают.... ничто правды нѣст в миру. чада бесчествуют родителя своя. а отцы своих дѣтей отмещются. а мужи от своихъ женъ блудут.... богатство (Богъ) намъ далъ ест. да от него неимущимъ подамы и убогимъ. мы же обидимъ еще сирот. и вдовам насилуемъ. и убогых отъимаем. области намъ поручилъ ест. да быхомъ обидимыя избавляли. мы же обидимъ. а праваго по мьздѣ винимъ» (стр. 481—483). Вотъ правдивая картина той благословенной Руси, въ которой сентиментальные чтители всякой русской старины видятъ идеалы для будущаго процвѣтанія нашего отечества! Никакой самый отъявленный западникъ, въ родѣ Котошихина, не выразилъ бы въ такой энергической краткости все гнусное, чѣмъ страдала древняя Русь: а между тѣмъ, безъ сомнѣнія Серапіонъ любилъ свое отечество не хуже всякаго славянофила; потому что только глубокая, искренняя любовь могла вдохновить такое высокое краснорѣчіе.

Изъ двухъ словъ *о денно-нощной молитвѣ* (Августъ), первое, подъ заглавіемъ: *слово отъ видѣніа Павла апостола*, такъ замѣчательно въ художественномъ отношеніи, что можетъ быть поставлено наравнѣ со всѣмъ, что̀ прекраснаго сохранилось намъ въ русской старинѣ и народной поэзіи. Если приведенное нами слово Серапіона заслуживаетъ почетнаго мѣста въ исторіи русской литературы по искренности и глубинѣ чувства и по энергической характеристикѣ эпохи, то это слово особенно замѣчательно по стилю древне-христіанской поэзіи, принявшей игривыя формы подъ вліяніемъ народной фантазіи.

Природа въ главныхъ своихъ представителяхъ обращается къ Творцу съ жалобою на человѣка: «Вся тварь велѣнію божію повинуется, только люди преступаютъ заповѣдь божію. Солнце много разъ молилось Богу, говоря: Господи вседержителю! доколѣ будешь терпѣть неправды человѣческія и многія беззаконія? Повели, Господи, да сожгу ихъ всѣхъ, чтобъ зла не творили. И гласъ ему былъ отъ Господа: все это знаю и видитъ око мое, но терплю имъ, покаянія ради до времени: еслиже не покаются, тогда буду судить имъ. Мѣсяцъ и звѣзды молились Богу, говоря: намъ, Господи, далъ ты область свѣтить ночью: доколѣ будемъ смотрѣть мы на беззаконный блудъ и давленіе дѣтей и на разбой и татьбу? Повели намъ, да погубимъ злотворящихъ людей! И былъ имъ гласъ отъ Господа: все видитъ око мое, но чаю обращенія ихъ; если же не покаются, буду судить ихъ. И море и рѣки вопіяли, молясь Богу: скажи намъ, Господи, да потопимъ злыхъ людей, которые, по насъ плавая, разбоемъ

промышляютъ и творятъ зло. И былъ къ нимъ гласъ отъ Господа: все то я видѣлъ; но если не покаются, буду судить ихъ. И земля возопила, жалуясь на людей: я, Господи, больше другихъ тварей осуждена. Не могу терпѣть блуда, разбоя, татьбы и волхвованія, клеветы и прочихъ злобъ, какъ сынъ досаду родителямъ творитъ, а дочь матери и братъ брату: многія неправды люди творятъ. Повели мнѣ, Господи, да не проращу всѣяннаго за злобы ихъ: пусть изомрутъ голодомъ. И былъ ей гласъ: все это я видѣлъ, и ничто отъ меня не утаится: все обнажено предъ очами моими. Если не покаются, буду судить ихъ.»

Издатели Правосл. Собес. совершенно справедливо сближаютъ это мѣсто съ извѣстнымъ народнымъ стихомъ, подъ названіемъ *Плачь земли*, помѣщеннымъ у Кирѣевскаго въ собраніи народныхъ стиховъ подъ № 30 (Чтен. общ. истор. и древн. 1848 г. № 9). Такіе факты въ высшей степени важны для исторіи древне-русскаго краснорѣчія, потому что указываютъ на живую связь его съ народною поэзіею.

Не менѣе важна для исторія христіанской поэзіи и вторая половина слова. Въ граціозныхъ изображеніяхъ живописуетъ она ежедневныя заботы ангеловъ хранителей о душевномъ спасеніи ввѣренныхъ имъ людей. «Когда солнце заходитъ, всѣ людскіе ангелы идутъ къ Богу поклониться, на небо восходятъ и приносятъ дѣла человѣческія, добрыя и злыя. Богобоязливаго человѣка ангелъ, радуясь, идетъ къ Богу на поклоненіе, а злаго человѣка ангелъ, плача, идетъ къ Богу и говоритъ: Господи вседержителю! повели мнѣ, да не буду съ этимъ злымъ и грѣшнымъ человѣкомъ! только имя твое нарицаетъ, а угождаетъ плоти, грѣхи къ грѣхамъ прилагаючи, и ни единой молитвы не творитъ отъ сердца ни днемъ, ни ночью, и на подаяніе согбенны руки его: только собираетъ, а не подаетъ. И говоритъ Господь: не оставляйте и тѣхъ: можетъ, и тѣ примутъ покаяніе, и если не покаются и придутъ ко мнѣ, тогда буду судить ихъ. Также и утромъ въ первый часъ дня ангелы людскіе приходятъ на поклоненіе Богу, давая отвѣтъ о людяхъ, что̀ въ ночи сотворили.»

Слово заключается увѣщаніемъ о необходимости денной и ночной молитвы: «нощь бо на двое разлучена. тѣлу на упокой. и души на спасеніе.» Это послѣднее изреченіе, въ видѣ пословицы, приводится и въ слѣдующемъ за тѣмъ словѣ, и въ нѣкоторыхъ другихъ.

Вторая половина слова есть дальнѣйшее развитіе поэтическаго мотива первой. Вмѣсто солнца, земли и другихъ тварей жалуется на грѣхи людей самъ ангелъ хранитель. Но и здѣсь является Господь съ тою же неизреченною своею благостію и долготерпѣніемъ.

Ѳеодосія печерскаго *поученіе объ умѣренности въ застольномъ питьѣ* (Октябрь), къ изданному въ Ученыхъ Запискахъ Академіи наукъ (кн. 2, вып. 2, 1856 г.) прибавляетъ одно замѣчательное мѣсто, дающее новую черту для поэтической характеристики ангела хранителя. Это мѣсто начинается рифмованною пословицею: «*обѣдъ поставится, Христосъ Богъ славится*. и сѣсти пити лѣпо есть. А обѣдая, пустошнаго не говорить, воспоминая видѣніе Нифонта, какъ онъ видѣлъ нѣкотораго человѣка, съ женою и дѣтьми обѣдающаго. Передъ ними стояли нѣкіе въ прекрасныхъ ризахъ, числомъ столько же, сколько ихъ обѣдало. И чудился тому Нифонтъ и молилъ Бога, да проявитъ ему, что знаменуетъ то видѣніе. Обѣдавшіе были люди убогіе, а стояли передъ ними въ чистыхъ ризахъ. И открылъ ему Богъ, что стоявшіе были ангелы. Никогда они не отходятъ, соблюдая вѣрныхъ. А если начнется смѣхъ или кощунство, и клевета и осужденье, то ангелы отходятъ, и бѣсъ, пришедши, насѣваетъ зло. Того ради удерживайтесь отъ подобныхъ рѣчей во время обѣда». Это мѣсто издатели сближаютъ съ наставленіемъ въ XI главѣ Домостроя.

Поученія о благоустройствѣ семейной жизни (Декабрь) чрезвычайно любопытны и важны для исторіи древне-русской семьи. Въ первомъ поученіи, приписанномъ Василію кесарійскому, авторъ самыми черными красками изображаетъ интересныя семейныя сцены, какъ, въ древней Руси, жены обманываютъ своихъ умирающихъ мужей. Если благочестивый ораторъ нашелъ полезнымъ сказать объ этомъ предметѣ цѣлое поученіе; то, вѣроятно, подобныя сцены повторялись часто. Строгій наставникъ безусловно винитъ женъ, цинически увѣряя: «увѣждьте, *яко мало есть женъ добрыхъ*. иже Бога боятся. своего не премѣнятъ слова. и азъ бо видокъ многымъ женамъ. предо мною обѣтъ положише пострищися. и ти мужи яша вѣру женамъ. не явиша имѣнія дѣтемъ предъ послухи. тако жены тѣ не постригошася. но замужь идоша. и дѣтемъ ничтоже даша. и тако посмѣяшася ты жены. *И сего оке мною.* Аще боленъ мужь раздаяти хощетъ спасенія ради души. жена же плачющи глаголетъ. а мнѣ что ясти постригшися по тобѣ. Онъ же мыслитъ. се ми задушья (т. е. помилъ по душѣ) готово. пострижется по мнѣ жена. она же лукавая замужь идетъ. Ни души не будетъ и ни дѣтемъ (стяжанія). Того ради седмь послуховъ добро. и яви дѣтемъ имѣніе» (Стр. 510 — 511).

Къ какой эпохѣ относятся эти семейные нравы, сказать трудно. По крайней мѣрѣ соловецкая рукопись, откуда взято поученіе, принадлежитъ къ XV или къ началу XVI вѣка. Сомнѣваться въ приводимыхъ здѣсь фактахъ не возможно. Правдивый ораторъ говоритъ,

что онъ самъ много видѣлъ такихъ женъ, самъ былъ свидѣтелемъ и, вѣроятно, посредникомъ въ описываемыхъ имъ семейныхъ сценахъ: *сего же* бываетъ *много* — говоритъ онъ.

И такъ, печальный фактъ существовалъ. *Бывало много*, то есть, случалось часто въ древней Руси, что русская семья представляла явленія совершенно противоположныя тѣмъ, какія въ ней хотѣлось бы видѣть безусловнымъ чтителямъ русской старины.

Не имѣя причинъ не довѣрять правдивому оратору, мы думаемъ однако, что онъ не совсѣмъ правъ, всю вину возлагая на однихъ только женъ. Мы думаемъ, что не малою причиной такихъ грустныхъ явленій въ древне-русской семьѣ былъ грубый деспотизмъ мужа, который не только при жизни своей отнималъ всякую свободу у жены, требовалъ отъ жены безусловной покорности и раболѣпства, но и по смерти своей ревниво сберегалъ ее въ монастырѣ для молитвы за упокой его души. Онъ и по смерти своей разсчетливо располагалъ свободою своей жены, все въ свою же пользу.

И вотъ деспотическое корыстолюбіе мужа, и живаго и мертваго, естественно вызывало со стороны жены противодѣйствіе: привыкшая къ обману отъ постояннаго раболѣпія, болѣе боявшаяся, нежели любившая своего мужа, она и при смертномъ одрѣ его, тоже обманывала, клянясь, что, и по смерти его, будетъ также раболѣпно служить спасенію его души, какъ при жизни служила его сластолюбію. Одно только бросаетъ мрачную тѣнь на этотъ полюбовный раздѣлъ раболѣпія жены съ детпотизмомъ мужа — это корыстолюбивая причина грустныхъ семейныхъ сценъ, совершавшихся при смертномъ одрѣ. Все дѣло состояло въ мужнинномъ наслѣдствѣ, и очень часто обманъ жены дорого обходился ея собственнымъ дѣтямъ, сиротамъ отъ перваго мужа, когда она въ другой разъ выходила замужъ.

Въ предупрежденіе женнинымъ обманамъ, благочестивый ораторъ рекомендуетъ слѣдующее средство: «часть отъ имѣнія Богови отлучай. а прочее при животѣ дѣтемъ яви имѣніе предъ послухи. а женинымъ льстемъ не ими вѣры. мнози бо лукави суть жены. *того ради се писано есть*. аще бо предъ послухи не явиши имѣнія дѣтемъ. жена твоя утаивши имѣніе замужь пойдетъ. не будетъ ни тебѣ памяти. ни дѣтемъ твоего стяжанія. Того ради яви дѣтемъ имѣнія предъ послухи. *мнози бо суть жены*. егда въ болѣзни мужь будетъ. хощетъ даяти Бога ради имѣнія. жена же плачетъ умильно лжевидя. дабы мужъ не раздавалъ имѣнія. Ротитъ бо ся много и глаголетъ. сѣсти по тобѣ хощу (т. е. остаться вдовою). или постригуся. но не исполняютъ того многи жены. того бо ради блюдите своего житія. да не изоставивши замужъ идетъ жена. (Стр. 509 — 510).

Впрочемъ, каковы бы ни были семейные нравы древне-русской

семьи, но уже и подобныя поученія, — можетъ быть, тоже не чуждыя корыстолюбивой надежды оттягать часть наслѣдства покойника въ ущербъ благосостоянію вдовы, но во всякомъ случаѣ, поученія, оскорбительныя для русской женщины, — не мало способствовали къ ея общественному униженію и нравственному паденью, потому что что ее безславили и унижали даже въ собственныхъ глазахъ ея. Впрочемъ справедливость требуетъ замѣтить, что самъ авторъ нашелъ нужнымъ выгородить изъ своей филиппики добрую жену: «се написано есть и рѣчено злыхъ ради женъ и лукавыхъ. а добрая жена и по смерти мужа своего спасетъ. и при животѣ мужа своего все добро творятъ и мужа своего *яко Бога чтитъ*». Можетъ быть, нѣкоторые замѣтятъ, что въ этомъ самомъ не христіанскомъ и не естественномъ чествованіи мужа, *яко Бога*, заключается уже ложный взглядъ древне-русскихъ писателей и на семейное благополучіе и на взаимныя отношенія мужа и жены.

Второе поученіе, помѣщенное въ декабрьской книжкѣ Правосл. Собес., направлено противъ неправильнаго взгляда на монашескую жизнь. Оно замѣчательно тѣмъ, что не только по мыслямъ, но и по способу выраженья напоминаетъ просвѣщенныя убѣжденія Каллистрата Осорьина, автора житія его матери, Юліаніи Лазаревской[1]).

Вотъ сходныя мѣста изъ поученія: «аще ли кто нищеты ради отходитъ въ монастырь. или дѣтей не могый кормити. отбѣгаетъ ихъ не мога печаловатися ими. то уже не Божія дѣля любве отходитъ таковый. ни потрудитися Богу хощетъ. но чреву си угодіе творитъ. отбѣгая нороженія своего. таковый вѣры ся отмещетъ и есть поганаго горши.... дѣти бо оставленныя имъ голодомъ измираютъ и зимою изнемагаютъ. боси и нази плачутъ. люте кленуще глаголютъ. почто насъ роди отецъ нашъ и мати наша. остави бо ны въ велице бедѣ и въ велице страсти быти. аще бо ны братіе повелѣно чужи сироты кормити и не презрѣти ихъ. кольми паче своихъ не оставляти. вездѣ бо ны пріиметъ Богъ прямо живущая по закону. а не спасутъ насъ черныя ризы. аще въ лѣности начнемъ жити. ни губятъ же бѣлыя. аще творимъ Божія заповѣди.... Не чернцемъ бо речено есть. нагъ быхъ и не облекосте мене странемъ и не введосте мене. что же ли черицы дадятъ. и сами отъ иныхъ пріемлютъ милостыню. ни къ пустынникамъ речено есть. въ темнице быхъ не пріидосте ко мнѣ. но вся та речена Христомъ живущихъ деля въ міру семъ. да спасени будемъ о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ». (стр. 512 — 513).

Ѳ. Буслаевъ.

---

[1]) Смотр. *Идеальные женскіе типы древней Руси*, въ Русск. Вѣстн. за 1858 г.

Zeitschrift für deutsches Alterthum herausgegeben von Moritz Haupt.

ELFTEN BANDES ZWEITES HEFT. BERLIN 1858.

Новая книжка гауптова журнала заключаетъ нѣсколько новыхъ данныхъ для исторіи литературы и древностей.

Прежде всего нельзя не остановиться на статьѣ Ригера «Ingävonen, Istävonen, Herminonen.» Это одна изъ многочисленныхъ варіацій на тему исторической идилліи Тацита, которыми такъ щеголяетъ новѣйшая нѣмецкая наука. Для славянской этнографіи трудъ Тацита также важенъ во многихъ отношеніяхъ. Самое заглавіе статьи Ригера указываетъ, какое свидѣтельство Тацита авторъ имѣлъ въ виду. Оно находится во второй главѣ «Германіи»: «Они (т. е. Германцы) славятъ въ древнихъ пѣсняхъ—а у нихъ пѣсни—и лѣтопись и всякое памятованіе — бога Туиско, рожденнаго отъ земли, и сына Манна, начальниковъ и основателей рода. Манну даютъ трехъ сыновей, по именамъ которыхъ тѣ, что̀ поближе къ океану, зовутся Ингевонами, что̀ въ срединѣ — Герминонами, а остальные Истевонами». Мы имѣемъ дѣло здѣсь съ однимъ изъ самыхъ распространенныхъ антропогоническихъ миѳовъ. Вопросы о началахъ и причинахъ не привязаны къ извѣстному вѣку и народу: они являются, гдѣ только есть сознаніе, гдѣ есть мысль; только на первыхъ порахъ эти вопросы сказываются не какъ ясное положительное требованье ума: а какъ смутное поэтическое гаданіе. Жизнь, опытъ не даютъ этому гаданію отвѣта, и оно наивно успокоивается въ своихъ скептическихъ порывахъ на мысли о высшей, не человѣческой силѣ, которая всѣмъ движетъ и управляетъ, и на ея счетъ относитъ все необъяснимое, чему другаго начала не можетъ дать человѣческій умъ. Такимъ путемъ слагается въ средѣ первобытнаго народа представленіе о созданіи міра. Къ разряду такихъ представленій относится и древнее пре-

даніе о земнородномъ богѣ Туиско. Въ этомъ преданьи выразились гаданія нѣмецкаго народа о своихъ до-историческихъ зачалахъ. Позднѣйшее до-историческое развитіе вызвало племенныя особности въ этомъ народѣ, а ихъ намѣтили отличіе общественнаго быта и религіознаго процесса. Явились Ингевоны, Истевоны, Герминоны. — Сознаніе національнаго единства, поглощавшее частности и разницы, продолжало сказываться общимъ преданіемъ объ общемъ прародителѣ; отдѣльныя племена возводили свое начало къ Туиско и сыну его Манну. У Манна, говорили, было три сына, отъ нихъ пошли нѣмецкія племена, названныя по ихъ имени. Отъ божественной иниціативы къ людскому дѣлу нѣтъ непосредственнаго перехода, досужая сага сознала это и наполнила переходную почву существами, въ которыхъ соединялись въ равной мѣрѣ божеское и человѣческое. Съ этой точки зрѣнія нужно смотрѣть на трехъ миѳическихъ сыновей Манна: это герои, въ лицѣ которыхъ древнія племена явили свои идеалы, преимущественно свои религіозные идеалы, потому что древняя жизнь вся отдана религіозному творчеству. Въ этомъ смыслѣ уже Гриммъ въ Нѣмецкой Миѳологіи первыя страницы главы о герояхъ посвятилъ именамъ Ingo, Isco и Hermino, которыя онъ вывелъ, опираясь на тацитовское извѣстіе, изъ соотвѣтствующихъ народныхъ названій (Гриммъ пишетъ Iscaevones). Изслѣдованіе и сравненіе, всегда основанное на фактѣ, позволило доискаться до миѳическаго смысла именъ Ingo и Hermino, привязать ихъ довольно опредѣленнымъ образомъ къ двумъ господствующимъ культамъ. Стоило сличить Ingo сь Ing, Ingvi, а въ Hermino предположить лишнюю придыхательную (H-ermino, Irmin), чтобы очутиться на почвѣ народнаго преданья, гдѣ за матеріалами дѣла не стало. При третьемъ имени дѣло раскрытія пошло не такъ успѣшно: нужно было ограничиться одними предположеніями. Но и здѣсь основныя мысли Гримма остались одни и тѣже: въ имени должна лежать миѳическая сила. Ригеръ берется за ту же задачу и дѣлаетъ ее предметомъ спеціальнаго изысканія. Но его кругозоръ шире: помимо миѳологической стороны, которая вся отдана личностямъ темныхъ представителей нѣмецкихъ племенъ, мы отличаемъ въ ней стремленіе географически пріурочить названія Ингевоновъ, Истевоновъ etc. къ мѣстностямъ Германіи и ея позднѣйшимъ народностямъ. Погромы эпохи народныхъ переселеній не такой бѣдой пронеслись, чтобы измѣнить и переломать все былое и на старыхъ порядкахъ насадить новые. Главная масса племенъ между Рейномъ и Эльбою осталась внѣ общаго переворота, западный край тоже. Также и мѣстности мало перемѣнились населеньемъ: надѣлъ земли остался тотъ-же въ главныхъ чертахъ, подалис

только границы въ ту или другую сторону. Таковы результаты гриммовой Исторія нѣмецкаго языка. Слѣдуя Гримму, Ригеръ идетъ увѣренно и показанія Тацита и Плинія прямо наноситъ на новую карту. Частные выводы, какіе поставляются на видъ, только подтверждаютъ выводы Гримма, на которыхъ они въ свою очередь основываются. Плиній (Hist. Nat. l. IV) насчитываетъ въ Германіи пять главныхъ народовъ: Vindili, Ingevones, Istaevones, Herminones, Peucini. Какъ видно тацитовскія племена — занимаютъ средину въ плиніевской этнографіи Германіи; присоединены Vindili, (Tac. Vandilii) и Peucini. Ни то, ни другое показаніе нисколько не противорѣчатъ другъ другу: Тацитъ пересказываетъ древній миѳъ, Плиній описываетъ современное ему состояніе германскихъ областей. Въ его время древняя народная тріада уже не наполняла собой всей страны, которой предѣлы раздвинулись противъ прежняго; Vindili и Peucini должны были явиться для полноты географическаго обзора.

Всего легче опредѣлить, кто такой былъ въ потомствѣ Манна народъ Истевоны. Одно краснорѣчивое умолчанье Тацита, одно косвенное свидѣтельство, исчисленіе потомковъ Istio во франкской народной росписи у Пертца — все заставляетъ заключать, что подъ Истевонами надобно разумѣть позднѣйшихъ Франковъ, и что сидѣли они на Рейнѣ. Ригеръ не объясняетъ миѳологическаго значенія имени. Гриммъ пишетъ Iscaevones, защищая свою редакцію свидѣтельствомъ памятниковъ: отсюда у него возможность вывесть для начальника рода имя Isco и сличить съ сѣвернымъ Askr — названіе первозданнаго человѣка, такъ же съ Eskja — земля Sn. 220 в. Такую этимологію подтверждаетъ приведенный выше миѳъ о богѣ Туиско. Цейссъ держится другаго правописанія, — Istaevones и разумѣется даетъ слову другое начало. Гриммъ берется согласить обѣ орѳографіи: въ языкѣ Римлянъ согласная с часто переходила въ t: болѣе правильное Iscaevo могло звучать, какъ Istaevo, подобно тому, какъ вмѣсто viscula произносилось vistula.

Герминоновъ Тацитъ ставитъ въ срединѣ между двумя другими народностями: medii Herminones. Плиній зоветъ ихъ прямо средиземными, mediterranei, и подводитъ подъ общее племенное названіе имена Свевовъ, Гермундуровъ, Хаттовъ и Херусковъ. По свидѣтельству Тацита, Цезаря и другихъ римскихъ историковъ послѣдующаго времени Хатты и Гермундуры были тѣже Свевы; слѣдовательно вопросъ, къ какому народу пріурочить общее имя Герминоновъ, придется рѣшать между двумя племенами Свевовъ и Херусковъ. Ригеръ рѣшаетъ въ пользу послѣднихъ. За нихъ стоятъ свидѣтельства языка мѣстности, памятниковъ. Извѣстно, что въ позднѣйшую, истори-

ческую эпоху имя Херусковъ уступило новому прозвищу Саксовъ: въ Саксоніи большая часть мѣстностей напоминаетъ народъ Герминоновъ и родоначальника ихъ Hermino, Ирмина. Еще по сю пору народный говоръ и пѣсни твердятъ тамъ про Герма, воинственнаго бога: «пусть придетъ и затѣетъ воинственную игру, заставитъ звучать струны и бубны; недругъ приближается съ молотами и дреколіемъ и хочетъ повѣсить Герма». По свидѣтельству Видукинда (1, 12) Саксы занявши турингскій замокъ Scithingi, поставили въ нёмъ столбъ своему богу Ирмину. Дитмаръ мерзебургскій (Pertz 5, 744) разсказываетъ, что по взятіи Эресбурга Танкмаръ принужденъ былъ скрыться въ тамошней церкви св. Петра, «ubi prius ab antiquis Irminsul colebatur». Смыслъ этому извѣстію даетъ схолія изъ Корвейской лѣтописи подъ 1145 г. По этому свидѣтельству въ Эресбургѣ поклонялись двумъ идоламъ: «Aris, qui urbis meniis insertus quasi dominator dominantium, et Ermis, qui et Mercurius, mercimoniis insistentibus colebatur in forensilibus». Незадолго передъ тѣмъ таже схолія произвела названіе Эресбурга отъ Arispolis, которое будто далъ ему Цезарь «ab eo qui Aris Greca designatione ac Mars ipse dictus est Latino famine». Если взять въ разсчетъ это словопроизводство, то Aris явится латинской транскрипціей нѣмецкаго Eru или Heru, бога меча, отъ котораго Херуски вели свое имя. Тогда Гермеса, qui et Mercurius, остается замѣнить Ирминомъ, руководясь обычаемъ Видукинда считать Hirmin и Hermes за одно слово. Одногласное свидѣтельство памятниковъ, постоянно указывающихъ на личность бога и служеніе этому богу, приводитъ Ригера къ воззрѣнію, расходящемуся съ взглядомъ Гримма: въ Irminsul, которую Карлъ разрушилъ въ Осиингѣ, онъ видитъ не universalis columna Рудольфа фульдскаго, а столбъ поставленный богу Ирмину, Irmines sul. Значеніе мироваго столба Irminsul получилъ не въ средѣ народа, чтившаго Ирмина, какъ бога, но въ представленіи другихъ родственныхъ племенъ, не знавшихъ его; а у нихъ такого рода понятіе могло развиться въ связи съ отвлеченнымъ смысломъ, какой позднѣе сообщился слову Irmin.

Впрочемъ Ригеръ сходится съ Гриммомъ въ признаніи за Ирминомъ одиническаго характера, одиническихъ свойствъ. Къ той-же божественной личности сводитъ онъ вмѣстѣ съ Гриммомъ всѣ тацитовскія показанія о германскомъ Геркулесѣ, о silva Herculi sacra, о Herculis columnis и т. п.

И такъ за Херусками — Саксами должно утвердить положительнымъ образомъ названіе тацитовскихъ Герминоновъ. Въ ихъ предѣлахъ всего сильнѣе сохранилась память о богѣ Ирминѣ, а извѣстія

римскаго историка не даетъ намъ права отдѣлять имя эпонима отъ имени народа. Куда дѣвать теперь пиніевыхъ Свевовъ? Какъ они попали въ его исчисленіе германскихъ племенъ? Ригоръ видитъ одинъ выходъ изъ затрудненія, одинъ отвѣтъ: миѳическая система народовъ, которую Тацитъ подслушалъ у древней пѣсни, не обнимала ни Свевовъ, ни готскіе народы. Она развилась между западными нижне-нѣмецкими племенами, какъ выраженіе ихъ внутренняго, тѣснаго единства. Плиній распространилъ ее на всю Германію. Слышалъ онъ, что Герминоны тамъ срединные народы—а это нужно было понимать такъ, что срединныя въ ея западной части: онъ сдѣлалъ ихъ срединнымъ племенемъ всей страны и, чтобъ быть послѣдовательнымъ, присоединилъ къ нимъ и Свевовъ, которые лежали далѣе къ востоку. Также и для готскихъ племенъ онъ придумалъ особый отдѣлъ и поставилъ его порознь отъ Свевовъ.

Вопросъ объ Ингевонахъ гораздо запутаннѣе и труднѣе поддается разрѣшенію, за то даетъ нѣсколько замѣчательныхъ выводовъ для этнографіи и миѳологіи и прежде всего для этнографіи миѳологіи. У Плинія подъ рубрикой Ingaevones читаемъ: quorum pars Cimbri, Teutones et Chaucorum gentes. Если Гриммъ въ правѣ пріурочать Кимвровъ и Тевтоновъ къ именамъ Штормарновъ и Дитмаршей, то оба народа саксонскаго племени, и поводъ назвать ихъ Ингевонами такойже, какой Свевовъ подвести подъ родовое обозначеніе Герминоновъ. Какъ и тамъ Плиній приложилъ тацитовское извѣстіе ко всей Германіи, proximi oceano ко всему поморью: Кимвры и Тевтоны вошли въ его систему, какъ обитатели залабской области. За тѣмъ остаются въ свидѣтельствѣ пиніевой исторіи одни Chaucorum gentes — за ними названіе третьяго изъ тацитовскихъ племенъ. Но имя Хавковъ исчезаетъ рано: сильное въ первомъ вѣкѣ по Р. Х., оно глохнетъ и уступаетъ мѣсто новому — Фризовъ. Какъ произошла эта смѣна? За борьбу между туземцемъ и инородцемъ ничто не свидѣтельствуетъ, и если есть на то намеки, то они опровергаются своимъ несогласіемъ съ результатами прошлаго разысканія. Также ничто не говоритъ въ пользу того, чтобъ одно племя потѣснило другое и заняло его осѣдлости. Напротивъ выставляется рядъ свидѣтельствъ, тѣсно и родственно связывающихъ Фризовъ съ Хавками. Прежде всего сказанія англосаксонской поэзіи, въ которыхъ народъ Haugas (Hauhai — Chauci) является частью фризскаго населенія, потомъ мѣстныя прозванія. Можетъ быть Chaucorum gentes было особое обозначеніе для большей и знатнѣйшей части народа Фризовъ (Chauci.... populus inter Germanos nobilissimus. Tac. Germ. 35), которое впослѣдствіи заслонилось племеннымъ. Цейссъ идетъ еще далѣе

и дѣлаетъ такое предположеніе, опираясь на нѣсколько стиховъ Клавдіана: «имя Хавковъ, говоритъ онъ, было нѣкогда гораздо обширнѣе, обнимало собою имя Фризовъ и позднѣе въ свою очередь перешло въ него, стало имъ прикрываться.» Какъ-бы то ни было, все сходится къ тому, чтобъ отождествить оба народа, связать ихъ родственною связью. Тому не противорѣчатъ ни Видукиндъ, ни кведлинбургскій лѣтописецъ, ни указанія въ родѣ omnes Franci Hugones vocabantur — Hugones будто Хавки? Мы за тѣмъ только и отмѣтили это противорѣчащее извѣстіе, отводящее Хавковъ къ Франкамъ, что основывается оно между прочимъ на сличеніи мѣстнаго Hunesga съ именемъ Hun, встрѣчающимся у франкскихъ Хаттуаріевъ. По этому поводу авторъ замѣчаетъ, что оно попадается и на саксонской почвѣ, что вѣроятно способствовало къ освоенію саги объ Эцелѣ гуннскомъ, королѣ Нибелунговъ. Еще съ другой стороны племенная особность Фризовъ и Хавковъ затемнена обычаемъ римскихъ писателей обозначать ихъ общимъ названіемъ Саксовъ. Но и здѣсь дѣло разрѣшается очень просто: подъ тѣми Саксами необходимо разумѣть нордальбингенскихъ, которые рано сдѣлались извѣстны морскими разбоями и своей славой затмили сосѣднихъ поморскихъ инородцевъ. Хотѣли-ль говорить о поморьи — говорили о Саксахъ. Тутъ все въ способѣ выраженія римскихъ писателей.

И такъ Хавки Плинія, позднѣйшіе Фризы, — одно и то-же племя, отличное отъ Франковъ и Саксовъ. Къ нимъ можно присоединить еще Авіоновъ Тацита въ сѣверной Фрисландіи, которыхъ Саксонъ считаетъ колоніею южныхъ Фризовъ. Надъ всѣмъ этимъ римскіе писатели ставятъ имя Ингевоновъ. Гдѣ-же указанія на него? На самой мѣстности нѣтъ ни одного, нѣтъ и такого, которое-бы относилось къ мѣсту, кромѣ одного сомнительнаго указанія въ Беовульфѣ. За то чѣмъ далѣе къ сѣверо-востоку, тѣмъ крупнѣе слѣды Ингевоновъ, тѣмъ болѣе именъ напоминающихъ и народъ и его эпонима. Въ Беовульфѣ Ingvine или Inguinas зовутся Датчане. Въ одной старой рунической пѣснѣ разсказывается, какъ Ing пребываетъ сначала у восточныхъ Датчанъ, потомъ отправился на востокъ чрезъ море, а за нимъ покатилась его колесница. Въ Инглингасагѣ Фрейръ носитъ еще другое имя — Ingvi; или то и другое названіе сливаются въ одно и выходитъ Ингрифрейръ. Ему поклонялись въ Упсалѣ; отъ него пошло поколѣніе Инглинговъ. Это невольно напоминаетъ намъ Ingvinas Беовульфа. Если сличить съ этимъ, что датская Hleidhra также извѣстна была служеніемъ Frodhi — Фрейру, что та же Инглингасага говоритъ о бѣгствѣ боговъ изъ Фіоніи въ Швецію, гдѣ Фрейръ учреждаетъ свой культъ — то загадки древней руны разрѣ-

маются сами собой. Странствующій Ингъ принимаетъ черты скандинавскаго бога и миеическое значеніе родоначальника Ингевоновъ выходитъ на свѣтъ: Irmin связанъ съ Одиномъ; такъ Ингъ является повтореніемъ Фрейра. Вмѣстѣ съ тѣмъ и границы Ингевоновъ раздвигаются шире слѣдомъ за переселеніемъ имени и культа: подались отъ Даніи къ сѣверу, захватили Скандинавію. Все говоритъ за болѣе обширное значеніе народнаго прозвища. Такъ думаетъ и Мункъ въ своей Исторіи Норвегіи, прилагая Ингевоновъ римскихъ писателей ко всему народному семейству Готовъ, возводя культъ Hleidhr'ы къ готскому началу. У Саксона (1, стр. 124) въ самомъ дѣлѣ встрѣчаемъ Unguinus Gothonsium rex. Unguinus стоитъ, разумѣется, вмѣсто Ynguinus. У этого короля есть дочь, которую женихъ ея силой отнимаетъ у соискателя исполина. Жениху два имени: Haldanus и Gram (Biergggrammus). Онъ то и дѣло бьется съ великанами молотомъ страшной величины и считался у Шведовъ сыномъ Тора. А дочь Унгвина звалась Сигрутой; у него есть и внука однозвучнаго имени, Сирита. Сиритой-же, какъ извѣстно, прозывали богиню Фрею. Такъ опять свелись незамѣтно Ингъ-Унгвинъ съ одной стороны и Фвейръ съ другой, на этотъ разъ въ своемъ женскомъ образѣ. Еще новое подтвержденіе связи, указанной выше.

Если обратиться назадъ къ главнымъ даннымъ вопроса объ Ингевонахъ, то они окажутся двоякаго рода: свидѣтельство Плинія упрочиваетъ это имя за Хавками—Фризами,—это одинъ выводъ; другой подслушанъ у пѣсни, руны, саги, древняго прозвища, и состоитъ въ томъ, что Ингевоны—сѣверные Готы. Двѣ народныя группы, нѣмецкая и скандинавская, стоятъ порознь и равно предъявляютъ свои права на то же обозначеніе. Одна возможность помирить ихъ: указать ихъ давнишнюю родовую связь, указать, что Фризы—тѣ же Готы и только позже стали на ту переходную степень, на которой они и мѣстомъ и языкомъ занимаютъ средину между Скандинавами и Саксами. Черты былаго тождества даются сами собою. Слѣды Геруловъ, древнихъ всельниковъ Даніи, встрѣчаются въ восточной Фрисландіи, доказаны созвучіемъ письменныхъ названій.—Родоначальникъ Датчанъ, отецъ Дана и Англа, у Саксона Humblus (patre Humblo procreati) повторяется въ Humli, эпонимѣ фризскихъ Гумблинговъ. Родство религіозныхъ представленій еще сильнѣе подтверждаетъ мысль о прежнемъ народномъ единствѣ. Мы видѣли, какъ въ средѣ Готовъ-Ингевоновъ имена Инга, Ингви, Унгвина стоятъ нераздѣльно съ судьбами Фрейерова культа.—Для Ингевоновъ-Фризовъ имѣются положительныя свидѣтельства о быломъ поклоненіи какому-то божеству въ родѣ женскаго Фрея. Шаде въ своемъ «Сказаніи о св. Урсулѣ» (стр. 114

и слѣд.) собралъ нѣкоторыя данныя для фризскаго Гельголанда, заставляющія предполагать, что тамъ поклонялись богинѣ, символомъ которой былъ корабль, какъ и у Фрейера, а сама она съ родни Нерисѣ или Изидѣ-Нехаленніи. Имя ей въ христіанской легендѣ, смѣнившей языческій миѳъ, — Урсула. Характеръ ея культа, сколько можно судить по мѣстнымъ повѣрьямъ и преданіямъ лѣтописи, напоминалъ въ общихъ чертахъ празднество богини Изиды, какъ описано оно въ хроникѣ трудонскаго аббатства (извѣстіе приведено у Гримма) шумнымъ сопровожденіемъ пѣсни, кликами и непристойной пляскою. Не то ли напоминаетъ и древняя сага на Гельголандѣ (у Шаде стр. 115), будто тамъ св. Урсула праздновала свадьбу своихъ сестеръ: какъ стукали они въ свадебной пляскѣ, такъ слѣды и остались на землѣ и узнать ихъ можно по темной травѣ, которой они поросли. А другое извѣстіе (почерпнутое изъ Неокора 2, 85) прибавляетъ знаменательную черту: когда одиннадцать тысячъ дѣвицъ пристали къ Гельголанду, тамошніе жители причинили имъ насиліе. Урсула посылаетъ попутный вѣтеръ какъ Niördr, отецъ Фрейера, и ей за то пьютъ во здравіе и въ честь (ср. Gertrudenminne, Rudlieb 2, 162: post poscit vinum Gerdrudis amore и т. п.). Все говоритъ о богинѣ благодушной, плодоносящей, плодотворной, на что указываетъ брачная обстановка ея сказанія. Всего больше обрисовываетъ эту послѣднюю сторону Урсулы — Нехаленніи одинъ древній обычай, разсказанный въ «Историко-политическихъ извѣстіяхъ о Шлезвигѣ и Гольштейнѣ» Камерера подъ 1699 годомъ. Сцена дѣйствія на Гельголандѣ, къ мѣстности котораго относятся всѣ легенды объ Урсулѣ: отсюда наше право отнести именно къ ней повѣствованіе Камерера, хотя въ самой повѣсти нѣтъ на то никакого указанія, кромѣ общаго фаллическаго (sit venia verbi) характера. Послѣ описанія домашней жизни Гельголандцевъ извѣстія слѣдуютъ потомъ такимъ образомъ (1, стр. 279): «diejenigen, so nicht in die Krüge von jungen Leuten gehn, pflegen des Sonntags öffentlich zu korteln, welches curtoisieren heissen soll, gehn zusammen auf den Klippen ins Korn oder in den Sanddünen, legen sich reihenweise von einander nieder und kriechen einander unter die Röcke. Von den Mannspersonen ist nichts zu sehen die Füsse, das übrige ist mit den Frauenskleidern bedeckt, dass man im Vorübergehen die Personen nicht erkennen kann. Das Frauenzimmer bedeckt zwar ihr Angesicht etwas, lässt sich aber doch wohl erkennen und entsieht sich endlich nicht gross dafür, dass sie vor andern mit zu korteln genöthiget. Dies ist das gemeinste Wesen, wenn die Heilgeländer eine Famel heirathen. Es ist auch nicht zu verwundern, wenn ein Paar eine Zeitlang gekortelt, dass sie wieder

changieren, bis der dritte Mann endlich dazu kommt und die Famel in den Wochen verlanget, alsdann hat das Korteln ein Ende und wird dem Kortler die Treppe verboten, bis er sich mit seiner Kortelfamel kopulieren lässt. Dieses ist eine hergebrachte Gewohnheit und hat der Prediger die Macht nicht solches zu steuern. Die Strafe, so vor der Obrigkeit darauf gesetzet, werden sie willig abtragen und einander behülflich sein das alte Herkommen zu behalten». И далѣе ibid. стр. 281: «wenn sie (женщины) ihren Schmuck anlegen, tragen sie grosse weite Röcke von Violetlaken mit einem Gürtel um den Leib, welcher mit Silber beschlagen und mit Steinen besetzt von allerhand Farben, die sie Kortelband nennen, und wenn dieser Kortelband losgemacht, sind die Röcke weit und gross genug, dass sie damit korteln können».

Обычай, какъ видно, чисто-миѳологическаго свойства, укорененный преданіемъ, которое языческій міръ передалъ въ завѣтъ міру новому, христіянскому. Иначе какъ объяснить себѣ эту упрямую жизненность, которой ни почемъ преслѣдованія свѣтской власти, ни укоры и проповѣдь духовенства. Мы погодимъ приравнивать его къ культу вавилонской Милитты, какъ то дѣлаетъ Ригеръ: видѣть въ обрядѣ какую то символическую замѣну древней жертвы дѣвственности — на то не станетъ ни данныхъ, ни доказательствъ. Но нѣтъ сомнѣнія что основная черта, миѳическая мысль и тамъ и здѣсь была одна: мысль о таинственной производительной силѣ земли, о силѣ, которою равно растетъ и дерево, родятся и растутъ людскія поколѣнія. Мы съ умысломъ остановились на гельголандскомъ преданіи и выписали его все сполна, потому что, какъ кажется, оно столько же принадлежитъ и славянской миѳологіи, сколько нѣмецкой.

Мы разумѣемъ здѣсь тѣ знаменательныя преданія славянскихъ племенъ, въ которыхъ говорится о неподобныхъ играхъ и скверныхъ пѣсняхъ и гуденіи струнномъ, сопровождавшемъ древнія народныя празднества. Свидѣтельство Густинской лѣтописи (Арх. комм. стр. 257) соединяетъ такого рода празднества съ поклоненіемъ Купалѣ-Ярилѣ. Тоже подтверждаетъ и посланіе Памфила къ псковскому намѣстнику: обряды Купалы, описанные въ этомъ посланіи, напоминаютъ разсказъ Трудонскаго лѣтописца: «егда бо пріидетъ праздникъ во святую нощь, мало не весь градъ возмятется и въ селѣхъ возбѣсятся въ бубны и въ сопели и гуденіемъ струннымъ, плесканіемъ и плясаніемъ, женамъ же и дѣвамъ и главами киваніемъ, и устнами ихъ непріязненъ кличь, воя скверныя пѣсни, и хребтомъ ихъ вихлянія, и ногамъ ихъ скаканіе и топтаніе, туже есть мужемъ и отрокомъ великое паденіе, туже и женское и дѣвичье шетаніе, блуд-

ное имъ возрѣніе, и женамъ мужатымъ оскверненіе, и дѣвамъ растлѣнія» и т. п. (Карамз. И. Г. Р. т. VII, пр. 372.) Не въ томъ ли смыслѣ слѣдуетъ объяснить и повѣсть Нестора о бѣсовскихъ игрищахъ, связанныхъ съ умыканіемъ женъ? (изд Арх. комм. стр. 6.) Сѣтуя о томъ, что даже по принятіи христіянской вѣры онѣ продолжали жить въ народѣ, онъ такъ говоритъ: «сими дьяволъ льстить, и другыми нравы, всяческымы лестьми, превабляя ны отъ Бога, трубами и скоморохы, гусльми и русальи. Видимъ бо игрища утолочена, и людій много множьство, яко упихати начнутъ другъ друга, позоры дѣюще отъ бѣса замышленаго дѣла». (изд. Арх. комм. стр. 73.) О подобныхъ религіозныхъ празднествахъ у Славянъ польскихъ упоминаетъ Длугошъ; за существованіе ихъ у Чеховъ и Славянъ балтійскихъ стоитъ Козьма пражскій, Гельмольдъ и жизнеописаніе св. Оттона.

Съ своей стороны укажемъ на аналогію одного малороссійскаго обычая: мы говоримъ о «досвиткахъ». Зимнею порою парубки и дѣвки собираются по вечерамъ, ведутъ время въ пѣсняхъ и говорѣ, и потомъ ложатся по парно, мужчина съ женщиной, и лежатъ такъ до разсвѣта. Оттого и досвитки прозвались.

Характеръ богини Фризовъ-Ингевоновъ обозначился теперь довольно ярко и есть возможность сличить ее съ Ингомъ-Фрейромъ Ингевоновъ сѣверныхъ. Въ близкомъ сродствѣ нельзя сомнѣваться, особенно когда прислушаться къ пѣснѣ и пляскѣ и нечестивому обряду, которые по словамъ Саксона 6 р. 104 и Адама Бременскаго 4, 27 точно также сопровождали упсальскій культъ, какъ привязываются они поэтической сагой въ Гельголанду. Прибавимъ къ этому, что по нѣкоторымъ соображеніямъ самъ Фрейръ былъ извѣстенъ на фризской почвѣ подъ именемъ Folevalol'а слѣдовательно не въ одной только женской фигурѣ своей, какъ Фрея-Урсула; этимъ религіозное единство сѣверной и югозападной группы Ингевоновъ будетъ доказано, а вмѣстѣ съ тѣмъ древняя пламенная родня выступитъ въ полномъ свѣтѣ.

Въ концѣ разбора бросимъ послѣдній взглядъ на главные выводы его и на отношеніе ихъ къ извѣстіямъ Тацита и Плинія. Передъ нами возстаютъ три различныя этнографическія картины Германіи въ три разныя эпохи. Сравнительно-историческое изученіе, разбирающее слово руну и пѣсню, дало возможность взглянуть на древнее, первобытное единство населенія, не знавшее раздѣла между нѣмецкимъ и сѣвернымъ началомъ: еще племена вяжутся между собою общею связью, Ингевоны идутъ по всему поморью и перетягиваются на скандинавскій полуостровъ, а сага намекаетъ на родство ихъ съ

Франкайи и Саксами. Antiqua carmina Тацита уже не запомнятъ эпохи до раздѣла: онѣ знаютъ Германію въ ея особности отъ скандинавскихъ Готовъ, знаютъ только западную часть ея и ея внутреннее племенное единство закрѣпили сказаніемъ о поколѣніи Туиско. Во времена Плинія знакомая Римлянамъ Германія опять переступила узкіе предѣлы, намѣченные тацитовскою сагою, захватила полосу, выпавшую по раздѣлѣ на долю Готамъ. И вотъ Плиній принужденъ расширить карту, даетъ Ингевонамъ, Истевонамъ и Герминонамъ болѣе простора, присоединяетъ два новыхъ племени. Когдабъ ему извѣстны были древнія родовыя отношенія этихъ племенъ, онъ конечно отнесъ бы своихъ Вандиліевъ и Певкиновъ, которые несомнѣнно готской вѣтви, къ племени Ингевоновъ, Истевоновъ оставилъ бы въ отведенныхъ границахъ, а изъ Герминоновъ выселилъ Свевовъ и помѣстилъ бы отдѣльнымъ народнымъ отрогомъ. Но для него безмолвствовало преданіе — и вотъ явилось распредѣленіе страны на пять племенъ, полное въ географическомъ смыслѣ, но этнографически невѣрное.

Другая статья (В. Гримма), изъ помѣщенныхъ въ той же книжкѣ Гауптова журнала имѣетъ еще большее право на то, чтобъ быть внесенною въ Лѣтописи русской литературы. Это объ испанскихъ сказкахъ, которыя многими подробностями напоминаютъ наши русскія. Существованіе въ Испаніи сказочной литтературы Гриммъ подозрѣвалъ еще прежде (Kinder und Hausm. 3 т, стр. 309): на нее указываютъ Сервантесъ, Кеведо, отрывки попадаются у Кальдерона, въ старинныхъ испанскихъ романсахъ. Къ этому ряду древнихъ свидѣтельствъ недавно подошло еще одно новое, Агустина Дурана въ его Romancero general (Madrid 1849). Въ 1853 году предположенія осуществились печатнымъ словомъ: въ Барселонѣ вышла книга, которая съ любовью къ дѣлу и знакомствомъ съ трудами нѣмецкихъ ученыхъ по этой отрасли собрала изъ устъ народа сказочныя преданія Каталоніи. Мы говоримъ объ «Observaciones sobre la poesia popular por d. Manuel Milà y Fontanals», съ которыми нѣмецкое общество уже успѣло познакомиться въ трудѣ извѣстнаго знатока испанской литературы, Вольфа (Proben portugiesischer und catalonischer Volksromanzen mit einer litterarischen Einleitung über die Volkspoesie in Portugal und Catalonien, von Ferdinand Wolf. Wien 1856). Записано всего на всего девять устныхъ сказокъ и одиннадцать отрывковъ — слѣдовательно собранію положены только первыя основы. Это заставляетъ жалѣть, что кругъ автора былъ такъ ограниченъ: когда охватитъ онъ всю Испанію, струя преданія потечетъ полнѣе; быть можетъ, набредутъ и на слѣды животнаго эпоса, на которые

разсчитываетъ Гриммъ. Изъ девяти сказокъ, приведенныхъ Милой, восемь въ главныхъ чертахъ сходятся съ подобными же нѣмецкими; ихъ обстановка сравнительно бѣднѣе, за то попадаются самородныя красоты. Вольфъ постоянно находитъ и указываетъ имъ аналогіи въ нѣмецкихъ народныхъ преданіяхъ; только для девятаго разсказа, «El hijo del rei desencantaolo», это оказалось невозможнымъ, такъ какъ одно начало его подается на сравненіе, а все остальное стоитъ особнякомъ. Третья сказка «La canna del riu de arenas» сходится съ нѣмецкой, занесенной въ собраніе братьевъ Гриммовъ подъ № 28: «Der singende Knochen»; при ней прекрасная народная пѣсня, развивающая въ стихахъ тотъ же повѣствовательный мотивъ. Старшая сестра убила младшую, чтобъ достать себѣ ея жениха.

Приходили двое странниковъ и находили тѣло:
Брали руки дѣвицы и дѣлали изъ нихъ арфу;
Брали ея русыя косы и дѣлали изъ нихъ струны;
Шли къ ближнему дому, гдѣ играли свадьбу,
Становились у полуоткрытой двери и играли на арфѣ.
Первая струна говорила: «невѣста сестра мнѣ».
Вторая струна говорила: «женихъ мнѣ любезный».
Невѣста краснѣетъ, какъ горячій уголь: «арфа меня поноситъ».
Четвертая струна говорила: «арфа не замолкнетъ».
Невѣста идетъ, на кровать ложится.
Арфа звучитъ громко, надрывается невѣстино сердце.

Поэтическое содержаніе пѣсни обще почти всѣмъ сказочнымъ литературамъ. Въ Германіи оно сказалось былью о поющей кости: одинъ братъ убиваетъ другаго изъ зависти, зарываетъ его подъ мостикомъ; пастухъ сдѣлалъ свирѣль изъ бѣлой кости убитаго, и она разсказала о тайномъ дѣлѣ, а на преступника напѣла кару. Въ старой шотландской пѣснѣ опять та-же сага: изъ грудной кости утопленной дѣвицы пѣвецъ строитъ арфу, которая сама начинаетъ играть и жаловаться на сестру-преступницу. Шведская пѣсня присоединяетъ нѣсколько изобразительныхъ подробностей: колки арфы сдѣланы изъ пальцевъ утопленницы, струны изъ золотистой косы ея; звуки арфы внезапно сразили ту, которая безвременно извела дѣвицу. Русская народная сказка заставляетъ охотника найти въ лѣсу ребрышки; онъ сдѣлалъ изъ одного дудку, сталъ играть и она запѣла: «Ты играй, играй, молодецъ; ты играй, играй полегохоньку, ты играй, играй потихохоньку. Мои кости больнехоньки, мои жилки тонехоньки, погубили меня двѣ сестры, погубили двѣ родныя за мою за игрушечку, за мою погремушечку» (иначе: «за два золотыхъ яблочка и за третье

серебряное блюдечко»). Даже у Беджуановъ въ южной Африкѣ есть подобное сказанье[1]).

Въ преданіяхъ славянскаго племени эта общенародная сказочная тема одѣвается нѣкоторыми знаменательными чертами отличія: о преступленіи повѣщаютъ не члены тѣла, а дерево или цвѣтъ, который выросъ на могилѣ невинной жертвы. Въ Малороссіи это повѣрье такъ разсказывается (см. «Записки о южной Руси», изд. Кулишъ т. 2, стр. 20 — 22: «сказка объ убитой сестрѣ и о калиновой дудкѣ»).—Былъ себѣ дѣдъ да баба. У дѣда дочка и у бабы дочка. Вотъ пошли они въ лѣсъ по ягоды: дѣдова-то дочь все сбираетъ и набрала полную миску, а бабина что возметъ ягодку, то и съѣстъ. Когда собирались домой и на пути прилегли отдохнуть, дѣдова умаялась и заснула, а бабина взяла ножъ и угодила ей въ сердце; выкопала яму и схоронила ее. Мало время позамѣшкавши, идутъ чумаки; видятъ — при дорогѣ могила, а на могилѣ такая красивая калина выросла. Они вырѣзали изъ той калины дудку, да и сталъ одинъ чумакъ на ней играть; а дудка говоритъ:

«Ой по малу-малу, чумаченьку, грай,
Да не врази мого серденька въ край.
Мене сестриця зъ світу згубила —
Ніжъ у серденько да й устромила».

Приходятъ чумаки въ село и какъ нарочно остановились ночевать у дѣда. Дудка и дѣду туже оповѣсть держитъ, и бабѣ, и бабиной дочери. Правда сказывается подъ конецъ; по загубленной дѣвушкѣ правятъ тризну, а бабину дочь привязали къ конскому хвосту и размыкали по полю. — На Руси эта сказка говорится почти также: двѣ сестры убили третью изъ-за ягодъ, подъ кустикомъ положили, елочкой накрыли. На елочкѣ выросъ цвѣтокъ. Проѣзжій хотѣлъ его сорвать: цвѣтокъ сначала не давался, потомъ вытянулся и запѣлъ. Онъ сдѣлалъ изъ цвѣтка дудку, которая всѣмъ повѣдала о злодѣяніи (Буслаевъ id. ibid.). Какъ малороссійская калина замѣнена здѣсь елочкой и цвѣткомъ, такъ и въ сербской былинѣ является вмѣсто нея бузина (у Вука № 39), а въ одной варіаціи русскаго преданія тростникъ (Буслаевъ id. ibid.). Тростникомъ оборачивается горе въ латинской сказкѣ у Овидія (Met. lib. I. vv. 689 — 712); тростникомъ выростаетъ и сказывается вина на могилѣ убитаго брата въ былинѣ «про царивъ садъ да жывую супилочку» («Наськы украинскы казкы, запорозьця

---

[1]) См. Grimm, Hausm. 1 т. стр. 149 — 151; 3 т. стр. 55 — 56, гдѣ указана литература; Буслаева: «Эпическая поэзія», Отеч. Записки 1851 г № 7 стр. 19.

Иська Матырынкы» Москва, року 1835). Повадился во царевъ садъ кабанъ ходить (слич. у Гримма «der singende Knochen«). Кто того кабана убьетъ, тому царь полъ-царства дастъ и первое мѣсто по себѣ — такъ объявлено было повсюду. Два старшіе сына царева вызвались на подвигъ да прозѣвали врага; не прозѣвалъ лишь третій сынъ, дурень, и положилъ звѣря на мѣстѣ. Какъ положилъ, такъ и заснулъ, а старшій братъ подошелъ тѣмъ временемъ, убилъ спящаго, а грѣхъ закрылъ землею. На могилѣ выросъ высокій тростникъ, пастухъ срѣзалъ его себѣ на «супилочку». А она ему и поетъ:

«Да по малу-малу, вывчарыку, грай!
Да не вразы мого ты серденька вкрай.
При саду-саду братъ мене вбывъ,
За того кабана, що въ саду рывъ!....

Окончаніе сказки такое-же, какъ у Кулиша. Когда очередь играть на дудкѣ дошла до убійцы, онъ не успѣлъ дослушать своего обвиненія, затрясся, какъ осиновый листъ, и тутъ-же брякнулся середь хаты. Такъ и въ шведской сагѣ достаточно было однихъ звуковъ, чтобъ убить преступника.

Связь преданій — испанскаго и германскаго съ одной стороны, съ другой повѣрій славянскихъ, замѣна членовъ человѣческаго тѣла цвѣтомъ и деревомъ коренится въ одномъ изъ религіозныхъ представленій отжившаго язычества. Старыя саги знаютъ о созданіи первыхъ людей изъ растеній, о людяхъ, обращенныхъ въ деревья, и т. п. Основа такого рода вѣрованій лежитъ въ глубоко-пантеистическомъ взглядѣ древняго человѣка на міръ и міровое устройство. Одна общая, тайная сила бытія, одна цѣльная жизнь жила и двигалась во всемъ созданіи вокругъ него. Каждое явленіе, каждый предметъ былъ только инымъ словомъ этой жизни; а ея средой, ея точкой исхода была мать сыра-земля. На ней выросли и разсѣлись царство людское съ животнымъ, царство растеній — и во всѣхъ проявилась одна и та-же міровая жизнь, на разныхъ степеняхъ, но въ одинаковыхъ фазахъ, которыя первобытная поэзія вѣрованія сблизила и сравняла. Какъ дерево крѣпится въ почвѣ корнемъ, выходитъ стеблемъ: такъ и начала людскаго рода соединялись въ представленіи съ мыслью о таинственномъ ростѣ: мирмидоны выростаютъ изъ пустынной эгинской почвы по просьбѣ Эака, Ѳивы разсказывали о земнородныхъ Спартахъ, а саги всѣхъ племенъ говорятъ о первозданныхъ людяхъ-ольхахъ, людяхъ-осинахъ, дубахъ и т. п. И наоборотъ — подобіе людской жизни чаялось подъ корой дерева, все вслѣдствіе того-же пантеистическаго взгляда. Въ шелестѣ листа слы-

шался ропотъ упрека, назиданія; дерево стонетъ, содрогается, блѣднѣетъ и чахнетъ, тронутое желѣзомъ. Въ позднѣйшую миѳологическую эпоху изъ такихъ представленій создался цѣлый кругъ лѣсныхъ божествъ, которыхъ судьба тѣсно связана съ судьбою дерева (дріады, Spinnweibchen). На переходѣ отъ первой группы повѣрій ко второй между человѣкомъ-растеніемъ и растеніемъ, живущимъ человѣческой жизнью, стоитъ рядъ поэтическихъ сагъ о превращеніяхъ, стоятъ метаморфозы Овидія и наши могильныя саги. Въ нихъ человѣческое естество перерождается въ растительное, члены схороненнаго тѣла выростаютъ въ суставы тростника, и въ его звукахъ сказывается былая печаль того тѣла: такъ плачетъ береза подъ руками Вейнемейнена, такъ и въ сирингѣ греческаго пана слышенъ стонъ преслѣдуемой нимфы. Пантеистическая настроенность религіозной мысли, видѣвшая вездѣ и во всемъ одну общую жизненную силу, уравнявшая всѣ формы, всѣ явленія во имя этой силы, очень естественно вела къ идеѣ о метемпсихозисѣ. Наши сказки о превращеніяхъ людей въ животныхъ и деревья, наши могильныя повѣрья — ясные слѣды этой общей идеи. На востокѣ она легла въ основаніе цѣлой религіозной системы: душа странствовала по вереницѣ мытарствъ, одѣваясь разною плотью, и чѣмъ чище и свѣтлѣе дѣлалась, тѣмъ свѣтлѣе становилась плоть. Въ одной сербской пѣснѣ (Вук. срп. пiесме кн. 2, 5) находимъ знаменательную черту: кровь невинной жертвы, разнесенной конями по чисту полю, выростаетъ смыльемъ (горлянка, сушеница) да босильемъ (василекъ); кровь преступницы выходитъ терніемъ да крапивой.

Въ позднюю, «двоевѣрную» эпоху, языческую по чувству, христіанскую по церкви, когда евангельской истинѣ еще приходилось одѣваться въ символическую одежду ветхаго человѣка, чтобы быть понятной, демонологія первыхъ вѣковъ христіянства отнесла на долю нечистой силы чудесныя повѣрья старины, еще державшіяся въ народной памяти. Въ кругу демоновъ легко найдешь грустныя лица стараго поэтическаго Олимпа.

У Новосельскаго (Lud Ukrainski т. 2, стр. 143) читаемъ такое повѣрье: «Старое преданье гласитъ, что кто хочетъ имѣть хорошую свирѣль, тотъ долженъ сдѣлать ее изъ вербы, которая бы никогда не слышала ни шума воды, ни пѣнія пѣтуха. Такая свирѣль иногда отзывается человѣческимъ голосомъ». Намъ непонятенъ таинственный смыслъ водобоязни, за то есть возможность разъяснить связь, въ какой является здѣсь пѣтухъ. Въ сѣверной миѳологіи мы находимъ его въ окруженіи Одина, быть можетъ, въ числѣ его атрибутовъ (Wolf, Beiträge zur deutschen Mythologie 1, стр. 58).

Въ миѳологіяхъ классическихъ народовъ онъ былъ эмблемой утренней поры, пробужденія. Христіанская символика соединяетъ съ нимъ туже идею свѣта, гонящаго тьму и темныя силы; пѣтухъ на шпилѣ древнихъ католическихъ церквей имѣетъ иносказательное значеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что евангельское повѣствованіе о св. Петрѣ подало здѣсь руку помощи народной памяти и на языческій символъ навело христіанскій колоритъ [1]). Кажется, въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ объяснить роль кочета въ украинскомъ повѣрьи: верба не заговоритъ человѣческой рѣчью, когда услышитъ пѣтушиный крикъ, вѣроятно потому, что та рѣчь приписывалась злой силѣ, сидѣвшей въ деревѣ, а она боится вѣщей птицы. Какъ нарочно, вслѣдъ за приведеннымъ извѣстіемъ читаемъ у Новосельскаго слѣдующія строки: «есть повѣрье, что на вербахъ живутъ злые духи; тоже разсказывается и о болотныхъ тростникахъ.» Выше мы слышали стоны тростника на могилѣ.

Кромѣ девяти полныхъ сказокъ Мила записалъ еще одиннадцать сказочныхъ отрывковъ. Вольфъ пропустилъ ихъ въ своемъ изданіи и В. Гриммъ воспользовался этимъ, чтобъ перевесть ихъ въ своей статьѣ «Spanische Märchen», по поводу которой набросаны эти замѣтки. Мы укажемъ на самое замѣчательное.

Отрывокъ подъ № 13. Царевичъ спрашиваетъ дѣвушку: «дѣвица, дѣвица, сколько листьевъ на деревѣ?» Та отвѣчаетъ: «молодецъ, молодецъ, сколько звѣздъ на небѣ?» Потомъ она выходитъ за него замужъ. Когда же стало ей вѣдомо, что мужъ хочетъ ее извести, она кладетъ къ нему въ постель сахарную куклу. Царевичъ вынимаетъ мечъ и отрубаетъ у сахарной жены кончикъ носа, который падаетъ ему въ ротъ. Тогда онъ говоритъ: «кабы зналъ, что ты такая сладкая, не убилъ бы тебя.» Тутъ настоящая жена показывается, и они мирятся. Загадываніе загадокъ — древній эпическій мотивъ, слышный и въ греческомъ миѳѣ, и въ сѣверной сагѣ, и въ сказкѣ,

[1]) У Чувашей Буинскаго уѣзда встрѣчаемъ слѣдующій обычай на празднованія новоселья: хозяинъ собираетъ родственниковъ и родныхъ, чтобъ выгнать изъ новаго дома шайтана. Послѣ нѣсколькихъ миѳическихъ обрядовъ онъ беретъ подъ плечо живаго краснаго пѣтуха и, выйдя вонъ изъ избы, пробирается вокругъ стѣнъ дома, нарочно производя нѣкоторый шорохъ. Кто-нибудь изъ находящихся внутри дома спрашиваетъ его: «Кто тамъ шумитъ?» Хозяинъ на вопросъ отвѣчаетъ: «Самъ Богъ въ новой шубѣ съ краснымъ кочетомъ гуляетъ.» Обойдя нѣсколько разъ вокругъ жилья, хозяинъ вдругъ вбѣгаетъ въ избу и бросаетъ пѣтуха подъ ноги гостямъ. Тутъ начинается выгнаніе шайтана. Гости, доселѣ сидѣвшіе тихо и спокойно, вскакиваютъ, начинаютъ бѣгать по избѣ, крича и махая рябиновыми палками, приготовленными заранѣе. Встревоженный пѣтухъ начинаетъ кудахтать—а этого шайтанъ и боится (Русск. Дневникъ 1859 г. № 14. «Новоселье у Чувашъ села Новыхъ Айбесь Буинскаго уѣзда»).

въ которой миѳъ и сага сложили свои отголоски. Сл. сербскую сказку у Караджича № 25.

Слѣдующіе четыре отрывка обращаютъ вниманіе своей миѳической обстановкой:

15. Одинъ царь принужденъ покинуть своихъ дочерей и вручаетъ каждой изъ нихъ по кольцу, которое почернѣетъ, если какая изъ нихъ въ чемъ-либо провинится. Сынъ сосѣдняго царя приходитъ ночью къ нимъ въ домъ, переодѣтый старухой. Младшая изъ сестеръ, именемъ Росмаринъ, даетъ ему на ночлегъ походную постель, потомъ, связавъ крѣпкою веревкою, выбрасываетъ черезъ окно въ лѣсной потокъ. Сама она выходитъ за врача, который исцѣлилъ ее.—Чернѣющее кольцо напоминаетъ ножъ, котораго ржавчина возвѣщаетъ смерть одного изъ братьевъ. (Grimm, Hausm. 1, 60.)

16. Отецъ заставляетъ дочерей своихъ, одну за другой, идти въ домъ великана и тотъ велитъ имъ связать пукъ цвѣтовъ: которая уронитъ, ту онъ убьетъ. Двѣ изъ нихъ роняютъ пучекъ, и кошка, бывшая при томъ, не хочетъ поднять его. Только у третьей цвѣты не выпали изъ рукъ, и она умерщвляетъ великана.

17. Три дѣвицы приходятъ въ замокъ, въ которомъ живетъ очарованный царь. Показываются руки, несущія свѣчи и кушанья. Дѣвицы могутъ ѣсть все, кромѣ плодовъ. Двѣ старшія отвѣдали и умираютъ. Ѣстъ и меньшая, но какъ это происходитъ въ самый день, когда очарованіе должно прекратиться, то она остается въ живыхъ и выходитъ за царя. — Условіе жизни и смерти напоминаетъ гранатовое яблоко Персефоны.

18. Одинъ игрокъ проигрываетъ свою душу, и тотъ, кому она досталась, велитъ ему идти въ замокъ изъ золота, гдѣ въ черной залѣ горятъ желтыя свѣчи и находятся двѣ статуи, которыя подвергаютъ пришельца разнымъ испытаніямъ. Нѣкоторыя онъ выдерживаетъ при помощи трехъ голубей; наконецъ великаны бросаютъ его въ огонь, такой большой, какъ вѣчное, неугасаемое пламя.

Девятнадцатый отрывокъ входитъ главными чертами своими въ обширный кругъ сказаній о царѣ Соломонѣ и Марольфѣ, который съ Востока перешелъ въ сказочныя литературы европейскихъ народовъ, между прочимъ и въ нашу, а въ Италіи произвелъ Бертольдо, Бертольдино и все ихъ потомство. Гриммъ сравниваетъ латинскаго Руодлиба и корнваллійскаго Ивона (Hausm. 3 т., стр. 311—313). Вотъ самое содержаніе отрывка: старый служитель мудраго Соломона выпрашиваетъ у него три поученія — пусть этимъ заплатитъ за его службу. Соломонъ даетъ ему коровай хлѣба и слѣдующія три наставленія: «что не отъ тебя загорѣлось — оставь горѣть; не покидай

большой дороги для проселка; что хочешь дѣлать сегодня, отложи до завтра.» Первыя два правила спасаютъ ему жизнь, третье удерживаетъ его отъ убійства сына: этотъ сынъ былъ священникомъ и на другой день служилъ обѣдню. За столомъ отецъ беретъ хлѣбъ, взрѣзываетъ его и находитъ тамъ червонцы, которые Соломонъ былъ ему долженъ.

Много важнаго представляютъ и другіе отдѣлы гауптова журнала. Помимо изданія нѣсколькихъ памятниковъ («Hermanni Contracti conflictus ovis et lini»; «Bruchstücke einer Bearbeitung des Rosengartens» v. W. Grimm; «Aus Albrecht von Halberstadt Uebersetzung der Metamorphosen Ovids» v. W. Leverkus etc.) есть въ отдѣлѣ самостоятельныхъ трудовъ двѣ замѣтки В. Гримма о Фрейданкѣ, двѣ замѣтки объ англо-саксонскомъ эпосѣ Мюлленгофа. Тотъ же авторъ и Ригеръ помѣстили въ той же книжкѣ нѣсколько матеріаловъ для критики Нибелунговъ. Первый въ статьѣ: «Des Todes Zeichen» объяснилъ это загадочное выраженіе, которое Гриммъ не въ силахъ былъ разрѣшить удовлетворительно. Теперь ясно, что подъ «знаменіемъ смерти» должно разумѣть смертельную рану: рана была въ миѳическомъ представленіи язычника какъ бы клеймомъ, которымъ смерть отмѣчала свою жертву. Тотъ же Мюлленгофъ написалъ нѣсколько словъ по поводу изданія Караяномъ въ Запискахъ вѣнской академіи двухъ древнихъ заговоровъ. Толкуя одинъ изъ нихъ, критикъ и издатели расходятся въ разныя стороны. Караянъ объясняетъ такъ, что это—напутственное заклятіе, которое путникъ говорилъ, быть можетъ, на порогѣ дома, чтобъ предохранить и себя и свое добро отъ волковъ и воровъ. Мюлленгофъ понимаетъ совершенно иначе: онъ видитъ здѣсь формулу благословенія, которое охотникъ, пастухъ или кто другой произносилъ надъ своими собаками при утреннемъ выгонѣ. Призывается Христосъ и его пастырь св. Мартинъ, да оборонятъ отъ волка и волчицы собакъ, куда бы онѣ ни побѣжали, да вернутся сегодня всѣ цѣлы и невредимы.

Въ заключеніе обзора нельзя не указать на статью Карла Регеля: «Открытое письмо короля Генриха III отъ 18 октября 1258.» Изданъ, переведенъ и комментированъ съ филологической стороны древнѣйшій памятникъ англосаксонскаго нарѣчія. Интересно одиночное появленіе его въ половинѣ XIII вѣка, когда объ англійскомъ языкѣ, какъ оффиціальномъ, еще не было и рѣчи, когда вплоть до XV столѣтія писали — вначалѣ по латини, потомъ по французски, и этотъ послѣдній языкъ сдѣлался со времени Ричарда III органомъ политики и управленія. Общественныя неустройства въ Англіи при Генрихѣ III, чрезвычайная власть

оксфордскаго парламента и коммиссіи двадцати четырехъ, смѣнившая королевскую тираннію — вотъ что заставило народное слово сказаться печатнымъ образомъ раньше срока. Нужно было, чтобъ о той власти, утвержденной королевскимъ согласіемъ, извѣстилась и англосаксонская часть населенія — и вотъ открытое письмо пишется на англосаксонскомъ нарѣчіи и разослано по всѣмъ частямъ королевства. Собственно же права гражданства, и въ жизни, и въ литературѣ, англійскій языкъ получаетъ не раньше Генриха VII, когда Виклефъ и Чосеръ наложили на него печать своего генія, войны Бѣлой и Алой Розы перемѣнили племенную непріязнь Норманновъ и Саксовъ на миръ и любовь, а въ несчастныхъ войнахъ съ Франціей окрѣпла и создалась англійская народность, а вмѣстѣ съ нею поднялся и народный языкъ.

А. Веселовскій.

LES SCYTHES LES ANCÊTRES DES PEUPLES GERMANIQUES ET SLAVES:

leur état social, morale, intellectuel et religieux; esquisse ethnogénéalogique et historique par S. G. Bergmann. Colmer. 1858. 74 pp.

Въ исторіи, не даромъ, съ именемъ Скиѳа соединяется представленіе чего-то темнаго, загадочнаго.

Ученые изслѣдователи, посвящавшіе время разъясненію вопроса о Скиѳахъ, каждый по мѣрѣ способностей,—еще болѣе увеличили *непроницаемые мраки киммерійскіе и глубокую скиѳскую мглу*, какъ нѣкогда говаривали современники Геродота! Причина этого заключалась въ незрѣломъ историческомъ методѣ: изъ отрывочныхъ извѣстій класическихъ писателей, извѣстій сомнительныхъ, составленныхъ, большею частію, по слухамъ, хотѣли создать *историческое* цѣлое. Анализъ, плодотворный на почвѣ положительныхъ фактовъ — оказался несостоятельнымъ въ отношеніи отдаленной миѳической эпохи: изслѣдователи или запутывали дѣло, навязывая Геродоту и древнимъ классикамъ свои досужія кабинетныя соображенія, или же упрекали знаменитаго *отца исторіи* въ томъ, что просто сказываетъ *сказки*.

Нибуръ первый, сколько извѣстно, избралъ другой путь.

Убѣжденный, что классическіе писатели разсказывали вещи, не какъ они были на самомъ дѣлѣ, а какъ онѣ имъ представлялись—онъ отказался отыскать чисто историческій, положительный фактъ, и обратилъ вниманіе на внутреннюю, этнологическую сторону ихъ извѣстій. Пріемъ, въ основѣ своей чрезвычайно вѣрный, остался, однакоже,

безъ послѣдователей и еще не такъ давно вызывалъ горькіе упреки и нареканія[1]).

Но въ послѣднее время, при быстрыхъ успѣхахъ языкознанія и науки о старинѣ, совершенныхъ трудами Боппа, бр. Гриммовъ и ихъ многочисленныхъ послѣдователей, пріемъ, едва намѣченный Нибуромъ, получилъ полную силу и право гражданства въ наукѣ.

Оставивъ туманную географію Скиѳіи, ученые обратились къ поэтической, бытовой сторонѣ древнихъ разсказовъ объ этой темной, недовѣдомой странѣ. Результаты, добытые ими, уже имѣютъ полное право на вниманіе — и въ этомъ смыслѣ, мы позволяемъ себѣ занести на страницы *Лѣтописей русской литературы и древности* новое сочиненіе Бергманна, заглавіе котораго мы привели выше.

Вопросъ, можетъ быть, касается насъ ближе, чѣмъ можно предполагать съ перваго взгляда: дѣло идетъ о нашей исторической генеалогіи, о томъ, что Скиѳы—предки Славянъ и Германцевъ. Мнѣніе, въ сущности не новое, представляется у автора въ совершенно новомъ свѣтѣ. Выводы свои онъ основываетъ на свидѣтельствѣ историковъ, древнѣйшихъ преданій, нравовъ, обычаевъ народа и его языка. Послѣдній пунктъ едва ли не самый слабый во всемъ сочиненіи. И это очень понятно, если вспомнить, что немногія скиѳскія слова дошли къ намъ въ греческихъ передѣлкахъ и искаженіяхъ. Свидѣтельству краніоскопіи Бергманнъ отказываетъ во всякомъ самостоятельномъ значеніи, указывая на крайнюю неопредѣленность и неточность ея результатовъ, на постоянное смѣшеніе расъ индо-европейской и финно-татарской въ тѣхъ странахъ, гдѣ жили древніе Скиѳы. Относительно генерическаго названія *Скиѳы*, авторъ (14—17) несомнѣнными историческими доказательствами убѣждаетъ насъ въ томъ, что въ древности и въ началѣ среднихъ вѣковъ это имя относили къ различнымъ племенамъ, часто не имѣвшимъ между собою ничего общаго. Такимъ образомъ получаетъ надлежащее объясненіе и то мнѣніе, въ силу котораго Скиѳы оказывались племенемъ финно-татарскимъ[2]).

Переходя къ обозрѣнію содержанія самаго сочиненія, мы должны предварительно замѣтить, что оно составляетъ только начало большаго труда о бытѣ племенъ, непосредственно происходящихъ отъ древнихъ Скиѳовъ, каковы, по мнѣнію Бергманна: Геты, Сарматы — и позднѣе племена нѣмецкія и славянскія. Оттого, вы не встрѣтите

---

1) Skythien und die Skythen des Herodot v. Lindner. 1841, cл. II. Abth.

2) Мнѣніе Нибура, нашедшее въ послѣднее время многихъ послѣдователей, изъ которыхъ въ русской литературѣ укажемъ на г. Муральта (Записки Археолог. Общ. т. 5, стр. 205—216 ст. «Скиѳскія древности Имп. Эрмитажа».)

здѣсь никакихъ аналогій и сближеній съ бытомъ другихъ народовъ: видно, что авторъ воздерживался и сберегалъ такой трудъ на будущее время; но русскій рецензентъ не имѣетъ этого права: если мнѣніе справедливо, то оно должно согласоваться и съ послѣдними результатами сравнительно-исторической лингвистики — и мы находимъ невозможнымъ обойдти эту связь, уже и потому, что трудъ Бергманна, въ этомъ случаѣ, является крайне неудовлетворительнымъ и имѣетъ видъ отрывочнаго листка изъ исторіи индо-европейскаго племени. Представить сухое извлеченіе — не трудно, но едва ли не безполезно, если всему этому не будетъ указано надлежащее мѣсто и значеніе, а новое сочиненіе Бергманна вдвойнѣ обязываетъ насъ къ этому, предлагая любопытные матеріялы для сближеній съ нашею стариною, сближеній, быть можетъ, не безполезныхъ и для науки.

Вмѣстѣ съ Аріями Индіи, Мидіи, Персіи, съ Ассиріянами, Армянами, Кельтами и Греками — Скиѳы принадлежали къ индо-европейскому племени и первоначально обитали въ юго-восточной Азіи.

Можно думать, что въ незапамятную эпоху, которая еще не знаетъ хронологіи, по сѣверной сторонѣ Гималаи жило цѣльное племя, хранившее въ себѣ свѣжіе элементы исторической цивилизаціи и прогресса. Но положительная исторія уже не застаетъ этого племени, на ея долю достаются только позднѣйшія его подраздѣнія. Когда и какъ совершались они — это, покамѣсть, неизвѣстно: сравнительно-историческое языкознаніе убѣждаетъ насъ только въ томъ, что они произошли не вдругъ, а постепенно: арійское племя (индоевропейское) сначала должно было раздѣлиться на нѣсколько вѣтвей, которыя, въ свою очередь, испытали дальнѣйшія подраздѣленія. Относительное время и путь, какому слѣдовало это расчлененіе — опредѣляются до нѣкоторой степени сравнительною лингвистикою[1]). Изъ восьми главныхъ языковъ, составляющихъ индо-европейское племя, не всѣ находятся между собою въ одинаковомъ отношеніи и не всѣ равно богаты относительно старины. Положительно извѣстно, что санскритъ и зендъ — сходны между собою ближе всѣхъ другихъ; въ такомъ же отношеніи стоятъ греческій и латинскій, хотя между ними и менѣе сродства. Славянскій, латинскій и нѣмецкій языкъ — образуютъ одно близкое цѣлое. Языкъ Кельтовъ стоитъ совершенно особо. Эта классификація языковъ подтверждается и географическими доказательствами: путь, которому слѣдовало индо-европейское пле-

[1]) См. ст. Шлейхера Die ersten Spaltungen des Indogermanischen Urvolkes, въ жур. Шветшке Allgemeine Monatsschrift für Literatur und Wissenschaft. 1853, стр. 786 — 787.

мя по выходѣ изъ прародины — былъ путь съ востока на западъ; чѣмъ ранѣе отдѣлился какой нибудь народъ изъ общаго источника, тѣмъ западнѣе должно было быть его географическое положеніе, и тѣмъ менѣе языкъ его сохранялъ старины. Таково напр. племя Кельтовъ. Зашедшіе на отдаленный западъ Европы, они должны были отдѣлиться первые — и оттого ихъ языкъ представляетъ такое значительное уклоненіе отъ общаго корня. За ними выселилось предполагаемое племя славяно-германское, позднѣе раздѣлившееся на три вѣтви: славянскую, литовскую и нѣмецкую. Пелазги, давшіе происхожденіе двумъ классическимъ народамъ — должны были въ продолженіе долгаго времени составлять одно цѣлое съ Аріянами (въ тѣсномъ смыслѣ) и наконецъ, отдѣлившись, заняли юго-востокъ Европы. Единственнымъ остаткомъ древняго индо-европейскаго племени (Urvolkes) были Арійцы, въ свою очередь, раздѣлившіеся на Индійцевъ и Персовъ.

Такимъ образомъ Скиѳы Бергманна должны составлять вторую формацію древняго индо-европейскаго племени, начинавшаго распадаться. Истинными Скиѳами онъ считаетъ только четыре племени: Саковъ и Парѳянъ — въ Азіи, 'Сколотовъ и Сарматовъ — въ Европѣ. Саки (Chakas)—одна изъ могущественныхъ отраслей скиѳскаго племени — упоминаются, по крайней мѣрѣ, за двѣнадцать вѣковъ до нашей эры; законы Мэну помѣщаютъ ихъ между развращенными, проклятыми народами, которые, «оставивъ жертвы и позабывъ браминовъ — низошли въ этомъ мірѣ на послѣднюю степень людей». Въ преданіяхъ другихъ сосѣднихъ народовъ мы находимъ также имя этого племени, а Греки временъ Геродота и Ксенофонта знали уже три отрасли Саковъ: Саковъ Гамургіевъ[1]), Саковъ армянскихъ, Саковъ карійскихъ.

Столь же древне, какъ Саки — было другое племя скиѳское — Парѳы или Парѳяне. По этимологіи Бергмана, не имѣющей, по видимому, никакого основанія — имя это означаетъ *выселенцевъ, изгнанниковъ*. Къ Парѳянамъ принадлежали племена, извѣстныя подъ именемъ Даковъ, Массагетовъ и Варковъ.

Большая часть этихъ племенъ оставалась въ Азіи: Саки толь-

---

1) Совершенно произвольно толкуется на стр. 9 это имя скиѳскимъ названіемъ рѣки Marhava (слав. Морава?) съ предлогомъ za—zamoravias т. е., au delà de Moravie, что въ послѣдствіи, будто-бы было измѣнено Греками въ Hamurgies(?). Остается неизвѣстнымъ—откуда взято скиѳское слово Marhava? Вообще не въ чести нашего автора должно сказать, что не вездѣ онъ любитъ ссылки на источники, а это лишаетъ его трудъ главнаго ученаго достоинства — достовѣрности!

ко подвинулись на востокъ, а Пареяне на югъ. Время и политическія событія сдѣлали то, что, мало-по-малу, они были побѣждены и слились съ другими сильнѣйшими племенами, утративъ свою народность, религію, нравы и языкъ.

Но въ то время, когда Скиѳы азійскіе играютъ такую незначительную роль въ исторіи — отрасли ихъ перешли въ Европу и дали происхожденіе историческимъ народамъ міра. Эти пришельцы были Сарматы и Сколоты, ихъ то нашъ авторъ считаетъ родоначальниками племенъ славянскаго и нѣмецкаго. Если это справедливо, то первобытная исторія этихъ народовъ освѣщается еще съ одной стороны, до сихъ поръ неизвѣстной наукѣ: слѣдуя лингвистическимъ указаніямъ, мы принимали, что второй слой, отдѣлившійся отъ древняго индо-европейскаго племени, было гадательное племя славяно-германское; теперь для него отыскано генерическое названіе — и сверхъ того, извѣстно, что оно раздѣлилось еще до прихода въ Европу. Восходить ко временамъ болѣе древнимъ, къ общему племени Скиѳовъ и опредѣлять его отношенія къ индо-европейскому про-племени въ настоящее время — еще слишкомъ рано: для этого нѣтъ никакихъ данныхъ[1]), а досужими предположеніями нельзя рѣшать подобныхъ вопросовъ. Будемъ пока довольствоваться малымъ и посмотримъ на дальнѣйшее развитіе мысли Бергманна. Близкое родство Скиѳовъ съ племенами славянскими и нѣмецкими, кажется, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Какъ ни безсильны относительно этого вопроса лингвистическія соображенія вообще и какъ ни слаба лингвистика нашего автора въ частности — мы не имѣемъ права пройти ее молчаніемъ: тѣмъ болѣе, что между странными[2]), ни на чемъ не основанными сближеніями встрѣчаются и такія, которыя заслуживаютъ полнаго вниманія. Нѣкоторыя имена народцевъ, входившихъ въ составъ этого великаго племени, не смотря на видимую греческую фонетику, указываютъ на его родственныя связи съ позднѣйшими Славянами и Нѣмцами. Такъ названіе *Варки*, измѣненное позднѣе въ Баркане, Гуркане (откуда Hircania) — необходимо предполагаетъ корень vrk, откуда санскр. *vrkas*, слав. *влькъ*, лит. *wilkas*,

---

[1]) Такъ называемыя скиѳскія клинообразныя надписи до сихъ поръ — предметъ темный и неизвѣстный; но если онѣ и принадлежали Скиѳамъ, то никакъ не Скиѳамъ индо-европейскаго племени. См. А. Куника, О вліяніи иранскаго племени на судьбы семитическихъ народовъ. Ж. М. Н. П. 1856 ч. XC, Отд. II, № 5. стр. 95, 133, 134.

[2]) Какъ напр. *Каллипиды* сближаются съ польс. chlop; Буд-ины съ сканд. budir, а слѣдов. и славян. буд-овать, оттого — будто они жили въ деревянныхъ избахъ; Гамургіи — съ гадательною Маргавою и мн. др.

готск. *vulfs*, т. е. выражаясь народнымъ славянскимъ именемъ, это — *вильцы*, *волчки*. Замѣчательно, что въ составъ этого племени входили и Дервичи, Derbikkas, о которыхъ говоритъ Плиній и которые напоминаютъ нашихъ *Деревлянъ*, *Дреговичей*. При объясненіи этого названія, Бергманнъ дѣлаетъ, по нашему мнѣнію, чрезвычайно мѣткое сближеніе: онъ указываетъ на корень Derv (греч. drus, санск. druma, слав. дьрево) и сближаетъ его по значенію съ скандинавскимъ *askr*, дубъ, отъ котораго, по преданію, происходитъ родъ человѣческій. Дѣйствительно, принявъ во вниманіе скандинавское названіе божества âs, готское ans предокъ, родоначальникъ, а также и древесный сукъ, бревно[1]) — можно безопасно допустить существованіе у племенъ славянскихъ древняго миѳическаго представленія о происхожденіи людей изъ *дерева*. Остатки его сохранились не только въ языкѣ, въ названіяхъ народцевъ, каковы: *Деревичи*, *Дреговичи*, *Деревляне*, но и въ самой народной поэзіи[2]). Отсюда становится понятною несправедливость того поверхностнаго объясненія, въ силу котораго имя *Деревлянъ* поставляли въ зависимость отъ условій лѣсной мѣстности, ими занимаемой, тогда какъ оно прямо указывало на древнѣйшій миѳъ, общій всѣмъ индо-европейскимъ племенамъ.

Но языкъ — говоря вообще— плохой защитникъ мысли о прямомъ происхожденіи Славянъ и Германцевъ отъ Скиѳовъ — и хотя Бергманнъ и обѣщаетъ намъ (стр. X, XI предисл.) показать постепенное измѣненіе древнѣйшихъ скиѳскихъ словъ въ позднѣйшія нѣмецкія и славянскія, но исполненіе обѣщанія нисколько не соотвѣтствуетъ ожиданіямъ; чувствуя это, онъ почти оставляетъ зыбкую почву лингвистики и обращается къ народному быту, нравамъ, обычаямъ, религіи древнихъ Скиѳовъ съ намѣреніемъ доказать, что между народностью Скиѳовъ и народностью племенъ славянскихъ существуетъ не только аналогія и сходство, но и *преемственность*, такъ что послѣдняя есть только дальнѣйшій фазисъ развитія первой.

Мы отказываемся до поры до времени судить о справедливости этого предположенія, ожидая обѣщаннаго (стр. XIII) продолженія труда[3]); скажемъ только, что доводы Бергманна не могутъ казаться

---

[1]) Grimm's Mythologie стр. 22

[2]) Буслаева, Рѣчь о народ. поэзіи стр. 18. Костомарова, Объ истор. знач. русской народной поэзіи стр. 42—62. Grimm's Myth. стр. 527, 537.

[3]) Ces analogies entre les ancêtres (les Scythes) et leurs descendants (les Germains et les Slaves) se multiplieront et ressortiront encore davantage quand, dans les deux mémoires, destinés à *compléter* celui-ci, j'aurai retracé également l'état social, moral, intellectuel et religieux, d'abord des Sarmates et des Getes et ensuite des Germains, des Scandin aves et des Slaves etc. p. XIII d'avant-propos.

еще вполнѣ убѣдительными: изо всей книги ясныхъ становится только *родство* Скиѳовъ съ Славянами и Германцами, а *не преемственность* ихъ народностей, которая можетъ подлежать и спору и сомнѣніямъ, не лишеннымъ нѣкоторой справедливости. Избѣгая преждевременныхъ заключеній, мы не усумнимся однако послѣдовать за авторомъ въ разсмотрѣніи народности Скиѳовъ; это самая любопытная и самая поучительная часть его труда: изъ нея становится ясна какъ относительная справедливость гипотезы о происхожденіи Славянъ и Германцевъ отъ Скиѳовъ, такъ и несомнѣнное ихъ родство между собою.

Въ настоящемъ мемуарѣ—Бергманнъ говоритъ объ общемъ племени Скиѳовъ до пришествія Сарматовъ и Сколотовъ въ Европу, когда оно жило еще въ своей прародинѣ, въ средней Азіи.

До прихода въ Европу въ VII вѣкѣ у Скиѳовъ господствовалъ вообще бытъ *кочевой*. Ихъ стада состояли главнымъ образомъ изъ коней, рогатаго скота и козъ. Подобно всѣмъ кочевникамъ — они были *охотники*; оттого и охота, и пастбище выражалось у нихъ однимъ словомъ vaita (сканд. veida, нѣм. Weidmann — *пастухъ* и *звѣроловъ*). Этимъ же словомъ обозначалась и *рыбная ловля* у племенъ, обитавшихъ по берегамъ морей и рѣкъ. Эти мирныя занятія составляли уже, нѣкоторымъ образомъ, переходъ къ быту земледѣльческому: Скиѳы скоро познакомились съ употребленіемъ сохи и плуга.

Переходъ къ земледѣльческому быту освятился въ сознаніи народа особымъ преданіемъ: Скиѳы-земледѣльцы вели свое происхожденіе отъ младшаго сына солнца (Targitavas, блестящаго диска), который носилъ названіе, *kola-ksaïs*, то есть князь колесницы, плуга. Преданіе говоритъ, что онъ одинъ умѣлъ владѣть *сохою изъ горящаго золота, которая упала съ неба*, и когда другіе два брата *Hleipo-ksaïs* (князь-щитъ) и *Argo-ksaïs* (князь-стрѣла) захотѣли коснуться ея, *то обожгли себѣ руки*. Преданіе это, по мнѣнію Бергманна, выражаетъ собою, что ни Скиѳы-воины, родоначальникомъ которыхъ былъ Hleipo-ksaïs, ни Скиѳы-кочевники, ведшіе свой родъ отъ *Argo-ksaïs*'а, не могли развить земледѣльческаго быта и *оружіе* предпочитали *сохѣ*. Дѣйствительно, въ этомъ преданіи можно видѣть память объ одномъ изъ важнѣйшихъ моментовъ народной жизни: о переходѣ изъ быта *кочеваго* — въ земледѣльческій. Слѣды такого преданія не остыли еще и понынѣ: наши земледѣльцы и теперь въ созвѣздіи Оріона видятъ *плугъ*, символъ земледѣльческаго быта и гражданственности[1]), а сербская пословица го-

---

1) Костомарова, Славянская миѳологія. Кіевъ. 1847, стр. 54—55.

ворить, что *соха и заступъ хранятъ свѣтъ* (рало и мотика свијет храни)—и тѣмъ указываетъ на связь земледѣльческаго быта съ поклоненіемъ солнцу, одинъ изъ сыновей котораго былъ родоначальникомъ Скиѳовъ-пахарей.

Подобно Славянамъ и Германцамъ—Скиѳы долгое время не знали недвижимой собственности: каждый годъ они дѣлили между собою землю и, снявши жатву, оставляли поле свободнымъ. Скиѳы-охотники и рыбаки питались произведеніями своихъ занятій (Herod. IV, 50, 59), а Скиѳы-земледѣльцы употребляли въ пищу растенія и дикій медъ (Just. II. 2); кочевники же предпочитали всему молоко и мясо своихъ стадъ и въ особенности лошадей. Лошадь было животное, посвященное *солнцу*, поэтому обычай употреблять въ пищу лошадиное мясо стоялъ въ связи съ поклоненіемъ божеству Таргитаву (то есть блестящему диску, солнцу); обычай этотъ удержался отчасти и у племенъ нѣмецкихъ и славянскихъ, въ миѳологіи которыхъ *конь* имѣетъ не менѣе важное значеніе.

Скиѳы любили также крѣпкіе напитки: медъ и вино, посвященное богу солнца, носившему на ихъ языкѣ частное названіе *Pak*, *почтенный*, которое г. Бергманнъ сближаетъ въ санскр. bhaga, греч. bakchos, славян. богъ. Ѳракійскіе Геты называли вино словомъ *seila*, (Phot. lex. p. 51) или *zilai* (Hesych. 1, 1585), что стоитъ въ видимой связи съ названіями санскр. *hila*, готск. *hails*, скан.. *heill*, верхненѣмецк. *heil*, слав. *зѣліе* по близкому сходству самыхъ понятій.

Одежда Скиѳовъ состояла большею частію изъ звѣриныхъ кожъ, а оружіе—составляли лукъ и стрѣлы; вообще—они были искусными стрѣлками—и особенное искусство въ этомъ отношеніи приписывалось богу солнца—Таргитаву, отцу вождей и всего народа.

Не имѣя осѣдлости, Скиѳы кочевники обитали въ подвижныхъ шатрахъ, поставленныхъ на колеса и покрытыхъ сверху кожею. Эти кибитки у Сарматовъ назывались *koli-maga*, то есть домъ на колесахъ. Въ такой *колымагѣ*[1]) помѣщалось обыкновенно цѣлое семейство (taviti) — и въ случаѣ нападенія ихъ соединяли вмѣстѣ и составляли *цѣпь*, *украинскій или чешскій таборъ*. У сѣверныхъ Скиѳовъ, гдѣ во время зимы стояли большіе снѣга, крытые шатры ставились на дровни и назывались Sangi, то есть скользящія, русск. сани, санки (Pomp. Mela ad Virg. Geor. I, 164). Оставивъ кочевую жизнь, Скиѳы оставили и свои подвижныя жилища: они научились складывать изъ дерева избы, budes (сравни сканд. budir, слав. буд-овать, буд-ка и т. д.)

---

1) Лингвистическій разборъ этого слова у Буслаева въ сочиненіи: «О вліяніи христіянства на славянскій языкъ» стр. 52.

Идея *рода*, *семейства* у Скиѳовъ — также, какъ у Славянъ и Германцевъ — была нераздѣльна съ идеею о жилищѣ подъ однимъ кровомъ. Подвижной очагъ номадовъ, два-три камня, которые они возили съ собою — были символомъ этого единства. Такимъ образомъ скиѳское названіе очага taviti — употреблялось, какъ имя цѣлаго рода или семейства, а отсюда перешло уже и на цѣлый народъ и такъ явилось гетское teut, скандин. thiod, кельтск. teuta, готское tiud-isk, и новонѣмецкое deut-sch...

Свободные люди составляли такъ называемый народъ: они хотя владѣли имуществомъ, но не въ такой степени, какъ знатные и благородные. У Скиѳовъ-кочевниковъ состояніе считалось не по количеству и величинѣ стадъ, но по числу повозокъ, которыми владѣли. Это потому, что величина стада всегда опредѣлялась количествомъ возовъ: глава одного семейства владѣлъ одною повозкою съ двумя быками и соотвѣтствующимъ числомъ рабовъ и скота (Hipp. 1, § 93). Такой владѣлецъ назывался обыкновенно *восьминогимъ* по числу ногъ двухъ быковъ. По мѣрѣ увеличенія семейства увеличивалось и число рабовъ, повозокъ и скота. Когда позднѣе Скиѳы-пахари ежегодно дѣлили землю, то участки всегда зависѣли отъ количества возовъ: у Гетовъ же и Скандинавовъ, давно оставившихъ кочевую жизнь и обитавшихъ въ деревянныхъ избахъ, раздѣлъ совершался сообразно величинѣ жилища и его положенію относительно солнца. Здѣсь нельзя не видѣть древнѣйшаго вѣрованія въ солнце въ связи съ правомъ на владѣніе землею, превосходно раскрытаго въ послѣднее время В. Менцелемъ въ его статьѣ: Das altdeutsche Sonnenleben (въ жур. Germania v. Pfeiffer, к. 1.). Съ раннихъ временъ у Скиѳовъ является уже царская власть. Существеннымъ ея аттрибутомъ былъ щитъ, какъ символъ покровительства, защиты. Царская власть, основанная на мысли о чистотѣ крови и превосходствѣ породы, была если не наслѣдственною, по крайней мѣрѣ всегда сохранялась въ знатнѣйшемъ родѣ. Женщины тоже не исключались изъ этого правила — и многія изъ нихъ, по свидѣтельству Геродота, правили народомъ по смерти своихъ мужей.

Должно, однако, сознаться, что у Скиѳовъ какъ существованіе царской власти, такъ и самаго государства — вопросъ темный и непонятный. Можетъ быть, это были вожди какого нибудь отдѣльнаго народа, но никакъ не цѣлаго племени Скиѳовъ, чуждаго государственныхъ элементовъ и централизаціи. Длинные волосы у всѣхъ индо-европейскихъ народовъ считались признакомъ высокаго, благороднаго происхожденія — тоже находимъ мы и у Скиѳовъ (Strobeus c. 145, p. 432). Между ними существовало также *побратимство*, какъ

и между Скандинавами и Славянами: въ вѣка, когда всѣ отношенія опредѣлялись кровными связями, всякая другая привязанность понималась не иначе, какъ въ смыслѣ родства, связей крови. У Скиѳовъ *братьями названными* были особенно воины — и существовалъ даже особый символическій обрядъ *побратимства*: два воина смѣшивали вино съ собственною кровью и каждый изъ нихъ пилъ оттуда. Этотъ обычай имѣлъ еще свою силу въ средніе вѣка: у Скандинавовъ смѣшеніемъ крови противниковъ заключалась дружба, примиреніе; отвѣдавъ крови другаго, человѣкъ становился его *кровнымъ братомъ*. Тоже находимъ мы и у Арабовъ [1]). Только по совершеніи такаго обряда Скиѳы могли оказать помощь чужеземцу; но чтобы окончательно сдѣлаться членомъ семейства и принимать участіе въ домашнемъ богослуженіи, онъ долженъ былъ совершить другой символическій обрядъ: *ступить ногою на кожу священнаю быка* — и тогда получалъ полныя права родственника. Позднѣе у племенъ нѣмецкихъ этотъ обрядъ нѣсколько измѣнился: мѣсто *кожи* занимаетъ *обувь:* глава семейства убивалъ трехъ-лѣтняго быка и изъ кожи правой ноги дѣлалъ обувь, которую онъ надѣвалъ и которую потомъ передавалъ своему наслѣднику или другу. Этимъ обрядомъ скрѣплялось ихъ взаимное родство и связь (Bundschuh): остатки его сохранились и у племенъ славянскихъ въ обычаѣ *разуванія*, который могъ означать и *покорность* и, вмѣстѣ съ тѣмъ, *родство* [2]).

Гостепріимство стояло въ связи съ чисто семейнымъ, кровнымъ взглядомъ на отношенія: чужеземецъ пользовался имъ только потому, что, сидя у священнаго очага, онъ былъ тѣмъ же членомъ семейства — и всѣ *родственники* были обязаны кормить и защищать его. Въ равной мѣрѣ понятія о правдѣ и справедливости вытекали изъ тѣхъ же естественныхъ кровныхъ отношеній: месть за обиду какому нибудь члену рода— вмѣнялась въ обязанность каждому его родственнику. Если лицо, нанесшее обиду, принадлежало къ *той же крови*, что и обиженный, ихъ судили въ присутствіи цѣлаго племени на чистомъ воздухѣ—предъ лицомъ свѣтлаго Таргитава (солнца) и его символа щита; тутъ же находился и мечь, представлявшій верховное божество. Это былъ своего рода поединокъ или *судебное поле*.

---

[1]) См. K. Weinhold, Altnordisches Leben — B. 1856 стр. 288 г. Chassan, Essai sur la symbolique du droit. Paris. 1844. p. 129.

[2]) Chassan. ouv. cité p. 159—161 и Grimm, Deutsche Rechtsalterthümer p. 155. Мы должны провѣрить цитату г. Бергмана, потому что она является у него не вполнѣ ясною и понятною.

Въ пользу умственныхъ способностей Скиѳовъ свидѣтельствуетъ уже и то, что Аѳиняне предпочитали скиѳскихъ педагоговъ (dahves) всѣмъ прочимъ.

Очень рано начали Скиѳы производить торговлю и уже въ VI вѣкѣ до нашей эры они соперничали съ Финикіянами въ добываніи янтаря на Балтикѣ. Промышленность напротивъ не имѣла у нихъ такаго развитія, какъ у другихъ народовъ древности: они производили только предметы своей необходимости, каковы: оружіе, повозки, земледѣльческія и домашнія орудія. Изъ металловъ—если вѣрить свидѣтельству Геродота — Скиѳамъ были только извѣстны золото и мѣдь. Изобрѣтеніе искусства ковать приписывалось миѳическому лицу *Лидусу* (готск. liuds, искусный), предшественнику скандинавскаго Волундра и миѳическаго ковача славянскихъ народныхъ сказокъ.

Какъ у всѣхъ первобытныхъ народовъ—поэзія у Скиѳовъ была неразлучна съ музыкой: въ четвертомъ вѣкѣ до нашей эры пѣвцы скиѳскаго племени Агатурсовъ были въ одно и тоже время и *поэтами и жрецами* и *посланниками* у чуждыхъ племенъ (Athen. XIV, 24). Эта связь, по видимому, разнородныхъ понятій прямо указываетъ на простоту умственныхъ и нравственныхъ интересовъ народа, еще незнакомаго съ цивилизаціею. Дѣйствительно, судьбы скиѳскаго племени совершались въ такъ называемый до-историческій періодъ, когда жизнь народа, заключенная въ форму обычая и преданія, питалась еще своими внутренними соками и въ преданіяхъ родной старины находила полное удовлетвореніе своихъ нравственныхъ потребностей. Отъ этого далекаго времени исторія почти не доноситъ намъ событій, какими она бываетъ богата съ тѣхъ поръ, какъ народъ твердою ногою выступаетъ на широкую сцену столкновеній съ другими историческими племенами; вмѣсто отдѣльныхъ лицъ здѣсь выступаютъ густыя народныя массы съ своими завѣтными убѣжденіями, освященными стариной и преданіемъ. Въ этотъ, если можно такъ выразиться, эпическій періодъ жизни главнымъ дѣйствующимъ органомъ является религія. Изъ нея исходятъ всѣ коренныя убѣжденія народа, выражающіяся въ его поэзіи, преданіяхъ, обычаяхъ; наивное чувство дикаря обращается къ этому источнику всякій разъ, когда вниманіе его тревожитъ какой нибудь вопросъ, или какое нибудь явленіе, объяснить которое онъ не можетъ. И до тѣхъ поръ, пока это простодушное вѣрованіе еще не смущается возникающей цивилизаціею и наукою, пока не запало въ душу сомнѣніе — религія народа всегда вѣрна его нравственнымъ интересамъ и его духовной природѣ. Въ эпическій періодъ народъ такъ тѣсно связанъ съ своими религіозными убѣжденіями, что говорить о немъ — и не обращать внима-

нія на его миѳологію — можетъ развѣ естествоиспытатель, дорожащій однимъ наружнымъ признакомъ. Историкъ не имѣетъ этого права: въ народной миѳологіи выразился весь народъ, вся его жизнь и вся его исторія, если исторія существовала во времена до историческія. Поэтому обстоятельное изслѣдованіе народной миѳологіи должно стать во главу каждаго этнологическаго труда. Этому вопросу Бергманнъ посвящаетъ 2-ую часть своего мемуара (стр. 31—74). Номады или пастухи — Скиѳы боготворили *небо*, какъ существо живое, одаренное высшею силою. Небесныя свѣтила въ началѣ были только украшенія этого зооморфическаго божества, носившаго названіе *Дива*, т. е. Зевса, блестящаго (отъ *div* — блестѣть, санскр. *Diaus*, греч. *Zeus* чрезъ *Difs*, латин. Deus и славянск. дѣва-я, дивъ). Это небо, *этотъ скиѳскій Зевсъ* ниспосылалъ дожди, оплодотворялъ землю—и потому считался мужемъ *земли* (Apia); отъ него вели происхожденіе боги, герои, всѣ люди вообще и племена скиѳскія въ особенности: оттого на ихъ языкѣ онъ носилъ эпитетъ *pappaios* (Her. 4,59), который Бергманнъ сближаетъ съ греческимъ pappos, арм. pap, славянск. умен. папа, что значитъ предокъ, родоначальникъ, дѣдъ; подобно тому, какъ въ Словѣ о полку игоревѣ Русичи называются *внуками* Даждь-Бога. Скиѳскій Зевсъ былъ также богомъ воителемъ (сканд. Одиномъ), его символомъ былъ *мечь*, воткнутый въ землю передъ судившимъ (сравни въ *Судѣ Любуши*: «Mec criudu caraiuci»). Воинственный предводитель — Зевсъ былъ вмѣстѣ и богъ громовержецъ, очиститель земли — *Pirchunis*, нашъ Перунъ: простодушное народное вѣрованіе сближало войну съ грозою, такъ что даже въ природѣ сканд. Одина легко отличить еще многія черты его предшественника—Тора.

Поклоненіе скиѳскому *Диву*, небу, какъ верховному божеству, составляетъ древнѣйшій періодъ миѳологическаго процесса въ сознаніи индо-европейскаго племени. Это періодъ поклоненія *ураническому Зевсу* или *вѣчно ходящему небу*.

На ряду съ поклоненіемъ небу — существовало поклоненіе землѣ. Если справедлива этимологія Бергманна[1]), то въ скиѳскомъ названіи земли — *Apia* (островъ, земля, вышедшая изъ воды) — сохранилось одно изъ древнѣйшихъ космогоническихъ воспоминаній индо-европейскаго племени: *о выходѣ твердой земли изъ моря*. Апія (земля) считалась женою Дива (неба), матерью боговъ и лю-

[1]) Сравни народ. рус. эпитетъ: «мать сыра земля» и скандинавское преданіе о миѳической коровѣ (gô, jy — земля) Аудумбла, отъ которой пошелъ родъ боговъ и людей.

дей [1]): отъ нихъ, по преданію, произошло Солнце, (Targitavus, блестящій дискъ), отецъ народа скиѳскаго. Съ распространеніемъ земледѣлія *Апія*—получила названіе *aviatha*, т. е. *взоранная, вспаханная* — и вскорѣ потомъ представленіе о ней окончательно измѣнилось: именемъ ея обозначали не вообще землю, но только землю сырую, влажную, островъ, а у Гетовъ мы находимъ даже совершенно иное названіе iördh — земля.

Переходимъ къ другимъ божествамъ скиѳской миѳологіи. *Солнце—Svalius (Targitavus, Vaitashurus)* въ началѣ не имѣло значенія отдѣльнаго, самостоятельнаго божества и разсматривалось какъ необходимая часть *Неба (Divus)*, оттого названіе его филологически тождественно съ названіемъ неба: санскр. *svar, sur*, свѣтить—*(Svarga*, слав. *сварогъ)*, греч. *Seirios* готск. *sauil*, литов. *saule*, сарм. *kols*, сканд. *hjul*, *sôl* и нак. славян. *слънце*. Позднѣе Солнце, какъ божество, получаетъ самостоятельное значеніе: Скиѳы представляли его подъ видомъ разныхъ животныхъ и въ особенности свѣтлаго коня, который быстро пробѣгаетъ небесныя пространства, ниспосылая на землю свѣтъ и теплоту изъ своихъ глазъ, ноздрей, свѣтоносной гривы и хвоста. Массагеты называли его *божествомъ быстрѣйшимъ изъ всѣхъ* (Herod. 1, 216) и всѣ Скиѳы, какъ и Индійцы, Персы, Лакедемоняне — приносили ему въ жертву коня. Ему были посвящены тѣ бѣлые кони, которые содержались въ Скиѳіи на тучныхъ пастбищахъ по берегамъ озера Гипаниса (Her. IV, 52). Такое священное значеніе коня у Скиѳовъ находитъ полное подтвержденіе въ преданіяхъ и миѳическихъ обрядахъ племенъ славянскихъ: стоитъ только вспомнить Свѣтовита арконскаго и его бѣлаго коня, содержавшагося въ храмѣ у Славянъ балтійскихъ. Изъ божества зооморфическаго солнце съ теченіемъ времени приняло антропоморфическія формы и сдѣлалось богомъ-покровителемъ стадъ и охоты — *Vaitashurus* (oitoskurus, по Герод.) охотникъ: vaita — охота, пастбище и shurus быстрый, народ рус. *суръ* (см. Древн. Россійс. Стих. Кирши Дан. 271); другое названіе его было *Targitavus* т. е. блестящій дискъ; (Скиѳ. tavus *divus* — отъ *dio* блестѣть); въ сущности и *Vaitashurus* и *Targitavus*—были одно и тоже божество подъ различными именами: Vaitashurus, по мнѣнію Бергманна, ближе подходитъ къ греческому Аполлону, отважному воину, представителю физической силы солнца; а Targitavus — стоитъ въ связи съ греческимъ Геркулесомъ. Вотъ почему Скиѳы-Эллины да-

---

[1]) Apia, греч. Aia, евр. Avi, гетск.-Avia, какъ Scandin-avia, сканд. ey, швед. ö — островъ. Bergmann p. 34.

вали Таргитаву имя Геркулеса (Schol. ad Theocr. 13, 56; Tzétzès ad Lyk. 50).

По мифическому преданію Скиѳовъ *солнце* (Targitavus, Vaitashurus) было сыномъ *неба* (Divus) и *земли* (Apia). Отсюда *солнце* получило названіе *Svalius* т. е. происшедшій отъ неба, блестящій (санскр. Sourias, откуда Svarias или Svalias, іонійское haelios). Это скиѳское названіе *Svalius* — Скиѳы-Греки передавали словомъ *Saulios* и Геродотъ говоритъ, что таково было имя одного скиѳскаго царя, брата Анахарсиса. По славянскому народному преданію, сохранившемуся въ древнемъ переводѣ византійскаго лѣтописца Малалы[1]), *Солнце*, *Дажьбогъ* — *также было сыномъ Сварога* т. е. неба. Названіе *Svalius* нисколько не противорѣчитъ лингвистическому тожеству, о которомъ мы говорили выше; а скорѣе еще подкрѣпляетъ его, будучи, очевидно, того-же самаго корня: *сур*, свѣтить. Отъ *Солнца*, по скиѳскому преданію, родилось три сына героя: *Hleipoksais*, щитъ-герой, *Argo-ksais* — витязь-стрѣла, и *Kolo-ksais* — соха-герой. Послѣдній, какъ извѣстно, былъ родоначальникомъ Скиѳовъ-пахарей; два первые брата дали происхожденіе другимъ скиѳскимъ племенамъ-кочевникамъ и воинамъ. Чрезъ своихъ сыновей *солнце*— считается дѣдомъ, родоначальникомъ скиѳскаго племени, подобно тому, какъ въ Словѣ о полку игоревѣ *Руссичи* называются *внуками* Дажь-Бога т. е. *солнца*. Останавливаясь на позднѣйшихъ видоизмѣненіяхъ этого сказанія, Бергманнъ дѣлаетъ догадку, заслуживающую, по нашему мнѣнію, серьезнаго вниманія: она касается значенія имени *Славянъ*, которое до сихъ поръ не объяснено надлежащимъ образомъ. Принявъ за фактъ, что Скиѳы считали себя потомками солнца и что они положили происхожденіе Славянамъ — Бергманнъ въ послѣднемъ имени видитъ воспоминаніе о происхожденіи отъ солнца и ради этого допускаетъ слѣдующую перестановку плавныхъ буквъ: *Svalius* отъ *Sval* а отсюда *Slav* — Славя-нинъ т. е. происходящій отъ солнца. Тоже самое преданіе онъ видитъ и у племенъ нѣмецкихъ, которые говорили, что *Tiviskus*, *Tiusko*, т. е. сынъ *Неба* (tiu, скиѳск. *Divus*) и *Земли* былъ отцемъ Манна и чрезъ него— всего племени нѣмецкаго. Воздерживаясь отъ преждевременнаго заключенія, мы позволили себѣ только замѣтить, что мнѣніе Бергманна о происхожденіи имени Славянъ не противорѣчитъ ни лингвистическимъ даннымъ, ни древнѣйшему религіозному сознанію этого пле-

---

[1]) Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго, издан. Оболенскимъ. М. 1851 г., XXII, XXIII предисловія.

мени, гдѣ поклоненіе солнцу имѣло такое широкое распространеніе [1]). Какъ богъ солнца, родоначальникъ скиѳскаго племени, Таргитавъ былъ *защитникомъ народа* (Tavit-varas). У ѳракійскихъ Гетовъ онъ носилъ имя *Skalmo-ksais*, *Zalmoxis* т. е. герой въ шкурѣ, потому что, какъ разсказываетъ преданіе, еще будучи ребенкомъ, онъ убилъ медвѣдя и одѣлся въ его кожу. Сродство его съ скандинавскимъ Одиномъ въ послѣднее время осязательно доказано Вольфгангомъ Менцелемъ [2]). Свойства и аттрибуты Солнца, божества Скиѳовъ, съ теченіемъ времени осложнились и увеличились у ихъ потомковъ — и такимъ образомъ появились многія божества, которыя въ началѣ были не иное что, какъ только свойства скиѳскаго Солнца. Таковы, по мнѣнію Бергманна — славянскія: Бѣлъ-богъ (?) Свѣтовитъ, Радегастъ, Волосъ; Арминъ, Фоль, Твиско — у Нѣмцевъ: Бальдеръ, Гӧдуръ, Фрейръ и мног. друг. — у Скандинавовъ.

Сестрою и супругою солнца была *луна*, носившая тоже названіе, что и солнце, только въ женской формѣ *vaitaskura* (oitoskura по Геродоту).

И луна и солнце въ понятіяхъ Скиѳовъ существа оплодотворяющія; потому *Artimpasa*[3]), антропоморфическое божество луны—была вмѣстѣ и божествомъ *рожденія*, плода; извѣстіе Геродота (1,216) о существованіи у Скиѳовъ-номадовъ священной проституціи, вѣроятно, должно отнести къ древнѣйшему культу Артимпасы; но уже въ седьмомъ вѣкѣ до Р. Х. —поклоненіе лунѣ, какъ божеству *рожденія* и *физическаго производства* теряетъ свой живой, природный характеръ: вліяніе Артемиды киммерійской и индійскаго аскетизма—соединяютъ въ культѣ Артимпасы двѣ противуположности: оставаясь покровительницею физической любви и брака, она, въ тоже время, становится божествомъ воздержанія и чистоты въ восточномъ смыслѣ. Такое смѣщеніе двухъ представленій — есть явленіе относительно позднѣйшее: въ началѣ Скиѳы чуждались аскетизма и у нихъ существовало даже преданіе, что Артимпаса въ гнѣвѣ за святотатственное оскорбленіе храма *небесной Афродиты* въ Аскалонѣ—*наказала* ихъ племя неспособностью къ физической любви.

---

[1]) Примѣры подобной перестановки въ языкѣ не рѣдки: ладонь, долонь, длань; монастырь, манастырь; медвѣдь — вѣдмедь и мн. др. См. также ст. Срезневскаго *Объ обожаніи солнца у древнихъ Славянъ*. Ж. М. Н. П. 1849, № 7.

[2]) Menzel — Odin. Star. 1855. p. 7—8.

[3]) Относительно самаго слова Бергманнъ полагаетъ, что оно состоитъ изъ прилагат. *artin* (благородный, ср. санскр. arthin, гот. artheins, древневерхненѣм. artin), происходящаго отъ *art* и женск. сущест. *pais* господинъ, женщина; так. образомъ *Artimpasa* будетъ значить *благородная женщина*, госпожа р. 41.

Кромѣ *неба* и *земли*, *солнца* и *луны* — предметомъ, непосредственно касавшимся человѣка, былъ *огонь*. Огонь впервые положилъ рѣзкую границу между человѣкомъ и животнымъ; но земной огонь только слабый отблескъ, незначительная часть *огня небеснаго* т. е. солнца и молніи. Чистый и священный—*небесный* огонь сознавался существомъ мужеской силы (санскр. agni, лат. ignis); огонь земной, напротивъ — заключалъ въ себѣ элементы женскіе: онъ былъ *дочерью* солнца или молніи.

Божество огня у Скиѳовъ называлось *Тавити* (Tabiti—Her. IV 59), *сожженная* (отъ санск. tava блестѣть, tapati). Съ понятіемъ *огня* у народовъ первобытныхъ соединяется понятіе объ исключительной собственности, принадлежности: только членъ семейства или рода пользовался домашнимъ очагомъ и участвовалъ въ домашнемъ жертвоприношеніи. *Очагъ*, съ которымъ связывалось представленіе о *семьѣ*, сталъ символомъ *рода*, *семьи*, *жилища*, потому что семья всегда живетъ подъ однимъ кровомъ. И такъ какъ въ естественномъ бытѣ родовое начало составляетъ главную скрѣпляющую связь племенъ, то именемъ *очага* (taviti) называлось и племя, а потомъ даже и цѣлый народъ. Такимъ образомъ объясняетъ Бергманнъ народное названіе племенъ нѣмецкихъ: скиѳск. *taviti* — огонь, очагъ, семья; кельт. *teuta* — племя; готск. *thioth*, *theuth* также племя; сканд. *thiodh*; древне-верхне-нѣм. *diot* — цѣлый народъ. Отсюда становится яснымъ значеніе *огня*, какъ божества — защитника домашняго крова, семьи, племени и народа.

Скиѳы-номады не имѣли постояннаго жилища и ихъ *очагъ* состоялъ изъ нѣсколькихъ камней, которые они вездѣ возили съ собою. Этотъ *подвижной* домашній *очагъ* имѣлъ священное значеніе и былъ неприкосновененъ, какъ символъ семьи и какъ мѣсто для общественныхъ жертвоприношеній богамъ. Царь былъ отцемъ и начальникомъ великой семьи, цѣлаго племени или народа, его *очагъ* имѣлъ общественное значеніе и клятва царскимъ *очагомъ* была у Скиѳовъ самою торжественною и великою клятвою, подобно тому, какъ у Грековъ и Римлянъ клятва *Гестіей* или *Вестой*, божествомъ *очага*. Оттого преступившій такую клятву у Скиѳовъ считался клятвопреступникомъ противъ самаго божества Тавити и верховный представитель народа несъ на себѣ всю тяжесть подобнаго преступленія до поры, пока найдется виновный (Herod IV, 68). Въ качествѣ покровительницы семьи — Тавити носила названіе *царицы Скиѳовъ* (Herod. IV, 127), какъ и отецъ ея Таргитавъ — былъ *защитникомъ народа*. Съ теченіемъ времени измѣнился и характеръ древнѣйшаго самосскаго поклоненія божеству огня; если славянская

и литовская миѳологія еще обнаруживаютъ явные слѣды этого культа, то имя *Тавити* совершенно исчезло и сохранилось только у племенъ нѣмецкихъ и то въ отвлеченномъ названіи *народа* (*theut*, *theuthisk*—происходящій отъ Тевта). Поклоненіе такъ называемымъ стихіямъ также имѣло свое мѣсто въ миѳологіи Скиѳовъ: существо двуполое *Rinda* (*Plin.* Hist. natur. 6, 7), имя которой Бергманнъ возводитъ въ мужес. форму *Vrindus* — считалось божествомъ воднымъ; въ немъ преобладала женская природа—и вотъ почему Скиѳы называли источники или озера — *матерями рѣкъ* (Herod. IV, 52). Какъ у всѣхъ индо-европейскихъ народовъ вода имѣла значеніе очистительное, плодотворное, такъ и у Скиѳовъ водное божество стояло въ связи съ идеею плодородія земли и людей. Этимъ могутъ быть объяснены многіе народные славянскіе обряды и обычаи, относящіеся преимущественно къ браку и записанные на первыхъ страницахъ нашихъ историческихъ памятниковъ, каковы: *умычка у воды*, *бракосочетаніе чрезъ плесканіе водою* и м. др. [1]) Замѣчательно, что между позднѣйшими названіями водняго божества встрѣчается и имя *вилы* (Vili), можетъ быть, указывающее на свою связь съ миѳическимъ существомъ того-же имени у Сербовъ. Дальнѣйшая исторія этого божества у Славянъ и Скандинавовъ является въ сочиненіи Бергманна въ гадательной и едва-ли правдоподобной формѣ: онъ изобрѣтаетъ даже какое то славянское божество *Nirdus'a* и заставляетъ его переходить въ Скандинавію подъ формою *Niördur'*a. Не отрицая связи скиѳскаго *Vrindus'a* съ скандинавскими божествами моря, охоты, каковы *Niördur* и *Skadi*, мы не можемъ, однако, принять на вѣру гаданія автора, относительно значенія этого божества у Славянъ — и это по весьма простой причинѣ: по недостатку положительныхъ основаній, не замѣнимыхъ никакимъ остроуміемъ и лингвистическими натяжками [2]).

Страшное для первобытныхъ младенческихъ народовъ—море носило у Скиѳовъ миѳологическое названіе *Thami-masa-das*, *страшный*, *ужасный*. У Массагетовъ была даже царица *Тамирисъ*, т. е. дочь страшнаго океана (ассир. Семирамисъ), существо миѳологическаго происхожденія. Океанъ у Скиѳовъ считался хранителемъ муд-

[1]) См. Срезневскаго, Изслѣдованія о языческомъ богослуженіи древнихъ Славянъ. Спб. 1848, стр. 21—23.

[2]) На такія предположенія Бергманнъ, вѣроятно, былъ вызванъ тѣмъ, что скандин. Niörder, отецъ Фрея и Фреи, были боги *Ваны* т. е. Венды, славянскаго происхожденія; но славян. происхожденіе Вановъ вопросъ далеко еще не рѣшенный!

рости и его названіе по сходству впечатлѣнія (Thami) имѣло почти однозначущій смыслъ съ опьяняющимъ напиткомъ медомъ (санскр. *madhu*, греч. *mathu*, сканд. *miödr*), съ которымъ въ древности соединяли понятіе о высшей мудрости, дарѣ предвѣдѣнія и поэзіи. Поэтому и скиеское названіе океана *Masa-das* (зендск. *Maz-doo*) означаетъ *много-сіяющій*, *многовѣдущій*, *вѣщій*. Позднѣе названіе *thami* измѣнилось у племенъ нѣмецкихъ въ *tomi* готск. (наше *темный*, *мрачный*) или *Sami* сканд. (океанъ, мрачный, ужасный напр. *Самогитія* — морская Гетія, *sam-leitr* мрачный ликъ); самый эпитетъ *Masa-das*, *многовѣдущій* получилъ неблагопріятное значеніе колдуна.

Скиеы обыкновенно употребляли имя высшаго божества для обозначенія идеи божества вообще. Такъ Пареы и Сарматы поклонялись преимущественно *солнцу*, которому они придавали эпитетъ *Рак почтенный* (сравни санскр. *bhagas*, пер. *baga*, греч. *bakchos*, фриг. *bagaios* и слав. *Богъ*) и князья Пареянъ назывались *Pak-pur* (ср. сканд. burr-сынъ), что въ началѣ значило *сынъ солнца*, *почтеннаго*, но послѣ получило болѣе общій смыслъ *сынов бога*.

Все это божества болѣе или менѣе свѣтлыя, добродѣющія; но у Скиеовъ сохранилась память и о древнѣйшемъ поколѣніи божествъ характера враждебнаго человѣку и свѣтлымъ божествамъ. Они были олицетвореніемъ губительныхъ силъ природы и въ образѣ сухихъ жгучихъ вѣтровъ *пожирали*, какъ говорили тогда, *плодоносящія* облака, собранныя небеснымъ богомъ Перуномъ (Pirchunis). Эти божества демоническія — были Турсы и Іотуны. Имя скиескаго царя *Ithan-thursos* (Iust.) показываетъ, что Турсы и Іотуны скандинавской миеологіи были извѣстны подъ такимъ же именемъ и въ миеологіи Скиеовъ. Слѣды молніи, видимые еще во время Геродота (IV, 82,) въ Скиеіи на берегахъ Тира, были, безъ сомнѣнія, памятниками страшной борьбы скиескаго Перуна съ враждебными Турсами и Іотунами. Въ скандинавской миеологіи характеръ Турсовъ и Іотуновъ долженъ былъ измѣниться сообразно съ природою страны.

Индо-европейское племя вѣрило, что родственники по смерти становились *защитниками*, *покровителями семьи*; потому Индусы давали душамъ усопшихъ названіе *pitaras*, *отцы*, предки, а въ простомъ русскомъ народѣ покойники до сихъ поръ называются *родителями*. Души усопшихъ представлялись живыми существами въ образѣ дѣтей. Таковы скиескіе *kvarkes* (Lucian), перешедшіе потомъ въ готск. *dvairgs*, сканд. *dvergr*, нѣмец. *zwerg*, карликъ. Эти души усопшихъ отцовъ были защитниками-покровителями *семьи и родного крова*, а потомъ и цѣлаго племени,—представленіе, какъ нельзя пол-

ніе согласующееся и съ преданіями славянскихъ племенъ, гдѣ души усопшихъ въ видѣ карликовъ, оказываютъ тоже загробное покровительство своимъ родственникамъ и домашнему *очагу* [1]).

Молитва и общественное богослуженіе Скиѳовъ совершалось у роднаго очага въ кругу семьи или рода, глава котораго былъ вмѣстѣ и жрецъ. Цари и начальники цѣлаго племени въ своей особѣ соединяли и обязанность верховнаго жреца: они отвѣчали за всѣ общественныя бѣдствія, какимъ подвергался народъ, и не рѣдко сами подвергались смерти; на нихъ падала также вина за преступленіе противъ религіи, совершенное какимъ нибудь подданнымъ: божество Тавити ниспосылало на нихъ тогда болѣзнь и скорбь. Царь былъ блюстителемъ чистоты и неприкосновенности религіи; тамъ же, гдѣ царская власть была въ рукахъ женщины, общественное богослуженіе совершалось самой царицею; при ней находились дѣвы, обязанность котырыхъ заключалась въ исполненіи жертвоприношеній, почему они и носили названіе *мужезаклятельниць* (скиѳ. viro-pata, санскр. vîra-badhâs).

У Скиѳовъ были свои волхвы и пророки (les inspirés): они слыли за людей, любимыхъ божествомъ, и народъ приписывалъ имъ сверхъестественное воодушевленіе и имъ повиновался. Таковы были Энары (Enâres), покровительствуемые божествомъ Артимпасою.

У Гетовъ дакійскихъ они жили въ строгомъ воздержаніи и носили названіе *благословенныхъ* (гет. Plêthtas; Herod. Pleistoï). Ихъ поклоненіе преимущественно было обращено къ божеству солнца, почему и самое солнце носило наименованіе Pleistôros (Pleistvaras, Herod. IX, 119). На народъ эти люди имѣли сильное вліяніе: начальники племенъ приближали ихъ къ себѣ для укрѣпленія своей власти и они были ихъ совѣтниками и соправителями. Таковъ, напримѣръ, былъ гетскій волхвъ *Зальмоксисъ* (Strabon 7, 3, 5). Онъ обиталъ въ странѣ дикой и покрытой ущельями. Гора и рѣка, вблизи которыхъ находилось жилище этого человѣка, слыли *святыми* и носили названіе *Ko-gaiones* (Kô-gavium — мѣсто коровъ). Зальмоксисъ не имѣлъ сношенія ни съ кѣмъ: ни съ царемъ, ни съ его слугами. Историки древности упоминаютъ еще о нѣкоторыхъ подобныхъ волхвахъ у Гетовъ.

Священныя гаданія у Скиѳовъ были трехъ родовъ: первый способъ состоялъ въ томъ, что волхвы, Энары брали липовый лубокъ

---

1) См. письмо пр. Буслаева къ г. Соловьеву стр. 21 — 22, ст. Аѳанасьева: «Дѣдушка домовой» въ Архивѣ Калачева, 1, VI, стр. 16 и слѣд. Ibidem. ст. Буслаева. от. IV, стр. 38 — 44.

или кожицу и ею обертывали пальцы съ цѣлью произвести извѣстнаго рода дѣйствія; второй способъ употреблялся обыкновенно во жертвоприношеніи: собирали жертвенную кровь въ священный сосудъ и предсказывали событія по ея цвѣту и испаренію. Такой сосудъ, *священный котелъ* имѣли обыкновеніе ставить на *перекресткахъ*, посвященныхъ богу солнца — (Her. IV, 81) и съ этимъ, можетъ быть, стоитъ въ связи свидѣтельство Нестора, что Вятичи, еще въ его время, сожигали мертвеца и собравши кости, влагали ихъ въ малую посудину и ставили ихъ на столбѣ на путехъ. (Лавр. Тимк. p. 8). Гаданіе посредствомъ *рунъ*, палочекъ, былъ способъ самый употребительный у Скиѳовъ. По расположенію такихъ палочекъ или стрѣлъ предугадывали будущее и давали отвѣты. Всякій разъ, когда у Скиѳовъ занемогалъ царь, думали, что причиною этого была чья нибидь ложная клятва и призывали, по обычаю, трехъ гадателей, которые должны были отыскать виновнаго. Если ихъ показанія согласовались съ показаніями другихъ трехъ — лицо, на которое указывали, объявлялось виновнымъ и приносилось въ жертву божеству Тавити, а имущество его раздѣлялось между гадателями. Когда же показанія не согласовались, то приносились въ жертву самые гадатели со всѣмъ своимъ мужескимъ потомствомъ за то, что они оскорбили чистоту божества; ихъ сожигали на колесницѣ, запряженной быками (Herod. IV, 69). Въ скандинавской миѳологіи — Асы убили гадательницу изъ Вановъ и сожгли ее три раза, потому, что подозрѣвали ее въ троекратной лжи.

Гаданіе посредствомъ палочекъ, рунъ, еще долго существовало потомъ у племенъ нѣмецкихъ и славянскихъ; у послѣднихъ оно не осталось и безъ вліянія на образованіе письменности, извѣстной подъ именемъ Глаголицы.

Какъ не было у Скиѳовъ развитаго общественнаго богослуженія, такъ не существовало и храмовъ. Подъ открытымъ небомъ стоялъ большой жертвенный столъ изъ дерева или камня, возлѣ него находился *мечь, воткнутый* въ землю, символъ верховнаго божества войны; на этомъ столѣ обыкновенно приносилась жертва. Если племя кочевало долго на одномъ и томъ же мѣстѣ, такой жертвенникъ окружался рвомъ и частоколомъ; а самое *городище* считалось священнымъ и въ немъ хранились священные предметы и имущество божества. У Скиѳовъ понтійскихъ такое имущество состояло изъ золотаго плуга, золотаго ярма, чаши и золотаго воинскаго топора (Herod. IV, 5). Всѣ эти священныя вещи, по преданію, упали съ неба и владѣніе ими присвоивалось исключительно царской власти, потому что царь былъ вмѣстѣ и верховнымъ жрецомъ, первосвященникомъ на-

рода. Такъ миѳъ говоритъ, что Глейпоксайсъ и Арпоксайсъ уступилъ престолъ своему брату Колоскаису, когда онъ сдѣлался обладателемъ этого сокровища (ibid.). Въ извѣстный день въ году священныя вещи показывались народу и одинъ изъ рабовъ оставался на стражѣ въ продолженіе ночи; обыкновенно къ утру онъ исчезалъ, неизвѣстно куда, подобно тѣмъ рабамъ, которые, по свидѣтельству Тацита, присутствовали при религіозномъ празднествѣ богини Нерты.

Вѣроятно, эта древнѣйшая форма скиѳскихъ храмовъ была не иное что, какъ *городища* племенъ славянскихъ и нѣмецкихъ; у послѣднихъ даже находимъ тоже *священное сокровище*, что и у Скиѳовъ и того же раба-сторожа (Tacit. Ger. 43).

Съ развитіемъ религіознаго культа Скиѳовъ и Гетовъ — надъ символомъ верховнаго божества (т. е. надъ мечомъ) явился шатеръ, сдѣланный изъ кожъ и плетня, и самый жертвенникъ закрывался отъ взоровъ непосвященныхъ: у Скандинавовъ въ началѣ храмы состояли изъ простыхъ шатровъ (Hlêthro).

Опредѣленные праздники, когда, по понятіямъ народа, божество нисходило на землю и навѣщало людей, сопровождались у Скиѳовъ жертвоприношеніями. Ими достойно встрѣчалось божество. Общественныя жертвоприношенія совершались цѣлымъ племенемъ, а частныя—только извѣстною семьею или родомъ. Пиршества были не раздѣльны съ возліяніями, носившими тоже священный характеръ (Inst. Luc. Toxaris, 43). Въ необыкновенныхъ случаяхъ жертвы были кровавыя: каждому божеству приносились въ жертву животныя, исключительно ему посвященныя: такъ *солнцу* жертвовались *бѣлые кони*. Способъ жертвоприношенія у Скиѳовъ состоялъ *въ удавленіи:* они не любили проливать крови (Herod. IV, 60, 71, 72). Впослѣдствіи у Гетовъ и Скандинавовъ находимъ употребленіе въ этомъ случаѣ—меча. Кровь жертвы, какъ было сказано выше, собиралась въ сосудъ и по ней совершались гаданья и предвѣщанія будущаго. Убитую жертву клали въ котелъ или прямо жарили на огнѣ, на который бросались и кости животнаго. Когда мясо было изжарено, избирали лучшую часть для божества и сожигали ее, или вѣшали на деревьяхъ святилища этого божества, или наконецъ—отдавали жрецамъ и священнослужителямъ. Другая половина жертвы шла на пиршество народу. Такъ какъ Скиѳы и ихъ потомки любили употребленіе горячихъ напитковъ, то такія религіозныя пиршества перешли потомъ въ оргіи и попойки. Они обыкновенно происходили въ большой годовой праздникъ зимняго солнцестоянія или праздникъ *солнца* (*коля-да* слав., *hiub* сканд.); здѣсь употреблялось вино въ такомъ неумѣренномъ количествѣ, что Греки, желая выразить глаголъ *напиваться*, употребляли иносказа-

тельное выраженіе: *пить какъ Скиѳв* (Arist. Probl. III, 7; Anacr, od. 55; Herod IV, 66). Въ пиршествахъ—какъ и у Скандинавовъ—принимали участіе и женщины (Strab. XI, 5, 8; Plato, de legib. 1, c. 9). Эта страсть къ употребленію горячихъ напитковъ, можетъ быть, находившаяся въ нѣкоторой зависимости и отъ свойствъ самаго климата, перешла и къ потомкамъ Скиѳовъ: Германцамъ и особенно Славянамъ. Благородные Скиѳы пили при такихъ случаяхъ въ память умершихъ предковъ и притомъ изъ черепа убитаго врага. Приводить славянскія аналогіи послѣднему—нѣтъ никакой надобности: онѣ слишкомъ извѣстны каждому; относительно же *питья въ память предковъ* слѣдуетъ вспомнить только наши поминки, очевидно восходящія своимъ началомъ ко временамъ язычества: Несторъ не только упоминаетъ о тризнахъ надъ могилою усопшаго; но подробно свидѣтельствуетъ о томъ, какъ Ольга, *перепоивъ* Древлянъ на могилѣ Игоря, приказала своимъ отрокамъ *пити на ня*, а дружинѣ умертвить ихъ (Лавр. стр. 29). Приносились въ жертву божеству также и люди, обыкновенно плѣнники. Такое событіе случалось во время важныхъ народныхъ празднествъ. (Herod. 1, 216; Mela 2, 1; Solin. 15, 2, 3.) Изъ ста плѣнниковъ жребіемъ избирался одинъ, на него смотрѣли не только какъ на будущаго служителя бога *войны*, которому онъ обрекался въ жертву, но и какъ на посланника, имѣющаго передать ему мольбы и желанія цѣлаго племени. Во время празднества, предшествующаго жертвоприношенію, обреченный пользовался всѣми правами *благороднаго* и даже—царя; остальные плѣнники также предавались въ это время всякаго рода удовольствіямъ. *Задушивъ* жертву, отрѣзывали руку, державшую мечь (т. е. правую) и бросали ее на воздухъ, означая тѣмъ что она приносилась исключительно божеству *неба* и *воздуха*. Нѣкоторая часть крови убитаго смѣшивалась съ мясомъ животныхъ, назначеннымъ для религіознаго пиршества (Herod. IV, 26), а потому чужеземцы и греческіе историки думали, что Скиѳы были людоѣды и употребляли въ пищу человѣческое мясо. (Plin. H. N. VII, 2). Такіе обряды мы встрѣчаемъ въ древности почти у всѣхъ языческихъ народовъ: у Кельтовъ, Гетовъ, Германцевъ и Славянъ. Такая смерть не считалась позорною; напротивъ на нее смотрѣли, какъ на благодѣяніе, какое оказывали человѣку, доставляя ему непосредственный доступъ къ божеству; оттого многіе добровольно обрекали себя божеству и или приносились въ жертву цѣлымъ народомъ и семьею, или убивали сами себя. Такъ поступали обыкновенно старики у Скиѳовъ и въ Скандинавіи (Plin. H. N. IV, 12), почему Массагеты и Дервичи и прослыли у Грековъ, какъ люди, приносящіе въ жертву старцевъ.

Смерть посредствомъ петли — имѣла также религіозный смыслъ: на деревьяхъ вѣшали жертву, посвященную божеству, и самый актъ не заключалъ въ себѣ ничего постыднаго: скандинавскій герой Гаддингъ, обрекая себя Одину, *повѣсился* на деревѣ въ глазахъ толпы людей, собравшихся присутствовать при такомъ *религіозномъ* дѣйствіи.

Свидѣтельства не говорятъ намъ о существованіи у Скиѳовъ древнѣйшаго погребальнаго обряда, состоявшаго въ томъ, что мертвеца пускали на лодкѣ въ открытое море; можетъ быть, этому противорѣчила самая мѣстность, гдѣ жили нѣкоторыя племена, мѣстность, лишенная моря; но если принять за данное, что Скиѳы — родоначальники Славянъ и Германцевъ, то должно допустить, что такой обрядъ у нихъ существовалъ въ старину, тѣмъ болѣе, что ясные слѣды его до сихъ поръ сохраняются въ языкѣ и преданіяхъ индо-европейскаго племени.

Положительно извѣстно существованіе у Скиѳовъ трехъ родовъ погребенія: или мертвое тѣло вѣшали на деревѣ въ честь божества *неба*, или его сожигали на кострѣ въ честь *огня*—Тавити, или, наконецъ зарывали въ *землю* т. е. посвящали божеству земли—Апіѣ. Очевидно, что самое погребеніе имѣло смыслъ священнаго обряда по отношенію къ божеству. Древнѣйшимъ способомъ погребенія Бергманнъ считаетъ первый: сожженіе явилось позднѣе—и еще позднѣе возникло зарываніе въ землю или *погребеніе* въ собственномъ смыслѣ. Погребальные обряды сопровождались *причитаніями* и *тризною*, а трауръ выражался въ томъ, что обрѣзывали волосы. По совершеніи обряда всѣ, сопровождавшіе мертвеца, очищались и окуривали себя дымомъ сѣмянъ льна и конопли (Herod. IV, 75).

Когда умиралъ царь, въ могилу съ нимъ вмѣстѣ опускали къ нему людей, его лошадь и нѣкоторые изъ драгоцѣнныхъ предметовъ, а надъ могилою насыпали высокій холмъ; чрезъ годъ убивали еще пятьдесятъ рабовъ или слугъ царскихъ и, укрѣпивъ ихъ тѣла на пятидесяти лошадиныхъ чучелахъ, располагали вокругъ могилы, чтобы защитить царскій прахъ отъ враждебныхъ дѣйствій злыхъ духовъ и отъ руки святотатцевъ (Herod. IV, 71). Всѣ эти обряды удержались въ главныхъ чертахъ и у потомковъ Скиѳовъ. Таковъ, напримѣръ, обычай *сожженія* у Скандинавовъ и Славянъ и позднѣе *погребеніе*, распространявшееся у нихъ же вмѣстѣ съ распространеніемъ земледѣльческаго осѣдлаго быта.

Скиѳы вѣрили также въ будущую жизнь, по крайней мѣрѣ это положительно можно сказать о Скиѳахъ понтійскихъ и Гетахъ. О волхвѣ Зальмоксисѣ разсказывали даже цѣлое преданіе: какую хитрость употребилъ онъ, чтобы заставить Гетовъ повѣрить въ буду-

щую жизнь (Herod. 4,94). Но это преданіе, по нашему мнѣнію, слишкомъ поздняго и притомъ не народнаго происхожденія, чтобы на немъ слѣдовало долго останавливаться. Замѣтимъ только, что у всѣхъ народовъ древности, у всѣхъ народовъ, составлявшихъ индо-европейское племя, вѣрованіе въ будущую жизнь составляло одну изъ существенныхъ частей народной миѳологіи. И эта вѣра не была слишкомъ груба: вѣрили въ стихійное существованіе по смерти и только восточная развращенная фантазія могла примириться съ существованіемъ догмата о загробной жизни человѣка mit Haare und Haut.

Таково содержаніе любопытнаго мемуара Бергманна. Не принадлежа къ сочиненіямъ, двигающимъ науку впередъ, онъ однако имѣетъ полное право на наше вниманіе. Будущія изслѣдованія и открытія покажутъ, до какой степени справедлива главная мысль о происхожденіи Славянъ и Германцевъ отъ Скиѳовъ, но доисторическое родство ихъ—и родство близкое не можетъ подлежать никакому сомнѣнію и становится фактомъ.

Чрезвычайно трудно нарисовать полную картину жизни народа по двумъ тремъ отрывочнымъ, глухимъ и часто противорѣчащимъ извѣстіямъ. Бергманнъ сдѣлалъ первый опытъ—и опытъ, надобно признаться, не совсѣмъ неудачный. «Лѣтописи русской литературы и древности» не имѣютъ права отказать ему во вниманіи уже и потому, что онъ во многомъ касается родной старины и объясняетъ ее.

Но не надобно забывать, что сочиненіе Бергманна есть только начало большаго труда о Гетахъ и Сарматахъ, о племенахъ германскихъ и славянскихъ. Въ ожиданіи скораго появленія ихъ и мы рѣшились представить только краткій отчетъ, сохраняя на будущее время право подробнаго разсмотрѣнія и критическаго обсужденія такого въ высшей степени интереснаго и важнаго въ исторіи индо-европейскаго племени вопроса, каковъ вопросъ о Скиѳахъ, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ предкахъ Славянъ и Германцевъ!

А. Котляревскій.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ СВѢДѢНІЯ ОБЪ ИСТОРІИ ОСТРОМІРОВА ЕВАНГЕЛІЯ.

Получивъ съ октября прошлаго года завѣдываніе архивомъ московской оружейной палаты, я съ любопытствомъ пересматривалъ замѣчательныя ея рукописи и тутъ же убѣдился въ необходимости составить имъ новый каталогъ, соотвѣтствующій настоящимъ требованіямъ науки. Первое отдѣленіе рукописей архива заключается, по старой описи, въ описныхъ книгахъ дворцовыхъ церквей. Въ одной изъ книгъ этого отдѣленія, именно въ описной книгѣ Спасской церкви, встрѣтилъ я указаніе на Остромірово Евангеліе, какъ на книгу, хранящуюся въ Воскресенской ризницѣ мастерской оружейной палаты. Въ эту ризницу, какъ видно изъ бумагъ архива, отправлялась на сбереженіе лишняя церковная утварь дворцовыхъ церквей, иконы, сосуды, облаченія, наконецъ самыя книги.

Приведемъ для примѣра нѣсколько мѣстъ, записанныхъ въ описи[1]) книгамъ и дѣламъ о ризницахъ верховыхъ соборовъ и церквей съ 1720 — 1723 года:

«1721 года[2]), ноября въ 10 роспись, что взято изъ той Екатериненской ризницы для охраненія въ Воскресенскую ризницу; писано на трехъ листахъ и на страницѣ».

«Да въ 723 году[3]) марта въ 18-ое изъ оной церкви Ризъ-Положенія взято для охраненія церковной утвари въ Воскресенскую ризницу; писано на двухъ листахъ и на страницѣ».

«Потомъ[4]), что изъ той Спасской церкви взято для охраненія въ 724 году ноября въ 10-ое церковной утвари въ Воскресенскую ризницу роспись, писано на листу».

«Въ 724 году ноября въ 9-ое изъ той Успенской церкви что церковной утвари взято въ Воскресенскую ризницу для охраненія писано на двухъ листахъ».

---

[1]) Книга эта, по старой описи древнимъ книгамъ, хранящимся въ архивѣ, записана подъ № 121. Подробнѣе о ней см. ниже.

[2]) См. на стр. 11 той книги.

[3]) См. тамъ же, стр. 12.

[4]) Тамъ же, листъ 13.

«Въ 724 году изъ той Похвальской церкви церковной утвари взято для охраненія въ Воскресенскую ризницу писано на листу».

Кромѣ того, въ самыхъ описныхъ книгахъ церкви, на которыя ссылается эта опись, встрѣчаются не рѣдко указанія подобнаго рода съ приложеніемъ списковъ вещей и книгъ, взятыхъ на охраненіе. Изъ этихъ книгъ видно, что изъ церкви Рождества Богородицы и Распятской взяты были вещи на охраненіе въ эту ризницу въ 1723 году, а изъ Срѣтенской въ 1724 г.

Въ черновыхъ описяхъ этой-то Воскресенской ризницы, приложенныхъ къ описной книгѣ Спасской церкви и написанныхъ на пятидесяти листахъ, нашелъ я указаніе на Остромірово Евангеліе съ отмѣткою объ отправленіи его въ Петербургъ по указу 1720 года.

Въ этой церковной описи[1]),—содержащей въ себѣ: а) *осмотръ* (повѣрку наличности утвари) *Спасской церкви, что у государей вверху*, составленный въ 1720 году противъ прежней *описи* 1700 года, б) списки вещамъ, оказавшимся сверхъ описей въ церквахъ Воскресенской, Предтеченской, Распятской и Спасской, въ любопытномъ перечнѣ книгамъ, принадлежавшимъ нѣкогда *Воскресенской* церкви, *что у государей вверху*,—встрѣтилъ я извѣстный, первый съ означеніемъ года, памятникъ кирилловскаго письма, *Остромірово Евангеліе*. На оборотѣ 65 листа этой описи замѣчено: «Въ большомъ сундукѣ, а въ немъ книги: Евангеліе писано уставомъ на паргаменѣ чернилами и золотомъ, оболочено бархатомъ краснымъ, зостешки и пристешки серебряные. На немъ подпись внизу:

Слава тебѣ гди црю нбсный яко сподоби мя написа҃ еѵгліе се. поча҃ же е писа҃ в лѣто ҂ѕфѯд а оконча҃х е въ лѣто ҂ѕфѯе, напи-са҃ же еваньгелие се рабу бжию нареченѹ сущу в крещении иосифъ а мирскъ остромир близоку сущу изяславу князу. ізяславу же князу тогда прѣ-рьжащу обѣ власти и оца своего ярослава, и брата своего володимира

[1]) Въ старой описи книгамъ архива подъ 71 № значатся: «Опись церкви Спасителя Нерукотвореннаго 1720 года», а по вновь составленной описи: *книги описныя церкви Всемилостиваго Спаса Нерукотвореннаго Образа, которыя у нею Великаго Государя вверху, образамъ и что на тѣхъ образахъ какихъ окладовъ и украшенія и всякіе церковные утвари, по описи нынѣшнею 1720 года*. Опись составлена дьяками Герасимомъ Невѣжинымъ и Степаномъ Ключаревымъ по царскому указу, сообщенному постельничимъ Г. И. Головкинымъ при передачѣ церковной утвари ризничимъ Иваномъ Еремѣевымъ протопопу Петру Иванову. Опись раздѣлена на двѣ графы, изъ которыхъ въ одной помѣщается старая опись, въ другой новый *осмотръ*, листы 1—52. Далѣе слѣдуютъ списки вещамъ, оказавшимся сверхъ описи въ церквахъ Воскресенской, Предтеченской, Распятской и Спасской. Тутъ же дѣла о ризницѣ Спасскаго Собора съ 1701—1728 годъ. Рукопись въ листъ начала 17 вѣка, 120 листовъ.

самъ ізяславъ кнѧзь правлꙗаше сто оца своего ꙗрослава кꙑевѣ а брата своего сто поручи правити близоку своему остромиру новѣ городѣ много же лѣтъ даруи въ сътяжавшуму евнгліе се на утешеніе многамъ душамъ крстиꙗнъскамъ дай емоу гъ бъ бание стыхъ евангелистъ иоана матфея луки маркъ и стыхъ праоцъ авраама и исаака и іакова самому ему и подружию его феофанѣ и чадомъ ею и подружиемъ чадъ ею здравъствуйте же многа лѣтъ съдрьжаще порученое свое аминь. Азъ григорий діꙗконъ написахъ евнгліе е да иже горазнѣе сего напише то не мози зазьрѣти мнѣ грешнику. почахъ же писати мца окт ка. на памѧ иларионъ а окончахъ мца маиа въ ві на па епифаниа молю же все почитающихъ не мозете клѧти нъ исправльше почитайте тако во и стыи аптлъ паулъ глетъ блте а не кленѣте аминъ.

Въ началѣ сего послѣсловія, между строками и на поляхъ страницы, сдѣлана отмѣтка: «послано по указу въ Санктъ-Питербургъ ноября 13 нынѣшняго 1720 года». Весь текстъ и особливо первыя строки нѣсколько разъ перечеркнуты и перемараны: вѣроятно потому, что, по выбытіи этого памятника, при повѣркѣ наличности, самыя свѣдѣнія о немъ сдѣлались лишними.

Пересматривая другія описи, именно Воскресенской церкви, я встрѣтилъ подтвержденіе того же факта, что Остромірово Евангеліе составляло нѣкогда собственность Воскресенской церкви. Въ описи 1701 года (по старой описи № 81) на стран. 66 оказалось: «въ большомъ сундукѣ а въ немъ Евангеліе писано на паргаминѣ чернилами и золотомъ, обложено бархатомъ краснымъ; на немъ подпись: «начато писать 6564 а окончилось 565-го маія въ 12-й, послано по указу въ Санктъ-Петербургъ ноября въ 13 нынѣшняго 720 году». Въ другой описи, 1720 года (по старой описи № 82) на стран. 59-й: «въ большомъ сундукѣ Евангеліе писано уставомъ на паргаменѣ чернилами и золотомъ, оболочено бархатомъ краснымъ, решетки и пристешки серебряные, на немъ подпись: «почато писати въ лѣто 6564 октября 21 а окончилось 565 лѣта маія въ 12 день, послано по указу въ Санктъ-Петербургъ нынѣшняго 720 году». Тоже самое извѣстіе встрѣчается въ описной книгѣ Воскресенской церкви (по старой описи № 83) 1701 — 1744 год., на оборотѣ 156 листа.

Свѣдѣніе это весьма драгоцѣнно для библіографіи вообще и въ особенности для исторіи древнѣйшаго памятника церковно-славянской письменности.

Извѣстно, что ученый академикъ Востоковъ въ своемъ изданіи

Остромірова Евангелія говоритъ: «это Евангеліе найдено было Я. А. Дружининымъ въ покояхъ Императрицы Екатерины II послѣ ея кончины и поднесено имъ въ 1806 году Императору Александру, который повелѣлъ хранить оное въ Императорской публичной библіотекѣ. Неизвѣстно, когда и кѣмъ драгоцѣнная рукопись эта была поднесена Императрицѣ Екатеринѣ» Теперь открывается, откуда оно попало въ Петербургъ и въ покои императрицы Екатерины.

Теперь естественно раждается желаніе, нельзя ли, минуя всякія предположенія, по однимъ документамъ опредѣлить, какимъ путемъ и въ какое время пришло Остромірово Евангеліе въ Москву. Въ настоящее время пока еще мы не можемъ удовлетворить этому желанію съ одной стороны потому, что нами не окончена еще рааработка архива; съ другой потому, что настоящее собраніе рукописей архива представляетъ собою только прекрасный остатокъ древняго собранія. Между документами мастерской и оружейной палаты мы искали подлиннаго указа или копіи съ него, вслѣдствіе котораго рукопись была отправлена въ Петербургъ, но и это до сихъ поръ еще было тщетно, на первый случай ограничимся отысканнымъ въ рукописяхъ указаніемъ на этотъ указъ и вообще на дѣло по выбытію Евангелія изъ мастерской оружейной палаты.

Въ книгѣ[1]), заключающей въ себѣ опись книгамъ и дѣламъ о ризницахъ верховыхъ соборовъ и церквей съ 1720 по 1773 годъ, на первомъ листѣ находимъ: «Великаго государя указъ изъ государственной штатсъ-канторъ коллегіи: велѣно книгу Евангеліе писанное на паргаментѣ которому 560 лѣтъ въ Питеръ Бурхъ за рукою графа Ивана Алексѣевича Мусина Пушкина октября 27 дня 1720 года полученъ ноября въ 3-е писанъ на двухъ страницахъ.

Подъ тѣмъ указомъ по помѣте статскаго совѣтника Аѳанасія Тимоѳѣевича Совелова по приговору для посылки того Евангелія въ

---

[1]) По старой описи книгамъ она значится подъ № 121 и озаглавлена: «опись учиненная по опредѣленію мастерской оружейной палаты книгамъ, дѣламъ верховыхъ соборовъ 1750/1739 года»; а по вновь составляемой описи она имѣетъ слѣдующее заглавіе: «опись книгамъ и дѣламъ о ризницахъ верховыхъ соборовъ и патріаршей. Составлена 1) по опредѣленію мастерской оружейной палаты 1739 года мая 22 при передачѣ тѣхъ книгъ и дѣлъ за протоколиста Ивановъ Кононовымъ канцеляристу Василію Иванову 2) по опредѣленію тойже палаты 1742 года іюля 7 при сдачѣ обратно Васильемъ Ивановымъ Кононову, наконецъ 3) по опредѣленію 1750 іюля 24 при сдачѣ Кононовымъ подканцеляристу Матвѣю Медвѣдкову. Книга за скрѣпами этихъ чиновниковъ. Дѣла и описи въ ней начинаются 1720-мъ годомъ и оканчиваются 1773. Рукопись въ листъ, на 155 листахъ въ переплетѣ».

Санктъ-Питеръ-Бурхъ на обертку и на обшивку о припасахъ и о выдачѣ денегъ за закрѣпами судейскими. Писано на страницѣ.

Подъ тѣмъ приговоромъ отпускъ черной съ доношенія въ штатсъ-контору о посылкѣ того Евангелія въ Санктъ-Питеръ-Бурхъ ноября 3 дня 1720 году; писано на страницѣ».

На 90 листѣ тойже книги дѣло все о Евангеліи записано въ одной статьѣ, подъ 3-мъ ноябремъ за № 6.

«Указъ изъ государственной статсъ-канторъ-коллегіи о посылкѣ въ Санктъ-Питеръ-Бургъ книги Евангелія писаннаго на паргаминѣ; на трехъ листахъ».

Г. Филимоновъ.

ЗАМѢТКИ О СТАРИНѢ И НАРОДНОСТИ.

Солнце въ заточеніи. Извѣстно народное литовское преданіе о томъ, какъ солнце было освобождено изъ башни при помощи священнаго молота. Въ книгѣ Іоанникія Галятовскаго *Месія Праведивый* (въ кіевопеч. типогр. 1669 г. въ 4-ку) читается слѣдующее: «Еще того Талмуту вашего фалшъ лѣпше зрозумѣешъ, зъ подарунковъ, презъ пословъ жидовскихъ Месіи до раю принесенныхъ и отданыхъ, и въ томже Талмутѣ вашомъ написаныхъ. Бо межи тыми упоминками, презъ пословъ жидовскихъ Месіи до раю принесеными и отдаными, Талмутъ вашъ споминаетъ Зегаръ дивною штукою уробленый, который по смерти Амановой жиды достали, была на томъ Зегарѣ выраженая Гисторія, о едномъ кролю, который розгнѣвался былъ на Солнце, и росказалъ вежу великую змуровати, и до ней Солнце всадилъ, на той часъ Солнце 15 дней не свѣтило, для того розгнѣвалися всѣ 12 Планетъ небесныхъ, и казали болшій молотъ учинити нежели Вежа, и тымъ Вежу бъючи молотомъ, дѣру учинили, и солнце на свѣтъ выпустили, на той вежи потымъ вылеглася была Чапля, которая гды на мори сѣла, и крыла свои ростягнула, все море крылами своими покрывала.» Лист. 66 и обор.

Лѣтавецъ, блудный бѣсъ. Въ книгѣ Иннок. Гизіеля *Миръ съ Богомъ человѣку* (Кіевопечер, 1669 г. въ листъ) читается: «Здѣже

прилучится можетъ и смѣшеніе телесное съ діаволомъ, сіестъ съ Лѣтавцемъ, который блудъ естъ найтяжшій.» Лист. 244.

Связь позднѣйшихъ лѣчебниковъ съ Изборникомъ Святослава 1073 года. Въ VI-мъ снимкѣ къ моимъ Палеографич. и филолог. матеріаламъ, на л. 251 изъ Изборн. Святосл. читается статья о мѣсяцахъ *по Римлянемъ*. Въ этой статьѣ кратко обозначено, что въ какой мѣсяцъ можно дѣлать или ѣсть и пить, и чего не дѣлать. Эта самая статья съ немногими измѣненіями, какъ практическое руководство для діэтетики, встрѣчается въ позднѣйшихъ русскихъ лѣчебникахъ. По рукописному лѣчебнику XVII в., принадлежащему Ѳ. И. Иноземцеву, между статьями прибавочными, читается слѣдующее:

Моисеава же заповѣданія естественная смотряема на кійждо мѣсяцъ.

Мѣсяца Генваря на дще сердце три похищенія вина испивай;
Мѣсяца Февраля свеклы не яжь;
Мѣсяца Марта сладко яждь и пей;
Мѣсяца Апрѣля редкови не яжь;
Мѣсяца Маія мяса не яжь;
Мѣсяца Іюня воды на тще сердце испивай воды мало;
Мѣсяца Іюля з женою не совокуплятится;
Мѣсяца Августа такожде и сладкаго ничего не яжь;
Мѣсяца Сентября прѣсное молоко пей на дще сердце;
Мѣсяца Октября прас (?) грызи;
Мѣсяца Ноября не мойся;
Мѣсяца Декабря капусты не яжь;

Желающіе знать разнорѣчія этой статьи по Изборнику Святославову могутъ сами сличить по упомянутому снимку. Замѣчу только, что въ Изборникѣ перечень мѣсяцевъ начинается мартомъ, между тѣмъ, какъ въ лѣчебникѣ, по вліянію западному, съ января. Сверхъ того надобно знать, что въ Лѣчебникѣ эта статья слѣдуетъ за болѣе подробной о примѣтахъ по днямъ, и озаглавленной такъ: *Моисеомъ пророкомъ глаголано людемъ израителскимъ* (sic). Слѣдовательно, это апокрифъ.

Варіантъ къ Впрашанію Кюрикову. По изд. Калайдовича, въ Пам. рос. слов. XII в., на стр. 184, читается извѣстное любопытное мѣсто о погребеніи мертвецовъ: «Зашедшю солнцю, недостоить мертвеца хоронити, не рци тако: борзо дѣлаемъ, нѣли како успѣемъ до захода; но тако погрести, яко и еще высоко, како и венець ещь не сыйметься съ него; то бо послѣднее видить солнце до общаго воскресенія.»

Въ Синодальномъ цвѣтникѣ XVI в., подъ № 687, между отры-

вочными, мелкими статьями, читается, очевидно, объясненіе сказанному у Кирика: «По захожени слнчнем над мртвецем да не служат тог ради на (*чит.* да?) не сониеться вѣць (*чит.* вѣнець) с него покоряя вѣру латынскую.» *Л.* 77 обор. Въ другомъ мѣстѣ, именно на л. 146, между краткими юридическими замѣтками, сказано: «заходячу слнцю не погребати мртваго.»

Недремаемое Око. Между снимками съ иконъ, вывезенными г. Севастьяновымъ съ Аѳонской горы, есть одинъ, изображающій Христа-младенца, съ открытыми глазами почивающаго на одрѣ. Это изображеніе названо въ подписи къ снимку; *Недреманное Око.* Въ одномъ изъ двухъ сборниковъ Подлинниковъ, принадлежащихъ графу С. Г. Строгонову, подобное изображеніе называется *Недремаемымъ Окомъ.* Но подлиннику, подписи на этомъ образѣ слѣдующія: «*На верхнемъ полѣ*: Безначалнаго тя Отца, и Тебе Христе Боже, и Пресвятый Твой Духъ, херувимски дерзающе глаголемъ: святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ. *У Спаса на одрѣ подпись*: Господь сый Вседержитель и Богъ провидящее Око Недреманное, посредѣ земли на крестѣ вознесеся. *Ниже одра*: Изъ Дѣвы безмужныя произде Христе пріимъ отъ нея плоть мысленну и одушевленну, и истлѣвшее человѣческое существо обнови.»

Стихъ Адама на русской миніатюрѣ XVI в. Между миніатюрами въ книгѣ Козмы Индикоплова (переписанной въ 1542 г.) по синодальному списку Макарьевск. Минеи (Августъ, № 997), есть одна, изображающая грѣхопаденье первыхъ человѣковъ. Адамъ и Евва стоятъ по сторонамъ древа познанія добра и зла. На немъ, вмѣсто яблоковъ, по апокрифическому сказанію, висятъ виноградныя кисти. Надъ миніатюрою почеркомъ XVI вѣка подписано начало извѣстнаго народнаго стиха:

Раю мой, раю, прекрасный мой раю.
Мене ради насажденъ еси.
Еввы ради затворенъ еси. Листъ 1240 об.

Апокрифъ о погребеніи Авеля, по лубочному изданію XVIII в. Въ лубошной лицевой книги бытія съ подписями (въ 8-ку), на л. 19, изображено погребеніе Авеля. Внизу подпись, согласная съ повѣствованіемъ Палеи, которое внесено и въ лѣтопись Нестора: «и плакася адамъ и еvvа о сыне своемъ и не разуме где скрыти его и яви богъ чюдо, уби птица птицу и нача копати в песокъ. адамже и еvvа сотвори такожде погребе сына своего со всякимъ плачемъ.»

Простолюдинъ Никита, писатель половины XVII. в. Извѣстно по многимъ спискамъ, что Звѣзда Пресвѣтлая переведена съ *Бѣлорусскаго* языка. Но въ моемъ спискѣ этого сочиненія, сдѣланномъ

въ XVII в. дьякономъ Григоріемъ, и украшенномъ отличными русскими гравюрами XVII в. и печатными заставками (въ листъ), послѣ оглавленія, передъ предисловіемъ, помѣщено слѣдующее извѣстіе о переводчикѣ, написанное киноварью: «Во славу христу богу. и пресвятѣй богородицѣ. превел сию книгу звѣзду пресвѣтлую *простолюдинъ Никита*. В царствующемъ великомъ градѣ москвѣ в лѣто от созданія мира 7176-го от рожества же господа нашего іисуса христа. 1668 индікта. 6 мѣсяца іуля.» Къ извѣстнымъ 15-ти главамъ въ моей рукописи прибавлено еще три главы. За тѣмъ идутъ тою же рукою выписки, тоже по главамъ, изъ Зерцала Великаго.

Народный стихъ апокрифическаго содержанія. Слѣдующее стихотвореніе, сообщенное мнѣ Н. Ѳ. Щербиною, очевидно, заимствовано изъ апокрифическихъ сочиненій о Богородицѣ и о крестномъ древѣ.

Пресвятая Бегородица,
Гдѣ спала, почивала?
Въ городѣ Ерусалимѣ,
За Божьимъ престоломъ,
Гдѣ Исусъ Христосъ
Несетъ сосуды:
Кровь и руда льется
И снется (sic) и вьется. —
Кто эту молитву знаетъ,
Трожды въ день читаетъ, —
Спасенъ бываетъ. —
Первое дерево кипарисово,
Другое дерево истина (sic),
Третье дерево вишнево. —
Отъ воды и отъ потопу,
Отъ огня — отъ пламя,
Отъ лихова человѣка,
Отъ напрасной смерти.

Стихотворная молитва эта записана со словъ деревенскаго мальчика въ Юрьевъ — Польскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи, въ Новой Слободѣ села Есиплева. По свидѣтельству г. Щербины, это стихотвореніе тамъ читаютъ вмѣсто молитвы «Богородица, дѣво, радуйся», и называютъ его *Богородицей* а читаютъ, ложась спать на ночь и вставая отъ сна по утру.

Ѳ. Буслаевъ.

ПИСЬМО ПРЕОСВЯЩЕННАГО ІОВА,

МИТРОПОЛИТА НОВГОРОДСКАГО, КЪ АРХИМАНДРИТУ ѲЕОДОСІЮ [1]).

(Сообщено Д. И. Иловайскимъ.)

Честнѣйшій господинъ негли архимандритъ Ѳеодосій!

Еже Богъ совокупи причета, никто же да отлучаетъ; ради же жестокосердія и непокорства повелѣно даяти апостасіонъ, сі есть отпустное и отпущати, и сіе тѣлесное есть притченіе, духовное же поелико душа паче тѣлесе вѣчнѣйша, потолику и союзство есть нерасторжнѣйшо. Обаче глаголютъ отцы: яко лучше непослушника и прекословнаго (по Лѣствичнику) отгнати, неже оставити свою ему волю творити: отгнавый бо множицею отгнаннаго смиренша содѣла и свою отсѣцающа волю и непокорства; а еже мнѣти человѣколюбіе и схожденіе таковымъ даровати, во время исхода окаянне того проклинати сотворя прельстивша паче, а не пользовавша.

Приходящаго ко мнѣ не изжду вонъ, по гласу Господа моего, но хощу тому пребывающу со мною ничто же творити своея воли, но слушати во всемъ, не точію во благихъ, но и въ мнящихся ему злыхъ; съ непослушнымъ же и самовольникомъ не могу и не хощу

---

[1]) Это безъ сомнѣнія, тотъ архимандритъ Александро-Невскаго монастыря, Ѳеодосій (Яновскій), который былъ любимъ Петромъ и подписался въ дѣлѣ царевича Алексѣя Петровича подъ *Разсужденіемъ духовнаго чина*. (Московскій Вѣстникъ, 1829 г., V. стр. 117.) Позднѣе онъ навлекъ на себя гнѣвъ государя своимъ крутымъ характеромъ и заносчивостію и при Екатеринѣ I, указомъ 11-го мая 1725 г., сосланъ въ Никольскій монастырь на устье Двины. (Полн. Собр. Зак. VII, № 4717.)

Ред.

водворятися, зане грубъ есмь и грѣшенъ и не хощу за ненаказаніе о таковѣмъ слово воздати, но довольно мнѣ о себѣ самомъ попеченіе имѣти.

Рукоположенъ еси и посвященъ, по семъ же и произведенъ, брате, на начальство духовное чрезъ меня недостойнаго во святой церкви при святѣмъ престолѣ, яко отъ самыя руки Господни (яко и есть), чрезъ худость нашу, еже быти тебѣ во всякомъ послушаніи грубости моея, яко же и обѣщался еси (не мнѣ же обѣщался еси, но Христу Богу) быти послушенъ, не на нѣкое время, но даже до смерти. И въ малѣ тое презрѣвъ, освоеволился еси, ни мало покоренъ пребывъ, Богу попущающу по твоему зловольству, діаволю же дѣйству испалъ еси яко изъ корабля не токмо на дщицу, но въ самыя свирѣпыя волны самовольства, за преслушаніе, отъ паствы нашея. Исторже бо тя яко звѣзду изъ небесе змій вселукавый, сопостатъ діаволъ, и обуздавъ тя, яко клячу худую, водитъ тя, и на тебѣ ѣздитъ, величаяся, яко на свиніи (по видѣнію святыхъ отецъ), аможе хощетъ, дондеже въ совершенную погибель (отъ нея же да сохранитъ тя Господь) вринетъ и порадуется, яко обрѣтаяй корысти многи, о погибели души твоея.

Вѣси ли, егда и обѣщался еси, постризаяся и міра отрицаяся, терпѣти всякое оскорбленіе, тѣсноту, нужду, безчестіе, насмѣяніе, наруганіе, досаду, обиду и иная, ихъ же ни едино что коснеся тебѣ: не бо наведохъ тебѣ что сихъ, видя твое малодушество. Кая же душевная вина или порокъ, рцы ми, изрѣявшая тя отъ мене, отца твоего и пастыря, Богу самому зрящу? и еже святіи ангели, невидимо тамо присущіи записаша, не на время, но вѣчно и неизгибно, еже въ день страшнаго суда Божія лицу твоему предложится. Научися, како отцы, въ ихъ же образъ облекохомся, искушенія терпяху. Овъ укрухъ хлѣба поверженъ, яко песъ, снѣде; овъ чрезъ нощь стоя, и безъ молитвы старчи не отшедъ спати, твѣнцовъ получи. Инъ, отгонимъ отъ трапезы, по вся дни гладствоваше. Инъ, архидіаконъ сый, въ послѣднемъ мѣстѣ новоначальныхъ поставляется. Инъ, 59 лѣтъ всяку службу послуживъ (не въ дому точію архіерея, но и) во обители, поклонився отцу, отъ вечера лежаше до утрени, прощенія проси, и возставленъ съ укоризною. Инъ, изгнанный изъ обители, яко блядинъ, терпяше предъ враты 7 дней, ничто же ядши. Инъ же, былъ суровъ и величавъ, 7 лѣтъ у вратъ стоя, всякому входящему и исходящему покланяшеся, потерзаема себе нарицая, и тѣмъ въ смиренномудріи пріиде. Инъ на празѣ приключенъ у келліи старчи зѣлнѣ измераше. И иніи инако искушахуся: яко и Акакій, незлобію сопонимый, не токмо досаждми и безчестіями, но и ранами на всякъ

день томимъ, яко купленъ рабъ, овогда око посинѣвшо, овогда выю, иногда главу язвенну имѣяше и никакоже отхождаху презорствомъ своего пастыря и отца отъ послушанія, но вся терпяху добльственнѣ. Ты же и до днесь ничимъ же искушался еси; но паче возгордѣвся, неискусенъ пребываеши, не сый яко монахъ начальный и послушникъ, на яко дѣтищь дракунъ, или яко (по святому Дороѳею) гнилый хлѣбъ. Видя убо азъ твое двоедушество, никогда тя чимъ искусилъ и оскорбихъ, но паче всегда благоугодная тебѣ творяхъ, работахъ тебѣ вся дни за яже купносельникъ былъ еси мнѣ во обители Свято-троицкой и въ домѣ нашемъ архіерейскомъ, не яко отецъ и начальникъ, но яко купленый рабъ: не допустихъ тя ни о единой потребѣ тѣлесной и келейной попещися, вся тебѣ готова бяху на всякъ день, яко владыцѣ нѣкоему. Келіа тебѣ всегда и нагрѣта и уметена, и вода на умытіе рукъ принесена: и ясти и пити на всякъ день и испечено, и сварено, и на столъ поставлено, и съ стола собрано, и посуды измыты и иная всякая служба, яже подобаше тебѣ послужити на мене, азъ тая вся тебѣ служихъ. И сія вся въ ничто вмѣнилъ еси. Никогда отъ тебе получихъ ниже малѣйшую честь, не юже отцемъ, но ниже равному брату подобающую. Азъ же отецъ ни поне бо слово благоговѣйное когда слышахъ отъ тебе, но многащи досадная безчестная и наглая, мужицкая, поселянская, дурацкая; много же паче нынѣ словеса претерпѣхъ отъ тебе не точію гдѣ-либо келейно, но и народно коликощи яко изумленный, или яко блевотливый козелъ навопилъ еси на мя и внѣшные человѣки своимъ злогласіемъ назвонилъ еси, яко диво нѣкое. Но да не вмѣнитъ тебѣ сія Господь, понеже не отъ тебе сія; но діаволъ пакоствоваше ми чрезъ тебе, иже обуздавъ тя исторже (яко волкъ хищникъ) отъ мене отца твоего. Аще и ты, гордяся худостію моею, не хощеши мя имѣти себѣ и звати отца и пастыря, но благодатію Святаго Духа отецъ тебѣ, аще послушливъ бы былъ еси и покоренъ, и есмь и буду. Нынѣ же отрицающуся тебѣ имѣти мя отца и пастыря, кто еси и откуду? и како назовешися, по твоимъ словесѣмъ не имѣя отца? глаголеши бо не имѣти себѣ отца, и наставника, и пастыря на земли, кромѣ единаго Христа, суща на небеси; скачеши яко козелъ, высоко; но бойся, да не поползнешися глубоко. Прельстился еси, глаголя сія словеса. Не отъ себя ты блядеши сія, но діаволъ, обуздавый тя и водяй по твоей воли, той языкъ твой вращаетъ и усты твоими сію блевотину измещетъ. Глаголетъ Великій Василій о непослушныхъ монасѣхъ, подобныхъ тебѣ: «аще кто хощетъ оставити своего отца (кромѣ ереси), увы ему! къ таковому глаголательно: кому тя уподоблю, уподоблю Іудѣ преда-

телю, оставившему Христа и удавившуся: проклятъ бо и окаяненъ стяжавый преслушаніе и непокорство.» Не моя сія, но святаго Василія словеса. Въ толико достиглъ еси неистовство, яко положилъ еси въ гордости твоей усто твое на небо, а языкъ твой преходитъ по земли. Единъ ты человѣкъ мнишися быти, инаго же ни единаго человѣка вмѣнилъ еси, но вся люди блядеши, нарицая свиніи; единаго себе мниши нѣкоего быти. Внемли, гдѣ еси и на коемъ степени житія. Уврачися, брате, отъ лютыхъ сихъ, молю тя, не вдавайся въ волю діаволю. Аще же азъ тя чимъ соблазнихъ или оскорбихъ, отдаждь ми, яко невѣждѣ сущу. Аще въ упрямствѣ твоемъ сатанинскомъ пребудеши, вѣждь, яко по малѣ времени злѣ пострамдеши и благодать, данную тебѣ, погубиши. Или мниши мудра быти себѣ? Никако, глаголю ти. Мудрость бо, свыше сущая, мирна, кротка, благопокорна; въ тебѣ же ни едино сихъ зрю (въ злохитрую душу мудрость не входитъ), но паче противная, кая: гордость, некротость, неблагопокореніе и иная. И сія мудрость земная, душевная, бѣсовская, по святому апостолу Іакову: сія въ тебѣ мудрость, а не свыше нисходящая. Но вопроси мя о себѣ: кто еси? Азъ тебѣ скажу: буій еси, ненаказанъ, грубіянинъ, селчукъ не людскій, вепрь дивій, свирѣпо звѣрю подобонравенъ еси, вельбуду гнѣвливому подражатель еси. Сими имены не тебѣ (по еже человѣкъ еси) зову, но непокорство... и злонравіе твое, показующая тя такова достойна сихъ именъ. Отвержи отъ себѣ упрямство и непокорство и буди благопокоривъ, и будеши истинный Θеодосій архимандритъ, человѣкъ истиненъ, благъ, кротокъ, терпѣливъ, благодаренъ и богоданный, ошаяся отъ всякаго злонравія. Аще возмнятся тебѣ сія оскорбляюща тя, обращающуся тебѣ, не тебѣ вмѣнятся, но ратоборецъ діаволъ понесетъ тая, ты же ублажишися. Аще же не обратишися отъ непокорства и злонравія твоего, вѣждь, яко таковъ еси, якова та предварекохъ: отъ нрава бо твоего или почествишися, или безчестенъ будеши. Возложи на мя скорбь твою сію; азъ, елико могу, понесу, точію буди покорливъ и послушливъ и смиренномудръ: мало потерпи, яко мудръ нѣкій, малоумію моему, и Богъ поможетъ тебѣ. Не буди (по притчи) камень ударяемь, глухій увѣщеваемь, безумный наказуемь, иже безчувственни суть. Отцы творяху отъ обѣщанія отлучающіеся по многомъ наказаніи изгоняху, отъемше отъ него благословеніе аковое-либо и даръ благодати. Яко въ книзѣ Лѣствицѣ [illegible] 294) видимо есть глаголющо сице: «хотяй отлучитися отцевъ [illegible], но [illegible] врачеваніи не приходяй во исцѣленіе, да бу[illegible] [illegible] язычникъ и мытарь». Внемли, въ кую мѣру достиглъ еси,

живя своевольно и непокорно и да данную ти благодать изнуряя гибнеши.

Убо и ты отдаждь мнѣ данное тебѣ что-либо отъ мене, аще и малѣйшо сущо, а съ онымъ взятымъ отъ тебе и сыновство сущее по благодати Духа Всесвятаго священный чинъ и даръ погубиши, яко Исавъ первенство, еже, и со слезами поискавъ, не обрѣте. И будеши яко мытарь и язычникъ по гласу Христа моего и услышиши: изыди отъ мене сатана. Еда мниши, яко (изскочивъ отъ мене яко козлище) свободился еси отъ юзы, изглаголанныя тебѣ мною во образѣ Христа моего въ хиротоніи... страшнѣй предъ Господемъ. Почто скоро сія забылъ еси возмнѣть свободенъ быти? Никако, глаголю тебѣ, никако свободившися, ниже избѣжиши отъ сихъ глаголъ, исшедшихъ отъ мене въ хиротоніи; характирствовался еси вѣчно, не отскребеши отъ души твоея: свидѣтели присутствующіе тамо тогда премнозіи бяху, паче же самъ Христосъ.

Не на глумъ, брате, ниже на время предадеся тебѣ рукоположеніе мое: ниже бо кощунство есть хиротонисаніе наше и обѣтовъ къ Богу твое возложеніе, не умри въ грѣсѣ твоемъ отступства, но, покаявся обратися, брате. Востани, молю тя именемъ Господа Іисуса Христа; возстани, сотвори надъ собою милость; обратися отъ пути твоего погибельнаго, непокорнаго, самовольнаго; пріими моленіе отца твоего и пастыря недостойнаго, Богу мя поставльшу, да не когда прогнѣвается Господь и погибнеши отъ пути праваго; гнѣвъ бо грядетъ на сыны непокорства.

Еще молю тя: покайся и обратися отъ всего сердца твоего. Аще же сего прошенія моего не послушаеши, вѣждь: аще что ненадежное случится тебѣ, а всячески нѣчто зло неслучившееся пострадеши; но азъ чистъ есмь отъ крове души твоея и погибели: самъ о себѣ слово воздаси. Еда не вѣси, яко унѣе къ Богу, а не ко отцу согрѣшити? Сія предложихъ тебѣ по должности моей, заповѣдь пріемъ отъ святыя церкви, ибо при святѣмъ Евангеліи отъ устъ преподобнѣйшаго архимандрита Варѳоломея Симоновскаго, или коего-либо іеромонаха, по его благословенію отъемшаго со власы твоими и всякую твою волю: егда на семъ нетли и пречистыя тайны тѣло и кровь Христа Бога, яко новокрещенъ младенецъ пріялъ еси и послѣди на него же архимандрита и челобитчикъ коварный учинился еси, за что отъ святѣйшаго патріарха присланъ ко мнѣ въ Троицкій Сергіевъ монастырь во оковахъ въ подначальство, отъ чесого азъ свободихъ тя и весьма благодѣтельствовахъ не по твоей мѣрѣ и достодолжному ко мнѣ услуженію; но сія наша по Бозѣ благодѣянія вся забылъ еси

Прочти святаго Іоанна Дамаскина житіе и познай, за малое преслушаніе святаго ко отцу его и наставнику, не хитростнослучившееся, каково содѣла покаяніе и съ каковою епитиміею получи прощеніе.

Сіе мое писаніе вручаю тебѣ не яко отпустительное, ниже разрѣшительное отъ духовнаго сыновства; но яко наказательное, купно и молительное; непослушающу же (по гласу Христа моего), аки язычнику и мытарю изгонительное. Прочее возьми твое и иди, аще совѣсть твоя не зазираетъ тебѣ, мое же отчее благословеніе и молитва да не будетъ съ тобою, избѣгшимъ отъ мене: не восхотѣлъ еси благословенія моего и да удалится отъ тебе, послѣдовная псалма сихъ разумѣй. Не ненавиствуя тя, ниже проклиная весьма, но отъ болѣзненна сердца на обращеніе тя взывая, сія написахъ, аще послушаеши мя. Вѣмъ, яко жестокъ еси и жила желѣзна выя твоя; но есть Богъ, обращаяй въ сердца морская горы и изъ камене источаяй воды, зеленую смоковницу сушая, а сухій жезлъ зеленяя, водою попаляя, а огнемъ орошая, смиренныя возвышая, гордыя же понижая. Тойжде гордую твою выю сломити и въ патосляченну можетъ сотворити. Умъ имущему довольно, а въ злохитрую душу мудрость не внидетъ; поищеши разума въ злыхъ и не обрящеши.

Прочти повѣсть о отцѣ Исаіи и ученицѣ его Елиссеѣ; подобнаго бо тому страждеши, и другую лежащую въ гречестѣмъ сунаксарѣ октомвріа мѣсяца въ 15 день о монасѣ, отшедшемъ безъ благословенія отца своего и пострадавшемъ за исповѣданіе Христово: обаче тѣло его мученическое по смерти чудотворящее исходящо изъ церкви съ оглашенными, яко отлученное, дондеже отъ отца своего получи прощеніе и оттолѣ преста исходити. Подобнѣ и о священницѣ нѣкоемъ, въ запрещеніи бывшемъ отъ епископа и замученномъ за Христа, иже таяжде пострада.

Многи суть повѣсти у отцевъ о подобныхъ тебѣ непослушницѣхъ и противныхъ прельщенныхъ отъ діавола, но за множество оставляю. Едину ти сію приложу и тою совершу: повѣда нѣкій братъ, яко слыша онъ отъ инаго отцевъ глаголюща: сѣдящимъ нѣкогда братіямъ и бесѣдующимъ о пользѣ душевной, единъ братій оныхъ, прозорливъ сый, видѣ, яко мимо ихъ идетъ демонъ, яко оселъ, или яко инъ скотъ салоннеся, бѣ же мохнатъ, горбатъ и хохлатъ, ему же хохолъ бѣ яко вельбуду, обаче голъ, иже въ единой руцѣ имѣше узду, въ другой же кнутъ, пликтронъ. И вопроси его прозорливый старецъ: что дѣла его? и чего ради самъ мохнатъ, хохолъ же его голъ, и что еже въ руцѣ имать узду, въ другой же пликтронъ. Демонъ же рече: дѣло мое есть еже оттерзати младые непокорные монахи отъ

послушанія отча и пасомства изводити я, и оставляти свою волю творити и не покорятися наставникамъ; хохолъ же у мене того ради голъ, егда коего младаго своевольника прельстивъ на онъ хохолъ мягкій яко на сѣдло посаждаю и извожду его отъ отца и отъ мѣста, и отъ множества вывозимыхъ монаховъ отреся хохолъ мой до-гола. Егда же извезу коего ихъ изъ мѣста ихъ, и отъ отца ихъ и наставника отлучу, тогда самъ на таковаго всѣдаю и, обуздавъ его, ѣздю на немъ, повождая его уздою оною, аможе хощу, плѣктромъ же погоняя, аще уже и не хотяща, возити мя понуждаю и толико на немъ ѣзжу, дондеже исполнится всякаго беззаконія, свою волю творя, и тако приведу въ совершенную погибель. Прозорливый же братъ повѣда сія братіи; азъ же, слышавъ сія отъ повѣдавшаго мнѣ, написахъ на пользу слышащихъ и внемлющихъ своему спасенію.

Симеона Өессалонитскаго о еже благоговѣйно живущему подобаетъ въ подчиненіи жити и отъ отца правительствоватися и не себѣ самому надѣятися; еже бо помышляти напасти, сіе еже пасти есть и грѣховъ большее, съ благословеніемъ да творитъ отца и канонъ да совершаетъ, не особно, но съ подчиненіемъ да живетъ, и никакоже кто себѣ самому да дерзаетъ, ниже чрезъ себе самого да управляется: далече бо сія христіанскія жизни, яко неже жити самовластно и непокорно, не Христа образъ, понеже Христосъ послушливъ бысть своему отцу даже до смерти крестныя, ему же слава нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ВОЗНАГРАЖДЕНІЕ ЗА УЧЕНЫЙ ТРУДЪ ВЪ XVII ВѢКѢ.

(Сообщено С. М. Соловьевымъ.)

Въ 1652 году билъ челомъ государю старецъ Арсеній: по государеву указу велѣно ему книгу латинскую на словенскій языкъ перевести, а имя той книги: *О градѣ царскомъ*, или поученіе нѣкоего учителя именемъ Мефрета, собрана отъ 120 творцовъ греческихъ и латинскихъ, какъ внѣшнихъ философовъ, стихотворцевъ и историковъ, врачевъ, такожъ и духовныхъ богословцевъ и сказателей

писанія божественнаго. А писано въ той книгѣ имяна и свойства или естественныя природы различныхъ многихъ звѣрей четвероногихъ, птицъ, рыбъ удивительныхъ морскихъ, зміевъ и всякихъ пресмыкающихся, каменей драгихъ, бисеръ, древесъ всякихъ, моря, рѣкъ, источниковъ, лѣсовъ, четырехъ стихій, воды, земли, воздуха, огня. Обрѣтаютжеся еще повѣсти на всякую вещь, философовъ, царей, врачеваніе на многовидныя болѣзни, обычаи различныхъ языковъ, положенія странъ, выспрь горъ, различная сѣмена, злаки травные, притчи и иная многая собранная и въ едино мѣсто совокупленная. А сложено то все разумомъ и прикладомъ въ Троицѣ Святой Единому, ко ангеломъ, къ человѣку и его добродѣтелемъ и злобамъ, такожде и къ коварству демоновъ и къ похваленію святыхъ Божіихъ, къ хуленію же еретиковъ удивительнымъ приравняніемъ и свидѣтельствомъ Ветхаго и Новаго Завѣта писанные и съ толкованіемъ учителей церковныхъ приводятся. И таковыми приводы и чюднымъ остроуміемъ сочинены поученія на цѣлый годъ, на всѣ недѣли и на праздники господскія и Богородичны и на святыхъ и на всю четыредесятницу по два и по три, всякое же поученіе таково есть пространно, что отъ всякаго мочно два и три и четыре и пять поученій содѣлати.

Выписано на примѣръ: въ прошломъ 158 году пріѣхали къ государю къ Москвѣ для переводу з библіи греческія на словенскую рѣчь и для риторскаго ученія Кіевленя старцы Епифаній да онъ же Арсеній; государева жалованья давано имъ поденного корму по 4 алтына, да питья съ дворца по 2 чарки вина, по двѣ кружки меду, по двѣ кружки пива. Теперь же за переводъ книги велѣно давать Арсенію по гривнѣ на день, да питье по прежнему.

Письмо самозванца Тимошки Акиндинова къ дворянину Василію Унковскому, пріѣхавшему въ Чигиринъ посломъ отъ царя къ гетману Богдану Хмѣльницкому въ 1650 году.

(Сообщено С. М. Соловьевымъ.)

Василій Яковлевичь государь!

Всемогущая Божія сила въ моей слабости такую крѣпость учинила, што, изъ сирадной челюсти Турской меня свободивъши, принудила абы шолъ к Москвѣ и покорилъся добровольно холопъски ево царскому величеству великому государю царю и великому князю

Алексѣю Михаиловичу всея Руси самодержцу, о чомъ я писалъ къ нему государю въ посолской приказъ дважды и указъ мнѣ былъ присланъ с подъячимъ Тимофеомъ Мосалитиновымъ от нево государя; зависть вражия черезъ Петра Протасьева сталася и возбранила мнѣ дорогу къ государю к Москвѣ, потому што онъ присѣдилъ в ловителехъ з богатыми втайныхъ убити неповинъного, обаче я завѣтъ мой выполняючи, готовъ ѣхать ко государю к Москвѣ, хотя и на волную страсть, ничово не опасаючися по правдѣ своей и невинности, готовъ показати ясно, либо и въ подъячихъ тамо былъ, но благородія Шуйскихъ княжитъ не лишенъ есмь и обѣщаюся словомъ моимъ крѣпъкимъ и постояннымъ ѣхати ко государю к Москвѣ, естьли ты пожалуешь, похочешь со мною увидетись и поговорити дружскимъ обычаемъ, што воистинну будетъ на пользу государева дѣла и на прибыль, а тебѣ на честь и на славу, потому што познаешь мои камени каковые цѣны годны суть, не найдется темности въ моей свѣтлости. Пожалуй же Василей Яковлевичь, отпиши ко мнѣ, учинишь ли то или не учинишь, и будетъ похочешь учинити, прошу штобы увидетца пока его милость панъ гетманъ не приѣхалъ, абысмы ся сами осудили не ходячи на судъ; лутче будетъ на Бога положившися учинити по Бозѣ, емужъ учинихъ завѣтъ, што къ Москвѣ ѣхати жадаю, Той мене избавилъ и избавляетъ, уповаю, яко и еще избавитъ отъ врагъ моихъ.

ПОВѢСТЬ, КАКЪ ПРИХОДИЛЪ ГРЕЧЕСКИЙ ЦАРЬ ВАСИЛІЙ ПОДЪ ВАВИЛОНЪ ГРАДЪ [1]).

Въ Вавилонѣ градѣ былъ первый царь Іоаннъ именемъ, Невротъ,

[1]) Предлагаемая редакція *Повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ* совершенно отлична отъ той, болѣе древней, которую напечаталъ г. Пыпинъ въ «Извѣстіяхъ Академіи Наукъ» (III, 318-320) и которая довольно сходна съ *Сказаніемъ о Вавилонѣ*, занесеннымъ въ Макарьевскія Четьи Минеи (декабрь, по списку Москов-

потомъ царь Новходоносоръ [2]), и покрылъ онъ градъ Вавилонъ весь желѣзомъ, и позлатилъ кровлю ясно [3]), и повелѣ сотворити во градѣ палату стекляную, а въ полатѣ царское мѣсто стекляное же. И обручилъ за себя царевну перскаго [4]) царя и повелѣ внити къ себѣ во стекляную палату, а самъ сидитъ на царскомъ мѣстѣ. А царевна къ нему вниде въ полату, а въ той полатѣ мостъ стекляной, и видѣ тотъ мостъ царевна аки вода, ризы своя подняше [5]); царь же видѣ тѣло ея и пусти [6]) огнь въ полатѣ, и подпали ей нижніе власы, и тое ради вины царевна сама его нарекла Навходоносоромъ [7]), прозва его Насоромъ за то, что нижніе власы подпалилъ. И повелѣ Навходоносоръ царь около всего града Вавилона

скаго Успенскаго собора, л. 367 об.). Происхожденіе «повѣсти» до сихъ поръ не объяснено: г. Пыпинъ (Очеркъ литератур. ист. стар. пов. и сказ. рус. стр. 100) предполагаетъ ей источникомъ какой нибудь византійскій апокрифъ; но въ нашей редакціи, явившейся вѣроятно въ XVII в., первоначальный видъ повѣсти значительно измѣненъ русскими вставками. Мы печатаемъ эту редакцію по рукописи графа А. С. Уварова № 66 (Тульскій сборникъ начала XVIII вѣка, прежде принадлежавшій Сахарову), подводя необходимые варіанты по списку, XVIII же вѣка, И. Е. Забѣлина, гдѣ сказаніе (къ сожалѣнію, безъ конца) имѣетъ заглавіе: *О запустеніи Вавилона града і о змияхъ лютыхъ и како посла царь греческій трехъ мужей въ Вавилонъ градъ.* *Ред.*

[2]) Въ спискѣ г. Забѣлина: *Бысть въ Вавилонѣ градѣ первый царь Иванъ, именемъ Невходъ, потомъ былъ царь и покры онъ...*

[3]) Въ спискѣ З.: *на красно золотомъ.*

[4]) Въ спискѣ З.: *благаго.*

[5]) Тоже самое разсказывается въ сказаніяхъ о Соломонѣ; напр. въ Синодальной Палеѣ 1477 г. (№ 210, л. 415 об., 416) читаемъ слѣдующее:

И бы црца южичьскаа иноплеменница, именемь малкатьшька. Си пріиде искоусити соломона гадками. и та бѣ мдра ѕѣло, и принесе емоу дары .к. капіи зла и зѣлья многа велми. и древеса негниющая. слышавже соломо пришешю црцю. Сѣде на полата стекла бѣлого на помостѣ, хотя во искуси ти ю. она же видѣ яко в водѣ сѣди црь. воздьы порты противоу ему. онже видѣ яко красна е лицемь. тѣложе ея власато бы яко щеть. власы от нѣми она оуелдаше моужа бывающа с нею. и рече соломонъ мдрецемь своимь. створите мовѣкражмоу съ ѕелиемь. и помажете тѣло ея на отпадение власомь. хитрецижe и книжници молвяхоу, яко совокоупляется с нею зачеңши же от него и иде в землю свою. и роди снъ и сей бы новхоног...

[6]) Въ сп. З. прибавлено: *отъ престола своего.*

[7]) Въ сп. З.: *Но...*

сотворити змія великаго [1]); и повелѣ царь дѣлати [2]) на всякихъ сосудѣхъ, и на перстняхъ, и на чаркахъ змѣи, и тѣ змѣи всѣ ожили, которые дѣланы на сосудѣхъ, и перстняхъ, и на чаркахъ, и учинилось отъ тѣхъ зміевъ пояденіе [3]) великое и тотъ Вавилонъ градъ опустоша [4]) и обладаша ими змѣи, и на многія лѣта. А лежатъ въ Вавилонѣ градѣ тѣлеса святыхъ тріехъ отрокъ, [5]) Ананія, Азарія, Мисайла. По многихъ же лѣтехъ вавилонскаго пояденія [6]) воздвигся греческій царь [7]) Василій со многою силою на Вавилонъ градъ и дошелъ до Вавилона града, и ста за десять поприщъ и найде на него страхъ великъ отъ вавилонскихъ зміевъ. Изобра царь Василій трехъ мужей изъ иныхъ странъ и умѣющи грамотѣ, койждо по своему языку: единаго мужа Греченина, другаго Русенина, третьяго мужа Обоженина [8]) и послалъ ихъ въ Вавилонъ градъ, и повелѣлъ имъ итти до царевыхъ полатъ поискати сердоликову крабицу; а въ ней лежитъ виссонъ царевъ, и порфира, и шапка манамахова, и скипетръ. И тѣ три мужа идоша къ Вавилону граду, и дойдоша до великаго града Вавилона, и найдоша на пути тецемаго звѣря заица и поставиша кони своя, и убили того звѣря [9]), а сами пойдоша заячьимъ слѣдомъ и дошли ко граду Вавилона. И обрѣтоша змія около града лежаща, дышуща и пышуща, и обрѣтоша лѣствицу чрезъ змія на градовую стѣну, имуща на ней 15 ступеней [10]), написано греческимъ языкомъ: «внити на градъ,» на седьмой ступени рускимъ языкомъ написано: «внити во градъ»; на пятой [11]) ступени написано обоженскимъ языкомъ: «сойти со града». И тѣ три мужа внидоша во градъ, койждо по своему языку трудъ Богу воздавающе, и пѣша во градѣ вечерню, и всенощное, и утреню, и часы съ подчасіемъ. И дошли до града [12]),

---

[1]) Въ сп. З.: *и уставити на немъ чешую.*

[2]) Въ сп. З.: *печатати и рѣзати и на перстняхъ вылевати.*

[3]) Въ сп. З.: *паденіе.*

[4]) *Опустѣлъ.* З.

[5]) Въ сп.З. прибавлено: *Сестрахъ, Мисахъ и Авденахъ, а по русски Ананія, Азарія, Мисаилъ.*

[6]) *Паденія.* З.

[7]) Въ сп. З.: прибавлено *Ливонъ, по руски Василей.*

[8]) *Обвѣженина.* З.

[9]) Въ спискѣ гр. Уварова это мѣсто испорчено; въ рукописи г. Забѣлина читаемъ:.. *поидоша въ Вавилонъ, и доидоша пути малаго звѣря, и потомъ доидоша болшаго врастия и привязаша кони свои у врастія,а сами поидоша путемъ заичьимъ.*

[10]) Здѣсь пропущены находящіяся въ З. сп. слова: *на первой ступени.*

[11]) Ошибочно, вмѣсто: *пятойнадесять.* (З.)

[12]) Ошибочно, вмѣсто: *храма.* (З.)

гдѣ лежатъ тѣлеса святыхъ тріехъ отрокъ, и обрѣтоша раку сребреную: на ней стоитъ кубокъ, наполненъ мура, а другой невѣдомо съ чѣмъ. И восхотѣша они взяти кубки тѣ для знаменія ко царю, и бысть имъ гласъ отъ гробовъ: «не емлите [1]) знаменія къ царю; идите [2]) до царевыхъ полатъ для множества ради зміевъ.» И еще избысть [3]) гласъ отъ гробовъ: «идите, не ужасайтеся.» И они идоша до царевыхъ полатъ, и обрѣтоша такожде кубокъ мура наполненъ, а другой кубокъ, невѣдомо съ чѣмъ, въ полатѣ; и найдоша въ полатѣ сердоликову крабицу и найдоша много каменія драгаго и многоцѣннаго бисера, и взяша сердоликову крабицу, и каменія, и бисера, комуждо возможно нести его и поидоша во храмину тріехъ отрокъ и поклонишася вси до земли. И не бысть имъ гласа отъ гробовъ и восхотѣша ясти и пити, и видѣша сосудъ и взяша его, и испиша, и быша сыти и веселы, и спаша въ полатѣ [4]). И возсташа отъ сна и рече другъ другу: «чѣмъ умыемъ лица своя?» [5]) и идоша ко гробамъ и бысть имъ гласъ отъ гробовъ: «идите съ миромъ до царя вашего и узрите съ радостію, а пакость не обрящете» [6]). И они идоша до царевыхъ полатъ [7]), до стѣны градные, и пойде на перьвую степень Греченинъ со златомъ и сойде на землю здраво; на седьмой степени пойде мужъ Русенинъ съ драгимъ каменіемъ и многоцѣннымъ бисеромъ и сойде на землю здраво; на двѣнадцатой [8]) степени пойде мужъ Обожениинъ и за чешую зміеву запялся и урони ту сердоликову крабицу на того болшаго змія. И въ той часъ возсвистася змія [9]), которые и въ сосудѣхъ лежаща, и отъ того свиста зміева тѣ три мужіе падоша мертвы. Царь же Василій стояше со всею силою на вавилонскомъ рубежѣ [10]) за десять поприщъ отъ Вавилона и слыша вси людіе тотъ зміинъ свистъ, и отъ того страха отступи царь со

---

[1]) Пропущено: *отселѣ*. (З)

[2]) Здѣсь пропущено слѣдующее мѣсто, которое беремъ изъ рукоп. З.: *«идите съ миромъ; посланы есте отъ своего царя въ Вавилонъ до царьскихъ полатъ; оттолѣ себѣ возьмите знаменіе каменія драгаго и злата, что вамъ мочно. И они убояшася итти до царьскихъ полатъ для множества змей.*

[3]) *Имъ бысть*. З.

[4]) *Въ полатѣхъ царевыхъ.*

[5]) Здѣсь пропускъ; въ сп. З.: *и видѣша сосудъ стоящъ, наполненъ воды и умыша лица своя.*

[6]) Въ сп. З.: *и пакость обрящете надъ нимъ и надъ собою отъ змія.*

[7]) Пропущено: *и возвратишася* (З.)

[8]) *Пятойнадесять*. З.

[9]) Пропущено: *и малые есть съ нимъ возсвисташа.*

[10]) *Полѣ*. З.

всѣмъ войскомъ своимъ отъ вавилонскаго рубежа за 15 поприщъ, а иные помроша отъ змѣина свистанія, а тѣхъ трехъ мужей нарекоша мертвыми. Но абіе тѣ три мужіе очютишася [1]) и возсташа на третій день аки отъ сна и кійждо кто (что?) несъ изъ града, то все взяли: злато, и сребро и драгое каменіе, и многоцѣнный бисеръ, и сердоликову крабицу [2]) и пріидоша, гдѣ ихъ стояли кони: и кони ихъ стояли цѣлы, не вредими ничѣмъ, ни змінымъ ядомъ не уязвлены. Они же, хваляще Бога, и воздаша молебную пѣснь; змія же всѣ [3]) свишася въ клубы. Идоша они три мужіе до стану царева, гдѣ стоялъ царь, и обрѣтоша многихъ мертвыхъ, лежаща на вавилонскомъ рубежѣ, а царя своего не обрѣтоша. Идоша же они заднимъ путемъ и дойдоша они до царя своего Василія, и поклонишася царю, и возрадовашася царь (sic!) радостію великою о пришествіи трехъ мужей изъ Вавилона. Они же несоша ко царю знаменіе вавилонское: злато и драгое каменіе, и многоцѣнныхъ бисеръ и сердоликову крабицу, а въ ней же лежитъ виссонъ царскій и порѳира, и шапка манамахова, и жезлъ царевъ. Царь же чествоваше ихъ и дарова имъ многими дарьми, и пойде царь во градъ [4]), и бысть ему радость великая и всему миру [5]) извѣщеніе о вавилонскомъ градѣ. Въ то же время, услышавъ князь Владиміръ кіевскій и посла [6]) воя силныя владимірова и убояся ихъ. И посла царь Василій къ великому князю Владиміру посла своего, [7]) а съ нимъ посла дары великіе и ту сердаликову крабицу со всѣмъ виссомъ царскимъ, и отъ того часа прослыша (sic!) великій князь Владимеръ [8]) кіевскій мономахова, иже есть взятія отъ Вавилона. И донынѣ та шапка манамахова въ русскомъ государствѣ, въ богохранимомъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ, у великихъ государей, царей великихъ князей Іоанна Алексіевича, Петра Алексіевича всея великія, и малыя, и бѣлыя Россіи самодержцевъ. Конецъ и Богу слава, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь.

---

[1]) Въ сп. З.: *благодатію Господа нашего Іисуса Христа очюнушася.*

[2]) Въ сп. З. прибавлено: *сирѣчь ларецъ.*

[3]) Въ сп. З. прибавлено: *отъ святыхъ отрокъ смиришася.*

[4]) *И пойде во Царьградъ.* З.

[5]) *И всему воинству о извѣщеніи....* З.

[6]) Это испорченное мѣсто въ сп. З. читается: *Въ тоже время, какъ былъ царь Василей подъ Вавиломъ (sic) посла во(и) своя множество князь Владиміръ цѣлышевъ (?) кіевской на Царьградъ множество. Царь Василей, видѣвъ воя силныя Владимерова, убояся ихъ....*

[7]) *Съ миромъ* З.

[8]) Этимъ словомъ оканчивается списокъ И. Е. Забѣлина.

НИКОЛАЙ УГОДНИКЪ И КАСЬЯНЪ УГОДНИКЪ.

(*Народная сказка, сообщенная П. И. Якушкинымъ*).

Дѣло было осенью. Поѣхалъ мужикъ въ лѣсъ по дрова; у мужика, извѣстно, глаза завидущіе, да на бѣду кобыленка плохенькая. Нарубилъ мужикъ дровъ большой возъ—чуть лошади съ мѣста стащить; подъ узволочекъ кое еще какъ сползъ; а какъ сталъ взбираться на узволокъ, да къ тому жъ и въ лужу попалъ,—кобыленка-то и не съ мѣста. Бился, бился мужикъ,—ничего не сдѣлаетъ! Вотъ идетъ Касьянъ, угодникъ Божій, Римлянинъ.

— «Батюшка, Касьянъ—Римлянинъ, угодникъ божій! помоги возъ вытащить», взмолился мужикъ.

— Поди прочь! крикнулъ на него Касьянъ, угодникъ божій:—стану я для тебя райское платье марать!

Вотъ идетъ Николай, угодникъ божій. Мужикъ къ нему:

— «Батюшка, Николай, угодникъ божій, помоги!»

Николай угодникъ, извѣстное дѣло, русскому человѣку большая помочь: помогъ, благословилъ, мужикъ и доѣхалъ съ божьею помощію.

Приходятъ они, Касьянъ, угодникъ божій, и Николай, угодникъ божій, въ рай пресвѣтлый, въ царство небесное.

—«Гдѣ ты былъ, Касьянъ, угодникъ божій, что дѣлалъ?» спросилъ *Господи*.

— Былъ я, ваше благородіе, на землѣ, отвѣчалъ Касьянъ, угодникъ божій:—такъ и такъ: мужикъ просилъ возъ вытащить, да я не сталъ райскаго платья марать.

— «А ты гдѣ былъ, Николай, угодникъ божій?» спросилъ Господи.

— Былъ я, ваше преосвященство, на землѣ, сказалъ Николай, угодникъ божій: онъ былъ архіерей, зналъ, какъ Бога назвать.

— «Отъ чего же ты весь въ грязи?» опять спросилъ Господи у Николая, угодника божія.

Тотъ ему разсказалъ.

— «Слушай, Касьянъ, угодникъ божій, сказалъ Господи:—не умѣлъ ты меня назвать: назвалъ вашимъ благородіемъ, за то тебѣ въ два года одинъ молебенъ; не помогъ человѣку,—за то тебѣ въ 4 года всего-на-все одинъ молебенъ. А тебѣ, Николай, угодникъ божій, за то, что умѣлъ меня назвать,—каждый годъ молебенъ; а мужику возъ помогъ вытащить,—два молебна въ годъ!»

Отъ того-то и бываетъ Никола вешній и Никола зимній; а Касьяну Римлянину только въ высокосный годъ празднуютъ.

JAHRBUCH FÜR ROMANISCHE UND ENGLISCHE LITERATUR,

unter besonderer Mitwirkung von Ferdinand Wolf, herausgegeben von Dr. Adolf Ebert, Professor an der Universität Marburg. 1858—1859 г. Перваго тома №№ *1,* 2 *и* 3. (*Издается по 4 книжкѣ въ годъ.*)

Профессоръ Эбертъ, извѣстный знатокъ романской литературы, недавно издавшій отличное сочинненіе о французской трагедіи, предпринялъ, въ концѣ прошлаго 1858 г., изданіе журнала, котораго названіе помѣщено въ заглавіи этой статьи. Постоянное сотрудничество такого ученаго, какъ Ф. Вольфъ, несомнѣнно ручается за успѣхъ этого полезнаго для исторіи литературы предпріятія. Сверхъ того, въ этомъ журналѣ участвуютъ многіе изъ лучшихъ ученыхъ Германіи, Бельгіи, Франціи, Англіи, даже Италіи и Испаніи. Въ вышедшихъ трехъ книжкахъ статьи французскихъ ученыхъ изданы на французскомъ языкѣ. Судя по этимъ тремъ книжкамъ, надобно полагать, что журналъ Эбертовъ будетъ такимъ же необходимымъ пособіемъ для всякаго занимающагося романскою и англійскою литературою, какъ для нѣмецкой литературы—журналъ Гаупта и «Германія» Пфейфера, издаваемая съ 1856 г. [1]) Основательно изучающіе русскую словесность, безъ всякаго сомнѣнія, не будутъ удивляться, встрѣтивъ на страницахъ *Лѣтописей русской литературы* изложеніе нѣкоторыхъ статей Эбертова журнала.

Начнемъ съ народнаго эпоса. Сюда принадлежитъ, во первыхъ, статья Ф. Вольфа *о Сидѣ* (въ №№ 1 и 2) по поводу двухъ сочиненій, одного на испанскомъ языкѣ: *Rodrigo el Campeador*, por D. Manuel Malo de Molina, 1857,—и другаго на французскомъ: Poëme du Cid, par Dumas Hinard, 1858 (оригиналъ съ переводомъ, примѣчаніями и словаремъ). Герой испанскаго эпоса видоизмѣнялся и развивался въ своемъ характерѣ вмѣстѣ съ историческимъ развитіемъ самаго народа, подобно тому, какъ видоизмѣнялся характеръ Ильи Муромца въ русскомъ эпосѣ [2]). Въ видоизмѣненіи характера Сида Ф. Вольфъ видитъ видоизмѣненіе и развитіе самаго *сознанія народнаго*, совершавшееся въ теченіе вѣковъ. Пока весь народъ сознавалъ свою самостоятельность и единство, и представитель народа его долженъ былъ имѣть характеръ демократическій. Такимъ является Сидъ въ нѣ-

---

[1]) См. извѣстіе объ этомъ журналѣ въ Русскомъ Вѣстникѣ за 1857 г.

[2]) См. въ этомъ № *Лѣтописей* предисловіе къ пѣснямъ, собраннымъ г. Якушкинымъ.

которыхъ изъ древнѣйшихъ романсовъ и даже *Crónica particular del Cid.* Когда стали выдѣляться сословія и развилась феодальная аристократія, и Сидъ выступаетъ, какъ владѣтель Бивара, могущественный вассалъ, грозный и строптивый передъ лицомъ самого короля. Таковъ герой въ *Crónica rimada* и кое-гдѣ въ древнихъ романсахъ. Со времени католическихъ королей и всемірнаго испанскаго господства, когда въ духѣ монархическихъ началъ созрѣла въ народномъ сознаніи идея о національномъ государственномъ единствѣ, и Сидъ, представитель народа, сталъ «вѣрнымъ слугою своего господина» и даже образцемъ придворнаго человѣка, когда, со временъ Филиппа, испанскій дворъ сталъ средоточіемъ національной гордости и славы. Таковъ Сидъ позднѣйшихъ романсовъ въ *Romancero general* и въ комедіяхъ. Постоянными же, отъ различныхъ эпохъ не зависящими качествами этого героя можно признать: чувство личнаго достоинства и самостоятельности (entereza), предпочтеніе незапятнанной чести всему на свѣтѣ (pundonor), религіозное воодушевленіе, ненависть къ чуждому владычеству и врожденное чувство правоты и рыцарства.

Г. Пари (P. Paris) сообщаетъ любопытныя подробности объ одномъ изъ эпизодовъ эпоса о Карлѣ Великомъ, въ своей статьѣ, подъ заглавіемъ: Notice sur la chanson de geste intitulée: Le voyage de Charlemagne à Jérusalem et à Constantinople. (№ 2) Извѣстно, что Карлъ Великій во время своихъ частыхъ поѣздокъ въ Италію и по сношеніямъ съ греческимъ императоромъ, неоднократно получалъ просьбы о вспоможеніи отъ христіянъ Палестины. Незадолго до нареченія его императоромъ, какіе-то монахи чрезъ іерусалимскаго патріарха поднесли ему ключи св. храма, хоругвь гроба господня, и, вѣроятно, нѣкоторыя изъ орудій страстей господнихъ. За эти дары послано было восточнымъ христіянамъ денежное вспоможеніе и письменное ходатайство за нихъ у калифа. Надобно полагать, что хоругвь и прочая святыня была помѣщена по приказанію императора, въ Э—ла-Шаппель, а потомъ, при Карлѣ Лысомъ, вмѣстѣ съ другими священными предметами перенесена въ Сень-Дени. Въ послѣдствіи времени воспоминаніе о происхожденіи этихъ предметовъ въ воображеніи народномъ перемѣшалось съ самыми странными, чудесными преданіями. Распространилось повѣрье, будто Карлъ Великій самъ отправился на востокъ за этою святынею, получилъ ее на гробѣ господнемъ въ Іерусалимѣ отъ патріарха, а въ Константинополѣ отъ самаго греческаго императора. Именно на этомъ-то повѣріи и основана стихотворная легенда, разобранная въ журналѣ Эберта. Къ этому надобно присовокупить, что составилась еще другая легенда, по которой святыня была принесена во Францію вслѣдствіе перваго крестоваго похода.

Неизвѣстный авторъ пѣсни о богомольномъ хожденіи Карла Великаго въ Іерусалимъ и Константинополь уже не знаетъ, что священные предметы нѣкогда находились въ Э-ла-Шапелль. Онъ уже засталъ ихъ въ С. Дени, и полагаетъ, вмѣстѣ съ своими современниками, что тамъ были они положены и первоначально самимъ императоромъ. Содержаніе пѣсни слѣдующее. Однажды въ храмѣ С. Дени, находясь между своими баронами и кавалерами, Карлъ спрашивалъ свою супругу: «Есть ли кто на свѣтѣ могущественнѣе и богаче меня?»—«Да, отвѣчала королева: Гугонъ, императоръ Константинополя, Греціи, Персіи и Каппадокіи.» Чтобъ удостовѣриться въ томъ, Карлъ лично желаетъ видѣть Гугона, и если сказанное королевою не правда, то она поплатится своею головою. Немедленно собравшись въ дорогу съ своими двѣнадцатью перами, Карлъ отправляется въ путь. Прибываетъ въ Іерусалимъ. Въ Св. храмѣ видитъ алтарь, гдѣ самъ Господь съ апостолами совершалъ литургію; тамъ и двѣнадцать престоловъ, гдѣ они сидѣли, и сверхъ того престолъ самого Іисуса Христа: Карлъ Великій садится на этотъ послѣдній, а его перы помѣщаются на сѣдалища апостольскія. Является патріархъ и сначала принимаетъ этихъ тринадцать чудныхъ витязей за Христа съ апостолами. Потомъ даетъ императору различные священные предметы, между которыми упомянута и чаша, служившая на св. вечери. Отсюда видно, что эта пѣсня была составлена независимо отъ извѣстнаго преданія о *Санъ-Гралѣ*, которое, слѣдовательно, распространилось во Франціи послѣ составленія этой пѣсни. Послѣ того Карлъ положилъ первый камень на сооруженіе храма во имя Богородицы. Красота этого храма изображается согласно описанію въ хожденіи Бернарда монаха въ Іерусалимъ въ 870 году: «Inter praedictas quatuor ecclesias est Paradisus, sine tecto, cujus parietes auro radiant, pavimentum vero lapide sternitur pretiosissimo,... in quo medius dicitur esse mundus. Замѣтимъ мимоходомъ, что это и другія средневѣковыя описанія Іерусалима чрезвычайно важны для точнѣйшаго объясненія хожденія нашего паломника XII вѣка.—Разставаясь съ патріархомъ, императоръ даетъ ему обѣщаніе объявить войну Сарацынамъ, только не палестинскимъ, а испанскимъ.

Послѣ того Французы отправились въ Цареградъ. Красота этого города привела ихъ въ изумленіе. Императоръ Гугонъ гостепріимно встрѣтилъ ихъ, приготовивъ имъ роскошный ужинъ. Лучшимъ украшеніемъ пиршества была прекрасная дочь императора. Отправившись въ приготовленную для нихъ опочивальню, знаменитые странники, отягощенные виномъ, вмѣсто того, чтобъ спать, принялись хвалиться другъ передъ другомъ, или хвастаться—по эпическому обычаю—

кто изъ нихъ совершитъ болѣе знаменитый подвигъ въ Константинополѣ. Одинъ хвалился своею ратною силою, другой обѣщалъ разрушить всѣ городскія врата звукомъ рога, на которомъ заиграетъ. Оливье мечталъ о любви прекрасной дочери императора. Между тѣмъ Гугонъ, узнавъ отъ служителей о похвальбѣ Французовъ, на другой день предложилъ имъ на самомъ дѣлѣ исполнить то, чѣмъ они похвалялись: въ противномъ случаѣ они поплатятся жизнію. Французы, къ великой своей славѣ, блистательно доказали, что они не даромъ превозносили себя. Гугонъ съ честію провожалъ Карла, а влюбчивому Оливье отдалъ въ супруги свою прекрасную дочь. Пѣсня оканчивается возвращеніемъ французскихъ героевъ домой.

Для сравнительнаго изученія народной поэзіи заслуживаетъ вниманія эпическій мотивъ пѣсенъ французскихъ, общій съ нѣмецкими и славянскими: точно также скандинавскіе витязи любятъ другъ передъ другомъ превозноситься своими подвигами, или — какъ въ русскихъ пѣсняхъ—на пирахъ Владиміра сильный хвастаетъ силою, богатый богатествомъ. Что же касается до легендъ о пріобрѣтеніи святынь изъ чужихъ земель, то такія легенды были у насъ на Руси въ большомъ ходу даже въ XVII вѣкѣ, который въ этомъ отношеніи вполнѣ соответствуетъ отдаленной эпохѣ, когда на западѣ сложилось разсказанное нами преданіе.

Для сравненія предлагаю очень распространенное у насъ въ XVII в. сказаніе, перешедшее къ намъ изъ Грузіи при Михаилѣ Ѳедоровичѣ (въ 1625 г.) [1]).

«Въ царство Тиверія, кесаря римскаго, когда въ Іерусалимѣ распинали Іудеи Господа нашего Іисуса Христа, сняли съ него ризы и дѣлили на малыя части. Тутъ же былъ нѣкоторый воинъ изъ грузинской земли, и ему на дѣлежѣ досталась срачица Господа нашего Іисуса Христа. И онъ ту срачицу свезъ въ грузинскую землю. А не имѣлъ тотъ воинъ у себя ни жены, ни дѣтей; только была у него одна сестра родная. И учала брату говорить: «гдѣ ты, брате, взялъ сію срачицу?» И онъ учалъ ей сказывать: «былъ де я во Іерусалимѣ градѣ, и убили Іудеянина, невѣдомо, что за человѣка, а называютъ его Христомъ, а то де и я слышалъ слухомъ, что Христосъ сынъ Божій; а какъ де его роспяли, тогда солнце померкло, земля потряслась, камни распадались, гробы съ мертвецами отверзались, и многіе люди со страха падали и умирали.» И сестра сказала брату своему, а тому воину: «прямо де быть

---

1) По Синод. сборн. XVII в., № 850, л. 461—2.

тому Христу сыну Божію! И что вы сдѣлали? Убили безгрѣшнаго и пролили кровь неповинную! взыщется та кровь на насъ и на дѣтяхъ нашихъ!» И учала она брату своему бить челомъ, чтобъ подарилъ ею тою срачицею, и онъ ей подарилъ, и она держала ее у себя много лѣтъ и вѣровала въ нее, и, отходя сего свѣта, велѣла положить себя въ той срачицѣ. И лежала она въ ней шестьдесятъ лѣтъ, и выросло надъ нею прекрасное дерево, и изъ того изъ дерева мvръ шолъ безпрестанно, и было отъ того въ грузинской землѣ прощеніе, слѣпымъ было прозрѣніе, а хромымъ хожденіе. И учили міряне той земли корыстоваться и дерево въ откупъ брали: и мvръ отъ того дерева пересталъ итти, и дерево засохло и свалилося, и прощенія не почало быти. И учали сказывать старые люди, которые у старыхъ же слыхали: коли де во Іерусалимѣ градѣ распинали Христа, и тогда де воинъ привезъ срачицу Господа нашего въ грузинскую землю, и отдалъ сестрѣ своей, и она держала у себя тое срачицу много лѣтъ, и въ нее вѣровала, и когда отошла свѣта сего, была она положена въ той срачицѣ. И велѣли всѣмъ соборомъ могилу ея раскапывать; а срачица Господня шестьдесятъ лѣтъ въ землѣ лежала ничѣмъ не вредима, а усопшая въ ней лежала какъ живая. И тутъ міряне грузинской земли удивилися, и отодравъ четвертую часть отъ той срачицы, Грузины положили въ серебряной дскѣ, съ каменіемъ многоцѣннымъ, и ту срачицу прислали, и съ великими дарами къ государю царю и великому князю Михаилу Θеодоровичу всея Россіи къ Москвѣ съ посломъ Русанбекомъ.»

От древняго эпизода изъ эпоса о Карлѣ Великомъ перейдемъ къ одному изъ позднѣйшихъ, относящемуся къ XIII в., и уже отразившему на себѣ вліяніе поэмъ о Кругломъ Столѣ. Этотъ эпизодъ, доселѣ еще неизданный, но уже приготовленный къ печати, называется *Doon de Mayence*. Въ № 3 Эбертова журнала, Alex. Pey предлагаетъ его обозрѣніе по рукописи изъ библіотеки Монпелье. Французскій ученый, по поводу этой пѣсни, дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе о времени составленія различныхъ эпизодовъ карлова эпоса, очень полезное для сравнительнаго изученія народной поэзіи. Древность героической пѣсни (chanson de geste) почти всегда состоитъ въ обратномъ отношеніи съ мнимою, предполагаемою древностью самаго героя той пѣсни. Такъ Ожье датскій былъ прославленъ прежде своего отца Гофрея, Гильомъ Курносый прежде Эмери Нарбонскаго и т. д. Въ циклѣ поэмъ карловыхъ природный порядокъ нарушается, и отцы получаютъ свое поэтическое существованіе по милости своихъ сыновей, о которыхъ сложились

героическія пѣсни. Этотъ любопытный фактъ очень легко объясняется: слава Карла Великаго сначала озарила своимъ свѣтомъ тѣхъ витязей, которые, по народнымъ преданіямъ, были его товарищами въ подвигахъ, и которые слѣдовательно прежде всѣхъ другихъ героевъ карлова эпоса были воспѣты древнѣйшими труверами. Храбрые спутники Карла Великаго были уже такъ прославлены, что поэты эпохи позднѣйшей, подъ поэтическимъ покровительствомъ этихъ древнихъ героевъ, должны были вымышлять сказанія о герояхъ новыхъ. «Вы уже слышали — говорили они своей публикѣ—похожденія такого-то и такого героя; но вы еще не знаете похожденій его отца, и я буду вамъ о нихъ повѣствовать.» Или же: «Уже много было говорено о подвигахъ Роланда и Ожье; но вы ничего не знаете о ихъ юности: слушайте, что я вамъ разскажу.» Вотъ почему пѣсни, посвященныя юности или дѣтству карловыхъ бароновъ новѣе тѣхъ, въ которыхъ воспѣвается ихъ зрѣлый возрастъ; и еще новѣе тѣ, которыя имѣютъ предметомъ ихъ отцевъ или предковъ, за весьма немногими исключеніями.

Само собою разумѣется, что и отцы товарищей Карла Великаго представляются современниками этого героя, котораго жизнь такимъ образомъ въ поэтическихъ преданіяхъ растягивается на неопредѣленное число лѣтъ.

Доонъ или *Доолинъ Маинцскій* былъ отцемъ двѣнадцати знаменитыхъ героевъ, изъ которыхъ старшій назывался Гофрей, отецъ Ожье датскаго. Пѣсня о Доонѣ состоитъ изъ двухъ частей: въ первой описывается его юность, во второй подвиги зрѣлаго возраста. Обѣ получили одинаковую литературную отдѣлку подъ перомъ неизвѣстнаго трувера XIII в., но, по поэтическому вымыслу, вторая часть, очевидно, ранѣе первой составилась въ устахъ народа. Первая часть въ наибольшей мѣрѣ выказываетъ на себѣ вліяніе эпоса о Кругломъ Столѣ; въ бѣдствіяхъ и разныхъ приключеніяхъ юнаго Доолина очевидно сходство съ судьбою рыцаря Лебедя. Сверхъ того множество рыцарскихъ похожденій, мотивированныхъ любовью къ прекрасному полу, прямо указываетъ на позднѣйшую эпоху въ переработкѣ карлова эпоса. Вторая часть, имѣющая предметомъ побѣду Карла Великаго надъ Датчанами и Саксами въ товариществѣ Доолина, представляется самостоятельнымъ цѣлымъ, и уже съ первыхъ строкъ выказываетъ слѣды древнѣйшаго происхожденія.

Для сравнительнаго изученія характера владиміровыхъ богатырей русскаго эпоса, можетъ быть, не безполезно будетъ сказать нѣсколько словъ объ отношеніяхъ Доона Маинцскаго къ Карлу Ве-

лкому. Первая встрѣча обоихъ героевъ была враждебная. Доонъ, возвращаясь съ турнира съ своею многочисленною дружиною, проѣхалъ Парижъ, не воздавъ Карлу должной почести. Раздраженный Карлъ въ гнѣвѣ своимъ выразился о немъ оскорбительно, сказавъ, что онъ неизвѣстнаго происхожденія, безъ всякихъ правъ завладѣлъ Маинцемъ. Узнавъ о томъ, Доонъ, во главѣ семи сотъ вооруженныхъ рыцарей, явился передъ короля для объясненія. «Что вамъ надобно, вассалъ?» въ страхѣ спрашивалъ его Карлъ, потому что былъ не вооруженъ, также какъ и нѣсколько окружавшихъ его бароновъ. «Я Доонъ, отвѣтствовалъ тотъ, — родился въ Маинцѣ, веду свой родъ изъ Франціи»; потомъ высказалъ свою обиду, присовокупивъ, что еслибы онъ не былъ подчиненнымъ ему человѣкомъ, то насквозь проколол бы его своею шпагою. Безоружный Карлъ готовъ утишить гнѣвъ вассала пожалованьемъ ему графства неверскаго и города Лаона. Но Доонъ, нахмуривъ брови и положивъ руку на рукоять шпаги, ступилъ впередъ и сказалъ устрашенному Карлу: «Раздавайте такіе дары людямъ своей дружины и своимъ вассаламъ; а со мною не скупитесь: не то тотчасъ же проститесь съ жизнію.» Карлъ заранѣе соглашается ему дать все, чего онъ ни захочетъ, и Доонъ требуетъ себѣ города Воклера по ту сторону Рейна *близь моря, въ великой Саксоніи*, присовокупляя: «этимъ городомъ владѣетъ язычникъ Обиганъ, который добылъ его при помощи тысячи Сарацыновъ. У этого нечестивца есть дочь, по имени Фландрина — потому что мать ея родомъ изъ Фландріи — во всемъ свѣтѣ нѣтъ дѣвицы прекраснѣе Фландрины. Отецъ отказалъ въ ея рукѣ племяннику короля датскаго; и этотъ послѣдній держитъ Обигана въ осадѣ. Такъ отдайте же мнѣ, государь, городъ Воклеръ и Фландрину въ супруги.» Карлъ отъ этой просьбы пришолъ въ великое смущеніе, потому что не можетъ дать того, что не принадлежитъ ему. «Государь, продолжалъ Доонъ,—я хочу имѣть городъ Воклеръ; дайте только мнѣ позволеніе завладѣть имъ, снабдите меня тысячью воиновъ, и я сдѣлаю васъ господиномъ всего королевства Обиганова: если же вы откажетесь, я отрублю вамъ голову.» Выведенный изъ терпѣнія высокомѣріемъ Доона, Карлъ предлагаетъ ему единоборствомъ рѣшить дѣло. Если Доонъ одолѣетъ, то Карлъ будетъ помогать ему въ завладѣніи Воклеромъ. Единоборство, продолжавшееся съ равнымъ успѣхомъ съ обѣихъ сторонъ, было прекращено сверхъестественнымъ вмѣшательствомъ ангела, который велѣлъ Карлу предложить Доону свою помощь въ войнѣ съ Обиганомъ. Далѣе слѣдуетъ подробное повѣствованіе о томъ, какъ Французы сначала, принявъ сторону Оби-

гана, побѣдили Датчанъ, осаждавшихъ Воклеръ, а потомъ и самого Обигана. Въ борьбѣ съ послѣднимъ они нашли себѣ помощь въ его супругѣ и дочери Фландринѣ, которыя обѣ были уже христіанки. Побѣда увѣнчалась крещеніемъ Саксовъ и тремя свадьбами: Доонъ женился на Фландринѣ, Гаринъ на Мабирѣ и самъ Карлъ на Галіеннѣ.

Статья Эдельстана дю-Мериля: «La vie et les ouvrages de Wace» (№ 1) знакомитъ съ личностью и произведеніями одного изъ самыхъ знаменитыхъ французскихъ труверовъ XII в. Кромѣ *Romans de Rou*, *Romans de Brut*, ему приписываютъ много другихъ стихотворныхъ повѣствованій, частію свѣтскаго содержанія, какъ *Romans du Chevalier au lion*, *Romans d' Alexandre*, частію духовнаго, какъ *Conception Nostre-Dame*, *Житіе св. Маргариты* и друг. На западѣ такъ же, какъ и у насъ, были распространены въ народѣ стихи духовнаго содержанія. Ихъ сочиняли поэты для объясненія простому народу значенія или исторіи какого-либо церковнаго праздества или житія святаго, и прочитывали ихъ въ тотъ день, къ которому по календарю относились. Стихотворенія эти во Франціи, и именно въ сѣверной ея части, назывались *сервентами* (serventois), т. е. стихами *служебными*, потому что они именно служили практической цѣли. Духовныя сервенты замѣняли неграмотнымъ прологъ или синаксарь, точно такъ же, какъ стѣнная живопись въ церквахъ — библейскія сказанія. Въ послѣдствіи, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ Васа, даже составилось цѣлое поэтическое общество въ честь Богоматери, подъ названіемъ *Puy de la conception*. *Puy* есть не что иное, какъ лат. *podium*: у Дюканжа такъ объясняется *podium* или *pogium*: lectrum, analectrum in ecclesia, ad quod gradibus ascenditur, сверхъ того изъ многихъ мѣстъ въ Ordo Romanus явствуетъ, что это былъ особенный родъ эстрады, пониже амвона, гдѣ совершались нѣкоторыя части литургіи. Такимъ образомъ духовные стихи и самое общество поэтическаго прославленія Мадоны ведутъ свое начало прямо изъ самаго святилища храма. Въ средніе вѣка храмъ на западѣ имѣлъ не одно только чисто религіозное значеніе. Туда собирался народъ для политическихъ и разныхъ общественныхъ совѣщаній; тамъ же находилъ удовлетвореніе своимъ поэтическимъ и вообще художественнымъ интересамъ. На многихъ соборахъ неоднократно принимаемы были строжайшія мѣры противъ оскверненія храмовъ суетными мірскими сходками и бѣсовскими увеселеніями. Но все было тщетно. Наивное благочестіе грубыхъ временъ умѣло придать набожный характеръ тому, за что соборы грозили отлученіемъ. Чтобъ придать силу клятвѣ, или суду, собирались въ храмы

всѣмъ міромъ приносить присягу, судить и рядить. По прежнему пѣли и даже плясали въ храмахъ или около, подъ благочестивымъ предлогомъ полнѣе выразить свою радость о рожденіи Христа и его воскресеніи. Наконецъ, въ воспоминаніе великихъ событій церковныхъ и въ честь святыхъ, представляли въ лицахъ чудеса и мистеріи, привосокупляя къ истинѣ самые грубые вымыслы. Такимъ образомъ, искусство, по своему природному характеру предназначенное служенію религіи, не могло быть вѣрнымъ выраженіемъ христіанскихъ идей, во всей ихъ чистотѣ, опредѣляемой ѳеологическими догматами. Противодѣйствіе этихъ послѣднихъ свободѣ художественной дѣятельности составляетъ одно изъ существенныхъ началъ въ исторіи средневѣковой образованности. Только при значительныхъ уступкахъ съ той и другой стороны возможно было процвѣтаніе такъ называемаго христіанскаго искусства. Потому прямаго, непосредственнаго отношенія искусства къ религіи не могло быть у народовъ христіанскихъ. Къ искусству постоянно присоединялся элементъ миѳологическій и исключительно-народный; и чѣмъ болѣе принималъ простой народъ участіе въ художественной дѣятельности, тѣмъ менѣе искусство стѣснялось строгостью ѳеологическихъ догматовъ, тѣмъ болѣе оно предъявляло свои права, тѣмъ народнѣе становилось. Потому-то самыми художественными и вмѣстѣ съ тѣмъ самыми народными произведеніями древней Руси надобно признать *народные* духовные стихи: между тѣмъ какъ наша древняя живопись, менѣе подчинившаяся элементу народному, до позднѣйшаго времени оставалась при чуждыхъ, византійскихъ формахъ.

Усиленнымъ развитіемъ элементовъ народныхъ существенно отличается художественная дѣятельность средне-вѣковаго запада отъ древне-русской: не потому, чтобъ и у насъ народъ не принималъ участія въ художественномъ воспринятіи христіанскихъ преданій и понятій, но потому что, по низкой степени своей образованности, онъ не могъ оградить своихъ поэтическихъ стремленій отъ стѣснительныхъ преслѣдованій книжнаго пуризма. Это было одною изъ главныхъ причинъ, почему у насъ не могла самостоятельно развиться мистерія или вообще духовная драма.

Эбертъ, въ своей статьѣ: Die englischen Mysterien, mit besonderer Berücksichtigung der Towneley-Sammlung (№№ 1 и 2),—сообщаетъ много любопытныхъ и чрезвычайно важныхъ данныхъ по этому предмету, доселѣ еще не внесенныхъ въ исторію средне-вѣковой драмы. Почитаемъ не лишнимъ нѣкоторыя изъ нихъ занести въ *Лѣтописи русской литературы*, не потому только, что въ XVII

вѣкѣ къ намъ была перенесена черезъ Польшу духовная драма, но для того, чтобъ изъ сравненія съ классическою дѣятельностью запада яснѣе видѣть, чего не доставало древней Руси для успѣшнаго развитія христіанскаго искусства.

Само собою разумѣется, *драматическая мистерія* принадлежитъ къ тѣмъ уступкамъ въ пользу національности, въ которыхъ оказалось послабленіе и потворство римской церкви мірскимъ интересамъ. Въ чемъ пострадала чистота и строгость догматовъ, въ томъ нашла себѣ пищу народная фантазія. Но такъ какъ мистерія, не смотря на примѣсь грубыхъ вымысловъ, все же знакомила народъ съ преданіями церкви и возбуждала благоговѣніе къ высочайшимъ идеаламъ христіанскаго ученія: то самая уступка въ пользу художественныхъ интересовъ оказывала на толпу свое благотворное дѣйствіе и въ религіозномъ отношеніи. Такъ въ исторіи народной жизни добро и зло перепутываются между собою тончайшими, неразрѣшимыми нитями.

Мистеріи, какъ извѣстно, развились непосредственно изъ римской литургіи, въ которой были уже зародыши драматическаго элемента, въ связи съ музыкальнымъ и пластическимъ. Сначала присоединилось драматическое представленіе, какъ другая половина церковной службы, къ празднованію двухъ великихъ праздниковъ: Воскресенія и Рождества. Освобожденіе духовной драмы отъ римской службы совершилось въ Англіи введеніемъ драматическаго представленія чудесъ въ честь различныхъ святыхъ. Каждая корпорація цеховыхъ или каждая гильдія, а также ученики школъ, подъячіе, имѣли своихъ патроновъ между святыми, и въ честь ихъ представляли въ лицахъ ихъ житіе въ тотъ день, когда по календарю назначалась годовщина тѣхъ святыхъ. Послѣ чтенія житія или легенды представлялась самая драма. Мы уже знаемъ, что духовный стихъ при этомъ же случаѣ получилъ свое литературное развитіе, котораго высшею ступенью была духовная драма. Католическій праздникъ *Тѣла Господня*, введенный въ римскую церковь папою Урбаномъ IV въ 1264 г., но окончательно утвержденный Климентомъ V въ 1311 г., роскошью церковныхъ церемоній, далъ новую жизнь духовной драмѣ. Преимущественно этотъ праздникъ сопровождался драматическими представленіями. Въ XIV в. въ Англіи ремесленники играли драмы въ теченіе трехъ дней, представляя въ послѣдовательномъ порядкѣ священныя событія, отъ сотворенія міра и до страшнаго суда. Эти *коллективныя*, или *собирательныя мистеріи*, въ послѣдствіи игрались и на нѣкоторые другіе праздники. Представленіе этихъ піесъ было общимъ дѣломъ цѣлаго города, и актерами были ремесленники, составлявшіе основу городскаго населенія. Такимъ образомъ мисте-

рія служила выраженіемъ духовнаго и нравственнаго развитія городской жизни. Ремесленники каждаго цеха выбирали себѣ извѣстную піэсу, соотвѣтствующую ихъ ремеслу. Соотвѣтствіе это иногда опредѣлялось самыми наивными соображеніями. Такъ мистерія Трехъ Царей или Маговъ игралась золотыхъ дѣлъ мастерами и монетчиками, потому что цари были въ коронахъ и принесли Христу въ даръ золото, слѣдовательно деньги. Бракъ въ Канѣ Галилейской играли виноградари. Мистерія Тайной Вечери, вмѣстѣ съ Умовеніемъ Ногъ, представлялась хлѣбниками и водовозами. Представленіе Потопа раздѣлялось на двѣ части: первую, содержащую въ себѣ построеніе ковчега, играли плотники, а вторую корабельщики, рыболовы и продавцы рыбы; или же первую часть — корабельщики, а вторую — виноградари, потому что она содержала въ себѣ эпизодъ о винодѣліи Ноя. Въ этомъ случаѣ полагалась причина внутренняя, потому что Ной былъ первымъ корабельщикомъ и первымъ виноградаремъ. Иногда же участіе извѣстнаго цеха въ игрѣ той или другой мистеріи опредѣлялось какимъ-нибудь внѣшнимъ мотивомъ. Такъ мистерія Распятія представлялась кузнецами (потому что въ ней вбиваютъ въ крестъ гвозди); а Бѣгство въ Египетъ — именно кузнецами, дѣлающими только подковы (по причинѣ введеннаго въ эту піэсу осла). Впрочемъ, раздѣленіе мистерій по ремесламъ и цехамъ не вездѣ было одинаковое.

Послѣ представленія актерамъ дѣлалось угощеніе. Впрочемъ вино подносилось только главнымъ дѣйствующимъ лицамъ, то есть тѣмъ, которыхъ роли были длиннѣе, какъ напр. Пилату въ мистеріи Страстей. Точно также по длинѣ роли назначалась и плата за игру. Такъ въ той же піэсѣ Пилатъ получалъ больше всѣхъ, 4 шилинга, Иродъ и Каіафа по 3 шилинга и 4 пенса, Анна 2 шилинга и 2 пенса, представлявшій Христа — 2 шилинга; столько же и его палачи, называвшіеся почетнымъ именемъ рыцарей или воиновъ. Дьяволу вмѣстѣ съ его товарищемъ Іудою платилось пополамъ 18 пенсовъ.

Костюмъ актеровъ первоначально былъ не произвольный, но установленный неизмѣнно для каждаго лица; онъ былъ перенесенъ на сцену съ окрашенныхъ скульптурныхъ украшеній на храмахъ: фактъ очень важный для исторіи средневѣковаго искусства. Такъ напримѣръ позолоченные парики на дѣйствующихъ лицахъ, представлявшихъ Христа и апостоловъ, очевидно, вошли въ мистерію по подражанію церковной скульптурѣ. — Ангелы одѣвались въ бѣлыя широкія ризы съ двумя крыльями; въ представленіи Страшнаго Суда къ ногамъ подвязывали котурны, вѣроятно для того, чтобъ быть выше обыкновенныхъ людей, соотвѣтственно тому, какъ въ средневѣковой живописи

священныя фигуры отличаются отъ обыкновенныхъ колоссальностью. Костюмъ дьявола былъ разнообразнѣе. На Страшномъ Судѣ представлялись *бѣлыя* и *черныя души*: первыя въ бѣломъ одѣяніи, а послѣднія, съ черными лицами, въ черномъ и желтомъ. — Нѣкоторыя лица были въ маскахъ, какъ напр. дьяволъ и Иродъ. Женскія роли играли мущины, тоже въ маскахъ. Устройство самой сцены средневѣковыхъ мистерій извѣстно. Въ немъ не обращалось ни малѣйшаго вниманія на единство мѣста. Какъ на древнѣйшихъ миніатюрахъ, внутренность и наружность зданія представлялась въ одно и то же время. Зрители могли вмѣстѣ видѣть что дѣлалось внутри и снаружи. Сверхъ того, нужно замѣтить, что сцена мистерій, какъ въ древнемъ театрѣ, распространялась болѣе въ ширину, нежели въ глубину.

Эти и многія и другія подробности Эбертъ заимствовалъ изъ одной книги, которою до сихъ поръ еще никто не воспользовался для исторіи англійскаго театра. Эта книга г. Шарпа, вышедшая еще въ 1825 году, подъ заглавіемъ: Dissertation on the payeants, or dramatic Mysteries anciently performed at Coventry by the trading Companies of that city, содержитъ въ себѣ любопытнѣйшіе старинные документы касательно театральныхъ представленій.

Изъ довольно подробнаго разбора цѣлаго цикла англійскихъ мистерій Эбертъ выводитъ то заключеніе, что хотя первоначально духовная драма въ Англіи была обязана французскому вліянію, но потомъ вскорѣ развилась самостоятельно, и въ живости изображенія національныхъ характеровъ и въ глубинѣ пониманія человѣческихъ страстей достойно предшествовала величайшимъ драматическимъ произведеніямъ Шекспира.

Для примѣра укажемъ на двѣ мистеріи. Одна о Потопѣ *(Processus Noë cum filiis)* нѣсколько напоминаетъ нашу народную сказку о томъ же предметѣ. Можетъ-быть, и мистерія первоначально основывалась на томъ же апокрифическомъ сказаніи, только въ ней уже нѣтъ и помину объ обманѣ жены по наущенію дьявола. За то отношенія Ноя къ его женѣ самыя комическія. Супруги ежеминутно ссорятся. Когда Ной приходитъ къ своей женѣ и хочетъ сообщить ей объ угрожающемъ потопѣ,—она встрѣчаетъ его съ бранью и упреками, за чѣмъ и гдѣ онъ такъ долго пропадалъ, и потомъ жалуется на свою горемычную жизнь. Упрямая жена не хочетъ слушать своего мужа даже тогда, когда уже всѣ вошли въ ковчегъ; она одна остается на землѣ и занимается пряжею до тѣхъ поръ, пока не прогнала ея съ мѣста прибывающая вода. Замѣтимъ кстати, что въ редстпавленіи этой мистеріи, ковчегъ сооружался на глазахъ зрите-

лей, и животныя, сдѣланныя изъ картонной бумаги, по одиначкѣ показывались публикѣ и назывались поименно.

Другая мистерія, именно о Жертвоприношеніи Авраама, отличается необыкновенною глубиною чувства. Въ ней уже ясно обнаруживаются зародыши великой будущности для исторіи драмы въ Англіи.

Весь драматизмъ мастерски выраженъ въ разговорѣ между отцемъ и сыномъ, иногда въ энергически-краткихъ вопросахъ и отвѣтахъ, во всей глубинѣ обозначающихъ душевное волненіе того и другаго: «Исаакъ!» — Что, мой владыка? — «Тише, милый сынъ мой!» — Батюшка! — «Что, мой сынъ?» — Подумай о своемъ дѣтищѣ, что я тебѣ сдѣлалъ? — Вотъ Авраамъ извлекаетъ уже мечъ. «Отъ блеска твоего свѣтлаго меча — говоритъ Исаакъ — я трепещу смертнымъ страхомъ!»... И потомъ обращается къ отцу съ моленіемъ о своей жизни, чтобъ онъ помиловалъ его, *ради любви его матери.*

Авраамъ. Перестань! Жалобы не помогутъ. Лежи смирно, покамѣсть я ворочусь: я забылъ одно дѣло.—*(Про себя)* Сердце надрывается отъ словъ его, и слезы приливаютъ къ глазамъ. Больше всего на свѣтѣ желалъ бы я теперь припомнить въ немъ что-нибудь злое: и однако не нахожу въ немъ никакого порока! Съ радостью перенесъ бы я за него и смерть и всякую муку, — но зарѣзать его такъ—великое бѣдствіе! Надрываютъ сердце слова его!—Что скажу я его матери? — А онъ тамъ все лежитъ, и такъ смирно, какъ легъ; не смѣетъ и шелохнуться, покамѣсть ворочусь».

Но испытаніе кончено. Ангелъ приноситъ радостную вѣсть. Заключительная сцена отличается не меньшею драматическою красотою:

Авраамъ. Благодарю тебя, Владыко, Источникъ всякаго блага, что Ты избавилъ меня отъ искушенія. Но теперь мнѣ не до Тебя, покамѣсть не поговорю съ моимъ дорогимъ сыномъ. Милый сынъ мой! Ты помилованъ, и за тебя не буду осужденъ и я! Вставай же и будь веселъ!

Исаакъ. Отецъ, я останусь въ живыхъ?

Авраамъ. Да, вотъ тебѣ знаменіе (*цѣлуетъ его*). Сынъ мой, тяжелое испытаніе перенесъ ты. Велѣно было сжечь и сокрушить!

Исаакъ. Но, отецъ мой, ты не зарѣжешь меня?

Авраамъ. Нѣтъ, во истину нѣтъ мой сынъ!

Исаакъ. Ну теперь я радъ; только, о господинъ мой, спрячь этотъ мечъ.

Авраамъ. Во истинну нѣтъ, мой сынъ! Не бойся ничего!

Исаакъ. Такъ ничего не будетъ?

Авраамъ. О да, конечно!

Исаакъ. Отъ страха я совсѣмъ было обезумѣлъ.

Изъ этого примѣра ясно можно видѣть, какой значительный шагъ въ художественномъ развитіи дѣлаетъ народная поэзія, переходя отъ эпической обрядности и ровнаго своего теченія къ свободному движенію характеровъ и страстей въ драматической формѣ. Неизвѣстно, въ какой степени понимали эту мысль образованнѣйшіе изъ русскихъ людей XVII в., и даже могли ли сколько-нибудь понимать ее; но во всякомъ случаѣ введенныя ими въ русскую литературу мистеріи, безъ всякаго сомнѣнія, составляютъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ фактовъ въ литературномъ развитіи до-петровской Руси.

Уже въ самой мистеріи встрѣчаются зародыши комическаго элемента не только въ грубыхъ фарсахъ вводимаго въ нихъ дьявола, но и во многихъ сценахъ, заимствованныхъ изъ общественной и семейной жизни.

Сверхъ того, какъ извѣстно, исторія средневѣковой литературы предлагаетъ намъ цѣлый рядъ переходныхъ ступеней отъ серьезнаго драматическаго представленія къ собственной комедіи. Къ этой переходной эпохѣ, между прочимъ, относятся представленія *клерковъ*, или *подъячихъ королевства Базоши*. Этотъ важный предметъ для исторіи поэзіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для исторіи права въ послѣднее время былъ обработанъ юристомъ Адольфомъ Фабромъ, издавшемъ въ 1856 г. книгу подъ заглавіемъ: Etudes historiques sur les Clercs de la Bazoche. Къ сожалѣнію, авторъ, согласно своему призванію, больше касается права, нежели поэзіи. Во 2 № своего журнала Эбертъ помѣстилъ рецензію этой книги.

Bazoche — встрѣчается и *Bazoque* —, вѣроятно, происходитъ отъ *Basilica*. Происхожденіе Базоши относится къ началу XIV в., когда, вслѣдствіе организаціи парижскаго парламента при Филиппѣ Красивомъ, такъ умножились дѣла у юристовъ, что они принуждены были набирать себѣ помощниковъ между учениками юриспруденціи (clerici), изъ которыхъ и составилось *королевство Базошь*. Корпорація эта называлась королевствомъ потому только, что глава ея получилъ титулъ короля (Roi), подобно тому, какъ въ средніе вѣка главы и другихъ корпорацій чествовались тѣмъ же титуломъ, безъ всякаго присоединенія къ этому званію какого бы то ни было особеннаго значенія; напр. Roi des Merciers, Barbiers, Archers и т. д. Надобно знать, что корпорація Базоши не ограничивалась Парижемъ. Такія же общества клерковъ и подъ тѣмъ же именемъ были заведены и въ провинціяхъ.

Драматическія игры Базоши ведутъ свое начало, вѣроятно, со времени самаго учрежденія этой корпораціи, и, безъ сомнѣнія,

сначала состояли они въ связи съ представленіями университетскихъ студентовъ, но потомъ вскорѣ получили болѣе опредѣленный характеръ, согласный съ самымъ назначеніемъ корпораціи. Драмы Базоши развились изъ вымышленныхъ юридическихъ процессовъ, которые разыгрывали между собою клерки для упражненія въ юридической практикѣ. Для этого выбирались какія нибудь задорныя исторіи, иногда даже скандалезныя, изъ дѣйствительной жизни. Впрочемъ и въ этомъ случаѣ Базошь могла служить только развитіемъ юридическихъ диспутовъ, происходившихъ въ университетѣ. Даже самые юристы въ средніе вѣка, для юридической практики, вымышляли самые странные, фантастическіе процессы. Такъ въ первой половинѣ XIV в., знаменитый итальянскій юристъ Бартоло сочинилъ: Processum et tractatum quaestionis ventilatae coram Domino Jesu Christo inter Mariam advocatam Humani Generis ex una parte et Diabolum ex alia parte.

Базошцы сначала играли *фарсы*, въ которыхъ нашли естественную форму своимъ вымышленнымъ диспутамъ. Но такъ какъ и въ юридическіе процессы вносили въ свое поэтическое содержаніе аллегорическія фигуры, какъ напр. Humanum Genus въ процессѣ Бартоло: то и фарсы подъ вліяніемъ аллегоріи, вошедшей въ XIV в. въ моду вмѣстѣ съ Romans de la Rose, перешли въ *sotties*. Аллегорическая, драматическая *мораль* (moralité), серьезнаго тона, точно такъ же относится къ мистеріи, какъ комическая sottie къ фарсу. Въ XV в. представленія Базоши были комическаго содержанія. Съ конца этого столѣтія они стали подвергаться сильнымъ преслѣдованіямъ со стороны правительства; въ XVI неоднократно были запрещаемы, и наконецъ замолкли.

Сатирической драмѣ соотвѣтствуетъ въ исторіи литературы *новелла или повѣсть* того же содержанія. Отсутствіе той и другой въ древне-русской литературѣ было естественнымъ слѣдствіемъ малаго развитія городской жизни. Сельское, земледѣльческое населеніе, въ своей безыскуственной поэзіи, предлагаетъ только элементы для новеллы и комедіи, которыхъ полное развитіе возможно только при благопріятныхъ условіяхъ городской образованности. По нѣкоторымъ даннымъ, можно догадываться, что Москва въ XVI вѣкѣ была уже способна къ произведеніямъ такого рода, но, какъ кажется, съ такими характеристическими, національными особенностями, которыя даютъ совершенно новый видъ народной сатиры. Но объ этомъ до другаго, болѣе удобнаго случая; а теперь скажемъ нѣсколько словъ о повѣстяхъ итальянскаго поэта *Чинтіо деи Фабриціи*, о которомъ статья Лемке помѣщена въ № 3. Книга

Чинтіо, содержащая въ себѣ 45 сатирическихъ повѣстей въ стихахъ, была издана въ 1526 г. въ Венеціи, въ листъ, подъ заглавіемъ: *Libro dell' origine dei volgari proverbi* (т. е. книга о происхожденіи народныхъ пословицъ). Между библіоманами она знаменита по чрезвычайной рѣдкости, и, говорятъ, будто бы потому, что вскорѣ по выходѣ ея въ свѣтъ, по повелѣнію папы Климента VII, которому посвящена, всѣ экземпляры ея сожжены были палачомъ. По этой же причинѣ книга эта доселѣ не внесена въ исторію итальянской литературы. О самомъ Чинтіо извѣстно, что онъ жилъ въ Венеціи и званіемъ былъ врачъ, что Франческо Пезаро, предсѣдательствующій совѣта десяти, запретилъ было его книгу издавать въ свѣтъ, будто бы за то, что въ ней помѣщено много ложнаго противъ религіи: между тѣмъ какъ въ повѣстяхъ Чинтіо, хотя и очень грязнаго содержанія, выставляются только злоупотребленія въ жизни монашеской. Другой главный предметъ сатиры Чинтіо — женщины. Отъ прежнихъ итальянскихъ сатирическихъ разскащиковъ Чинтіо отличается тѣмъ, что уже не шутитъ и забавляется, какъ они, но выставляетъ пороки какъ бы для уголовнаго обвиненія.

Для сравнительнаго изученія исторіи литературы особенно важна самая форма повѣстей Чинтіо. Каждая повѣсть приноровлена къ какой—нибудь пословицѣ, хотя иногда и съ натяжками. Это не что иное, какъ литературное развитіе народной *притчи*, то есть, такого разсказа, который послужилъ основою или поводомъ какой-нибудь пословицѣ. Такъ, напримѣръ, по сказанію Нестора, образовались древнѣйшія русскія пословицы, или притчи: «погибоша, аки Обре»—«Бѣда, аки въ Роднѣ»—«Пищанци Волчья Хвоста бѣгаютъ.» Того же повѣствовательнаго происхожденія у Даніила Заточника: «Кому Любово, а мнѣ горе лютое»—«Кому Переславль, а мнѣ Гореславль.» Вукъ Стефановичъ Караджичъ, въ своемъ собраніи сербскихъ пословицъ, неоднократно присовокупляетъ къ пословицѣ и самую повѣсть, на которой она основана. Многія изъ нынѣ употребляемыхъ русскихъ пословицъ, какъ извѣстно, ведутъ свое происхожденіе тоже отъ народныхъ разсказовъ. Этимъ повѣствовательнымъ элементомъ пословица, очевидно, входитъ въ составъ народнаго эпоса.

Изъ самаго заглавія книги ясно, что Чинтіо производилъ происхожденіе пословицъ отъ разсказовъ, изъ которыхъ иные взяты дѣйствительно изъ устъ народа, другіе заимствованы у прежнихъ разскащиковъ и новеллистовъ, именно у Боккаччіо, Поджіо, Мазуччіо Салернскаго, и особенно у Антоніо Корнаццано, который въ 1503 г. написалъ книгу подъ названіемъ: *Opus de proverbiorum origine*.

Ѳ. Буслаевъ.

ПОВѢСТЬ О ПРѢНІИ ЖИВОТА СЪ СМЕРТІЮ.

Въ январьской книжкѣ «Русскаго Слова» (Смѣсь, стр. 92 — 94) напечатанъ слѣдующій стихъ объ Аникѣ воинѣ:

Ѣдетъ Аника черезъ поле,
На встрѣчу Аникѣ ѣдетъ чудо.
Голова у него человѣческа,
Волосы у чуда до пояса,
Тулово у чуда звѣриное,
А ноги у чуда лошадиныя.
Аника на конѣ остановился
И этому чуду дивился.
«—Скажи ты мнѣ, чудо, повѣдай,
Царь ли ты, или царевичь,
Король ли ты, королевичь,
Или ты сильный могучій богатырь?» —
Чудо ему отвѣчаетъ:
«Я не царь, не царевичь,
Не король, не королевичь
И не сильный могучій богатырь,
А я смерть страшна и грозна,
Вельми непомѣрна,
Сердцемъ своимъ непосульна.
Кто сотворилъ небо и землю,
Кто сотворилъ облака и звѣзды,
Тотъ меня сотворилъ,
По всей землѣ попустилъ.
Гдѣ кого застану — искошаю:
Въ пути въ дорогѣ застану — искошаю;
Въ избѣ, на подворьѣ застану — искошаю.
Хочу и тебя, Аника, искосити!»

Возговоритъ храбрый человѣкъ Аника:
«Я палицу подыму, палицей пришибу;
Либо коня попущу, конемъ потопчу
По главѣ по твоей.»
Она ему отвѣчаетъ:
«Былъ на землѣ Самсонъ богатырь,—
Былъ на землѣ Святогоръ богатырь;
Я ихъ искосила.
Хочу и тебя, Аника, искосити!»
Возговоритъ храбрый человѣкъ Аника:
«О смерть страшна и грозна!
Дай ты мнѣ сроку на два года;
Сострою я тебѣ церковь,
Спишу твой ликъ на иконѣ,
Поставлю твой ликъ на престолѣ:
И станутъ къ намъ съѣзжаться
Князья, и бояре, и сильные могучіе богатыри,
И станутъ намъ свозить казну золотую.»
Она ему отвѣчаетъ:
«Кабы де брать мнѣ казну золотую,
Были бы у меня горы золотыя,
Отъ восхода до заката.»
Вынимаетъ пилы невидимыя,
Потираетъ ею по рукамъ, по ребрамъ.
Возговоритъ храбрый человѣкъ Аника:
«О смерть страшна и грозна!
Дай ты мнѣ сроку на одинъ годъ;
Есть у меня казна золотая,—
Раздамъ я ее по тюрьмамъ, по богадѣльнямъ.
Она ему отвѣчаетъ:
«Казна твоя кровавая,
Душѣ твоей не помогла.» [1])
Вынимаетъ пилы невидимыя,
Потираетъ ею по костямъ, по жиламъ.
Возговоритъ храбрый человѣкъ Аника:
«О смерть страшна и грозна!
Дай ты мнѣ сроку на полгода;

[1]) Вѣроятно: *Душѣ твоей не помога.*

Естъ у меня отецъ и мать,
Дай ты мнѣ съ отцомъ, съ матерью проститься.»
Она ему отвѣчаетъ:
«Какъ же ты ѣхалъ на ратное дѣло?
Зачѣмъ съ отцомъ съ матерью не простился?»
Вынимаетъ пилы невидимыя,
Потираетъ ею по костямъ и по жиламъ.
Аника на конѣ шатается,
И смертныя уста запекаются;
Аника съ коня повалился—
Тутъ по Аникѣ и слава.

Этотъ стихъ обыкновенно помѣщается подъ лубошными картинами, изображающими встрѣчу Аники съ смертью [1]); иногда впрочемъ подъ тою же картиною находится объяснительный текстъ въ прозѣ, еще живо сохраняющій пріемы книжной рѣчи и тѣмъ указывающій на книжную обработку. Такъ напримѣръ подъ лубошнымъ изображеніемъ Аники воина встрѣчается иногда слѣдующій разсказъ: «Силны и славныи храбры аника воинъ ездя по чисту полю и пріиде кнему смерть и рече ему о человече азъ ктебе пришла погубити тебя и рече аника воинъ что ты за баба что за пияница азъ я тебя небоюсь и кривыя твоея косы и оружия твоего не страшусъ азъ есть воинъ езжу по чисту полю много побилъ црей и королеи и сильныхъ богатырей да азъ ктебе пришла погубити тебя потомъ аника воинъ въ силе своеи ізнеможе и рече еи о смерте мати моя даи мне сроку на годъ и рече смерть нетъ тебе не на полгода и рече аника даи мне на три месеца и рече смерть нетъ тебе ни на три недели и рече аника мати моя смерть даи мне на три недели и рече смерть не даю тебе ні на три дни і рече аника даі мне на три дни не даю тебе ні на три часа и рече аника мати смерть много у меня есть злата и сребра и камения драгаго даи мне раздати имение и рече смерть жилъ ты на волномъ свети для чего ты не раздавалъ имение нетъ тебе сроку ни на часъ и рече аника даи мне на три часа попоститися бгу нетъ тебе ні наполчаса и подъкоси его смерть кривою косою і падъ аника сконя и умре». Тотъ и другой текстъ лубошной картины стоятъ въ тѣсной связи съ «Повѣстью о прѣніи живота съ смертію» и отъ нея заимствуютъ

[1]) Снегирева, о лубошныхъ картинкахъ въ Сборникѣ Валуева, стр. 207.

какъ свой гланый мотивъ, такъ и второстепенныя подробности; смерть на картинѣ изображается съ тѣмъ же «оружіемъ и запасомъ», какіе присвоены ей въ «повѣсти».

Послѣднее произведеніе не рѣдко встрѣчается въ рукописяхъ XVII и XVIII вѣка, подъ различными заглавіями[1]) и съ неизбѣжными въ произведеніяхъ такого рода варіантами. Въ рукописи графа А. С. Уварова, начала XVIII в., № 557 (Царск. № 449), л. 33—36, она читается такимъ образомъ:

Прѣніе бысть животу съ смертію въ чистомъ полѣ. Животъ бѣ человѣкъ и пріиде къ нему смерть. Онъ же устрашися вельми и рече ей: «кто ты, о лютый звѣрь? образъ твой страшитъ мя вельми, и подобіе твое человѣческое, а хожденіе твое звѣриное. Что еси ко мнѣ пришла»? Рече ему смерть: пришла есмь къ тебѣ, хощу тя взяти. И рече ей человѣкъ той: «Азъ есмь удалецъ». И рече ему смерть: о человѣче! о чѣмъ меня не боишися: цари, и князи, и воеводы, и святители меня боятся; азъ есмь на землѣ славна, а ты меня какъ не хощеши боятися? И рече ей человѣкъ той: «Да азъ есмь удалецъ! въ ратномъ дѣлѣ мнози полцы побиваю, а ты единъ человѣкъ; никто можетъ противъ мене стояти, а ты ко мнѣ едина пришла. только съ собою оружія и запасу много носишь; видишь мя такова удальца. Только еси страшна, образъ твой страшитъ мя, и уды во мнѣ трепещутъ, на тебя смотрѣчи: отъиди отъ меня прочь, дондеже тя не сотну мечемъ своимъ.» И рече ему смерть: «азъ есмь ни хороша, ни красна, только сильныхъ и красныхъ побиваю. Скажу ти, человѣче, послушай мене: отъ Адама и до сего дни сколько было богатырей и удалыхъ людей, никто со мною битис не смѣлъ да хощетъ ми ся хто бы ся (sic!) со мною побился. Еще ти, человѣче, скажу, послушай мене: отъ Адама и до сего дни сколько было людей, царей, и князей, и воеводъ, и владыкъ, и простыхъ людей, и женъ, и дѣвицъ, и младенцевъ — всѣхъ тѣхъ азъ прибрала. Самсонъ не богатырь ли былъ? не силенъ ли былъ? Такъ говорилъ: «аще бы дѣ было кольце въ земли утвержено, и азъ бы дѣ всею землею поворотилъ». Да того азъ взяла. Александръ, царь македонскій, удалецъ и храбръ былъ, и всему свѣту подсолнечному царь государь былъ, да и того азъ взяла: а тебя ли единаго не могу взяти? Царь Давыдъ во пророцѣхъ пророкъ быль, и того азъ взяла. Соломонъ царь сколь хитръ и мудръ былъ, и тотъ со мною не смѣлъ гово-

[1]) Въ рукописи Погодинскаго древлехранилища № 1773 она называется *Повѣсть о бодрости человѣческой.* Отрывки изъ этой рукописи приведены въ статьѣ проф. Буслаева о Горѣ Злочастіи (Рус. Вѣстн. 1856, № 14).

рити, и того азъ взяла. Акиръ премудрый былъ во алевгитскомъ царствѣ: такова мудреца и въ подсолнечной не было; да и тотъ со мною не смѣлъ говорити, и того азъ взяла. О человѣче! не мудръ ты; да вѣдомо ти буди: азъ есмь смерть непоеулница, богатства не сбираю, а краснова портища не ношу, а земныя славы не хощу, занеже есми немилостива; издѣтска есми не повадилась миловати, да не помилую и нынѣ, ни понаровлю ни часу: какъ пріиду, такъ возьму». И позна же человѣкъ той, что она смерть и рече ей: «госпоже моя, смерть! яви на мнѣ любовь свою». И рече ему смерть: «человѣче! моя любовь ровна до всѣхъ: какова до царя, такова и до князя, такова и до святителя, такова и до простыхъ людей. О человѣче! аще бы я сбирала богатство, столько бы было у меня богатства безчислено многое множество несказанно, занеже, человѣче, хожу во дни и въ нощи аки тать, а не сказываюсь никому. Слышалъ ли еси во евангеліи Господь глаголетъ: «блюдитесь на всякъ часъ господенъ въ дому своемъ: не вѣдаетъ, коли къ нему тать пріидетъ въ домъ; аще бы вѣдалъ, крѣпко бы стерегъ, не далъ бы подкопати храма своего. Тако, человѣче, разумѣй: берегись смерти на всякъ часъ, доколѣ не пришла къ тебѣ. И нынѣ нѣсь, человѣче, помощи: въ чемъ тя застану, въ томъ тя и сужу». Рече же человѣкъ той: «госпожа моя, смерть! отпусти мя, да иду во градъ, покаюсь: не готовъ есми». И рече ему смерть: «никакоже, человѣче, не отпущу тя, занеже ми мнози глаголютъ; коли приступлю я къ нему, и онѣ начнутъ плакатися и глаголати: господи! отпусти мя, да покаюсь, и я имъ облегчу, и онѣ шедъ, такоже творятъ, и меня забудутъ и не чаютъ на себѣ смерти. Уже, человѣче, животъ твой скончевается, конецъ близь пріиде, солнце твое зашло есть». Тогда человѣкъ той нача плакати и рыдати, захрипатись, много жалостныхъ словъ глаголати и рече ей: «госпоже моя, смерть! отпусти мя, да, шедъ въ домъ свой, приготовлю себѣ погребаніе — срачицу и саванъ и накажю роду своему». Рече ему смерть: «Никако, человѣке, не отпущу тя». И нача человѣкъ той рыдати, отъ сердца стонати, убиватись и глаголати. Рече ей: «о смерть, злодѣю! кто можетъ убѣжати у тебе? Увы мнѣ! не готовъ есми. О горе мнѣ, грѣшному! Пришелъ по мене немилостивый зватай! О смерть злодѣю! По праву бо ей имя дано смерть! О немилосердію твоему, злодѣю!» Смерть же, приступивъ къ нему, и подсѣче ему ноги косою, и developed серпъ, и захвати его за шію, и веемъ малый оскордецъ и нача отсѣкати нозѣ и рукѣ и вся составы его; и разслабѣша жилы его, разсѣкаша, истерзаша 20 ноктей его, и абіе обмертвѣша (sic) все тѣло его, и двигнутися не могохъ и по семъ наліявъ чашу, не вѣмъ, что въ ней, давъ ему пити, а ему не хочется и веемъ тѣслу и отсѣче главу его.... Го-

сподія братія и друзи! Сколь тошно и горько въ той часъ никто можетъ и сказати бѣды тоя!—И отторже душу отъ тѣла, и скоро выскочи душа та, и взяша юноши душу его на руку свою. И видѣвъ душа тѣло лежаста (sic), бездушно, не видимо (sic), понеже кто, снемъ со себя ризу и поверже ю, стоя зря на нее: также и та душа, видѣхъ свое тѣло, вельми гнушается его, понеже гнусно, аки кто изъ себе выпуститъ калъ, самъ гнушается его и бѣжитъ отъ него прочь: также человѣческое естество мертвое есть ненавидимо всѣмъ людемъ. А душа пойдетъ по дѣламъ своимъ: како жила, за то и пріиметъ. Аминь».

«Повѣсть о прѣніи живота съ смертію» сохраняетъ въ себѣ несомнѣнные слѣды другихъ произведеній старой повѣствовательной и легендарной литературы и притомъ произведеній, составлявшихъ любимое чтеніе прежняго времени: переводной (изъ «Тысячи и одной ночи») повѣсти объ Акирѣ премудромъ, — который пользовался такимъ уваженіемъ нашихъ старинныхъ грамотниковъ, что его называли даже угодникомъ божіимъ, [1])—и житія Василія Новаго, эпизодъ котораго о смерти Θеодоры и мытарствахъ рано появился на лубошныхъ картинахъ. Отсюда почти дословно взято все дидактическое заключеніе повѣсти, по цѣли соотвѣтствующее тѣмъ проповѣдямъ, которыя въ позднѣйшее время вставлялись въ діалоги средневѣковыхъ «плясокъ мертвыхъ» западной Европы. Оставляя въ сторонѣ византійское вліяніе на представленіе смерти въ нашей народной словесности, не можемъ не обратить вниманія на аналогію нашего стиха объ Аникѣ воинѣ (а слѣд. и «повѣсти») съ подобными же произведеніями нѣмецкой литературы.

Въ XVI в. напечатана была пѣсня какого-то мейстерзенгера подъ заглавіемъ: *Ein Lied von dem Tod, wie er alle Stend der Welt hin nimbt. In des Regenbogen plaben thon, oder in der Ritterweiss ein gemesz.* Могущество смерти изображается въ ней точно также исчисленіемъ тѣхъ героевъ и мудрецовъ, которые пали ея жертвою:

---

[1]) Въ *Сказаніи великаго царя Синографа Алевицкой земли и Анзорской (sic!) и о Акире премудромъ* по рукописи XVII в., Гр. А. С. Уварова (№ 555, Цар. № 440) читаемъ: «И призрѣлъ Господь Акира на смирение и сослалъ два ангела свое мирно глаголюща: акиръ угодниче божіі не будеть у тебе ни единаго дѣтища» л. 642 об. Другія лица этой повѣсти получаютъ точно также значеніе угодниковъ божіихъ: повѣсть какъ бы готова перейти въ легенду. «И анбулъ (sic) рече: акирь, угодниче божій, тебя мнѣ отъ смерти соблюсти, а себя погубить, и акирь рече: анбугилъ, угодниче божій, есть у меня сидѣлецъ» и т. д. (л. 649).

длинной рядъ именъ начинается Адамомъ и заключаетъ въ себѣ представителей героической эпохи Грековъ, Римлянъ и Германцевъ:

Adam der ist gestorben
er lebt auf erd neün hundert jar
mocht jm nit anderst gan
Er erkennt alle creatur
was hat er mit erworben
sein leib der muost erfaulen zwar
er kondt nit widerstan.

. . . .

Sampson dem half sein manhait nit
der tot hat jn bezwunge
die sterk und die er auf jm truog
sein leib der kam in not.

. . . .

Was half den künig Salomon
sein waishait und seine sinne

. . . .

Was half den Alexander das
er zwang die welt allaine
es mocht jm das gehelfen nicht
sein leben nam ain end. [1])

Мысль показать могущество смерти изображеніемъ побѣды ея надъ воиномъ-богатыремъ не чужда и нѣмецкой поэзіи, и намъ кажется, что изданный Вакернагелемъ отрывокъ одного стараго нѣмецкаго стихотворенія находитъ себѣ лучшее объясненіе въ нашемъ стихѣ объ Аникѣ. Вотъ этотъ отрывокъ, открытый въ переплетѣ одной книги начала XVI вѣка:

Wer bistu den jch hie sich
ainer gestalt so erschröckenlich
Ich muoss bey meiner trew ver jehenn
grewsslicher ding han ich nie gesechen
dein Anblick hat mich so gar geletzt [2])
Das jch bin aller ckrafft entsetzt

---

[1]) Goedcke, Mittelalter. p. 263—264.

[2]) Letzen имѣетъ здѣсь значеніе entkräften, schädigen (по замѣчанію Вакернагеля).

Ich hab gefochten menngen tag
das mir meyn muott nie erlag
als seyt ich kum yn dise Nott
Ich main du seyest der bitter todt
Selig ist, der hot gehalden gotz und der kyrgen gebott,
vnd in gotzforcht sein leben volbracht hot.
Ach ich ge sterbenn
Ja ich bin den alle-ding forcht
die gott auff erde ye geworcht
der mocht mir keines mir widerstan
hierumb so muestu auch daran,
perioden Die wayss ich woll
das ist wen sich zertrennen soll
Die sell von leib so kum ich gleich
Jung alt fraw man armb und reich
Die muessend alle an meinen dantz
Dein hellünbarten ward nie so glantz
Das sy mir wider stuondt ye
Woll her vnd stirb die stund ist hie,
Nu volg mir nach. [1])

Не только общее содержаніе, но даже отдѣльныя выраженія этого отрывка поразительно сходны съ нашею «повѣстью о прѣніи живота съ смертію»; но предполагать заимствованіе здѣсь не возможно. Вѣроятно, что одинъ общій источникъ далъ жизнь тому и другому произведенію. У насъ впрочемъ эта тема не получила особеннаго развитія; напротивъ въ виршахъ начала XVIII вѣка предлагаемая повѣсть высохла въ дидактизмъ школьной морали: поучительная сторона взяла верхъ и это произведеніе народнаго чтенія опять возвратилось въ руки книжника, для новой и довольно жалкой обработки, съ тѣмъ чтобы потомъ въ формѣ «стиха» войти въ составъ раскольничьей литературы. Таковъ слѣдующій стихъ [2]) по новѣйшему списку Гр. А. С. Уварова (№ 638, Цар. № 492):

О коль наше на семъ свѣтѣ житіе плачевно!
Коль скоро и коль кратко, аки одноднeвно!

---

[1]) Haupt, Zeitschrift für deutsches Alterthum IX, 345—346.

[2]) Этотъ стихъ находится и въ *Сборникѣ раскольничьихъ стихотвореній* Императорской Публичной Библіотеки (№ 36), «списанномъ изъ разныхъ стиховъ Григорьевъ Гравцовымъ въ 1856 году».

Родимся мы на свѣтъ наги, облиты слезами;
Что будетъ, куда пойдемъ, не знаемъ того сами;
Растемъ въ болѣзняхъ, скорбѣхъ, случаехъ печальныхъ;
Мятетъ сердце наше страхъ, когда ждемъ дней дальныхъ.
Да что же по семъ будетъ? Охъ страшно сказати;
Смерть истретъ острымъ серпомъ, имѣетъ пожати,
Когда и въ кое время, никакъ не извѣстно;
Пріидетъ аки тать, возьметъ насъ нечестно,
Поведетъ въ землю, во гробъ въ темное жилище;
Отдастъ червемъ и глаголетъ: «ѣшьте, вотъ вамъ пища».
Уже не страшно ли о семъ слышать, бѣдные человѣки?
Простите уже, простите временные вѣки!
О коль есть безстудна смерть немилосердна!
Дерзновенно царскимъ стѣнамъ смѣло приступаетъ,
Силу, власть со скипетры въ гробъ ввергаетъ.
Сколько было на семъ свѣтѣ мудрыхъ патріарховъ,
Великаго житія святыхъ іерарховъ;
Македонскій Александръ ужасенъ былъ въ мірѣ,
Всѣмъ царемъ соодолѣлъ въ крѣпкой своей силѣ;
Многія царства покорилъ славный Киръ персидскій;
Цѣлымъ свѣтомъ завладѣлъ Августъ, кесарь римскій;
Проникнула въ мірѣ Петра россійскаго слава;
И всѣхъ тѣхъ царей смерть не убоялась,
Незапно яко темная нощь подъ жизнь ихъ подкралась.
Не запрутъ васъ отъ смерти каменныя палаты;
Не надѣйтеся вы сильніи на тщетную силу:
Потянетъ васъ сильна смерть въ темную могилу.
Охъ! на всѣхъ смерть приходитъ; вси мы умираемъ,
Токмо тамъ отраду чаемъ, жизнь вѣкъ ожидаемъ (л. 64, 65).

Въ другомъ «стихѣ» того же происхожденія роль смерти передана «ангеламъ страшнымъ и грознымъ:»

О неутолимая смерть! люта еси и немилостива:
Никто же бо можетъ убѣжати тебе,
Ни зачѣмъ же ни разлагаеши
Ни за красотою, ни за младостію;
Ни возраста краснаго срамляешися,
Ни сѣдинъ милуеши,
Ни младости щадиши,
Ни богатаго чтиши;

Но всѣхъ равно пожинаеши,
Родъ человѣческій, яко незрѣлую пшеницу.
О человѣче! помысли,
Како душа отъ тѣла станетъ разлучатися:
Пріидутъ на нее страшные и грозные ангелы и лютые бѣсы,
И начнутъ душу не милостивно разлучати отъ тѣла,
И начнетъ душа молитися святымъ ангеломъ:
«О святіи божіи ангели!
Умилосердитеся о мнѣ, грѣшней и окаяннѣй души,
Дадите мнѣ сроку хоша на три часа,
Да яко уже покаюся».
Глаголютъ же ей противу святіи ангели:
«Нѣсть тебѣ, человѣче, покаянія,
Ни грѣховъ прощенія:
Но все твое житіе земное скончалося:
Поиди, поиди, душе, къ страшному судіи;
Послалъ насъ ко тебѣ небесный царь,
И зоветъ тя скоро зѣло,
А ты, душе окаянная, почто не готова еси?»
Тогда душу начнутъ отъ тѣла разлучати,
И начнетъ плакати и рыдати горько зѣло.[1])

На западѣ распространились цѣлыя драматическія представленія, состоявшія изъ разговора между смертью и ея жертвами и давшія въ свою очередь жизнь живописнымъ изображеніямъ «пляски мертвыхъ»: смерть увлекаетъ съ собою въ веселую пляску представителей всѣхъ сословій отъ короля до нищаго. Нашъ стихъ не отрѣшился отъ эпическаго характера; драматическое зерно не успѣло въ немъ вызрѣть и развиться: въ немъ нѣтъ того глубокаго юмора, которымъ отличаются «пляски мертвыхъ». Если смерть и служитъ у насъ дѣйствующимъ лицомъ въ мистеріи; то уже совершенно съ инымъ характеромъ, нежели въ западноевропейской драмѣ, какъ бездушная идея, не облекшаяся въ плоть и кровь: все назначеніе ея доказать богословскій догматъ, и она является въ нашей мистеріи *на рождество Христово* не грозной царицею земнаго бытія, но отвлеченнымъ началомъ, которое побѣждается «безконечною жизнію» въ силу искупленія. Въ заключеніе «антипролога комедіи на рождество Христово» [2]) смерть говоритъ:

---

[1]) Тотъ же сборникъ Гр. Уварова, л. 66—67.
[2]) Рукопись Импер. Публич. Библ. XIV, Q, 28 (Толст. II, 423).

Го го го радуйся смерти отъ Адама,
Царствующая даже и до Авраама!
По Авраамѣ дотоль свободно царствую,
Человѣческимъ родомъ сильно властенствую,
Царей и князей подъ моя покоряю нози,
Сильны вои падаютъ предо мною мнози;
Всѣ боятся: всѣхъ бо азъ отъ сею косою
Препинаю якъ цвѣты, полные з росою,
Едина сильна, славна есмь смерть во вся вѣки:
Безъ останка потреблю азъ всѣ человѣки;
Сама натура людска добрѣ то познала:
Прозрѣвши мою силу съ ѳрону сего встала,
Вѣнецъ красоты съ главы своея сложила:
Мя боящися, власти та моей вручила;
Сяду на престолъ, возьму и вѣнецъ на главу,
Да всѣ видятъ у смерти безсмертную славу.

«Жизнь» отвѣчаетъ ей:

Стой и не прикасайся трону человѣка,
Иже ти не подлежитъ во вся вѣки вѣка.
Азъ есмь жизнь, яже придохъ того оживити,
Живота безконечна въ вѣки сподобити;
Ты же властелинствовать не дерзай безъ суда;
Изыди оттоль скоро, иди полна студа.
Азъ власть имамъ живити, азъ и умертвити,
Смерти или житію вѣчному вручити.

Н. Тихонравовъ.

ЗАПИСКИ ЛОМОНОСОВА КЪ ШТЕЛИНУ [1]).

1.

Wohlgebohrner Herr Hofrath

Hochzuehrender Freund!

Ob ich schon vollkommen versichert bin, dass Ew. Wohlgebohrn. von meiner Mosaischen Arbeit die beste und der Wahrheit gemäste

---

[1]) Подлинники этихъ записокъ находились прежде въ Погодинскомъ древлехранилищѣ, теперь принадлежатъ Императорской Публичной Библіотекѣ. *Ред.*

Meinung hegen; so habe doch für nöthig gefunden, Ew. Wohlgebohr. einiger Umständen zu erinnern, nähmlich:[1]) dass diese Kunst, welche zu allen Zeiten in einer besonderen Hochactung gestanden, allhier durch meine Bemühung in kurtzer Zeit in einen solchen Stand gesetzet worden, zu welchem zu gelangen hat man in Rom einige Jahrhunderte und viele Unkosten angewendet; ohngeachtet, dass alldort so viele Meister in der Mahlerey und in der Glaskunst allemahl zu finden sind.[2]) Dasz die Materialien alle von derselbigen Festigkeit und Güthe als die Römische sind und ihre Farben sind weder von Luft, noch Sonne, oder durch die Länge der Zeit veränderlich, weil sie im starken Feuer verfertigt werden.[3]) Da nun diese Kunst hier so weit gebracht ist, so ist es sicher, dass sie durch mehrere Uebung insonderheit im grossen zu der gröszten Vollkommenheit, die man wünschen kann, gelangen wird. Diese Erinnerung weil wahr und nicht nur mir, sondern auch den schönen Künsten überhaupt heilsam ist; so zweiffele ich im geringsten nicht, dasz Ew. Wohlgebohr. dieselbe bey dem Raport in die Canceley in Betrachtung ziehen werden. Ich verharre mit aller Hochachtung

Ew. Wohlgebohr.

gehorsamster Diener

M. Lomonosow.

d. 27 Oct.
1757.

2.

Ich bitte Ew. Wohlgebohren meine Sache in die Canceley zu expediren, denn es wird darnach im Senat gefragt. Die Herrn Glieder der Akademie der Künste können zu Hause unterschreiben. Denn sobald das Revier schlimm ird, so muss die Sache in der Canceley liegen und die Zeit von paar Wochen vergebens verloren gehen. Sie können den Staffenhagen zu sich kommen lassen und durch ihn dieses ausrichten lassen.

3.

Hochwohlgebohrner Herr Hofrath

Hochgeschätzter Freund.

Wider mein Vermuthen ist die Sache im H. Senat so lange verzögert worden, dass es nur vor Acht Tage zu Stande kommen ist. In Erwartung dessen halte ich so viel Leute auf meinen Kosten,

dass ich Allein wegen Fabrique am Gelde 600 Rubeln jährlich bezahle, ohngerechnet was auf Provision und Materialien ausgegeben wird. Deswegen bitte mir zu verzeihen, dass ich nicht auf den Termin meine Schuld bezahlen kannte, und auf Morgen gehets gar nicht an; aber die Woche will ich auf alle Art suchen dieselben (auf alle Art) mit groszem Dank zu befriedigen. Ich habe vier Hundert Faden Holz auf dem Ufer zu Carawaldai stehen, ich kan aber noch Niemand finden, der die 300 F. kauft und ein Hundert hier führet, wie zuvor geschehen ist. Ich verharre

Dero ergebenster Diener

M. Lomonosow.

27 Jun.
1758 г.

4.

Wegen der zwey Expeditions nach Sibir meine Meinung ist diese, dass die zwey Observatores Popow und Rumowsky sein sollen. Zwar habe ich grosse Ursache zu zweifeln, dass die Astronomie eine solche leichte Wieszenschaft wäre, die Man in einem halben Jahre, wie der M-r. Rumowski soll gethan haben, erlernen kan, und zwar so, dass man ihn bey denen seltensten und schwersten Observationibus gebrauchen kan. Einen Cameraden oder gar superiorem dazu zu ordiniren wäre es nicht übel. Ich will aber meine Meinung schriefftlich geben. Darzwieschen bitte ergebenst mit den Monuments Anschlagen nicht zu saumen; denn ich brauche χρη'μα, pecuniam, деньги, Geld, argent, ratra.

5.

S. Exc. der Herr Graff P. I. verlangen, dass die Beschreibung von den Feuer-Werke sollte im Deutschen und Französischen gedruckt werden. Der Staffengagen hat es übersetzt, aber mir gefallen nicht die Verse im Prosa. Ich bitte Ew. Wohlhebohr., wegen der Ehre der Akademie dies 3 übersetzen. Die Verse habe Wort zu Wort ins lateinische übersetzt. Es wäre zu wünschen, dass sie auch in deutsche Versen gesetzet wären......... unsere Französische Translateur aus dem Deutschen ins Französische befördern, so haben sie mehr Autorität ihm es zu thun zu befehlen.

Wen die Verse Französisch in Prosa sind, so will ich morgen schon einen P... bekommen.

6.

Ich bitte um ein Paar Stunden Frist. Denn ich habe noch keine Antwort daran erhalten. Ich habe mit der Ode sehr viel zu thun, als wenn ich Kindbett wäre. Sind auch die Taschen-Kalender fertig?

7.

Stahlino S.

Figurae chasmatum Borealium, aeri incisae, sunt egregie expressae, et paucae quae correctione indigeant, reperio. Cras in Cancelaria de praemio agam, ubi praesentia tua multum valebit. Caeterum autographus meus necessario requiritur, ut conferam eum parum cum apographo inciso.

M. Lomonosow.

Die 20 Sept.
1764

8.

Ew. Wohlgebohren werden vorgerecht finden, dass man endlich der Unordnung Ende macht, und dass wir in der Canzeley als in einem Hauptorte wieszen, was in der Bibliotheque und Kunst-Cammer pasziret: denn Höfflichkeit und Complimenten gelten gar nichts bey Affairen, die das Wohl des Reiches angehen, wo die Unbilligkeit Gewalt nimt. Wenn Ew. G. sonst ausser der Höfflichkeit darwieder zu sagen haben, so geben sie es schrieftlich. Ich bin nicht Schuld daran, dass sie bey dieser Affaire in der Canceley nicht gegenwärtig gewesen. Ich musz dieses ins......... [1]) bringen. Der Herr Taubert hat gestern sich declariret (welches auch protocoliret ist), dasz die Canceley über die Bibliothek nichts zu sagen hat. Wenn Sie etwa Reson finden, dass wir dem H. T. die Bibliothek etc. zu приданое abgeben, so schreiben Sie es auf. Unterdeszen werde ich alles erfüllen, und dem Dir. S. alles aufs genaueste einen Bericht abstatten[2]).

9.

Ich werde allemahl für die Bemühung von Ihrem H. Sch. dankbar bleiben und ferne........ [3]) dass ich ihn blamiren oder abschrec-

[1]) Не разобрано.

[2]) На этой запискѣ помѣчено рукою Штелина: 5 Juny, 1761 empfg.

[3]) Не разобрано.

ken soll. Will auf alle Art suchen aufzumuntern. Denn spreche, wie ich denke. Nicht wie die Katze, die vorne lecken und hinter kratzen. Ex. gr. il bel quadro! es war aber nur eine Esquisse, oder nur eine Idee.

27 Xbre
1764.

ОБЪ ОБЯЗАННОСТИ ДУХОВЕНСТВА.

Записка Ломоносова.

1) Святѣйшаго Сvнода и всего духовенства не одна токмо должность, чтобы Богу молиться за кого они должны, но и обучать страху Божію и честнымъ нравамъ, словомъ и примѣромъ, а особливо молодыхъ людей.

2) Къ слову принадлежатъ знаніе истиннаго краснорѣчія, состоящаго въ основательномъ ученіи, а не въ пустыхъ разборахъ.

3) Къ примѣрамъ надлежитъ честное житіе всѣхъ служителей Олтаря и слова Господня.

4) Ежели надлежащимъ образомъ духовенство должности свои исполнять будетъ, то благосостояніемъ общество несравненно и паче чаянія возвысится Затѣмъ, что когда добрые нравы въ народѣ, чрезъ ученіе и вкорененіе страха усилются, меньше будетъ преступленій, меньше затрудненія въ судахъ и меньше законовъ. Хорошо давать законы, ежели ихъ исполнять есть кому. Посмотрите въ Россію, посмотрите въ благоустроенныя государства. Пусть примѣромъ будетъ Германія.

5) Тамошніе пасторы не ходятъ никуда на обѣды по крестинамъ, родинамъ, свадьбамъ и похоронамъ, не токмо въ городахъ но и по деревнямъ за стыдъ то почитаютъ; а ежели хотя мало коего увидятъ, что онъ пьетъ, то тотчасъ лишатъ мѣста. А у насъ при всякой пирушкѣ по городамъ и по деревнямъ попы первые пьяницы. И не довольствуясь тѣмъ, съ обѣда по кабакамъ ходятъ, а иногда и до крови дерутся.

6) Пасторы въ своихъ духовныхъ дѣтскихъ школахъ обучившихся дѣтей грамотѣ наставляютъ закону Божію со всею строгостію и прилѣжаніемъ. И при конфирмаціи предъ первымъ причащеніемъ спрашиваютъ о христіанскомъ ученіи, первое въ школѣ, (потомъ) въ киркѣ

предъ всѣмъ народомъ. И ежели кто неисправенъ, не допущаетъ до причастія; чего дѣти такъ страшатся, что всѣ возможности употребляютъ, чтобъ знать и по возможности исполнять законъ Божій. Все сіе безпрерывно содержится не токмо по городамъ, но и по селеніямъ, гдѣ есть села. А у насъ по многимъ мѣстамъ попы сами чуть столько грамотѣ знаютъ, сколько и самъ мужичей батракъ или коровница умѣетъ; у всякаго есть катехизисъ, молитвенникъ, библія.

7) Много есть еще упомянуть. Однако главное дѣло въ томъ состоитъ, что вездѣ, гдѣ только есть церковь, должны попы и причетники учить грамотѣ, за общую плату всего прихода и не давать бѣгать по улицамъ малымъ ребятамъ, кои еще ни въ какую работу не годятся. Мнѣ кажется, отъ пяти до десяти, а иногда до двѣнадцати лѣтъ могутъ сколько-нибудь грамотѣ научиться и закону.

Не погнѣвайтесь, милостивый государь [1]), что я, не хотя терять времени, черную идею прислать осмѣлился.

БІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ О РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЯХЪ XVIII ВѢКА.

М. Д. Чулковъ. При книгѣ «Записки экономическія, для всегдашняго исполненія въ деньгахъ прикащику, избранныя Михайломъ Чулковымъ» и т. д. (изд. 2-е, 1790) находится слѣдующее «извѣстіе».

Въ книгѣ, названной Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ, напечатанной въ 1772 году, подъ буквою Ч. напечатанная статья: Чулковъ Михайло, Коллежскій Регистраторъ и прочая, надлежитъ быть поправлена и напечатана такъ:

Чулковъ Михайло Дмитріевичъ, Надворный Совѣтникъ, и Правительствующаго Сената Секретарь въ младолѣтствѣ обучался въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, и изучивъ одно токмо начальное основаніе словесныхъ наукъ, взятъ былъ изъ онаго съ прочими по имянному указу и опредѣленъ въ службу, въ которой находяся сочинилъ и напечаталъ слѣдующія книги: 1) Историческаго описанія россійской торговли 7 томовъ, состоящіе въ 21 книгѣ; оные напечатаны по Высочайшему повелѣнію на счетъ Кабинета.

---

[1]) Писано къ И. И. Шувалову. *Ред.*

2) Краткій мифологическій словарь. 3) Словарь русскихъ суевѣрій. 4) И то и сьо, еженедѣльное сочиненіе. 5) Парнаскій щепетильникъ, ежемѣсячное сочиненіе. 6) Славенскихъ сказокъ или Пересмѣшника 5 частей. 7) Собранія разныхъ пѣсенъ 4 части съ прибавленіемъ. 8) Похожденіе Ахиллесово подъ именемъ Пирры до Троянскія осады 1 часть. 9) Пригожая повариха, 1 часть. 10) Плачевное паденіе стихотворцовъ, сатирическая поэма. 11) Наставленіе необходимо нужное для купцовъ, а особливо для молодыхъ людей, 1 часть. 12) Краткая исторія о россійской коммерціи, 1 часть. 13) Словарь учрежденныхъ въ Россіи ярморокъ. 14) Економическія записки для всегдашняго исполненія въ деревняхъ прикащику. 15) Сельскій лечебникъ, или словарь врачеванія болѣзней, бываемыхъ въ родѣ человѣческомъ, въ родѣ скотскомъ, конскомъ и птицъ домашнихъ 3 части. 16) Переводъ прозаическій съ французскаго языка писемъ Петрарка къ любовницѣ его Лорѣ переложилъ въ стихи. *Сочинены, но не напечатаны*: 17) Словарь законовъ, времянныхъ учрежденій, указовъ, суда и расправы Россійскаго государства. 18) Юридическій словарь съ 1762 года Юлія 28 дня. 19) Проектъ трактата между Европейскими Государями для вѣчнаго истребленія въ Европѣ войны. 20) Краткія примѣчанія объ экономическихъ крестьянахъ, обитающихъ около Москвы, во отношеніи нерадѣнія ихъ къ хлѣбопашеству. 21) Словарь земледѣлія, скотоводства и домостроительства, 3 части. 22) Самозванецъ Гришка Отрепьевъ сатирическая Поема въ девяти пѣсняхъ. 23) Проектъ для заведенія купеческаго банка при Санктпетербургскомъ портѣ котораго сумма раздаваема быть должна купцамъ претерпѣвшимъ несчастныя приключенія, и тѣмъ, кои за пониженіемъ цѣны при портѣ не могутъ продать привезенныхъ товаровъ. 24) Двѣ комедіи, первая добродѣльно нерадивый въ 3 дѣйствіяхъ, которой сочинено 1 токмо дѣйствіе и утрачено; вторая какъ хочешь назови, представленная въ Санктпетербургѣ на придворномъ театрѣ неоднократно. 25) Лексиконъ или словарь Россійскаго языка, сочиняемъ былъ обще съ Михайломъ Поповымъ, сочинителемъ книгъ подъ названіемъ *досуги*, котораго словаря до нѣсколько тысячь вокабуловъ собрано было, то-есть именъ и глаголовъ съ ихъ происхожденіями и прочихъ частей грамматическихъ Славенскаго и Рускаго языка; но какъ въ Университетской типографіи напечатанъ былъ листъ словаря Россійскаго языка, а притомъ и объявлено, что уже и весь оный сочиненъ, и мы увидя изъ того листа, что расположеніе въ немъ было точно такъ, какъ мы свое сочиненіе расположили, того ради оставили сіе дѣло и истребили его на всякія ненужности, и можно сказать, что много

стоило труда истребить его, слѣдственно сочинить и еще того больше. 26) И еще многія мѣлкія сочиненія, напечатанныя въ разныхъ книгахъ.

И. Завѣлинъ.

А. О. Аблесимовъ. Въ 1784 году актеръ петербургскаго нѣмецкаго театра Зауервейдъ задумалъ издавать Russische Theatralien, журналъ, посвященный извѣстіямъ о прежнемъ и современномъ состояніи русскаго театра, а также изложенію общихъ понятій о театральномъ искусствѣ. Въ октябрѣ того же года вышла первая (и, кажется, единственная) книжка этого журнала [1]). Въ ней находится (стр. 70—73) слѣдующее письмо изъ Москвы отъ 28 августа 1784 года [2]): «Прежніе антрепренёры московскаго театра

[1]) Мы пользовались экземпляромъ этого рѣдкаго изданія, принадлежащимъ Румянцовскому Музею.

[2]) *Moskau, den 28 August 1784.* Die ehemaligen Entrepreneurs dès Theaters zu Moskau, Fürst Urusoff, und Herr Akuloff, traten 1766 mit Medox, einem Engländer, in Gesellschaft. — Im Iahre 1778 entstand im alten Theater (auf der Snamenka, in dem Hause des Grafen Woronzoff) durch einen Kronleuchter, der zu nahe am Vorhange hieng, mitten in der Vorstellung ein Brand, durch den alles Innere abbrannte. Es verlor aber kein Mensch dabey sein Leben, und die russischen Bedienten thaten sich in Rettung ihrer Herrschafften besonders hervor, wofür ihnen in den Moskowischen Zeitungen Lob und Dank ertheilt ward. — Herr Akuloff war um diese Zeit schon abgetreten, und der Fürst Urusoff überliesz nun die Entreprise des Theaters völlig dem Medox. Dieser zahlte ihm dafür einige tausend Rubel, und dem Grafen Woronzoff die Hälfte der Summe, die sie ihm, laut Contrakt wegen Abbrennung des Hauses zu zahlen schuldig waren. — Um diese Zeit wurden im Hause der Gräfin Soltikoff, zweymal die Woche, von der Kinder-Truppe des Bouschet, und im Hause des Grafen Scheremeteff, von seinen eigenen Leuten, die der Moskowische Akteur Lapin zugestützt hatte, Schauspiele aufgeführt. — Medox hatte unterdessen, durch Sr. Excellenz, den Herrn Geheimde — Rath von Betzkoy, ein Privilegium bekommen, das russische Theater allein zehn Jahre in Moskau halten zu dürfen. Er hatte den Platz vom abgebrannten Hause des Fürsten Labanoff (in der Petrowskischen Strasse an der Schmiedebrücke) gekauft und ein neues Schauspielhaus für 130000 Rubel erbauet, welches er 1780 im August, mit einem Vorspiele vom Verfasser des Müllers, einer russischen national Oper, eröfnen liess. Nächstens will ich Ihnen eine Uebersetzung dieses Vorspiels überschicken. Der Verfasser dieser Oper, die den Moskowischen und Peterburgischen Theatern so einträglich gewe-

князь Урусовъ и г. Окуловъ вошли въ 1766 г. въ компанію съ Англичаниномъ Медоксомъ. Въ 1778 году въ старомъ театрѣ (на Знаменкѣ, въ домѣ графа Воронцова) отъ лампы, висѣвшей слишкомъ близко къ занавѣсу, произошелъ въ самой срединѣ представленія пожаръ, отъ котораго выгорѣла вся внутренность зданія. Но при этомъ никто не лишился жизни и русская прислуга особенно отличилась, спасая своихъ господъ, за что ей изъявлена была похвала и благодарность въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. Окуловъ около этого времени уже не принималъ участія въ компаніи, и князь Урусовъ совершенно предоставилъ содержаніе театра Медоксу. Послѣдній ему заплатилъ за то нѣсколько тысячъ рублей, и графу Воронцову половину той суммы, которую они обязаны были заплатить ему въ силу контракта, за сгорѣвшій домъ. Около этого же времени давались представленія въ домѣ графини Салтыковой, два раза въ недѣлю, дѣтскою труппою Буше и въ домѣ графа Шереметева его крѣпостными людьми, которыми управлялъ московскій актеръ Лапинъ. Между тѣмъ Медоксъ черезъ Е. П. г. тайнаго совѣтника Бецкаго получилъ привилегію на десять лѣтъ одному содержать въ Москвѣ русскій театръ. Онъ купилъ мѣсто сгорѣвшаго дома князя Лобанова (на Петровкѣ, близъ Кузнецкаго моста) и на сумму 130,000 руб. выстроилъ новое зданіе театра, который открытъ былъ въ августѣ 1780 года прологомъ автора народной русской оперы *Мельникъ*. Я перешлю Вамъ вскорѣ переводъ этого пролога. Сочинитель этой

---

sen ist, und dem russischen Publiko so sehr gefallen hat, hies Ablesimoff. Er war Executor bey der Polizey, und starb ohngefähr vor anderthalb Jahr in der grözten Armuth. Er hinterliesz nichts als einen alten zerbrochenen Tisch, mit drey Füszen, vor welchem er, auf seinen über einander geschlagenen Knieen, seinen *Plauderer* (satyrische *Wochenschrift*), den Müller und den Prolog geschrieben hatte. Seine Armuth kann dem Moskowischen Theater nicht zum Vorwurfe dienen; es hat ihm seine Erkenntlichkeit durch verschiedene Aufführungen seiner Oper zu seinem Besten genug bewiesen. Der Druck seiner Wochenschrift hat ihm auch nichts gekostet, und Nowikoff, der den Universitäts-Buchladen zu Moskau nebst der Druckerey in Pacht hat, ein wahrer Liebhaber der russischen Litteratur, ist ihm auch behülflich gewesen. — Er wandte allen seinen Verdienst zur Erziehung seiner einzigen Tochter an. Dieser Ablesimoff war einer von den wenigen russischen Schriftsteller, die den Charakter ihrer Nation völlig verstanden, und sehr viel zu ihrer Belustigung beygetragen haben. In den andern komischen Opern, die wir haben, als dem Amtmann, dem Zerbrochenen Wagen u. d. g. ist noch viel zu viel entlehntes. Im vorigen Jahre wahr dem Medox, von Seiten des Moskowischen Erziehungshauses, die Aufführung verboten. Er gieng nach St. Petersburg und bekam sein Privilegium erneuert.

М — г.

оперы, которая такъ выгодна была московскимъ и петербургскимъ театрамъ, и такъ нравилась русской публикѣ, — Аблесимовъ. Онъ былъ экзекуторомъ при полиціи и умеръ года полтора тому назадъ въ величайшей бѣдности. Онъ не оставилъ послѣ себя ничего, кромѣ стараго изломаннаго стола о трехъ ножкахъ, за которымъ онъ, поджавши подъ себя ноги, писалъ *Разскащика* (сатирическій *еженедѣльникъ*), Мельника и Прологъ. Его нищета не можетъ служить упрекомъ московскому театру, который довольно доказалъ ему свою признательность различными представленіями въ его пользу *Мельника.* Печатаніе еженедѣльника точно также ничего не стоило ему, и истинный другъ русской литературы Новиковъ, который имѣетъ на откупѣ университетскую книжную лавку и типографію, помогалъ также и ему. — Онъ употреблялъ весь свой достатокъ на воспитаніе единственной дочери. Этотъ Аблесимовъ былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ русскихъ писателей, которые вполнѣ понимали характеръ своего народа и сильно содѣйствовали его развлеченію. Въ другихъ комическихъ операхъ нашихъ, Управителѣ, Несчастія отъ кареты и т. п. еще слишкомъ много заимствованнаго. Въ прошломъ году московскій Воспитательный домъ запретилъ Медоксу представленія; онъ отправился въ С. Петербургъ и получилъ возобновленіе своей привилегіи». —

Приведенное письмо, кромѣ біографическаго интереса, важно потому, что указываетъ цѣлый новый томъ сочиненій Аблесимова въ сатирическомъ еженедѣльникѣ «Разскащикъ забавныхъ басенъ, служащихъ къ чтенію въ скучное время, или когда кому дѣлать нѣчево. Стихами и прозою. Въ Москвѣ въ Университетской типографіи у Н. Новикова». Здѣсь напечатаны между прочимъ съ измѣненіями и дополненіями сказки Аблесимова, явившіяся въ свѣтъ въ 1769 году и внесенныя въ смирдинское изданіе его сочиненій, — обстоятельство, доказывающее, что приведенное нами заглавіе дѣйствительно принадлежитъ еженедѣльнику Аблесимова [1]).

Н. Тихонравовъ.

---

[1]) По словамъ г. Булича (Сумароковъ и современная ему критика стр. 272) «есть извѣстіе, что издателемъ «Пустомели» былъ Аблесимовъ». Къ сожалѣнію оно не приведено въ книгѣ г. Булича и, если существуетъ, то вѣроятно имѣетъ источникомъ напечатанное нами письмо и основывается на невѣрномъ переводѣ въ этомъ случаѣ слова *Plauderer* (Пустомели вмѣсто *Разскащика*).

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА.

I. ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

стр.
Русская поэзія XI и начала XII вѣка. *Ѳ. И. Буслаева*. . . . 3
Исторія византійской эмали. *К. К. Герца*. 32
Знакомство Жуковскаго со взглядами романтической школы. *Н. П. Лыжина*. 59

II. МАТЕРІЯЛЫ.

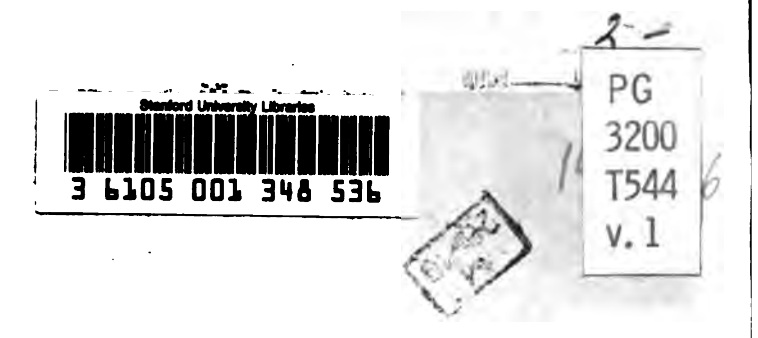
Повѣсть объ Аполлонѣ тирскомъ. Съ предисловіемъ *Н. С. Тихонравова*. 1
Лупидаріусъ. Часть первая. Съ предисловіемъ *Н. С. Тихонравова*. 33
Русскія народныя пѣсни, собранныя *П. И. Якушкинымъ*. Съ предисловіемъ *Ѳ. И. Буслаева*. 69
Альбомъ Н. М. Карамзина. Съ предисловіемъ *Н. П. Лыжина*. 161

III. СМѢСЬ И БИБЛІОГРАФІЯ.

Трагедокомедія Варлаама Лащевскаго о118мздѣ въ будущей жизни. Съ предисловіемъ *Н. С. Тихонравова*. 3
Петрида или описаніе стихотворное смерти Петра Великаго, императора Всероссійскаго, Кн. Антіоха Кантемира. 16
Вопросные пункты, предложенные Н. И. Новикову митрополитомъ Платономъ. 23
Библіотека и кабинетъ графа Я. В. Брюса. *И. Е. Забѣлина*. 28
Мысль Волынскаго объ учрежденіи университета въ Россіи. *Н. П. Лыжина*. 63
О новгородскихъ Макарьевскихъ Четіихъ-Минеяхъ. Замѣтки *Преосвященнаго Макарія*, епископа тамбовскаго и шацкаго. 68

стр.

Православный Собесѣдникъ, издаваемый при казанской духовной академіи. 1858 годъ. Статья первая (Памятники древне-русской духовной письменности) *Ѳ. И. Буслаева.* 74
Zeitschrift für deutsches Alterthum, herausgegeben von Moritz Haupt. Elften Bandes zweites Heft. *А. Н. Веселовскаго* 102
Les Scythes, les ancêtres des peuples germaniques et slaves: leur état social, morale, intéllectuel et réligieux; ésquisse ethnogénéalogique et historique par Bergmann. *А. А. Котляревскаго.* 121
Дополнительныя свѣдѣнія объ исторіи Остромірова Евангелія. *Г. Д. Филимонова* 144
Письмо преосвященнаго Іова, митрополита новгородскаго къ архимандриту Ѳеодосію. Сообщено *Д. И. Иловайскимъ.* 153
Вознагражденіе за ученый трудъ въ XVII вѣкѣ. Сообщено *С. М. Соловьевымъ* 159
Письмо самозванца Тимошки Акиндинова къ дворянину Василію Унковскому. Сообщено *С. М. Соловьевымъ.* . . 160
Повѣсть, какъ приходилъ греческій царь Василій подъ Вавилонъ градъ 161
Николай угодникъ и Касьянъ угодникъ. Народная сказка, сообщенная *П. И. Якушкинымъ.* 166
Jahrbuch für romanische und englische Literatur, herausgegeben von Dr. Adolph Ebert (1859, № 1—3) *Ѳ. И. Буслаева.* 167
Повѣсть о прѣніи живота съ смертію. *Н. С. Тихонравова.* . . 183
Записки Ломоносова къ Штелину. 193
Объ обязанности духовенства. Записка Ломоносова. 197
Замѣтки о старинѣ и народности. *Ѳ. И. Буслаева.* 149
Біографическія замѣтки о русскихъ писателяхъ XVIII вѣка (М. Д. Чулковъ. А. О. Аблесимовъ). *И. Е. Забѣлина* и *Н. С. Тихонравова.* 200

Stanford University Libraries
3 6105 001 348 536
PG
3200
T544
v. 1